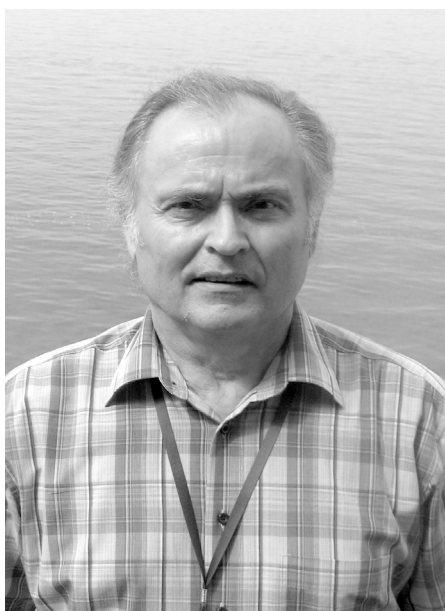

**HUMANIORA:
SLAVICA TARTUENSIA**

IX

UNIVERSITAS TARTUENSIS
TARTU ÜLIKOOL • ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Slaavi filoloogia õppetool • Кафедра славянской филологии
Международная комиссия по славянским микроязыкам
при Международном Комитете славистов

HUMANIORA: SLAVICA TARTUENSIA IX

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МАЛЫХ И БОЛЬШИХ
ЯЗЫКОВ**

К 70-летию
профессора Александра Дмитриевича Дуличенко

ТАРТУ 2011

Редактор серии *Humaniora: Slavica Tartuensia* А. Д. Дуличенко

Редактор IX тома И. В. Абисогомян

Макет: Р. Э. Романчик

Международная редакционная коллегия: Ирина В. Абисогомян (Tartu), Светлана Б. Евстратова (Tartu), Werner Lehfeldt (Göttingen), Валерий М. Мокиенко (С.-Петербург – Greifswald), Michael Moser (Wien), Наталья А. Нечунаева (Tallinn), Олег В. Никитин (Москва), Gerd Hentschel (Oldenburg)

Редакция серии *Slavica Tartuensia*: Estonia, 50090 Tartu, Näituse, 2–215, Tartu Ülikooli Slaavi filoloogია õppetool. Prof. dr. Aleksandr D. Dulichenko.

E-mail: aleksd@list.ru, aleksander.dulitsenko@ut.ee

Все статьи настоящего сборника прошли предварительное рецензирование
Kõik kogumiku materjalid on läbinud eelretsenseerimise
All manuscripts were peer reviewed

Юбилейный сборник содержит статьи, посвященные различным аспектам современной славянской филологии: это вопросы общего, исторического и сравнительно-типологического языкознания, рассмотренные преимущественно на славянском материале; (социо)лингвистические аспекты формирования и развития славянских микроязыков; культурно-историческое пространство больших языков современной Славии. Статьи касаются таких языков, как русский, украинский, польский, чешский, словацкий, сербско-хорватский, словенский, а также старославянско-церковнославянский. Кроме того, часть работ посвящена вопросам югославо-русинского (южнорусинского), карпаторусинского, кашубского микроязыков, а также экспериментам по созданию силезского и горанского микроязыков. Предваряют том статьи о юбилеяре, а также библиография его последних публикаций (за 2006 – нач. 2011 гг.)

Настоящий том сборника *Humaniora: Slavica Tartuensia* издан при финансовой поддержке декана философского факультета Тартуского университета, горуправы г. Тарту и недоходного объединения «Национальный комитет славистов Эстонии».

Авторские права: авторы статей и редактор тома, 2011

ISSN 1406–3522

ISBN 978–9949–19–892–4

Tartu Ülikooli Kirjastus/ Tartu University Press

Tartu, Eesti/ Estonia

www.tyk.ee

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
--------------------------	---

I. О юбиларе

Кузнецов Сергей Николаевич (Москва). Дороги, которые мы выбираем	11
Рамач Юлиан (Нови Сад). Проф. др Александер Д. Дуличенко и руска (южноруска) микрофилология	25
Ressel Gerhard (Trier). Laudatio anlässlich der feierlichen Verleihung der Ehrendoktorwürde (Dr. phil. h. c.) der Universität Trier an Prof. Dr. Aleksandr Dmitrievič Duličenko	33
Поздравление из села Гара Векил (Туркмения)	39
Поздравление из Самаркандского университета	40
Бушуй Анатолий Михайлович (Самарканд). Из воспоминаний о самаркандском периоде деятельности профессора А. Д. Дуличенко (1968-1970 гг.)	42
Публикации проф. др. А. Д. Дуличенко за 2006–2011 гг. (с дополнениями за 2004–2005 гг.)	45

II. Вопросы общего, исторического и сравнительно-типологического языкознания

Мокиенко Валерий Михайлович (Санкт-Петербург). Бисер или розы?	55
Uhlik Mladen (Ljubljana). Проблема языкового родства и ных языков в свете трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф.Ф. Фортунатова	69

Kuße Holger (Dresden). Jan Baudouin de Courtenay und die korrelative Sprachbeschreibung	86
Шайбакова Дамина Дисингалеевна (Алматы). Вариативность в языке и варианты языка	103
Zeman Jiří (Hradec Králové). Jazyky v kontaktu — transfonemizace	113
Künnap Ago (Tartu). Под каким языковым влиянием образовался русский партитив на -у?	121
Lewaszkiewicz Tadeusz (Poznań). Tendencje integracyjne/ unifikacyjne i dezintegracyjne w historii języków słowiańskich	124
Bierich Alexander (Heidelberg) Kultursemantische Aspekte des slavischen Wortschatzes (am Beispiel des Polnischen, Tschechischen, Russischen, Kroatischen/ Serbischen)	137
Zoltan Andras (Budapest). Почему <i>Witebsk</i> , а не * <i>Wiciebsk</i> , или почему поляки называют белорусские города по-украински?	150
Темчин Сергей Юрьевич (Vilnius). Кирилло-мефодиевская переводная гомилия на праздник Преполовления Пятидесятницы ...	155
Нечунаева Наталья Алексеевна (Tallinn). Рукопись Миней Соф. 203 XII в. из собрания РНБ как текст и список	167

III. Микроязыки современной Славии: (социо)лингвистические аспекты формирования и развития

Dunn John (Glasgow – Bologna). Славянские языки и «Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств»	176
Герд Александр Сергеевич (Санкт-Петербург). Миноритарные языки в свете тенденций современного этноязыкового развития ...	185
Тамаш Юлиан (Нови Сад). Поетика и индивидуални розлики генераций (Одвит на питане «чийо ви дзеци»)	192
Рамач Юлиан (Нови Сад). Прикметніки зоз суфиксом <i>-ов(u)</i> у южноруским языке	205
Фейса Михал (Нови Сад). Мена и презвиска войводинских Руснацох	213
Рамач Янко (Нови Сад). Рукописни хроніки Руского Керестура з 18. и 19. века	222

Moser Michael (Wien). Прощання з українством: декілька завваг про мовну історію русинів за влади Міклоша Гортія	231
Капраль Михал (Nyíregyháza). Русинская лексикография XXI века (к становлению и развитию литературных микроязыков)	252
Климчук Федор Данилович (Минск). Берестюки-загородцы: численность в мире	268
Романчик Ромаш Эрленд (Tartu) Анализ отклонений как инструмент выявления нормы. На материале проекта кашубского литературного языка Ф. Цейновы	280
Kamusella Tomasz, Rocznik Andrzej (Kraków). Sztandaryzacyjo ślōnski godki/ Standaryzacja języka śląskiego	288
Steinke Klaus (Erlangen – Krakow). Goranisch (Idiom einer slavischen Minderheit in Albanien)	295
Колева Красимира (Шумен). Культурно-языковое пространство горанов в Косово	302

IV. Культурно-историческое пространство больших языков Славии

Čmejrková Světlá (Praha). Česká jazyková situace a teorie diglosie ..	312
Абисогомян Ирина Валерьевна (Tartu). Национально-языковая ситуация в Чехии эпохи национального Возрождения и события ее отражения в словаре	324
Ondrejovič Slavomír (Bratislava). Jazyková norma z pohľadu slovenskej sociolingvistiky	334
Табакова Ирина Юрьевна (Narva). Звуковые аббревиатуры польского языка: анализ производящих синтаксических структур	342
Torkar Silvo (Ljubljana). Rebusi v slovenski onomastiki	353
Богданова Наталья Николаевна, Бурдакова Ольга Николаевна (Tartu – Narva). О современном состоянии одного из непродуктивных морфологических классов глаголов	363
Щаднева Валентина Петровна, Паликова Оксана Николаевна (Tartu). Труд в системе социально-религиозных представлений староверов западного Причудья (на материале говора)	376

Ильясова Светлана Васильевна, Руденко Ольга Юрьевна (Ростов-на-Дону). Феномен иноязычности в современном русском языке (на материале языка современных российских СМИ)	390
Евстратова Светлана Борисовна (Tartu). Речевые особенности русскоязычных телепередач в Эстонии	398
Костанди Елизавета Ильмаровна (Tartu). Иноязычные вкрапления в разговорной речи диаспоры	409
Бушуй Алексей Михайлович (Самарканд). Устойчивые словесные комплексы в русских переводах узбекских волшебных сказок	419
* * *	
Базылев Владимир Николаевич (Москва) Синэстемичность русской литературы	427
Королева Ирина Александровна (Смоленск). Польское шляхетство в истории Смоленского края	432

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник издан к 70-летию юбилею профессора Тартуского университета Александра Дмитриевича Дуличенко¹.

Первый раздел сборника посвящен юбиляру: тексты поздравительных писем от коллег и учеников средней школы № 4 села Гара Векил в Туркмении, где юбиляр начинал свою учебно-научную деятельность, а затем продолжил ее в Самаркандском университете, статьи С.Н. Кузнецова, Ю. Рамача, Г. Ресселя и А.М. Бушуя.

Во втором разделе книги «Вопросы общего, исторического и сравнительно-типологического языкознания» помещены работы В.М. Мокиенко, А. Кюннапа, А. Бириха, Х. Куссе, Т. Левашкевича, М. Ухлика, Й. Земана, А. Золтана и др. В разделе «Микроязыки современной Славии: (социо)лингвистические аспекты формирования и развития», посвященном малым славянским языкам, представлены статьи А.С. Герда, Дж. Данна, К. Штайнке, Ю. Тамаша, Ю. Рамача, М. Фейсы, Я. Рамача М. Мозера, Р.-Э. Романчика и др. Последний раздел «Культурно-историческое пространство больших языков Славии» содержит статьи С. Чмейрковой, С. Ондрейовича, С. Торкара, И.В. Абисогомян, И.Ю. Табаковой, С.Б. Евстратовой и др. Таким образом, в сборнике нашли отражение работы, касающиеся общего, исторического, сравнительно-типологического языкознания, а также исследования по югославо-русинскому (южнорусинскому) и общерусинскому, кашубскому, силезскому, горанскому и др. микроязыкам, по русскому, чешскому, польскому, словацкому, словенскому и др. языкам, что так или иначе связано с научной деятельностью юбиляра.

¹ См. первый сборник: *Микроязыки. Языки. Интерязыки. Сборник в честь ординарного профессора А.Д. Дуличенко*. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006, 576 с.

І. О ЮБИЛЯРЕ

Сергей Николаевич Кузнецов
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

— Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу.

— По-моему, было бы то же самое, — философски ответил Боб Тидбол. — Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

О. Генри. Дороги, которые мы выбираем.

С Александром Дмитриевичем Дуличенко, которого я дальше буду называть АД (а себя — СК), я разделяю честь быть сооснователем Тартуско-Московской школы интерлингвистики (не путать с одноименной семиотической школой!). В юбилейный для АД год я позволю себе несколько воспоминаний о том, как пролагались наши пути к науке и друг к другу, а значит и к основанию поименованной школы, которая изначально могла бы претендовать на название не Тартуско-Московской, а скорее Московско-Ашхабадской!

СК о себе

Время, когда я учился в школе (1952—1962), соприкосновения с иностранными языками были самые незначительные, да и необходимость в них особенно не ощущалась. Недостаток практических стимулов восполнялся стимулами романтическими — их в изобилии поставляла художественная литература. Александр Дюма и Жюль Верн вырастили особую породу демонических героев, которые славились удивительной способностью говорить на множестве языков.

Граф Монте-Кристо горделиво заявлял: «Державы царей ограничены — либо горами, либо реками, либо чуждыми нравами и обычаями, либо иноязычьем. Мое же царство необъятно, как мир, ибо я ни итальянец, ни француз, ни индус, ни американец, ни испанец — я

космополит. Ни одно государство не может считать себя моей родиной, и только богу известно, в какой стране я умру. Я принимаю все обычаи, я говорю на всех языках».

Под стать графу был и капитан Немо, подчинивший себе не только океанскую стихию, но и стихию языка: «Он изъяснялся по-французски совершенно свободно. Произношение его было безукоризненно, слова точны, манера говорить обаятельна». Столь же свободно капитан владел английским, немецким, латинским, новогреческим, да вдобавок еще и каким-то «странным неизвестным наречием», на котором он общался с командой подводного корабля. В библиотеке капитана «книги были расставлены в алфавитном порядке, независимо от того, на каком языке они написаны; видимо, капитан Немо свободно владел всеми языками».

Какими способами было приобретено это умение говорить на «всех языках», да к тому же без всякого акцента, знаменитые писатели умалчивают. Однако на мальчишку, запоем читавшего приключенческую литературу, граф и капитан повлияли самым решительным образом. Я твердо заявил семейным, что буду знать все языки и в доказательство налег на английский. В этом языке оказалось чудовищное количество трудностей — от нелепого произношения, которое заставляло искать приличную замену межзубным звукам, до сурового синтаксиса, который требовал армейской точности при раскладке слов по позициям. Для овладения ими я чертил геометрические схемы порядка слов, и теперь меня не оставляет тайное подозрение, что тема моей позднейшей докторской диссертации (о позиционном синтаксисе) была в конечном счете навеяна именно этим детским опытом.

Однажды моя учительница английского языка, похвалив очередную схему — и тем самым невольно определив мою дальнейшую профессиональную жизнь, откомандировала меня на Кузнецкий мост (где тогда располагался единственный в Москве магазин иностранной книги). Мне было поручено купить английские словари. Нужных словарей в продаже не было, но без трофея я все же не вернулся: мне попалась на глаза (и была мною тотчас куплена) невзрачная брошюрка, отпечатанная на скверной бумаге «Обществом по распространению политических и научных знаний РСФСР». Называлась брошюрка так: *Н.Д. Андреев. Международный вспомогательный язык эсперанто. (Краткая грамматика и словарь-минимум)*.

Ленинград, 1957. Грамматика занимала в ней 7 страниц, эсперанто-русский словарь-минимум — 14 страниц, русско-эсперантский словарь-минимум — целых 18 страниц.

По какой-то причине я отметил в дневнике дату покупки — 23 апреля 1959 г.; эту дату я теперь считаю началом своей лингвистической деятельности. Нечего и говорить — день действительно оказался судьбоносным: именно эта книжка приведет меня к интерлингвистике, к встрече с АД и к созданию вышеупомянутой школы!

Между тем колдовского воздействия на судьбу приобретенная брошюрка ничем не предвещала. Ее непритязательный вид вполне оправдывал мизерную цену, за которую она продавалась (90 копеек). Содержание же брошюрки вполне соответствовало внешнему виду: она явно готовилась в большой спешке и выдавала небрежность редактуры — ошибки вкрались даже в алфавит эсперанто (составитель забыл букву *D*, а произношение буквы *P* спутал с произношением *R*!).

Я и не знал тогда, что держу в руках чуть ли не музейную ценность — свидетельство эпохального перелома в жизни страны. В чем состоял этот перелом, в полной мере открылось лишь теперь — когда история удалилась от событий на расстояние, достаточное для оценок. Нечего и говорить, что четырнадцатилетний подросток, каким я был в 1959 г., не имел об этом ни малейшего представления.

Брошюра вышла в свет почти за два года до того, как она попала мне на прилавке магазина. Издал ее 37-летний языковед Николай Дмитриевич Андреев, тогда кандидат филологических наук, живший в Ленинграде. Это был весьма своеобразный человек, не лишенный авантюрной жилки. В 1950 г. (год лингвистической дискуссии, проведенной по указанию и с участием Сталина!), когда эсперанто и другие искусственные языки были под строжайшим запретом, как проявление троцкистской идеологии (международный язык считался идейно родственным перманентной революции Троцкого), Н.Д. Андреев, не страшась криминала, сочинил проект искусственного языка *ANTPO* (эти буквы не латинские, а греческие, так что читаются [антро]). Этот проект он не скрывал от коллег-языковедов: экземпляр рукописи, посвященной *ANTPO*, был им подарен кавказоведу и эсперантологу Е.А. Бокареву. Видимо, и в последующие годы Андреев не оставлял своего детища: иначе чем можно объяснить,

что в брошюрке 1957 г. букве *P* приписано произношение *R* — как в *АНПРО*!

Сама же брошюра появилась при следующих обстоятельствах. Летом 1957 г. в Москве состоялся VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов (он проходил с 28 июля по 11 августа). Современники запомнили этот фестиваль как историческое событие, впервые пробившее брешь в глухом «железном занавесе», отделявшем СССР от остального мира: в Москве в одночасье собралось более 34 тысяч гостей из 131 страны мира, в том числе из Западной Европы и Америки. Советские люди, прежде за версту обходившие любого иностранца, неожиданно увидели на расстоянии протянутой руки представителей всех континентов, рас, религиозных и политических взглядов. В Москве стали происходить невиданные вещи: в магазинах появились импортные товары, в киосках — зарубежные газеты, была открыта выставка абстракционистов, зазвучали джазовые оркестры, открылся свободный вход в Кремль. Участники фестиваля прошли Маршем мира по Первой Мещанской улице, получившей с тех пор название «Проспект Мира». В небо одновременно взмыли 34 тысячи голубей, специально выращенных к фестивалю.

Прорыв в зарубежный мир сопровождался прорывом в космос: 3 августа был произведен запуск межконтинентальной ракеты, предваривший начало *космической эры* (через два месяца, 4 октября, будет запущен первый искусственный спутник Земли). Свидетели тех событий вспоминают фестивальные дни как время всеобщей эйфории — неподдельной радости, чувства всемирного братства, ожидания необыкновенных космических свершений...

И только одно разделяло участников фестиваля — языковой барьер. Службам, отвечавшим за чистоту советской идеологии, нечего было беспокоиться: от чуждых влияний советские люди были надежно ограждены собственной лингвистической немотой — неспособностью общаться на иностранных языках без переводчика. Лишь одна категория советских граждан не нуждалась в переводчиках — это были эсперантисты, выжившие после чисток 1930-х гг. или вновь изучившие эсперанто.

Именно для подготовки новых эсперантистов и предназначалась брошюра Н.Д. Андреева, выпущенная немислимым для нашего времени тиражом — 95 тысяч экземпляров. Этот тираж почти вдвое превышал число зарубежных участников фестиваля! Но смогли ли

тогдашние эсперантисты реально воспользоваться брошюрой Н.Д. Андреева? В выходных данных имеются следующие сведения о ней: подписано к печати 19 июля 1957 г. (т.е. за 9 дней до начала фестиваля), напечатано в типографии гор. Сортавала, Карельская АССР. Если даже тираж успели в авральном порядке напечатать, вряд ли смогли к началу фестиваля доставить его из Карелии в Москву, а уж о том, чтобы изучить по этой книжке язык эсперанто и потом общаться с участниками фестиваля, — говорить вообще не приходится. Учебник сыграл иную роль: символическую (он обозначил рубеж, за которым началась эрозия тоталитарной языковой политики) и просветительскую — со знакомства с ним вступило в жизнь первое послесталинское поколение советских эсперантистов.

Учебник Н.Д. Андреева привлек к эсперанто и будущих российских интерлингвистов. АД и СК были в их числе.

Почему же столь незначительная по объему и уровню исполнения публикация смогла произвести столь большое воздействие на настроение умов и даже на выбор профессии? Не могу говорить за АД, но в моем случае дело обстояло следующим образом.

Естественные и искусственные языки, как мне неоднократно приходилось убеждаться, по-разному взаимодействуют с психологическими составляющими человеческой личности. Изучая естественный язык, язык другого народа, приходится делать основную ставку на *память* (нужно изучить и запомнить не только допустимые в данном языке слова и обороты, но и многочисленные языковые запреты и исключения из правил). Любые сомнения можно разрешить только одним способом — обратившись к *внешнему авторитету* (носителю изучаемого языка). Привнести в изучаемый язык что-либо свое, расходящееся с традициями этого языка, совершенно невысказано, даже если бы новация имела самые разумные основания. Успех в изучении естественного языка тем выше, чем больше изучающий *подчинит самого себя* духу и традициям этого языка.

Другое дело при изучении искусственного языка (типа эсперанто). Изучающему не нужно изолировать память: грамматика и словарь языка уместаются на немногих страницах. Однако требуется постоянно тренировать свою *творческую способность*, производя новые слова или изобретая обороты, которые лучше всего передают мысль. Овладевая искусственным языком, изучающий мало-помалу превращается в его хозяина, будучи единственным источником но-

ваний (отсюда опора не на внешний, а на *внутренний авторитет* — языковое чутье изучающего). Новации не только не запрещаются, но прямо необходимы для нормального функционирования такого языка. Успех в изучении искусственного языка тем выше, чем больше *изучающий подчинит себе этот язык* и станет для него законодателем.

Ключ к сопоставлению двух языковых стихий я и получил, когда приобрел учебник Н.Д. Андреева: последовавшие увлеченные занятия одновременно английским и эсперанто (к которым вскоре прибавились другие языки) наталкивали на такие выводы, какие нельзя получить никаким иным путем. Именно поэтому с даты приобретения брошюры Н.Д. Андреева я и отсчитываю свое профессиональное самоопределение.

Все рассказанное мне пришлось вспомнить в год столетия эсперанто — в 1987 г. К тому времени, благодаря брошюре Н.Д. Андреева, основательно изученной мною еще в 1959 г., я мог числить себя эсперантистом уже 28 лет. Я успел защитить две диссертации — кандидатскую и докторскую (в Эстонии этих названий уже нет: кандидатская стала там докторской, а наша докторская в европейских странах называется хабилитационной); обе диссертации были посвящены отнюдь не эсперанто, а вполне «естественному» датскому языку. Как раз в 1987 г. в Берлине должен был проходить очередной (XIV) Международный конгресс лингвистов. Организаторами конгресса были, разумеется, хозяева — языковеды ГДР, однако советская сторона также активно участвовала в его подготовке. Работая тогда в Институте языкознания АН СССР, я написал несколько докладных записок, предлагая включить в программу конгресса также проблематику интерлингвистики и эсперантологии. Эти предложения были приняты (не в последнюю очередь благодаря содействию чл.-корр. В.Н. Ярцевой); с немецкой стороны возражений не поступило, и было решено провести в рамках конгресса специальный круглый стол по плановым языкам и интерлингвистике под руководством Д. Бланке и Р. Лёча с немецкой стороны, и С.Н. Кузнецова — с советской. Я был включен в состав делегации, направленной на конгресс. Каково же было мое удивление, когда, отправляясь в Берлин, я оказался в одном купе с Н.Д. Андреевым — моим невольным крестным отцом по части эсперантологии и интерлингвистики. Я, конечно, не преминул рассказать ему, какое значение имела для

меня брошюрка 1957 г., отпечатанная в Карелии на скверной желтоватой бумаге.

Об АД

АД родом из благодатных южных краев: он родился 30 октября 1941 г. и провел детство в поселке Высоком Краснодарского края. Интерес к языкам проявился у него очень рано, но, как и у меня, главную роль сыграл тут не практический, а романтический контекст. АД вспоминает (привожу цитаты из писем АД, написанных мне в разные годы):

«Что касается языков и лингвистики, то, конечно, мое обращение в эту сторону было совершенно случайным... Сам уже не раз задавал себе такой вопрос: когда и почему?

Может, толчком послужило то, что мальчишкой я был очень любознательным. И всегда пытался докопаться до глубин тайны, до глубин непонятных мне вещей. Помню, как в далеком детстве, еще в дошкольном возрасте, рассматривал учебник всемирной истории моей сестры. Это было во второй половине 40-х гг., вскоре после Великой Отечественной войны. Картинки в учебнике, хотя и скромные, черно-белые, но единственные, которые были доступны мне в ту пору. Запал такой момент: смотрю на изображение какого-то индийского средневекового князя, внимательно рассматриваю и думаю: а на каком языке он говорил? Ведь, как и мы, он общался, но как? И какой же это должен был быть страшно непонятный и фантастический язык?! Мысль увлекла тем более, что в том далеком селе, где я родился и вырос, никакой иностранной речи не было — только в кино».

Осенью 1949 г. АД пошел в школу. Воображение по-прежнему продолжало рисовать ему загадочный и манящий мир восточных языков:

«Непонятно-языковое было для меня тайной, о которой никому не говорил и над которой временами размышлял. На уроках родного языка, а затем и иностранного мне было особенно интересно. Западные языки — близки, а вот что в этом плане там, далеко на Востоке?! И стал бредить восточными языками. Но говорить об этом кому-либо или советоваться с кем-либо было невозможно: никого не было рядом, да и никто бы меня не понял, так как вокруг были обычные перспективы у тех, кто заканчивал школу, — ‘идти в агрономы, зоотехники, учителя и инженеры’. Это в лучшем случае. Кто бы меня понял с такими фантастическими бреднями?! Я вел дневник жизни и только ему доверялся. К окончанию

школы поставил цель поступить на востфак. Но пропаганда по радио и в газетах в те 50-е гг. была настолько оголтелая — ‘только самые достойные, только самые знающие’ должны поступать в вуз! — что я поверил этому и, воспользовавшись, что к нашим соседям приезжала на лето с детьми и мужем их сестра-учительница из Туркмении (из Ашхабада), решил сначала поискать восточного счастья на Советском Востоке: мол, сначала изучу, например, туркменский язык, а потом поеду в Ленинград на востфак. Увы, это был шаг в сторону от мечты!».

Среднюю школу АД пришлось заканчивать в станице Новоалексеевской, в пяти километрах от поселка Высокого. Здесь и произошло знакомство АД с эсперанто — источником послужила все та же брошюра Н.Д. Андреева, о которой писалось выше:

«Об эсперанто узнал классе в 8–9-м, когда в школьной библиотеке станицы Новоалексеевской (куда из поселка Высокого ходил каждый день в течение трех лет пешком около 5 км туда и столько же назад) случайно обнаружил известную тебе брошюру Андреева. Наверное, это было в 1958 году!».

Вот, оказывается, куда попала основная часть тиража этой брошюры: ее разослали по школьным библиотекам, где только самые пытливые из учеников смогли ее обнаружить! Для АД это была счастливая находка: эсперанто, слившись с мечтой о восточных языках, послужил окончательному определению профессии (как похоже на то, что было со мной!).

Окончив в 1959 г. школу и оказавшись в Ашхабаде, АД снова задается вопросом, куда все же направиться — остаться в Ашхабаде или ехать в Ленинград? Он не сразу сделал свой выбор. Неожиданные обстоятельства склонили чашу весов в пользу Ашхабада:

«Почему же я не поехал в Ленинград? Перед поступлением в университет я пару месяцев работал рабочим в экспедиции Института геологии АН ТуркменССР в Кугитанг-Тау — это на узбекско-туркменской границе, у самого Афганистана, на самом юге СССР, высоко в горах. Однако когда я оттуда отправился в Ашхабад, чтобы взять документы и получить деньги за работу, случилось непредвиденное: не оказалось тех людей, которые бы выдали мне заработанные деньги. А без них ехать на другой конец страны?!... Так я остался в Ашхабаде и, чтобы не терять времени, поступил на филфак».

Филологический факультет Туркменского университета (в Ашхабаде) имел русское отделение, на котором и учился АД. Одновременно

он овладел эсперанто и стал преподавать его студентам-однокурсникам.

«От эсперанто пришел в студенческие годы к интерлингвистике — перекопал всю литературу 20-30-х гг. обо всем этом, что была в Республиканской библиотеке им. К. Маркса (получала обязательный экземпляр). Потом от русского языка — к другим славянским, прежде всего к языкам Югославии: сначала сербско-хорватский, потом открыл для себя микроязык — югославо-русинский».

Сфера профессиональных интересов АД обретает все более четкие очертания. Он находит поддержку старших коллег:

«Мой выбор заняться разгадкой тайн человеческого языка и языков человечества поддержал в ту тяжелую для меня пору этнограф Сергей Михайлович Демидов, сотрудник Института этнографии АН Туркменской ССР. Человек увлеченный и преданный своей науке. Его интересы распространялись и на языки. Он знает, кроме туркменского, немецкий, персидский, турецкий и некоторые другие.... Контакты с ним сохраняются по сей день... Но когда в 1965 г. мне попала в руки югославо-русинская газета 'Руске слово' ('Русинское слово') — прислал приятель по переписке из Югославии, я с удивлением обнаружил, что об этом языке нет никаких сведений ни в одном советском славистическом издании! Я обратился письмом к Никите Ильичу Толстому, он с готовностью откликнулся — и так все закружилось... Снова случай...».

Случай? Везение? Если верить АД, то счастливые случайности и далее не обходили его. Вот что он пишет в послесловии к своей книге «Славянские литературные микроязыки» (Таллин, 1981, с. 320):

«Пятнадцать лет назад, в 1965 г., автору этой книги, тогда еще студенту последнего курса университета, почти случайно попало в руки редкое издание — номер газеты 'Руске слово', выходящей на языке русин Югославии в небольшом воеводинском селе Руски Керестур. Попытка идентифицировать письмо и сам язык газеты с известными славянскими языками не дала никаких результатов. Это обстоятельство побудило обратиться за консультацией к лучшему в нашей стране знатоку языков и языковой ситуации Югославии проф. Н.И. Толстому. Видный славист не только 'разгадал загадку', но и подтолкнул к занятиям этим языком, поверив в серьезность почти случайно возникшего интереса. Так проблематика, стоявшая незамеченной на периферии славистики, стала одной из основных в сфере научных занятий автора этих строк. Работа была начата в университете в Ашхабаде, продолжена в Самаркандском и завершена в Тартуском университете, где (снова счастливое обстоятель-

ство) судьба свела автора книги с крупнейшим языковедом и полиглотом акад. П.А. Аристэ, в беседах с которым 'микроязыковые представления' автора расширились за счет знакомства с микронародностями и языками финноугорского и, шире, европейского этно-языкового ареала. Память с благодарностью хранит все, что связано с этими двумя именами».

Нет, не верится в череду «счастливых обстоятельств», о которых рассказывает АД. Ведь нет ничего более закономерного, чем случайности — ибо случайности складываются в определенную (хотя и не сразу угадываемую) траекторию.

События жизни АД (как и события моей жизни) вполне это подтверждают. Проучившись положенные пять лет (1961–1966), АД получил диплом с отличием по специальности «русская филология» и был направлен учителем русского языка в среднюю школу аула Гара Векил (в Ашхабадской области). Здесь АД провел в общей сложности восемь лет (1966–1968, 1970–1976), с перерывом в два года (1968–1970), когда он работал ассистентом кафедры общего и русского языкознания Самаркандского университета в Узбекистане.

Село Гара Векил ('черный гонец') представляло собой туркменский аул, затерянный в каракумской пустыне (по-туркменски *Гара-гули* — 'черный песок'). Нестерпимая жара летом (все долгое лето на небе ни облачка), морозная с оттепелями зима, расцветающая прелестными нежными красками весна... Но большую часть года глаза открываются бескрайние серо-бурые просторы, барханы и солончаки, заросли саксаула... Живность — типичная для пустыни: змеи, грызуны, степные черепахи, скорпионы...

Но АД не чувствовал себя «черным гонцом» в «черных песках». В воспоминаниях АД о Гара Векиле сквозит явная ностальгия, которую только подчеркивает контраст с нынешней его «европейской» жизнью:

«Боже, как это было порою непросто в тех далеких условиях, в которых я многие годы находился. Но я ни о чем не жалею! Может, сделал бы в науке больше и посolidнее, если бы жил в столицах или вблизи них, — может! Но кто бы дал мне те никогда не забываемые среднеазиатские годы исканий и постижений?! Кто?! Если не я сам! Свет той далекой звезды — пустынного села Гара Векил — так и вспыхивает время от времени здесь, в моем уже европейском далеке! Сколько раз вспоминал я Гара Векил и Кара Кумы, находясь в Геттингене и Гейдельберге или в Париже и Торонто!».

Там, в глухом туркменском ауле, АД начинает беспримерное дело: он ставит себе цель собрать профессиональную (т.е. максимально полную) библиотеку по общему языкознанию, славистике и интерлингвистике. И эту цель (перед которой у всякого другого опустились бы в бессилии руки) АД осуществляет настойчиво, последовательно и чрезвычайно успешно: в годы, когда даже столичные книжные магазины не могли ничего предложить взыскательному читателю, АД заполняет полки своей библиотеки уникальными изданиями, полученными со всего света.

По адресам славистов и эсперантистов рассылаются бесчисленные просьбы о присылке материалов и книг. Просьбы эти в большинстве случаев выполняются. Получаемая ответная почта иногда приобретает просто пугающие размеры. Но письма и бандероли не сразу попадали в Гара Векил. Вот как это происходило:

«... когда я жил в Кара Кумах — это примерно в 210 км на юго-восток от Ашхабада, нужно было добираться автобусом или поездом ‘Красноводск — Ташкент’ или ‘Ашхабад — Москва’ (которых с эпохи ‘самостийности’ уже не существует!) до станции Теджен (районный городок), а оттуда автобусом или как-то иначе еще примерно 50 км до села Гара Векил. Там было почтовое отделение. Однако международную почту я получал на Ашхабад (аб. ящ.), т.к. это было надежнее.

Примерно раз в месяц, иногда чаще, кто-то из моих знакомых, но больше одна из однокурсниц Лариса Мирошникова (она тоже работала в Кара-Кумах по окончании университета, но потом, отслужив несколько лет, вернулась в Ашхабад и работала в издательстве Туркменской АН), приходили на главпочтамт Ашхабада, выгребали всю скопившуюся почту (а она при таком редком отборе не всегда вмещалась в ящике, потому работница Валя держала для этого специальный бумажный мешок, куда складывала остальное) и, упаковав в бумажные посылки, отправляли мне в Гара Векил. Какое-то время этим занимался также мой давний приятель Сергей Михайлович Демидов... Тогда, в те годы, это шло ко мне 3–5 дней.

Однако когда я сам бывал в Ашхабаде, то, разумеется, забирал всю почту, обычно в бумажном мешке, и волочил ее по Ашхабаду до автоили ж/д вокзала, чтобы сесть на автобус или поезд. А когда после летних отпусков возвращался из Европы [имеется в виду, конечно, европейская часть СССР — в Европе АД живет сейчас. — *Прим. СК*], меня, как правило, ждали в Ашхабаде мешка два

Собралась приличная библиотека по интерлингвистике и языкознанию вообще. Не знаю, сколько это тысяч книг — возможно, три или

больше. Но сейчас в моей библиотеке гаравекильское собрание занимает почти половину. Когда стало очевидно, что придется навсегда покидать Гара Векил, я стал думать о том, как быть с библиотекой. Прошел по конкурсу в Тартуский университет, но квартиры сразу не было. Потому еще до того из Гара Векила специальным огромным контейнером — более 40 огромных картонных ящиков — отправил на Украину к тестю в село, чтобы все это там полежало до получения жилья. Однако в общежитии пришлось жить долго, потом тесть переслал мне контейнером книги, я заказал для них стеллажи и т.д.».

Каждодневный галерный труд, не ведавший ни милости, ни сроку (а отнюдь не череда «счастливых случайностей») лег в основу всех профессиональных успехов АД. Мне тоже пришлось, уже после нашего знакомства с АД, поучаствовать в его общении со всем светом. Боясь, как бы отправляемые за границу письма не пропали, АД сдавал их на почту не в Ашхабаде, а пересылал сначала мне в Москву для дальнейшей отправки с центрального почтамта. Отлично помню эти пачки конвертов — почему-то зеленого цвета (не было других в Ашхабаде?), с адресом, написанным крупным разборчивым почерком... Однажды один зеленый конверт расклеился, и приемщица на почтамте велела переложить письмо в другой конверт. Пока я складывал письмо по-новому, в глаза бросились настойчивые просьбы АД, напор которых возрастал с каждой строчкой: «Прошу Вас выслать мне книгу... Прошу понять, насколько это необходимо для моих занятий... Прошу не отказать в моей просьбе... Взамен предлагаю Вам...» (следовал список книг по искусству — этой литературы в наших магазинах, по счастью, хватало). К чести корреспондентов АД, они быстро поняли, что имеют дело не с досужим собирателем раритетов, а с ученым, которому остро нужны научные материалы, и стали исправно поставлять АД книжные новинки. Когда же АД вступил в переписку с людьми, говорившими на малых славянских языках и ревниво лелеявшими родную речь, они быстро распознали в АД истинного знатока, ценителя и, в какой-то мере, оберегателя этих затерянных языковых островков. То же было с эсперантистами, идистами, изобретателями новых искусственных языков.

В результате в гаравекильском доме АД сосредоточилось уникальное собрание печатных и рукописных материалов по славистике и международным искусственным языкам. По части интерлингвистических работ собранию АД могли бы позавидовать крупнейшие

столичные библиотеки (в те годы в каталогах Ленинки я часто находил на библиографических карточках пометку карандашом: С/Х, т.е. «удалено в спецхран»). Это собрание легло в основу ныне широко известной энциклопедии «Международные вспомогательные языки», которую АД написал в Туркмении, но издал уже после переезда в Тарту.

Материалы же по славистике дали АД возможность подготовить кандидатскую диссертацию по югославо-русинскому языку (диссертация была написана в основном в Гара Векиле и защищена в Институте славяноведения и балканистики в Москве). От югославо-русинского протянулся мост к остальным микроязыкам, которых АД ныне насчитывает более двух десятков. Так стала складываться другая энциклопедия — Микрославии...

Во всех крупных публикациях АД перечисляет с благодарностью своих многочисленных корреспондентов за присланные книги и материалы.

АД: Дорога к интерлингвистике (2.VI.1996, Tartu)

АД вспоминает, как работал над энциклопедией «Международные вспомогательные языки»:

«И вот когда я, сидя в своем далеком и заброшенном среди песков Гара Векиле, уже почти завершил работу, неожиданно в один из майских дней 1972 года, жарких по-пустынному, получаю из ‘столицы мира’ [= Москвы] письмо, в котором меня поразили такие слова: ‘По профессии я лингвист, мои основные интересы — германистика, общее языкознание и интерлингвистика (было бы, впрочем, правильнее начать с интерлингвистики)...’.

С интерлингвистики в ту пору никто не начинал — это было бесперспективно по идеологическим соображениям. Я был потрясен: надо же, в мире есть еще кто-то, решивший начать свой научный путь ‘не с того конца’!... Это был тогда начинающий, а ныне всемирно известный интерлингвист Сергей Кузнецов.

Через два месяца я выбрался из своей пустыни, сел на самолет ‘Ашхабад — Москва’ и через несколько часов был в столице тогда еще общей Родины. Позвонив СК, я услышал в ответ горячее желание встретиться в любой момент и где угодно... Описав наши внешние признаки, мы без труда нашли друг друга на остановке троллейбуса у Библиотеки Ленина ... ».

Так и соединились наши «дороги к интерлингвистике». Осталось вспомнить, что мое письмо к АД было датировано праздничным днем, Днем Победы — 9 мая 1972. И сегодня, в день юбилея АД, я говорю ему: «Веселей, дружище! Мы верны своей дороге. А впереди еще столько непознанного! Хватит дела не на одно поколение. Победа будет за нами!»

S. Kuznetsov. Teed, mida meie valime

Tartu-Moskva interlingvistika koolkonna tekkest, selle rajajate — A. Dulitšenko ja S. Kuznetsovi, sõprusest ja koostöötegevusest.

Юлиан Рамач
Університет у Новим Садзе,
Оддзелене за русинистику

ПРОФ. ДР АЛЕКСАНДЕР Д. ДУЛИЧЕНКО И РУСКА (ЮЖНОРУСКА) МИКРОФИЛОЛОГИЯ

Южноруска микрофилология – наукова діялносц проф. А.Д. Дуличенка – теория славянских литературных микроязыкох – руски/ южноруски (микро)язык

Проф. др. габил. Александер Дмитриевич Дуличенко (нар. 1941) закончел Туркменски універзитет (в. Ашхабад), робел у школи у Туркменії, потим на Самаркандским університету, а од 1976. р. роби на Тартуским, дзе основал Катедру за славянску филологию и поставел фундаменти «Тартускей школи славянскей микролингвистики». Член є вещей иноземних наукових академийох, почесни доктор Трирского університета, лауреат награди «Фонда А. Гумбольта», член «Медзинародного Комитета славистох» и председатель його «Комисії за славянски микроязики», председатель «Национального Комитета славистох Естонії» и «Медзинародней Асоціяції интерлингвистики». На поволанку тримал преподаваня на вещей як 50 університетох швета.

Заніма ше з общу теорию языка, з етно-, соціо- и интерлингвистику, зоз славянским языкознавством (русийски, южнославянски языки, славянские микроязики), з историю лингвистики и славистики и др. Автор є понад 500 публикацийох на 20 європейских языках, медзи німа кнїжки: *Славянские литературные микроязыки* (1981), двотомнік написох и текстох на микроязыкох (2004–2005), *Jugoslavo-Ruthenica* (1999–2009, двотомнік), *Русский язык конца XX столетия* (1994), *Этносоциоллингвистика 'перестройки' в СССР* (1999), *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)* (2008), *Международные вспомогательные языки* (1990), *История интерлингвистики* (2007) и др.

А. Дуличенко ще першираз стретнул з руским (южноруским) языком 1965. р. як студент штвартого року русийсей филології на университету у Ашхабаду (Туркменска ССР, СССР). Кед обявел свою адресу у загребским «*Plavim vjesniku*», жадаючи мац контакти з младима у швеце, написал му млади Руснак з Руского Керестура и представел ше: «*Ja сам Русин <...> 1947. године [је било] 200 година од како смо се населили у Југославији*». Нови приятель з Керестура послал А. Дуличенкови школски учебнік руского языка и предплацел го на єдини (тижньово) новини на руским языку «Руске слово». Як студент филології, А. Дуличенко ще заинтересовал за тот язык. На провадженє и виучованє руского языка конечно го унапрямел його професор Никита И. Толстой. У слідующих штирох децениях шлідзели велї и велї контакти А. Дуличенка з рускими интелектуалцами, зоз славистами, библиотеками, институциями... За тот час вон упознал живот, историю и культуру Руснацох и научел їх язык. О руским языку А. Дуличенко написал свою кандидатску дисертацию «*Литературный русинский язык Югославии. (Очерк фонетики и морфологии)*» (1974). Руски язык, попри других славянских литературних микроязикох, бул и предмет його докторсей габилитацийней дисертації «*Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*» (1981). Нешка вон бешедує з нами по руски. У своєй библиотеки у Тартуу ма векшину виданьох на руским языку.

Од 70-их рокох XX в. почал порядне тримац преподаваня о руским языку: у рамикох обовязного рочного курса за студентох славистики «Основы славянской филологии», а потим тримал семестрово курси о историй и сучасним стану южнорусинсей микрофилології и вообщє о южнорусинским языку на Тартуским университету, але тиж и на других университетох швета: Трирским, Львовским, Гетингенским и др.; окрем того, теоретично обгрунтовал южнорусинску микрофилологию як наукову дисциплину и уведол ю до «велькей славистики» (даскельо публикації на тоту тему познати у славистики); по його преподаваньох о южнорусинским, як и других микроязикох, учили и уча студенти у СССР, у Русиї, Естонії, у Немецкей и др. жемох; медзи Руснацами першираз бул 1990. р. и отримал циклус преподаваньох за студентох русинистики у Новим Садзе, 2009 р. участвоваел на конференції и отримал преподаванє за руских интелектуалцох и студентох на Филозофским факултету.

Значне тиж повесц же А. Дуличенко пририхтал за видане рукопис циклуса перших писньох Г. Костельника од 1904. р., хтори ше чувал у Архиву Академій наукох СССР: Габор Костелник Гомзов. «Жалосцинки — Сереньчи и милей». Нови Сад, 1994.

Библиографию роботох А. Дуличенка до 2006. року видад Тартуски универзитет: Ромаш Э. Романчик. *Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Биобиблиография*. Тарту, 2006, 285 боки. На 18 бокох, од 182. по 200. бок (182–200) *Библиографії* находзи ше часц *Югославо-русинский (южнорусинский)*, у хторей ше наводза роботи А. Дуличенка з рускей филології и историй. Вона ма 86 библиографски єдинки — роботи обявени на руским и русийским, ридше на сербским/ горватским, польским, немецким, анлийским, лужицкосербским языку. Найвецей роботи єст о руским языку: о морфології, синтакси, лексикології, лексикографії, о руским языку у карпатским и войвовдянским окруженю, о формованю и розвою руского литературного языка, о руским языку як славянским литературним микроязыку (понеже виучує и други славянски мали литературни языки, А. Дуличенко перши у славистики за таки языки уведол термин и поняче *микроязык*, хтори нешка общеприлапени у науки); надалей то роботи о питаньох историй и розвою рускей литератури, о питаньох историй Руснацох. Барз значна и його статя *Библиография повойнових роботох з языка югославянских Руснацох* (1975).

Окрем велїх статьох, А. Дуличенко написал о руским языку и єдну кнїжку. То: *Кнїжка о руским языку. Увод до рускей филології у документох и коментарох* (НВУ Руске слово — Дружтво за руски язык, литературу и культуру, Нови Сад, 2002, 223 б.) Як автор гвари у предходним слову, то зборнїк текстох «хтори представляли тот язык и то то писане слово у розличних епохах», а хтори даю можлівосц рускому читачови «же би сам роздумал о судьби своего родзеного языка, же би дознал то то цо интересантне з його прешлосци, з його историй».

Коло 70 Дуличенково статї з наведзеной Библиографії видати у двох зборнїкох на руским языку:

1. *Jugoslavo-ruthenica* [I]. *Роботи з рускей филології* (Руске слово, Нови Сад, 1995, 333 б.). До зборнїка вошли 20 статї з Библиографії.
2. *Jugoslavo-ruthenica* II. *Роботи з рускей филології и историй* (Филозофски факултет — Руске слово, Нови Сад, 2009, 411 б.). У зборнїку обявени 39 статї и 13 прикази и рецензії.

Статья «Язык и язычне питанє (Под)карпатскей Руси» (54–66. б.) ту першираз обявена. До наведзених двох зборнікох *Jugoslavo-ruthenica* зоз Библиографії не вошли даскельо статї писани за розлични енциклопедії и пар други статї; їх А. Дуличенко вихабел з вибору до зборнікох. По виходзеню Библиографії обявена ище една статья А. Дуличенка по руски: *Югославянско-русински / южнорусински у контексту языкох сучасней Микрославії* (*Studia Ruthenica*, ч. 15. Дружтво за руски язык, литературу и культуру, Нови Сад, 2010, б. 27–54).

Три наведзени кнїжки, тота остатня статья и статї з Библиографії хтори не вошли до зборнікох — то понад 1000 боки. Тельо А. Дуличенко написал о руским языку, литератури и историй.

О телїх наукових роботах могла би ше написац цала една кнїжка. Ми на тих пар бокох жадаме повесц цо тримає за найважнейше у роботи А. Дуличенка на рускей филології и у його одношеню гу Руснацом, и, з другого боку, у чим його робота може послужит младим руским науковцом як приклад.

Од початку свойого культурного препородзеня и снованя Руского народного просвитного дружтва «Просвита» 1919. р. та аж по нешка руска интеллигенция у поглядзе походзеня и националней припадносци Руснацох подзелена на *українски* и *руски* орієнтованих. Медзи тима двома странами з часу на час ше случую непорозумєня и критики. Важне при тим надпомнуц же ше ношители и єдней и другей орієнтації декларую урядово як — Руснаци. Обширнейше о тей подзеленосци ту не пишеме: вона добре позната и войводянскей культурней явносци, и славянскей, та и європскей филології. О тей подзеленосци зме мушели ту спомнуц, бо ше вона одражує и на науку о руским языку, литератури, историй, культури. Кед у статї єдного автора читаче «препознаю» його прихильносц гу даєдней з двох орієнтаційох, то такой виволує реакції и критики з противного боку: дошлїдни и недошлїдни, аргументовани и неаргументовани, часто острасцени. И ридко даєден русиниста, кед же ше експоновал як прихильник даєдней з двох странах, вимкнул «отровним стрелом» з другей страни. Найдлужей ше отримую тоти хторим национална орієнтация Руснацох у їх фаховей и науковей роботи найменей важна, хтори у своїх роботах виноша лєм факти, хтори кажде свойо твердженє подкрпиюу з аргументами, хторим наукова правда од шицкого найважнейша. А А. Дуличенко бул єден з тих ридких руси-

нистох хтори ше през цали час своєї 45 роки длугой науковей діялности отримал на достойней науковей висини.

Вирносц А. Дуличенка науковей правди, його виношенє тей правди лем през факти и аргументи можеме видзиц у каждой з його коло 90 роботах з русинистики. За виношенє тей правди йому вше було потребне назберац и вельо материялу. Часто вон таки материял зберал през вещей роки. То видзимо напр. зоз статі «Система и специфичносц злучніцких конструкційох з початкову компоненту же у языку югославянских Руснацох», у хторей автор гвари:

«Материял за тоту роботу автор позберал концом шейдзешатих и на початку седемдзешатих рокох и дополньовал го у рокох котри шлідзели» (JRuthI, 241).

Автор и наводзи вельке число прикладах з того назбаного материялу з народного и литературного языка: виречєня зоз злучніцкими конструкциями *же хто (цо, котри / хтори, яки, дзе, кадзи, кеди, кед, док, як, кельо, чий, чом, прецо)*. То конструкції хтори ше у нашим языку почали шириц ище у карпатским ареалу, та вони характеристични и за други бешеди того ареала. Автор то подкриплює з прикладами зоз заходноукраїнских бешедох Восточней Словацкей, з восточнословацких и з мишаних українско-словацких бешедох (JRuthI, 240–264). У тей статі на 24 боках шицко до конца ясне, потвердзєне з прикладами, и так повесц нет цо у ней вещей додац. Тиж так на барз богатим материялу написана статя «Сербскогорватски елементи у языку югославянских Руснацох» (JRuthI, 72–126) — статя на 54 боках — цала кніжка, статя «Заменовніки» (JRuthI, 163–193) и др.

Яку значносц А. Дуличенко придавал фактом у своєї науковей роботи можеме видзиц и з його статі «Питанє початкох друкованого слова при бачванско-сримских Руснацох» (JRuthII, 178–187). Пред тим нашо авторе тримали же писні «Прилет’ла зозуленька тай стала кукати» и «Сп’вай жаворонку весело по полю», хтори у Врабельовим «Рускім соловею» (1890) обявени под меном Петра Кузмяка, насправди и написал Петро Кузмяк. А. Дуличенко, медзитим, зробел язичну анализу тих двох писньох (перша як текст I, друга як текст II) и констатовал: у тексту I полногласє (*передъ*), у тексту II неполногласє (*предъ*), у тексту I форми 3. ос. єд. на *-тъ* (*не хочеть*) и без *-тъ* (*отв’чає*), у тексту II форми на *-тъ* итд.; автор находзи и вариянти у єдним истим тексту: у тексту I форми 1. ос. мн. *не знаємъ и просимє*. По тей анализи А. Дуличенко поставя питанє: *Чи то прилаплїве у*

свидомей поетичней творчосци єдного человека? Або то результат переписованя або прерабяня уж готового текста? (JRuthII, 182) И за-ключує же перши руски оригінальні літературні твор то не тоги два Кузьмаково писні, але писня керестурского народного поета Андрия Горняка «*Боже мой, Боже мой*», обявена у истим Врабельовим зборніку на 101. боку: *Боже мой, Боже мой, // Яка велька пыха, // Кедь ужъ стара баба // Паньску хустку пита!*

Поровнюючи руски язык з бешедами карпатского ареала, А. Дуличенко ту и там констатує же вон ма даєдни заєднічки характеристики зоз заходноукраїнськими, даєдни зоз восточнословацькими, а даєдни и з єдними и з другима бешедами; же даєдни його характеристики превладую у єдних, а даєдни у других бешедох. Напр. у статі «*3 морфології руского языка*» (JRuthI, 207–213) вон констатує же проста форма перфекта у руским языку (*я робел*) результат впливу українського языка и його заходних бешедох, а зложена форма (*робел сом*) — словацького языка и його восточних бешедох; при тим зложени форми у руским языку вельо частейши од простих (JRuthI, 211). Медзитим, ані у тей статі, ані у других з подобну проблематику А. Дуличенко не виводзи того «фаталне» закінченє же руски язык спада до тих або тих бешедох, же Руснаци такого або такого походzenia. Вон то у єдним тексті отворено и гвари:

«я уствари по тераз заобиходзел друкованє своїх попатрункох на питанє о походзеню языка югославянских Руснацох» (JRuthII, 93).

А. Дуличенко од самого початку виучованя руского языка похопел же то за Руснацох барз чувствительна тема, же язичну блізкасть єдного народу з другим не треба мишац з його націоналним чувством. И ту А. Дуличенко остал вирни своїм науковим принципом. Але, гоч остророжни по питаню походzenia руского языка, остатніх роках вше му бліжше видженє же ше дакеди давно почала случовац пременка языка од востоку, тє. од закарпатскоукраїнського региону гу заходу, тє. гу восточнословацькому региону. Але тота пременка ше ище не за-кончала, та прето у руским языку єст елементи обидвох стихийох, при чим на закарпатскоукраїнське походженє указую даєдни релікти (фонетични и др.), о чим вон бешедовал у своїм преподаваню у Новим Садзе 2009. р., а пред тим на конференції «Сусрет култура» на Філософским факультету у Новим Садзе. Там вон и винєс свой кредо о генези руского языка.

А. Дуличенко написал и ведей статі о славянских литературних микроязикох и руским языку як микроязику. З нїх можеме видзиц же вон наш язык трима за єден з найрозвитїшших славянских микроязикох. Так у статі «*Югославянско-русински/ южнорусински у контексту языкох сучасней Микрославії*» (Studia Ruthenica, ч. 15, Нови Сад, 2010, 27–54. б.) на 49. б. вон дава функционалну матрицу 18 славянских литературних микроязикох (кашубского, горньо- и долньолужицкого, русского, градищанско-горватского, карпатско-русинского и других). Медзи нїма лем руски язык ма шицки 24 плуси [шицки 24 параметри маю знак плус (+)], тє. наш язык заступени у шицких сферах хаснованя. Така констатация може буц значни стимулс ношителюм културно-просвитного живота Руснацох у дальшим розвою нашої култури и просвити.

Попри тим цо сам написал и цо написали други лингвисти о руским языку А. Дуличенко ясно спатрел и проблеми у руским языку хтори би ище требало преучиц. О тим бешедує у статі «*Прегляд сучасних питаньох виучованя языка югославянских Руснацох*» (JRuthI, 24–34): «*цо подробнейше преанализовац лексични материял у його одношеню ту восточнословацкому и заходноукраїнському диялекту*» (26. б.); «*систематично зазберовац лексику котра ше вяже з обичом <...>, обичаями, польодїлством, ткацтвом итд.; робиц на твореню словника русских фразеологизмов; барз нужне зазберованє, класификация и анализа позжичкокх зоз сербскогорватского языка*» (28. б.); «*виучовац сербскогорватски морфологийни риси у руским языку*» (33. б.) итд. Тота статя першираз обявена 1975. р. (Творчосц, глашнїк Дружтва за руски язык и литературу, рок I. Нови Сад, 14–24. б.). Сучасни русинисти teraz робя праве на тих проблемох хтори А. Дуличенко начишлел пред 35 роками як окреме важни за виучованє.

А. Дуличенко писал и о русских лингвистох Гавріїлови Костельникови («*Гавріїл Костельник и його Граматика бачваньско-рускей бешеди*», JRuthII, 227–237), Миколови Кочишови («*Нормователъ и преучователъ литературного языка югославянских Руснацох*», JRuthII, 237–255) и Гавріїлови Надьови («*Гавріїл Надь и його доприношенє розвою русского языка*», JRuthII, 256–265). Вироятно нїхто потераз так цалосно и обективно не спатрел їх діялносц як А. Дуличенко. Вон дакеди указовал и на недостатки дзепоедних їх роботох, але источасно ше намагал указац на тирвацу вредносц їх діла. Напр. о Г. Костельникови:

«<...> значене Г. Костельника и його Граматики бачваньско-рускей бешеди за формоване и розвой руского литературного языка у одредзеной мири мож поровнац зоз значеньом и з таку улогу яку одбавел А. С. Пушкин у твореню литературного (стандардного) русийского языка, Л. Штур — у словацким литературним языку итд.» (JRuthII, 236)

Зоз свою 45-рочну наукову роботу на руским языку, литератури и историй и своїм жичливым одношеньом гу Руснацом др Александер Дуличенко себе здобул почесне место медзи нїма и як науковец и як їх щирі приятель.

СКРАЦЕНЯ

JruthI — *Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филології* [I]. Нови Сад: Руске слово, 1995, 333 б.

JruthII — *Jugoslavo-Ruthenica* II. *Роботи з рускей филології и историй*. Нови Сад: Филозофски факултет – Руске слово, 2009, 411 б.

J. Ramač. Prof. Dr A. Dulitšenko ja russiini (lõunarussiini) mikrofiloloogia

Prof dr A. Dulitšenko huvitus russiini (lõunarussiini) keelest 1965. a, olles Ašhabadis vene filoloogia neljanda kursuse tudeng. Russiini keelele pühendas ta oma kandidaadi (1974) ja doktori (1981) väitekirjad. 2006. a seisuga moodustab russiini filoloogiale ja ajaloole pühendatud tööde arv 86 bibliograafilist ühikut. Teadustööd keele kõikidest tasemetest, russiini kirjakeele tekkimisest ja arenemisest, russiini keelest kui ühest slaavi mikrokeelest (18st slaavi mikrokeelest on ADD analüüsi kohaselt russiini keel kõige arenenum) on kirjutatud tuginedes rikkalikule materjalile ning on teaduslikult argumenteeritud, nt «*Кнѣжка о руском языке. Увод до рускей филології у документох и коментарох*» (2002). Ligi 70 artiklit tema bibliograafiast on välja antud kahes russiini keelses kogumikus «*Jugoslavo-ruthenica*»: I (1995) ja II (2009). Tema russiini keele alaste tööde kogumaht ületab 1000 lehekülge. A. Dulitšenko on ettevaatlik russiini keele põlvnemise küsimuses, kuid on viimastel aastatel üha lähemal seisukohale, et juba ammu toimub keelevahetus idast läände. Oma russiini keeleteadlastele pühendatud töödes püüab A. Dulitšenko terviklikult ja objektiivselt vaadelda nende panust russiini kirjakeele arendamisel.

Gerhard Ressel
Universität Trier

**LAUDATIOANLÄSSLICH
DER FEIERLICHEN VERLEIHUNG
DER EHRENDOKTORWÜRDE
(DR. PHIL. H. C.) DER UNIVERSITÄT TRIER
AN PROF. DR. ALEKSANDR DMITRIEVIČ DULIČENKO**

Sehr verehrter Jubilar, lieber Herr Kollege Duličenko!
Magnifizienz, sehr geehrter Herr Vizepräsident!
Spectabilis, sehr geehrte Frau Dekanin!
Verehrte Festversammlung!

Wir sind heute hier zusammengekommen, um in feierlichem Rahmen einen der großen und bedeutenden Slavisten unserer Zeit, Herrn Prof. Dr. phil. Aleksandr Dmitrievič Duličenko von der Universität Tartu in Estland, durch die Verleihung der Ehrendoktorwürde — Dr. phil. honoris causa — für sein bisheriges wissenschaftliches Werk zu ehren.

Aleksandr Dmitrievič Duličenko wurde am 30.10.1941 in Russland, und zwar in einem Dorf in der Nähe von Krasnodar im Nordkaukasus und damit nicht allzu weit entfernt vom Schwarzen Meer, geboren.

Von 1961–1966 studierte Aleksandr Dmitrievič an der Philologischen Fakultät der Turkmenischen Staatsuniversität in Aschhabad Russische Philologie und legte das Staatsexamen mit «Auszeichnung» ab. Es folgten mehrere Jahre als Lehrer für russische Sprache und Literatur sowie zwei Jahre Lehrtätigkeit als wissenschaftlicher Mitarbeiter am Lehrstuhl für Russische und Allgemeine Sprachwissenschaft an der Universität von Samarkand in Usbekistan.

Das eigentliche Interesse von A.D. Duličenko galt aber schon in diesen Jahren der Wissenschaft und zwar besonders der slavischen Sprachwissenschaft. Da erwies es sich dann als biographischer wie wissenschaftlicher Glücksfall, dass Herr Duličenko schon frühzeitig in Kontakt trat zu Prof. Dr. Nikita Tolstoj, dem langjährigen Professor des renommierten Forschungsinstituts für slavische und balkanische Studien an der Russischen Akademie der Wissenschaften in Moskau und Begründers ei-

ner speziellen Forschungsrichtung, welche die slavische Geschichte mit ethnologischen und dialektologischen Fragestellungen verknüpft.

Nikita Tolstoj — übrigens ein Nachfahre/ Urenkel des weltberühmten Schriftstellers Lev Nikolaevič Tolstoj — erkannte sehr schnell die besondere Begabung des jungen Wissenschaftlers und wurde sein akademischer Hauptmentor, der ihm den Zugang zu den wissenschaftlichen linguistischen Zentren der damaligen Sowjetunion und des heutigen Russlands — Moskau und St. Petersburg — ermöglichte.

Zugleich lenkte er den Blick des jungen Adepten der Linguistik auf die *kleinen slavischen Sprachen* und so lautete das Thema der 1973 vorgelegten Dissertation: *Литературный русинский язык*.

Damit war thematisch der weitere wissenschaftliche Lebenslauf (in nuce) vorgeprägt — bedeutend erweitert dann durch die Habilitationsschrift, die 1981 in Tallinn (Estland) unter dem Titel erschien: *Славянские литературные микроязыки*. Der von Herrn Duličenko gewählte Begriff *slavische Mikrosprachen* hat sich auch international bald durchgesetzt. Er ist der Oberbegriff für solche slavischen Sprachen wie etwa Russinisch, Sorbisch, Kaschubisch, Pomakisch, Resianisch (Slovenisch-Videm bei Udine) u.a., deren linguistische Struktur sich in mancher Beziehung deutlich von derjenigen der großen slavischen und erst recht der anderer Umgebungssprachen (wie Russisch, Ukrainisch, Deutsch, Italienisch, Ungarisch, Polnisch, Serbisch, Kroatisch, Bulgarisch etc.) unterscheidet.

Dass diese Monographie in Estland erschien, war kein reiner Zufall, sondern hatte biographische Gründe. Schon im Jahre 1976 wurde Herr Duličenko an die Universität in Tartu/ Dorpat in Estland berufen, wo er zunächst als Oberassistent, dann Dozent und schon bald (1981) als Professor des Lehrstuhls für Russische Sprachwissenschaft tätig war. Aufgrund seiner zahlreichen Publikationen zu verschiedenen slavischen Sprachen wurde er im Jahre 1992 zum Direktor des Instituts für Slavische Philologie ernannt.

Die wissenschaftlichen Arbeiten von Prof. Duličenko lassen sich «*cum grano salis*» wie folgt einteilen:

- 1) zum Einen in den Bereich der Allgemeinen und Nicht-slavischen Linguistik und
- 2) zum Anderen in den Bereich der Slavischen Linguistik mit den beiden Untergruppen der slavischen Mikro- und Makrosprachen.

ad 1

— Zum Bereich der Allgemeinen Linguistik zählen einerseits Arbeiten zur **Soziolinguistik** und **Ethnolinguistik**, andererseits solche zur Vergleichend-typologischen Linguistik, oft kontrastiv zu slavischen Sprachgegebenheiten dargestellt.

— Auf den Pfaden von Franz Miklosich (dem berühmten slovenisch-österreichischen Slavisten und Begründer einer wissenschaftlichen slavistischen Grammatikforschung: Autor der Vergl. slav. Grammatik in 4 Bänden) bewegt sich A.D. Duličenko, wenn er sich gelegentlich mit Beiträgen zur *Цыганология/ Zigeunerkunde* bzw. den Sprachen und Dialekten der Roma und Sinti beschäftigt.

— eine ganze Anzahl von Publikationen steuerte ADD dem Bereich der **Interlinguistik** bei, also den sog. ‘Welt-Hilfssprachen’, deren bekanntester Vertreter wohl das **Esperanto** ist. Besonders interessierte ihn die linguistische Struktur zu Kommunikationszwecken konstruierter Sprachen und deren Geschichte, besonders in der ehemaligen Sowjetunion, aber auch in der Slavia generell.

Zwei Buchpublikationen seien erwähnt: *Международные вспомогательные языки* (1990, ‘Welthilfssprachen’), *История интерлингвистики* (2007).

ad 2

Wenden wir uns nun dem wissenschaftlichen Gebiet zu, das in besonderer Weise mit dem Namen von Prof. Duličenko verbunden ist: **den slavischen literarischen Mikrosprachen**.

Bereits in seiner eingangs erwähnten Habilitationsschrift von 1981 hatte sich Herr Duličenko ausführlich mit dieser Problematik beschäftigt und besonders anhand des Russinischen detailliert erörtert.

Diese slavische Kleinsprache mit literarischen Zeugnissen unterteilt sich — und ich folge darin Herrn Duličenko — in das Russinische der Vojvodina, das sog. **Jugoslavo-Russinische**, mit den Zentren in Novi Sad — der Hauptstadt der Vojvodina — und (Ruskij) Kerestur (Dörfer und Siedlungen von Russinen gibt es in den historischen Gebieten der Bačka, von Syrmien/ Srem und Slavonien).

Zurück geht diese slavische (literarische) Mikrosprache auf das 18. Jahrhundert, als im Zuge der Türkenkriege eine Umsiedlung und Wanderungsbewegung von Slovaken und Ukrainern aus der Ostslowakei in die weithin menschenleer gewordenen heutigen Gebiete der Russinen stattfand. Komplizierte historische Siedlungsverhältnisse — auf die an dieser

Stelle nicht näher eingegangen werden kann: für weitere Einzelheiten sei vor allem auf die Publikationen des Jubilars verwiesen — sind der Grund dafür, dass es mehrere Varietäten des Karpato-Russinisch/ -Ruthenischen in der Ukraine, der Slowakei und in Grenzgebieten zu Polen und Ungarn gibt.

In den umgebenden Staaten wird das Russinische nur in der Vojvodina, d.h. in Nord-Serbien, als offizielle Amtssprache anerkannt, und das bereits seit den 70er Jahren des vorigen Jahrhunderts.

Dort gibt es eigene Minderheiten-Schulen und sogar ein Gymnasium für die Russinen, ebenfalls wurden alle Gesetze und Verordnungen des ehemaligen Jugoslawien in das Jugoslavo-Russinische übersetzt.

Von daher steht ein Textkorpus für das Russinische zur Verfügung, das es dem Forscher Duličenko ermöglichte, sich intensiv mit gerade dieser Sprache zu beschäftigen, die neben den Kriterien der Schriftlichkeit, Überregionalität, Kodifizierung und Normiertheit auch in wichtigem Maße über die Eigenschaft der Polyvalenz (der Anwendbarkeit auf verschiedenen stilistischen und sachlichen Ebenen) verfügt. Folglich handelt es sich beim Russinischen eben nicht mehr um einen ukrainisch-ostslowakisch-polnisch-serbisch-kroatischen Mischdialekt, sondern um eine eigenständige Sprache, die zudem über interessante literarische Zeugnisse verfügt.

Das klar herausgearbeitet und in zahlreichen Publikationen dargelegt zu haben, gehört zu den wichtigen Verdiensten von Aleksandr. D. Duličenko, dessen Veröffentlichungen generell von produktiver Originalität, gepaart mit immensem Fleiß, gekennzeichnet sind.

In seinem zweibändigen Werk über die **Slavischen literarischen Mikrosprachen**, eine ausführlich kommentierte Textsammlung, erschienen 2003–2004, führt A. Duličenko die von ihm entwickelten Mikro-Sprachen-Konzeption fort, indem er nicht weniger als **18 solcher Kleinschriftsprachen**, unterteilt in **4 große Gruppen**, unterscheidet:

- 1) **Autonome Mikro-Sprachen** (Ober-/ Niedersorbisch in Deutschland; Kaschubisch in Polen);
- 2) **Insulare/ Insel-Mikro-Sprachen** (z.B. das Jugoslavo-Russinische in Serbien, Montenegro, Kroatien; das Burgenland-Kroatische in Österreich);
- 3) **Periphere-/ Regional-Insulare/ Insel-Mikrosprachen** (z.B. das Ägäis-Makedonische und das Pomakische in Nord- Griechenland und Süd-Bulgarien);

4) **Periphere-/ Regional(e)-Mikrosprachen** (z.B. Čakavisch, Kajkavisch in Kroatien; West- Polessisch in Weißrussland und der Ukraine). Auch die bisher jüngste Monographie von A.D. Duličenko: «Письменность и литературные языки Карпатской Руси. Вступительная статья. Тексты. Комментарии» (Užgorod 2008, 908 S.) ist wiederum der komplexen Mikro-Sprachenproblematik gewidmet, in einem Territorium, das nach den Worten von Nikita Tolstoj geradezu ein «Laboratorium» neuer slavischer Klein-Sprachen darstellt.

Für die betroffenen slavischen Minoritäten war die seit den bahnbrechenden Arbeiten von Prof. Duličenko einsetzende intensive Erforschung ihrer Regionalsprachen zugleich auch in sozialer und politischer Hinsicht sehr wichtig.

Die Arbeiten von Herrn Duličenko beschäftigen sich oft nicht nur mit rein sprachlich-grammatischen Problemen, sondern ebenso mit ethnolinguistischen und soziolinguistischen Aspekten verschiedener slavischer Sprachen. Darüber hinaus hat Herr Duličenko sich intensiv auch mit der Genese der slavischen Sprachen befasst und dabei immer wieder historisch-grammatische und lexikalische Fragestellungen mit kulturhistorischen Überlegungen verknüpft.

Seit der politischen Wendezeit vor rund 20 Jahren ist eine halbwegs unvoreingenommene Beschäftigung mit slavischen Kleinsprachen viel besser, manchmal gar überhaupt erst richtig möglich geworden.

Hinzu kommt, dass in einem sich immer mehr vereinigenden Europa mit seinen starken wirtschaftlichen und politischen Zentralisierungsbestrebungen und der damit oft einhergehenden Quasi-Monopolstellung des Englischen die Regionalisierung auch im sprachlichen Bereich als Gegenbewegung festzustellen ist.

In einem «Europa ohne Grenzen» bekommt der kulturelle und damit auch sprachliche Minderheitenschutz einen wichtigen Stellenwert. Für die sog. «kleinen Sprachen», deren Verschwinden als Reduktion und Niedergang der kulturellen Artenvielfalt betrachtet werden kann, wurde mittlerweile auf EU-Ebene als Schutzmaßnahme die ‘Charta zum Schutz der Minderheiten- und Regionalsprachen’ (1992) verfasst. In diesem Zusammenhang kommt dem wissenschaftlichen Werk des Jubilars eine ebenso wichtige wie aktuelle Bedeutung zu.

Dass Herr Kollege Duličenko dabei alles andere als ein «Gegner» der großen slavischen «Makro-Sprachen» ist, zeigt nicht nur ein Blick in seine Bibliographie, sondern etwa ein Hinweis auf die beiden, seiner

Muttersprache gewidmeten Monographien: *«Die russische Sprache am Ende des 20. Jahrhunderts»* (1994) und im Jahre 1999 eine Anschlussarbeit: *«Die Ethnosoziolinguistik der Perestrojka in der UdSSR»*. So lässt sich auf jeden Fall feststellen: Aleksandr D. Duličenko hat in den von ihm bearbeiteten Disziplinen unsere Kenntnis sprachlicher und kultureller Phänomene bedeutend erweitert und vertieft.

Herr Duličenko ist inzwischen mit der Slavistik an der Universität Trier eng verbunden. Vertrat er im Wintersemester 2002/–2003 eine damals vakante Professur, so ist er nunmehr als quasi «regulärer» Gast-Professor hier tätig, finanziell ermöglicht durch den DAAD, bereits im dritten Semester in Folge, dem sich noch ein viertes Semester anschließen wird.

Die Studierenden erhalten somit die Gelegenheit, zu hochaktuellen und interessanten Gebieten der slavischen Sprachwissenschaft — verstanden als kulturell-fundierte komparativistische Disziplin — aus wissenschaftlich besonders berufenem Munde Neues zu erfahren.

Unter den zahlreichen Ehrungen, die Herrn Duličenko — Autor von rund 500 Publikationen, darunter ca. 20 Büchern — zuteil wurden, möchte ich besonders hervorheben die Mitgliedschaft in der New Yorker (1997) und in der Göttinger Akademie der Wissenschaften (2004) sowie die Verleihung des internationalen Forschungspreises der Alexander von Humboldt-Stiftung (2005).

Herr Kollege Duličenko — lieber Aleksandr Dmitrievič — wir schätzen uns glücklich, Sie hier als äußerst angenehmen und willkommenen Gast bei uns zu haben und freuen uns, wenn Ihnen gleich die Frau Dekanin des Fachbereichs II — Sprach-, Literatur- und Medienwissenschaften — in Anerkennung und Würdigung Ihrer wissenschaftlichen Verdienste sowie der Verbundenheit mit der Universität Trier den Ehrendoktor-Grad/ Dr. phil. h. c. verleihen wird.

(Die Urkunde ist von der Frau Dekanin und dem Herrn Präsidenten der Universität Trier unterschrieben worden).

Trier, den 28. Mai 2009.

**G. Ressel. Pidustused professor dr A. Dulitšenko
pidulikul tunnustamisel Trieri ülikooli audoktoriks valimise puhul**

Kõne 28.05.2009. a. Trieri ülikooli audoktoriks valimise puhul.

Поздравление из села Гара Векил (Туркменистан)

Бу ятлама-гутлаг хаты Түркменистанлылар, хас догрусы Ахал велят Гара Векил обасының яшайжылары гуванч билен язырлар. 1966-нжы йылда бизиң Гара Векил обамыза, 4-нжи орта мекдебе А.Д. Дуличенко диен яш мугаллым ише гелди. Бу мугаллымы мугалымлар, окувчылар, хемме Гара Векил оңат гармы алды...

Это поздравительное письмо-воспоминание пишут Вам туркменистанцы, а вернее жители села Гара Векил Бабадайханского этрапа Ахалского велята. В 1966 году в среднюю школу № 4 нашего села Гара Векил приехал молодой учитель Александр Дмитриевич Дуличенко. Этого учителя очень тепло встретили учителя, учащиеся и жители села Гара Векил. С первых дней своей работы в школе он пользовался большим авторитетом и полностью овладел туркменским языком. Работая в школе, он не только вел свою профессиональную деятельность, но и изучал национальные традиции нашего народа. Товарищ А.Д. Дуличенко быстро сошелся с сельскими жителями, у него проснулась любознательность ко всему окружающему. Так, например, учитель этой школы Мухамметсөйүн, его ученик Гурбандурбы Меретдурдыев вспоминают, как много раз ездили на мотоцикле за саксаулом в пустыню, собирали верблюжью колочку, дыни, арбузы. Словом, этот наш учитель стал одним из нас.

Когда он работал в школе, учителя о нем отзывались, что этот человек непростой. Во время работы в нашем селе он занимался научной работой, даже ездил из нашего села в Москву, где успешно защитил диссертацию. Дома у него была богатая библиотека. Женился он на учительнице Людмиле в селе Гара Векил, где родился его старший сын Митя (а Вася уже родился в Тарту). Он вел переписку с зарубежными коллегами. Этим самым он построил мост науки, а также расширял кругозор и себе, и нам.

Мы, Гарабекильцы, горячо поздравляем с 70-летием нашего любимого учителя А.Д. Дуличенко. Желаем ему крепкого здоровья, семейного благополучия, больших достижений в науке. Сельчане до сих пор вспоминают о нем с большим уважением.

Поздравительное письмо-воспоминание написали: сын бывшего директора школы № 4 Аннаева Какажана, учитель школы, бывший

ученик А.Д. Дуличенко Какажанов Алтымырат, учителя Мухамметсөйүн, Беки Гурдов, А. Шапелецов, Ата Аманберди, Хожамырадов, А. Нуриягдыев, Р. Тойлыев, Сапармырат Аннаоразов, Г. Гылыжов, Д. Өвезов, И. Сапаров, Г. Хожатов, директор школы Д.м. Чопанов; ученики Гурбандурды Меретдурдыев, Нургелди Чарыев, Н. Худайбердиев, М. Уссатаев, А. Маммедов, О.б. Мередова, О.б. Какаева, Г. Бердиева, Режеп Хоммадов.

08.08.2011 года, село Гара Векил.

Поздравление из Самаркандского университета

Уважаемый Александр Дмитриевич!

Ректорат и коллектив кафедры русского и общего языкознания Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои искренне поздравляет Вас, нашего бывшего сотрудника, с 70-летним юбилеем! Наши коллеги и все Ваши ученики знают Вас как крупного ученого-слависта, талантливого профессора-педагога, скромного и отзывчивого человека!

Почти 50 лет своей трудовой деятельности Вы посвятили науке и воспитанию молодежи.

На каком бы поприще не работали, Вы всегда трудились самоотверженно, шаг за шагом брали научные высоты и овладевали секретами педагогического мастерства. На протяжении всей своей трудовой и научной деятельности неустанно добивались улучшения качества преподавания и научных исследований.

Вы широко известны в странах СНГ и за рубежом как один из отечественных специалистов по славянским языкам, являясь продолжателем знаменитых русских ученых Н.И. Толстого, В.П. Топорова, О.А. Трубачева, Л.И. Ройзензона, А.В. Бондарко, А.Е. Супруна и некоторых других.

Много сил и энергии Вы отдаете популяризации славянских культур и языков, проводя различные научные конференции и симпозиумы.

Мы также помним Вас и в качестве прекрасного руководителя студенческих бригад на солнечных хлопковых полях Самаркандской

области. Своим добросовестным трудом Вы приобрели огромный авторитет в научном мире, среди коллег вузов и студенческих коллективов разных лет выпуска.

Дорогой Александр Дмитриевич!

Желаем Вам, истинному труженику науки, долгих лет жизни, отличного здоровья и новых творческих свершений.

Ректор Самаркандского государственного университета им. А. Навои

Т.Ш. Ширинов

Заведующий кафедрой русского и общего языкознания

проф. Е.А. Малиновский

К поздравлениям присоединяются:

К.А. Багдасаров (Ашхабад), А.А. Петров (Самарканд), S. Gustavsson (Uppsala), R. Benacchio (Padova) , Г.А. Лилич (Санкт-Петербург), U. Obst (Köln), Н. Gladkova (Praha), Н. Steenwijk (Padova), M. Karanfilovski (Skopje), С. В. Ильясова (Ростов-на-Дону), R. Dapit (Udine).

Анатолий Михайлович Бушуй
Самаркандский институт иностранных языков

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О САМАРКАНДСКОМ ПЕРИОДЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А.Д. ДУЛИЧЕНКО
(1968–1970 гг.)**

О профессоре Александре Дмитриевиче Дуличенко существует к настоящему времени обширная литература (Романчик 2006; Мокиенко 2006, 9–22; Журавлев 2006, 11–55 и др.). Хотелось бы обратиться к далекому самаркандскому периоду в деятельности будущего выдающегося лингвиста.

В 1969 г. ему и мне было поручено подготовить и издать сборник статей «Язык и литература» (Самарканд: СамГУ, 1969, 254 с.). В процессе совместной работы у меня была возможность отметить широту филологических познаний своего коллеги по самой различной проблематике. Особое впечатление произвели две предложенные молодым исследователем небольшие по объему статьи (Дуличенко 1969а, 60–71; 1969б, 71–75), которые оказались для нашего местного филологического сообщества полной неожиданностью. Прежде всего — это уникальность изучаемого языкового материала: язык югославских русин и теории его происхождения («украинская» и «словацкая»). В статье «К синтаксису падежей в языке югославских русин. (О специфике инструментального падежа)» описание особенностей инструментального падежа убедительно проводится посредством сопоставления с близкородственными украинским и словацким языками, а также с последующим использованием материала сербско-хорватского языка. Молодой исследователь углубляется еще и в изучение диалектных систем: это некоторые закарпатские говоры украинского языка (напр., говоры в районе верхнего течения реки Боржави), чакавское и кайкавское наречия сербско-хорватского языка. Отмечаются также и факты иноязычного воздействия на описываемые явления: румынского языка на закарпатские говоры украинского языка, немецкого языка на словенский и серболужицкие языки и др.

Предложенные статьи, как сразу стало очевидным при первом знакомстве с их содержанием, опирались на исчерпывающую по полноте фактологическую базу, созданную по текстам фольклорного, художественного и публицистического характера, и это весьма впечатляло. Это позволило системно осветить рассматриваемую проблему инструментального падежа по данным русинского языка, изучив применительно к его оформлению окончания в ракурсе рода и числа, соотношение предложности/ беспредложности и т.д. Тщательно подобранные иллюстрации дали возможность сформулировать такие теоретические обобщения, которые позволяли подойти к оптимально доказуемому аргументированию индивидуального в сущности русинского языка. Достоверность предлагаемых системно маркированных обобщений достигалась исследователем посредством анализа частотности употребления отдельно взятых форм выражения инструментальности (с охватом предложности и беспредложности), предрасположенности разных групп существительных к конструированию инструментальности и т.д. В итоге была разработана классификация инструментальных типов в одном из самых молодых современных славянских языков (микроязыков). Причем анализ явлений, казалось бы, порою весьма частных, неизменно ориентировался в исследовании на поиск строгих закономерностей становления и формирования русинского языка именно как литературного языка со своей нормативной грамматикой и со своими традициями в текstopорождении.

В другой статье исследователь пишет о суперлативизации глагольных форм в речи русин — явление, в кругу славянских языков довольно редкое. При этом описываются основные способы образования превосходной степени прилагательных (посредством префиксальной морфемы *най-*, суффиксов *-ейш/-ейш-*, *-ш-*, усилительных частиц *чо*, *ище*), выделяется суперлативная глагольная форма в настоящем и прошедшем времени и т.д. Причем именно суперлативизацию с префиксальной морфемой *най-* исследователь характеризует как специфическую черту морфологической системы русинского языка.

Уже в то время научно-исследовательскую манеру ученого отличало исключительно корректное отношение к работам своих предшественников таких, как В. Гнатюк, С.Б. Бернштейн, М. Ивич, Г. Костельник, М. Кочиш, F. Pastnek, J. Štolc, E. Pauliny и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуличенко 1969a — А.Д. Дуличенко. *К синтаксису падежей в языке юго-славских русин. (О специфике инструментального падежа)*. Язык и литература. Самарканд, 1969, с. 60–71.
- Дуличенко 1969b — А.Д. Дуличенко *Об одном случае суперлативизации глагольных форм*. Язык и литература. Самарканд, 1969, с. 71–75.
- Журавлев 2006 — А.Ф. Журавлев. *Александр Дуличенко: труды и дни*. Р.Э. Романчик. Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Биобиблиография. Тарту, 2006, с. 11–55.
- Мокиенко 2006 — В.М. Мокиенко. *Малые языки большого ученого*. Микро-языки. Языки. Интерязыки. Сборник в честь орд. проф. А.Д. Дуличенко. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Тарту, 2006, с. 9–22.
- Романчик 2006 — Р.Э. Романчик. *Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Биобиблиография*. Вступит. статья А. Ф. Журавлева. Под ред. О. В. Никитина. Тарту, 2006.

A. Bushuj. Mälestusi professor A. Dulitšenko tegevusest Samarkandi perioodil (1968–1970)

Artiklis antakse lühisieloomustus A. Dulitšenko esialgsele tegevusele Samarkandi ülikoolis.

**ПУБЛИКАЦИИ ПРОФ. ДР. А.Д. ДУЛИЧЕНКО ЗА 2006–2011 ГГ.
(С ДОПОЛНЕНИЯМИ ЗА 2004–2005 ГГ.)**

Полную библиографию печатных научных трудов проф. др. А.Д. Дуличенко за 1963–2005 гг. см. в кн.: Р.Э. Романчик. *Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Биобиблиография*. Вступит. статья А.Ф. Журавлева. Под ред. О.В. Никитина. Тарту: Universitas Tartuensis, 2006, 286 с. (493 позиции).

Ниже дан хронологический список публикаций А.Д. Дуличенко за 2006 – начало 2011 гг. с некоторыми дополнениями за 2004–2005 гг. Жирным шрифтом выделены книги, автором которых является А.Д. Дуличенко (в издании под № 495.2 — соавтором).

К библиографии приложены также сведения об отредактированных им сборниках научных трудов в сериях «Slavica Tartuensis» и «Interlinguistica Tartuensis».

2004

494.1. «Борьба словами»: лингвистическое явление с социальными последствиями (на материале русского языка последнего десятилетия). Jazyk v komunikácii. Medzinárodný zborník venovaný Jánovi Bosákovi. Ed. S. Mislovíčová. Bratislava: Veda (Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie vied), 2004, s. 133–143. (Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra). Дуличенко, Александр Д.

2005

495.2. *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Revised and Expanded Edition. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, XXVI, 569 p. Authors: M. Almashii... A.D. Dulichenko e. a.

496.3. *Language [of Subcarpathian Rus]: Vojvodina. United States and Canada*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 275–276. A.D. Dulichenko.

- 497.4. *Language question [of Subcarpathian Rus]*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 276–281. A.D. Dulichenko. Соавтор P.R. Magocsi.
- 498.5. *Dudash Natalia*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 100. A.D. Dulichenko.
- 499.6. *Feisa Ianko/ Fejsa Janko*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 121. A.D. Dulichenko.
- 500.7. *Garianski Vladimir*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 128. A.D. Dulichenko.
- 501.8. *Kamenitski Mikola*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 226. A.D. Dulichenko.
- 502.9. *Kochish Mikola M./Kočiš Mikola M.* Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 240. A.D. Dulichenko.
- 503.10. *Kovach Mikhal/ Mikhailo*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 252–253. A.D. Dulichenko.
- 504.11. *Makaï Silvester*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 316–317. A.D. Dulichenko.
- 505.12. *Nad' Havriil*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 344. A.D. Dulichenko.
- 506.13. *Niaradi Zvonimir*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 352–353. A.D. Dulichenko.
- 507.14. *Papharhai Diura/ Papharhaji Dura*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 374. A.D. Dulichenko.
- 508.15. *Ramach Iuliiian/ Ramač Julijan*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 412. A.D. Dulichenko.

509.16. *Skuban Mikola*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 461–462. A.D. Dulichenko.

510.17. *Sopka Liubomir/ Sopkov Ljubomir*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 471–472. A.D. Dulichenko.

511.18. *Striber Mirosław*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 478. A.D. Dulichenko.

512.19. *Kostel'nik Havriil/ Gabor*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 248–249. A.D. Dulichenko.

513.20. *Tamash Iulijan/ Tamaš Julijan*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 489. A.D. Dulichenko. Соавтор P.R. Magocsi.

2006

514.21. *En la serĉado de la mondlingvo aŭ interlingvistiko por ĉiuj*. Trad. A. Korĵenkov. (Serio «Scio», vol. 7). Kaliningrado: Sezonoj, 2006, 159 p. Aleksandr Duliĉenko.

515.22. *Несколько слов о Е. А. Бокареве как интерлингвисте*. Гора языков... и еще один. К 100-летию со дня рождения Е. А. Бокарева. (РАН. Институт языкознания). Отв. ред. М. Е. Алексеев. Москва, 2006, с. 128–130.

516.23. *Идея международного искусственного языка в дебрях ранней советской социолингвистики*. Sociological Theories of Language in the USSR, 1917–1938 / Социологическое направление в советском языкознании, 1917–1938 гг. 9–11 September 2006. (Bakhtin Centre. Russian and Slavonic Studies. University of Sheffield).[Sheffield], 2006, p. 16. Alexandr D. Dulichenko.

517.24. *Градишанско-хорватские сказки по-штинацки из Южного Бургенланда*. (Запоздалый отклик). Finis coronat opus. Festschrift für Walter Kroll zum 65. Geburtstag. Hg. V. Bockholt e. a. Göttingen: Universitätsverlag, 2006, S. 35–38. Александр Дмитриевич Дуличенко.

518.25. *Каишубы и их язык: некоторые аспекты этно- и лингводиференциации на рубеже XX и XXI вв.* Глобализация-этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В двух книгах. Кн. II. Отв. ред. Г. П. Нешименко. Москва: Наука, 2006, с. 325–337.

519.26. *Тайны тела и тайны языка у славян (Skrivnosti telesa in skrivnosti jezika pri Slovanih)*. Jezikoslovni zapiski (Glasilo Inštituta za slovenski jezik Frana

Ramovša), t. 12, Ljubljana, 2006, št. 1, s. 29–49. Рез. на англ. яз.: *Secrets of the body and secrets of the language with the Slavs*, p. 49. Александр Дмитриевич Дуличенко.

520.27. *О граматиках югославянско-русского языка. (У вязы з виданьом «Граматики русского языка» Юлияна Рамача).* Шветлосц, рок XLIV, Нови Сад, 2006, ч. 3, юлий – септембер, б. 332–340. Александр Д. Дуличенко.

521.28. *Славянские литературные микроязыки и современное славянское языкознание.* Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Под ред. А.Д. Дуличенко и С. Густавссона (при участии Дж. Данна). (Slavica Tartuensia VII). Тарту, 2006, с. 22–46. Рез. на англ. яз.: *Slavic Literary Microlanguages and Slavic Language Contacts*, p. 46.

522.29. *Славянские литературные микроязыки: грамматики, учебники, словари, очерки, периодика в библиографическом представлении.* Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Под ред. А.Д. Дуличенко и С. Густавссона (при участии Дж. Данна). (Slavica Tartuensia VII). Тарту, 2006, с. 386–408.

523.30. *Проблема словенских слов в Санкт-петербургских «Сравнительных словарях всех языков и наречий» 1787–1789 гг.* Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici. (Zora. 44). Uredila M. Jesenšek, Z. Zorko. Maribor: Slavistično društvo, SAZU (Ljubljana), 2006, s. 559–563. Рез. на словен. яз. A.D. Dulichenko.

524.31. *The Language of Carpathian Rus': Genetic Aspects.* Carpatho-Rusyns and their Neighbors. Essays in Honor of Paul Robert Magocsi. Ed. B. Horbal, P. A. Krafcik, E. Rusinko. Fairfax: Eastern Christian Publications, 2006, p. 107–121. A.D. Dulichenko.

525.32. ...*Страница из истории германизации славян: словинцы Померании и их язык.* Слово в словаре и дискурсе. Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. Москва: Издательство «Элпис», 2006, с. 76–80.

2007

526.33. *История интерлингвистики. Учебное пособие.* Москва: Высшая школа, 2007, 184 с.

527.34. *От СССР к России: некоторые особенности политического дискурса ранней московской демократии (из недалекого прошлого).* Политический дискурс в России. X юбилейный всероссийский семинар. 20 апреля

2007 г. Материалы. Москва: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2007, с. 90–101.

528.35. «*Index vocabulorum*» (1811) Андрея Кайсарова: первый словарь древнерусского языка. Russian Linguistics, vol. 31, Dordrecht, 2007, N 1, p. 1–29. Соавтор W. Lehfeldt.

529.36. Академик Измаил Иванович Срезневский и резьяница (с извлечениями из его путевых заметок по Резье в 1941 году). Jezikoslovni zapiski, t. 13: Merkujev zbornik, Ljubljana, 2007, N 1–2, s. 127–132.

530.37. О литературных микроязыках вообще и о славянских в особенности. (Возвращаясь к недалекому прошлому). Вестник Смоленского государственного университета, Серия 1: Филология, том 1 (Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований), Смоленск, 2007, с. 137–142.

531.38. *Slovanska in slovenska interlingvistika ter problematika lingvokonstruiranja v zgodovini slovenskega knjižnega jezika*. Obdobja – Metode in zvrsti: Razvoj slovenskega strokovnega jezika, Ljubljana, 2007, t. 24, s. 13–27. A.D. Duličenko.

2008

532.39. *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Вступительная статья. Тексты. Комментарии*. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2008, 907 с. А. Дуличенко.

533.40. Статус и проблемы развития славянских микроязыков. XIV Меѓународен славистички конгрес. Охрид, 10–16 септември 2008. Зборник на резимеа. II том. Скопје: Македонски славистички комитет, 2008, с. 299–300.

534.41. Современная этноязыковая Микрославия: состояние и перспективы развития. Русиньский язык меджі двома конгресами. Ред. А. Плїшкова. Пряшів: Пряшівска універзіта, 2008, с. 38–48.

535.42. Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии. Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008, с. 63–95.

536.43. От «книжной справы» к «типологии рефлексии» или об общем славянском литературном языке. Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008, с. 272–290.

537.44. Сучасна етноязыкова Микрославия: теперішній став і перспективи розвитку. Русин, Пряшів, 2008, № 1, с. 13–15. А. Дуличенко.

538.45. *Юрий Крижанич и проект всеславянского языка*. Русский язык в школе, Москва, 2008, № 6, с. 85–91.

2009

540.46. *Jugoslavo-Ruthenica*. Том II. Нови Сад: Универзитет у Новом Саду – Руске слово, 2009, 411 с. Александер Д. Дуличенко.

541.47. *Русский язык: покидая XX век...* Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии. Астана, 2009, с. 25–35.

542.48. *Самарканд конца 60-х гг. XX в.: отголоски памяти о Е.Д. Поливанове*. (2). Девятые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 2–3 октября 2009 года). Часть I: Е.Д. Поливанов. Проблемы социолингвистики. Вопросы методики. Лексикография. Смоленск: Смоленский гос. университет, 2009, с. 12–18.

543.49. *Нормативное и ненормативное в языке: к вопросу о разграничении и границах*. A. Bierich (Hg.). Varietäten im Slavischen. (Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe. Bd. 17). Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften Peter Lang, 2009, S. 39–46.

544.50. *К смене лексических парадигм и их составляющих в русском языке XX столетия*. Hg. V. Zhdanova. Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 38. München/ Berlin: Verlag Otto Sagner, 2009, S. 59–68.

545.51. *Идея международного искусственного языка в дебрях ранней советской социолингвистики*. Interlinguistica Tartuensis IX: Международные языки в контексте евролингвистики и интерлингвистики. / Internaciaj lingvoj en konteksto de eŭrolingvistiko kaj interlingvistiko. Материалы международной конференции (Тарту, 25–26.09.2009). Tartu: Universitas Tartuensis, 2009, p. 9–36. A.D. Dulichenko.

546.52. *Проблема общего (трансэтнического) языка в контексте евролингвистики и интерлингвистики*. Interlinguistica Tartuensis IX: Международные языки в контексте евролингвистики и интерлингвистики. / Internaciaj lingvoj en konteksto de eŭrolingvistiko kaj interlingvistiko. Материалы международной конференции (Тарту, 25–26.09.2009). Tartu: Universitas Tartuensis, 2009, p. 52–71.

547.53. *Bedeutung der slavischen Standard-Mikrosprachen für die kulturelle und sprachliche Vielfalt in Europa*. Cejano. Almanako de Tartua Esperanto-Societo, Tartu, 2009, p. 56–67. A.D. Duliĉenko.

548.54. *Славянские литературные языки в европейском лингвокультурном пространстве (о некоторых возможностях сравнительно-типологическо-*

го исследования). Отговорността пред езика. Кн. 3: Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Кина Вачкова. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславянский», 2009, с. 34–40. А. Дуличенко.

549.55. *Смена алфавитов и дуалфавитность в восточнославянских языках: из истории и практики*. Т. Berger e.a. (Hg.). Vom grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. (Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 73). München/ Wien, 2009, S. 121–136.

550.56. *Этносоциальные предпосылки и факторы формирования литературных языков малых этнических групп (микроязыков)*. Rocznik Slawistyczny, Warszawa, 2009, t. LVIII, s. 13–36. Резюме англ.: Ethnological and sociological motivations and aftors that influence the frmation of literary languages (micro-languages) in small ethnic areas, p. 36.

551.57. *Sprawozdanie z prac sekcji językoznawczych na XIV Międzynarodowym Kongresie Slawistów w Ochrydzie (9–16 września 2008)*. Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, Warszawa, 2009, t. 44, s. 279–281. А. Dulichenko. Соавторы: Н. Cychun, J. Siatkowski.

552.58. *О прекладах лужицкосербскей поезиї на литературни язык югославянских Руснацох*. Шветлосц, рок XLVII, Нови Сад, 2009, число 1, януар – марец, б. 67–75.

553.59. *Manuscript from the year 1773 on the Nothern- and Southern-Estonian languages by August Wilhelm Hupel (full-text publication on the manuscript)*. Fenno-Ugristica 28: Läänemeresoome keeltest./ On Finnougric languages. Tartu, 2009, p. 18–43. A.D. Dulichenko. В названии работы опечатка: 1733!

554.60. *Tolstoj, Nikita Il' ič*. Lexicon Grammaticorum. A Bio-Bibliographical Companion to the History of Linguistics. 2nd ed. Ed. H. Stammerjohann. Vol. II. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009, p. 1501–1503. Aleksandr D. Dulichenko.

555.61. *The Meeting of the Languages: Ruthenian Micro Languages in the Southern Slavonic Context*. Сусрет култура/ Susret kultura/ Encounter of Cultures. Fifth International Interdisciplinary Symposium. Programme and Book of Abstracts. Novi Sad: University of Novi Sad, 2009, p. 46. А. Dulichenko.

2010

556.62. *Идея международного языка в дебрях ранней советской социологии*. Russian Linguistics, vol. 34, Dordrecht, 2010, N 2, p.142–157.

557.63. *Югославянско-русински/ южнорусински у контексту языкох сучасней Микрославиї*. Studia Ruthenica 15: Зборник радова/ Зборнік роботох, Нови Сад, 2010, б. 27–54.

558.64. *Встреча языков: югославо-русинский микроязык в южнославянском контексте*. Susret kultura. Peti međunarodni interdisciplinarni simpozijum. Zbornik radova. Knj. I. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu, 2010, s. 545–559. Резюме англ.: The Meeting of the Languages: Russian Microlanguages in the Southern Slavic Context, p. 558–559.

559.65. *Більня Владімір (Бильня Владимир)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 54–55. О.Д. Дуліченко.

560.66. *Гарянські Владімір (Гарянски Владимир)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 159–160. О.Д. Дуліченко.

561.67. *Дудаши Наталія (Дудаш Наталия)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 199. О.Д. Дуліченко.

562.68. *Каменіцкі Микола (Каменічки Микола)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 305–306. О.Д. Дуліченко.

563.69. *Ковач Міхал (Ковач Михал; Ковач Михайло)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 341. О.Д. Дуліченко.

564.70. *Костельник Гавриїл (Костельник Гомзов Габор; Kostelnik Gavro)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 363–365. О.Д. Дуліченко. Соавтор П.Р. Магочій.

565.71. *Кочиш Микола М. (Кочиш Микола М.)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 371–372. О.Д. Дуліченко.

566.72. *Макаї Сілвестер (Макаї Силвестер)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 439. О.Д. Дуліченко.

567.73. *Мова. Воеводина – Сполучені штати Америки та Канада*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт

Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 499–500. О.Д. Дуліченко.

568.74. *Мовне питання*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 501–509. О.Д. Дуліченко. Соавтор П.Р. Магочій.

569.75. *Надь Гавриїл*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 525. О.Д. Дуліченко.

570.76. *Няраді Звонімір (Няради Звонимир)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 545. О.Д. Дуліченко.

571.77. *Папгаргаї Дюра (Papharhaji Dura)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 572–573. О.Д. Дуліченко.

572.78. *Рамач Юліан (Рамач Юлиан)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 627. О.Д. Дуліченко.

573.79. *Скубан Микола (Скубан Микола)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 691. О.Д. Дуліченко.

574.80. *Сопка Любомір (Сопка (Сопков) Любомир)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 703. О.Д. Дуліченко.

575.81. *Стрібер Мірослав (Стрибер Мирослав)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 718. О.Д. Дуліченко.

576.82. *Фейса Янко (Fejsa Janko)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 778. О.Д. Дуліченко.

2011

577.83. *Rusinski [mikrojezik]*. Uvod u slavenske jezike (s uvodom u balkanistiku). P. Rehder (ur.). Osijek: Sveučiliste Josipa Jurja Strossmayera, 2011, s. 127–142. A. Duličenko.

578.84. *Rezijski [mikrojezik]*. Uvod u slavenske jezike (s uvodom u balkanistiku). P. Rehder (ur.). Osijek: Sveučiliste Josipa Jurja Strossmayera, 2011, s. 247–250. A. Duličenko.

579.85. *Banatsko-bugarski [mikrojezik]*. Uvod u slavenske jezike (s uvodom u balkanistiku). P. Rehder (ur.). Osijek: Sveučiliste Josipa Jurja Strossmayera, 2011, s. 329–333. A. Duličenko.

580.86. *К обоснованию славянской лингвониимики*. Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. Отв. ред. Г. К. Венедиктов. Москва: «Индрик», 2011, с. 116–129. (РАН. Институт славяноведения).

Редактирование

1. *Slavica Tartuensia VII: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов*. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Под ред. А.Д. Дуличенко и С. Густавссона (при участии Дж. Данна). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006, 412 с.

2. *Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008)*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008, 406 с.

3. *Interlinguistica Tartuensis IX: Международные языки в контексте евролингвистики и интерлингвистики. / Internaciaj lingvoj en konteksto de eŭrolingvistiko kaj interlingvistiko. Материалы международной конференции* (Тарту, 25–26.09.2009). Тарту: Universitas Tartuensis, 2009, 256 р.

II. ВОПРОСЫ ОБЩЕГО, ИСТОРИЧЕСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Валерий Михайлович Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

БИСЕР ИЛИ РОЗЫ?

Духовная культура славян – библейская фразеология – метать бисер перед свиньями – структурно-семантическая многослойность ФЕ – амбивалентность ФЕ

*Хлебные крошки всегда вкусны,
а бриллианты бывают безвкусны.*

М.Г. Розовский. Штучки (Москва, 2008, с. 148).

Совсем, как кажется, недавно автору этих строк выпала честь писать «программную» статью в Юбилейный сборник профессора А.Д. Дуличенко, где читателю предлагался обширный обзор научной деятельности известного тартуского слависта. И вот река времени принесла следующий юбилей, а вместе с ним и проблему выбора юбилейной статьи. В этот раз сюжет подсказала работа над «Немецко-русским словарем библейских фразеологизмов» (Walter, Mokienko 2009) и «Толковым словарем библейских выражений и слов» (Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010). Детализация погружения в источники библеизмов напомнила мне скрупулезную методику анализа Юбиларом «малых языков» Славии, каждый из которых — жемчужинка в славянском языковом море. *Жемчуг – бисер*, а нередко и отношение к «малым языкам» с высокомерным пренебрежением со стороны носителей «великих и могучих» напомнило старый и мудрый библейский сюжет из «Нагорной проповеди» и пословицу и поговорку, выросшие на его основе.

Неодобрительно окрашенное выражение *метать (рассыпать) бисер перед свиньями* давно известно в русском языке в значении ‘напрасно высказывать мысли и чувства, ценные в каком-л. отношении, тому, кто не способен понять, оценить это’. Оно образовано от пословицы *Не мечите бисера перед свиньями* ‘Не стоит тратить слов для убеждения, доказательства или разъяснения чего-л. с теми, кто этого не понимает или не может понять’.

Преимущественно книжная стилистическая окраска фразеологизма и пословицы задана их происхождением. Они являются метафорическим осколком «Нагорной проповеди» Иисуса:

Не дадите святая псам, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свинѣями, да не поперутъ ихъ ногами своими (Матф. 7, 6).

В русском переводе **бисеръ** (**бисерь**) был передан более точным современным эквивалентом *жемчуг*, а множественное число стало единственным: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими, обратившись, не растерзали вас». Смысл высказывания глубок: бесполезно приобщать к духовным ценностям тех, кто не желает или не готов к своему духовному совершенству. Контраст между духовными ценностями и низменными интересами выражен здесь с помощью образов нечистых для израильтян и других народов Иудеи животных — псов и свиней, олицетворяющих в Евангельском тексте нечестивцев и беззаконников. *Бисер* (*жемчуг*) же здесь символизирует слово Божие (Дубровина 2008, 176–177).

Библейское происхождение оборота давно уже отмечают многие русские словари, не всегда, правда, оговаривая факт его заимствования именно из церковнославянского, а не современного евангельского текста (Редников 1883, 12; Михельсон 1902, I, 659; Займовский 1930, 210; Ашукины 1966, 440; Шанский 1985, 98; Опыт 1987, 89; БМШ 2000, 312–313; 2008, 2, 59; Худякова 2000, 162; Серов 2003, 465; Мелерович, Мокиенко 2005, 75; Алефиренко, Золотых 2008, 36–37; Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010, 69–70). Отсылка же именно к церковнославянскому **бисеръ** ‘жемчуг’ весьма важна, ибо сейчас это слово имеет иное значение — ‘очень мелкая цветная бусинка (из стекла или металла), используемая для изготовления украшений, вышивки и т.д., а переносно характеризует мелкий почерк’ (БТС 1998, 80).

Популярности выражения способствовало его употребление в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» 1783 г. (д. 2, явл. 5):

Кутейкин: Подавал я в консисторию челобитье... На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала с отметкою: «Такого-то де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть – не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами».

В современном русском языке как пословица, так и образованный от нее оборот весьма употребительны. Об этом свидетельствуют не

только их точные воспроизведения в художественной литературе и прессе, но и активные трансформации. Их типология предложена в одном из наших словарей (Мокиенко, Мелерович 2005, 74–75). Воспроизведем ее, подключив и наиболее показательные контексты из разных словарей и других источников:

1. Нормативное употребление:

— Мишель, ты забыл заповедь Спасителя: *не мечите бисера перед свиньями*, ты забыл, что все святое в жизни должно быть тайною для профанов (В.Г. Белинский. Письмо М.А. Бакунину, 1 ноября 1837 г.);

— Ты вот молчишь. Монументально молчишь, как бронзовый. Это ты — по завету: «Не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами» — да? — Я не люблю проповедей. И проповедников, — сухо сказал Самгин (М. Горький. Жизнь Клима Самгина);

— И ты, гад, меня посмел принять за белогвардейца? Меня, русского летчика Тентенникова, Кузьму Тентенникова, чье имя знает каждый спортсмен и каждый любитель авиации в России... А, впрочем, зачем *метать бисер перед свиньями*, — сердито сказал Тентенников, ... с ненавистью глядя на Риго. — Жалею, что встретились (В.М. Саянов. Земля и небо);

Священник действительно оказался обладателем прекрасного голоса. Дома оказалась теща — интеллигентная сухая старушка, которая села за длинный рояль и стала аккомпанировать зятю... Старушка была сдержанна, противновата. Перед тем как сесть за инструмент, спросила: «А они понимают?» — в том смысле, что стоит ли *метать бисер перед свиньями*. Священник кивнул: дескать, стоит, можно *немножко пометать* (В. Токарева. Длинный день).

2. Структурные преобразования:

а) Расширение компонентного состава ФЕ:

Газета моя будет немного похуже «Северной пчелы». Угодять публике я не намерен; браниться с журналами хорошо раз в пять лет, и то Косичкину, а не мне. Стихотворений помещать не намерен, ибо Христос запретил *метать бисер перед публикой*; на то проза-мякина (А. Пушкин. Письмо М.П. Погодину);

— Сотник! Вы не имеете права так говорить о женщине, о русской женщине, которая в час опасности для родины встала под знамена и надела эту серую солдатскую гимнастерку. — Все они ... — выразился Нечитайло, и Небольсин понял, что *напрасно будет метать бисер перед свиньями*: здесь отношение к женщине только одно... (В. Пикуль. Из тулика);

Поживи пока у меня, а там, может, и подвернется что-нибудь. Не жалея, что ушел от хозяина. Да и *бисер перед свиньями метал зря* (И. Козлов. Ни время, ни расстояние);

Конечно, критик вправе нас во многом Сурово упрекнуть, но если он, К несчастью нашему, обижен богом И с малолетства юмора лишен... Пусть спрашивает — бог ему судья, А *бисера метать не буду я Перед свиньей, хотя бы и ученой* (А. Гитович. В землянках).

б) Замена компонентов ФЕ:

Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и не *метать бисера перед Репетиловыми и тому подобными* (А.С. Пушкин. Письмо А.А. Бестужеву, 25 января 1825 г.);

Скоро примемся за излюбленного автора нашего, будем *рассыпать чеховский жемчуг перед публикой*, будем кружево плести, кружево тончайшей психологии людской (О. Книппер-Чехова. Письмо Немировичу-Данченко);

Еще пословица: «*Не мечите бисера перед свиньями*». *Перед кем мечет Чацкий свой гнев?* Перед Фамусовыми, Скалозубами, Хлестаковыми? Он должен презирать их и гордо молчать. Нет. Чацкий не мой любимый герой! (М. Прилежаева. Осень).

3. Трансформации ФЕ, основанные на вычленении ключевого компонента (эллипсис и др.):

Хотел было начать рассказывать о процессе над Мигулиным, очень драматичном и бурном, для молодежи поучительном, но почувствовал после первой же фразы, что особого интереса ни у кого нет, и умолк внезапно. Ни к чему все это. *Метать бисер* (Ю. Трифонов, Старик);

Но Чацкий осужден не за содержание своих речей, а за их адрес, иначе говоря, за способ своего действия. Он мечет бисер перед Фамусовым и Скалозубом (М. Нечкина. Грибоедов и декабристы);

И чего я ввязался? Право, стыдно. И даже пакостно. Нашел *перед кем бисер метать*. И про туризм, и про Афган... Совершенно напрасно, глаза-то у них бесстыжие... (Ю. Ложиц. Унион);

В воскресенье, перед вечером, пришел отец Яков... Как и в первое свое посещение, он был красен и потен, сел, как и тогда, на краешек кресла. Кунин порешил не начинать разговора о школе, *не метать бисера* (А. Чехов. Кошмар);

Смейтесь, дядюшка; вы правы; я виноват один. Поверить людям, искать симпатии в ком? *рассыпать бисер перед кем?* (И. Гончаров. Обыкновенная история);

— Чему вы улыбаетесь? — Незнакомка снова затянулась. — Слишком грубо работаю? — Есть немного, — засмеялся он. — А с мужчинами так и нужно, — хладнокровно заявила она. — Знаете, *бисер перед свиньями*. Да и времени у нас немного, того и гляди ваша пионерка вернется (Б. Акунин. Внеклассное чтение);

Раньше негодовали, что слабо учат писанию, а я и тогда говорил: «учат хорошо и сколько надо для всякого, *не мечите бисер — попрут*»; вот они его теперь и *попирают* (Н. Лесков. Полуношники).

4. Оказиональные ФЕ:

И для чего была борьба с тоской в часы визита до этого, ее *щедрое рассыпание юмора* в сыгранной «словоохотливости», которым она «занимала» их? *Бисер перед свиньями!* (А. Цветаева. Воспоминания);

Иона обвел всех сердитым внимательным взглядом, как будто желая удостовериться, действительно ли способен окружающий его народ проникнуться серьезностью его чтения и не унижится ли он, Иона, *до метания бисера перед свиньями* (Н.Н. Златовратский. Устои);

Доктор между тем с трудом удерживал выражение презрения к этому старому баричу и с трудом спускался до низменности его понимания; он понимал, что со стариком говорить нечего и что глава в этом доме мать. Перед нею-то он намеревался *рассыпать свой бисер* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина);

Первые сорок минут встречи Гольдберг разливался соловьем, щедро *сыпал свой бесцветный бисер, нет — не перед свиньей...* Зверь, который перед ним сидел, смотрел на него жесткими голубыми глазами, обладал стальными челюстями, железной хваткой и алмазной крепости честолубием, соответствующим юношескому прозвищу [Боня от Бонапарт] (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого);

Если дать им хорошие вещи, то они сделают с ними то, что *делали с бисером* упомянутые в Евангелии *свиньи* (Н. Лесков. Загон).

Как видим, активность библейского выражения в современном языке и в произведениях русской классической литературы несомненна. Оно даже попало в современный молодежный жаргон, где, правда, несколько изменило свое значение: *метать бисер* — ‘бояться, испытывать чувство страха’ (Максимов 2002, 34).

Библейский фразеологизм *метать (рассыпать) бисер перед свиньями* не обошли своим вниманием и составители двух фразеологических словарей когнитологического направления, недавно появившихся в печати. В «Большом фразеологическом словаре» под ред.

В.Н. Телия он получил всестороннее лингвистическое и культурологическое описание. Вот комментарий к этому выражению:

«МЕТАТЬ <РАССЫПАТЬ> БИСЕР [ПЕРЕД СВИНЬЯМИ] кто [*перед кем*]. Высказывать мысли и чувства тому, кто не способен или не хочет понять и оценить их по достоинству. *Имеется в виду, что* лицо или группа лиц (X) не предполагают, что лицо или группа лиц (Y), к которым обращена речь, не поймут их и не оценят сказанное. *Говорится с неодобрением.* Книжн. ♦ *X мечет бисер перед Y-ОМ.*

Именная часть неизм. В констр. с отриц. возможна форма *бисера: не мечите бисера*. Глаг. обычно в повел. накл. Обычно в роли сказ. Порядок слов-компонентов нефиксир.

<...> Образ фразеол. восходит к библейским слоям культуры, в данном случае — к тексту Евангелия: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7, 6). Выражение *метать жемчуг перед свиньями* «означает то же самое, что и предлагать слова истины и благоразумия людям, презирующим оные и встречающим подобные советы насмешками и оскорблениями» (Библейская энциклопедия. Москва, 1891, с. 630).

В образе фразеол. компонент *бисер* (церк.-слав. название жемчуга) выступает в роли символа чего-л. ценного, значимого, в то время как компонент *свиньи* служит эталоном низменного, невежественного человека (ср. с религиозными представлениями иудеев и мусульман о свинье как о нечистом животном; ср. тоже о собаке).

Образ фразеол. в целом выступает в роли символа поднесения «дара» недостойным его воспринять» (БФС 2006, 382–383).

Не менее развернутый когнитологический комментарий дает и словарь Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых (2008, 36–37):

«МЕТАТЬ БИСЕР ПЕРЕД СВИНЬЯМИ (прост.) Напрасно говорить о чем-либо или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять это; говорить, рассуждать о чем-л. недоступном пониманию слушателей. Синонимы: **Хоть кол на голове теши** кому (*прост.*), **пушкой не прошибешь (не пробьешь)** кого (*прост.*). Антонимы: **Стоять на своем** (*разг.*) — упорно отстаивать взгляды, какое-л. мнение; упорствовать в чем-л.; **из кожи (из шкуры) лезть <вон>** (*разг.*) — усердствовать, упорствовать в чем-л.; стараться изо всех сил; **нашла коса на камень** (*разг.*) — непримиримо столкнулись различные взгляды, интересы, характеры и т.п., когда никто не хочет уступать другому; **гнуть свою линию** (*разг.*) — упорно, с упрямой настойчивостью добиваться своего (иногда наперекор здравому смыслу). <...>

а) В образной речи в функции предложения. Иногда используется в образной речи в функции присоединительной конструкции. Интонационно выделяется слово *бисер*.

б) Выражение библейского происхождения. В Евангелие от Матфея сказано, что однажды Иисус вззошел на гору и произнес перед толпой народа проповедь. Она так и названа — Нагорной. Среди других мудрых поучений в ней содержится и такое: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф, 7, 6). Слово *бисер* употреблено здесь в значении 'жемчуг', поэтому в современных переводах Евангелия оно заменено словом *жемчуг*: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас» (Мф, 7, 6) <...>. И хотя оба слова (*бисер* и *жемчуг*) существуют в русском языке с XI в., в данном выражении слово *бисер* закрепилось в устарелом, сохранившемся в церковном языке, значении 'жемчуг', которое можно встретить еще в начале XIX в. Например: Все витязи и бояре знатные вокруг нее ухаживали: кто дарил ее золотой камкой, кто заморским бисером (М. Загоскин. Аскольдова могила). К середине XIX в. словом *бисер* уже называли только мелкие бусинки из стекла, т.е. более дешевое украшение, чем натуральный жемчуг. А словом *жемчуг* в современном русском языке называют только драгоценные перламутровые образования, возникающие в раковине.

в) Используется, когда хотят сказать, что бесполезно произносить слова истины и благоразумия перед теми, кто не может ни понять, ни оценить их по достоинству. Употребляется часто с отрицанием и в форме повел. накл. как предостережение о пустой трате времени при высказывании своих суждений, мыслей перед теми, кто не в состоянии ни понять, ни тем более оценить их. Достаточно напомнить мысли А.С. Пушкина, высказанные им в письме к А. Бестужеву: *Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед репетиторовыми и тому под.*

г) Концепт «Напрасные усилия».

д) Элитная лингвокультура.

е) Языковая память поддерживается словами-ассоциатами: *копье, икру, мяч, молнии, диск, рвать, стрелы, искры, варенье, взгляды, врать, в сторону и др.*» (Алефиренко, Золотых, 2008, 36–37).

Как видим, при всей многослойности и терминологической усложненности когнитологической модели описания ядром словарной статьи в обоих словарях остается собственно этимологический, историко-источниковедческий параметр — отнесение оборота к конкретно-

му фрагменту «Библии» и семантическая расшифровка слова *бисер* в его составе. Традиционное толкование этого библеизма, следовательно, принимается составителями как аксиоматическое.

Могут ли дальнейшие историко-этимологические разыскания что-либо добавить к такой абсолютно точной культурологической паспортизации?

Как кажется, на этот вопрос можно ответить утвердительно, хотя источник выражения, несомненно, идентифицирован точно. Ведь ретроспективное углубление в сакральные и классические тексты способно обнаружить культурологические концепты, лежащие в самых нижних слоях фразеологического палимпсеста. Так, работая над «Немецко-русским словарем библейских фразеологизмов» (Walter, Mokienko 2009, 119–120), мы столкнулись с культурологической загадкой, связанной именно с этим библеизмом. В немецком языке оборот зафиксирован с 1200 г. и имеет ту же структуру и образность, что и в русском — *Perlen vor die Säue werfen*, поэтому его считают этимологически прозрачным: свиней кормят обычно отбросами, помоями, чем-л. абсолютно ненужным (Duden, Bd. 11/1992, 541).

Выражение известно всем языкам европейских христианских народов, и во многих из них речь идет именно о жемчуге, напр.:

белорус. *сыпаць бисер перад свіннямі*; укр. *метати (сипати, розсипати) бисер перед свиньми, кидати (розсипати) перла перед свиньми, кидати бисер свиням*; болг. *Свиня бисер не отбига*; польск. *rzucić perły przed wieprze*; хорв.-серб. *bacati/ baciti biser pred svinje (pred krmke)*; англ. *to throw (to cast) pearls before swine; Pearls are ill valued by hungry swine; Neither cast your pearls before swine*; исп. *echar perlas delante los puercos, No arrojéis perlas delante de los puercos*; нем. *Perlen vor die Säue werfen; Perlen muß (soll) man nicht vor die Säue werfen; Wer Perlen schüttet vor die Schweine, Die bleiben schwerlich alle reine*; франц. *donner des perles aux porcs (aux pourceaux), jeter ses (des) perles aux pourceaux*; итал. *gettare le perle dinanzi a'porci; Buone ragioni male intese Sono perle a' porci stese* и др.

На первый взгляд, противопоставление «нечто ценное» (жемчуг) – «нечто ненужное» (отбросы для свиней), заложенное в традиционном прочтении библейской фразы, кажется весьма убедительным. Но несколько «несовместным», однако может показаться пусть и антитезисное, но все-таки неоднородное приравнивание драгоценного и несъедобного жемчуга к съедобным пищевым отбросам. Такая

несовместность, как оказывается, имеет свои древние образные корни и в своих истоках порождена неточным переводом текста «Библии». На знаменитой картине голландского художника Питера Брейгеля «Нидерландские пословицы» свиньи едят не жемчуг, а ... мелкие цветочки.

Почему на его картине эта пословица иллюстрируется иначе?

Оказывается, разгадка скрыта именно в языковой ретроспекции евангельского текста. В латинском его переводе («Вульгате») эта цитата звучит так: *Neque mittatis margaritas vestras ante porcos, ne forte conculcat pedibus suis* (Mt 7,6; «Vulgata»), т.е. ‘Не бросайте *margaritas* перед свиньями, да не попрут его ногами своими’. Из этого перевода образовался и фразеологизм *proicere margaritas ante porcos*, эквивалентный русскому *метать бисер перед свиньями* (Arthaber 1989, 535).

Комментируя эту библейскую цитату из латинской «Вульгаты», некоторые исследователи (Г. и Р. Кахане) связывают слово *margaritas* ‘жемчуг’ со старой традицией византийской церкви, когда освященный хлеб, раздробленный на маленькие крошки, так и назывался по-гречески *μαργαριτας* — букв. ‘жемчужинки’. До сих пор в новогреческом языке это слово является обозначением как жемчуга, так и хлебных крошек. Ср. название русской каши *перловка* и устаревшее *перл* ‘жемчужина’. Следовательно, соответствующее место «Библии» можно буквально перевести: *Не бросайте псам освященного мяса, а свиньям освященного хлеба* (resp. хлебных крошек). В этом контексте важно то, что в др.-еврейских представлениях свинья является символом нечистоты, святыня же должна сохранять абсолютную чистоту (Röhrich 1993, 4, 1147). Любопытно, что греч. *μαργαριτας* (через лат. перевод «Вульгаты») — *margaritas* приобрело в европейских языках народно-этимологические ассоциации с названиями цветов. М.И. Михельсон приводит, например, франц. *Il ne faut pas semer des marguerites devant le pourceaux* — букв. ‘Не нужно сеять эти маргариток перед свиньями’ (Михельсон 1902, 1, 659), а в многоязычном собрании европейских пословиц А. Артхабера зафиксирована франц. *C’est folie semer les roses aux pourceaux* — букв. ‘Безумие рассеивать розы перед свиньями’ (Arthaber 1989, 535).

Один из двух вариантов библейского выражения в нидерландском языке поэтому также включает название розы: *paarlen voor de*

zwijnen werpen и *rozen voor de varkens strooien* — букв. ‘бросать розы перед свиньями’. Именно этот второй вариант стал образной основой фрагмента картины Питера Брейгеля «Нидерландские пословицы».

Точная флористическая идентификация слова *маргарита* (*margarita*) затруднена в силу его многозначности с древнейших времен:

«Слово *маргарита* (*margarit[a]*) — и популярное женское имя, и название различных видов цветов и некоторых фруктов и овощей, — пишет известный чешский этимолог Фр. Копечный. — В значении ‘жемчуг’ оно зарегистрировано лишь в древнерусском языке (*маргарит* или *маргарита*) и в болгарском (*маргариот*). Но исходное значение имени *Маргарита* в европейских языках в основе своей имеет лат. *margarita* ‘жемчужина’. <...> Само же латинское слово восточного происхождения. Через посредство др.-греческого и других языков оно восходит к др.-индийскому ‘бутон, почка’ и ‘жемчужина’» (Корецнý 2009, 50).

Древняя символика жемчуга овеяна мифами. Так, на многих островах Средиземного моря были святилища Афродиты, где моряки приносили благодарственные молитвы этой богине — их покровительнице. И наиболее типичным даром моряков был именно жемчуг. Им во многих местах украшались статуи Афродиты. Отсюда один из эпитетов Афродиты — *Маргарито* «Жемчужная», породивший и популярное ныне европейское женское имя (Суслова, Суперанская 1991, 18).

Действительно, хотя слово *бисѣрь* было основным наименованием для жемчуга в древнерусском языке, но и слово *маргаритѣ* (из греч. *μαργαριτας* ‘жемчужины’) употреблялось как его синоним и даже стало названием выбора из слов Иоанна Златоуста — книги из числа книг «Нового закона» (от «Апостольский заповеди») (Срезневский 1893–1912, 2, 112). В состав русского библейского выражения, тем не менее, оно так и не вошло, ибо уже с XI в. в древнерусском оно закрепилось лишь с компонентом *бисер* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, 53):

Не помѣтайте бисѣрь вашихъ прѣдъ свиньями, да не поперѣтъ ихъ ногами своими [и вращѣе ся растръгнѣтъ вы] (Матф. 7, 6. «Остромирово Евангелие», 1057 — СлРЯ XI–XVII, 17, 97; 22, 96; 23, 16);

Не помѣштете бисѣрь прѣдъ свиньями (Матф. 7, 6. «Пандект Антиоха Черноризца», XI в. — СлРЯ XI–XVII, 17, 14);

Не помѣщите бисера моего предъ свиньями, да его не попрѣтъ ногами («Древнерусские слова поучения, направленные против язычества в народе», XV–XVI в.) — СлРЯ XI–XVII, 17, 14);

Не сыпь бисеру перед свиньями, да не попрѣтъ его ногами (Сим., 124);

Не мечи бисер (бисера) перед свиньями, да не попрут его ногами (Сн.1848, 277; ДП 2, 119; Д 1, 88);

Не мечи бисер перед свиньями (Д 2, 322).

Иные наименования жемчуга не вошли в состав библейского оборота и во многие другие языки, несмотря на древнюю фиксацию и активную варьируемость. Так, слово *biser* осталось «монополистом» в хорватском, где *bacati/ baciti biser pred svinje (pred krmke)* хорошо описан лингвистами и зарегистрирован большинством словарей (Fink Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010, 121).

Таким образом, история библейского выражения о жемчуге и свиньях не столь семантически проста, как может показаться теологам, культурологам и когнитивистам. Инерция амбивалентного восприятия заложена в нем этимологически: уже древнеиндийское обозначение жемчуга было синкретичным, именуя это драгоценное перламутровое вещество, сокрытое в раковинах, метафорически, — как ‘бутон’ или ‘почка’. Метафорический синкретизм, перенесенный через восточные языки в греческий и латынь, обеспечил двойное семантическое истолкование фрагмента библейского текста. Отсюда и его разное восприятие читателями и слушателями разных переводов «Библии». И хотя противопоставление жемчуга пищевым отбросам тематически неоднородно, оно закрепилось в большинстве европейских языков. Питер Брейгель же, вдохновленный не только голландским переводом «Вульгаты», но и собственным чутьем художника, избрал для своей картины «Нидерландские пословицы» более древний и точный образ. Ведь библейские свиньи, попирающие ногами нежные розовые лепестки, столь же мало понимают в этих цветах, как и пресловутая современная свинья в апельсинах.

Пусть же розы и почести, которыми, несомненно, будет усыпан профессор Александр Дмитриевич Дуличенко в день своего Юбилея, станут ему достойной наградой за многотрудную и долголетнюю охоту за жемчужинами «малых языков» в необъятном море Славии. А те, кому недоступно увидеть великое в малом, пусть блещут на его празднестве своим отсутствием.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Золотых 2008 — Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. *Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики* [Текст]. Москва, 2008.
- Ашукины 1966 — Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина *Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения*. 3-е изд. Москва, 1966, 824 с.
- БМШ 2000 — В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва, 2000, 624 с.
- БМШ 2008–2009 — В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*. : ок. 5000 ед.: в 2-х т. Т. 1–2. (Т. I. А–М. — 658 с.; — Т. II. Н–Я. — 656 с.). Под ред. С. Г. Шулежковой; 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск – Greifswald, 2008–2009.
- БТС 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. С.-Петербург, 1998, 1536 с.
- БФС 2006 — *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Отв. ред. В.Н. Телия. Москва, 2006, 784 с.
- Д — В.И. Даль. *Толковый словарь живого русского языка*. Т. 1–4. 3-у изд. Москва, 1955.
- ДП — В.И. Даль. *Пословицы русского народа*. Т. 1–2. 3-е изд. Москва, 1984 (1-е издание 1861–1862).
- Дубровина 2008 — К.Н. Дубровина *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов русского языка* (рукопись, компьютерная версия). Москва, 2008, 553 с.
- Займовский 1930 — С.Г. Займовский. *Крылатое слово. Справочник цитат и афоризма*. Москва – Ленинград, 1930, 493 с.
- Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010 — В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина *Толковый словарь библейских выражений и слов*. Ок. 2000 единиц. Москва, 2010, 639, [1] с.
- Максимов 2002 — Б.Б. Максимов. *Фильтруй базар. Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Около 31500 слов и устойчивых словосочетаний*. Подготовка к рукописи и издан. и вступ. статья С.Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2002, 506 с.
- Мелерович, Мокиенко 2005 — А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. *Фразеологизмы в русской речи. Словарь*. 3-е изд. Москва, 2005, 855 с.
- Михельсон 1902–1903 — М.И. Михельсон. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Т. 1. С.-Петербург, 1902, 779 с.; т. 2, 1903, 580+250 с.

- Мокиенко 2006 — В.М. Мокиенко. *Малые языки большого ученого. Микро-языки, языки, интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Под ред. А. Кюнаппа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu, 2006, с. 9–22.
- Мокиенко, Никитина, Николаева 2010 — В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц*. Под общ. ред. В. М. Мокиенко. Москва, 2010, 1024 с.
- Опыт 1987 — Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. Москва, 1987, 239 с.
- Редников 1883 — И. Редников. *Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т.п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением*. Вятка, 1883, 229+XV с.
- Серов 2003 — В. Серов. *Крылатые слова: Энциклопедия*. Москва, 2003, 831 с.
- Срезневский 1893–1912 — И.И. Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1–3. С.-Петербург, 1893–1912.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. Москва, 1975–2006.
- Сн. 1848 — И.М. Снегирев. *Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым с предисловием и дополнениями*. Москва, 1948.
- Суслова, Суперанская 1991 — А.В. Суслова, А.В. Суперанская. *О русских именах*. 2-е изд., испр. и доп. Ленинград, 1991, 220 с.
- Худякова 2000 — *Фразеологизмы русского языка*. Сост. М.Ф. Худякова. Екатеринбург, 2000, 208 с.
- Шанский 1985 — Н.М. Шанский. *Фразеология современного русского языка*. Москва, 1985, 160 с.
- Arthaber 1989 — A. Arthaber *Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica)*. Milano, 1989, 822 s.
- Duden 1992 — *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Bearbeitet von Günther Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht. Duden, Bd. 11. Mannheim–Leipzig–Wien–Zürich, 1992, 864 S.
- Fink Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010 — Ž. Fink Arsovski, B. Kovačević, A. Hrnjak. *Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim rdovima*. Zagreb, 2010, 814 s. (CD).
- Kopečný 2009 — *Dobrodružství etymologie. Články Františka Kopečného z prostějovského časopisu Štafeta* (= Studia etymologica Brunensia 7). Ed. A. Bičan, E. Havlová. Praha, 2009, 227 s.

- Röhrich 1993 — L. Röhrich. *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Bd. 1–IV. Feiburg–Basel–Wien, 1991–1993.
- Walter, Mokienko 2009 — H. Walter, V.M. Mokienko. *Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald, 2009, 199 S.

V. Mokienko. Klaaspärlid või roosid?

Slaavlaste hingekultuuri läbivad Piibli motiivid. Fraseologismi *метать бисер перед свиньями* («pärlleid sigade ette heitma») näitel vaadeldakse selle struktuur-semantilisest mitmekihilisusest, jälgitakse antud fraseologismi semantilisest ambivalentsust, mida kinnitab ka mitmetest keeltest kogutud materjal.

Младен Ухлик/ Mladen Uhlik
Univerza v Ljubljani – Université de Lausannes

**ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА
И СМЕШАННЫХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ТРУДОВ
И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И Ф.Ф. ФОРТУНАТОВА**

История лингвистики – критика натуралистического направления – языковое родство – сравнение языков – смешение языков – гармония гласных – зарождение социальной лингвистики – Бодуэн де Куртенэ – Фортунатов

Предметом нашего исследования является дискуссия о родстве языков и их смешанном характере. Таковая развернулась в последнее десятилетие XIX в., когда ряд языковедов поставили под вопрос концепцию эволюционизма А. Шлейхера (1821–1868), в соответствии с которой модель генеалогического древа основывается на аналогии, проведенной между эволюцией живых существ и эволюцией языков. Согласно модели *Sprachbaumtheorie* Шлейхера, наподобие того, как животные виды представляют собой следствие прогрессивной диверсификации первоначальных видов, многообразие языков есть результат дивергентной эволюции небольшого числа праязыков, из которых генетически произошли остальные языки. Гипотеза Шлейхера, таким образом, не что иное, как естественная наука, которая уподобляет языки биологическим организмам. Многочисленные лингвисты — такие как И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) и Мишель Бреаль (1832–1915) — упрекали лингвистов-натуралистов — Шлейхера и Макса Мюллера (1823–1900) в идее механического развития языков, без возможного вмешательства человеческой деятельности, способной повлиять на их изменение¹.

Поскольку мы акцентируем наше внимание также на проблеме сходства между различными языками, важно напомнить, что данная лингвистическая модель первой половины XIX в. объясняла сходство одним и тем же генетическим происхождением: два языка похожи, так как они принадлежат одной и той же семье и происходят

от общего праязыка. Эта модель основывается на идее, согласно которой сравнительное исследование родственных языков позволяет реконструировать схему генеалогического древа. Анализ языковедов, придерживавшихся данной парадигмы, опирался исключительно на «автохтонные и стабильные речевые элементы, оставляя в стороне все переходные и заимствованные явления» (Ivanova 2006, 82), поэтому «проблема смешения языков часто сводилась к выявлению заимствований в представленном языке» (там же). Лишь во второй половине XIX в. проблематика смешения языков проявила себя во всей полноте, а именно в период кризиса модели натуралистической лингвистики, который был, в свою очередь, отмечен новым интересом к неиндоевропейским языкам. При этом актуальность данной дискуссии проявляет себя в последние десятилетия XIX в., когда представители старого движения начинают негативно отзываться об идее существования смешанных языков. Так, М. Мюллер, немецкий филолог и один из основателей сравнительной мифологии, выдвигает тезис «Es gibt keine Mischsprache»² («Не существует смешанных языков») (Müller 1872, 86). Данная концепция объясняется тем, что ученый отождествляет язык с грамматикой — организованной и прочной системой, которая никогда не меняет своей сущности и не смешивается с другими системами (там же). Эта позиция была сразу же подвергнута критике со стороны Хуго Шухардта (1842–1927), который, придавая особую значимость понятию скрещивания, заявил: «Es gibt keine völlig ungemischte Sprachen» существует³ («Абсолютно чистого языка не бывает») (Schuchardt 1884, 5).

Данная проблематика будет рассмотрена в виде сравнения двух подходов к языковому родству в соотношении с вопросом смешения языков.

Классификация языков и проблема их родства в работах Фортунатова

Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) — один из языковедов, современников Бодуэна, чьи идеи, касающиеся языкового родства, не отстоят далеко от модели генеалогического эволюционизма. Его идеи о классификации языков и о проблеме родства вписываются в рамки сравнительно-исторического языкознания конца XIX в. В данной работе основным материалом для нас служат лекции Фортунатова, собранные после смерти ученого его двумя учениками —

В.К. Поржезинским (1870–1929) и М.Н. Петерсоном (1885–1962). Особенно важна глава под названием «Сравнительное языкознание» (Фортунаатов 1956, 23–199).

В отличие от Бодуэна, московский лингвист никогда не подвергает критике модель Шлейхера. Напротив, он пользуется натуралистическими схемами и метафорами последнего: его классификацией индоевропейских языков, семей языков⁴; предполагает существование праязыка, делящегося на различные ветви (он различает следующие ветви: индийская, иранская, армянская, албанская, греческая, итальянская, кельтская, германская, балтийская, или литовская, и славянская⁵). Каждая ветвь объединяет языки, подразделяющиеся на диалекты. Согласно данной концепции нисходящего развития, все языки одной ветви развились из общего праязыка, а все и.-е. праязыки вышли, в свою очередь, из и.-е. праязыка (Фортунаатов 1956, 41). Хотя Фортунаатов считает, что каждая языковая семья имеет свой праязык, он, однако, не придерживается моногенетической гипотезы существования общего праязыка всех семей. Дивергентное развитие из общего праязыка ограничивается, таким образом, рамками одной языковой семьи. Он полагает, что современное ему языкознание не владеет достаточными средствами, чтобы доказать отношения родства между праязыками различных семей⁶, или чтобы засвидетельствовать существование универсального праязыка. Главная задача сравнительно-исторического метода, используемого Фортунаатовым, — реконструировать и.-е. праязык, основываясь на изучении всех языков каждой ветви данной семьи. Внутри каждой ветви историко-сравнительный подход позволяет нам осуществить реконструкцию каждого общего праязыка по отношению ко всем языкам этой группы, которые представляют свои изменения во времени (Фортунаатов 1956, 42). Далее он предлагает схему различных семей неиндоевропейских языков, сгруппированных по континентам⁷. К натуралистической классификации он добавляет социально-историческую интерпретацию: эволюция языков не является результатом лишь внутренней речевой эволюции, но прежде всего истории общества, т.е. представляет результат внешней эволюции. История языка отражает историю социума. Так, в его первых лекциях мы находим идею о том, что развитие языка зависит от говорящих на нем:

«<...> язык в числе других элементов сам образует и поддерживает связи между членами общества, но связи в языке членов общества зависят,

в свою очередь, и от связей членов общества в других элементах. Язык с течением времени видоизменяется, язык имеет историю, но эту историю язык имеет в обществе, т.е. как язык членов общественного союза» (Фортунатов 1956, 59).

Идея о существовании связи между историей общества и историей языка подчеркивается в следующей цитате:

«Каждый язык принадлежит известному обществу, известному общественному союзу, т.е. каждый язык принадлежит людям как членам того или другого общества. Те изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями» (Фортунатов 1956, 24).

Таким образом, распад социальной общности ведет за собой расчленение единого языка на диалекты (напр., распад и.-е. народности привел к разделению на языковые семьи), и, наоборот, объединение членов одной социальной общности становится причиной слияния различных диалектов в один язык. Внутри и.-е. семьи языки могут быть рассмотрены как бывшие диалекты одного праязыка. Как пример разнонаправленного развития Фортунатов приводит дробление и.-е. праязыков на диалекты, которые затем становятся отдельными языками (балто-славянский язык разветвляется на два диалекта — славянский и балтийский, которые, в свою очередь, подразделяются на различные языковые ветви). В качестве типа конвергентного развития он приводит пример литературного языка, который является результатом объединения различных диалектов (Фортунатов 1956, 69).

Фортунатов считает, что история языков, образование новых языков и новых диалектов является постепенным и непрерывным процессом. Речь идет о постоянном чередовании расщепления и объединения языков и наречий внутри одной семьи. В отличие от Бодуэна, он не придает большого значения феномену смешения или скрещивания языков. Хотя Фортунатов и не декларирует это напрямую, очевидно, что он придерживается логики, согласно которой языки могут влиять друг на друга при помощи лексических заимствований, но всегда сохраняют характерную только для них сущность. Он полагает, что главными причинами сходства между различными языками являются следующие (там же, 69):

— общее сожителство (т.е. общее прошлое) сравниваемых языков (по его мнению, чем больше языки родственны, тем больше у

- них шансов иметь общее прошлое). Здесь, в отличие от Бодуэна, он не затрагивает проблемы полигенетизма или скрещивания языков, которые вызваны следствием контакта языков, принадлежащих к разным языковым семьям;
- влияние одного языка на другой, которое проявляет себя в виде различного рода заимствований (хотя Фортунатов не исключает возможности подобного рода влияний между неродственными языками, но все случаи влияния, приведенные им, ограничиваются лишь и.-е. языками) (Фортунатов 1956, 69).

Несмотря на то, что Фортунатов придерживается главным образом генеалогической логики, в его лекциях мы находим также идею о возможности сравнения неродственных языков. Так, сходство между неродственными языками может быть и результатом похожих условий жизни носителей сравниваемых языков⁸. Другая причина сходства между неродственными языками заключается, по Фортунатову, в том, что все языки представляют собой различные проявления человеческой речи. В данном контексте он определяет предмет науки о языке следующим образом:

«Предметом, изучаемым в языковедении, является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории» (Фортунатов 1956, 23).

Несмотря на все различия между построениями двух языковедов, отметим, что оба настаивают на том, что нельзя отделять изучение конкретных языков от изучения человеческой речи. Именно эта точка зрения отличает их идеи от идей Фердинанда де Соссюра⁹.

Смешанные языки у Бодуэна де Куртенэ: смешение как жизненный процесс

Касательно сравнения языков, их классификации и определения сходства и различий между ними отправной точкой у Бодуэна де Куртенэ является следующая:

«расщепление (языков) происходит постоянно, непрерывно. Но, с другой стороны, происходит постоянное *смешение, слияние*» (Бодуэн де Куртенэ (далее БдеК), 1930, цит. по БдеК, 1963в, 350).

Если в своей концепции языкового развития Фортунатов рассматривает историю языков как непрерывное чередование расчленения и объединения диалектов и языков *внутри одной семьи*, то позиция Бодуэна отличается именно в этом пункте. Вместо объединения язы-

ков он использует понятие *смешения*. Смешение приводит к тому, что границы между всеми языковыми разновидностями — говорами, диалектами, ветвями и даже разными семьями становятся прерывистыми, что, однако, не отменяет их существования. Так, в письме к Шухардту (1884 г.) он отрицает существование переходных диалектов между славянскими языками:

«Основываясь на вполне достоверных данных, мы ясно видим, что между чешским и польским, между великорусским и малорусским языками не наблюдается никакого переходного диалекта в прямом значении этого слова. Мы, безусловно, находим время от времени нечто, что можно было бы принять за переходный диалект; но речь идет о переходном состоянии лишь в том смысле, как это происходит, напр., с английским языком, который представляет собой переход между романскими языками и германской лингвистической зоной (и наоборот): это, всего-навсего, более позднее смешение и заимствование наравне с сохранением характерных признаков группы» (Письмо 1884 г., цит. по: Seldeslachts, Swiggers 1999, 278–279; переведено с немецкого автором настоящей статьи).

Однако, как мы увидим далее, в своих языковедческих исследованиях он затрагивает проблему, которую Фортунатов обошел в своих лекциях — это примеры контактов между неродственными языками. По отношению к идеям Фортунатова резко выделяется тот факт, что Бодуэн де Куртенэ не ограничивает контакт только уровнем заимствований.

Интересно отметить, что Бодуэн, который, в свою очередь, упрекал Шлейхера в его натурализме и сведении языков до уровня организмов, для объяснения феномена контакта между языками вдохновляется идеей проведения аналогии с формами биологической жизни:

«Если же взглянем собственными глазами на вопрос о смешении или не-смешении языков, должны будем согласиться, что нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого. Смешение есть начало всякой жизни как физической, так и психической» (БдеК 1901, цит. по БдК 1963б, 363).

Очевидно, что таким образом Бодуэн, перефразируя «*Es gibt keine völlig ungemischte Sprache*» Шухардта, критикует позицию тех лингвистов, которые, как М. Мюллер, отстаивали тезис о том, что существуют только чистые языки и что

«жизнь языков состоит в беспрерывном и невозмутимом течении по разным направлениям одного и того же первоначального строя и состава, без постороннего вмешательства» (БдеК 1963б, 362).

Заметим, что в своей теории языковой эволюции Бодуэн испытывает влияние со стороны гипотезы о рекапитуляции Эрнста Геккеля (1834–1919), согласно которой

«индивидуум резюмирует в своем развитии филогенез, или развитие всего вида» (Jakobson 1962, 322).

Применяя данную гипотезу к языку, Бодуэн утверждает, что развитие каждого языка в некоторых аспектах аналогично эволюции человеческой речи. Смешение представляет, таким образом, характерную черту эволюции всей языковой формы — от человеческой речи до индивидуальных говоров через отдельные языки и наречия. В данном акценте, поставленном на смешении как на имманентном принципе, заключается отличие от концепции Фортунатова. Если Фортунатов предлагает нам иерархию классификационного единства (языковая семья > ветви > языки > диалекты > говоры), то Бодуэн выступает за то, что генеалогическая схема есть оперативный инструмент описания языкового разнообразия, который, однако, не достаточен для представления всей реальности конкретных и живых явлений: так, в случае, когда речь идет о живых языковых явлениях, он отмечает, что лучше избегать понятия «язык». Согласно Бодуэну,

последний «термин годится только для обозначения искусственного литературного языка, являющегося, с одной стороны, какой-то отвлеченностью из самых разнообразных фактически существующих, индивидуальных языков, с другой же стороны — условной нормой, объединяющей в литературном и других отношениях большее или меньшее количество людей, считающих себя и считаемых членами одного и того же языкового общества» (БдК 1897, 18).

На абстрактном уровне мы можем представить языки в виде схемы, но для описания конкретного и реального необходимо найти другой метаязык: напр., в описании славянских языков он рекомендует использовать термин «лингвистическая зона» (польская, чешская, словенская лингвистическая зона) вместо терминов «польский язык», «чешский язык» и т.д. (БдК 1897, 18)¹. Данная позиция может отчасти быть объяснена тем фактом, что тексты Бодуэна написаны в конце XIX в., когда большинство славянских языков, упоминаемых им, находились в процессе стандардизации.

Возвращаясь к проблематике нашего исследования, следует отметить, что, делая акцент на смешанном характере языковых явлений, Бодуэн модифицирует концепт родства. Данный концепт не сводится больше к моногенному родству: позиция исследователя близка к позиции Х. Шухардта, который полагает, что «язык, у которого есть мать, должен иметь также своего отца» (Schuchardt-Brevier 1928, 150). Генеалогическое родство и полигенизм составляют то, что Бодуэн обозначает как «исторический субстрат» (БдеК 1930, цит. по: БдеК 1963в, 342), который есть лишь одна из причин сходства сравниваемых языков. Другая причина может заключаться в географическом соседстве (что Бодуэн называет «географическим субстратом»), или же соответствия между сравниваемыми языками могут быть результатом физиологических и психологических условий жизни человека, которые выходят за пределы границ между языками. Последний, «физиолого-психологический субстрат», представляет собой точку соприкосновения с теорией Фортунатова, придерживающегося мнения, что подобию условий жизни (физических и психических) носителей неродственных языков являются одной из причин сходства между языками.

По Бодуэну, общие черты неродственных языков могут также объясняться его гипотезой, согласно которой языки имеют сходную эволюцию, ввиду их стремления к удобству и экономии усилий, что свойственно развитию всех человеческих языков (если этому стремлению не препятствует человеческая деятельность).

Резьянские диалекты — пример смешения языков

Для наглядного пояснения позиции Бодуэна по вопросу скрещивания языков возьмем в качестве примера его гипотезу «туранского» субстрата в говорах славян в долине Резия. Несмотря на то, что сегодня данная гипотеза опровергнута словенскими диалектологами¹⁰, важно представить ее в качестве иллюстрации к интерпретации языковых явлений с помощью теории полигенетического происхождения говорящих. В 1872 г. ученый посещает в первый раз эту изолированную долину в западной части Юлийских Альп на границе славянского и латинского миров. Проведенное им исследование говоров долины Резия становится в 1873 г. темой его диссертации «Опыт фонетики резьянских говоров». В своих последующих исследованиях Бодуэн часто возвращается к говорам этой долины, так как считает, что последние представляют собой важный для языкознания при-

мер смешения языков. В своем письме 1886 г. К.С. Веселовскому он пишет:

«Я полагаю, что обнаружение этих текстов <резьянских текстов. — М.У.> будет важно не столько для славянской филологии, сколько для языковедения вообще. Резьянские говоры принадлежат к числу весьма интересных языковых особей, к числу так называемых смешанных языков. В этих говорах исконный славянский элемент подвергся многосторонним и разновременным иноплеменным влияниям» (Цит. по: Толстой 1960, 68).

Как мы увидим ниже, Бодуэн заострит внимание на влиянии туранских языков (урало-алтайских и финно-угорских). На склоне своих лет, в 1927 г. в переписке с итальянским языковедом Карло Тальявини он заявляет, что изменил свою точку зрения на гипотезу о туранском субстрате:

«Я изменил свое мнение о гармонии гласных в резьянских диалектах <...> Материал, собранный мною со времени публикации моей работы по данному вопросу, включает в себя несколько показателей, противоречащих моей теории, сформулированной 50 лет назад <...>. Моя аргументация должна претерпеть новый решительный пересмотр» (Цит. по: BdeC 1998, 99)¹¹.

Однако, вопреки тому, что Бодуэн оставляет туранскую гипотезу, он сохраняет убеждение, что данные говоры представляют собой смешение славянских и неиндоевропейских элементов. Так, в «Проблемах языкового родства», одном из своих последних текстов, изданном год спустя после его смерти в 1930 г., а значит написанном после письма к Тальявини, Бодуэн рассуждает:

«И вообще резьян связывает в одно языково-племенное целое чуждо-язычный, неславянский налет. Таким образом, многодиалектный резьянский ‘язык’ выводится из многих ‘праязыков’: из многодиалектного славянского, из какого-то неизвестного типа угрофинского или урало-алтайского (‘туранского’) и, наконец, из позднейшего воздействия разнородных языковых элементов — как географических соседей резьян со славянской, романской и германской языковой принадлежностью, так и жителей более отдаленных мест» (БдеК1963в, 347).

Обратимся теперь к примеру, который побудил его сформулировать гипотезу туранского субстрата в резьянских говорах. На IV-ом конгрессе востоковедов, организованном Грациadio Асколи во Флоренции в 1878 г., Бодуэн представляет свою работу «Note glottologiche

intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia ario-europea» («Глоттологические заметки о славянских языках и вопросы арийско-европейской морфологии и фонологии»). Главной темой его доклада было исследование резьянских говоров. Бодуэн утверждает, что их система гласных имеет два типа противопоставления. С одной стороны, данная система гласных фонем различает передние гласные, так наз. *светлые*, и задние гласные, так наз. *темные*, с другой стороны; он опирается на оппозицию по открытости, различая открытые и закрытые гласные¹² (BdC 1881, 8):

I.	Светлые гласные	e	i	o	u	
	Темные гласные	æ	y	ö	ü	
	Нейтральная гласная	a				
II.	Открытые гласные	e	o	æ	ö	a
	Закрытые гласные	i	u	y	ü	e

Присутствие неславянского элемента, который мог бы свидетельствовать о полигенном происхождении резьянских говоров, относится к фонетическим изменениям, касающимся гласных одного слова: гласные безударных слогов подчинены гласным ударных слогов. Если в ударном слоге фигурирует «светлая» гласная, то все гласные других слогов будут «светлыми». Такой же принцип подходит и для оппозиции по открытости: гласные ударных слогов будут влиять на гласные безударных слогов. Напр. (БдеК 1889, 8):

И. ед. *žanà* (жена), Д. ед. *žəpæ`* (жене) (обе гласные темные), Т. ед. *žanó* (с женой);

И. ед. *Otjà* (отец), Д. ед. *utji* (отцу) (обе гласные закрытые);

И. ед. *ötrö`k* (ребёнок), Р. ед. *otrokà* (ребёнка), И. мн. *utrucì* (дети), Р. мн. *utruk* (детей), уменьш. *utruc`itj* (детишки) (BdC 1881, 8).

Бодуэн рассматривает данную ассимиляцию тембров гласных как вид *гармонии гласных* — частое явление в тюркских языках (урало-алтайских и финно-угорских). Поскольку Бодуэн не нашел подобных примеров в индоевропейских языках, данное явление позволило ему выдвинуть гипотезу тюркского субстрата, чье происхождение объясняется смешением тюркских и славянских племен. Однако в финно-угорских и урало-алтайских языках гармония гласных имеет другой характер. В этих языках постоянное ударение, ударным всегда является слог основы (обычно первый слог), который приводит к

изменению гласных в окончаниях. Как мы это видели в резьянских примерах, даже в окончаниях гласные могут находиться под ударением, определяя тембр гласных в корне.

Интерпретируя различия между резьянскими и туранскими говорами, Бодуэн предполагает, что говоры славянских племен были подвержены влиянию говоров туранских народностей, которые населяли долину Резия до прихода славян. Последние должны были воспринять гармонию гласных без изменения своей системы ударения, которое осталось подвижным (БдК 1889, 15). Таким образом, по мнению Бодуэна, резьянские говоры представляют собой пример смешения языков: туранской гармонии гласных и системы ударения славянских языков. Для подтверждения этой гипотезы он находит подобный пример в «тюрко-татарских» говорах южной Сибири, о котором узнает из переписки с основателем тюркологии Василием Радловым (1837–1918): для данных говоров характерна классическая гармония гласных (с постоянным ударением на первом слоге основы), но в случае с заимствованиями из русского языка ударный слог может менять тембр других гласных и не быть обязательно в основе, а также не являться ее первым слогом. Таким образом рус. *пелёнка* [*pʲelʲónka*] становится [*pʲólʲónkʲõ*]. Или же имя собственное *Петрушка* [*Pʲetrúšʲka*] становится [*Pʲõtʲúsʲkʲä*]¹³ (BdC 1881, 17). Бодуэн делает следующий вывод: если в далеком будущем народы, говорящие на урало-алтайских языках в степях южной Сибири, должны будут ассимилироваться с преобладающим русским населением, они будут говорить на смешении языков, чья фонетическая система будет напоминать резьянские говоры: гармония гласных с системой подвижного ударения. Согласно данной концепции, контакт между народами всегда приводит к смешению языков.

Напомним, что туранская гипотеза была опровергнута в конце 1920-х гг. Франо Рамовшем (1890–1952), словенским диалектологом и учеником Вильгельма Мейера-Любке, Ватрослава Ягича и Х. Шухардта. Рамовш считал, что подчинение гласных подчиненных слогов гласному доминирующего слога есть результат первой редукции гласных (при которой краткие гласные утрачивают свое качественное значение и редуцируясь до нуля звука) (Ramovš 1928, 107–121). Он отмечает похожее явление в других словенских диалектах — в наречиях долины Гаилталь в Австрии и долины Фриули в Италии. В настоящее время фламандский ученый и стандартизатор резьян-

ских говоров Хан Стеэнвейк полагает, что подобного рода подчинение не свойственно всем резьянским говорам (Steenwijk 2007, 7).

Другие примеры смешения языков в работах Бодуэна де Куртенэ
Возвращаясь к проблеме смешения языков в работах Бодуэна де Куртенэ, интересно отметить, что он уделяет диахроническому субстрату больше внимания, чем примерам синхронического смешения резьянских и романских говоров. Он утверждает, что романские говоры повлияли на резьянские говоры в синтаксическом и лексическом аспектах, однако, это произошло не столь систематично, как с гармонией гласных, т.е. с влиянием на фонетическом уровне (BdeC 1881, 10–11). Практически все примеры смешения языков, которые мы можем найти в других исследованиях Бодуэна, относятся к фонетическому и морфологическому уровню. В отличие от Х. Шухардта, для которого история скрещивания языков отражается главным образом на внутренней форме слов, Бодуэн не уделяет внимания результату языкового контакта в семантической сфере. Хотя он и отходит от предыдущей традиции, но проявляя интерес к проблеме смешанных языков, выбирая фонетические примеры предметом своих главных исследований, он все же придерживается той же парадигмы, что и младограмматики¹⁴.

Другим наглядным примером интерпретации языковых особенностей в славянском мире с использованием концепции смешения языков, связанного со смешением народов, является рефлекс *tart*, происходящий от праславянской формы **tort* в кашубских говорах. Отметим, что Бодуэн рассматривал кашубские говоры как отдельный язык, а вовсе не как диалект польского*, разделяя тем самым точку зрения, согласно которой резьянские говоры не являются словенскими наречиями. Касательно проблемы развития сочетания *tart* Бодуэн предлагает следующую схему: праслав. **tort* > польск. *trot*, рус. *torot*, южнослав. *trat*, но кашуб. *tart* (БдеК 1897, 89). Бодуэн полагает, что кашубские слова на *tart* все больше заменяются польскими дубликатами на *trot*, что он объясняет агрессивным этнографиче-

* Вопрос взаимоотношения польского и кашубского языков в интерпретации Бодуэна несколько сложнее — см., напр.: Р.-Э. Романчик. *И.А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский языковой вопрос*. *Slavica Tartuensia* V: 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Tartu, 2003, с. 119–133. — *Прим. ред.*

ским ассимиляционным движением со стороны поляков, которое сопровождается также фонетическими завоеваниями (БдеК 1897, 86). Что касается происхождения кашубского рефлекса, Бодуэн, объясняя присутствие гласного в кашубской форме — *tart* (*gard*, рус. *город*, серб. *град*), в качестве одной из возможных причин называет контакт племен поморских славян (предки кашубов) с германскими племенами (БдеК 1897, 90). Согласно Бодуэну, сочетания *-ap*, *-al* являются частотными в германской лингвистической зоне (*Bart*, *Garten*, *walten*), что могло повлиять на говоры предков кашубов. Отметим, что отсутствие метатезы объясняется сегодня как результат позднего развития (это аннулирует гипотезу Бодуэна о контакте с германскими племенами).

В текстах Бодуэна мы находим также примеры смешения языков, возникновение которых связано с синхронным контактом с соседними языками, но без наглядных иллюстраций, включающего в себя детальный языковой анализ: напр., говоры немецкоязычных меньшинств в небольшой словенской крайнской деревне Немшки Рут (*Deutschreuth*), расположенной в бассейне озера Бохинь:

«Когда я в 1872 и 1873 гг. посетил эти места, я попал как раз в переходный период: старые люди говорили между собой еще по-немецки, но понимали по-словенски; люди среднего возраста говорили между собой преимущественно уже по-словенски, но со старшим поколением могли разговаривать по-немецки; молодежь и дети преимущественно еще понимали по-немецки, но разговаривали как между собой, так и с родителями и дедами, исключительно по-словенски» (БдеК 1930, цит. по БдеК 1963в, 345).

Данный переходный период привел к смешению языков — любимой теме Бодуэна. Так, несмотря на то, что молодежь в Немшском Руте говорит по-словенски, их говор, по мнению Бодуэна, производит следующее впечатление:

«при слушании вблизи произносительно-слуховая сторона была отчетливым продолжением немецкой фонетики и психофонетики. Также и все языковое мышление в области морфологии, словообразования, синтаксиса и т.д. было основано на немецком языковом мышлении предыдущих поколений» (БдеК 1963в, 345).

Однако Бодуэн осознает, что особенности говоров Немшкового Рута исчезнут в ходе социализации и обучения детей в школах, а также во время контактов с соседними словенскими деревнями. Таким

образом, Бодуэн проявляет большой интерес к пограничным говорам славянского мира, подверженным контактам с другими языками, к говорам переходного типа, поскольку последние служат ему в качестве примеров для иллюстрации его динамической концепции языка, согласно которой язык, не имея никакой собственной сущности, находится в постоянном изменении.

Таким образом, мы рассмотрели две различные интерпретации языкового родства в русском языкознании на рубеже XIX и XX вв. С одной стороны, Фортунатов описывает языковое развитие как чередование дробления и объединения языков внутри одной и той же языковой семьи. С другой стороны, Бодуэн, не оставив целиком в стороне генеалогическую классификацию, расширяет понятие языкового родства. Как мы уже отмечали, оба лингвиста, чьи работы являются предметом нашего исследования, обогатили концепцию Шлейхера идеей о том, что история языков основывается также на внешней истории — истории общностей носителей языка. Особенность теории Бодуэна заключается в его толковании, согласно которому принцип смешения играет решающую роль в истории общественных групп (племени, коллектива) и в истории языков. Эта точка зрения, согласно которой языки не сводятся больше до уровня организмов и зависят от судьбы и истории их носителей, может быть рассмотрена как шаг в направлении социального языкознания, которое переживет свой подъем в первые три десятилетия существования СССР.

Исследования резьянских говоров на границах славянского мира сыграли важную роль в дальнейшей истории российско-советского языкознания: они побудили Бодуэна предложить Льву В. Щербе (1880–1944) заняться изучением серболужицких говоров. В отличие от Бодуэна, который особо выделял диахронический аспект, Щерба в своем описании серболужицких говоров придавал большое значение синхронным контактам между носителями серболужицкого и немецкого языков. Открытия Бодуэна в области гармонии гласных дали импульс его петербургскому последователю Евгению Д. Поливанову для создания детальной типологии всех видов сингармонизма (гармонии гласных) в урало-алтайских языках (см.: Поливанов 1991, 417–420).

Перевела с франц. А.Н. Красовец.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Положения Шлейхера являются предметом критики Бодуэна де Куртенэ (1870 г., см.: БдеК 1963а, 35–44), тогда как упреки в адрес лингвистов-натуралистов у Мишеля Бреаля рассмотрены в: Aarsleff 1979, 63–106.
- ² «Не существует смешанных языков» (Müller 1872, 86).
- ³ «Абсолютно чистого языка не бывает» (Schuchardt 1884, 5).
- ⁴ По мнению Фотрунатов, и.-е. языковая семья занимает самое важное место в современном ему языкознании: «Хотя индоевропейские языки составляют незначительную часть среди различных человеческих языков <...>, эти именно языки занимают главное место в сравнительном языковедении, так как на сравнительно-историческом изучении именно этих языков создавалось, развивалось и продолжает развиваться научное языкознание» (Фортунатов 1956, 48).
- ⁵ В дальнейшем были открыты хеттский и тохарский языки.
- ⁶ Таким образом, он полагает, что остается только доказать гипотетическую принадлежность к общему праязыку двух праязыков: и.-е. и семитского (Фортунатов 1956, 59).
- ⁷ В Европе и Азии наряду с индоевропейскими языками он выделяет урало-алтайские языки (в отличие от Бодуэна де Куртенэ, он не использует понятия туранских языков), баскский язык, язык этрусков, кавказские языки, семитские языки, дравидские языки и языки 'мунда', китайский язык, языки Индокитая, японский язык, малайско-полинезийские языки, сибирские языки (не принадлежащие к урало-алтайской языковой семье) и шумерский язык. В Африке он выделяет хамитские языки и языки нубийских племен. В отношении Америки наряду с и.-е. языками он говорит о языках американской расы, генеалогическую классификацию по семьям которых еще предстоит провести. Относительно Австралии он говорит, что мы обладаем слишком небольшим количеством информации для осуществления генеалогической классификации (Фортунатов 1956).
- ⁸ Фортунатов упоминает физические и духовные условия без каких-либо других пояснений.
- ⁹ Разница между 'языком' (*la langue*) Соссюра и 'языком' двух славянских лингвистов носит эпистемологический характер. Для Фортунатова и Бодуэна не существует разницы между объектом познания и объектом реальности, тогда как у Соссюра язык представляет собой объект, создание которого отталкивается от точки зрения, предшествующей анализу. Именно эта отправная точка зрения позволяет ему делать различие между лингвистикой языка и наукой об изучении речи.
- ¹⁰ Обзор современного языкового состояния резьянского диалекта и краткое описание истории его изучения в словенском языкознании см. в: Šekli 2001, 49–57.

- ¹¹ Письмо опубликованное в: J. Marchiori: *Corteggio Jan I. N. Baudouin de Courtenay – Emilio Tezza*. Estratto dalle Memorie della Accademia Patavina di SS. LL. AA. Classe di Scienze Morali, Lettere ed Arti. Padou, 1961–1962, vol. 74/ III; цит. по BdC 1998, 99.
- ¹² Таблица взята из: БдК 1881, 8.
- ¹³ Примеры и транскрипция взяты из БдК 1881, 17.
- ¹⁴ Единственным младограмматиком, затронувшим проблему смещения языков, был Герман Пауль, который ко второму изданию своего труда *Principen der Sprachgeschichte* добавил главу, посвященную данному вопросу (Paul 1898).

ЛИТЕРАТУРА

- БдеК 1877 — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Глоттологические (лингвистические) заметки*. Воронеж, 1877.
- БдеК 1897 — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Кашубский язык и кашубский вопрос*. С.-Петербург, 1897.
- БдеК 1870 (1963а) — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Август Шлейхер*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. Москва, 1963. с. 35–44.
- БдеК 1901 (1963б) — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *О смешанном характере всех языков*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. Москва, 1963, с. 362–372.
- БдеК 1930 (1963в) — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Проблема языкового родства*, Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. Москва, 1963, с. 342–352.
- Поливанов 1991 — Е. Поливанов. *Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва, 1991.
- Толстой 1960 — Н.И. Толстой. *О работах И.А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку*. И.А. Бодуэн (1845–1929), к 30-летию со дня смерти. Москва, 1960, с. 67–68.
- Фортунов 1898 (1956) — Ф.Ф. Фортунатов. *Сравнительное языкознание. Общий курс*. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1956, с. 23–197.
- Aarsleff 1979 — H. Aarsleff. *Bréal vs. Schleicher: Linguistics and Philology during the latter half of the nineteenth Century*. The European Background of American Linguistics. Papers of the third Golden Anniversary Symposium of the Linguistics Society of America. Ed. by H.M. Hoenigswald. Dordrecht, 1979, p. 63–106.
- BdeC 1881 — I.A. Baudouin de Courtenay. *Note glottologiche intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia ario-europea*. Atti del IV Congresso Internazionale degli Orientalisti tenuto in Firenze nel settembre 1878. Vol. 2. Firenze: Successori Le Monnier, 1881. с. 3–29.

- BdeC 1998 — I.A. Baudouin de Courtenay. *Degli Slavi in Italia/ o Slovanih v Italiji*. San Pietro al Natisone, 1998.
- Ivanova 2006 — I.S. Ivanova. *Du développement des langues au bilinguisme: La question du mélange des langues dans la conception linguistique de Lev Ščerba*. Slavica Occitania, № 22, c. 81–96.
- Jakobson 1939 (1962) — R. Jakobson. *Les lois phoniques du langage enfantin*. Selected writings. Vol. 1. Hague, 1962, p. 317–327.
- Müller 1872 — M. Müller. *Lectures on the science of language*. Vol. 1. New York, 1872.
- Paul 1898 — H. Paul. *Principen der Sprachgeschichte*. Halle A. S., 1898.
- Ramovš 1928 — F. Ramovš. *Karakteristika slovenskega narečja v Reziji*. Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino, № 4, s. 107–121.
- Schuchardt 1884 — H. Schuchardt. *Slawo-deutsches und Slawo-italienisches*. Graz, 1884.
- Schuchardt-Brevier 1928 — H. Schuchardt-Brevier. *Ein Vademekum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Geburtstag des Meisters zusammengestellt und eingeleitet v. Leo Spitzer*. Halle, 1928.
- Seldeslachts, Swiggers 1996 — H. Seldeslachts, P. Swiggers. *Ich erwarte mit Ungeduld das absolute Ende meiner elenden Existenz...: The 'image' of Jan Baudouin de Courtenay in his correspondence with Hugo Schuchardt*. History of Linguistics, 1996, S. 277–288.
- Steenewijk 2007 — H. Steenewijk. *Jan Baudouin de Courtenay e le origini del resiano*. Náš glas/La nostra voce, Prato di Resa, № 3/2, s. 6–7.
- Šekli 2001 — M. Šekli. *Rezja, Rezjanie i dialekt rezjański*. Zeszyty Łużyckie, Warszawa, t. 32/33, s. 49–57.

M. Uhlik. Keelesuguluse ja segakeelte probleem I.A. Baudouin de Courtenay ja F.F. Fortunatovi tööde valguses

XIX sajandi viimastel aastakümnetel seadsid paljud keeleteadlased küsimuse alla A. Scheicheri evolutsionismi kontseptsiooni, kritiseerides seega ka naturalistlikku suunda keeleteaduses. Mõned neist (sellised lingvistid nagu H. Schuchardt ja G. Ascoli) püüdsid teisiti tõlgendada erinevate keelte vahelise sarnasuse interpretatsiooni, mida senini selgitati eelkõige ühe ja sama geneetilise päritoluga. Nimetatud problemaatika on läbi vaadatud XIX ja XX sajandite vahetuse vene keeleteadusele omase kahe keeltevahelise sarnasuse interpretatsiooni ja kahe keelesuguluse käsitlusviisi võrdlusena.

Holger Kuße

Technische Universität Dresden

JAN BAUDOUIN DE COURTENAY UND DIE KORRELATIVE SPRACHBESCHREIBUNG

Jan Baudouin de Courtenay – Korrelative Beschreibung von Sprachen – Sprachentstehung – Sprachprestige – Mischsprachen – Deutsch-russisches Russisch

Neben dem Romanisten Hugo Schuchardt ist Jan Baudouin de Courtenay (BdeC/ БдеК) einer der Begründer der Mikro- und der Mischsprachenlinguistik. Schon in seinen Arbeiten zur *Phonetik der resianischen Dialekte* (1873) verband er das eine mit dem anderen, indem er den Mischcharakter von Sprachen bzw. von Dialektkontinua am Beispiel einer slavischen Mikrosprache aufzeigte. Über die Beschreibung des Faktischen hinaus leistete BdeC ebenso wie Schuchardt in der Kreolistik mit seinem bloßen Interesse für Mikrosprachen etwas Wesentliches: die Überwindung des Prestigegefälles zwischen großen und kleinen Sprachen. In seiner späteren Hinwendung zu soziolinguistischen Fragestellungen (Aufzeichnungen zum Studentenjargon ebenso wie zur russischen Gaunersprache, der *blatnaja muzyka*) setzte er diese Einstellung zum Objekt auf der Ebene der Differenzierung von sozialen Sprachvarietäten fort (Mugdan 1984, 125–126; Budziak 1997). Auch hier sind Größe oder Kleinheit, soziales Prestige oder soziale Marginalität ebenso wenig wie die vermeintliche ‚Reinheit‘ von Sprachen Bewertungskriterien, nach denen Sprachen oder Sprachvarietäten als ‘besser’ oder ‘schlechter’ unterschieden werden könnten.

Baudouin de Courtenays These: Alle Sprachen sind Mischsprachen

Die wichtigste Begründung für die Wertfreiheit des linguistischen Objekts und die Notwendigkeit seiner wertfreien linguistischen Beschreibung war Baudouins bekannte These vom *Mischcharakter aller Sprachen* («О смешанном характере всех языков») (БдеК 1963b, 362–372), denn wenn alle Sprachen auf der Mischung von anderen Sprachen beruhen und schon der kindliche Spracherwerb an Varietäten partizipiert, die jeden kompetenten Sprecher zu einem individuellen Subjekt von vielerlei

Sprachen werden lässt — die Mischung sei der Beginn jedes Lebens, sowohl des physischen wie des psychischen («Смешение есть начало всякой жизни как физической, так и психической») (ebd., 363), — dann werden substantiell axiologische Unterschiede zwischen Sprachen und Varietäten obsolet. Insbesondere «dem indogermanischen Größenwahn» und der aus ihm abgeleiteten «Missachtung ‚minderwertiger Nationalitäten und Völkerschaften‘» widersprach BdeC entschieden (BdeC 1984c, 193). Zwar lassen sich sowohl Sprachvarietäten als auch Sprachen voneinander abgrenzen, und dass es Differenzierungsprozesse gibt, die den Sprecher von mehreren Varietäten und erst recht mehreren Sprachen zu einem mehrsprachigen Subjekt machen, wird von BdeC natürlich nicht gelehnt, aber, wie er mit Blick auf Ethno- bzw. Nationalsprachen in der *Übersicht der slavischen Sprachenwelt* (1884) schrieb, sollte auf dem zentripetalen Prozess des Zusammenfließens getrennter Sprachformen ebensoviel Aufmerksamkeit gewidmet werden wie dem zentrifugalen der fortschreitenden Ausdifferenzierung:

«Нет оснований <...> допускать непрерывную, все углубляющуюся дифференциацию. Этот, так сказать, центробежный процесс постоянно чередовался с развитием в противоположном направлении. Такое развитие вело путем заимствования и путем смещения к взаимному этнографическому выравниванию и уподоблению, или ассимиляции» (БдеК 1963a, 128).

Der Prozess der Mischung ist, wie BdeC (БдеК 1963b, 362–372) feststellt, von unterschiedlichen Faktoren abhängig, die sich gegenseitig beeinflussen. Mischungen entstehen im Individuum aufgrund elementarer Sprachbeeinflussungen durch die Eltern, aber auch durch die soziale Umgebung des Heranwachsenden. Gemischte Ehen bringen Familiensprachen hervor und areale Kontaktsituationen von Sprechergemeinschaften führen zum sprachlichen Austausch. Mischungen ergeben sich aber auch durch ganz andere Einwirkungen von Kulturen aufeinander: etwa durch Kriege, durch erzwungene oder auch freiwillige Migrationen und vor allem durch kulturelle Einflüsse: BdeC verweist auf die Bedeutung des Kirchenslavischen für die Entwicklung des Russischen, aber auch auf die Rolle des Lateinischen und schließlich des Französischen in der Herausbildung der europäischen Standardsprachen. Daraus wiederum folgt, dass der Sprachvergleich zwar von historischen, kulturellen und gesellschaftlichen Beziehungen absehen kann, ein vollständiges Bild der Sprachlagen aber erst im Rahmen der Beschreibung von Sprachen in ihren histori-

schen und kulturellen Wechselbeziehungen möglich ist, als Vergleich von Sprachen unter dem Aspekt ihrer geographischen, gesellschaftlichen und literarischen Berührung und damit als Vergleich in ihrer gegenseitigen Beeinflussung im weitesten Sinne des Wortes:

«сравнение языков по их географической, общественной и литературной смежности, то есть сравнение по их взаимному влиянию в самом обширном смысле этого слова» (БдеК 1963б, 371).

Dass Mischung eine anthropologische und damit auch sprachliche Konstante ist und deshalb die sogenannte Reinheit von Sprachen keine Realität darstellt und somit auch nicht als Argument der Sprachbewertung dienen kann, begründet sowohl die Gleichwertigkeit von Mikrosprachen und großen Standardsprachen als auch die von BdeC eingenommene antipuristische Haltung gegenüber der Entwicklung von Einzelsprachen und ihren Varietäten. Das macht die These vom Mischcharakter aller Sprachen heute nicht nur sprach-, sondern auch kulturwissenschaftlich aktuell. Denn aus heutiger kulturwissenschaftlicher Sicht ist die Sprachmischung ein Merkmal transkultureller Identitäten, wie sie sich nicht erst, aber besonders in der globalisierten Moderne ausgeprägt haben. Ebenso wenig wie Sprecher auf eine Sprache zu reduzieren sind, sondern jedes Sprechen Multilingualität in sich trägt, ist die kulturelle Identität von Individuen auf eine Kultur zu reduzieren. Jedes Individuum ist Träger mehrerer Kulturen (Welsch 1995, 39–44), und jedes Individuum partizipiert in seinem Sprechen immer an mehreren Sprachen, ohne dass das eine vom anderen scharf zu trennen wäre. Sprachmischungen sind Teil von Kulturmischungen und verschiedene Kulturen sind im Sprechen der Individuen präsent (Erfurt 2003, 5–33; Földes 2003, 57–59; Hinnenkamp 2005, 91–95). Die Sprachmischung kann, wie E. Protasova feststellt, eine wichtige Hilfe für Sprecher sein, sich selbst und ihre eigene sprachliche und kulturelle Biografie zum Ausdruck zu bringen:

«<...> через смешение языков говорящим удастся более адекватно выразить и самих себя, и свое отношение к происходящему» (Протасова 2004, 26).

Die korrelative Methode der Sprach- und Sprachentwicklungsbeschreibung

Zwischen der kulturellen und der sprachlichen Entwicklung des Einzelnen wie der Sprach- und Kulturgemeinschaften bestehen sprachlich-kulturelle Wechselbeziehungen, die im Sprachvergleich, aber auch in der Beschreibung von Einzelsprachen (als Mischsprachen) ins Zentrum des

linguistischen Interesses rücken. BdeC wie auch später die Prager Schule betrachtete Sprache dynamisch. Auch in der Synchronie ist sie ein prinzipiell diachrones Geschehen (Виноградов 1963, 9–13). In der historischen Entwicklung von Systemen interagieren individuell psychische und soziale Faktoren, die Sprache als psycho-soziale Tätigkeit verstehen lassen (Виноградов 1963, 14–15; Mugdan 1984, 51; Budziak 1997, 103). Auf diese Weise erfasste BdeC die Interdependenz von Faktoren der Sprachentwicklung, deren Darstellung ich (Kuße 2009, 49–50) als *korrelative Beschreibung* bezeichnet habe. *Korrelativ* meint, dass die Beschreibung von Sprachen die innere und äußere Sprachgeschichte verbindet, indem sie extralinguistische, also soziale, gesellschaftliche, kulturelle und politische Faktoren als primäre Gründe der Sprachentwicklung integriert, ohne sich allerdings auf sie zu beschränken. So wird einerseits davon ausgegangen, dass unmittelbare Beziehungen zwischen Sprache und Gesellschaft bestehen, dass dieser Zusammenhang besonders stark im Falle von Sprach- und Kulturkontakten zum Tragen kommt und dass er deshalb auch in besonderem Maße für Kleinsprachen gilt (s. Braunmüller 2003, 89). Andererseits wird (undogmatisch) Roman Jakobsons Interferenzregel Rechnung getragen, dass Sprachen in ihrer Entwicklung nur solche fremden Strukturmerkmale annehmen, die ihrer eigenen (innersprachlichen) Entwicklung entsprechen (Jakobson 1938, 54). In der korrelativen Beschreibung der Sprachentwicklung werden deshalb Veränderungen aufgrund universaler Prinzipien (Ökonomie und Differenziertheit), sprachsystemimmanenter und genetisch beschreibbarer Prozesse, kontaktbedingten Wandels sowie aufgrund von sprachsystemexternen soziopragmatischen, kulturentwicklungsbedingten Ursachen zueinander in Beziehung gesetzt. Sprachkontaktbedingte Entwicklungsgründe stellen darin das Zentrum und die Verbindung zwischen der sprachsysteminternen und der sprachsystemexternen Beschreibungsdimension dar.

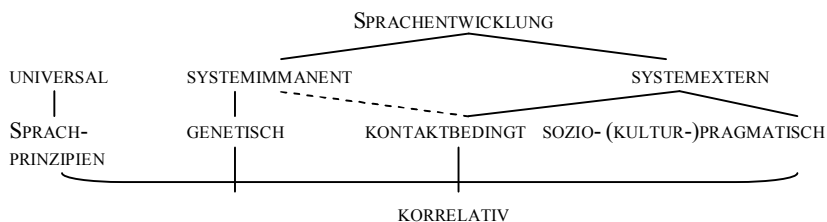

Abbildung: Korrelative Beschreibung der Sprachentwicklung (Kuße 2009, 50)

Kleinsprachen und Sprachentstehung

Da das korrelative Verfahren naturgemäß hochgradig komplex ist, bieten sich zum einen Kleinsprachen, deren historischer, gesellschaftlicher, kultureller und letztlich numerischer Radius noch halbwegs überblickt werden kann, für diese Beschreibung besonders an. Die in der letzten Zeit erschienenen Sammelbände zu slavischen Kleinsprachen dokumentieren, dass gerade hier die korrelative Methode deutlich präsent ist (s. u.a. Stolz 2001, 211–242; Zimmer 2001, 11–21; Дуличенко, Густавссон 2006; МЯИ 2006; Marti, Nekvapil 2007; Дуличенко 2008b).

Mit dem Baudouinschen Begriff erfasst die korrelative Methode aber vor allem auch ein Phänomen, das heute besonders beachtet werden sollte: das Phänomen der *Sprachentstehung*. Kleinsprachen werden als gesellschaftliche Phänomene vor allem unter dem Aspekt der Marginalisierung, des Schwundes oder gar des Sprachtods betrachtet (Dalby 2002). Diese Prozesse sollen durch politische Maßnahmen wie die Europäische Sprachencharta von 1992 aufgehalten werden. Der (nicht unberechtigte) Blick auf Untergangsszenarien übersieht jedoch leicht umgekehrte Entwicklungen, die heutzutage ebenso zu beobachten sind: die Prestigehebung, den Ausbau und die Standardisierung von vermeintlich zum Verschwinden verurteilten Kleinsprachen. Nicht zuletzt für den Sprachenschutz ist es aber von zentraler Bedeutung, die Bedingungen, Möglichkeiten und eventuellen Regelmäßigkeiten von Ausbauprozessen zu verstehen, die nicht nur dem Spracherhalt dienen, sondern auch zur *Sprachentstehung* führen können. Über die Beobachtung von Schwund, Erhalt oder Wiederbelebung von Kleinsprachen hinaus sollten deshalb noch andere Formen sprachlicher Diversität als mögliche Objekte der korrelativ verfahrenen Sprachwissenschaft und besonders der Linguistik kleiner Sprachen in Betracht gezogen werden (Kuße 2009, 55–56): die Entstehung von Sprachen durch Pidginisierung und Kreolisierung, durch soziolektale Differenzierung (Zimmer 2001, 17), durch die ethnische Differenzierung von Sprachen, insbesondere der weltweiten *New Englishes* (Kachru 1992; Bolton, Kachru 2006), durch Aufmerksamkeit auf Formen des Sprechens, deren Wahrnehmung als Kleinsprachen nicht selbstverständlich ist (wie bei manchen Kleinsprachen der Slavia) sowie schließlich durch Spracherfindungen. Zwar ist die Wahrscheinlichkeit gering, dass die zum Teil fragwürdigen Erfindungen ‚slavischer‘ Sprachen, die Berger (Berger 2004, 19–28) beschrieben hat, Kommunikationsmittel werden, aber unbestreitbar ist, dass Spracherfindungen sekundäre Spre-

chergemeinschaften bilden können, wie das bei den Plansprachen Volapük und Esperanto der Fall ist, die Baudouin de Courtenay als künstliche gemischte Sprachen für die internationale Kommunikation propagierte:

«искусственные смешанные языки, долженствующие-де служить органом международного общения всех народов земного шара» (БдеК 1963б, 366).

Sie weisen Merkmale von Kleinsprachen und nicht unerhebliche Zahlen von Sekundärsprechern auf. Hinzu kommen heute fiktive Sprachen wie Tolkiens Elbensprachen oder Klingonisch, in dem im Internet sogar die Deutsche Welle zu lesen ist (<http://klingon.dw-world.de/kleingon/index.php>).

Wichtig ist, den Status dieser Sprachen und Varietäten linguistisch vorurteilsfrei zu klären, v.a. dann, wenn es sich um kleine, in ihrem gemischten Charakter eindeutig erkennbare Mischsprachen handelt. BdeC machte auch hier keine wertenden Unterschiede und verteidigte zu seiner Zeit nicht nur das Jiddische als vollgültige, v.a. aus dem Hebräischen und Deutschen hervorgegangene Sprache (Виноградов 1963, 18), sondern sah unter anderem in der zu seiner Zeit noch lebendigen russisch-chinesischen Sprachmischung im Grenzgebiet zwischen Russland und China (*кяхтинский язык*, *Kjachtinisch*) eine neu entstandene eigenständige Sprache (БдеК 1963а, 137).

Das deutsch-russische Russisch auf dem Weg zur Mikrosprache

Abschließend möchte ich auf ein Phänomen in Deutschland hinweisen, das ich zwar noch nicht als Sprache bezeichne, das sich aber auf dem Weg der eklatanten Mischung bereits zu einer Varietät mit deutlichem Abstand zur Standardsprache entwickelt hat. Ich meine die russisch-deutschen Sprachmischungen von in Deutschland lebenden russischen Muttersprachlern, zu denen zum großen Teil auch die deutsch-russischen Migranten zu rechnen sind.

In den letzten Jahren ist Phänomenen der Migrationssprache (für das Russische besonders Земская 2001) und vor allem der Sprachmischung in der Sprache von Migranten vermehrt Aufmerksamkeit geschenkt worden (z.B. Krefeld 2004; Hinnenkamp, Meng 2005). Sprachmischungen von Russisch und Deutsch wurden in Deutschland zunächst auf der Basis des Deutschen der Russlanddeutschen untersucht (Berend 1998; Baur u.a. 1999; Meng 2001; Менг, Протасова 2002, 29–40; Meng, Protassova 2003, 173–202; 2005, 229–266; Blankenhorn 2003). Hier handelt es sich um russisch-deutsches

Deutsch. Inzwischen gibt es aber auch Forschungen zu deutsch-russischen Sprachmischungen auf der Basis des Russischen (Шиндлер 2001, 343–357; Goldbach 2005; Жданова 2006, 5–178). In Dresden entstanden an den Instituten für Slavistik und Anglistik einige (unveröffentlichte) wissenschaftliche Abschlussarbeiten, die ein reiches Belegmaterial bieten (Gerdowa 2006; Hilgenberg 2007; Dobbelt 2009; Beger 2010). Mischsprachliche Phänomene auf der Basis des Russischen gibt es natürlich nicht nur in Deutschland. Sie bilden mittlerweile weltweit Varietäten des Russischen (z.B. Polinsky 2000, 787–803 zum *American Russian* oder Поротцова 2004 zum *Finnorussischen*).

Es ist nicht ausgeschlossen, dass diese Sprachmischungen zu neuen Mikroliteratursprachen werden. Sie werden nicht alle Kriterien der Standardsprachlichkeit (Rehder 1995, 352–366) erfüllen können, aber im Sinne Duličenkos einige dieser Merkmale aufweisen, die dann ausreichen, um von einer Mikroliteratursprache zu sprechen, wenn eine Tendenz zur Literarisierung erkennbar ist (Дуличенко 1981; 2000, 843–852; 2008a, 63–95).

Das deutsch-russische Russisch zeichnet sich durch Mischungsphänomene auf allen sprachlichen Ebenen aus. Am auffälligsten sind direkte Übernahmen aus dem Deutschen, um lexikalische Lücken zu schließen. Diese Funktion betrifft besonders berufliche Bereiche sowie Amts- und Behördenbezeichnungen, die nicht übersetzt werden (Жданова 2006, 94). Der Plural *амты* kann für alle staatlichen Dienststellen stehen (*Sozialamt, Arbeitsamt, Standesamt, Finanzamt*) usw. (Dobbelt 2009, 30). In der gesprochenen Sprache ebenso wie in der russischsprachigen Presse in Deutschland werden zahlreiche institutionelle Realien mit deutschen Lexemen bezeichnet, für die es zwar Äquivalente geben kann, die aber im deutschen Kontext andere Handlungsformen bezeichnen als in Russland, z.B. *Selbständiger* (индивидуальный / самостоятельный предприниматель / бизнесмен) oder *Bewerbung* (= заявление о приёме на работу / о назначении на должность / о зачислении в учебное заведение). In Presseanzeigen werden solche Begriffe oft nicht transliteriert:

«У *Selbständigen* заработок учитывается, исходя из трёх последних лет; Сделайте свой *Bewerbung* приспособляемым к постоянно меняющимся требованиям рынка труда» (Dobbelt 2009, 37).

Bei Begriffen wie *Bewerbung* können für Deutschlandunkundige längere Erklärungen notwendig werden, um den Ablauf und die Formen dieser Kommunikationsform begreiflich zu machen. Im Internet lassen sich solche Erklärungen und Ratgeber leicht finden; z.B.:

«Bewerbung — это письменное заявление, в котором Вы должны написать, откуда Вы взяли адрес этой фирмы, почему Вы хотите работать именно у них и почему Вы считаете, что Вы как никто другой подходите для этой работы. Писать *Bewerbung* — это целое искусство» (<http://katrusja.narod.ru/rabota.htm> [Zugriff: 08.01.2011]).

Übernommene Lexeme für besondere deutsche Realien stammen aber natürlich nicht nur aus dem administrativen und beruflichen, sondern auch aus dem privaten und Freizeitbereich; z.B.

a) *кнайпа/ кнайпе* (= *Kneipe*): *Они пошли в кнайпу и поужинали* (Meng, Protassova 2003, 182).

b) Eines der bekanntesten Lexeme des deutsch-russischen Russisch ist sicher *термин* als direkte Übernahme des schwer ins Russische übersetzbaren *Termin* (= *срок, дата, прием, встреча*). Die freie Betonung des Russischen verhindert hier die Homophonie, so dass neben *тёрмин* in der Bedeutung von *Terminus* nun analog zu Paaren wie *замок/ замо́к* oder *мука/ му́ка* ein zweiter Begriff mit Betonung auf der zweiten Silbe gebildet worden ist, der alle Chancen hat, auch ins Standardrussische überzugehen; vgl. *А нельзя прийти по термину? Сделать термин* usw. (Goldbach 2005, 54).

Aus dem Deutschen übernommen werden aber auch Wörter, die leicht übersetzbar sind, jedoch andere Positionen im Begriffsfeld einnehmen als die russischen Äquivalente, z.B.

приват (= *личный / частный / домашний*) (Goldbach 2005, 43) oder *хенхен* (= *цыпленок / курица*; dt. *Hähnchen*, im Unterschied zum Russischen von *mask. Hahn*) (Goldbach 2005, 3).

Deutsche Bezeichnungen bleiben bei Begriffen erhalten, die kulturelle Markierungen als ‚typisch deutsch‘ enthalten wie z.B.

вайнахтский рынок (= *рождественский рынок*; dt. *Weihnachtsmarkt*) (Beger 2010, 43).

Direkte Übernahmen deutscher Lexeme müssen aber nicht semantisch motiviert sein. Ad hoc treten in der gesprochenen Sprache auch zahlreiche Germanismen auf, die unmissverständliche russische Äquivalente haben; z.B.

фрайбад (= *открытый бассейн*), *шпаркассе* (= *сберкасса*), *штау* (= *пробка*), *ноты* (= *оценки*), *штуфе* (= *уровень*), *ангебот* (= *предложение, скидка*) usw.; vgl. *На какой штуфе ты посещаешь курсы?* (= *На каком уровне ты посещаешь курсы?*); *ангеботные билеты* (= *билеты со скидкой*).

Der Grad der semantisch motivierten und semantisch nicht motivierten deutschen Fremdwörter kann so hoch sein, dass Äußerungen im deutsch-russischen Russisch für Hörer ohne Deutschkenntnisse unverständlich werden; z.B.

Ноты? *Не все ли равно какие ноты? Главное шафовать!* (= *Не все ли равно какие оценки? Главное успевать!*) (Beger 2010, 31); Курц *перед* танкштелле *свернёшь* нах рехтс и скоро увидишь большой паркплатц, там можешь паркен.<...>. Капируешь, что я майнаю? (= *Неподалеку перед запражной станцией свернёшь направо и скоро увидишь большую автостоянку, там можешь стоять* <...>. Понимаешь, что я имею в виду?) (Шиндлер 2001, 343).

Die lexikalischen Germanismen werden in der Regel grammatisch integriert, d.h. mit russischen Endungen versehen und russisch flektiert. Diese morphologische Integration ins russische System betrifft v.a. Verben, die aspektanzeigend suffigiert werden; z.B. *шафовать* (= *успевать* или *работать*, разг.), *майновать* (= *думать, считать, иметь в виду*), *капировать* (= *понимать*), *анмельдоваться* (= *прописываться*), *йбертрейбовать* (= *переувеличивать*, in diesem Fall auch in der Schrift mischsprachlich) usw. Die Integration findet aber nicht immer statt;

vgl. *Она тоже попутцывает у них* (= *Она тоже у них занимается уборкой*) (Жданова 2006, 76) vs. *Она ходит там путцен.* (= *Она там занимается уборкой*) (Goldbach 2005, 43); *Там можешь паркен* (= *Там можешь стоять*) (Шиндлер 2001, 343).

Und es findet auch das Gegenteil statt, nämlich die Germanisierung von russischen Lexemen. Diese kann phonetisch sein, z.B. *шпата* statt *спать* (Gerdowa 2006, 36) in Analogie zur deutschen Aussprache von /sp/ als [šp]; vgl. *Шпратхе* [шпратхе] (язык), *Шпил* [шпил] (игра), *Шпатц* [шпатц] (воробей). Ebenso gibt es aber auch morphologische Germanismen, z.B. *критизировать* statt *критиковать* von dt. *kritisieren* (Жданова 2006, 78).

Deutsche Lehnwörter können morphologisch stark verändert werden. Komposita werden verkürzt wie z.B.

шпрах (= *курс немецкого языка*) von *Sprachkurs*; vgl. *Мы на шпрахах учили*; *Я после шпрахов сдала экзамен на I*; *социал* (= *пособие по линии соцобеспечения*) von *Sozialhilfe*; vgl. *Он живет на социал* (Жданова 2006, 79).

Nicht weniger bemerkenswert als lexikalische sind syntaktische Entlehnungen im deutsch-russischen Russisch. Dazu gehören besonders die nach deutschem Muster gebildeten Konstruktionen

mit *делать*, z.B. *делать экзамены/ практику/ спорт/ профессию* (Goldbach 2005, 56; Жданова 2006, 78) oder auch *делать кухен* (Beger 2010, 67) bis hin zu unpersönlichen Konstruktionen mit *machen* + *ман*: *В России ман делает ...* (Жданова 2006, 82). Nicht wenige dieser Konstruktionen sind im Standarddeutschen gar nicht möglich oder stark restringiert, z.B. **einen Beruf machen* statt *einen Beruf ausüben*, **Kuchen machen* statt *Kuchen backen* usw.

Hier handelt es sich also im deutsch-russischen Russisch um spezifische, zwar nach deutschem Vorbild gebildete, aber nur in der deutsch-russischen Varietät des Russischen mögliche Konstruktionen, die ich als Pseudogermanismen bezeichnen möchte.

Verbreitet sind schon von Glovinskaja aufgeführte Konstruktionen mit *получить* (*bekommen*), die verschiedene standardrussische Konstruktionen ersetzen (Гловинская 2001, 452–454); vgl. *Я получил перед сном стакан теплого молока* (= *Мне дали ...*); *Мы получили два места за столиком* (= *Мы нашли ...*) (Гловинская 2001, 453); *Она получила ребенка* (= *Она родила ребенка*) (Gerdowa 2006, 60). Nach deutschem Vorbild (*können*) wird die Bedeutung von *мочь* erweitert; vgl. *Она почти не может русский* (= *Она почти не говорит / не умеет говорить по-русски*; dt. *Sie kann fast kein Russisch*) (Gerdowa 2006, 60). Entlehnungen von Konstruktionen haben häufig phraseologischen Charakter, z.B. *Не будем делать стресс!* nach *Machen wir keinen Stress!* (Жданова 2006, 78); *Идет* auf die Frage *Как дела?* (Жданова 2006, 81); *Ходила к профу по поводу своей хаусарбайт. Теперь хотя бы тема стоит* (= *тема определена*; dt. *Das Thema steht*) (Beger 2010, 66).

Starke kommunikative Signale des deutsch-russischen Russischen sind deutsche Partikeln und andere Pragmalexeme, die in die Rede eingebunden werden:

Ну dann tschüss, *пока* (= *Ах так, ну тогда пока*) (Жданова 2006, 83); *Спроси его, он bestimmt* (= *наверняка*) *знает* (Жданова 2006, 83); *Тебе холодно!* — *Нет, мне не холодно, я же крепкая немка.* — *Дох, тебе холодно* (Goldbach 2005, 61); *Я ее назвал «Азия».* — *Ах, ты ее назвал «Азия»?!* (Goldbach 2005, 63); *Айнфах кошмар!* (= *Просто кошмар!*) (Goldbach 2005, 69).

Diese Elemente haben idiomatische Funktionen und sind in die Rede von Sprechern eingebunden. Zur Pragmatik des deutsch-russischen Russi-

schen gehört aber noch eine weitere Funktion: das Code switching in der Funktion der Zitierung; z.B.: *Это потому, что он ин мих ферлибт, горорум* (Goldbach 2005, 48).

Schon diese wenigen Beispiele zeigen die Fülle der sprachlichen Besonderheiten des deutsch-russischen Russischen, die es sowohl vom Standardrussischen wie natürlich auch vom Standarddeutschen unterscheiden. Linguistisch ist damit das Potenzial für eine aus Sprachmischung entstandene Mikroliteratursprache gegeben. Die Sprachentstehung ist aber nicht zwangsläufig, sondern wesentlich von sprachexternen Faktoren abhängig. Es sind wahrscheinlichere und weniger wahrscheinliche Szenarien vorstellbar. Die gemischte Varietät kann wieder verschwinden, weil die Sprechergemeinschaft entweder zu einer Standardsprache wechselt (nur Russisch oder nur Deutsch) oder zwei Standardsprachen verwendet (Bilingualismus ohne Sprachmischung). Beide Varianten sind derzeit nicht zu erwarten, da die Mischsprache durchaus praktischen Bedürfnissen der Kommunikation folgt (Ökonomieprinzip) und die Sprechergemeinschaft dynamisch ist. Durch Studien- und Arbeitsmigration wird sie immer wieder erneuert, zugleich findet aber auch ein regelmäßiger Austausch mit dem Herkunftsland statt. Zweitens kann spekuliert werden, dass die Mischsprache zu einem kodifizierten Kreol und damit zu einer Minderheitensprache in Deutschland wird. Auch dieser Prozess ist nicht zu vermuten, und zwar erstens aufgrund der genannten Dynamik der Sprechergemeinschaft, die keine ‚eigene Ethnie‘ bildet, und zweitens aufgrund eines konstitutiven Merkmals der Mischsprache: Sie lässt Ad hoc-Bildungen nicht nur zu, sondern erfordert sie sogar. Eine grammatische und lexikalische Kodifikation widerspräche also dem kommunikativen Charakter des deutsch-russischen Russischen, das zwar Regelmäßigkeiten aufweist, aber keine präskriptiv kodifizierten Regeln erlaubt.

Gleichwohl ist damit zu rechnen, dass das deutsch-russische Russisch nicht nur erhalten bleibt, sondern seinen Anwendungsbereich noch ausbaut, so dass am Ende vielleicht doch von einer besonderen Sprache gesprochen werden kann. Im Unterschied zu anderen slavisch-deutschen Sprachmischungen wie zum Beispiel Mischungen des Bulgarischen und Deutschen (Zlatanova 2010), die ganz ähnliche Erscheinungen aufweisen, verfügt das deutsch-russische Russisch schon heute über ein stattliches Mediennetz mit z.B. über 50 Zeitungen und Zeitschriften (Margolina 2009), in denen die Mischsprache jeweils mehr oder weniger stark angewendet und damit verfestigt wird. Auch ein parodistisches Internetprojekt gibt es schon: *Креативная Qwеля* ([http:// www.strannik.de/ quelia/](http://www.strannik.de/quelia/)).

Ein, wenn nicht das entscheidende Kriterium für die Zukunft dieser Mischsprache wird aber die Spracheinstellung der Sprecher sein, d.h. ihre

eigene Bewertung sprachlich-kultureller Mischungen. Wird das deutsch-russische Russisch von seinen Sprechern und Sprecherinnen als «Schlechtes Russisch» abqualifiziert, wird es sich schwer etablieren, wird es von ihnen dagegen als Varietät neben dem Deutschen und dem Russischen akzeptiert und als Teil ihrer sprachlich-kulturellen Identität erkannt, kann es eine besondere soziale Identität in Deutschland schaffen und zugleich den Kosmos der Sprachen der Welt um eine neue Sprache bereichern. Die Zukunft des deutsch-russischen Russisch liegt deshalb in der Trilingualität (Russisch, Deutsch, Deutsch-russisches Russisch). Funktional gesehen erfüllt diese Mischsprache nicht nur kommunikativ-informative Bedürfnisse nach dem Ökonomieprinzip, das für Baudouin ein wesentlicher Grund für Sprachmischungen war, sondern sie kommt dem Bedürfnis nach Spiel in der Sprache und an den Grenzen der Sprache entgegen (Hopman 2006). Darauf hat schon Baudouins Schüler Lev.V. Ščerba in seinem kritischen Beitrag zum Begriff der Sprachmischung (Щерба 1974, 60–74) hingewiesen, in dem er feststellte, dass bereits Mischungen von sprachlichen Varietäten innerhalb einer Standardsprache nicht selten komische Effekte erzeugen sollen oder zumindest der Ausdrucksverstärkung dienen:

«шутки ради или для того, чтобы сделать более выразительным наш язык» (Щерба 1974, 72).

Die Mischsprache wird, mit R. Jakobson gesprochen, in ihrem Wert nicht nur durch die kommunikativ-darstellende Funktion, sondern ganz erheblich durch die poetische Funktion sprachlicher Kommunikation legitimiert. Es spricht einiges dafür, das deutsch-russische Russisch als poetische Mikrosprache zu klassifizieren.

LITERATUR

- BdeC 1984a — J. Baudouin de Courtenay. *Ausgewählte Werke in deutscher Sprache*. Mit einem Vorwort von E. Malachowska. Hg. J. Mugdan. München, 1984.
- BdeC 1984b [1884] — J. Baudouin de Courtenay. *Übersicht der slavischen Sprachenwelt*. Ausgewählte Werke in deutscher Sprache. Mit einem Vorwort von E. Malachowska. Hg. J. Mugdan. München, 1984, S. 1–21.
- BdeC 1984c [1910] — J. Baudouin de Courtenay. *Klassifikation der Sprachen*. In: *Ausgewählte Werke in deutscher Sprache*. Mit einem Vorwort von E. Malachowska. Hg. J. Mugdan. München, 1984, S. 190–197.

- Baur u.a. 1999 — R.S. Baur, Chr. Chlosta, Chr. Krekeler, C. Wenderott. *Die unbekannten Deutschen. Ein Lese- und Arbeitsbuch zu Geschichte, Sprache und Integration rußlanddeutscher Aussiedler*. Baltmannsweiler, 1999.
- Berend 1998 — N. Berend. *Sprachliche Anpassung. Eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Rußlanddeutschen*. Tübingen, 1998.
- Berger 2004 — T. Berger. *Vom Erfinden slavischer Sprachen*. Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für P. Rehder zum 65. Geburtstag. Hg. M. Okuka, U. Schweier. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 21). München, 2004, S. 19–28.
- Blankenhorn 2003 — R. Blankenhorn. *Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien: Entlehnung von Diskursmarkern und Modifikatoren sowie Code-switching*. Frankfurt am Main u.a., 2003.
- Bolton, Kachru 2006 — K. Bolton, B.B. Kachru (eds.). *World Englishes: Critical concepts in linguistics*. London, 2006.
- Braunmüller 2003 — K. Braunmüller. *Language, typology and society: possible correlations*. Minor Languages. Hg. J. Sherzer, Th. Stolz. (= Diversitas Linguarum. Bd. 3). Bochum, 2003, S. 89–101.
- Budziak 1997 — R. Budziak. *Jan Baudouin de Courtenay als Soziolinguist und Sprachsoziologe*. Bamberg, 1997. (Dissertation).
- Dalby 2002 — A. Dalby. *Language in Danger*. London, 2002.
- Erfurt 2003a — J. Erfurt. «Multisprech»: *Migration und Hybridisierung und ihre Folgen für die Sprachwissenschaft*. «Multisprech»: Hybridität, Variation, Identität. Hg. J. Erfurt. (= Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. Bd. 63). Osnabrück, 2003, S. 5–33.
- Erfurt 2003b — J. Erfurt (Hg.) «Multisprech»: *Hybridität, Variation, Identität*. (= Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. Bd. 63). Osnabrück, 2003.
- Földes 2003 — C. Földes. *Interkulturelle Linguistik. Vorüberlegungen zu Konzepten, Problemen und Desiderata*. Veszprém — Wien, 2003.
- Goldbach 2005 — A. Goldbach. *Deutsch-russischer Sprachkontakt: deutsche Transferenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin*. Frankfurt am Main u.a., 2005.
- Hinnenkamp 2005 — V. Hinnenkamp. «Zwei zubir miydi?» — *Mischsprachliche Varietäten von Migrantenjugendlichen im Hybriditätsdiskurs*. Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. Hg. V. Hinnenkamp, K. Meng. Tübingen, 2005, S. 51–103.
- Hinnenkamp, Meng 2005 — V. Hinnenkamp, K. Meng (Hg.) *Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*. Tübingen, 2005.

- Jakobson 1938 — R. Jakobson. *Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues*. Actes du quatrième Congrès international de linguistes tenue à Copenhague du 27 août au 1 septembre 1936. Copenhague, 1938, S. 48–58.
- Kachru 1992 — B.B. Kachru (ed.). *The other tongue. English across cultures*. Urbana et al., 1992.
- Krefeld 2004 — Th. Krefeld. *Einführung in die Migrationslinguistik: von der «Germania italiana» in die «Romania multipla»*. Tübingen, 2004.
- Kuße 2009 — H. Kuße. *Kleinsprachenlinguistik. Zur Typologie von Kleinsprachen und den Aufgaben ihrer linguistischen Beschreibung am Beispiel slavischer Kleinsprachen*. Konzeptualisierung und Status kleiner Kulturen. Beiträge zur gleichnamigen Konferenz in Dresden vom 3. bis 6. März 2008. Hg. von Chr. Prunitsch. (= Specimina philologiae Slavicae. Bd. 155). München, 2009, S. 41–61.
- Margolina 2009 — S. Margolina. *Russischsprachige Medien in Deutschland, Österreich und der Schweiz*. Majak 19.06.2009. URL: <http://www.maiak.info/russische-medien-deutschland-oesterreich-schweiz>. (Zugriff: 04.01. 2011).
- Marti, Nekvapil 2007 — R. Marti, J. Nekvapil (Hg.). *Small and Large Slavic Languages in Contact*. (= International Journal of the Sociology of Language. vol. 183). Berlin — New York, 2007.
- Meng 2001 — K. Meng. *Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Tübingen, 2001.
- Meng, Protassova 2003 — K. Meng, E. Protassova. *Deutsche, Russlandsdeutsche, Russe-Deutsche, rusaki — Selbstbezeichnungen und Selbstverständnisse nach der Aussiedlung*. «Multisprech»: Hybridität, Variation, Identität. Hg. J. Erfurt. (= Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. Bd. 63). Osnabrück, 2003, S. 173–202.
- Meng, Protassova 2005 — K. Meng, E. Protassova. «Aussiedlerisch». *Deutsch-russische Sprachmischungen im Verständnis ihrer Sprecher*. Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. Hg. V. Hinnenkamp, K. Meng. Tübingen, 2005, S. 229–266.
- Mugdan 1984 — J. Mugdan. *Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929): Leben und Werk*. München, 1984.
- Polinsky 2000 — M. Polinsky. *The Russian Language in the USA*. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Bd. 2. Hg. L. Zybatow. Frankfurt am Main u.a., 2000, S. 787–803.
- Rehder 1995 — P. Rehder. *Standardsprache: Versuche eines dreistufigen Modells*. Die Welt der Slaven, München, № 40, S. 352–366.
- Stolz 2001 — T. Stolz. *Minor languages and general linguistics (with special focus on Europe)*. Minor Languages of Europe. A Series of Lectures at the Uni-

- versity of Bremen. April–July 2000. Hg. T. Stolz. (= Bochum-Essener Beiträge Bd. 30.) Bochum, 2001, S. 211–242.
- Welsch 1995 — W. Welsch. *Transkulturalität. Zur veränderten Verfaßtheit heutiger Kulturen*. Zeitschrift für Kulturaustausch, 1995, 45/ 1, S. 39–44.
- Zimmer 2001 — S. Zimmer. *Linguistisches zur Zukunft der «Kleinen Sprachen» in Europa*. Europäische Kleinsprachen. Zu Lage und Status der kleinen Sprachen an der Schwelle zum dritten Jahrtausend. Hg. H.P. Kelz, R. Simek, S. Zimmer. Baden-Baden, 2001, S. 11–21.

UNVERÖFFENTLICHTE MAGISTER-, LEHRAMTS- UND BACHELORARBEITEN

- Beger 2010 — M. Beger. *Deutsche Einflüsse im deutsch-russischen Russisch*. Dresden, 2010.
- Dobbelt 2009 — A. Dobbelt. *Jüngere Sprachentwicklung des Russischen. Dargestellt an der in Deutschland aktuellen russischen Werbung*. Dresden, 2009.
- Gerdowa 2006 — E. Gerdowa. *Languages in contact: English and German Interference with Russian in Non-Russian Language Environment*. Dresden, 2006.
- Hilgenberg 2007 — C. Hilgenberg. *Sprache der russischen Diaspora in Deutschland*. Dresden, 2007.
- Zlatanova 2010 — D. Zlatanova. *Deutsch und Bulgarisch im Kontakt. Deutsche Einflüsse in der Rede Bulgarischsprachiger in Dresden*. Dresden, 2010.
- БдК 1963а [1883/ 1884] — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Обозрение славянского языкового мира в связи с другими ариоевропейскими (индогерманскими) языками (перевод с немецкого)*. С.Г. Бархударов (отв. ред.). Избранные труды по общему языкознанию. Москва, 1963, с. 127–138.
- БдК 1963б [1900/ 1901] — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *О смешанном характере всех языков* (вступительная лекция, С.-Петербургский университет, 21-е сентября 1900 г.). С.Г. Бархударов (отв. ред.). Избранные труды по общему языкознанию. Москва, 1963, с. 362–372.
- Виноградов 1963 — В.В. Виноградов. *И.А. Бодуэн де Куртенэ*. С.Г. Бархударов (отв. ред.). И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Москва, 1963, с. 6–20.
- Гловинская 2001 — М.Я. Головинская. *Общие процессы в языке метрополии и эмиграции. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты*. Отв. ред. Е.А. Земская. Москва — Wien: Языки Славянской Культуры/ Wiener Slawistischer Almanach, 2001, с. 341–483.
- Дуличенко 1981 — А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин, 1981.

- Дуличенко 2000 — А.Д. Дуличенко. *Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века*. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Bd. 2. Hrsg. L. Zybatow. Frankfurt am Main u.a., 2000, S. 843–852.
- Дуличенко 2008а — А.Д. Дуличенко. *Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии*. Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Ред. А.Д. Дуличенко. Тарту, 2008, с. 63–95.
- Дуличенко 2008б. — А.Д. Дуличенко (ред.). Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Тарту, 2008
- Дуличенко, Густавссон 2006 — А.Д. Дуличенко, С. Густавссон (ред.). *Slavica Tartuensia VII: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты*. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Тарту, 2006.
- Жданова 2006 — В. Жданова. *Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней*. Русские и «русскость». Лингво-культурологические этюды. Ред. В.В. Красных. Москва, 2006, с. 5–178.
- Земская 2001 — Е.А. Земская (отв. ред.). *Язык русского зрубезья. Общие процессы и речевые портреты*. Москва — Wien: Языки Славянской Культуры/ Wiener Slawistischer Almanach, 2001.
- МЯИ 2006 — *Микроязыки — Языки — Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Тарту, 2006.
- Менг, Протасова 2002 — К. Менг, Е.Ю. Протасова. *Языковая интеграция российских немцев в Германии*. Известия РАН: Серия литературы и языка. Т. 61, Москва, 2002, № 6, с. 29–40.
- Норман 2006 — Б.Ю. Норман. *Игра на гранях языка*. Москва, 2006.
- Протасова 2004 — Е.Ю. Протасова. *Феннороссы: жизнь и употребление языка*. С.-Петербург, 2004.
- Шиндлер 2001 — Н. Шиндлер. *О русском языке трех волн эмиграции*. Jelitte. H./ Horkavtschuk, M. (Hg.), Frankfurt am Main u.a., 2001, S. 343–357.
- Щерба 1974 [1936] — Л.В. Щерба. *О понятии смешения языков*. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974, с. 60–74.

H. Kuße. Jan Baudouin de Courtenay ja keele korrelatiivkirjeldus

Artikkel on pühendatud Jan Baudouin de Courtenayle kui keele korrelatiivkirjelduse eelkäijale. Keele korrelatiivkirjelduse all peetakse silmas konkreetse keele või keelte arengu ja oleku sise- ja välispõhjuste, sh sotsiaalsete ning ajalooliste põhjuste lahtiseletamist. Korrelatiivse lähenemise abil näidatakse keelesegunemise ja kultuurihübriidiseerumise rolli olulisust keelte arenemisel. Näitena kirjeldatakse tänapäeva saksa ja vene keelte segunemist Saksamaa venekeelsel elanikkonnal. Oletatakse, et see «saksa-vene keel» muutub omamoodi luuleliseks mikrokeeleks.

Дамина Дисингалеевна Шайбакова
Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана, г. Алма-Ата

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ВАРИАНТЫ ЯЗЫКА

Вариативность эндогенная, экзогенная – синергетика – асистемные элементы – энтропия нормы – поведение системы – влияние среды – корректировка картины мира

Вариативность может быть эндогенной, внутри системы, и экзогенной, связанной с влиянием других языков. При взаимодействии языков происходит смешение разносистемных элементов, их приспособляемость к новой среде является взаимонаправленной. Исследование стабилизации процессов приспособления к новым условиям возможно с применением синергетического подхода.

Еще в 1995 г. акад. Р.Г. Пиотровский сказал, что проблема синергетики языка и речи станет одной из центральных проблем языкознания XXI в. (Пиотровский 1995, 418). Слово *синергетика* происходит от греч. *sinergija* 'совместная деятельность, общая энергия что-то сделать'. В синергетическом аспекте исследуются системы, состоящие из большого числа элементов. При взаимодействии эти элементы порождают новые свойства.

Синергетическое описание начинается с уже известного состояния системы со всеми заданными величинами управляющего параметра. Когда меняются управляющие параметры, система может стать неустойчивой. В ней появляются новые структуры, модели поведения. Синергетика

«объясняет результаты взаимодействия в открытых неравновесных системах таких противоположных тенденций, как неустойчивость и стабильность, беспорядок и порядок, дезорганизация и организация, случайность и необходимость» (Базылев 2007, 114).

Поведение системы зависит от условий среды. Среда влияет на изменения системы, но залогом стабильности является то условие,

что обязательно существуют параметры порядка, устойчивости. Они задаются инвариантом и подчиняют себе поведение составных частей системы. Параметры порядка основаны на общих закономерностях и ограничивают и регулируют процессы адаптации. Если говорить о языке, то в качестве примера параметра порядка можно использовать грамматические категории — высшую степень абстракции, которые организуют все элементы системы. Достаточно привести в качестве примера категории рода, числа, времени. Так, категория времени в английском языке определяет морфемiku, морфонологию, синтаксис.

На параметры порядка влияют отдельные части системы, и отрывающиеся от системы элементы становятся переменными величинами, влияющими на константы. Система, стремясь к упорядочению, пытается подчинить и их общим закономерностям. Поясним это на примере одной грамматической категории русского языка. Напр., категория рода русской грамматической системы относится к параметрам порядка. Значение рода организует синтаксис фразы: *Та молодая женщина, которая зашла к врачу, не стояла в очереди*. Значение женского рода здесь выражено пять раз. В русской грамматической системе все существительные получают значение рода. А в категории одушевленных существительных образуются родовые пары. И это тоже параметр порядка. Однако нет оппозиции по роду для довольно большого числа одушевленных существительных, ср.: *мужчина — женщина; спортсмен — спортсменка; студент — студентка; актер — актриса*, но только *врач, профессор, кассир, няня* и т.п. Когда же грамматические закономерности требуют указания на род, говорящий вынужден решать эту задачу, и тогда появляются аномальные сочетания, вроде *врач пришла, кассир отсчитала сдачу*. Возникает циклическая причинность: алогизм проявляется в том, что профессия, которой сейчас занимаются и мужчины, и женщины, не получает в своей номинации оппозиционного обозначения, но в синтактике система принуждает подчинить своим закономерностям эти асистемные элементы.

Как только устанавливаются параметры порядка, можно сделать заключение о поведении отдельных частей. В данном случае это заключение о возможностях синтаксического согласования по роду в структуре фразы или словосочетания. Растет степень свободы системы. Происходит расшатывание нормы, ее энтропия. И уже может

быть ненормативное, просторечное *кассириша*, *врачиха*, *косметичка*. Но даже при такой свободе применения асистемных элементов есть жесткие ограничения. Так, в просторечии может быть *профессориша*, но все-таки нет **академичка* или **академиха*. Проблему позволяет решить синтактика. Появляются сочетания типа *усатый нянь*. Иногда они проникают в узус и тогда перестраиваются оппозиции или появляются новые, вроде *доярка* – *дояр*. Параметры порядка, допускающие отсутствие оппозиции для ряда названий лиц по профессии, перестают управлять некоторой группой имен, но они встраиваются в систему по другому параметру, напр., синтактическому.

В русском языке последнего времени активизируются безличные конструкции: *принято считать*, *подчеркивается*, *что...* В научном дискурсе, напр., в жанре доклада, употребляется местоимение не я, а мы. Употребляются обороты *мы считаем*, *наши наблюдения показывают*. Это объясняется влиянием культуры: принятие на себя ответственности за то, что говоришь, или нет, соображения политкорректности, осторожность. Появившиеся сочетания стали устойчивыми единицами дискурса.

С позиций синергетики объясняется порождение новых смыслов. Если брать систему лиц, социальную систему, то в ней могут быть люди, относящиеся к разным этническим, возрастным, гендерным, профессиональным, языковым и т.п. группам, группам, характеризующимся по физическим признакам. В их картине мира формируются свои концепты, обусловленные жизненным опытом, способом существования. Индивидуальными частями их когнитивной системы будут ментальные и языковые концепты.

В ментальной системе каждого индивида выстраиваются понятийные парадигмы, которые и являются основой для познания. Так, я знаю, что означает слово *изжога*, но как реальное явление со всеми дифференцирующими признаками я это явление не знаю, потому что никогда не ощущала изжогу. Мое представление о ней может быть далеким от реального, объективного понятия — поскольку само ее познание возможно лишь через физическое ощущение. В моей когнитивной системе не выстраивается ряд, в который я могла бы включить изжогу на основании ассоциаций, сходства ощущений. Но совсем иным будет представление о ней у лиц, страдающих изжогой. Еще более ясным является представление медиков об этом симптоме, для которого они находят причинно-следственные связи

и которые включают этот феномен в другой понятийный ряд — напр., это может быть связано с характеристикой кислотности желудочного сока.

Иначе говоря, в понятийной системе индивида парадигмы смыслов будут различаться, что обусловлено внешними обстоятельствами, влиянием опыта. Можно привести массу примеров, когда специфическая интерпретация служит целям манипулирования общественным сознанием, и тогда как за спасительную соломинку социум хватается за новую интерпретацию, она утверждается в узусе. Такого рода манипуляции происходят со словами с размытой семантикой: *демократия, патриотизм, национализм, нация, свобода*. Так, в казахстанском политическом дискурсе слово *нация* стало частотным, а само понятие, обозначаемое данным словом, — предметом оживленной дискуссии в связи с предложением «Ассамблеи народов Казахстана» принять «Доктрину национального единства». Нация отождествляется с понятием «народы Казахстана». Противоположное мнение связывает это понятие с народом Казахстана. Грамматические нюансы — ед. – мн. ч. существительного (*народы – народ*) — меняют смысл концепта. Хаос, путаница понятий в результате дискуссии приведут к порядку, единому пониманию этого феномена.

Индивидуальная импровизация может приниматься обществом, языковым коллективом, отдельными слоями населения. Так, на рубеже веков слово *оптимизация* в значении ‘приведение в порядок’ стало частотным. Чиновники говорили об оптимизации, когда закрывали школы, детские сады, больницы. Так появилось новое значение ‘какое?’ и употребление данного слова, которые уже никого не удивляют, как это было поначалу.

Примером экзогенной вариативности языка, обусловленной социальной дифференциацией, служит жаргон. Его порождает социально-групповое единство. Жаргон репрезентирует своеобразные концепты. Напр.: *юзать* — это не то же самое, что ‘пользоваться компьютером’. В литературно-нормативном *пользоваться компьютером* означает ‘решать какие-то задачи с помощью компьютера’. Но *юзать* не предполагает столь серьезного отношения к этому действию. *Хабар* (казах. *хабар* ‘новость’) в контексте *хабар идет* не тождественно казахскому слову *хабар*. Слово в русскоязычном контексте употребляется в значении ‘слухи’ и входит в сочетание с глаголом *идти* по аналогии с устойчивым нормативным сочетанием

слухи идут. Приведенные примеры являют случай широкой диффузии семантики иноязычного слова.

Экстремальным проявлением социальной дифференциации выступают так наз. мужские и женские языки, напр., у племени караибов. В сосуществовании этих языков отмечаются и центростремительные тенденции (иначе невозможно будет взаимопонимание) — они формируют общее ядро — и центробежные, направленные к мужчине и к женщине. Порядок и хаос должны привести к коммуникативному равновесию, без чего не может быть понимания.

Параметрами порядка в культуре выступают константы национальной концептосферы. Переменными величинами являются те элементы, судьба которых зависит от обстоятельств. Напр., светское и религиозное, национальное и интернациональное, процедурное, ритуальное и не являющееся таковым. Являясь открытой, система просеивает их: отбирает одно и отвергает другое. Возможность селекции — это условие самореализации системы.

Итак, ключевым понятием синергетики является понятие самоорганизации. В сложных системах определяются закономерности упорядочения, образования новых оппозиций, которые следует рассматривать как проявление системных отношений. Возникает вопрос: есть ли общие принципы, управляющие поведением сложных систем, когда в них происходят качественные изменения? Это основной вопрос синергетики (Борботько 2007).

Положения лингвосинергетики применимы к интерпретации проблемы вариативности в языке и вариантности языка. Под вариативностью в языке мы понимаем сосуществование вариантов единиц и смыслов. Она рассмотрена выше. Вариантность языка связана с дистанцированием от инварианта — стандартного языка. Варианты языка могут быть структурными, когда различия отмечаются на всех уровнях системы языка, и функциональными, когда отмечается дифференциация в употреблении языка, в прагматике речи.

Приведенные положения дают основание обратиться к проблеме поведения системы в чуждых для нее условиях. Так, некий язык, функционирующий в условиях иноэтнической, инокультурной среды, должен приспосабливаться к ней. Неизбежным становится включение новых элементов в систему. Казахстанский русский язык не претерпел по понятным причинам существенных структурных преобразований. Однако нельзя утверждать, что в казахстанском вари-

анте русского языка вовсе не происходит системных изменений, так как иноязычное влияние перестраивает парадигматические и синтагматические отношения в системе. Так, расширяются синонимические ряды (парадигмы) за счет средств контактирующего языка, напр.: *аким* – *мэр*, *мажлис* – *парламент*. В армии сосуществуют обращения к офицерам *мырза* – *господин*. Сосуществование разных единиц иллюстрирует следующий текст:

«Серик... был задержан актюбинскими *чекистами*... *Казнбэзиники* обвиняют его по 307 статье... В актюбинском *КНБ* ... от комментариев воздержались» («Диапазон», 16.08.2007). Выделенные единицы *чекисты* – *казнбэзиники* – *КНБ* (Комитет национальной безопасности) представляют один и тот же денотат.

Символы общей многонациональной казахстанской культуры формируются на базе казахских лексем. Главным символом Казахстана является *шанырақ* — верхняя часть юрты. Шанырақ — это символ домашнего очага. Но в связи с последними событиями, когда было принято решение о сносе незаконных строений в микрорайоне г. Алма-Ата «Шанырақ», а жители оказали упорное сопротивление, шанырақ выступает как символ борьбы, ассоциируется с простым народом. Для понимания таких символов необходимы фоновые знания. Ср.:

«*Люди на примере Шанырака ощутили свою силу*»; «*можно сказать, что начинается шаныракизация общества*»; «*шанырақы не только отстояли свой кров, но и своей борьбой повлияли на характер и форму социальных протестов*» («Свобода слова»).

Самоорганизация системы происходит по тем же правилам: аккумулируется то, что подчиняется закономерностям системы. В лексической системе накапливаются иноязычные слова, обозначающие реалии новой среды. Здесь реализуются универсальные принципы комплементарности, функциональной дополнительности. Далее система управляет их поведением. Так, иноязычные существительные, попадая в систему русского языка, приобретают грамматическую категорию рода. Но поначалу наблюдается сосуществование устойчивых и переменных элементов. К примеру, на уровне морфологии отмечаются колебания в роде существительного *тенге* (название национальной валюты Казахстана) в русской речи. Фонетические закономерности оказываются причиной неполного соответствия произ-

ношения заимствованных слов нормам языка-донора. Именно это объясняет написание и произношение таких казахских слов, как *джайляу*, *Джезказган*, *Джетысу* в русской речи (в казахской — *жайляу*, *Жезказган*, *Жетысу*). Но в последнее время их произношение меняется в соответствии с нормами языка-донора. На уровне словообразования следует отметить сосуществование слов *астанинцы*, *астанчане*, *астанайцы* — для названия жителей столицы Казахстана г. Астаны. В перспективе должна произойти кодификация этих случаев. В синергетических исследованиях отмечается, что длительное время идут процессы роста одних параметров и угасание других. Заимствованные единицы активно вступают в словообразовательные связи. Вследствие этого пополняется система регионального варианта русского языка обязательными, безальтернативными компонентами. Примером могут служить обозначения государственных (*аким* — *акимат*), конфессиональных (*муфтий* — *муфтият*) институтов, должностей (*мажилис* ‘парламент’ — *мажилисмен*), обрядов, праздников. Заимствуются имена родства (*бажа* ‘муж сестры жены’).

Применяемый в социологии термин «устойчивое развитие» должен быть отнесен и к языку. И он направляет внимание к прогнозированию. Насколько подвержен русский язык в Казахстане влиянию казахского языка? Сейчас, когда еще не сформировался русско-казахский билингвизм, а по-прежнему остается лишь казахско-русский, изменения почти незаметны. Сказанное характеризует внутреннюю систему языка. Для языковой системы фундаментальным, организующим является принцип оппозиций. Если система приспосабливает какие-то элементы, то намечается движение от хаоса к порядку. Иначе говоря, неравновесность служит источником организации и порядка. Это касается не только структурных единиц, но и идеальных сущностей, напр., смысла. Ведь жизнь языка — в его употреблении в различных ситуациях общения. Этот аспект неразрывно связан с культурой среды. Напр., тенгрианство повлияло на мировосприятие казахов. Оно организует казахскую культуру. Это отношение к природе, животным, к дому, к взаимоотношениям людей, что находит отражение в формировании смыслов. Чужой язык и чужая культура в состоянии взаимодействия могут в разной степени отражать эти смыслы. Самопорождение смысла — возникновение нового качества смысла. Единственным стимулом этого следует

считать изменение среды. Так, степь и горы — это не только ландшафт, не только известное благодаря казахстанскому поэту Олжасу Сулейменову противопоставление («Возвысить степь, не унижая горы»). Это оппозиция, понятная жителям Казахстана, так как понятия символизируют новую и старую столицы — Астану и Алма-Ату. Но *степняк* и *горец* никак не связаны с данной оппозицией. В российском дискурсе *степняк* — это не россиянин, проживающий в степи, это азиат. И *горец* — это не житель Алма-Аты, а кавказец. Порядок одной системы вовсе необязателен для другой.

Русские слова используются как символы, если обозначение какого-либо предмета, феномена имеется в русском языке. В качестве этнолингвистического материала часто привлекаются названия животных. Приведем один пример. *Коза* воспринимается казахами как упрямое животное, поведение которого непредсказуемо. Считается, что у нее нет прародителей: «кто пасет меня, того я и скотина». Коза может не реагировать на действия других субъектов, не проявляет почтения к другим. Поэтому, когда банальное и обидное обозначение женщины за рулем автомобиля именем *коза* ничего не говорит представителям других культур, в языковом сознании казахстанцев ассоциируется с архетипом казахской этнической культуры. Считается, что действия женщины-водителя продиктованы только соображениями собственного удобства. При этом она не очень-то обращает внимание на других участников дорожного движения. Таким образом, метафора *коза* становится негативным символом непредсказуемого поведения на дороге женщины-водителя. Неравновесность констатируется потому, что не используется в подобном значении оппози́т со значением мужчины за рулем (*козел*). Слово *козел* как инвектива в характеристике мужчины, конечно, часто, но это не рассматривается однозначно как поведение на дороге. Прогноз по поводу того, что появится элемент оппозиции (обозначение мужчины) к дискурсивному элементу *коза* в значении ‘женщина за рулем’, ненадежен. Потому что дискурс как структура, тесно сопряженная с культурой, — это диссипативная, рассеянная структура (Зинченко и др. 2007).

В функциональном варианте языка специфика проявляется в употреблении. Асимметрия между социумом и языком порождает процесс расшатывания нормы. Это может быть потребность в номинации, в дискретном или цельном представлении объекта. Происходит

корректировка коммуникативного поведения, отражающаяся в селекции языковых средств, отношении к своему и чужому. Действие фатической функции является стимулом принятия чужого на иноэтнической территории. Личностная импровизация может приниматься, может отвергаться. Если она принимается, то корректируется картина мира.

Выводы:

1. Неустойчивые элементы, возникающие по необходимости или создаваемые искусственно, служат причиной качественных изменений в системе языка, создают эндогенную вариативность языка.
2. Асистемные элементы должны быть включены в систему, в процесс функционирования языка, прагматику коммуникации. Это корректирует систему и употребление языка.
3. Движение от хаоса к порядку прослеживается в возникающих побочных процессах, которые вначале незаметны, но потом выходят на первый план.
4. Единственным способом существования языка является направленное и согласованное взаимодействие со средой — коэволюция.
5. Аккумуляция дифференцирующих признаков под влиянием иных языковых систем ведет к накоплению отличий, создает эндогенную вариативность языка, увеличивает дистанцию между данным идиомом и стандартным языком. Это приводит к формированию варианта языка. Если изменения происходят в системе, то формируется структурный вариант языка. Изменения в употреблении языка под влиянием чужого языка и чужой культуры, не перестраивающие значительно систему, все ее ярусы, способствуют созданию функционального варианта языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Базылев 2007 — В.Н. Базылев. *Общее языкознание. Учебное пособие*. Москва, 2007.
- Борботько 2007 — В.Г. Борботько. *Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике*. Москва, 2007.
- Зинченко и др. 2007 — В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. *Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме*. Москва, 2007.

Пиотровский 1995 — Р.Г. Пиотровский. *Теоретические и прикладные проблемы языкознания на рубеже XX в.* Лингвистика на исходе XX в.: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Ч. 2. Москва, 1995, с. 417–419.

D. Shaibakova. Varieerumine keeles ja keelevariandid

Lingvosünergeetika sätteid rakendatakse keelevarieerumise ja keelevariantide probleemi käsitlemisel. Keele variandid on seotud distantseerumisega invariant (keelenormist). Keelevariandid võivad olla struktuursed kui erinevusi leidub kõigil keelesüsteemi tasemetel ning funktsionaalsed kui diferentseeritus esineb keelekasutuses, kõnepragmaatikas.

Jiří Zeman

Univerzita Hradec Králové

JAZYKY V KONTAKTU – TRANSFONEMIZACE

Sociolingvistika – jazykový kontakt – proprium – transfonemizace

0. Mezikulturní komunikace a změny jejího charakteru patří stále mezi aktuální témata. Výzkum mezikulturního kontaktu a jeho důležitých sfér je složitý proces interdisciplinární povahy. Tento fakt se odráží v metodologii výzkumu celého fenoménu, např. ve využívání konceptu modelu světa, v areálových studiích aj. Speciální místo v tomto výzkumu zaujímá lingvistika, protože jazyk je jedním ze systémů, ve kterém kulturní statky nebo jejich dílčí složky vznikají, a navíc právě jazykem lze o kultuře určité sociální skupiny komunikovat. Zvláštním druhem kulturního kontaktu je jazykový kontakt, který zkoumá hlavně sociolingvistika.

Příspěvek vychází z takových komunikačních situací, v nichž mluvčí určitého jazyka L2 odkazuje ve svém mluveném ~ psaném projevu na jev z odlišného kulturního prostředí, v němž je komunikačním prostředkem jiný jazyk L1. Jevem z jiného kulturního prostředí budou v dalším textu osobní jména (OJ). Příspěvek se soustřeďuje na adaptaci OJ ve zvukové rovině, tj. na **transfonemizaci** (*transfonologizaci*), jíž se rozumí nahrazení fonetických a fonologických prvků východiskového jazyka L1 elementy cílového jazyka L2.

1. Výslovnost OJ představuje v každém jazyce specifický problém, protože základní pravidla, která se uplatňují v ortoepii apelativ, při jejich výslovnosti nemusí fungovat. Modifikace ortoepie OJ se týká jak segmentální, tak i suprasegmentální roviny. I mluvčí se základními znalostmi fonetického a fonologického systému konkrétního jazyka může mít problémy s výslovností OJ a jejich fungováním v příslušném kulturním prostředí (viz 3.3.2).

Chybná výslovnost OJ při identifikaci osoby může vést v nepřímé komunikaci k nesrozumitelnosti a komunikačním bariérám¹, v přímé komunikaci může negativně ovlivnit mezilidské vztahy (porušení zdvořilosti, urážka aj.). V češtině je výsledek transfonemizace důležitý proto, že

však situace poněkud odlišná: tuto výslovnost nacházíme i v publicistice, dokonce i v uměleckém stylu (např. v rozhlasových hrách). Zdá se, že podmínkou pro «adekvátní a přiměřené» hodnocení této výslovnosti je naprostá totožnost ZL1 a Zč. Pokud tomu tak není, tj. pokud je součástí Zč koncovka nebo přípona, pak se citátová výslovnost uplatňuje řídce.

2.2.2 **částečná**: nahrazuje dílčí prvky východiskové formy OJ elementy z cílového jazyka; výsledkem je počestěná výslovnost.

2.2.2.1 U samohláskového systému dochází nejčastěji k těmto adaptacím:

- (a) přední labializované samohlásky (např. [ø], [ü]) se nahrazují nelabializovanými vokály ([e], [i]): *Höger* [høgr] – [hégr];
- (b) nosovky (např. [ø], [ē]) se nahrazují spojením příslušného vokálu a souhlásky [n]: *Conchon* [køšø] – [konšon];
- (c) česká výslovnost neliší otevřenost/zavřenost samohlásek východiskového jazyka;
- (d) neutrální [ə] se nejčastěji nahrazuje samohláskou či hláskovým spojením shodným s grafikou: *Robert* [robət] – [robert].

2.2.2.2 U souhlásek dochází nejčastěji k těmto adaptacím:

- (a) aspirované souhlásky (např. [px], [tx], [kx]) se nahrazují neaspirovanými souhláskami ([p], [t], [k]): *Kurt* [kxurt] – [kurt];
- (b) zadopatrové [ŋ] se nahrazuje – ve shodě s grafikou – spojením [ŋg]/[ŋk]: *Browning* [brauniŋ] – [brauniŋk];
- (c) bilabiální [ʋ] se nahrazuje labiodentálním [v]: *Watt* [ʋat] – [vat].

2.2.3 **úplná**: zcela začleňuje OJ do systému cílového jazyka; výsledkem je česká výslovnost podle pravidelných vztahů zvukové a grafické formy v češtině (viz 3.8.1).

2.3 Stupeň adaptace OJ — obdobně jako u apelativ — je závislý především na strukturních rozdílech mezi východiskovým a cílovým jazykem. Podle shod či odlišností mezi fonologickými systémy angličtiny a češtiny může mít anglické proprium *Robert* varianty s transfonemizační nulovou ([robət]), částečnou ([roubrt]) či úplnou ([robert]).

Systémová adaptace OJ je většinou dlouhotrvajícím procesem a je ovlivněna také vlivem kulturního kontaktu. Je předpokladem postupné integrace cizího OJ do cílového jazyka. Pokud při tomto procesu vznikají obtíže a překážky, fungují v cílovém jazyce speciální adaptační mechanismy, které je překonávají.

3. V praxi se u jednotlivých OJ všechny tři druhy výslovnosti nemusí realizovat (a také většinou nerealizují). Česká lingvistika věnovala nej-

větší pozornost druhému stupni adaptace zvukové formy OJ – **počeštěné výslovnosti**.

3.1 Slovníky i četné příručky formulují základní výslovnostní zásady, které lze shrnout do tří pravidel:

3.1.1 Při určování výslovnosti cizích slov se vychází z jejich zvukové formy ve východiskovém jazyce.

3.1.2 Ve výslovnosti cizích slov se využívají jen české hlásky. Cizí hlásky se nahrazují artikulačně nejbližšími českými hláskami (viz 2.2.2).

3.1.3 Přebírá se jen hlásková stavba cizího slova. Jiné jevy se přizpůsobují zákonitostem češtiny. Jde zejména o pravidla české fonotaktiky (specifické souhláskové skupiny, samohláskové/souhláskové zakončení slabik, asimilace znělosti, místa a způsobu artikulace, výslovnost geminát aj.) a prozodie (přízvuk na první slabice).

Počeštěná forma je ovlivněna i zvláštnostmi vztahu zvukové a grafické formy příslušných jazyků, např. samohláskové grafémy s čárkou a jejich výslovnost ve španělštině či portugalštině (označení přízvučné slabiky) a češtině (označení dlouhé samohlásky) (viz Robovská 2009–2010, 129–143). Výrazně se mohou projevit i další jazykové a extralingválí faktory (např. kulturní a dobový kontext).

3.2 Ačkoliv se uvedená pravidla (viz 2.2.2) mohou stát východiskem pro určení počeštěné zvukové formy OJ, neznamená to, že jejich striktním uplatněním dostaneme jednoznačnou podobu OJ. Stanovit příbuzné české hlásky k určité hlásce jazyka L1, jak uvádí pravidlo (b), nemusí být vždy snadné: např. anglická hláska *th* (*Smith* [*smiθ*]) a její počeštěná variantní výslovnost [*t*] (*[smiɫ]*) nebo [*s*] (*[smis]*), jež ovlivňuje i variantní zařazení do skloňovacího systému — k tvrdému skloňování (2. pád *Smita* [*smiɫa*]) i měkkému skloňování (2. pád *Smithe* [*smise*]). Navíc výslovnost formy Zč není s ZL1 totožná, pouze z ní vychází (pravidlo (a)). Výsledná forma Zč tak může mít i několik variant⁴.

3.3 Hlavním důvodem, proč nelze tato pravidla zcela mechanicky uplatnit při stanovování výslovnosti OJ, je skutečnost, že OJ nejsou jen součástí systému cizích slov, ale tvoří zároveň součást specifického systému proprií: OJ tvoří v jazyce zvláštní skupinu cizích slov, která nepatří přímo k centru jazykového systému, ale spíše k jeho periferii, a cizí OJ vytvářejí periferii této periferie. Specifičnost systému proprií je dána jejich funkcí a zvláštnostmi propriálního významu (srov. MČ 2 1986, 345–346). Důsledkem toho je řada odlišností mezi fungováním OJ a apelativ. Zřetelné je to především při sledování vztahu Gč ↔ Zč.

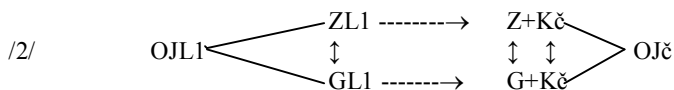
3.3.1 Přijme-li čeština cizí apelativum, pak je jeho grafická forma shodná s grafickou formou východiskového jazyka L1. Stává se, že vztah GL1 ↔ ZL1 neodráží vždy vztahy obvyklé pro vztah těchto dvou forem slova v češtině. Stupeň zdomácnění cizího apelativa se pak projevuje v pravopisu a to tak, že se grafická forma postupně přizpůsobí její odpovídající výslovnosti: pravopis se počestí (blíže viz VŠČ 2 1978, 32–35).

3.3.2 Také OJ mají ve východiskovém jazyce formu grafickou a zvukovou. Přijme-li čeština toto OJ, zůstane však grafická forma Gč totožná s grafickou formou GL1 a na rozdíl od apelativ se nepočestňuje. Zvuková forma Zč, která vznikla na základě zvukové formy ZL1, a odpovídající grafická forma OJ se u některých OJ od sebe liší. Forma, která se pak může počestit a přizpůsobit formě druhé, je jediné zvuková. Toto «počestnění» však neznamená zároveň zdomácnění OJ v češtině.

Jistá výlučnost proprií se projevuje i tím, že vztah jejich grafické a zvukové formy nemusí vždy odrážet vztahy obou forem obvyklé pro apelativa téhož jazyka. Tak může jedné grafické formě propria odpovídat několik forem zvukových (např. anglicky *Raleigh* – [rólí], [ráli] i [relí]), jindy jedné formě zvukové může odpovídat několik forem grafických (např. česky [švarc] – *Švarc*, *Schwarz*, *Schwartz* aj.). Navíc jedné grafické formě shodné pro několik jazyků mohou být přiřazeny v těchto jazycích různé zvukové formy (např. *Bernstein* – anglicky [bæ:nstajn], amer. [bæ:rnstj́n], německy [bernštajn], francouzsky [bernstén]).

3.4 Při sledování vztahu Zč ↔ Gč je pak potřebné lišit rozdíly mezi oběma formami v koncové a nekoncové pozici OJ. Pokud se rozdíly vyskytnou v nekoncové pozici, jde hlavně o problém ortoepický a ortografický. Pokud se však rozdíl objeví v koncové pozici OJ, jde navíc o problém gramatický: OJ se v češtině jako flektivním jazyku zařazuje do gramatického systému, tj. skloňuje se, přibírá adjektivní a přechylovací přípony apod. Při velkém rozdílu mezi oběma formami se pak může OJ začlenit jinak do gramatického systému podle zvukové formy a jinak podle grafické formy. Gramatická zakončení (K) se pak mohou vzájemně vyrovnávat a výsledkem jsou dvojtvary, někdy charakteristické pouze pro určitou formu OJ (srov. 3.2): jde např. o anglická jména typu *Shelley* (2. pád *Shelleyho* [šeliho] vycházející ze zvukové formy i *Shelleye* [šelije] vycházející z grafické formy), anglická a francouzská OJ s nýmým koncovým -e (*Blake* [blejk] – 2. pád *Blakea* i *Blaka* [blejka]) apod. (srov. Zeman 1997, 81–86).

Schematicky je možné konkrétní vztahy vyjádřit graficky takto:

Výsledná zvuková forma Zč je pak ovlivněna vztahy $ZL1 \rightarrow Zč$ a $Gč \rightarrow Zč$ a dále zařazením OJ do gramatického systému češtiny.

3.5 Určit zvukovou formu ZL1 a vytvořit z ní zvukovou formu Zč je někdy pro českého mluvčího velmi nesnadné. Proto se objevují snahy odvodit Zč z formy Gč na základě pravidel specifických pro jednotlivé východiskové jazyky (tzv. «písmenková» výslovnost). VŠČ 2 1978 taková pravidla již vypracovala: např. v maďarském OJ *Sütő*: $s = [š]$, $ü = [i]$, $ő = [é] \rightarrow [šité]$. A. Stich tuto výslovnost doporučuje připustit alespoň jako variantní pro jazyky z hlediska jazykové praxe «periferní» (Stich 1982, 86–101).

3.6 Zde je naznačen další faktor, který má vliv na stanovení formy Zč — východiskový jazyk. Tím může být pro OJ přejímaná češtinou kterýkoli jazyk. Vliv na obecné zákonitosti české výslovnosti OJ mají především ty jazyky, s nimiž má čeština jako cílový jazyk nejživější kontakty, z nichž přebírá nejvíce OJ, popř. jejichž znalost je u uživatelů češtiny největší. S tím počítala i VŠČ 2 1978: zatímco pro angličtinu, francouzštinu či němčinu jsou pravidla vypracována podrobně, poučení o výslovnosti např. islandských jmen je stručné.

3.7 Na přejímání OJ do češtiny však nelze pohlížet jen synchronně. V průběhu vývoje češtiny se totiž řada konkrétních zvukových forem již vytvořila⁵, a proto při vytváření pravidel výslovnosti OJ je nutné přihlídnout i k této tradici.

3.8 Lze zaznamenat rozdíly mezi počeštěním rodných jmen a příjmení.

3.8.1 Rodné jméno může být v českém textu (zvl. v beletrii) nahrazeno (substituováno) odpovídajícím českým ekvivalentem (např. *John – Jan, Fridrich – Bedřich*), zatímco u příjmení je tento jev řídký (uplatňuje se pouze v textech uměleckého stylu: *John Smith – Jan Kovář*).

3.8.2 Existují taková rodná jména, která mají stejnou (nebo velmi podobnou) grafickou formu v několika jazycích, z nichž jedním je právě čeština (*Alan, Artur, David, Edvard, Ernest, Robert, Samuel, Valter* apod.). Pak se vedle počeštěné zvukové formy užívá i česká forma bez ohledu na národnost nositele OJ: *Robert Browning* – [*roubrt braunink*] i [*robert braunink*]; *Robert Desnos* – [*robér desno*] i [*robert desnos*]. Příjmení zřetelněji identifikují národnost nositele a tato tendence u nich není.

3.9 Cizí OJ se dostávají do slovní zásoby češtiny především v souvislosti s konkrétními aktivitami jejich nositelů. Ti mohou být po určitou dobu v centru pozornosti zejména masmédií a jejich OJ se začleňují do mediální komunikační sítě. Jen malá část těchto jedinců zůstane v centru mediální pozornosti delší časové období: většina z nich po určité době z oblasti zájmu odchází a tím se přestane v mediální komunikační síti užívat i jejich OJ (srov. Zeman 1997, 81–86). Z hlediska užívání lze tedy OJ rozdělit na

3.9.1 *sezonní*, která se v masmédiích objeví na krátký čas (jednorázové užití).

3.9.2 *stálá*, která se v masmédiích ze současného pohledu objevují již desítky let a jejichž nositelé se začlení do českého kulturního kontextu (např. *Shelley*, *Verne*); právě jejich OJ se ve výslovnosti ustalují a stávají se vzorem pro výslovnost obdobných OJ.

3.10 V této souvislosti je důležité řešit problém, koho považovat za nositele ortoepické výslovnosti OJ. Rozhodující pro českou výslovnost cizích slov je podle VŠČ 2 (1978, 27) to, jak je slovo vyslovováno uživateli spisovného jazyka v mluvených spisovných projevech za předpokladu, že je toto slovo součástí jejich slovní zásoby (VŠČ 2 1978, 27). Tento princip však nelze mechanicky aplikovat na stanovování ortoepické výslovnosti OJ. Pro některé práce je zatím východiskem úzus hromadných sdělovacích prostředků.

4. Závěr: Výslovnost OJ musí být zkoumána nejen z hlediska výslovnosti a grafiky východiskových a cílových jazyků na pozadí jejich fonetických a fonologických systémů, ale je nezbytné přihlížet i k dalším faktorům, hlavně gramatickým, sociolingvistickým a psycholingvistickým, a využít nejnovějších poznatků o systému a fungování proprií.

POZNÁMKY

¹ Tak např. v anglosaské jazykové oblasti se příjmení českého hokejisty Jágra [*jágr*] vyslovuje [*džeɡr*], v románské oblasti příjmení fotbalisty Rosického [*rosickí*] ve formě [*rosikí*] apod. Ve zvukové formě [*vaklavél*] český příjemce jen stěží identifikuje OJ *Václav Havel* [*václaf havel*].

² V příspěvku jsou některé vztahy nutně zjednodušeny. Nebudeme zde např. uvažovat o situaci, kdy je výsledná zvuková forma ZL2 zprostředkovaná jiným jazykem L3. To však neznamená, že v konkrétních případech není nutné takové formy vzít v potaz.

- ³ Dále budeme uvažovat pouze o těch východiskových jazycích, které užívají grafický systém latinky. Stranou tedy zůstanou problémy spojené s transliterací grafických systémů.
- ⁴ Je nutné počítat s tím, že u některých OJ bude mít forma Zč i několik variant (k tomu viz i Sedláček 1984, 59–76). Pokud je však těchto variant mnoho, může to působit rušivě při porozumění textu. Např. zvuková forma příjmení anglického básníka *Wordswortha* má v počeštěné výslovnosti prokazatelně osm variant (pokud vezmeme v úvahu kolísání v kvantitě samohlásek, pak dokonce 32 variant). Příjemce nemusí pochopit, že formy [vórcvort] a [vertsvérs] jsou dvě zvukové varianty odpovídající téže grafické formě.
- ⁵ Jednou z hlavních výtek na adresu VSČ 2 1978 (srov. Stich 1982, 86–101) i příruček, které tato pravidla aplikovaly (např. Honzáková, Honzák, Romportl 1996; k tomu viz Sedláček 1982–1983, 85–88), je právě to, že jen málo přihlížely k tomu, jak se skutečná výslovnost OJ v české jazykové praxi ustálila.

LITERATURA

- Honzáková, Honzák, Romportl 1996 — M. Honzáková, F. Honzák, M. Romportl. *Čteme je správně? Slovníček výslovnosti cizích jmen*. Praha, 1996.
- MC 2 1986 — *Mluvnice češtiny 2. Tvarosloví*. Praha, 1986.
- Robovská 2009–2010 — L. Robovská. *Výslovnost portugalských osobních jmen v češtině*. Čestínář. Hradec Králové, 2009–2010, roč. 20, s. 129–143.
- Sedláček 1982–1983 — M. Sedláček. *Čteme je správně? Český jazyk a literatura*. Praha, 1982–1983, roč. 33, s. 85–88.
- Sedláček 1984 — M. Sedláček. *Tvoření přídavných jmen přivlastňovacích od cizích příjmení*. Naše řeč. Praha, 1984, roč. 67, s. 59–76.
- Stich 1982 — A. Stich. *Výslovnostní kodifikace přejaté slovní zásoby*. Naše řeč. Praha, 1982, roč. 65, s. 86–101.
- VSČ 2 1978 — *Výslovnost spisovné češtiny. Výslovnost slov přejatých. Výslovnostní slovník*. Praha, 1978.
- Zeman 1997 — J. Zeman. *Problémy se skloňováním: Stanley cup 1993 aneb McSorley, Robitaille a ti druzí*. Naše řeč. Praha, 1997, roč. 80, s. 81–86.
- Zeman 2008 — J. Zeman. *Začleňování cizích osobních jmen do českého kulturního prostředí*. Český jazyk a literatura v evropském kulturním kontextu. Račibórz, 2008, s. 245–250.

J. Zeman. Keeled kontaktis – transfonemisatsioon

Artiklis vaadeldakse nn transfonemisatsiooni küsimusi, st laensõnade fonoloogilist vormistamist keelelis-kultuuriliste kontaktide puhul. Tõehhi keele pärisnime-de materjali näitel eraldab autor, kasutades süsteem-struktuurset lähenemist, null-, osa- ja täistransfonemisatsiooni ja pakub välja oma interpretatsiooni nime-tatud protsessile.

Ago Kõnnap
Тартуский университет

ПОД КАКИМ ЯЗЫКОВЫМ ВЛИЯНИЕМ ОБРАЗОВАЛСЯ РУССКИЙ ПАРТИТИВ НА -У?

Языковые контакты – типология – русский партитив на -у – финно-угорское воздействие

Орест Ткаченко пишет:

«<...> в русском языке, как и в ряде славянских языков, <...> возникла <...> дублетность окончания родительного падежа на -а и -у. В разных славянских языках эта дублетность была использована по-разному, но нигде, кроме русского языка, она не была применена <...> для передачи двух оттенков значения: если с окончанием -а в русском языке связано чисто генитивное значение (*цена чая*), то с окончанием -у <...> связывается семантический оттенок партитивности <...> (*стакан чаю*). Для передачи этих значений в прибалтийско-финских языках употребляется два специальных падежа, генитив и партитив <...> (ср. эст. *tee hind* 'цена на чай' – *teed saama* 'получить чаю'). <...> Наличие данной черты, чуждой остальным славянским языкам и в то же время свойственной части финно-угорских, можно с наибольшей вероятностью объяснить воздействием мерянского или прибалтийско-финского субстрата» (Ткаченко 2007, 190–191, ср. также: Ткаченко 1989, 81–82).

Мерянский является языком вымершим и реконструированным на основании сохранившихся его следов, причем не зафиксировано ни одного случая употребления мерянского партитива (Ткаченко 2007, 66–71). Поэтому здесь надежнее упоминать в качестве источника влияния прибалтийско-финский субстрат, считая при этом влияние мерянского субстрата предположительно возможным.

В качестве одной падежной формы прямого дополнения в мордовских языках применяется аблатив. Окончания мордовского аблатива -*do*, -*to*, -*de*, -*d'e*, -*te*, -*t'e*, -*da*, -*ta*, -*d'i*, -*du* (см.: Евсеев 1963, 59–61; Мосин, Баюшкин 1979, 46), несомненно, являются этимологическими соответствиями прибалтийско-финского окончания партитива *-*ta/-tä*, исходом которого был также аблатив (см., напр.:

Korhonen 1981, 215). Мордовский аблатив в качестве падежного окончания прямого дополнения употребляется обычно с глаголами *пить* и *есть*, напр., эрзянское *кельме ветьте симан* ‘я пью холодную воду’, *сывельде ярцан* ‘я ем мясо’ (Евсеев 1963, 60; Мосин, Баюшкин 1979, 47–48). Ср. также фин. *kylmää vettä juon* ‘я пью холодную воду’. Имеется также указание Раи Бартенс на то, что мордовский аблатив употребляется и с рядом других глаголов, например, в литературном эрзянском *stak lopat'ñed'e t'etradkazot* ‘вшей эти листы в свою тетрадь’. В большинстве случаев Бартенс обоснованно считает такие аблативные формы не падежными формами дополнения, а формами, указывающими на источник (Bartens 1996, 67–69). Подобные мордовские аблативные формы (см. также: Якубинская-Лемберг 2000, 50–51) можно лишь до определенной степени сравнить с прибалтийско-финскими партитивами, с которыми они частично совпадают. Но на образование русского партитива на -у мордовские языки через свои аблативные формы в некоторой степени все же могли повлиять.

В случае множественного прямого дополнения в удмуртских диалектах выступает суффикс *-tu/-ты*, напр., в якшурском диалекте: *ton ad'ži kionjosty* (-jos- является показателем мн. ч.) ‘я вижу волков’. Предложена этимологическая связь этого удмуртского суффикса с прибалтийско-финским окончанием партитива (Wickman 1955, 59). Среди регулярных удмуртских падежных окончаний только окончание транзитива *-tu* внешне напоминает суффикс *-tu/-ты* (см., напр.: Winkler 2001, 27). Думается, что происхождение последнего остается пока невыясненным.

В отрицательном предложении, в отличие от утвердительного, прямое дополнение как в русском, так и в прибалтийско-финских языках стоит в другом падеже: ср., напр., рус. *Он не принес чая* (генитив) – *Он принес чаю* (партитив) с их эстонскими соответствиями *Ta ei toonud teed* (партитив) – *Ta tõi tee* (генитив). Имеются попытки считать это явление влиянием прибалтийско-финских языков на русский (см., напр.: Künnap 2000, 64–65). Однако С. Г. Томасон и Т. Кауфман обоснованно считают это случайностью, поскольку указанная черта имеется и в других индоевропейских языках (Thomason, Kaufman 1988, 245).

Можно, следовательно, предположить, что русский партитив на -у образовался под влиянием не только прибалтийско-финских (и,

возможно, мерянского), но и в некоторой мере под воздействием мордовских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Евсеев 1963 — М.Е. Евсеев. *Избранные труды*. Том VI. *Основы мордовской грамматики*. Саранск, 1963.
- Мосин, Баюшкин 1979 — М.В. Мосин, Н.С. Баюшкин. *Эрзянский язык. Учебное пособие*. Саранск, 1979.
- Ткаченко 1989 — О.Б. Ткаченко. *Очерки теории языкового субстрата*. Киев, 1989.
- Ткаченко 2007 — О.Б. Ткаченко. *Исследования по мерянскому языку*. Кострома, 2007.
- Якубовская-Лемберг 2000 — Э.А. Якубовская-Лемберг. *К вопросу о выражении прямого дополнения в эрзя-мордовском языке*. Кафедра финно-угорской филологии 75 лет. *Избранные труды*. С.-Петербург, 2000, с. 48–56.
- Bartens 1996 — R. Bartens. *Über die Deklinationen im Mordwinischen*. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 53, Helsinki, 1996, S. 1–113.
- Korhonen 1981 — M. Korhonen. *Johdatus lapin kielen historiaan*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 370. Helsinki, 1981.
- Künnap 2000 — A. Künnap. *Contact-induced Perspectives in Uralic Linguistics*. *LINCOM Studies in Asian Linguistics* 39. München, 2000.
- Thomason, Kaufman 1988 — S.G. Thomason, T. Kaufman. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley – Los Angeles – London, 1988.
- Wickman 1955 — B. Wickman. *The Form of the Object in the Uralic Languages*. *Uppsala Universitets Årsskrift* 1955, 6. Uppsala, 1955.
- Winkler 2001 — E. Winkler. *Udmurt*. *LINCOM EUROPA. Languages of the World/ Materials*, 212. München, 2001.

A.Künnap. Millise keelelise mõju tõttu moodustus vene keele *u*-partitiiv?

Vene keele *u*-partitiiv (*выпить чаю* 'juua teed') on moodustunud ehk läänemeeresoome, samuti mordva keelte mõjul. Artiklis vaadeldakse nimetatud keelte partitiivi mudeleid võrrelduna vene keelega. Samas nõustub artikli autor sellega, et vene keele vaadeldav käändeline iseärasus võib olla indoeuroopa päritolu.

Tadeusz Lewaszkiewicz

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

TENDENCJE INTEGRACYJNE/ UNIFIKACYJNE I DEZINTEGRACYJNE W HISTORII JĘZYKÓW SŁOWIAŃSKICH

Słowiańskie języki literackie – starocerkiewnosłowiański język – integracyjne tendencje – tendencje dezintegracyjne – słowiańskie mikrojęzyki literackie

W artykule chciałbym ukazać obecność tendencji integracyjnych/ unifikacyjnych i dezintegracyjnych w kształtowaniu słowiańskich języków literackich, które objęły obie strefy kulturowe Słowian: Slavia Latina/ Romana (tj. strefę kultury katolickiej i od czasów Reformacji także protestanckiej/ rzymskiej — Polska, Łużyce, Czechy, Słowacja, Słowenia i Chorwacja) oraz Slavia Orthodoxa (strefę kultury prawosławnej/ greckiej/ bizantyjskiej — Rosja, Ukraina, Białoruś, Bułgaria, Serbia, Czarnogóra, Bośnia i Hercegowina). Tendencje integracyjne symbolizują dążenie do ściślejszej wspólnoty językowej i kulturowej wspomaganej m.in. przez czynniki religijne, tendencje dezintegracyjne zaś oznaczają dążenie do rozdrobnienia słowiańskiego świata językowego. W moich rozważaniach odwołuję się do dotychczasowych ustaleń historycznojęzykowych, kładąc nacisk na kwestię integracji i dezintegracji językowej (zob. Dąlewska-Greń 1997, 560–586; Lewaszkiewicz 1992, 133–138; Pianka 1997, 79–90; Siatkowska 2004, 111–140; Толстой 1988).

Jedynym w dziejach wszystkich Słowian (tj. pierwszym i jednocześnie ostatnim) wspólnym/ogólnym językiem międzyludzkiego komunikowania się był język prasłowiański, występujący tylko w funkcji języka mówionego. Niemal pełna (zwłaszcza fonologiczno-gramatyczna) jednolitość językowa cechowała Prasłowian przynajmniej do przełomu VI-VII w., gdy zajmowali oni małe, a w okresie praojczyzny Słowian jeszcze mniejsze terytorium. Później pojawiły się tendencje stopniowo naruszające prasłowiańską jedność językową — widać to szczególnie w obrębie fonetyki (np. wyniki III palatalizacji, *tl*, *dl>l*, przestawka spółgłosek płynnych), ale jeszcze w IX–X w. (tj. właściwie w okresie późnoprasłowiańskim) Słowianie — zajmujący już duże terytorium — wciąż jeszcze dobrze się rozumieli.

Dezintegrację językową Słowian pod koniec okresu prasłowiańskiego i po ostatecznym rozpadzie prasłowiańszczyzny pogłębiało kilka czynników: m.in. migracje Słowian i związane z tym zasiedlenie nowych obszarów, powstawanie państw słowiańskich, towarzyszące dialektom/ językom wewnątrzsystemowe tendencje do zmian językowych i kontakty z językami niesłowiańskimi (z łaciną, greką, niemieckim, z językami bałtyckimi, z fińskim, albańskim, węgierskim, rumuńskim, dalmatyńskim, włoskim, tureckim itd.), które w pewnym stopniu przeobrażały systemy gramatyczne języków słowiańskich, ale przede wszystkim przyczyniały się do powstania dużych różnic między zasobami leksykalnymi poszczególnych języków słowiańskich. Pod koniec średniowiecza języki słowiańskie znacznie się już różniły.

W grupie słowiańskiej najstarszym językiem liturgicznym i później literackim był język starocerkiewnosłowiański (w skrócie: scs.), stworzony przez Cyryla i Metodego na podstawie dialektu macedońskich Słowian z okolic Sołunia/ Salonik. Do najstarszych tekstów przeniknęły też elementy językowe dialektów morawskich i panońskich. Język scs. z drugiej połowy IX w. — zwany także językiem prastarocerkiewnosłowiańskim — znamy tylko z odpisów z przełomu X-XI w. Te rękopisy zaliczamy do tekstów kanonicznych scs. Język scs. wcześniej stał się językiem literackim (tj. językiem piśmiennictwa nie tylko religijnego) Słowian w Bułgarii, Macedonii, Serbii oraz na Rusi. Prawie do XVII w. był językiem literackim w Rumunii, później używanym głównie w Cerkwi prawosławnej. Posługiwali się nim także wyznawcy prawosławia w Albanii.

Funkcjonując na ogromnym terytorium Słowiańszczyzny, scs. wchłaniał ludowe elementy fonetyczno-gramatyczne i leksykalne, tracąc stopniowo względną jednolitość. Wpływy różnych dialektów słowiańskich widać już w tekstach XI i XII w., np. w staroruskim *Ewangeliarzu Ostromira* (1056/1057) i w serbskim *Ewangeliarzu Mirosława* (ok. 1180), dlatego też zabytków tych nie zalicza się do kanonu scs. Tego typu rękopisy z następnych stuleci włączamy do języka cerkiewnosłowiańskiego, lokalne zaś odmianki nazywamy redakcjami: bułgarską, macedońską, serbską, chorwacką, ruską. Czasem w publikacjach naukowych odpowiednie teksty tego rodzaju określa się również jako redakcje scs. Z redakcji ruskiej (z okresu Rusi Kijowskiej) wydzielają się później redakcje terytorialne: ukraińska, białoruska i rosyjska. Język religijny całej Cerkwi prawosławnej nosi nazwę cerkiewszczyzny ruskiej (cerkiewnosłowiańskiego ruskiej redakcji), ponieważ kodyfikacja M. Smotryckiego z 1619 r. nawiązuje do wzorców małoruskich.

A zatem niedługo po rozpadzie języka prasłowiańskiego pojawia się i szybko poszerza obszar funkcjonowania wspólnego języka literackiego

części Słowian południowych i Słowian wschodnich. Pod wpływem prawosławia doszło zatem do integracji dużej części słowiańskiego świata językowego. Warto pamiętać też o tym, że istniała przynajmniej teoretyczna szansa upowszechnienia scs. w funkcji języka literackiego także wśród Słowian rzymskiej strefy kulturowej. W okresie od końca IX do przełomu X/XI w. scs. pełnił w ograniczonym stopniu funkcję języka literackiego w Czechach, skąd jednak został wyparty przez łacinę i później przez język czeski. Nie można wykluczyć, że scs. posługiwano się przez pewien czas w liturgii na Łużycach. Pod koniec IX w. misjonarze z Moraw ochrzcili prawdopodobnie księcia państwa Wiślan. Niektórzy badacze uważają, że obrządek słowiański mógł się utrzymać w południowej Małopolsce do XI w. Karierę scs. w Czechach, na Słowacji, na Łużycach, w Polsce, w Słowenii (*Zabytki z Freising* są być może związane z tradycją posługiwania się scs.) powstrzymała prawdopodobnie schizma Kościoła wschodniego z 1054 r. Scs. traktowano od tego czasu jako atrybut prawosławia i symbol wrogości wobec katolicyzmu. Scs./ cerkiewnosłowiański redakcji chorwackiej pełnił przez pewien czas funkcję języka literackiego w nadmorskiej części Chorwacji, gdzie w liturgii przetrwał śladowo do dzisiaj. Cerkiewszczyznę wyparła dynamicznie się rozwijająca od XIII w. czakawszczyzna, którą zastępował stopniowo od XVI w. język oparty na dialekcie sztokawskim (literatura dubrownicka). Nieco później pojawił się również trzeci regionalny język literacki — oparty na dialekcie kajkawskim, tj. mowie Zagrzebia i okolicy. Oddziaływanie różnego typu czynników dezintegracji językowej doprowadziło w Chorwacji do wielojęzyczności, tj. funkcjonowania w piśmiennictwie XVIII w. trzech języków: sztokawskiego, kajkawskiego oraz wycofującego się od połowy stulecia czakawskiego. Działalność ilirystów z L. Gajem na czele przyczyniła się do zwycięstwa idei integracji językowej Chorwatów, czego wyrazem było zdobycie dominującej pozycji przez język oparty na sztokawszczyźnie oraz zawarcie tzw. umowy wiedeńskiej (1850) z Serbami (zwolennikami reformy V. Karadżicia) w sprawie «wspólnego» języka Chorwatów i Serbów.

Choć język cerkiewnosłowiański nie był jednolity, to jego redakcji nie uznajemy za osobne języki, lecz za odmianki wspólnego języka Słowian prawosławnych. Kres jego funkcjonowania jako języka literackiego przypada — w zależności od terytorium — na okres od połowy XVIII do połowy XIX w. Później jest już (pod postacią cerkiewszczyzny ruskiej) wyłącznie językiem Cerkwi prawosławnej. Do sił napędowych rezygnacji z

języka/redakcji cerkiewnosłowiańskiego należały przynajmniej dwa czynniki: świadomość dużych różnic między językiem piśmiennictwa i językiem potocznym (zwłaszcza gwarami ludowymi) oraz postępujący od połowy XVIII w. wzrost świadomości narodowej wśród Słowian, określany jako słowiańskie odrodzenie narodowe i językowe. Wyrazem tego było odczuwanie potrzeby posiadania odrębnych narodowych języków literackich.

M.W. Łomonosow wyróżnił w swojej gramatyce (1757) trzy normy/ style języka rosyjskiego: styl wysoki — bliski językowi cerkiewnosłowiańskiemu, styl niski — bliski językowi potocznemu, styl średni — język o charakterze mieszanym, tj. oparty na mowie potocznej i licznych elementach cerkiewnosłowiańskich. Styl średni stał się w ciągu drugiej połowy XVIII i w pierwszych dziesięcioleciach XIX w. rosyjskim językiem literackim. W większym stopniu na mowie czysto ludowej oparły się pozostałe języki wschodniosłowiańskie: ukraiński (kształtujący się w XIX w.) oraz białoruski (formujący się od drugiej połowy XIX w., ale ukształtowany właściwie dopiero w okresie międzywojennym XX w.). Od połowy XVI do połowy XVIII w. z cerkiewszczyzną ukraińską konkurował «prosty» język ukraiński, tj. język ludowy z elementami cerkiewnosłowiańskimi i polskimi. Warto też wspomnieć, że na Ukrainie istniały w drugiej połowie XIX w. dwa typy języka literackiego: zachodnioukraiński (powstały w nim utwory m.in. Szaszkiewicza, Franki i Łesi Ukrainki) oraz wschodnioukraiński (oparty na dialekcie połtawsko-kijowskim). Ostatecznie doszło do integracji językowej na podstawie wschodniego wariantu języka literackiego, ponieważ wielu pisarzy (m.in. Franko) zaakceptowało połtawsko-kijowską normę językową.

Na obszarze Serbii najpierw funkcjonował scs., później redakcja serbska cerkiewnosłowiańskiego. W XVIII w. w użyciu były aż trzy języki: cerkiewnosłowiański ruskiej redakcji, slavenosrpski (język mieszany: zawierający elementy cerkiewnosłowiańskie redakcji serbskiej i ruskiej, elementy rosyjskie i serbskie), pod koniec XVIII w. ludowy język sztokawski z elementami cerkiewnymi (m.in. język D. Obradovicia). Reforma językowa Vuka — polegająca na przyjęciu za podstawę serbskiego języka literackiego sztokawskich gwar wschodniohercegowińskich — nie tylko zintegrowała językowo samych Serbów, ale również doprowadziła do integracji językowej Serbów i Chorwatów.

W XVIII w. podobną sytuację językową jak w Serbii można zaobserwować w Bułgarii. Konkurowały ze sobą dwa zasadnicze wzorce języka

literackiego: cerkiewnosłowiański ruskiej redakcji oraz język mieszany zawierający elementy cerkiewnosłowiańskiego redakcji bułgarskiej, serbskiej i ruskiej, elementy rosyjskie oraz ludowe elementy bułgarskie. Ten drugi typ języka funkcjonował w Bułgarii do połowy XIX w. W drugiej ćwierci XIX w. ścięrały się trzy szkoły językowe: cerkiewnosłowiańska, nowobułgarska oraz słowianobułgarska. Zwyciężyli w drugiej połowie XIX w. zwolennicy oparcia języka literackiego na mowie ludowej, tj. na dialektach wschodniobułgarskich i częściowo zachodniobułgarskich.

W Macedonii do połowy XIX w. dominowały różne odmiany cerkiewnosłowiańskiego, chociaż od początku XIX w. coraz częściej pisano ludowym językiem macedońskim z elementami cerkiewnosłowiańskimi. Od połowy XIX w. spirali się zwolennicy dwóch orientacji językowych: koncepcji wspólnego języka macedońsko-bułgarskiego oraz koncepcji stworzenia odrębnego języka macedońskiego na ludowej podstawie dialektalnej. Język macedoński skodyfikowano jednak dopiero po 1944 r., gdy powstała republika macedońska w ramach Jugosławii. Fakt polityczny stał się czynnikiem umożliwiającym kodyfikację nowego języka słowiańskiego na podstawie dialektów centralnomacedońskich, które jako podstawę języka literackiego wskazał K. Misirkow.

Rywalizację czynników integracyjnych i dezintegracyjnych w kształtowaniu języków literackich obserwujemy również w strefie kultury rzymskiej. O sytuacji językowej w Chorwacji była już mowa. Język słoweński ukształtował się w drugiej połowie XVI w. dzięki przekładom biblijnym Trubara i Dalmatina na podstawie dialektu doleńskiego. Jednak w XVIII w. na słoweńskim obszarze dialektalnym funkcjonowało kilka regionalnych języków literackich. Dopiero w ciągu pierwszej połowy XIX w. udało się stworzyć wspólny język nowosłoweński dzięki społecznej akceptacji licznych modyfikacji jego podstawy dialektalnej.

W grupie języków zachodniosłowiańskich najmniej skomplikowane są dzieje polszczyzny. Język polski kształtował się w średniowieczu na podstawie dialektu wielkopolskiego i małopolskiego (w pewnym stopniu również pod wpływem dialektu mazowieckiego). Ostatecznie w pełni sprawna funkcjonalnie polszczyzna literacka powstała w ciągu pierwszej połowy XVI w. W historii języka polskiego pojawiało się piśmiennictwo zabarwione regionalnymi cechami językowymi (m.in. polszczyzna kresowa), ale nie zagrażało ono polskiej jedności językowej, tj. nie można mówić o istnieniu odrębnych języków regionalnych w historii polszczyzny.

Bardziej skomplikowane są dzieje języka czeskiego, którego forma literacka ukształtowała się już w zasadzie w XIV w., a w XV i XVI w. powstało w nim bogate piśmiennictwo. Po bitwie na Białej Górze (1620) następuje regres języka czeskiego pod względem kultury i sprawności funkcjonalnej, jak również znacznie się zmniejsza liczba jego użytkowników, tj. Czesi się germanizują. Odradzanie się czeskiego języka literackiego od przełomu XVIII–XIX w. do połowy XIX w. polegało na wykorzystaniu wzorców językowych *Biblii kralickiej* z końca XVI w. oraz na korzystaniu z zasobów leksykalnych języków słowiańskich (głównie polskiego i rosyjskiego) i wprowadzaniu rodzimych neologizmów. Oderwanie języka literackiego od żywej podstawy dialektalnej spowodowało jednak to, że język pisany (*spisovná čeština*) i jego wariant mówiony (*hovorová čeština*) znacznie się różnią od potocznego języka mówionego (*obecná čeština*). Nowa kodyfikacja języka czeskiego z pierwszej połowy XIX w. stała się czynnikiem dezintegrującym czeską wspólnotę komunikatywną.

Na Słowacji długo posługiwano się językiem czeskim oraz czeskim z elementami słowackimi. Od końca XVIII do połowy XIX w. miała miejsce rywalizacja kilku orientacji językowych: kodyfikacji A. Bernoláka (na podstawie dialektów zachodniosłowackich), czeskiej «bibličitiny», kodyfikacji L'. Štúra (na podstawie dialektów środkowosłowackich), koncepcji J. Kollára (język czeski z elementami słowackimi). Zwyciężyła koncepcja Štúra, którą na początku XX w. potwierdziła kodyfikacja S. Czambela.

Na Łużycach do połowy XIX w. istniały trzy języki literackie: dolnołużycki (oparty na dialekcie chociebuskim) oraz dwa regionalne języki górnołużyckie: wariant protestancki (oparty na dialekcie budziszyńskim) oraz wariant katolicki (oparty na dialekcie okolic Chróścic). Dualizm językowy Górnołużyczan udało się przezwyciężyć dopiero w drugiej połowie XIX w. — podstawą wspólnego (bezwyznaniowego) języka górnołużyckiego jest prawie wyłącznie dialekt budziszyński. Nie udało się jednak skłonić Dolnołużyczan do przyjęcia górnołużyckiego jako wspólnego języka łużyckiego lub znacznego zbliżenia obu języków.

Podsumowując powyższe rozważania, wypada stwierdzić, że w świecie kultury prawosławnej tendencje dezintegracyjne doprowadziły do zastąpienia ponadnarodowego (choć niejednolitego) języka literackiego językami narodowymi. Jednocześnie działały tendencje integracyjne, które eliminowały wariantowość językową w obrębie jednego narodu. W

strefie kultury rzymskiej brak było wspólnego języka literackiego. Polski język literacki jako jedyny w całej Słowiańszczyźnie legitymuje się nieprzerwaną tradycją rozwojową na tej samej podstawie dialektałnej (głównie wielkopolsko-małopolskiej) od średniowiecza do epoki współczesnej. W Czechach ukształtowała się specyficzna sytuacja językowa wskutek zmiany typu języka na podstawie sztucznej kodyfikacji. Inne języki (chorwacki, słoweński, słowacki) stały się językami narodowymi po przewycięzeniu regionalizmu językowego i odmiennych orientacji językowych. Na Łużycach zredukowano liczbę języków piśmiennictwa z trzech do dwóch.

Sytuację w słowiańskim świecie językowym prawie całego XX w. można określić jako stabilną. Poważną zmianą była tylko kodyfikacja języka macedońskiego. Jednak rozpad Jugosławii doprowadził do zerwania już wcześniej rozluźniających się więzi między językiem serbskim i chorwackim. Chorwacka polityka językowa nastawiona jest od dwudziestu lat na pogłębianie różnic (zwłaszcza w słownictwie) między choreckim a serbskim. Doszło również do oficjalnego proklamowania odrębnych państw i języków, tj. Bośni i Hercegowiny z bośniackim oraz Czarnogóry z czarnogórskim. Kodyfikatorzy języka bośniackiego postarali się o znaczne oddalenie tego języka od serbskiego i chorwackiego. Kodyfikacja czarnogórskiego jest mniej radykalna, ponieważ społeczeństwo Czarnogóry nie życzy sobie, aby czarnogórski wyraźnie się różnił od serbskiego.

Wątpię, czy większość użytkowników bośniackiego i czarnogórskiego będzie w stanie osiągnąć zadowalający poziom opanowania norm języka ojczystego i ogólnej kultury językowej, skoro często będą oni poddawani silnemu oddziaływaniu interferencyjnemu trzech blisko spokrewnionych języków — serbskiego, chorwackiego oraz czarnogórskiego lub bośniackiego. Aby zapewnić tym językom normalne warunki funkcjonowania, należałoby przetłumaczyć na nie przynajmniej ważniejsze pozycje z literatury serbskiej, chorwackiej i literatury światowej, część piśmiennictwa naukowego itd., co wydaje się przedsięwzięciem niezbyt sensowym.

Kilka języków światowych (angielski, niemiecki, hiszpański i portugalski) funkcjonuje w różnych państwach, które troszczą się o przestrzeganie wspólnych norm językowych. W Słowiańszczyźnie takie rozwiązanie — niestety — nie było możliwe, tj. nie doszło do zaakceptowania wspólnego języka przez kilka narodów południowosłowiańskich.

Ideę integracji językowej Słowian w szczególny sposób wyrażali zwolennicy wzajemności słowiańskiej/słowianofilstwa/panslawizmu. Termin *wzajemność słowiańska/słowianofilstwo* można uznać za całkowite synonimy. Termin *panslawizm* kojarzy się jednak najczęściej z politycznym nurtem słowianofilstwa rosyjskiego drugiej połowy XIX w., który propagował ideę zjednoczenia wszystkich Słowian w ramach imperium carskiego. Zaczątki słowianofilstwa można już dostrzec w średniowiecznych kronikach słowiańskich. W pełni ideologia słowianofilstwa/ panslawizmu ukształtowała się w ciągu XIX w. pod wpływem rozwoju wiedzy o historii Słowian, ich kulturze, piśmiennictwie, folklorze i językach.

W historii słowianofilstwa szczególnie symboliczne są dwa momenty: ukazanie się rozprawy J. Kollára pt. *O literární vřájemnosti mezi kmeny a nářečími slavskými* (1836) oraz I Zjazd Słowiański w Pradze w 1848 r. Kollár opowiedział się za istnieniem jednego narodu słowiańskiego składającego się z czterech zasadniczych rodzin (Stämme), które posługują się czterema językami literackimi: rosyjskim, polskim, czeskim i ilirskim, tj. chorwackim/serbskim na podstawie sztokawskiej. Nie widział on potrzeby tworzenia innych słowiańskich języków literackich, ale też nie proponował zredukowania liczby istniejących już języków. Koncepcja Kollára miała charakter kompromisowy — jako zwolennik (nieracjonalnej) idei jednego narodu słowiańskiego akceptował umiarkowaną dezintegrację słowiańskiego świata językowego, ale wykluczał jego dalszą dezintegrację. Koncepcja ta stała jednak w sprzeczności z ideami słowiańskiego odrodzenia narodowego i językowego, które przyczyniły się do powstania nowych słowiańskich języków literackich: słowackiego, ukraińskiego, białoruskiego, serbskiego (wkrótce funkcjonującego w ramach wspólnoty serbsko-chorwackiej), bułgarskiego (tj. nowobułgarskiego) i macedońskiego (oficjalnie po 1944 r.). Język słoweński (nowosłoweński) skodyfikowano na nowo w ciągu pierwszej połowy XIX w. Górnołużycki i dolnołużycki wyszły poza krąg piśmiennictwa religijnego.

Słowianofile/panslawiści propagowali też ideę wspólnego języka słowiańskiego, co należy uznać za skrajną próbę integracji Słowian. Bardzo aktywni byli w tej kwestii od połowy XIX w. panslawiści rosyjscy (m.in. A.F. Hilferding, W.I. Łamański, A.S. Budiłowicz), którzy proponowali przyjęcie rosyjskiego jako wspólnego języka literackiego wszystkich narodów słowiańskich. O upowszechnieniu żywego języka chorwackiego (a właściwie sztokawskiego języka chorwackiego i serbskiego) wśród wszystkich narodów południowosłowiańskich i nawet w całej Słowiań-

szczyźnie marzyli chorwaccy rzecznicy idei ilirskiej z L. Gajem na czele. Pomysł ten był jednak całkowicie nierealny, ponieważ Chorwaci — w przeciwieństwie do Rosji — nie mieli nawet najmniejszej szansy na urzeczywistnienie tego planu. Ostatecznie iliryści ograniczyli się do pożytecznej idei «wspólnego» języka literackiego z Serbami.

W XIX w. pojawiło się wiele (szczególnie w Rosji, Bułgarii oraz w Macedonii) projektów przekształcenia martwego języka scs./ starobułgarskiego/ starosłowiańskiego w język ogólnosłowiański. Realizacje powyższego pomysłu — w zależności od konkretnej koncepcji — miałyby w mniejszym lub większym stopniu charakter esperanta słowiańskiego, ponieważ uzupełniane słownictwo pochodziłoby z jednego żywego języka słowiańskiego lub z kilku języków.

Podobny charakter miały też inne idee utworzenia języków ogólnosłowiańskich lub regionalnych języków słowiańskich. Wymienię ważniejsze projekty: J. Križanicia z XVII w. (na podstawie elementów gólnosłowiańskich, cerkiewnosłowiańskich, rosyjskich, chorwackich), S.B. Lindego z początku XIX w. (na podstawie języka polskiego z elementami różnych języków słowiańskich), J. Herkela z 1826 r. (głównie na podstawie języka słowackiego), M. Majara (projekty przedstawione w kilku publikacjach z lat 1848–1865), J.B. Podstránskiego (projekt języka zachodniosłowiańskiego i ogólnosłowiańskiego z lat 1851–1852), Krolmusa (projekt języka ogólnosłowiańskiego opracowany w rękopiśmiennej rozprawie), Lipenskiego z lat 1904–1905 (koncepcja języka czesko-polskiego), J. Hoška z 1907 r. (koncepcja języka nowosłowiańskiego dla Słowian zamieszkujących monarchię austro-węgierską), J. Konečnego z 1912 r. (Slava Esperanto).

Projekty wspólnych języków słowiańskich nie doczekały się dotąd wyczerpującego opracowania (odpowiednia literatura znajduje się w następujących pozycjach bibliograficznych: Дьяков 1998, Дуличенко 1990; 1992, 431–444; Иванова 2001, 89–107; Lewaszkiewicz 1980; 1994, 53–65; 1998, 59–75; 2003, 769–775; Moritsch 1993). Uważam, że nigdy nie powstała głęboko przemyślana propozycja esperanta słowiańskiego, oparta na obszernej gramatyce, dużym słowniku i antologii tekstów w języku ogólnosłowiańskim.

Ideę posługiwania się rosyjskim jako wspólnym językiem narodów wschodniosłowiańskich zrealizowano — obniżając rangę białoruskiego i ukraińskiego — w ZSRR. W Czechosłowacji nie powiodła się w okresie międzywojennym próba stworzenia języka czecho-słowackiego. Rozpad

Jugosławii uniemożliwił realizację idei języka «jugosłowiańskiego», którym miał się stać w przyszłości serbsko-chorwacki.

Pomysły na integrację językową Słowian należą już do historii. Marzenia o jedności językowej (a nawet narodowej i państwowej) Słowian były tylko fanaberią słowianofilsko usposobionej inteligencji. Nie doszła do skutku nawet możliwa do zrealizowania idea wspólnego alfabetu słowiańskiego. Koncepcja pełnej jedności słowiańskiej była i jest nieracjonalna i szkodliwa, tak jak nie do przyjęcia jest całkowita jedność polityczna, kulturowa i moralna narodu. Z pewnością powstanie odrębnych narodów słowiańskich i języków literackich było nieuniknione i korzystne pod względem cywilizacyjnym. Idee jednościowe/ wspólnotowe propagowano w epoce, gdy nie było możliwości ich realizacji. Kiedy zaistniały ku temu odpowiednie warunki, urzeczywistniano je z zastosowaniem środków państwowego przymusu, aż narody słowiańskie zapragnęły dezintegracji — stąd rozpad Słowiańszczyzny Wschodniej w ramach ZSRR, Jugosławii (po bratobójczej wojnie) i Czechosłowacji. Obecnie świat słowiański jest w dużym stopniu rozbity i skłócony.

Wyrazem dezintegracji językowej i częściowo narodowej są istniejące od dawna lub powstałe w ciągu ostatnich kilkudziesięciu lat słowiańskie mikrojęzyki literackie. A.D. Duliczenko wyróżnił w 1981 r. 12 tego typu języków, w dwutomowej zaś pracy z lat 2003–2004 18 mikrojęzyków i 2 projekty/ eksperymenty (Дуличенко 1981; 2003–2004): mikrojęzyki wyspowe — rusiński w Wojwodinie i Chorwacji, chorwacko-gradiszciański w Austrii, na Węgrzech, na Morawach i pod Bratysławą, chorwacko-molizański w prowincji Molise we Włoszech, rezjański (dialekt słoweński we Włoszech), banacko-bułgarski w Rumunii i Serbii; peryferyjno-wyspowe — karpacko-rusiński/łemkowski na Ukrainie, we wschodniej Słowacji, w Polsce oraz na Węgrzech i w Rumunii, w USA i w Kanadzie, macedońskoegejski (Grecja, skąd Macedończycy emigrowali do różnych krajów), pomacki w Bułgarii i Grecji, wenecko-słoweński we Włoszech; peryferyjne/regionalne — czakawski, kajkawski, prekmursko-słoweński w Słowenii, Austrii i na Węgrzech, laski na pograniczu czesko-polskim, wschodniosłowacki, zachodniopoleski; autonomiczne — kaszubski, górnołużycki i dolnołużycki. Podjęto również próby kodyfikacji innych mikrojęzyków słowiańskich, np. morawskiego, mazurskiego, podhalańskiego, śląskiego, wickiego (vičski jazyk — język oparty na polskich gwarchach kresowych z obszaru Litwy), holszańskiego (język oparty na gwarchach białoruskich z obszaru Litwy).

Nie wiadomo dokładnie, jaki jest stosunek językoznawców, publicystów, polityków itd. do sprawy mikrojęzyków słowiańskich. Z pewnością istnieją ich zdecydowani zwolennicy, przeciwnicy oraz reprezentanci kompromisowego stanowiska. Zdecydowanym przeciwnikiem zarówno odrębności serbskiego, chorwackiego, bośniackiego i czarnogórskiego, odrębności górnołużyckiego i dolnołużyckiego, jak i sensowności kodyfikacji kaszubskiego, chorwacko-gradiszciańskiego i zapewne innych mikrojęzyków słowiańskich jest m.in. O. Kronsteiner (Kronsteiner 1999a, 127–137; 1999b, 139–148).

Moim zdaniem kodyfikacje mikrojęzyków literackich wzbogacają słowiańskie kultury regionalne i wyspowe, podtrzymują tożsamość narodową/ etniczną użytkowników mikrojęzyka i dzięki temu zapobiegają ich asymilacji. Nie popieram jedynie tendencji separatystycznych, tj. wykorzystywania kodyfikacji językowych do uzasadniania potrzeby przyznania autonomii, które mogą być wstępem do przyszłych secesji. Jestem też przeciwnikiem zmuszania społeczności regionalnych do uczenia się nowych mikrojęzyków i posługiwania się nimi w życiu społecznym — w urzędach, sądach, szkołach, w pracy. Użytkownicy mikrojęzyków powinni mieć jasną świadomość tego, że nie wolno zaniedbać nauki języka państwowego, ponieważ konsekwencją może być brak — z własnej winy — perspektyw awansu społecznego. Z pewnym niepokojem odnoszę się do sprawy kodyfikacji języka wickiego, holszańskiego i zachodniopoleskiego. Publikacje tekstów wickich, holszańskich i zachodniopoleskich traktuję jako interesujące wydarzenia kulturalne. Wiadomo jednak, że część obywateli Litwy — posługujących się na co dzień gwarami polskimi i białoruskimi — uważa się za zesławizowanych Litwinów, ale mimo to świadomie unika nauki języka litewskiego. Grozi im inwalidz two językowe, tj. to, że nie będą znali dobrze ani litewskiego, ani polskiego lub białoruskiego. Konieczna jest w ich wypadku pełna akceptacja języka państwowego. Zwolennicy posługiwania się językiem zachodniopoleskim powinni zadbać we własnym interesie o opanowanie na odpowiednim poziomie rosyjskiego i białoruskiego (na Białorusi) oraz ukraińskiego (na Ukrainie).

Mikrojęzyki literackie — powstałe pod wpływem tendencji do dezintegracji słowiańskiego świata językowego — mogą być wartościowym składnikiem kultury duchowej Słowian, jeśli polityce ich upowszechniania będzie towarzyszyła świadomość konieczności opanowania na wysokim poziomie języka państwowego oraz języka angielskiego. Wkrótce w

Europie normą stanie się dwujęzyczność — niezbędna znajomość języka państwowego i języka angielskiego. Słowiańskie mniejszości narodowe (nosiciele mikrojęzyków literackich) będą zmuszone zdecydować się na trójjęzyczność, która będzie wymagała nadzwyczajnej pracowitości.

LITERATURA

- Dalewska-Greń 1997 — H. Dalewska-Greń. *Języki słowiańskie*. V. Języki literackie. Pisownia. 1. Kształtowanie się narodowych literackich języków słowiańskich — typy dróg rozwojowych. Warszawa, 1997, s. 560–586.
- Kronsteiner 1999a — O. Kronsteiner. *Sind Burgenländischkroatisch, Kaschubisch, Niedersorbisch und Russinisch eigene Sprachen?* Die Slavischen Sprachen, Salzburg, 63, s. 127–137.
- Kronsteiner 1999b — O. Kronsteiner. *Die Sprachbezeichnung Illirisch. Utopisches Plädoyer für europäische Lösung des sinnlosen bosnisch/ kroatisch/ montenegrinisch/ serbischen Sprachen Separatismus*. Die Slavischen Sprachen, Salzburg, 63, s. 139–148.
- Lewaszkiewicz 1980 — T. Lewaszkiewicz. *Panslawistyczne osobliwości leksykalne S.B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego*. Wrocław, 1980.
- Lewaszkiewicz 1992 — T. Lewaszkiewicz. *Rola kontaktów językowych we wstępnym okresie formowania się słowiańskich języków literackich (na tle ogólniejszym)*. Z polskich studiów slawistycznych, seria VIII. Warszawa, 1992, s. 133–138.
- Lewaszkiewicz 1994 — T. Lewaszkiewicz. *Słowianofilstwo a idea wspólnego języka słowiańskiego*. L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica. Red. S. Bonazza, G. Brogi Bercoff. Roma, 1994, 53–65.
- Lewaszkiewicz 1998 — T. Lewaszkiewicz. *Słowianofilstwo a kodyfikacja słowiańskich języków literackich w XIX wieku (ze szczególnym uwzględnieniem języków łużyckich)*. Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konferencie – Stará Lesná, september 1997. Red. T. Ivantyšinová. Bratislava, 1998, s. 59–75.
- Lewaszkiewicz 2003 — T. Lewaszkiewicz. *Uwagi o języku przekładu i słowianofilstwie językowym H.N. Bońkowskiego*. Paweł Józef Szafarzyk, Słowiańskie starożytności. Poznań, 2003, s. 769–775.
- Moritsch 1993 — A. Moritsch (red.). *Die slavische Idee*. Beiträge am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/ Pošišče, Kärnten. Bratislava, 1993.

- Pianka 1997 — W. Pianka. *Słowiańskie języki literackie — utopie pozytywne i negatywne w skutkach*. Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian. T. 1. Ze świadomości utopijnej w refleksji językowej. Katowice, 1997, s. 79–90.
- Siatkowska 2004 — E. Siatkowska. *Podstawy dialektalne słowiańskich języków literackich*. Eadem, Szkice z dziejów literackich języków słowiańskich. Warszawa, 2004, s. 111–140.
- Дуличенко 1981 — А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин, 1981.
- Дуличенко 1990 — А.Д. Дуличенко. *Международные вспомогательные языки*. Таллин, 1990.
- Дуличенко 1992 — А.Д. Дуличенко. *Фран Миклошич и Матия Маяр Зильский: от языка праславянского к языку всеславянскому*. Obdobja 13: Miklošičev Zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991. Red. J. Toporišič, T. Logar, F. Jakopin. Ljubljana, 1992, s. 431–444.
- Дуличенко 2003–2004 — А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. I–II. Тарту, 2003–2004.
- Дьяков 1998 — В.А. Дьяков, ред. *Славянская идея: история и современность*. Москва, 1998.
- Иванова 2001 — Д. Иванова. *Концепции и модели за общославянски книжовен език в културната история на славянските народи в периода на националното им възраждане (XVII–XIX в.)*. VIII Kolokwium Slawistyczne Polsko-Bułgarskie/Collectanea Polono-Bulgarica. T. I. Red. M. Walczak-Mikołajczakowa. Gniezno, 2001, s. 89–107.
- МЯИ 2006 — *Микроязыки – Языки – Интерязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Тарту, 2006. (Tutaj bibliografia Jubilata).
- Толстой 1988 — Н.И. Толстой. *История и структура славянских литературных языков*. Москва, 1988.

T. Lewaszkiewicz. Integratsiooni-, unifitseerimis-, ja desintegreerimistendentsid slaavi keelte ajaloos

Artiklis käsitletakse püüdlusi ühendada ja tugevdada erinevate slaavi maade ja rahvuste keele- ning kultuurikogukondi. Autor räägib integratsiooni-, unifitseerimis- ja desintegreerimisnähtuste rollist nende katsete puhul.

Alexander Bierich
Universität Heidelberg

**KULTURSEMANTISCHE ASPEKTE DES SLAVISCHEN
WORTSCHATZES**
**(AM BEISPIEL DES POLNISCHEN, TSCHECHISCHEN, RUSSISCHEN,
KROATISCHEN/ SERBISCHEN)**

Kultursemantische Aspekte – Polnische – Tschechische – Russische – Kroatische/ Serbische

1. Einleitung

Innerhalb der Linguistik gibt es zwei Traditionslinien, die sich damit befassen, die Sprache nicht isoliert zu betrachten, sondern in ihrem Verhältnis zu Mensch und Kultur. Die erste Traditionslinie speiste sich aus der Sprachphilosophie Wilhelm von Humboldts und wurde von Franz Boas; Edward Sapir und Benjamin Lee Whorf zur linguistischen Anthropologie entwickelt. Unter *Kultur* werden in der linguistischen Anthropologie sehr weitläufig alle materiellen und geistigen Leistungen des Menschen verstanden. Die Kultur wird in zwei verschiedene Teilsysteme untergliedert, nämlich: in die nonverbale und verbale Kultur. Zur nonverbalen Kultur gehören die mentale Kultur, welche die Weltsicht, das Wertesystem und das Wissen eines Volkes enthält; die aktionale Kultur, d.h. das Verhalten bzw. das Handeln eines Volkes, und die materielle Kultur, d.h. die Gegenstände, welche von Menschen geschaffen wurden. Dem gegenüber steht die Sprache als verbale Kultur (Salzmann 1998, 46), wobei zu berücksichtigen ist, dass die Sprache nicht nur als eine Art Speicher kollektiver Welterfahrung fungiert, sondern auch ein Werkzeug der Kultur darstellt, vor allem wenn man an die schöngeistige Literatur denkt, deren Ausdrucksmittel bekanntlich das Wort ist (Nagórko 2007, 205).

Diesen Ansatz hat die Kultursemiotik, die in den 60er Jahren des 20. Jahrhunderts aufkam und vor allem mit den Namen J. Lotman, V. Ivanov, U. Eco u.a. verknüpft ist, weiterentwickelt. J. Lotman und B. Uspenskij (Лотман, Успенский 1971, 854) zufolge nimmt die Sprache in der Typologie der Kulturen eine Sonderstellung ein, da sie den «primären Kode»

in der Modellierung der Welt bildet, während die anderen kulturbildenden Phänomene sekundäre modellierende Systeme darstellen. Dem Zeichensystem «natürliche Sprache» stehen Kulturphänomene gegenüber, die ebenfalls als Zeichensysteme, als Produkte mentaler Informationsprozesse, als «Texte» in spezifisch semiotischem Sinne, aufgefasst werden (vgl. auch Dobrovol'skij, Piirainen 1997, 20).

Die Prämissen der Kultursemiotik über den Parallelismus von Kultur und Sprache als Zeichensystem wurden von der slavischen Ethnolinguistik übernommen. Ihre wichtigsten Vertreter hat sie mit der Moskauer (N. Tolstoj, S. Tolstaja, T. Agapkina, A. Gura u.a.) und der Lubliner (J. Bartmiński) ethnolinguistischen Schule. Sie geht davon aus, dass die Sprache ein Phänomen ist, das sich aufgrund funktioneller und struktureller Eigenschaften isomorph zur Kultur verhält, die Kultur symbolisch widerspiegelt und den Zugang zur Kultur gibt. Die Ethnolinguistik untersucht das Zusammenspiel der kulturellen Zeichenarten und die daraus hervorgehende kulturelle Information. Diese Art der Information entstammt unterschiedlichen Bereichen (z.B. der Religion, der Mythologie, dem Alltagsleben) und wird durch verschiedene «Kanäle», wie z.B. folkloristische Texte, Rituale, Sitten und Bräuche oder Volkskunst vermittelt (Березович 2007, 9).

Die zweite Traditionslinie, die die Sprache in ihrem Verhältnis zu Mensch und Kultur betrachtet, entwickelte sich im Rahmen der kognitiven Semantik, welche die mentale Verarbeitung und Repräsentation von sprachlichen Bedeutungen untersucht. In der kognitiven Linguistik wird die Sprache als ein mentales Kenntnissystem aufgefasst, mit dessen Hilfe die Welt wahrgenommen, mental geordnet und repräsentiert wird. Der Mensch teilt das, was er wahrnimmt, in Kategorien ein, welche mental in Form von Konzepten existieren. Konzepte enthalten gespeicherte Informationen über die Welt, sowie das kulturelle Wissen einer Sprachgemeinschaft (Schwarz⁵ 2007, 24 ff.; Löbner 2003, 301).

Die Konzepte sind eng an die sprachlichen Ausdrücke geknüpft. Wortbedeutungen sind somit auch konzeptuelle Informationseinheiten. Jedoch ist nicht jedes Konzept die Bedeutung eines Wortes, was umgekehrt heißt, dass nicht für jedes Konzept ein Wort existiert, das es bezeichnet. Es gibt unendlich viele Konzepte, die nur durch komplexe sprachliche Ausdrücke verbalisiert werden können, wobei es auch Konzepte gibt, die nur unzureichend oder überhaupt nicht versprachlicht werden. Im Deutschen unterscheiden wir z.B. zwischen *Wand* und *Mauer*,

Arm und Hand, Finger und Zehe, im Russischen, wie auch in vielen anderen slavischen Sprachen, gibt es für das jeweilige Paar nur ein Lexem: *стена, рука, палец*.

Die Wortbedeutungen fallen nicht einfach mit den Konzepten zusammen. Die Konzepte sind stets reichhaltiger, als Wortbedeutungen, da sie in der Regel nicht nur allgemeines, sondern auch persönliches Wissen über bestimmte Gegenstände enthalten. Das System der Wortbedeutungen ist also nur ein Teil des riesigen Konzeptsystems in unserem Gedächtnis, und die Bedeutung eines Wortes ist jeweils nur ein Teil eines viel reichhaltigeren Konzepts, das wir mit dem Wort verknüpfen (Löbner 2003, 258).

Die Gesamtheit dieser in einer bestimmten Weise organisierten Konzepte, die durch konkrete sprachliche Einheiten repräsentiert werden, ergibt das sprachliche Weltmodell.

2. Universales und nationales im sprachlichen Weltmodell

Das sprachliche Weltmodell trägt „anthropozentrischen“ Charakter und ist daher kein objektivistisches, «wahrheitsgetreues Abbild» der Welt (Dobrovol'skij 1995, 72). Die Sprache fixiert die Welt nicht, «wie sie wirklich ist», sondern wie wir sie sehen. Man spricht sogar von einem alltäglichen, sprachlich fixierten Weltmodell, das sich im Wesentlichen von dem «wissenschaftlichen» Weltmodell unterscheidet.

Das alltägliche, sprachlich fixierte Weltmodell weist viele übereinzelsprachliche Regularitäten auf, da die Gliederung der Welt in der menschlichen Kognition bis zu einem gewissen Grade biologisch verwurzelt ist. Es hat aber dennoch keinen universellen Charakter. Da die Gliederung der Welt durch verschiedene Sprachen erfolgt, kann das Weltmodell in jeder einzelnen Sprache nationale Spezifik aufweisen. Diese Spezifik äußert sich in der zum Teil unterschiedlichen Gliederung bestimmter Fragmente der Wirklichkeit (so ist z.B. *ympo* 'Morgen' im Russischen nur der 'Anfang des Tages vor der Arbeit' und nicht wie im Deutschen 'früher Vormittag'), in verschiedenen Sprachbildern, durch welche diese Fragmente der Wirklichkeit benannt werden, aber auch in der kulturellen Bedingtheit eines Großteils des Sprachwortschatzes. Verschiedene Vorstellungen, Wertordnungen, Realien der Lebensweise, Lebenserfahrungen eines Volkes, die in der Sprache tradiert werden, sind zugleich in seiner materiellen und geistigen Kultur verankert. So gibt es im Slawischen, wie auch in anderen europäischen Sprachen, außerordentlich viele sprachliche

Ausdrücke, die mit dem Volksaberglauben und der Religion verbunden sind. Vgl. z.B. feste Wendungen wie

russ. *ворочать как чёрт в болоте* «schalten und walten wie der Teufel im Sumpf» ‘nach Belieben schalten und walten’, *в тихом озере черти водятся* «im stillen See gibt es böse Geister», *у черта на куличках* «beim Teufel auf den kulički» ‘sehr weit weg’, die mit der abergläubischen Vorstellung verbunden sind, wonach der Teufel nicht in der Hölle, sondern im Sumpf, in Gewässern oder auf den verlassenen und verwilderten Ackerflächen im Wald (*кулички*) haust.

Das Sprachspezifische darf allerdings auch nicht überbetont werden. In der slavischen Sprachwissenschaft geschieht dies jedoch sehr häufig. So werden z. B. ohne eingehende vergleichende Untersuchungen einzelne lexikalische und grammatische Erscheinungen zu Schlüsselkonzepten des russischen Weltmodells oder sogar der nationalen Mentalität erhoben. So kommt nach A. Wierzbicka (Wierzbicka 1992, 433) in der russischen Wendung *на авось* ‘aufs Geratewohl, auf gut Glück’ eine wichtige Besonderheit des russischen nationalen Charakters zum Ausdruck, nämlich ‘der blinde Glaube an die Macht des Schicksals’. Die zahlreichen Beispiele aus verwandten und nichtverwandten Sprachen (vgl. kroat./ serb. *na sreću, na bum, naslijepo*; poln. *na «a nuż»*; tschech. *nazdařbůh*; dt. *aufs Geratewohl, auf gut Glück*) belegen ausdrucksvoll, dass der Glaube an Glück in jedem Volk verbreitet und keine ausschließlich russische Besonderheit ist.

Hierzu noch ein Beispiel. V.N. Telija verdeutlicht das Konzept von russ. *женщина* ‘Frau’ mit einer Reihe von Beispielen wie *аппетитная* ‘appetitliche’, *пышная* ‘üppige’, *сбитая* ‘gedrungene, kräftige’, *в соку* ‘eine, die im Saft steht’, *пальчики оближешь* ‘man leckt sich die Finger nach ihr’ und stellt fest, dass die Basismetapher für all diese Wortverbindungen die gastronomische Metapher «die Frau ist ein appetitlicher Happen» sei. Daraus zieht sie folgende Schlussfolgerungen:

«Die kulturell-nationale Konnotation der angeführten Verbindungen, deren Inhalt aus der Korrelation mit dieser Basismetapher abgeleitet werden kann, verleiht ihnen den Status von kulturellen Zeichen, die davon sprechen, dass für die russische männliche Mentalität ein Blick auf die Frau als etwas rein physisch Verführerisches charakteristisch ist» (Телия 1996, 264).

Man muss die angeführten Wendungen nur mit Entsprechungen aus anderen Sprachen vergleichen, um festzustellen, dass wir hier nicht nur mit

der russischen Mentalität zu tun haben (Eismann 2002, 116). Das National-Spezifische im sprachlichen Weltmodell eines Volkes lässt sich folglich nur im Vergleich mit anderen Sprachen bestimmen.

3. Kulturelle Spezifik von semantischen Feldern

Das sprachliche Weltmodell bzw. bestimmte Ausschnitte aus dem sprachlichen Weltmodell lassen sich am besten anhand von semantischen Feldern aufzeigen. Unter einem semantischen Feld innerhalb des Wortschatzes einer Sprache verstehe ich eine Gesamtheit von lexikalischen und phraseologischen Einheiten, die einen bestimmten Bezeichnungsbereich erfassen und gemeinsame dominante semantische Merkmale aufweisen. Der Terminus «semantisches Feld» ist somit synonym zu «Wortfeld» bzw. «lexikalisches Feld». Im Gegensatz zu vielen Wortfeldforschern (z.B. zu P. Lutzeier) schließe ich jedoch die phraseologischen Einheiten in das Feld ein. Neben den Wörtern dienen die Phraseologismen ebenfalls dazu, einen semantischen Bereich auszudifferenzieren. Außerdem sind begriffliche Bereiche, in denen eine pejorative Einschätzung eines Fehlverhaltens gegeben wird ('Betrug', 'Prahlerie', 'Trunkenheit' usw.) oder negativ bewertete Zustände und Eigenschaften des Menschen benannt werden ('Dummheit', 'Verrücktheit', 'Erschöpfung', 'Krankheit' usw.), fast ausschließlich durch Phraseologismen besetzt. Daher spreche ich hinfort nicht mehr von Wortfeldern, sondern von semantischen Feldern.

Die wesentlichen Besonderheiten semantischer Felder lassen sich wie folgt darstellen:

(a) Semantische Felder sind Klassen von Wörtern und Phraseologismen, die einen bestimmten Ausschnitt aus dem Lexikon einer Sprache bezeichnen. Die Elemente eines semantischen Feldes

«sind, was ihre Bedeutung angeht, einander ähnlich, aber auch, falls es sich nicht um strikte Synonyme handelt, gleichzeitig voneinander verschieden. Das Ausmaß an Ähnlichkeit überwiegt dabei das Ausmaß an Verschiedenheit» (Lutzeier 1992, 69).

Beispiele für semantische Felder sind die Bezeichnungen von Farben, Körperteilen, Bewegung, räumlichen Dimensionen usw.

(b) Die Inhaltsebene der semantischen Felder kann nach verschiedenen semantischen Prinzipien strukturiert sein, da der Bezeichnungsbereich unter unterschiedlichen Gesichtspunkten (in der Terminologie von P. Lutzeier «Dimensionen») betrachtet werden kann. Die Verben, die den Vorgang des Sprechens bezeichnen, können z.B. im Russischen nach folgenden Dimensionen unterschieden werden:

a) laut sprechen: *кричать, орать*; b) leise sprechen: *шептать*; c) viel sprechen: *разглаживать, распространяться*; d) schnell sprechen: *тапаторить, шпарить* usw.

Zur inhaltlichen Struktur des semantischen Feldes zählen neben den Dimensionen die Sinnrelationen zwischen Wörtern und/ oder Phraseologismen, die das Feld als Elemente konstituieren. Ein Beispiel für eine Sinnrelation ist die Partonymie-Relation (Teil-von-Beziehung), die innerhalb eines Bezeichnungsbereiches hierarchische Strukturen bildet. So werden im semantischen Feld 'Körperteile des Menschen' die Lexeme 'Kopf', 'Rumpf', 'Arm' und 'Bein' der Hierarchieebene 'Körper' untergeordnet, da sie sich zu diesem Substantiv in der «Teil-von-Relation» befinden. Zu den Sinnrelationen gehören außerdem die Hyponymie- (Gattung - Art), Synonymie-, Antonymie- und einige andere Relationen, die von den Prinzipien des Über- bzw. Unterordnens und des Gegenüberstellens abgeleitet sind.

(c) Die Elemente der semantischen Felder sind nicht gleichwertig; vielmehr finden sich zentrale und periphere Vertreter des Bezeichnungsbereiches¹. Wörter und Wendungen mit der Bedeutung 'jmdn. täuschen, betrügen; jmdm. etw. vormachen' gehören z.B. nur zur Peripherie des Feldes 'Sprachliche Äußerungen'. Im semantischen Feld 'Betrug' sind sie hingegen im Zentrum angesiedelt. Dies zeigt, dass sich die einzelnen semantischen Felder überschneiden können. Zudem können sie als Bestandteile größerer Felder auftreten². Das semantische Feld 'Sterben/ Tod' besteht z.B. aus zwei Feldern: 'eines natürlichen Todes sterben' und 'eines unnatürlichen (gewaltsamen) Todes sterben', die nach verschiedenen Gesichtspunkten in solche Mikrofelder wie 'im Sterben liegen', 'sterben', 'tot sein' u.ä. gegliedert werden können.

Die Ermittlung des Bestandes und der Struktur semantischer Felder kann somit zur Rekonstruktion eines bestimmten Fragments des sprachlich fixierten Weltmodells beitragen. Durch den Sprachvergleich dieser Fragmente können universelle Regularitäten aufgedeckt und einzelsprachliche, kulturbedingte Besonderheiten dargestellt werden.

Als Ansatzpunkt für die Beschreibung eines semantischen Feldes dienen mir semantische Reihen. Eine semantische Reihe besteht aus Lexemen und Phraseologismen mit gleicher Semantik und ähnlicher bildlicher Grundlage (innerer Form). Aufgrund der inneren Form lassen sich verschiedene semantische und strukturell-semantische Modelle aufstellen und ursprüngliche Motivationen beleuchten. So können z.B. die russi-

schen und polnischen phraseologischen Wendungen mit der Bedeutung 'unterwürfig sein' aufgrund ihrer aktuellen Bedeutung und inneren Form folgendermaßen unterteilt werden:

- a) «vor jmdm. einen krummen Buckel machen»: russ. *гнуть спину* (*горб, шею, хребет*) *перед кем*; poln. *uginąć karku* (*szyi*) *przed kim*; b) «vor jmdm. auf dem Bauch kriechen (liegen)»: russ. *ползать на брюхе* (*на коленях*) *перед кем*; poln. *leżeć przed kim* *plackiem*; c) «jmdm. die Füße (die Hände, die Stiefel u.ä.) lecken»: russ. *лизать пятки* (*ноги, руки, задницу, сапоги*) *кому*; poln. *lizać czyjeś stopy* (*łapy, buty*); d) «vor jmdm. Männchen machen»: russ. *становиться на задние лапки перед кем, ходить на задних лапках перед кем*; poln. *śluzyc* (*być*) *na łapkach przed kim* usw.

Zur Illustration des Gesagten werde ich das semantische Feld «ein gutes Leben führen, im Überfluss leben» heranziehen. Die Lexeme und Phraseologismen aus dem Russischen habe ich mit polnischen, tschechischen, kroatischen und serbischen Entsprechungen verglichen.

Lexeme und Mehrwortlexeme, die das 'gute Leben' umschreiben, sind durch verschiedene Vorstellungen motiviert. Christlichen Ursprungs sind z.B. die Wendungen, in denen der Bezug zu einem Leben im Paradies oder bei Gott hergestellt wird, vgl. das

russ. *жить как в раю, как у Бога (Христа) за пазухой*. Ein ähnliches Bild stellen auch das kroat./serb. *živjeti kao u raju, živjeti kao mali bog*, poln. *żyć jak w raju, jak u Pana Boga za piecem*; tschech. *má se (žije si) jako v nebi, u Pánaboha [za kamny], jako v ráji, jako svatí v nebi* dar.

Den größten Teil dieser semantischen Gruppe bilden jedoch Mehrwortlexeme, die mit dem alltäglichen Leben und der Hauswirtschaft verbunden sind. Das Leben im Wohlstand bedeutet in den Volksvorstellungen zunächst 'satt sein', 'sich satt essen können', 'einen Überfluss an Gerichten', 'gutes Essen' usw. haben. Vgl. z. B. einige russische Sprichwörter:

У богатого всякий волос в масле, а у бедного и в кашу нет; У богатого и по бороде масло течёт; Полон чан — сам себе пан. Ähnlich im Tschechischen: *sedět u plných hrnců, jíst velkou lžící* 'ein gutes Leben führen'.

Das «im Fett schwimmen» ist auch im Slavischen ein Symbol für ein wohlhabendes Leben, vgl.:

russ. *как сыр в масле кататься*; poln. *żyć jak pączek w maśle*; tschech. *má se (žije si) jako šiška* (dial. *haluška*) *v másle, má se jako punček v másle*, ein ähnliches Bild, jedoch nicht mit dem Essen verbunden, findet sich im Kroati-

schen/ Serbischen und Bulgarischen: *živjeti kao bubreg u loju*; *плувам като бѣбрек в лой*. Zu den Zeichen eines Lebens im Wohlstand gehörten auch Honig oder Süßigkeiten, vgl. das russ. *одна нога в меду, другая в патоке*; kroat./ serb. *živjeti u slasti i lasti, plivati u slasti i lasti (mastí)*; tschech. *má se jako s medem* 'ein wohlhabendes Leben führen; in Saus und Braus leben'.

Das reichliche und fette Essen war besonders an den Feiertagen geläufig, daher die Vergleiche im Russischen:

не жизнь (не житьё), а масленица und im Tschechischen: *má se jako na hodech (na posvícení)* 'ein wohlhabendes Leben führen; es gut haben'.

Zu den weiteren Vorstellungen, die sich in einigen Vergleichen dieser Gruppe widerspiegeln, gehört das aufwendige prachtvolle Leben der oberen sozialen Schicht, vgl.

russ. *жить как барин*; kroat./ serb. *živjeti kao gospodin, kao paša, kao [mali] bog, kao lord, kao [mali] car*; bulg. *живея бейску, като бей, като цар*; poln. *żyć jak książę*; tschech. *má se jako baron; jako [kníže] pán, jako turecký paša*; deutsch: *leben wie ein Fürst*.

Ein aufwendiges Leben wird auch oft durch den Phraseologismus russ. *жить на большую ногу*; kroat./ serb. *živjeti na veliko nozi*, poln. *żyć na wielkiej stopie*; tschech. *žít na velké/ velký (vysoké/ vysoký) noze* 'auf großem Fuß leben' charakterisiert.

Das wohlhabende Leben kann auch mit dem Leben von Tieren oder Vögel verglichen werden, die im Überfluss Futter haben, vgl.:

russ. *жить как мыши в крыне*; tschech. *žije si jako vlk v ovčíně, jako prase v žitě, jako svině na krmení, jako myš v otrubách, jako dudek v kobylicí, jako mlynářská kura při koši*. Ähnlich auch im Deutschen: *leben wie die Made im Speck, wie der Vogel im Hanfsamen*.

4. Kulturelle Spezifik von sprachlichen Einheiten

Kultureme stellen sprachliche Einheiten dar, die neben ihrer sprachlich-systematischen Bedeutung zusätzliche kulturelle Komponenten aufweisen. In einigen Lexemen und festen Wortverbindungen können die kulturellen Komponenten sogar überwiegen; es handelt sich dabei um Bezeichnungen von mythologischen Wesen, Festen, Riten und Bräuchen, verschiedenen Termini der Volkskultur u.ä. Hierzu ein Beispiel: Die Bezeichnungen des Heiligabends im Serbischen/ Kroatischen und Bulgarischen *Бадњак*, *Бадњак*, *Бѣдник* werden mit dem urslavischen Verb **bъ-děti* 'wach, wachsam sein' verbunden. Diese etymologische Bedeutung kann durch den südslavischen Brauch erklärt werden, am Heiligabend

nach der Abendmesse einen Eichenbaum bzw. einen Eichenklotz, den man Badnjak nannte, zu verbrennen. Da Badnjak fast die ganze Nacht brannte, musste man dabei wachsam und wach bleiben. Auch der russischen Bezeichnung des Heiligabends *сочельник* liegt ein Ritus zugrunde: Nach der kirchlichen Ordnung aß man am Heiligabend einen Graupenbrei mit Honig und Rosinen, der *сочиво* hieß.

Eine weitere Gruppe von Kulturemen bilden Lexeme, welche sich nicht auf kulturelle Realien beziehen, sondern auf kulturelle Konzepte, die fest in der geistigen Kultur und dem Gesellschaftsleben eines Volkes verankert sind und alltägliche, religiöse, abergläubische u.ä. Vorstellungen, geschichtliche Ereignisse und Lebensweise einer Gesellschaft widerspiegeln. Zu dieser Gruppe können solche kulturelle Konzepte wie «Schicksal», «Sünde», «Seele», «Tod», «Heimat» u.a. hinzugerechnet werden.

Wörter und Wendungen, die das Konzept «Tod» umschreiben, haben einen religiösen, abergläubischen oder volkstümlichen Charakter. Schon die erste Sichtung des umfangreichen Materials hat gezeigt, dass der Wortschatz des «Todes» sich in relativ wenige, ständig wiederkehrende Bildmotive gliedern lässt. Zu diesen gehören, z.B. a) der Tod als Ende, Abschluss; b) Trennung von Körper und Seele; c) Reise und Weggang; Heimkehr ins Jenseits; d) der Tod als Person; e) der Tod als ewiger Schlaf; f) Bezug auf den Vorgang des Sterbens und auf die Bestattung.

Eine besonders große Anzahl von Wörtern und Wendungen liegt die Vorstellung des personifizierten Todes, «der den Menschen aus dem Leben holt» zugrunde. Die Allegorie des Todes erscheint im Slawischen als Femininum, während dagegen vom deutschen *der Tod* maskuline Bildungen ausgehen, wie z.B. *Sensenmann*, *Freund Hein*, *Knochenmann* u.ä. Vgl. wir zunächst:

russ. *смерть за ним пришла* 'der Tod kam, um ihn zu holen'; kroat./ serb. *smrt je došla po njega* 'der Tod kam, um ihn zu holen'; poln. *śmierć zabrala kogoś* 'der Tod holte jmdn.'; tschech. *přišla si pro něho Smrtka* (*Smtholka*) 'der Tod kam, um ihn zu holen'; usw.

In den russischen Sprachdenkmälern wird der Tod als Gerippe mit gefletschten Zähnen und eingefallener Nase dargestellt. Daher die Euphemismen im Russischen: *курносая*, *курноскоя* 'die Stumpfnäsige', *безносая* 'die keine Nase hat', *костлявая* 'die Knochige'. Vgl.: *курносая турнула со двора ко-го* 'die Stumpfnäsige hat jmdn. vom Hof gejagt' = 'er ist gestorben'. Die Tschechen bezeichnen den Tod als *hubená* 'die Magere', *kostlivá* 'die Knochige', *zubatá* 'die Zahnige'. Vgl.: *hubená si ho vzala* 'die Magere nahm ihn

zu sich', *přišla si pro něho zubatá* 'die Zahnige kam, um ihn zu holen'. Dem Slavischen ist auch die Allegorie des «Todes als Schnitter» bekannt, vgl. im Russischen: *старуха с косой* 'die Alte mit der Sense', *смерть занесла свою острую косу над кем;* im Tschechischen: *hubená s kosou* 'die Magere mit der Sense', *skosila ho Smrtka* 'der Tod hat ihn abgeschnitten'.

Besonders häufig wird in den verglichenen Sprachen der «nahe stehende Tod» personifiziert. Er «lauert» (russ. *смерть уже караулит кого;* kroat./serb. *smrt ga već vreba*) oder «wartet» schon auf den Sterbenden (tschech. *smrt už na něj čeká*); «klopft an die Tür» (kroat./serb. *smrt mu je već pokućala na vrata*; poln. *śmierć kołaczę do drzwi*; tschech. *smrt mu už klepe na dveře*) oder «steht an der Schwelle» (russ. *смерть за порогом*; poln. *śmierć stoi u progu*). Der Tod kann aber auch «ganz nahe stehen» (tschech. *smrt mu je stojí nablízku*), z. B. in der Handbreite (russ. *смерть на пядень*) oder am Kopfende (tschech. *smrt mu už stojí v hlavách*). Dann langt er nach dem Sterbenden (tschech. *smrt už po něm/ na něj sahá*), legt seine Hand auf ihn (poln. *śmierć położyła na kimś rękę*), spielt mit ihm (tschech. *smrtka s ním zahrává*), hängt über ihm (tschech. *smrt už nad ním visí*) und umarmt ihn (poln. *śmierć wzięła kogoś w objęcia*). Der Tod kann im Sterbenden ein Nest bauen (russ. *в нём смерть уже гнездо свилá*). Er befindet sich auf der Zunge (tschech. *mít už smrt na jazyku*), im Halse (tschech. *mít už smrt v hrdle*), auf der Nase (russ. *смерть уже на носу*), schaut dem Sterbenden in die Augen (russ. *смерть уже смотрит в глаза кому;* poln. *śmierć zagląda komuś w oczy*) oder aus den Augen (tschech. *smrt mu kouká z očí*). Im Kroatischen/Serbischen schwebt der Tod dem Sterbenden auf den Lippen (*smrt lebdi mu na usnama*) oder sitzt ihm im Nacken (*smrt mu je za vratom*). Im Tschechischen, Kroatischen und Serbischen schaut der Sterbende dem Tod ins Gesicht (tschech. *hledět smrti v tvář*) oder in die Augen (kroat./serb. *gledati smrti u oči*).

In einigen tschechischen Ausdrücken hat sich der Name der slavischen heidnischen Todesgöttin Morana bewahrt: *sáhla na něho Morana* 'Morana hat ihn berührt', *Morana vztahla ruku po něm* 'Morana hat ihm die Hand gereicht'; *Morana uspala na věčný spánek koho* 'Morana hat jmdn. in den ewigen Schlaf gebracht' = 'er ist gestorben' (Бояркин, Степанова 1992). Der Eigenname *Morana* (häufig in der Form *Mara, Marena, Marzena* u.a.) ist auch in einigen anderen slavischen Sprachen erhalten geblieben. Im Russischen trifft man außerdem auf den Namen *Карачун*, einen bösen Geist, der bei den Ostslaven den Tod, Winter und böse Mächte der Natur personifizierte. Vgl.: *карачун пришёл к кому* 'der Karačun kam zu jmdm.'; *карачун хватил кого* 'der Karačun hat jmdn. erfasst' = 'er ist gestorben'.

Die letzte Gruppe von Kulturemen bilden allgemeingebräuchliche Wörter und Wendungen, deren kulturelle Markierung erst durch folkloristische

Texte (Volkslieder, Volksmärchen, Sagen und Legenden, Rätsel, Sprichwörter u.ä.), Mythologie, Aberglaube, Sitten und Bräuche u.ä. ersichtlich wird. Zu dieser Gruppe gehören z.B. einige Bezeichnungen von Pflanzen, Tieren, Gerichten u.ä. So werden z.B. in der Folklore einige Bäume als männlich oder weiblich dargestellt. Die Eiche verkörpert das männliche Prinzip, ihr wird die typisch männliche Eigenschaft der Kraft und Stärke zugeschrieben: kroat./ serb. *jak kao hrast*; russ. *крепкий как дуб*; tschech. *silný jako dub*. Kleinen Jungen antwortet man auf die Frage nach ihrer Herkunft: *Ты на дубочку сидел* — Die Eiche symbolisiert somit auch der Ursprung des Männlichen (Толстой, 1995–2004, 2, 144). Als Gegensatz zur «männlichen» Eiche tritt die Birke auf, welche das weibliche Prinzip verkörpert und für ein junges Mädchen oder Frau steht. In den russischen Hochzeitsbräuchen stellt die Eiche den Bräutigam dar, die Birke die Braut: «У тебе ... есть бяръза, а у нас дуб. Не стали б их уместу случать?» [‘Du hast eine Birke und wir eine Eiche. Können wir nicht die beiden zusammenführen?’] (Толстой, 1995–2004, 1, 156). Der Birkenzweig gilt als Zeichen der Zustimmung des Mädchens bei der Brautwerbung, der Eichenzweig als Ablehnung (Брагина² 1986, 19).

5. Zusammenfassung

Die angeführten Beispiele zeigen deutlich, dass eine vollständige Beschreibung der kulturellen Semantik von Lexemen und festen Wortverbindungen nur aufgrund eines umfangreichen Materials mit kulturspezifischen Informationen möglich ist. Hierzu gehören nicht nur die Standardsprache unter synchroner Perspektive (z.B. feste Vergleiche, derivate Lexeme, Synonyme), sondern auch historisch ausgerichtete Sprachmaterialien, sowie Dialekte und Substandardvarietäten, folkloristische Texte (Volkslieder, Volksmärchen, Rätsel u.ä.), Aberglaube, Mythologie usw. Die gesammelten sprachlichen und extralinguistischen Fakten müssen einer detaillierten Analyse unterzogen werden: etymologischen, ideographischen (anhand von semantischen Feldern), kontrastiven (im Rahmen der Varietäten einer Sprache bzw. verschiedener verwandter und nicht-verwandter Sprachen) usw. Nur durch solch eine umfassende Analyse kann man der Gefahr entgehen, dass einzelne isolierte sprachliche Fakten zu nationalen kulturellen Schlüssel-Begriffen erklärt werden, ohne dabei zu überprüfen, ob ähnliche kulturelle Erscheinungen nicht doch in anderen Sprachen existieren.

BEMERKUNGEN

- ¹ In dieser Hinsicht weist die Wortfeldtheorie Gemeinsamkeiten mit der Theorie semantischer Prototypen auf.
- ² Vgl.: «Wortfelder überlappen untereinander oder sind sogar in anderen Wortfeldern enthalten, wodurch der Wortschatz einer natürlichen Sprache sich sicherlich nicht als bloßes Mosaik mit den Wortfeldern als Einzelstücken präsentiert. Dies widerlegt die Vorstellung, dass sich der Wortschatz in Wortfelder lückenlos ausgliedert» (Lutzeier 1992, 77).

LITERATUR

- Dobrovol'skij 1995 — D. Dobrovol'skij. *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik: Studien zum Thesaurus deutscher Idiome*. Tübingen, 1995.
- Dobrovol'skij, Piirainen 1995 — D. Dobrovol'skij, E. Piirainen. *Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive*. Bochum, 1997.
- Eismann 2002 — W. Eismann. *Gibt es phraseologische Weltbilder? Nationales und Universales in der Phraseologie*. Wer A sagt, muss auch B sagen. Beiträge zur Phraseologie aus dem Westfälischen Arbeitskreis. Hrsg. D. Hartmann, J. Wirrer. Baltmannsweiler, 2002, S. 107–126.
- Löbner 2003 — S. Löbner. *Semantik. Eine Einführung*. Berlin — New York, 2003.
- Lutzeier 1992 — P. Lutzeier. *Wortfeldtheorie und kognitive Linguistik*. Deutsche Sprache, 20 (1). Место издания, 1992, S. 62–81.
- Nagórko 2007 — A. Nagórko. *Lexikologie des Polnischen*. Hildesheim — Zürich — New York, 2007.
- Salzmann 1998 — Z. Salzmann. *Language, Culture, and Society*. An Introduction to Linguistic Anthropology. Boulder — Colorado u.a.,²1998.
- Schwarz, Chur 2007 — M. Schwarz., J. Chur. *Semantik. Ein Arbeitsbuch*. Tübingen⁵, 2007.
- Wierzbicka 1992 — A. Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York u.a., 1992.
- Березович 2007 — Е. Березович. *Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. Москва, 2007.
- Бояркин, Степанова 1992 — В. Бояркин, Л. Степанова. *Фразеологические единицы со значением «умереть» в русском и чешском языках (на материале ономастической фразеологии)*. Исследования по семантике русского языка. Кострома, 1992, с. 55–61.

- Брагина 1986 — А. Брагина. *Лексика языка и культура страны. Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте*. Москва, ²1986.
- Лотман, Успенский 1971 — Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский. *О семиотическом механизме культуры*. Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971, с. 144–166.
- Телия 1996 — В.Н. Телия. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва, 1996.
- Толстой 1995–2004 — Н.И. Толстой (ред.). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 1–5. Москва, 1995–2004.

**A. Bierich. Slaavi sõnavara kultuurilis-semantilised aspektid
(poola, tšehhi, vene, horvaadi/ serbia keelte näitel)**

Artiklis vaadeldakse leksikaalühikute kultuurisemantika väljaselgitamise erinevaid meetodeid. Kultuurilisi konnotatsioone leidub reeglina lekseemidel, mis on seotud mütoloogiliste olendite, rahvatavade ja -kommete, pühadega, samuti ka traditsioonilise kultuuri erinevate reaaliatega jne. Kultuurispetsiifika esineb ka sõnavaral, mis väljendab erinevaid keelekujundeid kasutades teatud kontsepte, mis omavad erilist tähendust inimese vaimu- ja argielus («patt», «hing», «saatus», «rikkus», «vaesus», «surm» jne). Artiklis pakutakse metoodikat ülalmainitud analüüsi läbiviimiseks kontseptide «rikkus» ja «surm» näitel.

Andras Zoltan
Eötvös Loránd Tudományegyetem,
Keleti Szlav és Balti Filológiai Tanszék, Budapest
Nyíregyházi Főiskola

**ПОЧЕМУ *WITEBSK*, А НЕ **WICIEBSK*,
ИЛИ ПОЧЕМУ ПОЛЯКИ НАЗЫВАЮТ
БЕЛОРУССКИЕ ГОРОДА ПО-УКРАИНСКИ?**

Общеизвестно, что белорусская столица официально по-белорусски называется украинской по своему происхождению формой *Мінск* (< *Мѣньскъ*; собственно белорусская форма данного географического названия звучит *Менск* и употребляется в настоящее время в некоторых эмигрантских и/или оппозиционных изданиях)¹. Поскольку уже большинство белорусов называет столицу своего государства по-украински, то в данном случае нет ничего странного в том, что и в польский язык данный топоним был заимствован в украинской огласовке как *Mińsk*. (Интересно, что и в польском топониме *Mińsk* [*Mazowiecki*] современная форма с *-i-* исторически заменила более раннюю форму *Mieńsk[o]*)².

Оказывается, однако, что поляки заимствовали названия белорусских городов в украинской форме не только в таких случаях, как *Mińsk*, т.е. когда фонетический облик названия был украинизирован уже в самом белорусском языке, но и тогда, когда белорусские формы довольно четко отличаются от украинских. При этом со стороны польской фонологической системы обычно не возникает никаких трудностей при передаче русского звучания названия. Так, напр., белорус. *Віцебск* в польском языке с полным успехом могло бы передаваться как **Wiciebsk*, но такой формы в польской письменной традиции нет. Как раз наоборот: уже в самых ранних латино- и польскоязычных версиях белорусско-литовских летописей мы встречаем только формы, передающие твердое *t*: *Vitebsk*, *Wythewsko*, *Vitepska ziemia*, *viteblanie*³. Если в польских соответствиях белорусских географических названий белорус. *ц'* или рус. *т'* передается польск. *ć*, то мы имеем дело скорее с поморфемным переводом прозрачных с

точки зрения этимологии инославянских названий, как, напр., белорус. *Амсьціслаў/Мсьціслаў*, рус. *Мстиславль* > польск. *Mścisław*, ср. укр. *Мстиславль*. Прозрачная для носителей близкородственного польского языка структура белорусского названия могла препятствовать отражению белорусского аканья в польских соответствиях типа *Mohylew* (раньше также *Mohylow*)³: *Magilëŭ*, хотя, как видно, из белорусских фонетических особенностей игнорируется только аканье, а общее с украинским языком *у* не «переводится» в польское *g*, а передается заимствованной из соседних языков (чешского, немецкого, «русского») фонемой *h*. То есть поляки с белорусским названием *Magilëŭ* поступили так же, как и с украинским *Могилів(-Подільський)*, а дифференциация двух названий (совр. польск. *Mohylew* в Белоруссии и *Mohylów* на Украине) произошла позже. Однако в случае таких соответствий, как, например, *Ашмяны*: *Oszmiany* (ср. укр. *Ошмяни*), *Полац(а)к*: *Połock* (ср. укр. *Полоцьк*), этимология не могла сыграть никакой роли, поскольку в основу этих названий легли не славянские, а, скорее всего, балтийские корни, которые ко времени начала интенсивных польско-белорусских языковых контактов после Кревской унии 1385 г. не были уже прозрачны ни для поляков, ни для белорусов.

Итак, на основе немногочисленных, но важных и пользующихся большой известностью топонимов Белоруссии создается впечатление, что в язык соседних с белорусами поляков названия этих крупных географических объектов были заимствованы не прямо из белорусских говоров, а из языка, произносительные нормы которого были ближе к нормам украинского языка, чем к нормам белорусского языка.

«Украинизацию» белорусских топонимов при заимствовании их в польский язык можно интерпретировать по-разному. Произношение *ѣ* > *i* и отсутствие аканья можно было бы объяснить влиянием церковнославянского языка украинской редакции, но это противоречило бы светскому в основном характеру польско-восточнославянских контактов. Думаю, однако, что для данного явления можно найти и более естественное объяснение, которое хорошо вписывается в общую картину развития канцелярского языка Великого княжества Литовского (ВкЛ), в свое время обрисованную Хр. Стангом и В. Курашкевичем и сохраняющую свою актуальность также по мнению В.М. Моисеенко⁴. Согласно этой концепции, традиции кан-

целярского языка ВкЛ ведут свое начало от краковской «русской», т.е. галицкой, канцелярии Казимира Великого, которая появилась при польском королевском дворе после присоединения Галичины (1349 г.) и которую унаследовал потом Владислав Ягеллон. Выросшая на основе этого первоначально галицкого, т.е. староукраинского по своим диалектным чертам, канцелярского языка «руська мова», как известно, не была языком крестьянским, диалектным, а представляла собой светский литературный язык⁵, который культивировался в среде «русской», т.е. украинской и белорусской знати ВкЛ. Кроме орфографических, грамматических и лексических норм, этот язык противопоставлялся церковнославянскому языку и украинской и/или белорусской речи, надо думать, также по своим произносительным нормам, которые сформировались, по-видимому, еще в начальный период развития этого языка, когда в нем преобладали еще украинские черты. Поскольку «руська мова» и в свой «зрелый» период представляла собой компромиссный украинско-белорусский литературный язык, можно предположить, что он не принимал белорусское аканье или дзеканье не только в свою орфографическую, но и в фонетическую систему. Ничтожное количество описок, вызванные аканьем в документах центральных властей ВкЛ, позволяет думать, что не акали не только краковские писари-галичане, но также и виленские писари-белорусы. На основании кириллического написания *Витебскъ* мы, конечно, ничего не можем сказать о качестве *m* в данном названии, но польская форма *Witebsk*, существующая с самого начала польской письменной традиции при полном отсутствии форм типа **Wiciebsk*, наводит на мысль о том, что поляки должны были слышать это название с твердым *t* у своих «руськомовних» литовских партнеров именно как норму, а не какой-то случайный индивидуальный произносительный вариант.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср., напр., журналы «*Arche – Пачатак*» и «*Беларускі Гістарычны Агляд*», которые, судя по их титульным листам, выходят не в *Мінске*, а в *Менске*. В межвоенный период форма *Менск* в белорусском языке была в официальном употреблении, она была заменена формой *Мінск* решением Верховного Совета БССР от 29 июля 1939 г. об изменении названия города *Менск* на *Минск* (<http://www.newsby.org/news/2008/07/29/text10043.htm> – 09.09.2010).

- ² Название польского города было образовано от названия реки *Mienia* (Rymut 1980, 152–153; Malec 2003, 160), этимологически тождественного др.-рус. *Мѣнь*, откуда *Мѣньскъ* (Фасмер II, 625).
- ³ См. ПСРЛ 35 (по указателю).
- ⁴ Stang 1935, 50–51; Kuraszkiewicz 1937; ср. Моисеенко 2007, 47. Другую точку зрения представляет Г.П. Півторак (2005). Последний обстоятельный обзор взглядов на историю и характер «русской мови» ВкЛ см.: Мякишев 2008, 9–40.
- ⁵ Ср. Успенский 2002, с. 388–404.

ЛИТЕРАТУРА

- Моисеенко 2007 — В.М. Моисеенко. *Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой*. Славяноведение. Москва, 2007, № 5, с. 45–64.
- Мякишев 2008 — В. Мякишев. *Язык Литовского статута 1588 г.* Kraków, 2008.
- Півторак 2005 — Г.П. Півторак. *Державна мова у Великому князівстві Литовському і проблема розмежування українських та білоруських пам'яток*. Мовознавство. Київ, 2005, № 3–4, с. 80–84.
- ПСРЛ 35 — *Полное собрание русских летописей*. Т. XXXV: *Летописи белорусско-литовские*. Москва, 1980.
- Успенский 2002 — Б.А. Успенский. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва, 2002.
- Фасмер 1964–1973 — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Перев. с нем. и дополн. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Москва, 1964–1973.
- Kuraszkiewicz 1937 — W. Kuraszkiewicz. [Рец. на кн.: Stang 1935]. *Rocznik Slawistyczny*. Kraków, 1937, t. XIII, s. 39–58.
- Malec 2003 — M. Malec. *Słownik etymologiczny nazw geograficznych Polski*. Warszawa, 2003.
- Rymut 1980 — K. Rymut. *Nazwy miast Polski*. Wrocław etc., 1980.
- Stang 1935 — Chr.S. Stang. *Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen*. Oslo, 1935.

A. Zoltan. Miks. Witebsk, mitte *Wiciebsk, ehk miks poolakad nimetavad Valgevene linnu ukrainapäraselt?

Mitmed Valgevene geograafilised nimetused antakse poola keeles üle vormide abil, mis oma kõla poolest on ligemal nende objektide ukraina nimetustele, kui

vastavate valgevene nimetustele. Selle nähtuse põhjust näeb autor Leedu Suurvürstiriigi *руська мова* esialgses ukraina (galiitsia) päritolus ja erilise normatiivhäälduse olemasolus kogu Leedu riigi territooriumil. See hääldus on traditsiooniliselt säilitanud ukraina häälduseripärasid ka ajal, mil Leedu vürstiriigi kantseleikeele lingvistiline tüvi oli nihkunud põhjapoole, Valgevene maadele Vilniuse ümbruses.

Темчин Сергей Юрьевич

Lietuvių kalbos institutas

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ПЕРЕВОДНАЯ ГОМИЛИЯ НА ПРАЗДНИК ПРЕПОЛОВЕНИЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ

Кирилло-мефодиевистика – старославянская переводная литература – гомилетика – повторные переводы – праздник Преполовления Пятидесятницы

Предложенная недавно методика отождествления кирилло-мефодиевских гомилий (Темчин 2009, 125–137), учитывающая наличие нескольких раннеславянских переводов-редакций одних и тех же произведений, литургическая функция которых не противоречит старославянскому богослужению миссионерского типа, позволяет утверждать, что ко времени солунских братьев восходит также древнейший славянский перевод слова Амфилохия Иконийского (Иоанна Златоуста?) на Преполовление Пятидесятницы $\Omega\sigma\tau\epsilon\rho\ \eta\ \varphi\alpha\epsilon\sigma\varphi\acute{o}\rho\omicron\varsigma\ \sigma\epsilon\lambda\acute{\eta}\nu\eta$... Богослужебная функция этого текста не противоречит кирилло-мефодиевской литургической системе, которая предусматривала церковную службу в праздник Преполовления (Темчин 1999б, 117–121, 135; Темчин 2004, 25–28).

О. Неделькович еще в 1977 г. обратила внимание славистов на существование двух сильно различающихся славянских версий указанной гомилии на Преполовление (Nedeljković 1977, 27–60) — одна содержится в восточнославянском «Успенском сборнике» конца XII — начала XIII в. (Усп, л. 250–254 об.)¹, а другая находится в составе сербского (рашского) гомилиария Михановича конца XIII — первой четверти XIV в. (Мих, л. 155–158)². Датировка рукописей указывает, что возникновение обеих версий предшествовало деятельности «Тырновской литературной школы». Переиздав текст гомилии по обоим спискам, исследовательница справедливо указала на то, что: а) перевод этого текста, несомненно, восходит к первоначальному славянскому репертуару произведений проповеднической литературы; б) при создании обеих славянских версий использовался грече-

ский оригинал; в) несмотря на многочисленные языковые и редакционные различия, славянские версии гомилии содержат тождественные фрагменты текста, свидетельствующие о существовании между ними определенной текстологической связи. Совокупность указанных обстоятельств говорит о том, что перед нами пример *повторного* славянского перевода, выполненного не позже конца XIII – первой четверти XIV в. Как и в иных случаях, повторный перевод-редакция производился с греческого оригинала при одновременном использовании более раннего славянского перевода, из которого заимствовались отдельные переводческие решения и целые пассажи.

Исследование О. Неделькович было опубликовано более тридцати лет назад, когда палеославистика еще не располагала достаточным фактическим материалом для признания типичности повторных переводов и осмысления их как особого явления. Поэтому не удивительно, что некоторые положения этой публикации сегодня нас уже не удовлетворяют.

Во-первых, автор считает версию Усп древнерусской редакцией гомилии, видимо, на том основании, что она дошла до нас в восточнославянском списке³. Сейчас уже можно вполне определенно утверждать, что протограф Усп возник в Восточной Болгарии. Ранние древнерусские рукописи, восходящие к восточноболгарским оригиналам, представляют собой хорошо документированное явление (см.: Турилов 1995, 33). Структура и литургические особенности Усп роднят его с восточноболгарской «Супрасльской рукописью» XI в. (Заимов, Капалдо 1982–1983) (далее — Супр) — оба сборника представляют собой сочетание месячной Миней четъей (содержащей тексты для большинства дней месяца) и фрагментарного цветно-триодного Торжественника⁴. Гомилии, находящиеся в обеих рукописях, представляют тот же самый славянский перевод и тождественную редакцию текста, восходя к общему оригиналу (Благова 1966, 77–87). Эта редакция, общая для Усп и Супр, может восходить только к болгарской письменности, поскольку самая ранняя миграция восточнославянских рукописей на Балканы (так называемое *первое восточнославянское влияние*) датируется XII – XIII вв. (Турилов 1995, 32 и прим. 3).

Столь же неправомерным представляется мнение автора о том, что в Мих представлена сербская редакция гомилии на Преполовение. Как известно, сербская рукописная традиция, известная своей

архаичностью, восходит к западноболгарской книжности эпохи Первого царства, хорошо сохраняя репертуар последней (Турилов 2000, 153–161). На основании языкового анализа Д. Иванова-Мирчева показала, что Мих восходит к болгарскому четъему сборнику⁵, который был составлен (или как минимум отредактирован) в «Преславской литературной школе» (Иванова-Мирчева 1968, 381–391; ср.: Bláhová 1963, 12–15). Нет ничего необычного в том, что восточноболгарский четий сборник перешел сначала в македонскую, а через нее и в сербскую рукописную традицию.

Таким образом, обе славянские версии гомилии на Преполовение, исследованные О. Неделькович, восходят, вероятно, к болгарской книжности эпохи Первого царства.

Во-вторых, отметив, что количество и характер различий между двумя славянскими версиями гомилии таковы, что впору говорить о различных переводах, исследовательница тем не менее посчитала, что имеет дело с разными изводами одного и того же первоначального славянского перевода, которые появились в результате постепенного накопления редакционных различий и потому одинаково далеко отстоят от общего архетипа. В результате был сформулирован парадоксальный вывод о том, что Усп лучше сохраняет композиционную структуру и грамматические конструкции, а Мих — лексику первоначального славянского перевода, как будто средневековые славянские писцы и редакторы (несведущие в грамматике) не только были в состоянии отчетливо различать лингвистические уровни (являющиеся теоретическим конструктом современного языкознания), но и по собственному усмотрению ограничивали свою практическую деятельность по исправлению текста лишь некоторыми из них!

Исследование нескольких заведомо независимых друг от друга переводов художественных произведений с английского языка на русский, проведенное в качестве следственного эксперимента по делу о плагиате, показало, что в среднем процент совпадения слов в таких переводах составляет 42%, а в отдельных местах может достигать до 62% (без учета собственных имен и личных местоимений) (Рецкер 1963, 45, 57–58). Следовательно, процент разночтений в независимых переводах составил в среднем 58%, снижаясь на отдельных страницах до 38%. По оценкам текстологов-палеославистов, в процессе бытования церковнославянского текста в рукописных ко-

пиях может *спонтанно* возникнуть лишь 5–10% лексических замен (от общего числа всех перестроек текста) (Алексеев 1988, 207), а в результате *сознательной правки* может появиться до 25% глагольных разночтений (от общего числа глагольных форм) (Темчин 1991, 32, прим. 43). Различия между исследованными О. Неделькович славянскими версиями гомилии на Преполовление настолько многочисленны и существенны, что их следует считать даже не самостоятельными редакциями, а разными переводами греческого текста. К этому же выводу пришел Ф. Томсон, уточнивший, что рассматриваемые славянские переводы были сделаны с разных греческих редакций гомилии (Thomson 1984, 593–601).

В-третьих, О. Неделькович имела в своем распоряжении по одному списку каждой славянской версии гомилии на Преполовление, поэтому некоторые индивидуальные особенности списка (или одного из архетипов) были приняты ею за характеристики всей редакции, что не могло не сказаться на качестве выводов. Приведем показательный пример. Анализируя славянские варианты зачина текста — *Якоже светоносная луча, ноць просвещающии...* (Мих, л. 155) и *Якоже светел месяц, ноцьное обеляя...* (Усп, л. 250) — и их соответствие греческому инципиту *Ὡσπερ ἡ φαεσφόρος σελήνη, τὰ τῆς νυκτὸς ἀμαυρὰ λευκαίνουσα...*, исследовательница попыталась определить, как выглядел этот фрагмент в исходном славянском переводе гомилии. Признав первоначальным вариант Усп, О. Неделькович предположила, что впоследствии «сербский редактор», опираясь на греческий оригинал, ввел в славянский текст сложное прилагательное *светоносный*, но ввиду необычности получившегося сочетания *светоносный месяц*, решил заменить существительное на *луча* (ж.р.). В действительности же представленная в Мих словоформа *луча* появилась не вследствие сознательного редакторского решения, а в результате коррупции первоначального *луна* (в кириллице смешение **н** и **ч** облегчено их внешним сходством)⁶. Об этом говорит не только семантическое тождество ряда *σελήνη* — *месяц* — *луна*, но и наличие последнего слова в иных славянских списках данной гомилии⁷. Содержащаяся в Мих версия гомилии вообще характеризуется высокой степенью коррупции текста (Nedeljković 1977, 48, 55–57).

Приняв правомерные выводы О. Неделькович и внося необходимые коррективы в иные суждения автора, можно констатировать,

что рассмотренные ею славянские версии гомилии на Преполовение: а) являются разными переводами греческого оригинала; б) связаны некоторой текстовой преемственностью; в) восходят, вероятно, к болгарской книжности эпохи Первого царства. Все это вполне определенно указывает, что перед нами еще один пример повторного перевода раннего времени. Если это действительно так, то один из этих славянских вариантов гомилии должен восходить к кирилло-мефодиевской эпохе, а другой следует отнести к болгарскому переводческому наследию. Которая же из рассмотренных версий старше? Ответ на этот вопрос может дать сравнительный анализ лексики обоих славянских списков текста (в целях повышения надежности выводов ниже рассматриваются лишь разнокоренные образования).

Во-первых, в ряде случаев Мих содержит лексемы, встречающиеся в рукописях узкого старославянского канона, тогда как Усп представляет варианты, узкому канону неизвестные (здесь и далее на первом месте приводятся чтения Мих):

богаты 157в 10 – εὐπορος – **имовить** 254а 17–18; **мышати** 156а 32 – ἐκδιχέω – **испирати** 251б 19; **обычаи** 157г 10–11 – συνήθεια – **наоукъ** 254б 20; **просвѣщати** 155б 20–21 – λευκαίνω – **обѣлати** 250б 16; **рѣзание** 156а 21 – τομή – **кроение** 251б 8; **сѣжалити си** 156б 5 – συμπαθέω – **страстовати** [в изд.: **страстова оу**] 251б 30.

Во-вторых, если в обеих славянских версиях употребляются лексемы, известные узкому старославянскому канону, то в Мих нередко представлен архаичный, а в Усп — инновационный лексический или текстовый вариант (в обоих случаях это видно по списку классических рукописей, в которых они встречаются⁸):

въскрѣшение 156в 26 – ἀνάστασις вариант: ἀνάληψις – **въсходъ** 251г 27–28 (также Супр); **красны** 157а 3–4 (также Мар, Син, Евх, Супр, Рыл) – ὡραίος – **изборны** 253в 6 (также Ас [вне евангельского текста], Супр); **лоуна** [в рук.: **лоуча**] 155б 19–20 – σελήνη – **мѣсачъ** 250б 15, ср.: Мф 24.29 и Лк 21.25 **лоуна** Мар, Ас, Сав – **мѣсачъ** Зогр; **мльвити** 155г 35 (также Зогр, Мар, Ас, Сав) – θεωυβέω – **говорити** 251а 18 (также Супр); **пасти са** 157а 9 – ὀλισθάνω – **попльзжи са** 253в 12 (также Супр); **поніеже** 157б 9–10 – ἐπειδή – **юльма** 253г 15 (также Супр); **привидовати** 157г 24 – φαντάζομαι – **мльчтати** 254в 1, ср.: **привидѣние** Евх, Рыл – φάντασμα – **мльчть** Супр; **сиати** 155б 24 – δαδουχέω – **освѣщати** 250б 20 (также Евх, Супр); **шъствие** 155б 25–26 (также Зогр, Ас, Сав, Евх, Супр) – πορεία – **ходъ** 250б 21 (также Супр).

Как видим, инновационные лексические варианты роднят версию Усп с Супр, что может служить дополнительным свидетельством общего (восточноболгарского) происхождения обоих сборников. Этот вывод подкрепляется тем, что в славянской версии Мих употребляются архаичные лексемы **иудеи**, **иудейскъ** (155б 30–31, 155б 35–155в 1, 156г 1, 156г 4, 157г 36–158а 1, 158а 16–17) и **мъножищѣхъ** (157б 25–26), которым в Усп соответствуют инновационные лексические варианты **жидове**, **жидовьскъ** (250б 27, 250в 2, 252а 7, 252а 11, 254в 13, 254г 2) и **мъногашѣды** (253г 28), характерные для преславской (симеоновской) редакции богослужебных книг (Славова 1989, 59–62, 75–76).

В-третьих, О. Неделькович отметила, что, в отличие от авторского текста, который сильно различается в рассматриваемых славянских версиях гомилии, цитаты из Евангелия остаются в них практически идентичными. Все же некоторая разница в передаче евангельских цитат существует, и она говорит о большей инновационности версии Усп, которая отклоняется от лексики и грамматики древнейших славянских евангельских списков⁹, в то время как вариант Мих следует им:

Ин 7.22 **в' соуботоу ѡбрѣзаете младаѣнце** Мих, 155г 19–21 – **обрѣзова-
ють сѧ младенищѣ** Усп, 250г 31–251а 1 (в евангельском тексте вместо **младѣньщѣ** употреблено существительное **чловеѣкъ**);

Ин 7.23 **ѡбрѣзаниѣ приѣмлет' члѣвкъ** Мих, 155г 5–6 – **въземмѣть** Усп, 250г 12, ср.: Мф 17.24 и 25 **приимати** Мар, Ас – **възимати** Сав;

Ин 7.23 **здѣла створихъ** Мих, 155г 9, 155г 27, 156а 11 – **цѣла сътворихъ** Усп, 250г 17–18, 251а 8–9, 251а 29–30.

Представленный выше материал позволяет заключить, что Мих содержит первый, а Усп — второй славянский перевод гомилии на Преполовление. В пользу этого вывода говорят и иные обстоятельства. Во-первых, славянский перевод, представленный в Мих, характеризуется большей свободой по сравнению с версией Усп, которая точнее воспроизводит языковую форму греческого оригинала, что было отмечено О. Неделькович. Как известно, большая степень переводческой свободы характерна для самых ранних славянских переводов (прежде всего для евангельского текста (Grivec 1956, 194–197)), тогда как более поздние переводчики предпочитали придерживаться не только смысла, но и формы греческого оригинала (Иванова-Мирчева 1977, 37–48; Иванова-Мирчева 1982, 125–126). Во-

вторых, степень коррупции текста в Мих гораздо выше, чем в Усп, который вполне исправно излагает оригинальное повествование. Высокая степень коррупции является признаком длительного бытования текста (см.: Bakker 1994, 175–180) и показывает, что повторный славянский перевод-редакция подобных произведений был вызван не прихотью болгарских книжников, но насущной необходимостью в исправлении (и языковой модернизации) функционировавших текстов.

Однако Мих представляет первый славянский перевод не в первоначальном, а уже в заметно модифицированном виде – он был подвергнут вторичной языковой правке в соответствии с восточно-болгарской языковой нормой. В результате в некоторых местах именно Мих содержит языковые новации по сравнению с Усп (теперь на первом месте цитируется Усп):

о всѣхъ 251a 13 – διὰ πάντων – **бѣхъма** 155г 31 (также Супр, Зогр-лл); **людиѣ** 252б 17 – λαός – **плѣма** 156г 36 (преславизм: Сав, Супр); **повѣдати** 251г 28 – σαλπίζω – **трѣбити** 156в 27 (также Супр); **ради** 251a 15 – ἐνεκεν – **дѣла** 155г 32 (преславизм: Сав, Супр); **силнь** 254б 16 – δυνατός – **моцнь** 157г 6–7 (преславизм: Супр, Зогр-лл); **сбъйти са** 251б 15 – ἐνεργέω – **дѣствовати** 156a 27–28 (также Супр).

Кроме того, в версии Мих обнаруживаются некоторые лексемы, неизвестные рукописям узкого старославянского канона:

гнѣвати са 251в 7–8 – διατρίω – **пѣхати са** 156б 16; **даръ** 254a 12, 23 – δῶρον – **тоуньба** 157в 5, 16–17; **немошь** 252б 12–13 – ἀρρωστία – **болѣниѣ** (в рук.: **болѣния** Род. п.) 156г 33; **хладати** 251г 14 (также Евх, Клоц, Супр) – μεσότης – **срѣдъникъ** 156в 15.

В одной цитате из Евангелия Усп следует тексту классических славянских евангельских рукописей, а Мих сходится со вторичными версиями текста: Ин 5.6 **хощеши ли цѣль бѣти** Усп, 253г 20–21 – **здравъ** Мих, 157б 19 = Толковое евангелие Феофилакта Болгарского, Чудовский Новый Завет святителя Алексия, а также четвероевангелие второй половины XIV века (Санкт-Петербург, РНБ, собр. М.П. Погодина, № 21; Алексеев 1998, 20 (второй пагинации)).

Изложенный материал подтверждает вывод Д. Ивановой-Мирчевой о том, что оригинал Мих был подвергнут редактированию в восточноболгарской языковой среде. Однако количество и характер соответствующих лексических новаций показывают, что это редактирование было непоследовательным и проводилось без обращения

к греческому тексту. В будущем было бы интересно узнать, сохранился ли в рукописном наследии первый славянский перевод гомилии на Преполовление, не затронутый позднейшей преславской правкой.

Еще одна любопытная деталь говорит о том, что первый славянский перевод рассматриваемой гомилии на Преполовление восходит к кирилло-мефодиевскому времени. Как убедительно показал Л. Мошинский, славянские названия дней недели имеют паннонское происхождение и созданы по аналогии с наименованиями воскресных дней пасхального литургического цикла (Moszyński 1985, 223–230). Лишь для названия среды исследователь не нашел аналогии в пасхальном цикле и потому обратился к иному (великопостному) периоду, что нарушает логику этого очень остроумного сопоставления. Логическая последовательность будет восстановлена, если прототипом названия среды, центрального дня недели, считать центральный день пасхального цикла – праздник Преполовления Пятидесятницы, отмечаемый в среду (*sic!*) недели *О расслабленном*. Таким образом, структура славянской недели находит точное соответствие в структуре пасхального литургического цикла, ср.: **недѣла** (воскресенье Пасхи), **понедѣльникъ** (воскресенье Антипасхи), **въторникъ** (2-ое воскресенье после Пасхи), **срѣда** (Преполовление Пятидесятницы), **четвертъкъ** (4-ое воскресенье после Пасхи), **патъкъ** (5-ое воскресенье после Пасхи), **сѣбота** (воскресенье Святых отец, предшествующее Пятидесятнице). В славянских числовых наименованиях **въторникъ**, **четвертъкъ** и **патъкъ** нашла отражение кирилло-мефодиевская нумерация воскресных дней пасхального цикла, заимствованная из практики Западной Церкви (Темчин 1999а, 35–50).

Правомерность ассоциации Преполовления Пятидесятницы с названием дня недели **срѣда** становится очевидной при чтении следующего фрагмента из рассмотренной выше гомилии, где указанный праздник описывается так (цитируется по Мих, л. 156 об.):

Г҃нь бо ѿ настоѣщій ѿ срѣдни праздниѣ. срѣдниѣ Г҃нь. срѣдовнѣй праздниѣ. присно же срѣ край твердь ѿ. сего ради соущий срѣднѣй праздниѣ. сѣгоубоу въскрѣшений бл҃гѣ имать. въскрѣшения бо ѿ пентикостіе срѣдоу дръже. въскрѣшения показа пентикостію престолю кажетъ.

В отношении *внутренней формы* слав. **срѣда** ‘среда (день недели)’ является калькой с нар.-лат. *media septimana* (*media hebdomas*) ‘среда

(день недели)’ или гот. *midja wiko*, ср.-в.-нем. *mittaweche* ‘то же’ (Фасмер 1987, 607 (словарная статья *середѣ*); Moszyński 1985, 225–226), в то время как его *положение в системе* славянских обозначений дней недели мотивировано ассоциацией с Преполовлением – праздничным днем пасхального богослужебного цикла, занимающим срединное положение между Пасхой и Пятидесятницей. Невозможно отделаться от мысли, что цитированная выше гомилия на этот праздник должна была читаться (в старославянском переводе) в церквях Паннонии и что именно через этот текст христианское население страны постигало природу ассоциации среды (центрального дня недели) с праздником Преполовления, который в этом произведении охарактеризован как *Средник Господень*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Москва, Государственный исторический музей, собр. Успенского собора, № 4 перг. (СК 1984, № 165; Котков 1971).
- ² Загреб, Архив Хорватской АН, III с 19 (Mošin 1955, 95–100; Aitzetmüller 1957; Турилов 2009, 461–468).
- ³ Идея о восточнославянском происхождении памятника, списком которого является древнерусский Успенский сборник, развивалась и иными исследователями (Щепкина 1972, 60–80).
- ⁴ На взаимную связь этих рукописей было обращено внимание уже сто лет тому назад (Сергий 1997, 260–263).
- ⁵ В сборник вошли оригинальные сочинения Климента Охридского: Слово на Рождество Иоанна Крестителя и Слово о воскресении Лазаря.
- ⁶ Подобное смешение кириллических букв (ѣ и ѧ) обнаруживается в Усп, где на л. 117а 18–19 читается **ѠВЪ ЗЕМЛЮ ДѣЛАѦ ѠРА**, хотя греческий оригинал предполагает перевод **ѠВЪ ЗЕМЛЮ ДѣЛАѦ ѠРА**, см. (Freydank 1973, 702).
- ⁷ Так в версии текста, помещенной в сербской триоди № 645 (ок. 1328 г.) Народной библиотеки Сербии в Белграде (Иванова 1987, 31) и в панегирике посл. четв. XIV в. из собрания П. Н. Тиханова Санкт-Петербургской Российской национальной библиотеки (Димитрова 1990, 119).
- ⁸ Сведения о встречаемости лексем в классических рукописях и сокращенные обозначения самих рукописей (сиглы) даются по словарю (СС 1994). Если слово зафиксировано более чем в пяти рукописях узкого старославянского канона, то их сиглы не указываются.
- ⁹ Состояние текста Евангелия от Иоанна в древнейших рукописях можно контролировать по критическому изданию (Алексеев 1998).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1988 — А. А. Алексеев. *Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв.* Русистика сегодня. Язык: Система и ее функционирование. Москва, 1988, с. 188–209.
- Алексеев 1998 — А. А. Алексеев (ред.). *Евангелие от Иоанна в славянской традиции.* (Novum Testamentum Palaeoslovenice, t. 1). Санкт-Петербург, 1998.
- Благова 1966 — Э. Благова. *Гомилии Супрасльского и Успенского сборников.* Исследования источников по истории русского языка и письменности. Москва, 1966, с. 77–87.
- Димитрова 1990 — М. Димитрова. *Из историята на триодните панегирици през XIV в.: Сборник Тиханов 540.* Старобългарска литература, кн. 23–24. София, 1990, с. 99–124.
- Заимов, Капалдо 1982–1983 — Й. Заимов, М. Капалдо. *Супрасълски или Ретков сборник.* Т. 1–2. София, 1982–1983.
- Иванова 1987 — К. Иванова. *Неизвестна редакция на триодния панегирик в състава на триода.* Старобългарска литература, кн. 20. София, 1987, с. 20–39.
- Иванова-Мирчева 1968 — Д. Иванова-Мирчева. *Хомилиарът на Миханович.* Известия на Института за български език, кн. 16: В чест на Владимир Георгиев по случай шейсетгодишнината му. София, 1968, с. 381–391.
- Иванова-Мирчева 1977 — Д. Иванова-Мирчева. *К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX–X до XIV века.* Palaeobulgarica, София, 1977, № 1, с. 37–48.
- Иванова-Мирчева 1982 — Д. Иванова-Мирчева. *Староболгарские литературные центры как ‘языковые школы’.* Palaeobulgarica. София, 1982, № 3, с. 119–128.
- Котков 1971 — С. И. Котков (ред.). *Успенский сборник XII–XIII вв.* Москва, 1971.
- Рецкер 1963 — Я. Рецкер. *Плагиат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе).* Тетради переводчика [вып. 1]. Москва, 1963, с. 42–64.
- Сергий 1997 — Сергей (Спаский). *Полный месяцеслов Востока.* Т. 1: Восточная агиология [1901]. Москва, 1997.
- СК 1984 — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв.* Москва, 1984.
- Славова 1989 — Т. Славова. *Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод.* Кирило-Методиевски студии, кн. 6. София, 1989, с. 15–129.

- СС 1994 — Р. М.Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.). *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. Москва, 1994.
- Темчин 1991 — С. Ю. Темчин. *Дистрибуция глагольных разночтений в древнейших славянских списках Евангелия и объем первоначального перевода*. Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. Москва, 1991, с. 9–41.
- Темчин 1999а — С. Ю. Темчин. *К установлению кирилло-мефодиевской системы нумерации воскресных дней пасхального цикла*. *Slavistica Vilnensis* 1999 (Kalbotyra 48 (2)). Vilnius, 1999, p. 35–50.
- Темчин 1999б — С. Ю. Темчин. *Что представляла собой первая славянская книга, переведенная с греческого Кириллом и Мефодием*. *Byzantinoslavica*, t. 60. Praha, 1999, № 1, p. 114–154.
- Темчин 2004 — С. Ю. Темчин. *Этапы становления славянской гимнографии (863–около 1097 года). Часть первая*. Славяноведение. Москва, 2004, № 2, с. 25–62.
- Темчин 2009 — С. Ю. Темчин. *Методика отождествления кирилло-мефодиевских гомилий*. Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne: Festschrift für Eckhard Weiher. (Die Welt der Slaven. Sammelbände, Bd. 39). München–Berlin, 2009, S. 125–137.
- Турилов 1995 — А. А. Турилов. *Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (замечки к оценке явления)*. Славяноведение. Москва, 1995, № 3, с. 31–45.
- Турилов 2000 — А. А. Турилов. *После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X–первой половине XIII в.)*. Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А., Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. С.-Петербург, 2000, с. 82–162.
- Турилов 2009 — А. А. Турилов. *О датировке и происхождении рукописи Гомилиария Михановича*. *Slavia*, roč. 78. Praha, 2009, № 3–4, № 3–4, s. 461–468.
- Фасмер 1987 — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Издание второе. Т. 3. Москва, 1987.
- Щепкина 1972 — М.В. Щепкина. *О происхождении Успенского сборника*. Древнерусское искусство: Рукописная книга [сб. 1]. Москва, 1972, с. 60–80.
- Aitzetmüller 1957 — R. Aitzetmüller (ed.). *Mihanović Homiliar*. Graz, 1957.
- Bakker 1994 — M. Bakker. *The New Testament Lections in the Euchologium Sinaiticum*. *полата к њнигописънама*, № 25–26. Amsterdam, 1994, p. 155–212.
- Bláhová 1963 — E. Bláhová. *Homilie Clozianu a homiliáře Mihanovičova (Syn-taktický rozbor)*. *Slavia*, roč. 32. Praha, 1963, № 1, s. 1–16.

- Freydank 1973 — D. Freydank. *Verzeichnis griechischer Paralleltexzte zum Успенский сборник*. Zeitschrift für Slawistik, Bd. 18, № 5: Beiträge für den VII. Internationalen Slawistenkongreß (Warschau, 1973). Berlin, 1973, S. 695–704.
- Grivec 1956 — F. Grivec. *O svobodnih prevodih v staroslovenskih evangelijih*. Slavia, roč. 25. Praha, 1956, № 2, s. 194–197.
- Moszyński 1985 — L. Moszyński. *Kto i kiedy ustalił słowiańskie nazwy dni tygodnia*. Litterae Slavicae Medii Aevi: Francisco Venceslao Mareš Sexagenario Oblatae (Sagners Slavistische Sammlung, Bd. 8). München, 1985, S. 223–230.
- Mošin 1955 — V. Mošin. *Ćirilski rukopisi Jugoslavske akademije*. Dio 1. Opis rukopisa. Zagreb, 1955.
- Nedeljković 1977 — O. Nedeljković. *Crkvenoslavenske tekstološke paralele u prijvodu Zlatoustove homilije И ІЕЖЕ НЕ СЪУДИТИ НА ЛИЦА*. Slovo, sv. 27. Zagreb, 1977, s. 27–60.
- Thomson 1984 — F. J. Thomson. *The Slavonic Translations of the Oratio in Mesopentecosten, in paralyticum, et in illud: 'Nolite iudicare secundum faciem' Attributed Variously to Amphilochius of Iconium and John Chrysostom*. Byzantion, t. 54. Bruxelles, 1984, № 2, p. 593–601.

S. Temčinas. Kirilli ja Methodiuse tõlgitud õpetussõnad esimese nelipüha pidustuste puhul

Artiklis vaadeldakse kaht kirikuslaavi versiooni Bütsantsi Ikoniumi Amphilochiuse esimese nelipüha pidustuste õpetussõnadest, mis pärinevad vanabulgaaria kirjamelestistest ning on slaavi varase perioodi korduva tõlke näidiseks. Kuna selle teksti liturgiline funktsioon ei ole vasturääkivuses vanaslaavi misjonäri tüüpi jumalateenistusele, siis, kooskõlas varem välja pakutud Kirilli-Methodiuse õpetussõnade identifitseerimise metoodikale, peab vanimat käsitletava teose slaavi versiooni tunnustama kui Thessaloniki vendade ajastust pärinevat.

Наталья Алексеевна Нечунаева
Таллинский университет,
Академия МВД Эстонии

РУКОПИСЬ МИНЕИ СОФ. 203 XII в. ИЗ СОБРАНИЯ РНБ КАК ТЕКСТ И СПИСОК

Гимнография – Минея – рукопись – список – устав – состав рукописи – структура текста – языковые разночтения

Гимнографические источники сыграли важную роль в становлении и развитии славянского языка и культуры в ареале Slavia Orthodoxa. Вычленение из круга гимнографических памятников рукописей разного типа и определение их роли в истории языка в качестве неотъемлемого его компонента является важной исследовательской задачей современной диахронической лингвистики. Язык переводной книжности, повлиявший на становление норм русского литературного языка на всех уровнях и на становление правил организации текста, дает прекрасную возможность для изучения глубинных процессов дихотомии «свое – чужое» в языке и усвоение «чужого» как одного из компонентов «своего».

Минея вместе с Триодью и Октоихом образует корпус гимнографических книг. Минея состоит из изменяемых песнопений неподвижного годового круга православной церкви и содержит расположенные по месяцам последования на каждый день года в честь святых и праздников. Научная проблематика, связанная с изучением гимнографических текстов как особых источников достаточно многообразна. В истории русского языка гимнография была проводником византийской культуры, явившись богатейшим источником по истории богослужения, агиографии, теории и технике перевода, древним славянским языкам на любом уровне — от фонетики до стилистики. В то же время литургический текст для современного человека часто является «закрытым».

Обсуждение сложной научной проблемы — содержательной стороны гимнографии, особенно на материале недостаточно исследованных средневековых рукописей, — вызывает живой интерес в кругах специалистов. Корпус гимнографических книг — Триоди, Минеи и Октоиха,

относящихся к начальному периоду славянской письменности, — долгое время оставался мало изученным с понятийной точки зрения. Свидетельство тому — редкое использование цитат из гимнографических книг в словарях древнерусского языка. Хотя в последнее время это ситуация стала меняться в связи с публикацией в разных формах рукописей Минеи и Триоди. Появилось немало исследований разного типа гимнографических книг, в т.ч. и исследований их понятийной стороны: работы Е.М. Верещагина, В.Б. Крысько, В.А. Баранова М.А. Моминой, Н. Трунте (см.: Верещагин 2006; Крысько 2005; Баранов, Марков 2003; Момина, Трунте 2004) Изучение особенностей языка в совокупности с учетом богословского основания содержательного аспекта дополняет исследования по семантике и символике слова в древних рукописях, о его образно-поэтическом употреблении, о соотношении слова и текста.

Язык гимнографических текстов относится к книжно-славянскому типу древнерусского литературного языка. Одной из проблем изучения языка гимнографии становится исследование закономерностей нормативного словоупотребления, связанного не только с конкретным списком, но и типом текста, реализованного в данном списке. Сложность изучения лексики в многосписочном памятнике традиционного содержания определяется большим количеством вариантов в списках. Причины могут быть различными: территориальная и временная принадлежность списка, изменение значения слова, обусловленное развитием лексической системы языка; индивидуальное употребление лексемы, принцип перевода — «свободный» или максимально приближенный к оригиналу. Важно, что варьирование является приметой лексической системы языка памятников традиционного содержания, при этом не происходит разрушение текста во времени и сохраняется возможность его прочтения и понимания спустя тысячелетие. Поэтому понимание текста является необходимой задачей любого исследования. Анализ текста Минеи как типа книги и слова в тексте неразрывно связан с анализом конкретного списка и слова в списке. Но первым этапом исследования становится лингво-текстологическое описание рукописи. Оно позволяет вписать список в общую типологию текста Минеи или Триоди и проследить специфические особенности анализируемой рукописи.

Минея в силу своей конфессиональной принадлежности относится к числу самых распространенных текстов в славянском ареале XI–XIV вв. По количеству сохранившихся рукописей этого периода Минея занимает второе место после «Евангелия». В «Сводном ката-

логе славяно-русских рукописей XI–XIII вв.» (СК 1984) учтено 494 рукописи: из них 131 список «Евангелия» и 68 списков Минеи, 29 списков Трюди, 14 списков Октоиха. Благодаря современным компьютерным технологиям, списки Минеи из труднодоступных источников перешли в разряд представленных не только в печатном варианте, но и в интернете (Манускрипт 2004–2011).

Славянская служебная Минея на май сохранилась в наибольшем количестве списков. Согласно «Сводному каталогу», до нас дошли 11 списков XI–XIV вв. Памятник имеет интернет-версию электронного многотекстового издания (<http://manuscripts.ru/>). В ней представлены древнерусские списки майской Минеи, включающие пять рукописей XI–XIII вв.: 1) Служебная Минея на май («Путятин Минея»), XI в. (РНБ Соф. 202; СК 1984, № 21); 2) Служебная Минея на май, XII в. (ГИМ Син. 166; СК 1984, № 89); 3) Служебная Минея на май, XII в. (РНБ Соф. 203; СК 1984, № 90); 4) служебная Минея на май, XIII в. (РНБ Соф. 204; СК 1984, № 282); 5) Праздничная Минея (служебная на май), кон. XII–нач. XIII вв. (РНБ Ф.п.1.25; СК 1984, № 156). Первая публикация этой/ последней рукописи была осуществлена в 2001 году (2). В «Сводном каталоге» и в каталоге РНБ рукопись имеет другой шифр Q.п. 1.25.

В кругу списков Минеи студийского типа один из самых интересных — список майской Минеи Соф. 203 XII в. из рукописного собрания РНБ (СК 1984, № 90). Древнерусский список Минеи служебной, май XII Соф. 203 написан уставом на 136 пергаменных листах в четверку. Текст рукописи поврежден мышами, проеден насекомыми, частично стерся, размыт, некоторые листы выпадают, есть утраты листов в середине. На первом листе имеется запись скорописью XVII в. «*Книга Блговѣстническаго мѣстра*», на обороте первого листа помещены обрывки молитвы и пробы пера. На 1-м, 10-м, 20-м листах имеются пометы 1855 г. о принадлежности рукописи новгородскому Софийскому собору. Рукопись содержит службы на 1–31 мая. Однако утрачены: 49-й и 50-й листы в службе 10 мая; 49-й лист/об. конец стихир Симону Зилоту; 50-й лист, начиная с 4-й песни канона ему же; между 129-м и 130-м листами, в службе 20 мая; 129-й лист конец. 1-й песни канона мученице Феодосии, 130-й лист, начиная с богородична 3-й песни канона Исааку исповеднику, 31 мая.

Список не опубликован в печатном варианте, однако его электронная версия находится на указанном выше сайте. Список так-

же использован в качестве параллельного текста в двух публикациях «Путятиной Миней» XI в., осуществленных в Америке (Страхов 1990–2008) и в Москве (Щеголева 2001). Рукопись послужила источником материала для трех наших публикаций (Нечунаева 1993, 188–198; 2000; 2010, 850–851).

Список Соф.203 представлен в описаниях рукописных источников РНБ:

- И.К. Куприянов. *Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки*. Т. VI, вып. 1. С.-Петербург, 1857, с. 50–51 (публикация отрывка);
- И.И. Срезневский. *Древние памятники русского письма и языка*. Изд. 2. С.-Петербург, 1898, стб. 77;
- Сергей, архиепископ 1901. *Полный месяцеслов Востока*. Т. I. Восточная агиология. Владимир, 1901, с. 211–212;
- Н.В. Волков. *Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. и их указатель*. С.-Петербург, 1897, с. 66;
- Е.Э. Гранстрем. 1953. *Описание русских и славянских пергаменных рукописей (ГПБ)*. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Ленинград, 1953, с. 20 (публикация записи).

Традиционно минейные списки XI–XIV вв. доходили до исследователей и читателей благодаря словарям. Уже И.И. Срезневский включил 25 минейных списков в число источников «Материалов для словаря древнерусского языка». Но среди этих источников его словаря нет рукописи Соф. 203. СДРЯ XI–XIV вв расширил список минейных источников, но список Соф. 203 в этом перечне тоже отсутствует.

Типологически списки Миней подразделяются на 3 типа: архаичный, студийский, иерусалимский с подразделениями на ранний иерусалимский и классический иерусалимский. В основе классификации лежит текстологическая типология списков — набор памятней и структура службы в соответствии с тем или иным уставом, а также языковые чтения параллельных мест текста. Количество рукописей по типам распределяется неравномерно — это связано с сохранностью списков и распространённостью самого типа текста.

Архаичному типу соответствуют всего 10 древнерусских, южнославянских и греческих списков (Нечунаева 2008, 9–23). Достаточно многочисленны списки второго типа — их более 60 по «Сводному каталогу». Они следуют студийскому уставу и относятся к типу гимнографических книг, сложившемуся на Руси во второй половине XI в. в результате правки по оригиналу. Нормативный аспект этих списков связан с тем, что редакторы-перепис-

чики стремились быть как можно ближе к первоисточнику и допускали наименьшее количество расхождений с ним. Такой текст считался образцовым. При всем своем единстве эти списки все же дают некоторое разнообразие, как в текстологии, так и в языковых чтениях.

Списки раннего иерусалимского типа представлены также ограниченным количеством текстов. Среди майских миней нам известны 3 списка этого типа XIV в. Это списки T.112 и T.114 из коллекции РГАДА и список 15462 из собрания Ярославского музея. Классический иерусалимский тип представлен большим количеством списков, число которых не установлено, так как списки X–XVII вв. не всегда внесены в изданные каталоги. Примером списков такого типа являются рукописи из собрания Кирилло-Белозерского монастыря и Печерского монастыря.

Совершенствуется методика исследования списков Минеи. Сама возможность сравнения типов и версий памятника подсказана реальным увеличением состава и структуры одного и того же текста, что хорошо соответствует общему принципу средневековой работы с текстом, который увеличивается в версиях как состав, но сохраняет единство как текст. При исследовании многосписочных гимнографических памятников в отношении их структуры, состава и языковых разночтений наиболее эффективным является комплексный метод, направленный на привлечение максимально возможного количества списков. Для майской Минеи — это 11 списков XI–XIII вв. и 6 типовых списков XIV в. Изучение миней XI–XIV вв. проводится синхронно и диахронно. Синхронное изучение необходимо для выявления характеристик, общих для всех рукописей названного периода и специфичных, для каждой в отдельности — в данном случае для Соф. 203. Диахронное изучение нужно для определения динамики развития Минеи как типа книги в рамках рассматриваемого периода (установление типологии рукописей, связь с уставом). Рассматривая движение текста в диахронии, внутритекстовое варьирование разных языковых единиц, процессы «свертывания» и «развертывания» значений многомерного смысла, можно выявить новые нюансы значений, связанные с принципами перевода. Отсюда варьирование в старших списках Минеи и стабильность текста в поздних рукописях.

По данным «Сводного каталога рукописей XI–XIII вв.», хронологически среди майских Миней списку Соф. 203 предшествует «Пу-

тятина Миней», относящаяся к архаичному типу, и список Син. 166 XII в., входящий в круг студийских миней.

Состав памятей — один из ведущих текстологических признаков списка. Список Соф. 203 имеет текстологические особенности, связанные с набором памятей. Специфика календаря списка заключается в том, что он отличается как от календаря «Путятиной Миней», так и от списков студийского типа, совпадающих с ним хронологически. Так, 4 мая служба св. Никите отсутствует в архаичных и студийских списках. Она отмечается в иерусалимских списках, но под 28-м мая. Аналогично 13 мая служба св. Гликерии, кроме Соф. 203, имеется в иерусалимских списках обоих подтипов. 15 мая память св. Пахомию соответствует ее местоположению в списках иерусалимского типа. Таким образом, в списке Соф. 203 отмечаются текстологические признаки списков, следующих иерусалимскому уставу и получивших распространение на Руси с конца XIV — начала XV вв. В оригинале появление списков иерусалимского типа датируют XII в. Самое раннее следование иерусалимского устава в списках майских Миней, судя по составу памятей, отражено в списке XII в. Соф. 203, т.е. почти одновременно с греческими списками.

Структура текста — второй важный текстологический признак. Структура текста Соф. 203 полностью совпадает со структурой текста в студийских списках: канон следует после малых песнопений — седална и стихирь (в архаичном типе порядок обратный). Однако кондак может быть помещен по порядку следования службы после 6-й песни канона (24 мая, св. Симон) так, как это и положено по иерусалимскому уставу. Такое местоположение кондака в тексте свидетельствует о том, что уже самые старшие списки могли иметь не только жанровую структуру, но и в структуре текста отражать порядок следования песнопений при службе.

Список Соф. 203, имеющий особенности состава, обладает некоторой спецификой в языковых чтениях. Отмечены лексические варианты, отличающие текст Соф. 203 от текста списков всех типов: **силоу прѣпоасаѡса** (Соф.203) — **крѣпостию прѣпоасаѡнъ**; **женихъ красныи** (Соф.203) — **женихъ багѡлѣпнѣ**.

Чтения в Соф. 203 могут совпадать с чтениями в «Путятиной Минее» и отличаться от остальных студийских списков: **прѣѣта сѣца твоего овра** (Соф.203, ПМ) — **чистааго сѣрдьца твоеаго славыне** (студийский тип). В таком совпадении чтений отражается момент стабилизации

текста Соф. 203 по тексту-предшественнику, зафиксированному в «Путятиной Минее». Студийские же списки имеют какой-то другой образец, на который и ориентируются. Вариант в остальных студийских списках появляется при справе и дает стабилизацию уже по тексту-оригиналу.

Синтагматическое варьирование и обратный порядок слов в словосочетании **моудрость неевѣрънжѣ** (ПМ, Соф. 203) – **невѣръныи съмысль** (студийские списки) свидетельствует об архаичности перевода в «Путятиной Минее» и Соф.203: выражено по-славянски, а не по-гречески. Прямой порядок слов во всех списках студийского типа отражает греческий текст τὸ ἄπιστεον. В списках иерусалимского типа зафиксирован словообразовательный вариант **мѣдрование** (РНБ Кир/ Белоз.361/618). В славянском варьировании **моудрость неевѣрънжѣ** – **невѣръныи съмысль** хорошо прослеживается путь, по которому шли редакторы-переводчики минейного текста, — настойчивое приближение к оригиналу по принципу максимального соответствия оригиналу, выразившегося в методе пословного перевода.

«Путятина Минейя» и Соф.203 более свободны в переводе и так же, как и «Ильина книга», являются «памятниками неконтролированного, т.е. не подлежащего исправлению по греческим образцам славянского минейного текста» (Верещагин, Крысько 1999, 3–26).

Вариативные чтения в списке Соф. 203 отражают некоторые тенденции, обычно связанные с иерусалимским типом, напр., реставрацию грецизмов в тексте: **олѣмь** вместо **масломь** и замены немаркированных лексем на лексемы с неполногласием: **глы вѣръны** (Соф.203) – **глаголы благоуствивыа** (иерусалимский тип). Новые ориентиры в тексте, обычно связанные со вторым южнославянским влиянием, явно не укладываются в принятые хронологические рамки данного явления. Начало процесса обычно связывают с концом XIV в. Список Соф. 203 XII в. свидетельствует о более ранних возможностях проявления второго южнославянского влияния. Однако структура текста оказывается более значимым показателем, чем состав. Как бы список Соф. 203 ни тяготел по составу то к архаичному типу, то к иерусалимскому, все же он относится к спискам студийского типа по расположению песнопений и языковым чтениям, в большинстве случаев, соотносенных с чтениями в типовых студийских списках: **зѣлок беззаконник** (архаичный тип) – **злооумник** (Соф. 203, студийский тип) – **злооумыслеение/ злобѣ** (иерусалимский тип)

Список Соф. 203 показывает, что в пределах большого массива однотипных списков возможно существование нестандартного подтипа, особенно в момент начального этапа sprawy. Аналогичная закономерность проявилась в момент появления древнейших рукописей — «Путятина Минея», старший список, отличается от всего корпуса других списков Минеи по тем же показателям: составу, структуре текста и лингвистическим особенностям. Таким же своеобразием отличаются списки так наз. раннего иерусалимского типа XIII–XIV вв. Они не ориентированы полностью на студийские образцы, так как имеют порядок следования песнопений по иерусалимскому уставу, имеют особые лексические чтения, но сохраняют состав текста, соответствующий студийскому уставу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Рукописные хранилища

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

2. Источники

РНБ Соф. 202 — Минея служебная, май («Путятина Минея»), XI в.

РНБ Соф. 203 — Минея служебная, май, XII в.

РНБ Соф. 204 — Минея служебная, май, XII в.

РНБ Q. п. I.25 — Минея праздничная, май, конца XII – начала XIII вв.

РНБ Кир/Белоз.361/618 — Минея служебная, май, начало XVI в.

ГИМ Син. 166 — Минея служебная, май, XII в.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов, Марков 2003 — *Путятина минея. Текст, исследования, указатели*. Изд. подг. В. Баранов, В. Марков. Ижевск, 2003.

Верещагин 2006 — *Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-статическое издание источника с филолого-богословским комментарием*. Подготовил Е.М. Верещагин. Москва, 2006.

Верещагин, Крысько 1999 — Е.М. Верещагин, В.Б. Крысько. *Наблюдения над языком, текстом невмами архаичного источника — Ильиной книги*. Вопросы языкознания, Москва, 1999, № 2, с. 3–26.

- Крысько 2005 — Ильина книга. *Рукопись РГАДА, Тип. 131*. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. Москва, 2005.
- Момина, Трунте 2004 — *Triodion und Pentekostarion: nach slavischen Handschriften des 11–14 Jahrhunderts*. Hg. M.A. Momina und N. Trunte. Pabernborn. 2004. Internet/ Веб-ресурс: www.schoening.de.
- Манускрипт 2004–2011 — *Манускрипт. Древние славянские памятники. 2004–2011*. Веб-ресурс: <http://manuscripts.ru>.
- Нечунаева 1993 — Н.А. Нечунаева. *Минейный список XII в. на фоне синхронных древнерусских текстов* Проблемы исторического языкознания. Русский язык донационального периода. С.-Петербург, 1993, с. 188–198.
- Нечунаева 2000 — Н.А. Нечунаева *Минея как тип славяно-греческого средневекового текста*. Tallinn, 2000.
- Нечунаева 2008 — Н.А. Нечунаева *Минея: история текста и списков XI–XIV вв.* Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008, с. 9–23.
- Нечунаева 2010 — Н.А. Нечунаева *Минея: типология текстов и список Соф. 203 XII в. из собрания РНБ*. Русский язык: исторические судьбы и современность (V Международный конгресс исследователей русского языка). Москва, 2010, с. 850–851.
- СДРЯ 1988, 2001 — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. I. Гл. ред. Р. И. Аванесов. Москва, 1988; Т. VI. Гл. ред. И. С. Улуканов. Москва, 2001.
- СК 1984 — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва, 1984.
- Страхов 1990–2008 — *Путь Минея на май*. (Подготовка текста и параллели М.Ф. Мурьянова; ред., пред. и комм. А.Б. Страхова). Palaeoslavica VI–VIII, Cambridge – Massachusetts, 1998–2000.
- Щеголева 2001 — Л.И. Щеголева. *Путь Минея (XI век) в круге текстов и толкований*. Москва, 2001.

**N. Netšunajeva. Menea Sof. 203 (XII sajand)
Vene Rahvusraamatukogu kogust kui tekst ja käsikiri**

Artiklis kirjeldatakse Meneat — vanaslaavi hümnograafist kiriklikku teksti. Teksti esimesed tõlked on tehtud kreeke keelest Kirill ja Methodiuse ajastul. Rakendades lingvotekstoloogilist analüüsimeetodit, tehakse kindlaks lingvotekstoloogiline tüpoloogia ja keelevariantide iseärasused. Toetudes nendele omadustele näidatakse käsikirja Sof. 203 keelelist omapära.

III. МИКРОЯЗЫКИ СОВРЕМЕННОЙ СЛАВИИ: (СОЦИО)ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Джон Данн/ John Dunn
University of Glasgow/ Bologna

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И «ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ»

Совет Европы – региональные языки и языки меньшинств – лингвистическая карта Европы

«Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств» (далее — Хартия) была принята Советом Европы 25 июня 1992 г., а вступила в силу 1 марта 1998 г., когда ее ратифицировало 5-е по счету государство. Ситуация на октябрь 2010 г. такова: процесс ратификации завершён в 25 странах; 8 стран подписали Хартию, но еще не ратифицировали ее; 14 стран-членов Совета Европы не подписали ее. К Хартии могут присоединяться государства, которые не являются членами Совета Европы (в эту категорию входит Белоруссия), но на данный момент нет ни одной такой страны, которая бы решилась на такой шаг¹.

Если сосредоточить внимание на тех странах, где говорят или предположительно говорят хотя бы на одном славянском языке, получится такая картина: ратифицировали Хартию Австрия, Армения, Босния и Герцеговина², Венгрия, Германия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия. Следующие страны подписали, но еще не ратифицировали Хартию (в скобках дан год подписания): Азербайджан (2001), Италия (2000), Македония (1996), Молдавия (2002), Россия (2001). Наконец, в группу стран, еще не подписавших Хартию, входят Албания, Болгария, Греция, Грузия, Латвия, Литва, Эстония.

Когда страна ратифицирует Хартию, она одновременно составляет и так наз. декларацию, в которой указываются те языки, на которые распро-

страняется Хартия, и тот уровень поддержки, который будет оказываться тому или иному языку. Есть два уровня поддержки: первый — это когда страна делает общую декларацию о том, что будет применять принципиальные положения Хартии в отношении того или иного языка, а второй — это когда страна принимает на себя специфические обязательства, касающиеся употребления того или иного языка в целом ряде сфер деятельности (образование, судебная система, административная система и государственные службы, СМИ, культурные мероприятия и объекты, экономическая и социальная жизнь)³. Важно здесь отметить, что целью Хартии является сохранение и поддержка самих языков, а не соблюдение прав национальных меньшинств; последним вопросом занимаются другие институты Совета Европы.

Через три года после ратификации начинается процесс мониторинга: каждая страна составляет отчет о работе по выполнению обязательств, принятых в ратификации, и эта работа оценивается экспертной комиссией. Процесс мониторинга, который повторяется каждые три года, завершается составлением списка официальных рекомендаций, который провозглашает Комитет министров Совета Европы. Некоторые страны, напр., Венгрия или Хорватия, проходят или уже прошли 4-й цикл мониторинга, но большинство стран Центральной и Восточной Европы находятся на начальном этапе: Сербия, Украина, Черногория и Чехия прошли только первый цикл, а страны, присоединившиеся к «Хартии» лишь в последние годы (Польша, Румыния), только начали его. После завершения каждого цикла все документы публикуются на сайте Хартии.

Вопрос о том, как функционирует (или не функционирует) Хартия в отношении славянских литературных микроязыков, рассматривался С. Густавссоном (Gustavsson 2006, 82–101; 2008, 54–62). Здесь внимание сосредоточивается на более общей проблематике, связанной с самим существованием Хартии и с применением ее принципов в тех странах и регионах, где говорят на славянских языках. При этом нельзя пройти мимо работы тех ученых, которые вместе с проф. А.Д. Дуличенко занимаются славянскими литературными микроязыками и, в частности, докладов, опубликованных в двух сборниках серии «*Slavica Tartuensia*» (*Slavica Tartuensia* VII, 2006; VIII, 2008).

Первые вопросы возникают уже в связи с самим процессом присоединения к Хартии. Оказывается, что 7 стран, принадлежащих или потенциально принадлежащих к «славянскому миру», не подписали

Хартию, а остальные 5 стран подписали ее, но еще не завершали процесс ратификации. К тому же, как видно из второго абзаца этой статьи, в некоторых странах процесс ратификации по той или иной причине затягивается на годы. Особенно любопытна ситуация в Италии, где законопроект о ратификации Хартии был одобрен нижней палатой парламента (*Camera dei deputati*) уже в 2003 г.⁴

Заметно, что особые проблемы с подписанием и с ратификацией Хартии возникают в трех регионах Европы, а именно: в Закавказье, в южной части Балканского полуострова и в странах Балтии. Как известно, во всех этих регионах существует сложная и иногда напряженная ситуация вокруг идентификации и определения статуса групп, которые могли бы попасть в сферу применения Хартии. Скорее всего Хартия сама по себе не может принести благо, где ее не существует; наоборот, она может быть задействована только тогда, когда уже проделаны основательные работы по определению и выяснению статуса региональных языков и языков меньшинств. И, действительно, в некоторых случаях Хартия является дополнением к уже существующим законам о языках меньшинств: в Италии, где процесс ратификации еще не завершен, закон об охране исторических языковых меньшинств существует с 1999 г.⁵

Из 26 деклараций, опубликованных на сайте Совета Европы⁶, 12 упоминают хотя бы один славянский язык. Общее количество славянских языков, упомянутых в этих декларациях, равняется 19: белорусский (Польша, Украина), болгарский (Румыния, Сербия, Словакия, Украина), боснийский (Сербия), верхнелужицкий (Германия [Саксония]), градищанско-хорватский (Австрия [Бургенланд]), кашубский (Польша), лемковский (Польша), македонский (Босния и Герцеговина, Румыния), нижнелужицкий (Германия [Бранденбург]), польский (Босния и Герцеговина, Румыния, Словакия, Украина, Чехия — в некоторых регионах), русинский (Босния и Герцеговина, Румыния, Сербия, Словакия, Хорватия), русский (Армения, Польша, Румыния, Украина), сербский (Венгрия, Хорватия, Румыния), словацкий (Австрия [Вена], Босния и Герцеговина, Венгрия, Польша, Румыния, Сербия, Украина, Хорватия, Чехия), словенский (Австрия — 2 региона, Босния и Герцеговина, Венгрия), украинский (Босния и Герцеговина, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Хорватия), хорватский (Венгрия, Румыния, Сербия, Словакия), черногорский (Босния и Герцеговина), чешский (Австрия [Вена], Босния и Герцеговина,

на, Польша, Румыния, Словакия, Хорватия). Язык-чемпион по количеству упоминаний — это словацкий, который фигурирует в 9 разных декларациях. Страна-чемпион по количеству славянских языков, упомянутых в ее декларации, — Румыния: там, оказывается, говорят на 10 славянских языках.

Частичное объяснение того, что общее количество языков достигает 19, находится в том, что в декларациях ряда стран явно и недвусмысленно зафиксировано разложение бывшего сербско-хорватского языка на 5 отдельных языков: боснийский, сербский, хорватский, черногорский и градищанско-хорватский. Последний из этих языков заслуживает особого внимания: упоминание градищанско-хорватского языка (Burgenlandcroatian) в декларации Австрии (и ее языковая политика) дает официальное признание факту, что славянское население провинции Бургенланд считает себя хорватским, но в то же время язык, на котором говорит это население, и его постепенно формирующийся стандарт, отличается от стандартного хорватского языка, использующегося в самой Хорватии (Туған 2006, 122–137). Англоговорящие давно привыкли к тому, что их язык функционирует в нескольких общепризнанных вариантах, но существование двух официально признанных вариантов хорватского — это, кажется, уникальный случай среди славянских языков.

Градищанско-хорватский язык отражает и вторую тенденцию, приведшую к увеличению количества славянских языков. В первой статье Хартии эксплицитно выражено, что действие Хартии не распространяется на диалекты, но для ответа на вечный вопрос — где кончается язык и где начинается диалект — необходимо обратиться к «Пояснительному докладу» (см. примечание 3), где объясняется, что решение этого вопроса оставлено на усмотрение каждого отдельного государства «в рамках присущих ему демократических процедур» (статья 32).

На практике, оказывается, во многих странах преобладает либеральная тенденция, и многие «формы выражения» (= языковые образования)⁷, которые полвека назад принято было считать диалектами, теперь получили статус отдельного языка и впоследствии право на официальную поддержку со стороны того или иного государства. Эта тенденция, может быть, более заметна в отношении некоторых западноевропейских языков, но, помимо градищанско-хорватского, можно указать на присутствие обоих вариантов серболужицкого в

декларации Германии и на присутствие кашубского и лемковского в декларации Польши.

Тем не менее ситуация вокруг языков и диалектов неоднозначна. Декларация Польши подтверждает статус кашубского как отдельного языка, но демократические процедуры, присущие этой стране, привели к иному решению в отношении силезского, который не включен в список охраняемых языков, несмотря на то, что, согласно последней переписи населения Польши (2002), столько же людей (или чуть больше), сколько на кашубском, говорят дома на силезском⁸.

Возникают проблемы и с русинским языком, который упоминается в декларации 5 государств (Босния и Герцеговина, Румыния, Сербия, Словакия, Хорватия)⁹, но который отсутствует в декларации Украины, так как местные власти имеют иную точку зрения на статус этого языка (Gustavsson 2006, 86–87; Падяк 2006, 269, 279–283). В то же время не совсем ясно, как соотносится лемковский язык, упомянутый в польской декларации, с русинским. Возможно, что такие расхождения во мнениях и в языковой политике являются неизбежным последствием формулировки Хартии и «Пояснительного доклада»; в таком случае единственным механизмом, который мог бы содействовать выработке согласованной позиции по таким вопросам в соседствующих странах, может стать процесс мониторинга, но на данный момент неясно, насколько этот процесс будет эффективным. В отношении Украины недавно завершился первый цикл мониторинга: замечание в «Докладе» комитета экспертов о ситуации русинского выражено в максимально мягкой форме (Application 2010, 97)¹⁰, но оно тем не менее не соотносится с позитивным откликом со стороны украинских властей (Application 2010, 107).

Согласно первой статье Хартии, ее действие не распространяется и на язык мигрантов. В 31-ой статье «Пояснительного доклада» выясняется, что

«действие хартии не распространяется на группы выходцев из неевропейских стран, недавно приехавших в Европу и получивших гражданство того или иного европейского государства. Формулировки, использованные в Хартии, <...> ясно указывают на то, что Хартия охватывает только исторические языки, т.е. те, на которых в течение длительного периода говорят в данном государстве» (см. примечание 3).

Здесь явно просматривается западноевропейская ориентация Хартии: во Франции или Великобритании нетрудно при желании отграничить, допустим, бретонский от кабийского или валийский от языка панджаби. Но такая формулировка не учитывает ситуацию в тех странах, где демографические процессы, произошедшие за последние 100–150 лет, сделали термины «язык мигрантов» или «исторический язык» неоднозначными. Самым ярким примером проблемы, созданной вышеприведенной формулировкой, является положение русского языка в странах Балтии, где расплывчатость использованных терминов оставляет место для противоречивых выводов, осложняя тем самым процесс присоединения этих стран к Хартии.

По всей видимости, Хартия не может стать тем инструментом, который был бы способен решить сверхсложный и очень специфический вопрос о статусе русского языка в независимых странах бывшего Советского Союза. Этот вывод подтверждается ситуацией в Украине. Согласно 10-ой статье «Пояснительного доклада», «Хартия призвана защищать и поддерживать региональные языки и языки меньшинств как находящуюся под угрозой исчезновения часть культурного наследия Европы» (см. примечание 3), и тот аргумент, что русский язык не входит в категорию языков на грани исчезновения, используется украинским правительством в пререканиях с российской стороной по поводу языкового вопроса¹¹. Такое «минималистское» понимание целей Хартии вряд ли можно назвать бесспорным, но оно еще раз демонстрирует ограничения, присущие Хартии. Для решения вопроса о русском языке более значительную роль могли бы сыграть, скорее всего, другие инструменты Совета Европы, напр., те, которые относятся к правам самих меньшинств или к местному самоуправлению.

Подытоживая сказанное выше, можно сделать несколько общих выводов.

1. От того, что многие страны еще не подписали Хартию, а в некоторых процесс ратификации затягивается на годы, создается впечатление, что Хартия по региональным языкам или языкам меньшинств не является приоритетным направлением для работы Совета Европы; по-видимому, нет того желания оказывать давление на «трудные» страны, которое усматривается в других сферах работы Совета.

2. Хартия не может сама по себе оказаться той «волшебной палочкой», которая была бы способна решить все проблемы, связанные с региональными языками и языками меньшинств. Отсутствие консенсуса вокруг этой проблематики в некоторых странах и неоднозначность отдельных формулировок в самой Хартии создают условия, препятствующие эффективному применению в общем благодородных принципов, изложенных в этом документе.

3. Тем не менее там, где уже существует добрая воля, ратификация Хартии и процесс мониторинга действительно могут играть позитивную роль в решении ряда вопросов, имеющих отношение к статусу и употреблению региональных и миноритарных языков и содействовать их сохранению и развитию. В более общем плане Хартия помогает в созидании климата толерантности в отношении региональных языков и языков меньшинств по всему континенту.

4. Однако может быть, что самым важным и самым интересным эффектом Хартии окажется другое: в связанных с Хартией документах просматриваются значительные изменения в лингвистической географии Европы. Та новая карта, которая постепенно вырисовывается перед нами, изображает континент, где существует не 12, а 19 общепризнанных славянских языков; где в Румынии говорят не менее, чем на 10 разных славянских языках; где словацкий язык используется не только в Словакии, но еще в 9 странах; где есть не только отдельный хорватский язык, но и два признанных варианта этого языка. И за всеми этими языками закрепляется какой-то определенный статус, который может быть разным не только в разных странах, но и в различных регионах одной отдельно взятой страны. В силу новейших тенденций лингвистическая карта Старого континента не упрощается, а, наоборот, становится все пестрее и сложнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст Хартии и большой набор других документов, относящихся к ней (включая список стран, подписавших или ратифицировавших ее), см. на сайте: <http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/default_EN.asp?>. Официальный текст Хартии и «Пояснительного доклада» опубликован на английском и французском языках, но неофициальные переводы на целый ряд других языков можно найти здесь: <http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/textcharter/default_en.asp>.

- ² Босния и Герцеговина ратифицировала Хартию 21 сентября 2010 г., и она там вступит в силу только с 1 января 2011 г.
- ³ Здесь воспроизводится терминология русского перевода «Пояснительного доклада» о Хартии (<http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/text-charter/Charter/Charterexpl_rus.pdf>, ст. 44).
- ⁴ <http://www.camera.it/_dati/leg14/lavori/stenografici/framedinam.asp?sedpag=sed374/s000r.htm>.
- ⁵ *Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche* (<<http://www.camera.it/parlam/leggi/994821.htm>>). Соответствующий польский закон, вступивший в силу в 2005 г., см.: <http://www.mswia.gov.pl/portal/pl/178/2958/Ustawa_o_mniejszosciach_narodowych_i_etnicznych_oraz_o_jezyku_regionalnym.html>. Некоторые другие законы можно найти в оригинале и в английском переводе на сайте: <<http://www.minelres.lv/NationalLegislation/natleg.htm>>.
- ⁶ Тексты деклараций опубликованы только на английском и французском языках. Английский вариант деклараций см.: <<http://conventions.coe.int/treaty/Commun/ListeDeclarations.asp?NT=148&CM=1&DF=&CL=ENG&VL=1>>.
- ⁷ Здесь сохраняется тот перевод английской фразы «forms of expression», который употребляется в «Пояснительном докладе».
- ⁸ Точные цифры: 56 643 для силезского, а 52 665 для кашубского; результаты переписи 2002 г. см.: <http://www.stat.gov.pl/gus/5840_4520_PLK_HTML.htm>. Вопрос о статусе силезского поднимался во время дебатов в польском Сейме о ратификации Хартии (см.: <<http://orka.sejm.gov.pl/Biuletyn.nsf/31a5e0f7750d0317c1256b2900339858/91ef5473e7e9cbfac125703700431fa6?OpenDocument>>. О ситуации в Польше см. также: Hentschel 2000, 893–909; Czesak 2006, 360–385; Moser 2008, 123–153).
- ⁹ Здесь есть один терминологическое расхождение: в большинстве англоязычных деклараций русинский язык называется Ruthenian; однако в декларации Боснии и Герцеговины он почему-то называется Rysin [так!].
- ¹⁰ «Other languages are not mentioned in the instrument of ratification of Ukraine, but could nevertheless be covered by part II of the Charter, such as Armenian, Czech, Karaim, Krimchak, Romani, Ruthenian and Tatar» (Application 2010, 97).
- ¹¹ См.: <<http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/news/detail/9948.htm>>.

ЛИТЕРАТУРА

Падык 2006 — В.І. Падык. *Закарпатъе (Подкарпатская Русь): проблемы и особенности функционирования русинского литературного языка в контексте национального возрождения*. Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006, с. 265–284.

- Application 2010 — *Application of the Charter in Ukraine. Initial Monitoring Cycle*. Strasbourg, 2010. URL: <http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/default_en.asp>.
- Czesak 2006 — A. Czesak. *Góralski i śląski — mikrojęzyki in statu nascendi?* Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006, s. 360–385.
- Gustavsson 2006 — S. Gustavsson. *The Framework Convention for the Protection of National Minorities, The European Charter of Regional or Minority Languages, Euromosaic and the Slavic Literary Microlanguages*. Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006, p. 82–101.
- Gustavsson 2008 — S. Gustavsson. *Slavenski književni mikrojezici, regionalni jezici i manjinski jezici*. Slavica Tartuensia VIII. Tartu, 2008, s. 54–62.
- Hentschel 2000 — G. Hentschel. *Zum «sprachlichen Separatismus» im heutigen Polen — vergleichende Beobachtungen zum Schlesischen und Kaschubischen*. Lew N. Zybatow (Hrsg.). Sprachwandel in der Slavia. T. 2. Frankfurt-am-Main etc., 2000, S. 893–909.
- Moser 2008 — M. Moser. *Slavische Regional- und Minderheitensprachen auf dem Gebiet der Republik Polen*. Slavica Tartuensia VIII. Tartu, 2008, S. 123–153.
- Slavica Tartuensia VII — А.Д. Дуличенко и С. Густавссон (ред.). *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты*. Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006.
- Slavica Tartuensia VIII — А.Д. Дуличенко (ред.). *Славянское языкознание: покидая XX век*. Slavica Tartuensia VIII. Tartu, 2008.
- Tyran 2006 — K. Tyran. *Die Streit um die Standardsprache bei den Burgenländischen Kroaten*. Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006, S. 122–137.

J. Dunn. Slaavi keeled «Regionaal- või vähemuskeelte Euroopa harta»

Artiklis vaadeldakse «Regionaal- või vähemuskeelte Euroopa harta» tööd slaavi keelte suhtes. Tuginedes sellele, et mitmed riigid ei ole veel hartale alla kirjutanud ja/või seda ratifitseerinud, tehakse järeldus, et harta ei ole Euroopa Nõukogu prioriteetseks suunaks. Nendes riikides, kus juba eksisteerib hea tahe, võivad harta ning sellega kaasnev monitooringu protsess soodustada regionaalsete ja väikeste keelte olukorra paranemisele ning aidata tolerantse õhkkonna loomisel taoliste keelte suhtes. Samas on harta peamiseks efektiks Euroopa lingvistilise kaardi põhjalik muutmise: hartaga seotud dokumentidest saame üha uut informatsiooni slaavi keelte arvukuse ja nende jaotumuse kohta Vana Maailma riikides.

Александр Сергеевич Герд
Санкт-Петербургский государственный университет

МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

*Социолингвистика – проблема малых языков – распространение в Европе –
двуязычие – бикультурность*

Общее понятие «малые языки» (миноритарные языки) включает в себя как языки письменные, так и бесписьменные, как находящиеся на положении диалекта, так и обретшие официальный статус¹.

За последние годы немало докладов и статей посвящено проблеме отмирания языков. По данным ЮНЕСКО на 21 февраля 2009 г. («Международный день родного языка»), в мире насчитывается около 6 000 языков. При современных темпах языкового развития к концу XXI ст. около 2000 из них исчезнут. Однако здесь важнее не констатация этого прогноза, а скорее более внимательный анализ механизма функционирования и развития так наз. миноритарных, или малых, языков, функционирующих в разных этнолингвистических ситуациях. Одна из таких ситуаций — ситуация многоязычия.

Основная тенденция этнолингвистического развития большинства современных государств — это тенденция к полиэтничности и многоязычию. Абсолютное их большинство в той или иной мере заключают в себе разнородные компоненты и характеризуются тем самым двуязычием (билингвизмом). Это могут быть как народы, проживающие на данной территории с глубокой древности (русские и карелы), так и те, кто поселился здесь в более поздние эпохи (русские в Бурятии), а также переселенцы относительно недавнего времени (XIX–XX вв.), включая и большое число иммигрантов (французы, англичане в России XIX в., русские на Балканах, во Франции после 1917 г., народы Юго-Восточной Азии в Нидерландах или в Швеции, турки в современной Германии).

В Испании (население свыше 30 млн. чел.) государственный язык — испанский. Помимо этого, распространены: баскский — около 2 млн.,

каталонский (кастильский) — 7 млн., галисийский — 2 млн. 400 тыс. чел.

В Люксембурге свыше 360 тыс. чел. говорит на официальном государственном люксембургском языке; официальная деловая литература — на французском и немецком языках.

В Нидерландах (Голландии) (население свыше 15 млн. чел.) нидерландский — официальный язык. На фризском же языке во Фрисландии говорит около 400 тыс. чел.; на фризском говорят также в Германии.

В Финляндии (население свыше 5 млн. чел.) с 1919 г. официальные языки — финский и шведский; на саамском говорит 5700 чел.

Таким образом, отмеченные тенденции характерны для всех западноевропейских стран. К этому следует добавить, что во всех странах Западной Европы проживают миллионы иммигрантов из стран Азии и Африки.

В современной России насчитывается свыше 140 языков. Напр., только в Дагестане сегодня имеем письменные языки: аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, табасаранский, ногайский, татский, русский и около 20-ти бесписьменных языков.

Билингвизм — это способность человека к употреблению двух языков в зависимости от ситуации, обстановки. Напр., на работе, в официальной обстановке человек может пользоваться одним языком, а дома в семье, с друзьями говорить на другом. Так, сегодня, в начале XXI в., в Германии проживает около 4 млн. турок-мусульман, во Франции — около 5 млн. В России, по данным на 2010 г., официально пребывали 12 млн. иностранцев — большинство из бывших республик СССР и из КНР.

С отмеченной выше тенденцией к полиэтничности и многоязычию связана и следующая тенденция — к билингвизму и бикультуре. В ряде случаев билингвизм со временем приводит к бикультуре, т.е. к положению, когда человек постепенно начинает осознавать себя принадлежащим и к одной, и к другой культуре. Напр., носителями двух культур обычно являются потомки иммигрантов 1–2 поколения. В третьем и четвертом поколениях они обычно переходят к монокультуре языка страны постоянного проживания. При этом именно язык и религия нередко играют едва ли не основную роль в процессе становления бикультуры и перехода на новую монокультуру. Такова во многом бикультура карел, вепсов, ижорцев.

В первом поколении в семье обычно используются два, реже три языка обучения, дети — типичные билингвы от рождения. Став

взрослыми, они, в зависимости от среды, сохраняют еще элементы старой семейной монокультуры; их дети — внуки первого поколения — переходят к новой монокультуре. Чаще всего это монокультура престижной нации, государства проживания, включая смену вероисповедания, переход на социально престижный доминирующий язык, включение в инфраструктуру новой служебной карьеры. При этом носители бикультуры нередко становятся активными адептами, пропагандистами и идеологами новой монокультуры во всех областях жизни. Таковы были почти все немцы в России в XVIII–XIX вв. Сегодня таково третье поколение от 50-х годов XX в. турок — граждан Германии, считающих себя немцами и баллотирующихся в земельный парламент.

Смешанные браки и выбор языка обучения, на работе, с друзьями, дома, переход на другое вероисповедание — таковы основные черты этого процесса.

В качестве внешних проявлений бикультуры могут выступать родной язык в семье, ностальгия по традициям и обычаям отцов и дедов, борьба за возрождение родного языка, создание обществ и организаций по сохранению языка, фольклора и литературы. Билингвизм и бикультура — основные тенденции развития современных европейских государств и России.

Одной из основных тенденций языкового развития во многих странах является отход от родного языка и переход на другой, социально доминирующий государственный язык (русский в России, английский в США, французский — частично в Африке). Это именно та ситуация, о которой больше всего пишут сегодня. Часто в качестве причин этого явления называют глобализацию и урбанизацию. Однако одновременно, как мы покажем ниже, как раз в Африке, Юго-Восточной Азии — там, где урбанизация протекает гораздо более активно, чем в Европе, мы наблюдаем бурный рост новых миноритарных языков. Важным фактором отхода от родного языка является, конечно, политика государства. Такова была политика Советского Союза в отношении многих языков народов СССР. Такова политика Индонезии по утверждению индонезийского языка. Это же происходит и во многих других странах.

Проблема отхода от родного языка и перехода на доминирующий официальный язык многогранна. Это и численность этноса и компактность его проживания, и наличие письменности, и соотношение

культурных традиций. Напр., провансальский язык, обладающий богатой средневековой литературой, не без оснований заявляет о себе и сегодня, рядом с великим французским языком.

И едва ли не главное — каковы социальные перспективы для членов общества, говорящих на этом языке. Сюда относятся и наличие школ, газет, радио, телевидения, право выступать в государственных учреждениях и оформлять юридические документы, заявления, отчеты на родном языке. В конечном счете, эта, казалось бы, чисто этнографическая проблема перерастает в проблему прав языка и прав народа, на нем говорящего.

Установление и распределение государственного официального языка сразу же порождает эмоциональный вопрос о правах и возможностях других языков, в плане социальном — вопрос о правах народов, на них говорящих. Так возникает тревога за судьбу родных языков, начинается борьба за их спасение. Язык снова выступает как знак, как символ и знамя борьбы за сохранение и возрождение народа, своей культуры.

В таких языковых ситуациях нередко принимаются законы о языке. Однако закон о языке не должен быть мелочен и чересчур детализирован. В нем никогда невозможно предусмотреть все случаи и ситуации использования языка в обществе. В принципе закон о языке только регулирует *status quo*, т. е. уже сложившуюся в стране языковую ситуацию. Он не должен разделять общество и порождать социализацию и межнациональную напряженность. Закон о языке должен заключать в себе допуски к компромиссам и уточнениям отдельных его положений. Любые постановления по таким законам должны предусматривать период длительной проверки действительности и результативности применения таких законов в жизни.

Слова языка — не серия новых марок машин или станков, предназначенных к выпуску к определенной дате. От закона о языке нельзя ждать скорых или мгновенных результатов. Язык — это неотъемлемая часть биологического сознания, психологии, души человека, и любой закон о языке должен предусматривать длительный период психологической и языковой адаптации человека, индивида к его положениям. Сюда же примыкают такие документы, как «Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств» (1992), и различные целевые программы по функционированию местных языков и изучению государственного языка. Но надо чест-

но посмотреть правде в глаза и вспомнить то, о чем писал В.П. Берков: «У значительной части малых народов <...> отчетливо проявляется сознательное стремление к языковой ассимиляции».

Примеры подобной тенденции нетрудно найти не только в России, США и Канаде, но и в Европе. И здесь одним из вечных дискуссионных вопросов государственной этноязыковой политики остается вопрос: все ли местные языки надо развивать и как, и в какой степени. С точки зрения государственной, экономической и чисто финансовой этот вопрос не может быть снят с повестки дня. В любом случае языковая политика тесно переплетается с политикой внутренней, государственной и требует больших знаний, внимания, осторожности, деликатности и такта.

По возможности надо создавать все условия для свободного и равноправного функционирования современного живого языка, дать возможность ему развиваться, проявить себя, закрепиться в любых языковых состояниях и в любых ситуациях (семья, быт, газета, радио, телевидение, художественная литература, официально-деловая сфера, обучение в школе), в ряде случаев и типов ситуаций обеспечить преимущественное приоритетное развитие государственного языка.

В языковой политике следует весьма осторожно ориентироваться на историю, так как, как справедливо отмечал еще Ф. де Соссюр, для говорящих на языке существует только одна перспектива — настоящее употребление языка, они не знают прошлого и не думают о будущем языка. В вопросах языковой политики нельзя опираться на чувства, эмоции, а только на реальные факты живого функционирования языка.

В расширении сферы использования и применения того или иного языка особое место занимает фактор социальной перспективы, выступающий в качестве регулятора языкового развития. А это — ответ на такие вопросы, как «куда идти после школы? кем быть? где учиться, работать? каковы перспективы получения той или иной должности, личной карьеры? каков набор профессий и специальностей, предлагаемый страной, республикой и за ее пределами?»

Таким образом, язык вновь выступает как знак, как символ, но теперь уже как социальный фактор личного и социального благополучия, притяжения к престижным в мире областям науки, техники, культуры.

Однако наряду с отмиранием языков, с переходом на доминирующий в государстве официальный язык в разных районах мира наблюдается и противоположная тенденция — ревитализация, рост и активизация миноритарных и региональных языков. Приведем примеры.

В Испании официально признаны не только баскский и каталонский, но и галисийский, астурийский, окситанский.

Мирандезе — новый миноритарный язык на северо-востоке Португалии (на границе с Испанией). Официальный статус получил в 1998 г. (15 тыс. говорящих).

Во Франции все выше «поднимают голову» корсиканский, бретонский и снова язык старой культуры — провансальский.

Язык вальзаров в Австрии — около 14 тыс. говорящих.

В бывшей Югославии на глазах утверждаются боснийский, черногорский.

В Бельгии, наряду с французским и фламандским (нидерландским), признан валлонский язык.

В Южно-Африканской республике по конституции 1994 г. официальными языками признаны не только африкаанс и английский, но и еще 9 языков. В таких странах, как Индонезия, Филиппины, с каждым днем все сильнее движения за эмансипацию и официальное признание множества местных островных, региональных языков наряду с избранным официальным (индонезийский, тагальский).

Более чем 200 лет насчитывает история прекмурско-словенского литературного языка (переводы «Библии», церковные тексты, печать).

На Украине, в Карпатах и Закарпатье, проживают не только венгры, румыны, словаки, но и гуцулы, бойки (верховинцы), лемки, русины. Русины Украины в последнее время все активнее требуют официального признания своего языка; у лемков выходит газета «Лемки Карпат», функционируют общества лемков во Львове и Тернополе. По всей Украине быстро и активно формируется новый язык-посредник — суржик.

В Польше активно начинает развиваться кашубский язык.

Параллельно идет отмирание не только языков, но и диалектов крупных языков (русский, английский, французский), но они трансформируются другими путями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закономерности развития малых славянских литературных языков (микроязыков) столь детально рассмотрены в работах А.Д. Дуличенко, что

вряд ли я смог бы что-либо еще добавить. См. список трудов А.Д. Дуличенко: Р. Э. Романчик. *Ординарный профессор А.Д. Дуличенко*. Биобиблиография. Тарту, 2006.

A. Gerd. Väikesed keeled kaasaegse etnokeelelise arengu tendentside valguses

Vaadeldakse kaasaegse Euroopa väikeste keelte sotsiolingvistikilisi aspekte: levikut, kasutust jne. Erilist tähelepanu pööratakse kakskeelsuse probleemidele mikrokeeli emakeelena kõnelevatel inimestel ning samuti ka bikultuursusele.

Юлиан Тамаш

**Університет у Новим Садзе, Одзелєнє за русинистику
Войводянска академия наукх и уметносцох, Нови Сад**

ПОЕТИКА И ИНДИВИДУАЛНИ РОЗЛИКИ ГЕНЕРАЦІЙ (ОДВИТ НА ПИТАНЄ «ЧИЙО ВИ ДЗЕЦИ»)¹

Жридлова руска традиция – етаблована литературна традиция – маргинални групи – андерграунд – негативни категорії – зомби – гротеска – приватносц – универзални вислови – опозит надчловек/ сегинятко – опозит еротичносц/ религиозносц – женска «патетика розума»

1. Кедиш ше знало же «яки оец таки син», гоч перши тримал руки опрез бруха, а дуги за хрибтом. Знало ше и же «патри на мацер та виберай дзивку». Дзеци здавали на родичох, без огляду кельо им родичи були за пиху, потїху и уляд.

Нешка дзеци углавним не сцу здабац на родичох — єден з автентичних модерних мудерцох, Душко Радович, поручує родичом же «чим обачице же дзеци здабу на вас, почніце их биц», а други, Огден Неш, заключає же оец у фамелиї «найвекша домашня животиня — не сцу буц їх клони, бо «стари» то «маторци» и «ментоли» хтори вообщє не розумя цо живот и цо значи буц «ин» и «кул». У литератури, окреме рускей, доказує тота антология, то значи же *млади ані не знаю, ані не почитую жридлову руску традицию*, за хтору ше їх предходніки, од Гавриїла Костельника по Михала Рамача и Дюру Гардия, так чежко и корчовито борели же би ю стабилизowali.

Просто, не препознал сом ту заступеного поету лебо приповедача хтори здабе на «класикох» рускей литератури, але препознал сом зоз хторей сфери живота наставаю їх тексти и цо на нїх уплївовало. А *уплївовало углавним шицко цо не етаблована, офіційна, такволана озбиљна литература, ані руска, ані шветова*. По тим би аналитичар могол заключиц же тkv. озбиљну литературу млади ані не читаю; же слухаю рок, поп и панк, геви и хард, реп, патра филми, пестую жаргон и игнорую шицко цо препознаваю як надрилени авторитет. Софт и сентиш емоції, евергрин, не интерсую их и то вишмеюю. Їх швет

то швет маргиналних групох, дружтвеной периферії. У плітким чежко пренайск глібину, без огляду же гранічни ситуації, обовязна тема каждой литератури, як дакеди так нешка, не мож заобисц гоч би ше сцело. Бо кед их млади сцу обкероват, зоз рижними средствами з хторими ше забува а не проблематизує швет, гранічни ситуації и младих непогришно и незаобиходно здибаю. И кед не читаю озбиљну литературу, култивоване искуство викох, праве питанє чом пишу, чом маю потребу самовиражиц ше.

Чи то значи же не маю потребу за комуникацию и диялогом. Достаточни им монолог. Чи то можлїве, чи лем спрєводзка же человек дружтвєне ество; вон лем осамена душа запатрена до власней тілесносци. Человек лем физика. Зачувац того кус души у себе вещей не найважнейше.

Особнє, не верим же так. Кед би було так, тота генерация би не писала поезию, бо, прєшвєчени сом, зна же од поезії не мож жиц, алє пре поезию ест смисла и вредзи жиц. И после дваецц пятого року, як тоту гранїцу, не так давно, поставел Т.С. Елиот у култним есею *Традиция и индивидуални талант*. Ясне ми, у сущносци, же ше медзи мою и тоту генерацию не прєменєли ані природа, ані функционованє литератури. Прєменєли ше литературни конвенції и система вредносних ориєнтацийох. Прицисок егзистенції и исторії остали.

Ту ище єдна «квака». Їх побуна заш лем не нова. Франсоа Вийон им єдно з нашєных св. Августина з хторого и вони вирости гоч то и не знаю. И звук руского валаского соула, нигерского корєня у рускей верзії, уж зме чули у поезії джезисти Владимира Малацка. Падлаша. Конєчно, без огляду же Дюра Гарди звучи керєстурски и модерно, його римски корєні ані не застарєни а ані не у процивносци з вредносними ориєнтациями маргиналних групох. Його дистанца спрам етаблованих вредносцох нїч не менша од дистанци Славка Романа Ронда. О рускокерєстурским бєстиярию Юлиана Надя най не бєшєдуємє.

Уж описани одредніци цагаю на заключєнє же литература ту прєдставєной генерації єдна файта андєрграунд (поджємнєй) литератури. Специфичносц у тим же *андєрграунд* у узвичасним хаснованю урбани фєномен, а наша ситуация ище вшє прєважно валалска, рурална, гоч ше прєбиваю и урбани елєменти и ситуації. Вєљо подобного ест медзи жидовску и руску судьбу, кєљо и медзи амєри-

канску, нигерску и индиянску, з тим же у жидовской верзиі преживованя — у основи фарисейской — под зложенима мимикриями Жидом ше удало прежиц руценосц до урбаних условийох; Нигри остали розпяти; Индиянці не пережили урбанизацию.

Окремни феномен при найновшей генерації же вона хаснує тkv. *негативни катеторії*, оспорує етабловану литературну традицию, але не так як то описал В. Гуго. Фридрих кед структуру модерней лирики видзел як оспорйоване романтичарской литературней традиції. При нашей генерації ані не присутна свідомосц о Фридрихових негативних категорийох — гоч векшина модернистичних и авангардних рухох при розвитих национальних литературних традицийох то ясно виражує и практикує як вибор особних кельо и генераційних поетикох — гоч дехуманизация животного простору, цемносц бешеди, превелька асоціативна шлєбода итд. остали. У тей рускей генерації шицко ше случує стихийно, од индивидуального ришєня по гледанє намислом самого себе и власних нукашніх реперох. Могли бизме повесц же то блуканє през ноц, не знаючи кадзи ше идзе и цо ше сце. Ясне лєм цо ше не сце. А чим ше єство опера на то то цо не сце буц, не знаючи цо є або сце буц, результат крегки и з малим ступньом виталносци. Вельке питанє хто з тих цо прегварели останю поетове и после Елиотового дваецц пятого року, без огляду на наявєни неповторлївосци.

Так шицко зошицким остава тей генерації гледац себе без ясного реперу, попольньованє пражніни єства зоз сурогатами кедишней «твардей валути» тkv. озбільней литератури. Селєнє слова и смисла ~ безсмисла з цмоти до цмоти. Место читаня кнїжкох, у хторих ше мож врацац на пречитанє и ознова роздумовац о пречитаним, а кажде нове читанє иншаке дожице истого, маме конзумованє основних информацийох за хвильково практични потреби и тоти информацийі не уходза до основи креативного єства и не даваю нови несподзиваючи резултат. Єдна файта інтелектуалней и креативней рутини, без огляду кельо формуляция парадоксална, на ділу. З таким справованьом, та наволайме го и творчим у задатих условийох, писателе и вообще млади людзе, поставая єдна файта *зомбийох*, як цо то кажда програма, та и при мудрих машинах, дзе креативносц лимитована зоз саму програму. Творчосц заш лєм остава тим хтори програми креативних машинох обдумую и польня.

Індикативне же при младих людзох поезия премага. То лем еден з доказох же проза естетично зложенши феномен од поезії, та ше млади чежше опредзелюю за ню, без огляду же присутни гибридни, не тельо литературни, файти, кельо мишане литературних родох. Дахто тот родовски гибрид наволюе *проезия*. Факт же вон присутни у лей анализованей генераційней творчосци.

Гротеска, розкрок висших и нїзших пасмох човековой природи, незаобиходна и буквално нет автора хтори ю заобишол. Завиши яка литературна култура молодого поети, та длуство гротески заходзи по Гієронимуса Боша, лебо остава на ясним имитованю поетики Бори Джорджевича.

Цали час, при векшини поетох, преплета ше филозофски дискурс, опарти на дефиниції и становиска, зоз поетским, у основи з поетичними сликами. Познате же филозофове, кед им затаї систем логичних конструкційох, сцекаю до поетичней слики. Не меней познате же и поетски и прозни дискурс рахую зоз универзалними и партикулярними висловами. Лем то функціонує при майстрох литературного висловіюваня. При початнікох твор зохабя у єдним недефинованим просторе хтори збунює читача же цо би то мало буц — вецей не помага ані читачов смисел за цудзе становиско — але ані потенціал добрих поєдиносцох не приводзи по ясносц дожица текста. Смесел, и добре унапрямени, пресцерани з єдну файту недошлідносцох з оглядом на основну конструктивну идею текста.

Шицко цо висловюєм похопліве теоретичарови литературы, окреме знавцови креативного писаня. За початнікох би було нужне конкретизовац висловени становиска, але задати обим антології, та ані природа гоч хторей антології, то не дошлебодзую. Пост фестум мож то зробиц у єдним креативним литературним мигелю.

На ділу цали час потреба поетох самовиражиц ше, у смислу Сократового начала *спознай самого себе*. Виразиц власну неповторлівосц, достойну факта же Бог створел милиярди индивидуи и твари, але ані єдна не здабе на другу, окрема клонох. А клони умножоване истого, непродуктивне, ише меней креативне. Бог ше нігда не повторел. Не шме то ані писатель, млади чи стари, шицко єдно.

Млади ше углавним споведаю, виражую власну приватносц. И розвити писателе, з велїма насловами, углавним пишу єдну кнїжку, кнїжку власного искуства, без огляду на литературни файти хторим їх конкретни тексти припадаю и без огляду да наративни матрици чи

мимикрії з хторима приватносци пробую дац универзални значеня. Але вяза медзи особним, локалним и универзалним муши буц читліва. При тих поетох найчастейше страцена вяза медзи текстом и приватним примордиялним зародком з хторого почал роснуц текст. Можебуц то и найвекша слабосц тих текстох. Їх актуалносц и универзална резонанса часто зменшани прето же страцена вяза медзи «мачеру» и «дзецком», медзи универзалним и особним искуством, лебо є не досц ясно артикулована.

Часто ше пребива *опозит надчловека и сегинятка*, тих цо през живот себе зволую, найчастейше незаслужено, и тих цо церпя, тиж так найчастейше незаслужено. У тим швец вецей не важи християнска потіха же ше Христос обявює худобним и сегинятком, ані вредним, мудрим и чесним, але зме каждодньово у можлівосци перевіриц же зло, спреводзка и злодійство ефикаснейши од добра, чесци и самопожертвованя. Та як вец браніц простор чистоти, кед держава и дружтво тот простор не браня, питанє хторе не стабилизує поединца же би ше ориентовал согласно було яким вредносним орієнтиром окрем егоїстичних и безскрупулозних.

О отримованю дистанци спрам етаблованей литературней, рускей и шветовой, традиції бешедуєм цали час. Медзитим, традиції ніхто не вимкне, кед не пре инше а воно прето же без традиції не мож описац ані похопиц иновацию. Бо з нами не настава швет, без огляду кельо не сцеме ніч мац зоз задатима нам слабосцями швета у хторим жиєме. Паноцове ту можу швечиц о глібшей животней правди, а то же їх длужносц така як и писательова, старац ше о чесних хриистиянох кельо и о гришнікох и курвох, тілесних кельо и духовних. Нічия слабосц не моя добра прикмета. У литератури тиж: и тот хто не дзелі мою систему вредносцох обовязує ме же бим дзбал о його иснованю, та го пробовал прешвечиц кадзи жридли чистей и швижей води, же би ше ей напил и з ню окрипел. Кед то одбие, вец сам одлучел о власней судьби и ту писатель и його литература не можу ніч. Але писатель нема право занедзбац нічийо иснованє. Його порученя, гоч без одвита, нігда не даремни.

У єдним рукавку тей генерації моцна вяза медзи источасним виражованьом *незатримовней еротичносци поетох*, точнейше поетесох, и *религиозним чувством*, вецей манифестативним як ширим. Здогадуєм ше совиту искусного чловека з мойого торонтонского вибеженства. Совитовал ми же, пать Юлианє, тоти жени цо ше найве-

цей модія и споведаю — найлепши: знаю прецо то робя. Идз за німа, знаю любіц! Остава отворене питане, без ясного генераційного одвиту: Бог потїха за одрекане од любовних, цо значи переважно тілесних, гоч не меней духовних, страсцох, чи є спокуса за интензивну любов без гранїцох, а сама любов и оправдане и по дзеки самого Господа.

Два констатації о тей антології, медзитим, видза ше ми як безспорни.

Швет без емоційох, без огляду на заснованосц критичней дистанци дзецох спрам швета родичох, зводи их на физични цела, а то не виход анї за творчосц, ище меней за каждодньови живот. Гоч и без вельких претензийох, з приставаньом на обичносц живота у согласносци з природу, окруженьом чи стереотипами на хтори ше пристава же би ше человек умирел и пристал на живот о хторим сам не одлучує, але ше препущує животней стихії, не ошлєбодзи го од горького спознання, кед не болю, же ше опушел, и без борби, пристал на каждодньово баналносци. Як старши, хтори шицки илузії потрацел так як и тот, та и каждая генерація, цо их потраци, ище вше верим же треба, гоч и як самоспреводзку, мац идеал, же кед человек нема прецо, и за цо, кед треба, умрец, вец не мал анї причини народзиц ше и жиц.

Векшина у тей антології ище вше хлопски гласи, гоч вше частейше хлопи виражую високу меру женственосци, а *млади жени* пишу твардо, без илузийох, агресивно, посесивно, як хлопи, з одредзену меру *«патетики розума»*. Думам же того мутиранє не плодне, же би хлопи мали буц хлопи, а жени жени. Бо кед першим цошка хиби, другим то не вирошне. Конечно, на женох остава и далей швет, та гоч и з *«валькох»* у основи рускей метафизики праху и преходносци, мне особне блїзкей, а велька векшина историйних глупосцох найостаню хлопски глупосци, уж кед сцу остац найчастейше пуляки хтори не обачую же им над карком якиш газда, хторого не сцу видзиц, оштри нож. Конечно, жени вше жени, а хлопи лєм дзекеди.

Без огляду на високу меру критичносци, тот увод антологичара не треба похопиц як бешеду против младей генерації. Напроцив, намира антологичара охрабриц авторох най ше точнейше препознаю, випросца у себе и обявля свойо перши, други и треци кнїжки. Каждє бависко, та и творче, вимага овладац зоз виковним искуством тей факти бавячох, та вец надбавиц предходнікох.

Векшини, най повем и то, характеристика *слабе панованє з руску язичну норму*. И не лем слабе панованє, але и єдна файта єй систематичного занедзбованя. И ту дакедишні идеал, буц виртуоз власного язика, превращена рукавичка, вещей не важи.

По тераз ше у руским литературним живоце, од «просвиташок» по «заряшок», и од «союзашок» по «маткошок», оначело и даремно розсиповала енергия на проукраїнски и антиукраїнски национални орієнтації, место же би ше писала добра литература. З тим зме сцигли поталь же, судзаци по наймладшей генерації, традиция нам не лем не проукраїнска, але анї не проруснацка. *Тоти дзеци у основи апатриди, дзеци «народу нїодкадз», як то зловисно означел Пол Роберт Магочи*. Але и таких ше не одрекаме, бо зме вец уж бизовно щезли. З нїма ше нам ище вше видзи же жиєме як Руснаци, кед ше не спреведам, як кажди устарени «ментол».

2. Надалей описуєм препознати индивидуални поетики каждого з авторох и сугеруєм напрями можливого розвою.

Весна Пануга Берец (1966–1994) ище вше знука традиції руского женского писма, цо значи же не дзелї феминистичну поетику, гоч за ню, як и за Ангелу Прокоп, мож повесц же ю забило премоцне слово, одвичательносц спрам висловеного. Кельо така одвичательносц морално импонує, тельо литература траци. Живот, и його неповторлівосц, заш лем важнейши од одвичательносци спрам себе, и теди кед нам ше видзи же не прилаплюєме задатосци власного живота. При славянских поетох зоз сласци саомученя и церпеня наставали добри литературни твори. И ту бул виход, хторого Весна не була свидома, а не бул єй хто на нього обрациц увагу, понукнуц єй тот нукашні репер.

Мирон Джуња (1969) прихильни апстракції и астрологиї, значи ирациональному доживйованю швета, дешифрованю знакох паралелних шветох, з єдним витхнутим висловом, хтори не лапус лингва але психологійни катализатор — «Збунета и злєкнута / Як герлічка бим вилет зоз тей клітки» — наявює може творчо плодну позицію присуства женского и хлопского начала у єдним єству. И сама «плітка даремносци», як сам гвари, без огляду кельо є вираз страченей особи, у поетским смислу може принєсц творчи иновациї.

Сашо Медєши (1971–2002) ище єден талант хтори преозбыльно захопел власни слова. У його поезії надїя умарла, та дармо знал сцигнуц од дробніци по препознаванє єй универзалней важносци, дармо мал дар мудросци релативизованя, и вон випатра не мал у своїм околїску нікого хто би му препознал и понукнул можливі нукашні репер за преживйова-

не. Кед не пре инше, пре поезию вредзи жиц. Без огляду кельо ше дакому видзи же поезия периферна ствар, велі пенсжни тот дар не можу купити. Бо тот дар Бог чи универзум не каждому дарус.

Михайло Гайдук (1972) оформел индивидуалну поетику. Його смисел за имагинативне повязоване маски, одже людскей твари як рефлексу души, и мешачкових переменкох, як и повязоване чичара зоз дильовом, уж висша файта креативносци, далей од непростредного виражованя власних емоційох. У рамикох назначеной индивидуалней поетики могол би оформиц кнїжку, а надалей му будзе поетске тирванє завишиц од самодисципліни и упартосци. Кед би доконченосц цалосци писні одлучовала, а не лєм добрі фрагменти з нука писньох, Михайло би мал места у каждой антології.

Даниела Тамаш (1973) нательо обшеднута з негативними одредніцями, без свідомосци о негативних категорійох Гуга Фридриха — як цо то «ніхто», «ні зоз ким», «нічого» «одгук» место конкретни звук, «наисце» место конкретного цо — же то мож препознац лєм як вираз общей несигурносци пред шветом. Єй швет звездени на поєдиносци хтори не випольною єство, вони лєм вираз каждодньового шивидла. Кед би аналитичар сцел буц дошлїдни, поетеса не препознала у себе любов лєм прето же ніхто коло ней не бул нательо прешвечлїви же би ю упутел як ю препознац. А и тоті хтори ю ориєтовали, не даровали єй себе, але ю, жену, брали як цо ше яблуко обера за хвильково потреби. Хто поє яблуко крашнє му, а цо то значи за поєдзєне яблуко най себе розяшні сама поетеса. Кратше и яснєйше праве питанє: чом мудри жени вибераю погришних хлопох.

Лариса Оноди Парвати (1973) добра поетеса, лєм у швецє без Бога треба витримац та буц продуктивни, окреме поетски. Єй доминантне начало аморалносц, ровнодушносц на морал, але чежко ровнодушносц на морал видзиц иншак як неморал. Бо швет не створени лєм за поєдинца, без огляду хтори му людски потенциал. Поєдинец тельо спольнєл власне єство кельо освоєл животного, морального и творчого, простору за других. Прето треба трошиц себе и за других, не лєм других трошиц за себе. А же любов за любов, як по Библиї, а «сир за парє», як любя повесц нашо сербски браца з централней Сербії хтори углавним «Библию» не читаю, не точно. У робним розменюваню вше хтошка спреведзени и траци. Основне начало животней економії демонструє жена: робу ма, робу розменї и робу затрима. На боку жени лєм єдно начало: хлоп пита, а жена ше дава лебо не дава. Так же, кед єст вообщє неморалу на тим швецє, вон вше завиши, у любови, од женскей одлуки. О чистоти дзба лєм шніг кед одлучи нападац на наш швет и дочасно прикриц наш бруд.

Синиши Сопки (1974) «дрчносц» импонує, але ніч не ришує. Вон оформлени автор без огляду же му з ножа «капка кров невиних». Драстичносци вещей вираз слабосцох окруженя у хторим жие, як вираз власней моци. Орфография ніч не одлучує ані о квалитету літератури, а ані о людских вредносних орієнтаційох. То ствар догварки медзи хаснователями єдного язика и тарговинох політичних центрех моци. У таких тарговинох релативно чесни человек и писателе вше на утрати. Треба поцешити и обичну швиню, хтора невиновата же є така створена, як и витримац «псовску жиму».

Борис Варпа (1975) оформлени приповедач. Дома є и у валалским, русокерестурским, кельо и у городским милеу, повязуюци локални мити и легенди, углавним онезвичасни, зоз глобалними абурдами сучасного швета. Повязує деталь зоз векшими «фалатами» звонкаязичней структури, од бестиярия по реифікацію человека ('зводзене человека на предмет, *попредметованє* человека'; од лат. *res* 'ствар'). Простор и час конкретизовани, не одрекол ше ані фабули и індивідуалізації и характеризації подобох гоч су з началом абсурда моцно условени, цо шицко прикмети и стварносней приповедацкей прози. Буквалізем звонкаязичней стварносци превозиходзи зоз онезвичайованьом и монтажу, наглима пременками напряду приповеданя, цо твори когерентносц микро и макро структурох приповеданя.

Мирко Горняк-Коле (1975) рошне на истим полю як и Владимир Малацко Падлаш и Славко Роман. Рондо зоз своїма нигерскими аксіомами и баладичними інтонаціями. Нигерство ту подроумує же поет и людзе коло нього церпя бо веря же дзешка коло ніх и сам Исус Христос, незаслужено розпяти; вони з нім, такповесц, на ти, як пайташе з истей улічки, та зоз свою пустосцу, обешеняштвом, хторе вещей вираз немоци и жажди за лепшим шветом, як цо су насправди єдна файта безскрупулозносци. Кед человек не може пременіц швет, вец му ше може голем нашмеяц до твари указуюци же є свидоми його несовершеносцох.

Мирослав Задрепко (1975) потенціално добри поет, конкретни, стварни, вериста, хтори не може превозисц, а то єдно з условийох природи поезії, почитованє звонкаязичней стварносци. Прето ше, виројатно, лепше чувствує у новинарстве як у поезії, цо ище не значи же, кед зосце, у поезії не може пренайсц себе.

Кароліна Джуджар (1976), по тим цо ту представене, вельо озбиљнейша як то на перши попатрунок випатра. Ю власна природа обовязує и вона од ней не сцека, без огляду чи себе видзи як Пандору, чи то лем добре оформлени психични и егзистенціальни простор мітологійней подобі. Привидзене же у цихосци безпечносц знак мудросци, але у тей позиції мало з ніх витримує. Єдна з ніх Наталія Канюх, правда язично

розкошнійша, але то ще не значи же и Кароліна не може у тим напрямі рушити. Можебуц ту за ню и виход, и як особи и як поети. Просто, отвориц ше, без калкуляційох и обаваньох же будзе ранішша.

Олег Колбас Колби (1976) найвиразнійши представник тків. поезії, дзе не знає чи пред вами прозни и есеїстични запис чи писня. Язична интензификация слаба, цо би було индикативне твердзиц же то не поезия. Конкретни простор и час присутни, але то ще не значи же пред нами проза кед индивидуализация подоби чи подобох дата у основних рисох, як кроки. У кождим случаю позиция творчо потентна, лем треба на ней витримац.

Славко Винаї (1976) пестує крєжки поетски запис, опарти на дискретни, чежко обачливи поєдиносци, та и кед ше чувствує аутоирония або гротеска, то не пре осуду зявеньох, просто то висловене пре смуток и боль же нам животи так ушорени. Рибки у аквариюму намагаю ше гу шлебоди, але кед би ше їм вона дошлебодзела, поздыхали би. Чловек, у ствари, часто цошка жада, а кед то здобудзе вєц не зна цо почне зоз реалізовану жажду.

Златко Грубеня Треньо (1976) поет радикальней опудзеносци, добре замеркованей поєдиносци яка поставя питання без одвитох швету, але виходу нет. Мож лем констатовац безнадійносц.

Саио Кетелеш (1977) особне ми блізки по поетским резону єдней моєй фази, з часу мойого «звичайного дня». Теди ми швет бул, гоч XX столітє, як на малюнках Г. Боша, цо присутне и у Кетелешовой поезії, але вєц обачуєм же його Бош «домашнього» походзєня, з поезії Б. Джорджевича и других рок маргналцох. Шицко то не одбера творчи потенциал Кетелешови, бо му писні докончени. Слово о препознаваню чийо зме дзеци.

Ваня Дула (1978) пише добру филозофски орієнтовану поезию, з дефинициями, универзалними висловами. Дзєкеди єй хиби стварносни контекст, але основни проблем тей поезії же природа поетского языка орієнтована на слику, не согласна є радикальному филозофскому дискурсу, а як филозофски дискурс тим писню хиби аргументация. Поет не страцени, хиби читливіша вяза медзи поетичну слику и рефлексию. Мож гармонизовац.

Владимир Еделински Миколка (1978) на добрей драги бо спознац самого себе основне условіє випросц ше у себе та вєц и у историй. Самота продуктивна за поету, знанє не чкодзи, напроцив, лем треба дриляц напредок у обєгованю зоз самим собу и шветом.

Валентина Чижмар (1979) мудра и учена. Муши похопиц, кед сєцє буц поетеса, не лем розлику медзи поетским и филозофским дискурсом,

але і прецизовац спознанє о природи стварох, цо феномен за поету а цо за філософа. Чловек не абстрактне єство. Вон хлоп лебо жена, може и цошка помедзи, а може и єдно и друге. Але вибор муши буц препозна-тлїви у тексту.

Марко Маркович (1979) виражел себе и власну неповторлївосц. То поезия.

Сашо Паленкаш (1979) на шлїду дискурса Ничеового «Заратустри». Ту ма и єдну сущну иновацию: надчловек ше конфронтує зоз «сегинятком», та остава отворене питанє чи сегинятко аксиологийно не стої ви-ше од надчловека. Єдно заключенє достойне паметаня: кельо наша со-висц чиста пред нами, таки будзе и одраз у жвератку! Воно правда же то вещей християнске як ничеанске заключенє, але — Боже мой, єст смисла гледац ше та гоч и заобиходно.

Сергей Жирос (1979) добре позна и почитує руску традицию, але спрам ней ма и критичну дистанцу. Плодна позиція, лем треба на ней витримац, нпр. як Михайло Лалич у «Восним щесцу».

Татяна Бодянец Колбас (1979) мистификує моц власней женствено-сци. Вельке питанє на цо ше опре тота моц у старосци, кед преїду илу-зії. На памятки може...

Татяна Колесар (1979) нам сообщує вельку правду же жем ма вше уста отворени, же рай доживую лем тоти без идентитету и же час ше за-кончує же би ознова вше розпочал. Нам, смертним людзом, остава ви-дзиц дзе нам писня настава, достойна паметаня.

Анамария Регак (1982) проблематизує одношенє еротики и побожно-сци. Препознац Бога у гриху мож, лем пред тим треба вельо гришиц, а не покутовац.

Иван Медєши Шукс (1982) поставя питання за хтори зна же нет одви-ту. Яка розлика чи бога воламе Надармо чи Задармо. Любел бим видзиц хто ше понука за ратунок швета, нашого кельо и Шуксового.

Михайло Сабодош (1982) гледа потїху у Господови, але то вещей ви-ходзи на богоборчество, на ненаходзенє потїхи у нїм без огляду на фор-мални обрацаня гу ньому. Хиби, кед же є, ясна єретична позиція. Так остава шицко недефіноване.

Любомир Папуга (1988) поет. Кед ма триец писні того квалитета може обявиц кнїжку.

Наташа Регак (1985) тиж проблематизує побожносц и еотику. Гва-рел сом, ствар вибору поетеси, цо ище не гарантує поетски резултат.

Ася Папуга (1986) емотивно обезхрабрена женственосц. Остава фи-зика, а и то не сигурне же потїха.

Тамара Хрин (1987) приємне несподзиванє, як женски Милькович, з пагетіку розуму и обовізку най ме не «забіє премоцне слово». За кнїжку.

Златка Чижмар (1987) не зна дзе виход зоз круга, бо спреводзка у кругу кельо и звонка нього. Виход найсц у самой себе и випросциц ше так же особа сама вибера а не препущує же би за ню други виберали.

Иван Киш (1989) пише так як ше не могло обчековац у руских стредкох. Медзитим, треба роздумац чи то не автентични порученя дзецом и нуном ткв. одроснутих, на хторих одвичательносц.

Ваня Дудаш (1992) най чита цо долапи и най шейта коло води, не же би ше у нєй задавел, але же би ше на ню припатрал. Писац мож легко и вельо, але добре мало.

3. Описани процеси у литературним живоце, психології и поетикох генерації 1990–2010 у рускей литератури указую же дестабилизова-ни вредносни орієнтації у чийей основі націонални идентитет и жридлова руска литературна традиция, вредносни орієнтації маргинальних груп, одреканє од єства регіонального идентитета знука українскей нації, не стабилизovalo руски націонални идентитет ані литературну традицию на руским микроязику. Напроцив, одвело до анаціоналносци тей генерації, далеко и од маткох шветовой озби-ней литератури. Инсистованє на антиукраїнскей фобії за резултат ма націоналне сезованє, так же руски дзеци и писателе вецей ані не паную з руским языком, а не указую ані же им стало до руского/ руснацкого/ русинского/ лемковского національного идентитета. Кед «народ нїдказ», вец и «дзеци нїчийо».

Новембер 2010.

ЗАУВАГИ

¹ Сообщенє представя увод до антології *Дзеци з урбаного двора*. Нови Сад: Руске слово – МАК, 2010.

З оглядом же антология *Дзеци з урбаного двора* комплементарна поетиком з антології рускей поезії Юлиан Тамаш, *Ошлепени соловей* (Нови Сад: Руске слово, 2005), але представя источасно дисконтинуитет у одношеню на ню, одвит на питанє «чийо ви дзеци?» достава важносц при-водзєня под питанє смисла намаганя генераційох руских писателюх же би стабилизovali жридлову литературну традицию кельо и смисел пи-саня на «литературним микроязику» як го наволує наш ювилар Алексан-дер Д. Дуличенко.

J. Tamaš. Poeetika ja põlvkondade individuaalsed jooned

Tekst kujutab endast teoreetilist sissejuhatust lõunarussiini kirjanduse 1990-2010ndate aastate põlvkonna luule- ja proosaantoloogia jaoks. Antoloogia kannab nimetust «Lapsed linnahoovist» (2010). Sellesse kuuluvad peamiselt noorte ja tunnustamata kirjanike tekstid erinevatest perioodikaväljaannetest. Esitletud on nii autorid, kelle on sulest ilmunud raamatud, preemiaid pälvinud autorid ning nende teosed, aga ka need, kes on pikaajaliselt osalenud noorte manifestides ja festivalides.

Юлиан Рамач
Університет у Новим Садзе,
Одделене за русинистику

ПРИКМЕТНІКИ ЗОЗ СУФИКСОМ **-ОВ(И)** У ЮЖНОРУСКИМ ЯЗИКУ

*Южноруски язык – творене словох – прикметніки зоз суфиксом **-ов(и)** – сербски уплів*

О прикметнікох на **-ов(и)** пишеме 1) же бизме указали на вецей варианты їх законченьох у номинативе (два основни вариянти) и 2) же бизме указали на барз обачливе траценє суфикса **-ов(и)** на хасен других суфиксох.

I. Прикметніки виведзени зоз суфиксом **-ов-** найчастейше знача припадносц у узшим смислу, те. знача припаданє поєдинцови — особи, животинї або предмету и теди маю законченя: **-0**, **-а**, **-о**, мн. **-о**. х. р.: *оцов калан*, ж. р.: *мацєрова хустка*, с. р.: *сушєдово дзецко*, мн.: *оцово шмати*, *мацєрово шєстри*, *сушєдово дзеци*. Тоти прикметніки знача и припадносц у ширшим смислу, те. знача припаданє колективу або файти або одношенє на колектив або файту: *чловеков живот*, *тацково гнїздо*, *голубово вайцо*.

Прикметніки на **-ов-** часто знача одношенє на предмет: *парохийово зданїє*, *Гимназийова улїчка* (у Керестуре). Тото значенє часто переходзи до описного значеня, напр. назви фарбох: *тарови*, *цєлови*, *доганови*, *кафови* и др. Тоти прикметніки маю двояки законченя у хлопским и штреднім роду и у множини: х. р. **-0** (без законченя) и **-и** (*бензинов пах* и *бензинови пах*), ж. р. **-а** (*витрионова лампа*), с. р. **-о** и **-е** (*гадвabово платно* и *гадвabовє платно*), мн. **-о** и **-и** (*кафово шмати* и *кафови шмати*). Даєдни з тих прикметнікох маю частейше законченя **-0**, **-а**, **-о**, мн. **-о** (*дубово древо*, мн. *дубово лєси*), даєдни частейше законченя **-и**, **-а**, **-є**, мн. **-и** (*кафови*, *кафова*, *кафове*, мн. *кафови*). Даєдни ше хасную з обидвома законченяма (*витрионов таз* и *витринови таз*). Даєдни, переважно прикметніки зоз значеньом фарби, матерії або зявеня, маю вше номинатив х. р. на **-и**: *блишови*, *ла-*

гови, мескови, лимункови, голубкови; *ражови хлѣб*, *витрови чловек*. Форми завиша и од синтагми у якѣй ше хасную: *ружов квет* (не *ружови квет*), *витрионов пах*, але *ружов олей* и *ружови олей*. Тоти розлични форми можеме провадзиц уж од наших перших виданьох 20-их р. XX. в.

У хаснованю тих двояких законченьох иснує така рижнороднось же би чежко було одредзиц правило кеди хторе законченє ше хаснує. Єдно обще правило заш лєм мож обачиц: у якѣй мири ше при прикметнїкох одн. синтагмох траци присвойне значенє, у такѣй мири над законченьми -*0*, -*а*, -*о*, мн. -*о* превладую законченя -*и*, -*а*, -*е*, мн. -*и*. Напр. у синтагмох *магазинов простор*, *магазиново зданиє*, мн. *магазиново просториї* ище ше чувствуює присвойне значенє, а у синтагмох *наукови сход*, *наукове званє*, мн. *наукови випитованя* тото значенє ше страцело.

Алє найбаржей траценє законченьох -*0*, -*а*, -*о*, мн. -*о* обачлїве при формах хлопского роду: досц часто ше у єднини хаснує форма х. р. на -*и*, але штреднї род на -*о* (а не на -*е*), а множина на -*о* (а не на -*и*):

лєсов(и): Нови *лєсови* закон... (РН 22/29, 1). Алє форма штреднього роду на -*о*: Верхи Карпатох то вообще єдно *лєсово* морйо... (РН 28/30, 3);

порцийов(и): У Милановцу заварти *порцийови* урядник (РН 16/30, 1); праведни и єднаки *порцийови* закон (РН 7/1927, 1). Алє множина на -*о*: *порціово приходи* (РН), *порціово званія* (РН).

То тиж и приклади: *паперови пенєж*, алє у множини *паперово пенєжи*, *паперово банкноти*; тиж так у єднини *фейдеров(и) канабель*, а у множини *фейдерово канабелї* (не *фейдерови*); *лєнови мех*, алє *лєново мехи* (не *лєнови мехи*), *порцийови закон*, алє *порцийово закони* (не *порцийови закони*). З другого боку даєдни прикметнїки з тей групи находзимє з форму множини на -*ови*: *нови телефонови апарати* (РН 21/27, 4), *наукови твори* (РН 48/32, 1).

Прикметнїки з двоякими законченьми наводзели зме и у «Руско-сербским словнїку» (Руско-сербски словнїк 2010), тє. наводзели зме обидва законченя як равноправни (форми множини у словнїку не наводзени, бо ше подроумює же тоти прикметнїки маю и двояки форми множини -*ово* и -*ови*): *абѣцедов(и)* -*а* -*о*/е....., *азбѣстов(и)*, -*а* -*о*/е...., *азбуков(и)* -*а* -*о*/е ... итд.

II. Прикметнїки на -*ов(и)* зоз значеньом одношеня на предмет досц часто хасновали нашо авторе медзи двома войнами. Напр.:

Порційово власци почали виганяц порцію (РН 1928). – *Зос воздухову* ладю прешол океан (РН 1929). – *Шедли на свой моторови* чамец (РН 1929).

Подобни приклади находзимо и у перших деценийох по Другей шветовей войни:

Перше стретнуце товариша Тита зоз Индию було у Бомбайским пристаніщу. На **пристаніщових** просторох не було места за стотки тисячи гражданох. Велі стали на закрицох магазинох, роботньох, хижох. Маса **пристаніщових** роботнікох ягод бобки грозна були наліпени на турньох вельких дзвигачкох. Шицки сцели видзиц и привитац товариша Тита (ПЗ, ч. 9–10, 1960, 8).

Даєдни таки прикметніки хасную ше и у сучасним литературним языку. Найвецей приклади хтори ту наводзимо зазначени у виданьох 1921–1941, але их находзимо и у сучасним языку. (У номинативе єднини тоти прикметніки наводзимо у форми на -ов(и), бо не знаме хтору форму би автор похасновал: на -ов чи на -ови.):

брамушков(и): брамушкова квашінна, **бурйов(и):** по бурйовим дижджу (РН 34/35, 2), **витрионов(и):** витрионов диждж, вибил витрионови тас (РН 43/30, 1–2), **древков(и):** древно печаци (у бешеди), **дубов(и):** дубови леси (РН 30/34, 3), **иглов(и):** иглово ушко, **кишенков(и):** кишенкова годзинка (РН 41/30, 3), **кухньов(и):** кухньова соль (РК 1921, 58), **латов(и):** латово ципели (РН 8/1927, 1), **ленов(и):** два часци ленового олею (РК 1921, 58), **лесов(и):** лесово морію (РН 28/30, 3), **магазинов(и):** магазиново здания (Грам. 77), **майов(и):** майови молебєн (РН 24/32, 3), **муров(и):** мурово новини, **науков(и):** наукови твори (РН 48/32, 1), **овоцов(и):** овоцово древка (РН 29/35, 1), **паперов(и):** паперово пенєжи (РН 36/29, 2), **угльов(и):** угльово рудокопи (Грам. 77), **цолов(и):** цолово дески, **шветов(и):** шветове чудо (РН 2/33, 3), **шлівков(и):** фини маджун шлівкови (РН 50/32, 2), **шнігов(и):** шнігова буря (РН 8/32, 2) и др.

Але у литературним языку 1921–1941. находзимо и прикметніки на -ов(и) хтори ше у сучасним литературним языку не хасную. Поцисли их з хаснованя їх синоними переважно сербского походзеня.

Прикметніки на -ов(и) характеристични и за «угроруски» и українски (тиж и за польски и словацки) язык. Прето допушємо же даєдни форми хтори нїжей наводзимо похасновани под уплївом «угрорусского» и українского языка (*класови* – укр. *класовий*). Але наводзимо и прикметніки на -ов(и) хтори у «угрорусским» и українским не маю форму на -овий, а то значи же их нашо авторе не похаснова-

ли под упливом «угрорусского» и українського языка: [моторов(и) – укр. *моторний*; кристалов(и) – укр. *кристалічний* и *кристальний*; спортов(и) – укр. *спортивний* и др.]. Же при хаснованю прикметні-кох на -ов(и) у нашим литературним языку «угроруски» и українски язык не окончел векши уплив, потвердзує и вельке число прикметні-кох на -ов(и), -ови и -ов хтори сам народ хаснує:

Гимназийова улїчка, парохийова заграда, криштальов(и) цукер, ражови хлеб, хлебова мука, витрови человек ‘неозбыльни человек’, циментова хижа ‘омалтерована хижа’, шнїгово лабди (квече), шнїгово хмари, дижджова хмара, маков цукер, орехова торта, орехово покераї, сламково квече, медово колачи, мурова годзина, пойдов облачок, пойдова дзира, черепови пец, цегелкови пец, цеглови мурик, турньова годзина, орманов(и) змаржляк, ладов(и) змаржляк, кромплїв цукер, парадичова (млєкова, цескова, яблукова, копова) мачанка и др.

Значи же нашо авторе хасновали тоти прикметніки найбаржей прето же их чувствовали як свойо.

Слїдующи приклади зазначени углавним у виданьох 1921–1941. За прикладом за смугу наводзимо сучасни еквивалент наведзеного прикметніка, а кед ше вон хаснує под сербским упливом (сербски суфикс або цале слово), за знаком за походзенє (<) наводзимо и сербску форму.

автомобиллов(и): уредзенє автомобилових фабрикох (РН 23/30, 3) – суч. фабрики автомобилох < серб. фабрикe аутомобила;

воздухов(и): воздухово маневри ..., воздухова флота (РН 29/30, 2) – суч. воздушни < серб. ваздушни;

войсков(и): войсково видатки (РН 33/32, 1) – суч. воєни (укр. воєнний);

гадвабов(и): зос гадвабових шматов – суч. гадвабни (тота форма превладує у бешеди старших, та ю тримає за народну);

гранитов(и): гранитова скала (РН 2/31, 2с) – суч. гранитни < серб. гранитни;

доганов(и): доганово фабрики (Грам. 2002, 77) – суч. фабрики догану < серб. фабрикe дувана;

експресов(и): експресови гайзибан (Грам. 2002, 77) – суч. експресни < серб. експресни;

квадратов(и): квадратово парцели (РН 41/34, 3) – суч. квадратни < серб. квадратни;

класов(и): класово неспоразуми (РН 38/29, 1) – суч. класни < серб. класни;

концертвов(и): концертвово карти (Грам. 2002, 77) – суч. концертни < серб. концертни;

- кубиков(и):** кубиков метер (РК21, 49) – суч. кубни < серб. кубни;
- металов(и):** металови пенєж (РН 36/29, 2) – суч. метални < серб. метални;
- милионов(и):** милионові індійські народ (РН 13/31, 2) – суч. милионові і милионські < серб. милионські;
- млеко(и):** млекова квашіна (РН 25/35, 4) – суч. млечни < серб. млечни;
- моторов(и):** возжєли ше на моторовей бицигли (РН 34/30, 1), моторови чамец (РН 27/29, 3) – суч. моторни < серб. моторни;
- новинов(и):** новиново уряди (РН 10/33, 2) – суч. новинські < серб. новинські;
- одборов(и):** вредносц одборових заключок (РК 21, 11) – суч. заключєня одбора < серб. заключєня одбора;
- озонов(и):** озови пахнєци воздух (РН 28/30, 3) – суч. озонські < серб. озонські;
- памятков(и):** памяткове кнїжки ... значєнє єдного памяткового зборні-ка (РН 17/29, 2) – суч. памятни < од «угоруського» і українського памятний;
- пенєжов(и):** злато основа пенєжовей вредносци (РН 36/29, 2), пенєжово задруги (Грам. 2002, 77) – суч. пенєжни < серб. новчани;
- пергаментов(и):** пергаментови папер (РН 1/30, 7) – суч. пергаментни < серб. пергаментни;
- пияцов(и):** пияцова цена (РН 33/30, 3) – суч. пияцов(и) і пиячни < серб. пиячни;
- подморйов(и):** у подморйовей войни (РН 9/35, 2) – суч. подморські < серб. подморські;
- позагробов(и):** вира до позагробового животу (РН 39/32, 2) – суч. загробни < серб. загробни;
- порцийов(и):** порцийови урядник (РН 16/30, 1), порцийови закон (РН 7/1927), порційово приходи, порційово званія – суч. порційни (суфікс -йни з українського);
- пошмерцов(и):** пошмерцова припомоц (Грам. 2002, 77) – суч. посмертні < серб. посмертні;
- поштов(и):** поштові чек на 7.500 фунти (РН 13/31, 4), зос поштового вагону крадул (РН 16/30, 1), поштова карта (РН 25/27, 4) – суч. поштові і поштанські < серб. поштанські;
- пристаніцов(и):** на пристаніцових просторох (ПЗ ч. 9–10, 1960, 8) – суч. пристанічни і пристаніцов < серб. пристанічни;
- радийов(и):** преношєли радийово габи шицки торжєства (РН 43/34, 3), радийово стациї (Грам. 2002, 77) – суч. радио-габи, радио-станіца < серб. радио-таласи, радио-станіца;
- рентгенов(и):** препатрує хорих зос рентгенову машину (РН 7/1927, 7) – суч. рентгенські, рентген-апарат < серб. рентгенські, рентген-апарат;

спортов(и): вишеліяки ... спортово забави (РН 11/31, 1), спортова організація (РН 27/35, 3) – суч. спортски < серб. спортски;
телеграфов(и): телеграфова драга (РК21, 54) – суч. телеграфски < серб. телеграфски;
телефонов(и): телефонова вяза (Грам. 2002, 77), нови телефонові апарати (РН 21/27, 4) – суч. телефонски < серб. телефонски;
терхов(и): терхови гайзибан (Грам. 2002, 77) – суч. терховни < серб. теретни;
хоров(и): хорова писня (РН 38/32, 1) – суч. хорски, < серб. хорски;
чеков(и): чекова уплатніца (РН 22/30, 1) – суч. чекови и чековни < серб. чековни;
челіков(и): барда челіково (РН 1/1927, 6) – суч. челічни < серб. челични;
шветлов(и): єден шветлови рок (РН 1/35, 8) – суч. шветлосни рок < серб. светлосна година.

Кед преанализуєме наведзени приклади, увидзимо же зоз 38 одредніцх 35 у сучасним литературним языку маю сербски еквиваленти або еквиваленти створени под сербским уплївом (найчастейше виведзени зоз суфіксами *-ски* и *-ни*), три одредніци маю «угроруски» и українски еквиваленти (ту рахуєме и суфікс *-йни*) [*войсков(и)* – *воєни*; *памятков(и)* – *памятни*; *порцийов(и)* – *порцийни*], а єден ма руски народни еквивалент [*гадвабов(и)* – *гадвабни*].

Же бизме баржей отворели дзвери суфіксу народного языка *-ов(и)* у литературним языку и указали хасновательом словніка на можлівосци народного языка, у «Руско-сербским словніку» (Руско-сербски словнік 2010) зме попри сербских и других формах тих прикметнікох часто наводзели и форми на *-ов(и)*. При тим зме два дублети у одредніци не наводзели вше по азбучним шоре: на перше место зме кладли форму за хтору зме тримали же ей треба дац предносц над ей дублетом (без огляду чи вона народна чи не) [*азбестов(и)* и *азбестни* – дата предносц форми на *-ов(и)*; *атомски* и *атомов(и)* – дата предносц сербскей форми *атомски*, бо є уж укоренена у бешеди]; под *алуминийов(и)* зме наведли лєм форму на *-ов(и)*, понеже таку форму и народ хаснує.

абецедни -а -е и **абецедов(и)** -а -о/-е абецедан;
азбестов(и) -а -о/-е и **азбестни** -а -е азбестни;
азбуков(и) -а -о/-е и **азбучни** -а -е азбучни;
азотни -а -е и **азотов(и)** -а -о/-е азотни;
акордов(и) -а -о/-е и **акордни** -а -е (од *акорд*¹ и *акорд*²) акордни;
акцентов(и) -а -о/-е и **акцентски** -а -е акценатски;

алармни -а -е и **алармов(и)** -а -о/-е алармни;
алкоголни -а -е и **алкоголов(и)** -а -о/-е алкоголни;
алуминийов(и) -а -о/-е алуминієв, алуминієв;
алфаветни -а -е и **алфаветов(и)** -а -о/-е алфаветски;
аминов(и) -а -о/-е и **амински** -а -е хем. амински;
ангорови -а -о/-е и **ангорски** -а -е ангорски;
анкетни -а -е оп. **анкетов(и)**;
анкетов(и) -а -о/-е анкетни; ~ **лісток** анкетни листић;
антенов(и) -а -о/-е и **антенски** -а -е антенски;
антилопов(и) -а -о/-е и **антилопски** -а -е (од **антилон**) антилопски;
арендов(и) -а -о/-е и **арендни** -а -е арендни;
астраганов(и) -а -о/-е и **астрагански** -а -е астрагански;
ателєов(и) -а -о/-е и **ателєйски** -а -е (од **ателе**) ателєвски, ателєски;
атмосферов(и) -а -о/-е и **атмосферски** -а -е атмосферски;
атомски -а -е и **атомов(и)** -а -о/-е атомски...;
атрибутов(и) -а -о/-е и **атрибутски** -а -е грам. атрибутски, атрибутни;
 атрибутиван...;
бавилїцни -а -е и **бавилїцов(и)** -а -о/-е игралишни;
базалтни -а -е и **базалтов(и)** -а -о/-е базалтан итд.

ЛИТЕРАТУРА

- Руско-сербски словнік 2010 — Ю. Рамач (ред.). Г. Медеши, О. Тимко-Діт-ко, М. Фейса. *Руско-сербски словнік*. Нови Сад: Филозофски факултет — Завод за культуру войвођанских Руснацох, 2010, 886 б.
 Грам 2002 — Ю. Рамач. *Грамматика руского языка за I, II, III и IV класу гимназий*. Београд: Завод за учебнике и наставна средства, 2002, 615 б.

ЖРИДЛА

- ПЗ — *Пионирска заградка. Часопис за дзеци*, Нови Сад, 1947–1991.
 РК — *Руски календар за югославянских Русиных*. Видатель и властитель Руске народне просвитне дружтво. Руски Керестур, 1921–1941.
 РН — *Руски новини за Русиных у Краљовини С. Х. С.* Властитель Руске Народне Просвитне Дружтво. Руски Керестур, 1924–1941.

СКРАЦЕНЯ

- серб.* — сербски язык;
суч. — сучасни литературни язык;
укр. — українски язык

J. Ramač. Omadussõnad sufiksiga -(o) lõunarussiini keeles

Vaadeldakse omadussõnu sufiksiga -(o) ja nende morfoloogilise vormistamise iseärasusi lõunarussiini mikrokeeles. Tehakse kindlaks antud mudeli funktsioneerimistingimused. Autor teeb järelduse, et posessiivtäheenduse nõrgenemisel või kadumisel vormistatakse omadussõnad teiste fleksiite abil. Erilist tähelepanu pööratakse serbi-horvaadi keele adjektiivmodelite mõjule.

Михайло Фейса
Університет у Новим Садзе,
Одделене за русинистику

МЕНА И ПРЕЗВИСКА ВОЙВОДЯНСКИХ РУСНАЦОХ

Войводянски Руснаци – мена – презвиска – мадярски уплїв

Русинистична литература хтора облапя тематику менох, презвискох и назвискох у рускей националней заєднїци не велька. Тримаме же три статї и три дипломски роботи представляю найзначнейши референци хтори зоз своїм змістом обезпечую увид до тей тематики. Од статїох то «Фамілійни презвиска и назвиска Руснакох у Югославїї» Миколи М. Кочиша (Кочиш 1978, 187–218), «Прилог гу историйї рускей школи у Шидзе» Василя Мудрого и Янка Саламона (Мудри, Саламон 1992–1993, 208–268) и «Презвиска мадярского походзеня при бачванско-сримских Руснацох» Гайналки Фирис (Фирис 2008, 210–228), а од дипломских роботох — «Власни хлопски и женски мена у Коцуре» (Гарди 1998, 293–304), «Власни женски мена у Руским Керестуре» (Дюрко 2004, 189–204), «Власни мена и презвиска у Шидзе» (Говля 2008, 102–125)¹.

На основи резултатох вигледованьох винешених у дипломских роботох у можлівосци зме утвердиц фреквенцию женских менох. Заступеносц женских менох представена и процентуално.

Соня Дюрко до шлїдуючих резултатох за Руски Керестур пришла на основи зазначованя шицких женских менох хтори записани у церковних матрикулох у периодзе од неполних 220 рокох, од 1779. р. по октобер 1999. р. (Дюрко 2004, 193):

1. Мария – 25,89 % (4610 раз)	6. Ирина – 4,08 % (727 раз)
2. Ана – 21,99 % (3916 раз)	7. Елизабета – 2,38 % (423 раз)
3. Гелена – 9,54 % (1698 раз)	8. Леона – 1,94 % (346 раз)
4. Юлиана (Юла) – 5,50 % (979 раз)	9. Веруна – 1,80 % (321 раз)
5. Мелания – 4,77 % (850 раз)	10. Наталия – 1,56 % (278 раз)

Снежана Шанта свой корпус вигледованя формовала з виписованьом женских менох у Коцуре хтори давани кажди пейц роки у периодзе од 1845. по 1995. р. (Гарди 1998, 301–302):

1. Мария – 20,70 % (249 раз)	6. Ирина – 4,84 % (58 раз)
2. Ана – 13,7 % (161 раз)	7. Павлина – 3,6 % (44 раз)
3. Мелания – 8,01 % (96 раз)	8. Ксения (Сена, Сенка) – 2,75 % (33 раз)
4. Юлияна – 7,5 % (90 раз)	9. Наталия – 2,50 % (30 раз)
5. Гелена – 6,65 % (82 раз)	10. Катарина – 2,17 % (26 раз)

Анита Говля руски особни мена у Шидзе спатрела у периодзе од 1811. по 2000. р. (Говля 2008, 116):

1. Мария (Маря) – 23 % (214 раз)	6. Мелания (Мелана) – 3,2 % (30 раз)
2. Ана (Ганя) – 18,7 % (174 раз)	7. Олга – 2,3 % (21 раз)
3. Гелена – 8,7 % (81 раз)	8. Веруна – 2,1 % (20 раз)
4. Юлияна (Юла) – 8,3 % (77 раз)	9. Марта – 2,1 % (20 раз)
5. Катарина (Ката) – 5,8 % (54 раз)	10. Ирина – 1,7 % (16 раз)

Евидентне же найфреквентнйши женски мена *Мария* и *Ана*. Тоти мена по початок ХХ в. виразно превладовали, же би, гоч зоз змееншану фреквенцию зявйованя, своєю доминантне хасноване затримали по нешкайши дні. Шлідза, у просеку патрацї, мена *Гелена*, *Юлияна* и *Мелания*, и попри тим же їх хасноване нешка прериджене або цалком видрилене зоз интернационалнима або сербским менами. Мено *Гелена* напр. зачеране зоз меном *Елена* (часточно, концом ХХ в., и зоз *Олена*), мено *Мелания* ше з часу на час зявює и нешка, а мено *Юлияна*, можеме констатовац, цалком вишло зоз хаснованя.

Додайме и резултати першого теренского ономастично-лексикологийного вигледованя, хторе организовало Дружтво за руски язык и литературу у Руским Керестуре и Коцуре так же вигледоваче виписовали особни мена дзецох народзених 1945., 1955. и 1965. р. (Киш и др. 1978, 53–59). По тим вигледованю, хторе покрива стредок ХХ века, у Руским Керестуре найфреквентнейше мено було *Мария*, и поєдинечно за кажди рок и вкупно за шицки три роки (1945 – 19,56%, 1955 – 23,08% и 1965 – 15,9%), док у Коцуре воно било найфреквентнейше 1955. року зоз 23,81% (1945. було друге по фреквенциї зоз 13,33%, за *Меланию* 16,66%). З других особних менох барз части и *Мелания*, *Наталия* и *Ксения* (у Руским Керестуре), *Ирина*, *Цецилия* и *Серафина* (у Коцуре).

Медзи хлопским менами не находзимо даєдно за хторе би ше могло повесц же є у доминантним хаснованю.

У Шидзе шлїдуюца ситуація (Говля 2008, 116–117):

1. Янко – 14,70 %	6. Владимир – 4,40 %
2. Михал – 13,20 %	7. Андри – 4,20 %
3. Дюра – 10,40 %	8. Осиф – 3,90 %
4. Микола – 5,80 %	9. Василь – 3,60 %
5. Петро – 5,10 %	10. Штефан – 2,40 %

У Коцуре (по Гарди 1998, 298–302):

1. Йовген (Евген) – 13,98 %	6. Владимир (Владо) – 4,75 %
2. Михал – 11,90 %	7. Петро – 4,43 %
3. Дюра (Георгий) – 9,62 %	8. Юлиан – 3,81 %
4. Микола (Миклош) – 7,98 %	9. Андри – 3,13 %
5. Янко (Йоан) – 4,80 %	10. Дионизий (Денчи) – 2,82 %

А стредком прешлого вику, тиж у Коцуре (по: Киш и др. 1978, 58):

1945:	1955:
1. Владимир – 17,5 % (7 раз)	1. Владимир – 12,5 % (5 раз)
2. Дюра – 17,5 % (7 раз)	2. Дюра – 10 % (4 раз)
3. Йовген – 7,5 (3 раз)	3. Янко – 7,5 % (3 раз)
4. Янко – 5 % (2 раз)	4. Михайло – 7,5 % (3 раз)
5. Михайло – 5 % (2 раз)	5. Милорад – 7,5 (3 раз)
6. Микола – 5 % (2 раз)	6. Микола – 5 % (2 раз)
7. Йован – 5 % (2 раз)	7. Мирослав – 5 % (2 раз)
8. Петро – 5 % (2 раз)	7. Бошко – 5 % (2 раз)
	8. Момчило – 5 % (2 раз)

Точни податки о даваню менох у Руским Керестуре существу лем за период од 1945. по 1965. р. (по: Киш и др. 1978, 58):

	1945:	1955:	1965:
1.	Владимир – 14,77 % (11 раз)	Владимир – 12 % (12 раз)	Владимир – 10,87 % (5 раз)
2.	Янко – 14,77 % (11 раз)	Дюра – 11,1 % (7 раз)	Михайло – 10,87 % (5 раз)
3.	Яким – 14,77 % (11 раз)	Юлиан – 9,52 % (6 раз)	Дюра – 10,87 % (5 раз)
4.	Михайло – 13,16 % (10 раз)	Йоаким – 9,52 % (6 раз)	Любомир – 10,87 % (5 раз)
5.	Юлиан – 13,16 % (10 раз)	Янко – 6,35 % (4 раз)	Янко – 8,7 % (4 раз)
6.	Дюра – 6,58 % (5 раз)	Михайло – 6,35 % (4 раз)	

7.	Мирон – 5,26 (4 раз)	Яким – 6,35 % (4 раз)	
8.		Мирон – 6,35 % (4 раз)	

По податках у наведених вигледах 10% хаснованя даскельо раз преходза мена *Янко/ Йоан/ Йован, Михал/ Михайло/ Михайл/ Махал/ Михаел, Дюра/ Георгий/ Георгий, Владимир/ Владо*, а раз и *Йовген/ Евгений/ Евген/ Еуген, Любомир/ Любо, Яким/ Йоаким* и *Юлиан*.

Цо ше дотика фреквенції презвискох вона статистично представена лєм за Шид (Говля 2008, 117):

Канюх – 3,5 % (67 раз)	Крайцар (Грайцар) – 2 % (38 раз)
Горняк – 2,9 % (56 раз)	Загорянки – 1,9 % (37 раз)
Данчо – 2,7 % (52 раз)	Лазор – 1,7 % (33 раз)
Еделински – 2,1 % (41 раз)	Миклош (Микловш) – 1,6 % (31 раз)
Ждиняк – 2,1 % (41 раз)	Торма – 1,6 % (31 раз)

На основі найподполнейшого списка офіційних фамелійних презвискох, хтори составел М. Кочиш (Кочиш 1978, 187–218), обачуєме зявене же у Руским Керестуре фамелії порядно маю и бешедни фамелійни презвиска (назвиска). Число таких неофіційних презвискох ~ назвискох руша ше од 2 по 8. Док вони у жридли не дати поровнуючо, ми их на тим месце наводзимо обединєно, коло офіційного презвиска за хтори ше вяжу. Гоч би було интересантне вигледовац способи на хтори фамелійни назвиска настали, нас з тей нагоди интересує лєм їх квантитативна заступеносц, бо вязанє векшого числа фамелійних назвискох за одредзене презвиско без подозривосци указує и на векшу фреквенцію зявйованя датого презвиска. Реалне предпоставиц же ше найфреквентнейши презвиска при Руснацох у Руским Керестуре находза праве медзи тима хтори маю 6, 7 або 8 назвиска.

Два назвиска маю: *Гаргаї – Гатраш и Гомза, Гербут – Гажи и Льовчои*; **три** назвиска маю: *Бесерминї – Берци, Грицко, Олекса; Варга – Галушка, Шокец, Шокинї; Виславски – Мудри, Мудричка, Палко; Костельник – Адамчо, Гомза, Масного; Няради – Бучко, Дзвонарка, Дзвонаров; Папуга – Дюрков, Дюрча, Яким; Семан – Загорски, Петрашка, Радьов; Симуневич – Керекарта, Полївка, Янов; Гайдук – Лацканїн, Лиси, Штефанчик; Горняк – Адамчо, Иляш, Кухар;*

штири назвиска маю: *Барна – Гробар, Гайдер, Шутого, Югас; Будински – Бругош, Бурян, Гуздер, Мидя; Еделински – Бругош, Горняк, Микол-*

ков, Фунтош; Югас – Барна, Гичко, Томаш, Писи; Сабадош – Бора, Гика, Лиси, Сабадошиц;

пейц назвиска маю: Микловиш – Кулич, Лалички, Мица, Няради, Миколка; Мудри – Берци, Колесар, Лусканци, Минар, Шандор;

шейсц назвиска маю: Дудаиш – Данко, Иван, Мийов, Рагаї, Романчо, Семан; Михняк – Пекаров, Мица, Мичурков, Мишкань, Мишко, Мишков; Рац – Грицо, Дзвонар, Кренїцки, Мишко, Рацмишка, Тиркайла; Чижмар – Босого, Ержань, Пештика, Русов, Сцеранка, Чижмарянка;

седем назвиска маю: Пап – Галушка, Дюрань, Дулич, Матов, Папьянко, Петрань, Янов; Гарди – Вереш, Войвода, Иванов, Малацко, Мишкань, Мишков, Шокец; Сивч – Винириль, Гичо, Катрина, Марков, Феркань, Ферко, Ферчо;

осем назвиска маю: Киш – Адам, Арсим, Грицо, Гали, Дюриков, Медєши, Ондер, Филїпков; Надь – Андришко, Бандурик, Джамбас, Єва, Макаїчка, Надьмишка, Поштаров, Янов.

Презвиска ~ назвиска зявюю ше у функції розликованя фамелиї од фамелиї. Як єдна з причинох за идентификацию фамелийох на тот способ, по Кочишови, и потреба же би ше обезпечел знак хтори би указивал на тото же одредзени фамелиї не у родзинских одношеньох (Кочиш 1978, 188). З оглядом же по нешка не окончене даєдно вигледованє хторе би указало на фреквенцию презвискох у Коцуре, за тоту нагоду послужели зме ше зоз «Телефонским менаром» Коцура обявеним 2004. р. На основи менара найчастейши презвиска у Коцуре: *Бесерминї, Буїла/ Буїла, Фейса, Горняк, Хромши, Иван, Макаї, Русковски, Сабо, Шанта и Варга*.

Додаваня презвискох у беседней комуникації якого єст у Руским Керестуре, у Коцуре єст барз мало. Регистровали зме даскельо приклади: неофицийне *Пельваиш* за официйне *Цап*, неофиц. *Кухар* за офиц. *Горняк*, неофиц. *Дайко* за офиц. *Сабо*, неофиц. *Пипаиш* за офиц. *Молнар* и неофиц. *Онда* за офиц. *Олеяр*. Два приклади указую же можлїве же би ше з часом и неофицийне презвиско приключело гу официйному и же би так обидва ведно формовали зложене официйне презвиско: *Горняк Кухар* и *Сабо Дайко*. Финални продукт идентични з гевтим до хторого ше доходзи кед ше на винчаню, пред матичаром, єден зоз супружнїкох вияшнї же гу своему презвиску додава презвиско супружнїка.

Дзепоедни презвиска характеристични лем за єдно населенє. Так напр. презвиско автора тих шорикох характеристичне лем за Коцур. Кед же, заш лем, даєдна особа зоз презвиском *Фейса* не жие у Коцуре.

ре, зоз сигурносцу можеме твердзиц же ше тота особа особне, або дахто з ей предкох, приселела до датого места перебуваня зоз Коцура. Презвиско автора тей роботи илюстративне и по ещи єдней основи. Презвиско *Фейса* походзи од мадярского слова *fejsze*, хторе у прекладу значи ‘шекера’ и найвиroyтнейше указує на предка хтори ше добре служел зоз шекеру, предпоставя ше як древоруб у Карпатох. Тото презвиско одвитує презвиску *Сикирица*.

Г. Фирис заключує же перши презвиска мадярского походзеня настали ещи у периодзе пред XVII в., на початку старомадярского язичного периода, и же настали пре уплїв мадярского языка на руски — цо шведочи о заєдніцким живоце Мадярох и Руснацох и о руско-мадярским билингвизме при Руснацох. Фирисова преноши и податок же у Австро-Угорскей монархії концом XVI в. уж було обовязне записованє презвискох (Фирис 2008, 210). Юлиан Рамач тоти презвиска учишлоє до старших гунгаризмох, хтори настали у периодзе пред присельованьом Руснацох до Бачки стредком XVIII в. (Рамач 2002, 404–408).

Мадярске походзенє презвискох у рускей националней заєдніци анализовали Иштван Удвари з Нїредьгази (Мадярска) (оп. напр. Удвари 1985, 40–62), Г. Фирис зоз Руского Керестура хтора, по одаванки, жиє у Сегедину (оп. Фирис 2008, 210–228), а мастер работа пошвецена пожичком зоз мадярского языка, та и патронимом, праве закончує и Ксения Бенчик з Нового Орахова. Єдно зоз заключеньох дисертації Фирисовой и податок же 50% (299) од 594 руских презвискох, а 35,5% (186) руских назвискох мадярского походзеня. По авторох найвецей руских презвискох мадярского походзеня походза од мадярских общих меновнікох (медзи хторима и презвиска настали на основи занїманя особох, на основи даєдних їх прикметох або на основи местох у хторих вони або їх предки жили) або од мадярских особних менох и презвискох (Фирис 2008, 216–219). Дзепоеднї з прикладах за презвиска хтори настали на основи мадярских назвох за одредзени занїманя:

Пап (од священїк, поп), *Сакач* (од кухар), *Сабо* (од скравец), *Молнар* (од млінар), *Югас* (од пастир), *Ловас* (од коняр), *Чордаш* (од кравар), *Човс* (од польочувар), *Дудаш* (од гайдош), *Керегярта* (од колесар), *Кетелеш* (од штрангар), *Сивч* (од скорар, кушнір), *Катона* (од вояк), *Шайтош* (од сирар) и др.; на основи прикметох: *Надь* (од вельки), *Киш* (од мали), *Барна* (од браон), *Фекете* (од чарни), *Балог* (од лїворуки), *Лабош* (од ла-

бати, ногати), *Надѣфеі* (од *главати*), *Мелег* (од *цепли*), *Шови* (од *сла-ни*), *Шарик* (од *залюштани*, *блатни*), *Жироси* (*масни*) и др.; на основи местох: *Бесермині* (зоз *Бесерминя*), *Емеди* (зоз *Емеду*), *Арваі* (зоз *Арви*), *Мученски* (зоз *Мученю*), *Салонтаі* (зоз *Салонти*), *Бодваі* (зоз *Бодви*), *Магоч* (зоз *Магоча*), *Уйфалуши* (зоз *Уйфалуа*), *Колошній* (зоз *Колошині*), *Кашиаі* (зоз *Каши*, т. є. *Кошицох*), *Керестурик* (зоз *Керестура*), *Медѣши* (зоз *Медѣша*), *Дорокази* (зоз *Дороггази*), *Сегеди* (зоз *Сегедину*), *Радвані* (зоз *Радваня*), *Кевежди* (зоз *Кевежда*), *Макаі* (зоз *Макова*) и др.; на основи менох и презвискох: *Балінт*, *Миклови*, *Тамаш*, *Гайнал*, *Шандор*, *Берци*, *Лацко*, *Шимко* и др.; на основи назви народох: *Лендер* (од *По-ляк*), *Орос* (од *Рус*), *Тот* (од *Словак*), *Рац* (од *Серб*) и др. Дзепоедних презвиска зложени зоз двох мађарских презвискох, односно менох: *Кишюгас*, *Рацмишка*, *Рацпети*, *Папгаргаі*, *Папданко*, *Паплацко*, *Папандриш* и др.

Тренд же ше у рускей етничней заеднїци число презвискох зменшує, а число менох зростає. На того, пообщено патраци, уплївує соживот зоз Сербами и интернационализация, та отадз, з єдного боку, *Зорица*, *Саня*, *Драгана*, *Билия* и *Желько*, *Деян*, *Драган*, *Синиша*, а, з другого боку, *Роберт*, *Кристіян* и *Дияна*, *Жаклина*, *Кристіна*, *Анита*, *Виолета*. Интересантне зявєне же ше скрацени мена, хасновани перше як назвиска, зявою и як официјни мена: *Мая* (од *Мария*), *Сандра* (од *Александра*), *Ема* (од *Емилия*), *Ваня* (од *Валерия*), *Таня* (од *Тат'яна*), *Саша* (од *Александар* або *Александра*) и др. Тиж обачлїве и пороснуце хаснованя библійских менох (напр. *Давид*, *Сара*, *Ребека* и др.), але и менох спрам народзєня дзеца на дзєнь хтори по Мешацослову пошвєчени даєдней свѣтей або даєдному свѣтому (оп. Хо-лошній 2008, 229–249).

Цо ше дотика назвискох, праве зме окончели єдно пилот-анкетованє у Основней школи Братство єдинство у Коцуре и на основи нього здобува ше упечаток же ше назвиска при основношколцох найвєцей даваю пейоративно, пре визначованє даєдней тїлесней прикмети або даякей гришки, але даваю ше и з цїльом скрацованя менох або прикметох, по занїманю родителя або предка, як и по родней вязи.

ЗАУВАГИ

¹ Треба надпомнуц же ише пред Другу шветову войну Ристо Јеремїћ писал о руских презвискох и назвискох: Р. Јеремїћ. *Бачки Руси (Рушњаци, Русини)*. Летопис Матице српске, Нови Сад, 1928, књ. 316, св. I: Прилози

Летопису Матице српске, год I, 1928, књ. I, св. 2, Март – Април, с. 62–64 («Презимена бачкоруских породица», «Надимци»). — *Заувага редактора науковей сериї «Slavica Tartuensia».*

ЛИТЕРАТУРА

- Гарди 1998 — С. Гарди. *Власни хлопски и женски мена у Коцури* (дипломска работа одбрана 1996). *Studia Ruthenica*, 6. Нови Сад: Дружтво за руски јазик, литературу и културу, 1998, б. 293–304.
- Гавриловић 1977 — С. Гавриловић. *Русини у Бачкој и Срему од средине XVIII до средине XIX века*. Годишњак Друштва историчара Војводине. Нови Сад: Друштво историчара Војводине, 1977, б. 153–215.
- Говля 2008 — А. Говля. *Мена и презвиска у Шидзе* (дипломска работа одбрана 2007). *Studia Ruthenica*, 13. Нови Сад: Дружтво за руски јазик, литературу и културу, 2008, б. 102–125.
- Дрляча 2006 — Д. Дрляча. *Руснаци у етнографских записох*. Нови Сад: Дружтво за руски јазик, литературу и културу, 2006.
- Дюрко 2004 — С. Дюрко. *Власни женски мена у Руским Керестуре* (дипломска работа одбрана 1999). *Studia Ruthenica*, 9. Нови Сад: Дружтво за руски јазик, литературу и културу, 2004, б. 189–204.
- Жирош 1997 — М. Жирош. *Бачванско-сримски Руснаци дома и у швецe (1745–1991)*, 1. том. Нови Сад: Грекокатоличка парохија св. Петра и Павла, 1997.
- Киш и др. 1978 — Г. Киш, Г. Скубан, М. Сакач, М. Фейса. *Сучасни особни мена у Руским Керестуре и Коцури*. Творчосц. Нови Сад: Дружтво за руски јазик и литературу, 1978, б. 53–59.
- Кочиш 1978 — М.М. Кочиш. *Фамилийни презвиска и назвиска Руснакох у Югославиї*. Лингвистични роботи (репринт зоз: Шветлосц, 2, 1973, 164–194) Нови Сад: Руске слово, 1978, б. 187–218.
- Кучмаш Клеменс 2008 — А. Кучмаш Клеменс. *Як настали презвиска. Русини/ Руснаци/ Ruthenians (1745–2005)*. 2. том. Гл. уред. М. Фејса. Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет – Одсек за русинистику, Културно-просветно друштво ДОК – Куцура, 2008, б. 203–209.
- Лабош Гайдук 2010 — Л. Лабош Гайдук. *Руснаци у Шидзе 1990–1950*. Шид: Културно-просветне дружтво Дюра Киш, НВУ Руске слово, 2010.
- Лабош 1979 — Ф. Лабош. *История Русиных Бачкей, Сриму и Славоний 1745–1918*. Вуковар: Союз Русиных и Украинцох Горватскей, 1979.
- Лађевић 1969 — М. Лађевић. *Савремена ономастика града Н. Сада*. Прилози проучавању језика, 4. Нови Сад: Институт за јужнословенске језике Филозофског факултета, 1969, б. 175–196.

- Лађевић 1977–1978 — М. Лађевић. *Лична имена у Новом Саду (1972–1975)*. Прилози проучавању језика, 13–14. Нови Сад: Институт за јужнословенске језике Филозофског факултета, 1977–1978, б. 93–132.
- Мудри, Саламон 1992–1993 — В. Мудри, Ј. Саламон. *Прилог гу историји рускеј школи у Шидзе*. *Studia Ruthenica*, 3. Нови Сад: Дружтво за руски јазик и литературу, 1992–1993, б. 208–268.
- Рамач 2002 — Ю. Рамач. *Граматика руског јазика*, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002.
- Удвари 1985 — И. Удвари. *Фонетичне адаптоване мађарских словах у бачванско-сримским језику*. Творчосц, 11. Нови Сад: Дружтво за руски јазик и литературу, 1985, б. 40–62.
- Фирис 2008 — Г. Фирис. *Презвиска мађарског походзена при бачванско-сримских Руснацох*. Русини/ Руснаци/ Ruthenians (1745–2005). 2. том. Гл. уред. М. Фејса. Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет – Одсек за русинистику, Културно-просветно друштво ДОК – Куцура, 2008, б. 210–228.
- Холошњай 2008 — М. Холошњай. *Мешацослов/ Мисяцослов*. Русини/ Руснаци/ Ruthenians (1745–2005). 2. том. Гл. уред. М. Фејса. Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет – Одсек за русинистику, Културно-просветно друштво ДОК – Куцура, 2008, б. 229–249.
- Чучка 1973 — П.П. Чучка. *О чим шведочи антропонимия войводянских Руснакох*. Шветлосц, 1. Нови Сад: Руске слово, 1973, б. 95–110.

М. Fejsa. Vojevodina russiinide ees- ja perekonnanimed

Autor käsitleb russiinide ees- ja perekonnanimede levikut Vojevodinas. Seejuures pööratakse tähelepanu nimede sagedusele ja nende varieerumisele piirkonniti. Autor jäeldab, et Vojevodina russiinidel on kasutusel ligikaudu 600 perenime, millest suur osa on ungari päritolu.

Янко Рамач

Університет у Новим Садзе, Одделєнє за русинистику

РУКОПИСНИ ХРОЊІКИ РУСКОГО КЕРЕСТУРА З 18. И 19. ВИКА

Руснаци у Южней Угорскей – Бачка, Войводина – Керестур/ Руски Керестур – хроЊіки – рукописни зборЊіки

По нешка не утвердзене хто и кеди почал водзиц хроЊіку Руского Керестура. Обявени штири верзиї тей хроЊіки (Гнатюк 1903, 5–6; СВК 1921, 92–95; Миз 1970, 90–96; Рамач 1988, 527–550), а у рижних оригінальних рукописних зборЊікох або у копийох єст ище коло 10 верзиї керестурскей хроЊіки, цо дава основу тверdziц же у 19. в. таки рукописи було вельо ведей и же писанє и преписованє хроЊікох було барз популярне медзи руским валалским жительством. У дальшим тексту ше дава кратки інформації о єденац рукописних верзиїох хроЊіки Руского Керестура.

1. Визначни українски етнограф и фолклорист Володимир Гнатюк (1871–1926) влєце 1897. року, теди як студент на трецим року студийох исторії у Львовє, препровадзел три и пол мешацї на науковей експедиції медзи Руснацами у Бачки (Мушинка 1967, 7–69; Мушинка 1987, 332). Теди у Керестуре чул же у валалє нїби єст велька хроЊіка у котрей записани найважнейши подїї зоз живота людзох у тим валалє. Нажаль, Гнатюкови ше теди не поспишло пренайсц рукопис тей хроЊіки, алє познейше достал од Миколи Ерделя з Керестура штири рукописни зборЊіки Михайла Туринского (Гнатюк 1903, 5–6). У єдним зоз тих зборЊікох, котри зложени 1888. року., а В. Гнатюк го означел як рукопис М. Туринского «Г», на концу як дзеветнасти текст у зборЊіку, на бокох 350–355 записана хроЊіка Керестура *Спомен вични керестурски* (Гнатюк 1985, 136–137), у котрей описани подїї од 1746–1895. р. Гнатюк 1903. р. обявел тоту хроЊіку зоз необхіднима коментарями (Гнатюк 1903, 7–9). Вон тримал же то лєм кратки вивод зоз обширней хроЊіки, котру ше му не поспишло пренайсц у Керестуре 1897. р. (Гнатюк 1903, 6). Медзитим, анї по нешка не пренайдзени таки обширни рукопис хроЊіки, за котру Гнатюк

тримал же иснує. Шицки познати хроніки котри описую події у Керестуре у периодзе од половки 18. по конец 19. або початок 20. в. барз подобни по обсягу, змисту и подійох котри описую аж по 80–90-и роки 19. в., як кед би походзели зоз єдного жридли, а аж од того часу їх авторе, преписоваче або составляче вельо обширнейше записую їм уж сучасни події, уношаци часто и поєдиносци зоз власних животох.

Випатра просто невяроятне же В. Гнатюк, перебуваюци у Керестуре влєце 1897. р., не нашол рукопис керестурскей хроніки, бо сам наводзи же теди мал у рукох вецей рукописни зборніки парацерковней поезиї и прози, а у даєдних зборнікох, котри зачувани по нешкѣ, записана даєдна верзия керестурскей хроніки. У пиятим томе Гнатюкових *Етнографичних зборнікох з Угорскей Руси* видрукована керестурска хроніка *Спомен вични керестурски* (Гнатюк 1988, 217–219), але то не тотѣ **верзия хроніки, котру В. Гнатюк обявел 1903. р.** у зборніку *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*, але превжата верзия хроніки котра була друкована у *Руским календаре* 1922. р. (СВК 1921, 92–95).

Хроніка *Спомен вични керестурски* по 1886. р. записує найважнейши події котри ше случовали у валалє скоро телеграфски, прето не чудне же В. Гнатюк тримал же то лєм вивод зоз обширнейшей хроніки. Події по рокох записани на шлїдуюци способ: «1746. Кетъ почали селѣць»; «1772. Кетъ почали церкву правиць»; «1836. Кетъ колера перша була»; «1848. Кетъ ше буна зорвала у Мадярскей»; «1861. Кетъ новтаруша вигналі, Салая»; «1878. Нашъ царъ Босну отняль». За народного хронічара або за валалску заєдніцу, шицко єдно, на исти способ ше чуваю у памєтаню и запису найважнейши події у валалє як цо то початок присельованя, початок будованя церкви, велька епидемия колери, виганяне валалского новтаруша, як и значни историйни події як цо то революция 1848. або забєранє Босни и Герцєговини з боку Австро-Угорскей 1878. р. Дакеди ше даєдней необичней події, котра «потрясла» валалску заєдніцу, придава вєкше значєне як велькей историйней події, наприклад: «Кетъ бирова вицагли за власи Гудака на вельку ноць, а вєцка позавєрали 37 хлапцох до Зомбора»¹.

2. **Друга верзия** хроніки Керестура *Спомен вични керестурски* обявена у *Руским календаре* 1922. р. (СВК 1921, 92–95). То уствари превжата хроніка котру обявел Г. Гнатюк 1903. р., але часточно дополнена з податками зоз рукописней хроніки Янка. Ерделя (СВК 1921, 92). Тота хроніка провадзи події по 1909. р., а Гнатюкова лєм по 1895. рок. Други значнейши розлики медзи нїма нет.

3. *Трецу верзию* хроніки Руского Керестура з насловом *Спомин вични керестурски* објавел Роман Миз 1971. р. (Миз 1970, 90–96). Вон наводзи же хроніку превжал зоз рукописного зборніка непознатого автора и же зборнік ма два часци: у першей евангелски тексти писани на мишаніни старославянского и народного руского языка, а у другой часци наведзена хроніка, котра провадзи події од 1746–1940. р. Медзитим, Миз у публікованю тей хроніки вихабя події од 1746–1890. р., тримаючи же тота часц хроніки ідентична з хроніку *Спомен вични керестурски*, котра објавена у Руским календаре 1922. р. (Миз 1970, 90–91), а објавює лем часц од 1890–1940. р., кед ше тоти два хроніки досц розликую. З детальну анализу мож установиц же тоти два верзії керестурскей хроніки ані по 1890 р. не ідентични, як наводзи Р. Миз, але то заслужує окремну анализу.

Автор односно составяч хроніки *Спомин вични керестурски*, објавеней 1971. р., очиглядно по 1890. р. хаснує исте жридло як и авторе/ составяче наведзених хронікох објавених 1903. и 1922. р., або други жридли, барз подобне тим, а од 1890 р. вон и сам водзи хроніку и записує за нього значни події, або пребера податки и зоз других жридох або других подобних хронікох.

Гоч Р. Миз наводзи же хроніку превжал зоз зборніка непознатого автора, тот зборнік мож наволац «Бабинчаков», бо на вецей бокох на горней маргини стої подпис «Бабинчак»². У тей верзії керестурскей хроніки ше споминаю вецей події, котри ше не споминаю у других верзійох, наприклад:

«1897. <...> и царицу заклали мадарску у Женеві з ресельовом»; «1910. Гвизда ше показала з хвостом»; «1912. Вербаску цукрову фабрику правели и у нас цвиклу такой садзели и червинску цукрову фабрику теди почали правиц»; «1913. <...> И тот рок Габор Гомза першу службу служел у Керестуре. И омнибус почал вожиц. И телефон до Керестура положили»; «1921. Кед порти достала худоба коло валалу».

Интересантне же даєдни ту наведзени події мали значенє за цалу валалску заєдніцу, а не записани су у других верзійох керестурскей хроніки. Медзитим, за хронічара вистка и кед ше у єдним року у валале двоє обешели и єдному дзвонєли и ховал го паноцец, а другого не³.

Кед за крижевского епископа поставени Юлий Дрогобецки, хрончаре у своїх хронікох наглашовали же то перши епископ Русин од снованя епархії 1777. р. У хронікох записане же под час першей на-

щиви Руснацом у Бачки кресцел дзеци Назаренох у Старим Вербаши: 1892. «Положели владику Юли Дрогобецьки⁴ и такой кресцел бугерчата»⁵.

У хроніках Керестура записани и події под час виберанкох за посланікох 1892. р. Вибор Войничача у трох хроніках означени як велька манипуляция зоз слабо упутеним народом до политичних обставинох, бо кандидат легко «купо вал» гласи з пенсжом и госценьом людзох по карчмох⁶. Події у вязи з тима виберанками за посланікох до парламенту описани и у даскеліх народних писньох котри В. Гнатюк записал у Керестуре и Коцуре 1897. р.⁷.

4. **Штварту верзию** хроніки Керестура под насовом *Спомин од створеня швета* обявел Янко Рамач 1988. р. (Рамач 1988, 527–550). Тота хроніка зоз рукописного зборніка парацерковних прозних текстох, а на маргинох хроніки на даскеліх бокох записане же ю писал Дюра Фейди. Текст тей хроніки ше по осемдзешати роки 19. в. барз мало розликує од хроніки котру 1903. р. обявел В. Гнатюк и од хроніки обявеной у Руским календаре 1922. р., а од теди автор/составяч водзи свою хроніку самостойнейше або хаснує податки зоз власного живота, наприклад, под 1886. р. записане: «Я заробел у Руми дзеведзешат форинти за дзевец тижні». Чкода же ту автор не наводзи цо там робел. Под 1896. р., окрема другого, наводзи: «Купели зме хижу за штиристо фотинти» (Рамач 1988, 531). Автор спомина же ше 1896–1897. р. у Керестуре дзвигли социялисти, же була велька драготня, жито слабо зродзело и було барз драге. Далей наводзи же 1913. р. робел на копаню яркох у валалє: вони дзешецме викопали вецей як 6 км за дзешец дні и ведно достали 1240 форинти.

Тота хроніка провадзи події по 1926. р. Їй автор/составяч вироятно припадал гу худобнейшому пасму жительох, цо мож заключиц зоз непрерывного споминаня велькей драготні и наводзєня ценох основних польопривредних продуктох, статку и живини, ценох мяса, поготов под час Першей шветовой войны и непосредно по ней. На то наводза и то то же записал же 1886. р. робел у Руми, а 1913. р. на копаню яркох у Керестуре.

5. **Виславски Янко** з Керестура, родзени 1886. р., 1905. р. почал писац хроніку Керестура по руски, але зоз латиницу и з мадярским правописом⁸. Хроніка писана у теки на линії, формата А4, зоз твар-

дима рамиками. Описує події од 1747–1936. р. Велї податки, часто и цали виреченя и їх конструкції у тей хроніки од 1890. р. очиглядно кореспондую зоз хроніку Бабинчака и Г. Балінта.

6. *Житель Керестура Габор Балінт*, по тераз бліжей не идентифікована особа, охабел *два рукописни хроніки Керестура*, котри ше сущно медзи собу не розликую. Хроніка з 1911. р. написана на 10 непагинованих бокох/ паперох. Други рукопис хроніки состояйна часц рукописного зборніка котри ма 62 боки, але хибя перши 12 боки. Хроніка виписана на бокох од 21–38 и провадзи події од 1747–1909. р. Тот рукопис писани часточно з друкованима церковнославянськими буквами, часточно з руску писану кирилку.

Перша верзия хроніки Г. Балінта з 1911. р. не ма окремни наслов, а на першим, дакус украшеним боку стої: «Балінт Габор писал 1911. Списани роки од 17.. року до нешка. Хто сце знац и почитац ту є виписане». Ту події по 1848. р. не вше пошоровани по хронологийним шоре, з чого мож заключиц же составяч хроніки препишуюци податки з другей, вироятно старшей хроніки, або зоз вещей жридлох, направиел препущеня у шорованю подійох⁹. Тота хроніка потераз не була опублікована або споминана у літературі.

7. У рукописним зборніку *Страсцох Христових*¹⁰ на концу записана *хроніка под насловом Спомин од зачатия Керестура*. Хроніка по тераз не була опублікована ані спомина у літературі. Виписана є на 15 бокох, пагинованих од 1–15, але хибя 8. и 9. б., на котрих були записани події од 1907–1912. р. Хроніка описує події од 1747–1923. рок.

Автор у хроніки наводзи же його оцц умар у януаре 1869. р., же Маря родзена 9. августа 1880, а Єфрем — 1893. р. (то його дзеци, дзивка и син). Наводзи и же 1895. р. зламал ногу, а 1897. р. ше приселел до Керестура (не наводзи одкаль). Лем у тей хроніки ше наводзи же «1882. Гвизда ше показовала з метлу наяр и вешенї», же 1884. р. будовали воденіцу на шлайсу и же дасдни з Керестура 1887. р. були з паломніцтвом у Риме. Наводзи и же 1898. р. забили австрийску царицу.

За валал вистка и же 1902. р., кед ше син женел, його оцц бул на другей свадзби староста. У тей хроніки ше спомина, а у других не, же 1904. р. була суша, же було огні и же вельо хижи у валале згорели. Хронічар спомина и же му син Єфрем 1916. р. бул моблизовани як айстроугорски вояк и же бул на святочности под час корунования мадярского краля Карла IV. На тей святочности була и Єфремова мац, хронічарова

супруга. У хроніки под 1917. р. записане, бо за валал и то подія за паметанє, же син забил мацерового любовніка — зараброваного Руса. У хроніки ше спомина винчанє сербского краля Александра и краліци Марії 1922. р. На тей святочности у Београдзе були и члени авторовой фамилии Дюра и Цила. И у Керестуре у тей нагоди пририхтана пригодна святочност.

8. *Хроніка Керестура Габра/ Гавриїла Виславского* состояйна часц його рукописного зборніка *Хождєніє Богородици по мукам*¹¹. Хиба перши два боки зборніка. Текст *Хождєніє Богородици по мукам* идзе од 3–22. б. На 23. б. часц хроніки од 1905–1909. р., вєц шлідза други парацерковни тексти, а од 38–40. б. текст *Спомин колери* — кратки текст о колери у Керестуре 1836. р., и ту написане же текст записал учитель Дюра Магоч. Тот текст о колери состояйна часц и даєдних других верзийох керестурскей хроніки. Хроніка *Спомен вични* виписана на трох боках, од 40–42, и провадзи події од 1751–1889. р. Хиба остатні боки зборніка, дзе було предлужєнє хроніки.

9. У кніжки *Молитослов*, друкованей у Почаївским монастире 1776. р.¹², такой после твардих рамиках уручени и ушити штири папери на котрих *Янко Гарвильчак* записал хроніку Керестура од 1864–1880. р., и хроніку Дюрдьова од 1880–1889. р. Хроніка писана зоз руску/українску кирилицу, з писанима буквами. Автор/власнік кніжки водзел свою хроніку, або податки преберал зоз другого жридля, або зоз даякей, потераз непознатей хроніки. Хроніка антересантна по тим же ю автор почал водзиц у Керестуре (1864–1880), а кед ше преселел до Дюрдьова, почал водзиц хроніку Руснацох у Дюрдьове (1880–1889).

Лєм у Гарвильчаковей хроніки ше наводза тоти податки за 1864. р. у Керестуре: «1864. рок то таки буль же статок гинул од гладу. Не було трави, не було води». Ту ше наводзи и же 1865. р. було вельо снігу и же те ди пренайдзєне цело мертвого легиня по походзеню з Баварскей. И у других хроніках ше спомина лєм же того року було вельо снігу, вельке фурканє, и же людзе дзешєц дні не могли виходзиц зоз хижох. Скоро шицки хроніки Керестура наводза же 1871. р. були вельки води, але Гарвильчак то сликовито описує: «1871. Рок бул водни, ишла вода през валал як Дунайом», а за 1872. р. наводзи же людзе зоз валалу виходзєли на чамцох, цо тиж так не наведзєне у других хроніках. Гарвильчак наводзи же ше 1880. р. преселєл з Керестура до Дюрдьова, же у Дюрдьове 1884. р. почали правиц руску школу, котра 1885. р. була пошвєцена.

10. У рукописним зборніку духовней/парацерковней поезії котри зложила **Ганя Берек** 1885. р.¹³ на першим пагинованим боку описана нашива крижевского владики Керестуру 1884. р., дзе му пририхтани святочни дочек. На остатніх трох боках у тим зборніку виписана керестурска хроніка *Спомин вичні*, дзе ше провадзи події од 1751–1849. р., а хибя остатні боки зборніка и предлужене хроніки. Ту и запис о колери у Керестуре 1836. р., котри зложел учитель Дюра Магоч.

11. Найновшого датума хроніка Руского Керестура *Спомин вични керестурски* котру *умовно подписую двома авторе: Янко Чакан и Дюра Будински*¹⁴. Хроніку зложел або преписал Я. Чакан з Руского Керестура (1871–1957), а осемдзешатих роках ю до своєї теки преписал Дюра Будински зоз Руского Керестура (1965–1989), имитуюци писане Чакановой або и других старих руских хронікох и текстох зоз церковнославянскимима буквами. Медзитим, Будински дополнювал хроніку з податками зоз других хронікох и историйней литературы. Оригинални рукопис хроніки Я. Чакана не пренайдзени.

12. Остатні хронічар чи літописец Руского Керестура академик **Юлиан Тамаш**: 1992. р. обьявел монографію *Руски Керестур. Літопис и история (1745–1992)* (Тамаш 1992), котру писал як літописец и историчар. Тамаш перше як літописец записує шицки важни події од приселеня Руснацох до Керестура, пишуци у першим ліцу єднини, як кед би бул учашнік або сучашнік шицких тих подійоох од 1745–1992. р., пребераючи податки зоз народних хронікох, зоз других историйних жридлих и литературы, а вец як историчар прави анализу и критично спатра прешлосц Керестура.

На концу заключене: вироятно свидоми же усна традиция кедитеди не стане, а писане слово тирва вельо длузей, у страху же єдного дня не станю на тих просторох як национална и релігійна заєдніца, Руснаци у Бачки пестовали писане хронікох своїх населеньох и так чували паметанє о самих себе. Тоти хроніки мали вельке значене у чуваню їх національного идентитета.

ЗАУВАГИ

¹ О тей події, кед селяне бирова Гудака «вицагли за власи» зоз валалскей хижи и «випровадзели го зоз цеглами», а вец до валалу пришол одряд войска, же би чувал порядок и мир (обширнейше у: Рамач 2007, 311–312).

- ² Копії тей рукописней хроніки достал сом од Мирона Жироша, визнач.ного руского новинара и публицисти, та хаснуем нагоду щиро му за тото подзековац. Поровнуючи текст тей хроніки и хроніки котру обявел Р. Мир, мож заключиц же слово о идентичним тексту.
- ³ «1922. <...> Штефан Надьмишка ше обешел на Вельку ноц и пановец го ховал и дзвонели Надьмишкови. <...> И тот рок Михал Кашовски ше обешел на Петра. Його не ховал пановец» (Миз 1970, 94).
- ⁴ Юлий Дрогобецки (1853–1920), крижевски епископ (1891–1920), по походзеню Русин зоз грекокатолицкей Мукачевскей епархії, промадарски ориентовани.
- ⁵ И други жридла записали же епископ Ю. Дрогобецки под час тей нашиви Руснаком у Бачкей у Ст. Вербаше кресцел дзеци Назаренох. Тота подія ше на исти способ спомина у хроніки Бабинчака, Янка Виславского и Габра Балінга, цо указуе же тоти хроніки хасновали исте жридло або їх авторе/ преписоваче медзисобно преберали податки.
- ⁶ О тим спомина у хроніки Я. Виславски: «1892: <...> I tot rok deputirczoh 18-ho januara i vibrali Vojniča i to bulo sz hamisztvom, hto scel jescz, picz, penjezsi», а исте о тим пише и у хроніки Г. Балінга.
- ⁷ Писні 376. *Вибори у Вербасї*; 377. *Про Пульського*; 378. *Про Войніча*; 379. *Про Лелбаха* (Гнатюк 1986, 256–257)
- ⁸ Сам факт же хроніку писал млади человек и же ю писал з латиницу и з мадарским правописом указуе кельо претворйоване конфесийней школи у Керестуре на руским язикю до комуналней, а вец 1899. р. до державней, з державним мадарским наставним язиком уплївовало на мадаризацию Руснакох у Бачки.
- ⁹ Вон події по 1848. р. наводзи тим шором: 1747, 1777, 1784, 1816, 1831, 1834, 1836, 1751, 1772, 1806, 1813, 1821, 1830, 1846, 1844, 1848.
- ¹⁰ Рукописни зборнік непознатого автора, чува ше у библиотеки грекокатолицкей парохії у Руским Керестуре.
- ¹¹ Рукописни зборнік ше чува у Музейней збирки у Руским Керестуре, без сигнатури.
- ¹² Кніжка ше чува у библиотеки у збирки старих кніжкох на грекокатолицкей парохії у Руским Керестуре.
- ¹³ Кніжка ше чува у библиотеки у збирки старих кніжкох на грекокатолицкей парохії у Руским Керестуре.
- ¹⁴ Хроніка ше чува у библиотеки у Руским Керестуре.

ЛИТЕРАТУРА

Гнатюк 1903 — В. Гнатюк. *Керестурська хроніка*. Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. LIII, кн. III. Львів, 1903, с. 5–6.

- Гнатюк 1985 — В. Гнатюк. *Угорські духовні вірші*. Етнографічні матеріали з Угорської Руси. Т. I. Нови Сад: Руске слово, 1985, с. 136–137.
- Гнатюк 1986 — В. Гнатюк. *Етнографічні матеріали з Угорської Руси*. Т. IV. Нови Сад, 1986, с. 256–257.
- Гнатюк 1988 — В. Гнатюк. *Етнографічні матеріали з Угорської Руси*. Т. V. Нови Сад: Руске слово, 1988, с. 217–219.
- Миз 1970 — Р. Миз. *Спомин вични керестурски*. Християнський календар за вирних Крижевацкей епархії 1971. Руски Керестур, 1970, б. 90–96.
- Мушинка 1967 — М. Мушинка. *Володимир Гнатюк — перший дослідник життя і народної культури русинів-українців Югославії*. Народні приповідки бачванських Русиних. Руски Керестур: Руске слово, 1967, б. 7–69.
- Мушинка 1987 — М. Мушинка. *Володимир Гнатюк. Життя та його діяльність в галузі фольклористики, літературознавства та мовознавства*. Париж – Нью-Йорк – Сідней – Торонто, 1987.
- Рамач 1988 — Я. Рамач. *Спомин вични керестурски або Спомин од створення швета*. Шветлосц. Нови Сад, 1988, № 5, б. 527–550.
- Рамач 2007 — Я. Рамач. *Руснаци у Южней Угорскей (1745–1918)*. Нови Сад, 2007, б. 311–312.
- СВК 1921 — *Спомен вични керестурски*. Руски календар 1922. Руски Керестур: Руске народне просвітне дружтво, 1921, б. 92–95.
- Тамаш 1992 — Ю. Тамаш. *Руски Керестур. Літопис и исторія (1745–1992)*. Руски Керестур, 1992, 494 б.

J. Ramač. XVIII-XIX sajandite Ruski Krsturi käsikirjakroonikad

Bačkas (Vojevodina, Serbia) elavad lõuna-russiinid pidasid alates XVIII sajandi keskpaigast kroonikaid, milles kirjeldati elu uues kohas. Nendes leiavad kajastamist ka kõige tähtsamad sündmused. Käesoleva ajani on avastatud 11 versiooni lõuna-russiinide keskuse (Ruski Krstur) kroonikast. Artiklis esitatakse kõikide versioonide sisuline ja tekstoloogiline iseloomustus.

Michael Moser
Wiener Universität

ПРОЩАННЯ З УКРАЇНСТВОМ: ДЕКІЛЬКА ЗАВВАГ ПРО МОВНУ ІСТОРІЮ РУСИНІВ ЗА ВЛАДИ МІКЛОША ГОРТІЯ

Карпаторусинистика – кінець 30-х – перша половина 40-х рр. ХХ в. – питання про карпаторусинський літературний мовний – мовний періодичних видань – мовний граматики

1. Русини чи русини-українці?

У всіх регіонах, де живуть русини, одні вважають русинів складовою частиною українського народу, а інші — окремим народом. За даними останніх офіційних переписів, у Закарпатській області України прихильників русинської національної ідентичності доволі мало (приблизно 10100; пор. Kuzio 2005, 1–15), тоді як у Словаччині вони складають більшість порівняно з тими, що визнають українську національність (приблизно 24000 русинів супроти 11000 українців; див. Census 2001 in Slovakia. URL: www.centroconsult.sk/Genealogy/census.html). Зазвичай ані прихильники русинської, ані прихильники української національної ідентичності русинів не заперечують певну регіональну специфіку русинів/українців у Закарпатській області, в Східній Словаччині, в Польщі, в Угорщині, в Румунії, в Сербії та Хорватії. Трохи складніше, натомість, знайти те спільне, що єднає русинів у всіх цих регіонах між собою, за винятком того, що вони не приймають для себе етнонім «українці» та глтонім/лінгвонім «українська мова» (які інші українці прийняли протягом пізнього ХІХ і раннього ХХ ст.).

Серед найважливіших, безсумнівно позитивних, наслідків нового русинського руху після 1991 р. можна було б назвати те, що від цього часу зроблено багато що для збереження й дослідження культурної й мовної спадщини названих регіонів не лише там, але й за кордоном. Від самого початку професорові Александру Дуліченкові належить почесне місце в цій царині не лише через його діяльність як провідного дослідника слов'янських мікролітературних мов загалом,

але й зокрема через його найновіші праці, приміром його вагому антології під назвою «Письменность и литературные языки Карпатской Руси» (Дуличенко 2008; пор. мою рецензію: Moser 2011, 408–414). Обширна антологія А. Дуличенка

«предназначена для того, чтобы заложить основы всестороннего изучения литературно-языковой истории Карпатской Руси на протяжении полутора тысячелетия — от появления первых памятников письменности в XV веке и по XX век включительно» (Дуличенко 2008; з обкладинки).

Без застережень можна погодитися, що цей твір насправді суттєво сприяє досягненню названої мети.

Варто вказати, що в антології представлено, за словами видавця й автора передмови, «некоторые тексты», які мають «явно пропагандистский и радикально-политический характер» (Дуличенко 2008, 26). У цьому контексті А. Дуличенко заважує:

«<...> включая их, составитель совсем не имел в виду их «оживление» для нынешних целей, но лишь хотел показать, какие языковые средства были в них использованы. К ним следует относиться именно как к лингвистическим текстам» (Дуличенко 2008, 26).

2. Русини в гортіївській Угорщині та «Нова Недзля»/ «Карпатська Недзля»

Для істориків мови тексти яскраво пропагандистського характеру часто належать до найцікавіших, позаяк не завжди йдеться нам лише про мовні форми: Не менш цікавими є ідеології, на чийому підґрунті ці самі форми ввійшли чи не ввійшли до різних пам'яток. Предметом цієї статті є гірстка яскраво пропагандистських текстів з підкарпатських газет, що виходили після того, як Угорщина за влади диктатора й регента Королівства Угорщини Міклоша Гортія захопила Підкарпаття двома кроками: Нагадаймо, що внаслідок Першого Віденського арбітражу мадярські гонведи вже в листопаді 1938 р. Захопили найважливіші частини Підкарпаття включно з Ужгородом, Мукачевом та Береговим. Позосталі частини Підкарпаття ще перетривали кілька місяців як автономний регіон у складі Чехословаччини під назвою «Карпатська Україна», що з неї після остаточного розпаду Чехословаччини нарешті було створено самостійну державу. Проте з 15 по 16 березня 1939 р. ця держава проіснувала лише кілька годин...

Певна річ, ці історичні події справили певен вплив на історію мов. Після Першої світової війни на Підкарпатті завзято змагалися

були між собою прихильники українства та русофіли. Набагато скромнішу роль відігравали тоді нечисельні прихильники окремої русинської ідентичності, що в додаток мали досить різні уявлення про те, в чому саме мала полягати суть цієї ідентичності й пов'язаної з нею мови. Після того, як гортіївська Угорщина захопила Підкарпаття, переможці швидко запровадили різні заходи в галузі мовної політики, зокрема на користь поновної мадяризації цього регіону. Щодо русинських ідентичностей, мадярська влада раптом заборонила українство, тоді як підтримувала вузькорегіональну русинську етнічну й мовну ідентичність у складі угорської держави, не забороняючи при цьому традиційне русофільство (пор. Магочій 2007, 100). Саме цей підхід до русинського питання дуже гарно віддзеркалюється вже в перших постановах гортіївського режиму, що про них уже через два дні після I Віденського арбітражу писав (по-російському) у газеті «Нашъ Путь» підкарпатський русофіл Стефан Фенцик:

«Недавнее распоряжение карпаторусскаго правительства о закрытіи всѣхъ русскихъ газетъ, сегодняшнимъ днемъ отмѣняется. Одновременно запрещается изданіе всѣхъ чешскихъ и украинскихъ газетъ в Ужгородѣ, Мукачевѣ и Береговѣ. Русскія и мадярскія газеты съ сегодняшняго дня на основаніи этого распоряженія не подлежатъ цензурѣ. Постановленіе вступаетъ въ силу съ момента его опубликованія. Ужгородъ, 4 XI. 1938. Съ повѣренія Мадьярскаго Національнаго Совѣта П. Бернатъ» (цит. за Капраль 2006, 233).

Русофіли були в захваті: у мадярському Підкарпатті вже не було простору для українства, що міцно розвивалося було після Першої світової війни. Навіть русофіли тоді ще не усвідомлювали, що гортіївці таки найбільше схилилися до підтримки місцевого «русинства», в чийому таборі, зрештою, опинилося чимало колишніх «українофілів» (Капраль 2008а, 10). Це, зрештою, не дивно, бо саме українці вже раніше ставилися були здебільшого досить толерантно до місцевих підкарпатських мовних традицій, починаючи з галичан Івана Панькевича й Володимира Бірчака аж до самих підкарпатських русинів на кшталт Августина Волошина (пор. Мозер 2010, 68–93; Мозер у друці а; Лукачина 2010, 58–62).

У статті П.-Р. Магочія можна знайти стислі інформації про найважливіші заходи в мовній політиці цих днів:

«Першым кроком было выданыя пятѣхъ читанокъ про основны школы [в посланні: *Первый/ Другый/ Третій/ Четвертый/ Пятый цвѣтъ дѣтской*

мудрости для I./II./III./IV./V. класса народной школы, Унгварь 1939)] і «угро-руської» граматики про середні школи, котру зложили дакотры русиньскы учітелі і культурны діятелі як члени комісії Мадярьского штату <...> Векший вплив мав язык приятый новозаложенным Підкарпатським обществом наук, котрый ся хосновав в ей публікаціях, як і в русиньській граматиці Івана Гарайды» (Магочій 2007, 100).

Про мову першої з названих граматик торонтський вчений пише так:

«Грамматика угрорусского языка для средних учебных заведений (Унгварь 1940). На чолі комісії були Александер Ільницький і Василій Сулинчак, хоць рада угорьской влади про школи Підкарпаття Юлій Марина написав передслово, зато го поважують, хоць хыбно, за автора граматики [так]. Дакотры автора і учітелі барз критізували тоту граматику, бо, подля них, не была дость орьєнтована на російський язык, позерай Г. І. Геровскій і В. Крайняницъ, ред., *Разборъ грамматики угрорусского языка* (Ужгород 1941). Такое позад того, як Мадярьско припоіло Підкарпатську Русь, Георгій Геровскій видав *Русскую грамматику для народных школъ* (Унгварь – Ужгородъ 1939), але нігда ся не вживала у школах» (Магочій 2007, 100).

Щодо першої граматики, прямишівська дослідниця Анна Плішкова слушно згадує про те, що її вже в свій час критикували за «слабку репрезентацію місцевих слів у цій публікації» («the weak representation of local words in this publication»; Plishkova 2009, 62). Іншими словами, від русинської мови в сьогодиньшому розумінні вона була дуже далеко.

Що ж до граматики Івана Гарайди, П.-Р. Магочій пише, що

Гарайда вірив, же найде «в дійсности [так, зам. *дійсности*, М.М.] компроміс», котрый бы одзеркалив говорový русиньський язык, доповнив го дакотрыма словами, котры ся уж прияли або мали быти прияты як неооділна [так] часть «традиционного карпаторусского языка». Но як ся указало, многы были лем пожычками з російського языка (довольно, только, просвещатися і под.) (Магочій 2007, 100–101).

Натомість А. Плішкова твердить, що

Гарайда знайшов «компромис між говірною мовою та ‘традиційною карпато-руською’ мовою» («a compromise between the spoken language and the ‘traditional Carpatho-Russian [!], M.M.’ language») і досить обережно формулює, що «попри те, що Гарайда зберіг багато запозичень з російської мови, певні науковці погоджуються з думкою, що нова граматика тоді справді виконувала ‘фактично кодифікаційну функцію’» («In spite

of the fact that Haraida retained many borrowings from Russian, certain scholars agree with the view that the new grammar at that time did indeed fulfil 'a factually codificatory function'»; Plishkova 2009, 63).

Саме вибір граматик, що їх було дозволено для вжитку в школах гортіївської Угорщини, віддзеркалює мовну ідеологію тодішньої влади та її співпрацівників. Поза цим, обидві граматики цікаві в нашому контексті з принаймні двох різних причин: поперше, в наведених статтях указано на обидві граматики, при цьому цілком ясно, що редакція ставиться (чи мала ставитися) до них дуже прихильно. По-друге, за граматиками й за газетою, що з неї походять вибрані статті, принаймні частково стоять ці ж самі особи (зокрема член товариства «Подкарпатское Общество Наук» і головний редактор газети Александр Ільницький, канонік мукачівської греко-католицької капітули, що також став головним радником регентського комісара; пор. Капраль 2006, 236)¹.

3. «За права нашого домашнього народного языка (малоруського нарѣчїя) с рѣшучим откиненъмъ нашему народу чужой и ненавидженой украинщины»

Тексти, що їх ми розглянемо в цій статті, походять з газети, що мала назви «Нова Недѣля» (виходила в Ужгороді з 1 січня до 22 жовтня 1939 р.) та «Карпатска Недѣля» (виходила з 5 листопада 1939 до 20 липня 1941 р.; Капраль 2010, 6–7). Щодо загального опису газети, стислі дані подає Міхаїл Капраль (2006, 237–239), який також повідомляє читачів про наклад («Як и Нова Недѣля вуходжовала Карпатска Недѣля невеликим тиражом — до 1000 екземплярів»; Капраль 2006, 243) і про те, що «новинка пудтримовала са фінанчно державными структурами» (там-таки, 244). Попередником названих газет була «Недѣля», що виходила була ще за чехословацької доби з вересня 1935 до листопада 1938 р. Усі названі газети були під безпосереднім контролем Мукачівської греко-католицької єпархії. Принагідно слід зауважити, що саме цей церковний осередок у 1920-х рр. особливо завзято відстоював русофільські, а в рамках можливого також мадярофільські позиції. Однак з 1935 р. саме газета «Недѣля» почала пропагувати певну самостійну регіональну русинську ідентичність. Так сталося після того, як Чехословаччина, зокрема під впливом тодішнього міністра закордонних справ Е. Бенеша і, розуміється, перш за все у власних інтересах — почала дедалі активні-

ше сприяти розвитку русинської орієнтації супроти української та русофільської (ЕР 2005, 349)². Газета завжди виступала передусім проти української орієнтації, яка стала дуже успішною в міжвоєнному Підкарпатті. Залишки русофільської ідеології яскраво перетривали в рамках цього нового (й одночасно старого) регіоналізму, що походив саме з місцевого русофільства. Щоправда, в 1935 р. «Недѣля» ще виступила під гаслом толерантності:

«Мы честуеме пересвѣдченъе каждого чоловѣка. Мы высоко цѣниме культурну силу так великорусского як и украинского народа, мы в почести держиме их справедливыѣ національныѣ цѣли и стремленья, але при том не хочеме забыть о своем... Зато рѣшили мы сю нашу новинку выдати и писати на чисто народном языке» (цит. за Капраль 2008а, 9).

Ми вже побачили, що цей дух толерантності раптом зник тоді, коли мадяри захопили владу в країні. У листопаді 1939 р., А. Ільницький підтвердив у статті з газети «Карпатска Недѣля» суто вороже ставлення мукачівської епархії до українства (й до колишньої чеської влади):

«А по приключеню змагалася *Карпатска Недѣля*, чтобы доцѣльною, провиджающею и освѣтною работою прочистила тѣ руины и пропасти, якѣ в дорогу мадярско-руської братской спольной судьбы, посвяченой столѣтними спольными традиціями, поставила ческо-украинска чужа управа с так великою злобною волею, столько обманами и хитрощами» (цит. за Капраль 2006, 236).

Попри все варт сумніватися, чи гортіївський період був таким позитивним для русинства в сьогоdnішньому розумінні, яким його виображають деякі представники сучасного русинського руху. Зрештою, і «Нова Недѣля» й згодом «Карпатска Недѣля» з 19 листопада 1939 до 20 липня 1941 р. виходили не лише слов'янською мовою, але паралельно й угорською (про що мовчить більшість русиністичних праць)³, а після 20 липня 1941 р. ситуація для газети напевно не стала кращою.

Для тих, що раніше переконалися про те, що українська мова є найпридатнішою стандартною мовою, найкращим мовним дахом для підкарпатських русинів, обставини значно змінилися за влади гортіївської Угорщини. З другого боку, побачимо, що важко собі уявити «русинство» цієї доби без його міжвоєнного досвіду з українством, зокрема з українством в його галицькому різновиді. Чому нас, отож, зацікавлять понижче наведені статті з газети «Нова Недѣ-

ля»/ «Карпатска Недѣля»? З одного боку, бо вони містять вказівки на мовну свідомість і мовні ідеології їхніх авторів, а з другого, бо вони написані своєрідною, зрештою навряд чи «народною русинською» мовою.

3.1. «Едность нашего руського народа»

9 квітня 1939 р. «Нова Недѣля» оприлюднила наступний заклик до передплати:

Отворяеме передплату на «НОВУ НЕДѢЛЮ»

«Теперь, коли послѣ 15-го марта т.р. обновилася едность нашего руського народа а из стороны восточной Словаччины еще и щасливо розширилася область наших руських територій в границях Мадярщины, своею повинностью считаеме попросити Впр. Духовенство, Впочт. Учительство наше, якож и всю иншу нашу интеллигенцію и простой сельский Народ наш, чтобы нас своими передплатами подпоровати изволили [...]

Из огляду языкового ‚Недѣля‘ заставаеся за права нашего домашнего народного языка (малоруського нарѣчія) с рѣшучим откиненьем нашему народу чужой и ненавидженной украинщины. Кедь нашѣ братья Лемки можуть мати свою новинку и своѣ книжкѣ [так] выданѣ на своем домашном нарѣчію а так само розвивати можуть свое нарѣчіе и нашѣ братья Сотакы, то и нашему руському народу на Подкарпатах належиться право народное, чтобы мог мати свою новинку и своѣ книжки выданѣ на том языцѣ, котрый сей народ считае своим, и котрому разумѣе найлѣпше. Словом: Подкарпатскому Русинову даеме литературу кождоденну на его языцѣ, чого он на цѣлой линіѣ повным [!] правом и желае. Розумѣеся: что сим против руського литературного языка не ставимеся и против него интеллигенція, до котроѣ науковое образования середных и высших школ стремиться не боремесе, а признаеме его права в середных школах и выше, там, де того потребуе загальна высша» (РД 2010, 28).

Якщо за цими словами «едность нашего руського народа» відновилося саме завдяки захопленню Карпатської України мадярськими гонведами, то з цього можна зробити висновок, що тут насправді мається на увазі саме русини Підкарпаття — і тільки вони. Згодом це підтверджується тим, що йдеться про «область наших руських територій в границях Мадярщины». Ще цікавішим здається те, що читаємо про мовні справи. Автор дослівно пише про «права нашего домашнего народного языка (малоруського нарѣчія) с рѣшучим откиненьем нашему народу чужой и ненавидженной украинщины». Чи це не означає, що «нашѣ домашный народный языкѣ», на думку автора, знову мав мати лише статус «малоруського нарѣчія» під дахом яко-

гось «руського літературного» — очевидно, нарешті все-таки в розумінні «русского літературного» — языка? Відомо, що саме прихильники ідеології «єдиного/-аго недѣлимого/-аго русского/-аго языка» з найзавзятішою ненавистю ставилися до створення й існування окремої «українщини» («української мови»); саме так було й на Підкарпатті, тим більш за міжвоєнної доби. Цілком згідно з цим «наш домашній народний языкъ» аж ніяк не поставлено в наведеній статті на рівень визнаних тоді слов'янських мов, але лише на рівень «домашних нарѣчій» «наших братов Лемков» і «наших братов Сотаков» (у східній Словаччині). Автор намагається наголосити, що «сим против руського літературного языка не ставимеся и против него не боремеся, а признаеме его права в середных школах и выше, там, де того потребуе загальна высша интеллигенція, до котроѣ науковое образования средних и высших школ стремится». Іншими словами: за думками автора, не існує ніякої самостійної русинської чи карпаторуської мови. В його уявленні існували лише різні «малоруські» й інші «нарѣчя» з одного боку, а «руський (або все-таки: рускій) літературный языкъ» з другого.

3.2. «Одноцѣльна руська граматика»

15 липня 1940 р. в газеті «Карпатска Недѣля» вийшло повідомлення про нову «руську» граматику:

«В подкарпатской администраціѣ и научованю повинна уживатися нововыдана граматика»

С концем 20 лѣтной языковой борьбы — як знакомо — змаганя представников руського культурного живота звернулося на то, чтобы выробити одноцѣльную руську грамматику, котра поверне на передвоеннѣ обставины и з огляду на грамматичнѣ формы возьме в увагу головно вымоги народного языка. В интересѣ полагодження рожных назоров скликали из фавовцев складающе[-]ся [так у виданні, *М.М.*] ‘редагуючу коллегію’, котра по довгой працѣ зложила одноцѣльную всѣм вымогам отповѣдающе руську грамматику, котру теперь выдаѣ [так] подкарпатский регне[ен]тский [так у виданні, *М.М.*] комиссаріят.

Проводным принципом грамматики из огляду на фонетику и наголос взяли мѣстный выговор. В крузѣ слов поддержали всѣ уживанѣ подкарпатскѣ формы, еще и в тых случаях, если дакотрѣ слова из части або цѣлком не уживаются в нынѣшном руськом літературном языкѣ. Так само и в синтаксѣ, в конструкціѣ предложень держали перед очима дух мѣстного руського языка.

Введеня до новой грамматики написав министерский совѣтник др Юлій Марина, шеф культурного отдѣлення. Первый раз высказуе свою

подяку головному совѣтодателью [так] Александру Ильницкому за его стараня у выровнанню супротивных назоров и дякуе за працю також членам редагуючої комиссії [так], котрѣ мали на увазѣ только интерес руського народа. Выявив то свое желаніе, чтобы подкарпатское училительство сю граматику держало за урядову грамматику руського языка.

Регентский комиссарь барон Зигмунд Перенѣ в новой граматичѣ опредѣленный руський язык выголосив за урядовый язык подкарпатского научованя и администраціѣ [без крапки]» (РД 1939–1944/ 2010, 120–121).

Хоча в русиністичних публікаціях часто твердиться, що — принаймні тимчасовий — кінець мовних спорів на Підкарпатті настав лише тоді, коли совети «зукраїнізували» цей регіон, наведена стаття показує, що певні еліти підкарпатських русинів були глибоко переконані в тому, що вже вони в рамках і з підтримкою гортіївської Угорщини поставили крапку над мовними дискусіями передусім через заборону українства. Автор статті підтверджує, що автори граматики та їхні одностудці лише повернулися «на передвоєнні обставини» не останньою чергою через те, що «з огляду на граматичні форми» вони «взяли в увагу головну вимогу народного языка», при цьому вони, мовляв, зорієнтувалися на «мѣстный выговор» та на «всѣ уживанѣ подкарпатскѣ формы, еще и в тых случаях, если дакотрѣ слова из части або цѣлком не уживаются в нынѣшном руськом литературном языцѣ», а навіть на рівні синтакси «в конструкціѣ предложень» вони, мовляв, «держали перед очима дух мѣстного руського языка». Деякі представники сучасного русинського руху схильні повірити таким твердженням. Де-не-де можна читати, що «се была перва провба мадырськуй власти кодифіковати русинський литературный язык» (Капраль 2006, 239). Скільки з цим усім можна погодитися, про це вже було згадано вище, і ми це перевіримо додатково в 4 частині цього розгляду. Варт підкреслити заздалегідь, що автор статті в газеті «Карпатска Недѣля» взагалі вважав потрібним згадати про те, що в граматиці певні форми вживалися навіть тоді, коли їх не було в російській літературній мові. Так чи так, колишнім союзникам з кола русофілів, приміром Георгієві Геровському, це, без сумніву, не було до вподоби⁴.

3.3. Подальші повідомлення про граматики

Мадярська влада вже в останній чверті XIX ст. і тим більш за міжвоєнної доби була готова підтримувати переважно тих представни-

ків підкарпатських русинів, що намагалися плекати будь-яку «угорсько-руську» мову. Саме тому й граматика під редакцією А. Ільницького й Василя Сулинчака була ухвалена угорською владою, про що повідомлено в статті 1 вересня 1940 р.:

«Уживаня одностайной грамматики руського языка обязательный е от 1-го сентября в школах и урядах Подкарпатя

Извѣстным е, что Регентский комиссарь Подкарпатя двома мѣсяцами переже выдал одностайну грамматику подкарпатского руського языка, приготовану особенною комиссією. В связи з сим теперь появилось розпоряжения в 'Подкарпатском Вѣстнику'. Розпоряжения регентского комиссаря проголошуе, что в урядах и школах належачих до круга его компетенцій урядовое уживаня от 1-го сентября 140 робиться обязательным.

В змыслѣ розпоряжения регентского комиссаря в всѣх середных и народных школах Подкарпатя в новом школьном роцѣ наука зачнеся на основѣ сей одностайной грамматики» (РД 2010, 133).

Через кілька місяців, 16 березня 1941 р., «Карпатска Недѣля» повідомила своїх читачів про те, що в Будапешті «зложився філологічно-літературный отдѣл Подкарпатского Общества Наук», що «в рамках довгой и змѣстовой дискусіѣ погодився в засадничих вопросах» та «[р]ѣшив, что в языковом вопросѣ стане на основѣ народного языка» (РД 2010, 187). Зрештою,

«[н]а засѣданю сего отдѣлу основно перетрактowali, что в коротком часѣ и в первом рядѣ на якѣ працѣ дасть повѣреня до написаня» (там-таки). Нічого не подано в цій статті про те, що головною бідою надалі залишилася та, що дуже важко було встановити, що саме треба було зрозуміти під виразом «народный язык»...

У статті 18 травня 1941 р. читачі нарешті дізналися про граматику Івана Гарайди:

«Общество Наук выдало нову руську грамматику

Подкарпатское Общество Наук, як дозналися мы, составило нову руську грамматику, котру при сповпрацѣ членов языковой и литературной секціѣ зложив Иван Гарайда (рож. в Заричовѣ), директор Общества Наук и бывший лектор краковского университета им. Ягелло. Се перше виданя Общества заосмотрив вступным словом Антоній Годинка, предсѣдатель Подкарпатского Общества Наук.

9 архову и 144 сторонну грамматику, на котру еще в слѣдующом числѣ нашой новинки звернеме окремишну уагу, починаючи от слѣдую-

чого тиждня можно буде закупити в Обществѣ Наук (Ungvár, Drugeth-tér 21)» (РД 2010, 199).

Варт підкреслити, що І. Гарайда, як член товариства «Подкарпатское Общество Наук», трохи раніше став був співпрацювати також із газетою «Карпатска Недѣля»:

«ПОН, што было прообразом націоналнуй академії наук [?, *М.М.*], в котрум єднов из трѣх фунговала языкова и литературна секція, перебрало од редакції проклерикалнуй маймасовуй новинки ‘Карпатска Недѣля’ і прилогу ‘Литературна Недѣля’ (первое число увідило світло світа 25 мая 1941 года) и регуларно, начинавучи з шестого числа, пуд редакцій Івана Гарайды издавало і два раз на місяць» (Капраль 2008б, 5).

3.4. «Урядовый погляд про нову руську граматику»

6 липня 1941 р. в трохи обширнішій статті «Карпатска Недѣля» повідомила своїх читачів про «урядовый погляд» на граматику І. Гарайди:

«Урядовый погляд про нову руську граматику»

<...> министерский совѣтник др. Юлій Марина подав урядовый поглядъ [так] школьного отдѣлення про нову руську граматику, котру под редакцією др. Івана Гарайды выдало Подкарпатское Общество Наук. Урядова думка тота, что з помежи всѣх тут появившихся грамматик, сеся грамика найбільше прибулизилася до синтаксиса живого руського народного языка и взагалѣ єсть способна на то, чтобы на основѣ сей грамматики составить методичну граматику для высших класс народных школ, и чтобы составлєня руськой науковой грамматики началося на сей основѣ. В дальшому установляе, что грамика Общества Наук содержит в собѣ много новостей, але всетаки была составлена на основѣ грамматики Волошина з 1907 року. Єсть много отхилок от грамматики Волошина, бо выключе всѣ противорѣчїя и неконсеквенцій. Нова грамика бере огляд и на двацятірочный розвыток [так, *М.М.*] мѣстного руського народного языка, а терминологию в повнѣ [так] можно уважати чисто подкарпав[т]скою [так у виданні, *М.М.*]. Автор грамматики велику увагу звертає и на подкарпатскѣ традицій — установляе урядовый погляд, котрый так закончуєся: Взавши до громады добрѣ и негативнѣ стороны грамматики, спокойно можеме установити, что еще не появилася доскональїша грамика мѣстного руського народного языка. Однак в другом выданю маєся дальше удосконалювати. И до того часу было бы желательным выдати пару сторон додатку и на 30–40 сторон правописный словарь» (РД 2010, 210).

Отже, мовляв, з усіх граматик, що вийшли були на Підкарпатті, «сеся грамика найбільше прибулизилася до синтаксиса живого руського народного языка», та саме вона могла б служити зразком для

граматик для «вищих» потреб (хоча гортіївський уряд навряд чи був готовий прийняти мовознавчі праці такого визначення). Мовляв, граматика Гарайди «содержить в собі много новостей, але всетаки была составлена на основѣ грамматики Волошина з 1907 року», при цьому йшлося передусім про долання «противорѣчий и неконсеквенцій», та про увагу на гаданий «двацятирочный розвыток [так, *М.М.*] мѣстного руського народного языка». Що це означає? — Якби дійсно йшлося про Волошинову граматичку 1907 р., то все ж таки слід було б писати не про 20, а про більш ніж 30 років розвитку «мѣстного руського народного языка»! Можливо, автор таки мав на увазі Волошинову граматичку 1919 р., що її дуже шанували русофіли...

Варто додати, що термінологія, що про неї згадує автор, завжди була в центрі уваги противників українства, які постійно критикували «штучність» нових українських термінологій, незважаючи на простий факт, що термінології завжди є штучними, включно з традиційними церковнослов'янськими термінологіями. Цікаво, зрештою, що навіть згідно з «урядовим поглядом» граматика І. Гарайди мала «добрѣ и негативнѣ стороны», а в другому виданні треба було б її «дальше удосконалювати». Навряд чи можна виходити з того, що рецензентам ішлося лише про те, що «было бы желательным выдати пару сторон додатку и на 30–40 сторон правописный словарь». Проте в чому саме вони вбачали вади грамматики І. Гарайди, важко сказати.

Так чи так, граматика І. Гарайди має почесне місце в русинсько-му каноні, пор. слова М. Капраля (2008а, 7–8):

«Начинаючи з 20-их годов літературна боротьба все йшла на фоні жорсткої мовної війни між русофілами і українофілами і була лем ї станов частів. Повнохосенно у сей процес мовного будованя сторонники окремого русинського мови вступили вже лем при пудготовці гу фунгуваню ПОН [‘Подкарпатское Общество Наук’, *М.М.*], властну научну інституцію, коли у яри 1941 года была вудана граматика Ивана Гарайды, а 17 августа того же года регентський комисарь розказав ї хосновати у вучкованю и инших сферах культурного и газдувського жывота у Пудкарпатю» (Капраль 2008б, 7–8).

3.5. «Тільки сміятися над критиками»

Уже 20 липня 1941 р. «Александр Ильницький» вперше попросився з читачами своєї газети. Тоді йшлося лише про те, що зупинено друку угорськомовної частини газети. Відтоді, з 3 серпня до кінця жовтня

1944 р., газета виходила під новою назвою «Недѣля» (Капраль 2006, 243).

«Карпатска Недѣля» прощаєся із своїми читателями

<...> не видиме днесь перед собою важнѣйшое завдання, як тут-там межи мадярами и русинами возникшѣ недорозумѣня выровнати, их в имени доброй волѣ и своѣ права взаимно честовати, и так приготовити послѣ тысячулѣтню славноу минувшину [так] дальшу славноу тысячулѣтку для нашої дорогой Мамы, для святостефанской отчины <...>.

Мы уже за чеського панованя были ширителями того народного, культурного напрям, котрый без заграничных языковых влиявов на Подкарпатю хотѣв и в культуру и в урядах здѣйности пытомый русский народный язык. Из стороны представников чужой языковой и культурной орієнтаціі нераз требало нам перенести дробнѣ, хвальковѣ и пороженѣ критикованя, але се никак не значить то, чтобы мы переполитизовали языковый вопрос, котрыми тутешни критики люблять нас оскаржовати. Але наоборот, се то значить, что на Подкарпатю народный язык скалѣчили только украинцѣ, великороссы и их тутешнѣ епигоны — котрѣ то з языкового вопросу зробили политику — и понижили сей вѣками розвиванну и сохраненну дорогоценность.

Мы и теперь только можеме смѣяться над критиками и над тою тенденцією, котрую теперь нападають на культурный напрям и на грамматику Подкарпатского Общества Наук, бо ясно видно того кручення фактов и дѣйстностей, котрое вытворилося за чеського панованя на взор ‘культурного рецепта’ и котрое теперь належить до музею... Тѣ критизуют з точки погляду великорусской або украинской грамматику[и], розумѣся мають выгондѣйшое положеня як тотѣ, котрѣ науковым пробиваньем составляют грамматику тутешного народного русского языка, чтобы поступуво розвивали и поднимали сей язык на повный уровень литературного языка. Слѣдуючѣ роки безсумнѣво [так] оправдають и дадут правду тым, котрѣ еще днесь з висока яко языковѣ знавцѣ критизуют. Нѣ панове! Не мы хочеме выкрутити з правного положеня подкарпатский русский язык, але тотѣ, котрѣ чужу культуру уперто хотять пришити и примусѣти [так] на сей народ [...]» (РД 2010, 211–212).

Отже, вже в липні 1941 р. через місяць після 22 червня 1941 р., коли гітлерівська Німеччина напала на Советський Союз, треба було «межи мадярами и русинами возникшѣ недорозумѣня выровнати» й вказати на «тысячулѣтню славноу минувшину» та «дальшу славноу тысячулѣтку для нашої дорогой Мамы, для святостефанской отчины». Варт було наголосити в цій ситуації, що, мовляв, завжди йшлося лише про те, щоб «без заграничных языковых влиявов на Подкарпа-

тю» «и в культурѣ и в урядах здѣйности пытомый руський народный язык» навіть тоді, коли «из стороны представителей чужой языковой и культурной орієнтації нераз требало нам перенести дробнѣ, хвальковѣ и пороженѣ критикованя». Закид противників, мовляв, був такий, що «мы переполитизовали языковой вопрос», хоча, за словами Ільницького, «на Подкарпатю народный язык скалѣчили только украинцѣ, великороссы и их тутешнѣ епигоны» й лише вони «з языкового вопросу зробили политику — и понижили сей вѣками розвиванну и сохраненну дорогоценность».

Перед нами досить цікавий дискурс, що його часто повторюють прихильники сучасного русинського руху. Ідеться про гадану традиційну «угроруську» чи «русинську» мовну ідилу, що їй, мовляв, завадили лише люди, що за міжвоєнної доби приїхали ззовні, зокрема з Галичини. Лише зрідка додається в цьому контексті, що «русська» мова була в агонії, коли після Першої світової війни Підкарпаття ввійшло в склад Чехословаччини, і що мігранти були потрібні, коли в Празі планували модернізацію цього регіону. Очевидно, Ільницького дуже дратувало те, що граматику І. Гарайди критикували «з точки погляду великорусской або украинской грамматики», хоча ці люди мали набагато «выгоднѣйшее положеня як тотѣ, котрѣ науковым пробиваньем составляют грамматику тутешного народного руського языка, чтобы поступуво розвивали и поднимали сей язык на повный уровень литературного языка». Закид, що прихильники граматики І. Гарайди намагалися «выкрутити з правного положеня подкарпатський руський язык», звернено та тих, хто «чужу культуру уперто хотять пришити и примусѣти [так] на сей народ». Зрештою, звертає на себе увагу, що смішний аргумент про «переполітизування» висували ще декілька поколінь тому — відомо, що в «політизації» мовних питань завжди винні ті, що не поділяють власних поглядів...

Саме на підставі цих досить завзятих дискусій варт запитати ще раз із сучасної перспективи: Яка це насправді мова — мова газети «Нова Недѣля»/«Карпатска Недѣля», а також мова граматики І. Гарайди?

4. Русинська мова?

В одній з передмов до своїх цінних видань М. Капраль твердить, що «‘Нова Недѣля’ продовжувала языкову політику новинки ‘Недѣля’ 1935–1938 гг. вуданя» і що «[т]радіції йїсі тримали ся на слідованю

єднуй з двох гонарь розвоя русинського літературного языка, што еволуційно сформовав ся на базі розличных изводув церковнославянського языка и пуд впливом містных (майбулш западных) говорув у другуй половці XVIII – зачатку XIX сторочя» (Капраль 2008б, 8–9). Мовляв, ішлося про «язычіє», при цьому

«[и]пен сей язык сповняв функції літературного такой цілоє XIX сторочя, а у кунцєви того же сторочя був доста демократізований, т.є. наближений за многыма параметрами гу містным говорум з мінімальным захранєнєм поєдных традиційных языковых елементув (друга гоноря привела гу практично тоталному злученю з великоруськым літературным языком)» (Капраль 2008б, 8–9).

Ныіредьгазький дослідник далі зазначає, що

«[в] текстох, написаных подля етимологічного прінціпа ортографії (на місті історичного *о*, што уговорює ся у булшости містных говорув ги у вадь *й*, писала ся буква ‘*о*’), мож было увідіти доста языковых елементув розличных урвнюв, што обстали ся ишо з часув Андрея Бачинського, хоті не стрічавуть ся в основных говорах Пудкарпатя (поз. слова *что, прото*; форми *брехнею, бородою, нею* и т.д.)» (Капраль 2008б, 9).

Далі автор вказує на те, що «практично тоталное ігнорованя ным мадяризмув в писемнум языкови тых рокув» (мається на увазі 1 пол. XX ст.) свідчить про значну відстань цієї мови до справжньої народної мови Підкарпаття (Капраль 2008б, 11–12). Зрештою, варт звернути увагу на загальну оцінку мовного оформлення наших газетних видань:

«На якусть языка вудань тых годув, безусловно, свуй отпечаток надавали воєні тяжкості, в краю и без того все був дефіцит редакторських робутникув и вошколованых авторув. Лем сьым мож вусвітлити слабость многых публикацій русинських новинок, котрі на практиці не все слідовали властным програмовым прокламаціям. Май грішили удаленостєв од народного языка публикації творов [так] красного писемства в новинці ‘Неділя’ другуй половкы войны. Доста часто тоті же авторы-украинофілы (а вни [так] тримали в туй сітуації булшость на бокох русинських вудань) слідовали лем графічним и ортографічним нормам русинського языка, и, видав, сознательно (авадз из незнаня языка властного народа) не мерьковали на лексику творув» (Капраль 2008б, 11).

Як наслідок, у художніх творах цих часів М. Капраль спостерігає таке:

«В новелох май плодовиного (и єдного из майталантованых) містного автора научно-популярных и умілецкых текстув того часу Федора По-

тушняка мож стрітити много чудных про містну челядь слов. Намісто обычных про 'простакув' *хыжа, шваблики, шкатулка, глядять* автор хоснує — *хата, сѣрники, коробка, шукае* и т. п. (поз. повіданя 'Бабина смерть'). Слідуючи за граматиков Ивана Гарайды Федор Потушняк и инші писателі хоснують чужі про обывателюв Пудкарпатя книжні форми прономена *онъ, что*, хыбаль дагде на периферії познаті діалектні слова мінты *мовъ, такожь*, союза *але* и т.п.» (Капраль 2008б, 11).

Отож, місцева русинська мова насправді була представлена в цих виданнях лише дуже обмеженою мірою навіть тоді, коли гортіївська влада підтримувала саме цей напрям, при цьому те, що походило з народноговірної мови, найчастіше не було типове лише для Підкарпаття, але для ширшого україномовного ареалу. Це не останньою чергою походить з того, що в колах нових гаданих чи справжніх прихильників русинства знайшлося багато колишніх (чи все-таки не лише колишніх) «українофілів», бо дійсно «у вуданях ПОН <...> публиковали ся в булшости пережі українофілы» (Капраль 2008б, 10).

Як постала така ситуація? Здається, через те, що все-таки саме прихильники українства були перші, що були готові писати мовою, досить близькою до народноговірної. Вони до цього звикли вже тоді, коли вони в рамцях української мовної діяльності поступово відштовхувалися від церковнослов'янських і російських форм на користь тих, що їх вони вважали «народними», при цьому досить часто таки не йшлося про «народні» форми в вузькому місцевому розумінні, але про форми й слова нової української стандартної мови, що або були вжитку і в Підкарпатті, або й ні. Під владою Гортія ці самі прихильники українства мали попросту повертатися частково до вживання певних церковнослов'янських і російських форм, що їх не було прийнято до української літературної мови, та додати певну, зрештою дуже обмежену, частину суто підкарпатських форм (под. нижче).

Важко не погодитися з загальними спостереженнями й висновками нїредьгазького дослідника: Не лише в граматиці І. Гарайди, але також у газетах «Нова Недѣля» й «Карпатска Недѣля» трапляється мова, що її навряд чи можна впрост ототожнити з «русинською» в сучасному розумінні. Певна річ, мова Л. Чопея, зокрема в його шкільних підручниках, чи то мова кількох видань Г. Стрипського була набагато ближча до місцевої русинської, ніж будь-яка стаття з названих газет. Їхня мова нагадує «руську» мову ХІХ ст. на народно-

говірному підґрунті, чий носії шукали досить значної відстані до церковнослов'янської й російської мов, спираючись до певної міри на мовний матеріал свого регіону, але також на мову того нецерковнослов'янського письменства, що єднало традиції всіх русинів/ українців (а частково й білорусів), а саме: мову катехізмів, мову чисельних церковних пісень, і мову значної частини гомілетичної літератури. Зрештою, сфера вживання цієї мови була набагато ширшою в Галичині, ніж у Підкарпатті.

Отже, парадокс полягає в тому, що мова тих газет, в яких так активно ширили крайнє негативне ставлення до українців і зокрема до галичан, мало в чому відрізняється від традиційного галицького «руського языка», що його ще дотримувалися значною мірою й галичани в міжвоєнній Галичині, на чолі з Іваном Панькевичем. Якщо ми на підставі певного досвіду з галицькими текстами XIX й раннього XX ст. розглянемо наведені газетні статті, то ми бачимо, що не більше ніж гірстка їхніх мовних рис або трапляється дуже зрідка, або взагалі не трапляється в старіших галицьких текстах: це написання *средньх* тощо, дієслівне закінчення 1 ос. мн. теп. ч. *-ме* (*отворяме, считаеме* тощо), дієслівна форма *заставаеся* (у галицьких текстах швидше трапляється чергування *става-, стај-*), сполучник *кедь* (пор. словацьке *ked'*, що вживається поряд з *коли*) та вжиток дієслова *розумѣти* в зв'язку з дав. відм. як у словацькій і чеській мовах, пор. *на том языцѣ, <...> котрому розумѣ найлѣпше*. Інші гадані типово підкарпатські форми дуже часто трапляються також у старіших галицьких текстах, включно з редуплікованими формами займенників на кшталт *сеся* [грамматика], *тотѣ* [, *котрѣ...*] чи то формою частки в займеннику *дакотрѣ* [слова]. З іншого боку, дуже багатьох форм, що були б суто підкарпатськими, трапляється або зрідка, або цілком не трапляється в цих текстах. Скажімо, іноді спостерігається вжиток літери *ы* згідно з підкарпатськими обставини, але також написано *який, сельский, вымоги* тощо⁵.

Всі інші мовні елементи на всіх рівнях, що можна було б вважати суто русинськими народноговірними формами через те, що вони не є російські або церковнослов'янськими, насправді трапляються не менш часто в галицьких текстах, при цьому багато з цих елементів навряд чи походять з самого Підкарпаття. Більшість цих форм — розуміється, абстрагуючи від правописних справ — просто збігається з сучасною українською стандартною мовою (*змаганя, взагалѣ* тощо).

Те, що тут сказано про мову газет «Нова Недѣля» й «Карпатська Недѣля», значною мірою стосується й інших ключевих підкарпатських текстів гортіївської доби, включно з граматикою І. Гарайди, яку вже розглянув, між іншим, Йосиф Дзендзелівський (Дзендзелівський 1998, 153–158). Незважаючи на те, що ужгородський славіст дивився на І. Гарайду зі своєї, української й напевно не русинської (в сьогоднішньому розумінні) перспективи, не можна вважати браком «об'єктивності», коли він пише, що «як свідчать його добрі знайомі, сам І. Гарайда усвідомлював себе русином-українцем, саме такою він уважав і свою граматику» (Дзендзелівський 1998, 147). І. Гарайда не лише відвідував у Кракові семінар галицького мовознавця Івана Зілінського (там-таки, 145), але й за гортіївської доби — зрештою, з тоном широї поваги — листувався з І. Панькевичем і (пор. там-таки, 158–159). Про кодифікаторську практику І. Гарайди Й. Дзендзелівський писав так:

«По-перше, всі [...] явища, яким надається статус закарпатського літературного стандарту, у переважній своїй більшості досить далеко сягають за межі Закарпаття. По-друге, І. Гарайда у своїй граматичній не надає стану норми жодній такій місцевій чи граматичній діалектній рисі, яка б охоплювала лише увесь чи переважну частину ареалу закарпатських говірів, тобто не виходила за ареал Закарпаття» (Дзендзелівський 1998, 154).

Це саме можна сказати про газети «Нова Недѣля» й «Нова Недѣля» — й напевно не лише тому, що в їхніх редакціях працювали колишні (а може, таки не колишні) прихильники українства, які неначебно заважали русинам писати справжньою русинською мовою. Мова цих видань однозначно означала досить своєрідний крок назад, про що навіть згадували ті, що нею писали. Мова цих видань не була одночасно кроком до переду, напевно не з української, а також навряд чи й з русинської перспективи.

ПРИМІТКИ

¹ Пор. Капраль (2008, 10) про співпрацівників газети «Нова Недѣля»: «Головні сотрудники вуданя были Теодор Ортутай и Др. Александер Немет» (Капраль 2008а, 10). Цікаво, що газету друкували в друкарні «Уніо-Миравчик» (пор. Капраль 2006, 235); в друкарні «Уніо» раніше виходило багато видань Августина Волошина...

² Пор. Капраль (2008, 9) стосовно першого тому його дуже цікавої тритомної праці «Русинський Дайджест»: «Новинки, гу котрым приключені туй

презентовані тексти, зачали ся з ‘Недѣль’ половкы тридцятых годов, як результат консолідації ‘третьей’ силы в русинськым сосполнум житові, природню реакції на поширѣваня русофілства и украинофілства» (Капраль 2008а, 9).

- ³ Пор., однак, цікаві інформації у статті М. Капралю (Капраль 2006, 236): «З входжованѣм високуй посадовуй особы у властні структуры процес ‘выбудованя русько-угорського приятельства и взаимного порозумѣня’ вуйшов на нову якустну ровінь. За ініціативов главного ідеолога епархії Александра [так] Ильницького ся програма мала са пудсилити паралелным выходом новинкы мадярськым языком. [Пор. посилання: «Первый раз за наміреня вудавати новинку ищи й паралелно мадярськым языком Александр Ильницький сповіщав ищи у другой половці септембра того же 1939 года у своєм журналі *Душпастырь*»]. По єго думаню, се треба было чинити зато, ‘чтобы сим способом и на внѣ проуказовався той дух угро-руського приятельства, який проникае все [так, М.М.] стороны сеѣ газеты, а який она всадити намѣряе и до сердець своих читателей’ (*Душпастырь* [часопис, М.М.] 9–10 (1939), 30)» (Капраль 2006, 236–237). Зрештою, «‘[и]з технических причин’ мадярська верзія новинкы зачала виходити мало пузніше (з 26 новембра)», а «[ч]итальники новинкы нараз передплачували обі дві верзії [!, М.М.]» (там-таки, 237).

- ⁴ М. Капраль (2006, 241) додає, що граматики під редакцією Юлія Марини й І. Гарайди «критізували са гостро русофілами (сторонники украинськуй орієнтації, хоть лем офіціально, не участвовали в сюй дискусії позад їх повнуй дискредитації и заказаности)» й що «[т]ак, наприклад, Бродієва *Русская Правда* у двох іюльських числах 1940 года надруковала рецензію без пудписа з доста нейтралным титулом ‘Новая грамматика предписана для школь и дѣлопроизводства’, у котруй фест критічно высловлювала са на адрес граматики, што была пуготовчена пуд руководством Юлію Марини» (Капраль 2006, 241). Варт додати, що саме завзятий русофіл Г. Геровський кілька разів анонімно оприлюднював дуже гострі рецензії, що їх іноді писав паралельно з більш-менш науковими (пор. Мозер у друці б). Чи це не знову був саме він?

- ⁵ Щоправда, певною несподіванкою є словоформа *відхилка* (пор. з розгляданих статей *много отхилок*) — в сучасній українській стандартній мові є лише форми *відхилення* й *відхил*, а в словнику Л. Чопея, скажімо, нема ані імениників, ані їхньої дієслівної словотворчої бази (пор. Чопей 1883). Словоформа *научованя* вражає до певної міри, але вона не дуже типова ані для Галичини (нема її в Желехівський 1886), ані для Підкарпаття. Лексеми *живіт* (пор. *змаганя представников руського культурного живота*) нема, скажімо, в словнику Євгена Желехівського (Желехівський 1886), тоді як у словнику Л. Чопея вона фігурує (Чопей 1883) — українське

стандартне слово *животити* показує, що воно не чуже й українській мові поза Підкарпаттям.

ЛІТЕРАТУРА

- Дзендзелівський 1998 — Й.О. Дзендзелівський. *Гарайда як філолог*. Acta Hungarica 1996–1997, VII–VIII. Ужгород – Дебрецен, 1998, с. 144–167.
- Дуличенко 2008 — А. Дуличенко (ред.). *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)*. Вступительная статья. Тексты. Комментарии. Ужгород, 2008.
- Желехівський 1886 — Є. Желехівський. Малоруско-німецкий словарь. Т. 1: уложил Євгеній Желеховский, т. 2: уложили Євгеній Желеховский і Софрон Недільський. Т. 1–2. Львів, 1886.
- Капраль 2006 — М. Капраль. *Карпаторусинські мас-медіа 1938–1944 гг.: Новинка Карпатська Неділя*. Carpatho-Rusyns and their Neighbors. Essays in Honor of Paul Robert Magocsi. Eds. B. Horbal, P. Krafcik, E. Rusinko. Fairfax – Virginia, 2006, p. 233–247.
- Капраль 2008а — М. Капраль. *Спередслово*. Русинський Дайджест 1939–1944. I. Наука. [...] Матеріали ушорив и спередслово написав Михаил Капраль. (= Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia 23). Ніредьгаза, 2008, с. 5–10.
- Капраль 2008б — М. Капраль. *Спередслово*. Русинський Дайджест 1939–1944. II. Красне писемство. [...] Матеріали ушорив и спередслово написав Михаил Капраль. (= Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia 24). Ніредьгаза, 2008, с. 5–13.
- Капраль 2010 — М. Капраль. *Спередслово*. Русинський Дайджест 1939–1944. Ніредьгаза, 2010, с. 5–8.
- Лукачина 2010 — Я. Лукачина. *Діалектизми у шкільних підручниках Закарпаття міжвоєнного періоду*. Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства. Збірник наукових праць. Випуск 14. Ужгород, 2010, с. 58–62.
- Магочій 2007 — П.Р. Магочій. *Языковый вопрос*. Русинський язык. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Red. P.R. Magocsi. 2-е изд. по-польски. Opole, 2004 [фактично йдеться про друге видання 2007 р.], s. 85–112.
- Мозер 2010 — М. Мозер. [Moser, Michael] *«Граматика руського языка» Івана Панькевича та галицька українська мова в Підкарпатті*. Studium Carpatho-Ruthenorum – Штудії з карпаторусиністики 2009. Ед. К. Копорова. Пряшів, 2010, с. 68–93.
- Мозер у друці а — М. Мозер. *Шляхи «українізації» Підкарпаття за міжвоєнної доби — перші граматики української мови*. Збірник на пошану Іштвана Удварі. Вид. А. Золтан. Ніредьгаза [у друці].

- Мозер у друці б — М. Мозер. «Граматика руського языка» Івана Панькевича та галицька українська мова в міжвоєнному Підкарпатті [у друці].
- РД 2010 — Русинський Дайджест 1939–1944. III/1. Кроиника. Тексты з ужгородських новинок «Нова Недѣля» и «Карпатска Недѣля» 1939–1941 гг. Матеріали ушорив и спередслово написав Михаил Капраль. (= Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia 25). Ніредьгаза, 2010.
- Чопей 1883 — Л. Чопей. Русько мадярский словарь. У Будапештѣ, 1883.
- EP 2005 — *Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and expanded edition*. Ed. P.R. Magocsi, I. Pop. Toronto, 2005.
- Kuzio 2005 — Т. Kuzio. *The Rusyn question in Ukraine: Sorting out fact from fiction*. Canadian Review of Studies in Nationalism. XXXII (2005), 2005, p. 1–15.
- Moser 2011 — М. Moser. Рецензія на Дуличенко 2008 Die Welt der Slaven, München, 2011, Bd. LVI, S. 408–414.
- Plishkova 2009 — А. Plishkova. *Language and National Identity. Rusyns South of Carpathians*. Translated by P.A. Krafcik. With a bio-bibliographic introduction by P.R. Magocsi. New York, 2009.

**М. Moser. Huvastijätt ukrainsusega:
mõningaid märkmeid keeleajaloost Miklós Horthy valitsemisajal**

Autor vaatleb Podkarpatje sotsiolingvistilist olukorda ungari okupatsiooni (1939–1944) ajal. Perioodikaväljaannete ja Ivan Harajda grammatika (1941) põhjal näidatakse, et karpatorussiini nende keel erines üsna vähesel määral ukraina keele galiitsia variandist. Artikkel on kirjutatud poleemilises žanris M. Kapraliga, kes kaitseb karpatorussiini keelelist strateegiat.

Михал Капраль/ Mihály Káprály
Nyíregyházi Főiskola

РУСИНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ХХІ ВЕКА (К СТАНОВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ МИКРОЯЗЫКОВ)

Славянская микролингвистика – литературные микроязыки – становление русинской лексикографии в странах Центральной и Восточной Европы

Несмотря на то, что до начала XX в. большинство карпаторусин проживало в составе Венгерского государства (за исключением лемков, населявших юго-восточную часть Польши), этот восточнославянский народ никогда не пользовался едиными языковыми нормами прежде всего из-за отсутствия собственного государства и из-за значительных различий между карпаторусинскими диалектами. Этот маленький народ никогда не создавал междиалектных койне, поскольку его представители в своем большинстве были и остаются до наших дней преимущественно сельскими жителями. С одной стороны, эта особенность русинского населения позволила ему сохранить до наших дней патриархальные черты собственной культуры, в частности, местные говоры, однако, с другой стороны, из-за диалектной раздробленности процесс языковой стандартизации у них проходил всегда с известными трудностями. Более того, часто в качестве стандартизированного языка местные жители использовали уже состоявшиеся литературные языки (церковнославянский, великорусский, латинский и т.п.) или же в той или иной степени насыщали их собственными диалектными особенностями (Дуличенко 2008, 14).

Языковая карта Средней Европы в XX ст. весьма существенно изменилась вследствие перекраивания государственных границ по итогам двух мировых войн, что привело к заметным изменениям в языках значительных групп населения, оказавшихся за пределами собственных национальных государств. Безусловным лидером в подобных процессах стали русины, которые в силу сложившихся обстоятельств не только не сумели сформировать собственное национальное государство, но после развала Австро-Венгерской монархии оказались в составе сразу несколь-

ких государственных образований. Если в предыдущие столетия русины в условиях патриархальности без особых проблем сохраняли и приумножали собственные духовные ценности (прежде всего на уровне устного народного творчества), то в эпоху становления национальных государств оказались в весьма непростых условиях. В частности, ориентируясь длительное время в языковом строительстве на более развитые родственные языки (прежде всего на великорусский), русины так и не смогли в рамках общего для большинства из них государства выработать единые нормы литературного языка. Словари Александра Митрака (Митракъ 1881) и Ласлова Чопея (Чопей 1883), подготовленные и изданные во второй половине XIX в., лишь зафиксировали формирование двух основных лагерей в языковой борьбе русин Подкарпатя — русофилов и украинофилов. Спустя полвека уже в составе отдельных государств, в которых оказались русины, были предприняты первые попытки стандартизации языковых норм. Из всех русин Австро-Венгрии югославские представители данного этноса, не взирая на свою малочисленность, первыми сумели кодифицировать литературный язык, а уже с 70-х гг. в составе Автономной области СФРЮ Воеводина значительно расширить сферы его использования не только при создании художественных произведений различных жанров (что характерно для большинства современных литературных микроязыков), но и на страницах СМИ, в сферах образования, административной, научной деятельности, религиозной жизни и т.д.¹

Многообещающе начали этот процесс в середине 30-х гг. и особенно (как это ни парадоксально) в годы Второй мировой войны русины Подкарпатя (Капраль, ред., 2006, 178–195), которые и составляют большинство этноса. Однако с приходом Красной Армии русинское языковое строительство прекратилось полностью².

Только с началом демократических преобразований в Средней Европе в последние два десятилетия русины возобновили прежние попытки формирования литературного языка. В середине 90-х гг. прошлого века кодифицировали свой литературный язык русины Словакии (Magocsi 1996), за ними польские лемки (Фонтаньский, Хомяк 2000), которые, впрочем, и до кодификации выработали достаточно жизнестойкие языковые традиции. Налаживают культурную жизнь русины Венгрии. Похоже, наибольшие проблемы на этом пути испытывают русины на Украине, где они и вовсе лишены статуса отдельного этноса.

Становление литературного языка весьма важная составляющая национального возрождения русин, однако, этот процесс — лишь завершающая фаза языкового строительства. Параллельно в условиях весьма бурно развивающихся обще-

ственных отношений в Европе на протяжении последнего столетия происходили и продолжают естественные ассимиляционные процессы, что само по себе весьма существенно сужает питательную базу формирования литературного языка. Первыми в этой ситуации страдают «новые» горожане (а таковых в условиях бурной урбанизации последнего века было немало) и население окраинных и островных территорий. За последнее столетие безвозвратно утеряны огромные духовные ценности, гибнет самобытная и неповторимая культура целого этноса. По мере убыстрения разрушительных процессов в среде традиционной народной культуры ее носители все отчетливее ощущают необходимость защиты собственных ценностей, в т.ч. местных говоров. Именно этот фактор, надо полагать, вкупе с послевоенной насильственной «украинизацией», привел к тому, что после падения коммунистических режимов в Центральной Европе в своем языковом строительстве русины Польши, Словакии и Украины ориентируются исключительно на собственные языковые ресурсы, что и фиксируют русинские словари последних десятилетий.

Несмотря на то, что университетская кафедра для исследования русинской филологии и истории была открыта в Будапештском университете еще в 1919 г., русинистика и в лучшие свои времена всегда испытывала недостаток в профессиональных исследователях-языковедах, тем более специалистах-лексикографах. За исключением югославских русин (при Новосадском университете с 1981 г. работает кафедра южнорусинского языка и литературы), составлением русинских словарей занимались преимущественно филологи-любители или же в лучшем случае бывшие русисты и/или украинисты. При этом составителями словарей последних двух десятилетий выступают авторы, которые работали над своим детищем в одиночку. Незрелость русинской лексикографии подчеркивает и тот факт, что подавляющее большинство вышедших словарей двуязычны. Не обладая богатыми традициями в данной области знаний, их составители-билингвы, каковыми являются практически все русины Центральной и Восточной Европы, «опираются» на языковые достижения соседних народов. Именно этим путем добились значительного успеха составители двухтомного «Сербско-русинского словаря» (Српско-русински речник 1995–1997), которые взяли за основу материалы 6-томного «Речника српско-хрватскога књижевног језика», вышедшего в 1967–1976 гг. Лексика обоих языков (около 80 000 словарных единиц) представлена во всем ее многообразии: наряду с общеупотребительными единицами, весьма широко представлена специальная лексика, разговорная и просторечная, устаревшие и редкие слова.

В тех случаях, когда в русинском языке существует несколько слов с идентичным или близким значением, словарная статья фактически представляет собою синонимический ряд, ибо, как пишут составители словаря в предисловии, они стремились расставлять такие слова (дублетные формы) «по їх значности и фреквенції у литературним языку»: *лакрдия* ж. 1. комендия, фиглярство, парада, кепкарство, гунцутство³. Словарные статьи зачастую иллюстрируются наиболее употребительными и/или различной степени спаянности словосочетаниями, в составе которых реализуется та или иная лексема, ср.: *радан -дна -дно* роботни, вредни: ~ *човек* роботни *човек* и т.п. Понятно желание авторов словаря как можно шире представить речевое богатство русинского языка, — напр., в словарной статье существительного *глава* дано более 90 идиом! Однако такое стремление составителей представить все богатство живой народной речи, литературного языка, включая его различные формы, терминологические подсистемы и т.д., приводит к определенной интеллектуальной «перенасыщенности» словаря и, по-видимому, к некоторым трудностям при пользовании им неспециалистами. В то же время такая информационная насыщенность выводит его за рамки обычного двуязычного словаря, делает работу лексикографов универсальной, что поможет преодолеть определенные сложности, которые в настоящее время возникают у носителей русинского языка и связаны с отсутствием у них большого толкового и энциклопедического словарей. Работа над словарями в Воеводине продолжается. Вышел «Сербско-латинско-русинский словарь медицинской терминологии» (Речник 2006). В настоящее время на кафедре южнорусинского языка и литературы Новосадского университета Михайлом Фейса подготовлен к изданию орфографический словарь; другой новосадский автор Радмила Шовлянски издает «Сербско-русинско-латинско-английский словарь защиты растительной и животной среды».

Гораздо позже приступили к практике составления собственных словарей⁴ русины в других странах. Первыми здесь, как и на политическом уровне, отличились лемки (с апреля 1989 г. действует объединение представителей данного этноса в Польше «Стоваришыня Лемків»⁵). В 1993 г. вышло первое издание лемковско-польского и польско-лемковского словаря Ярослава Горошача (Горошак 1993), второе издание которого, несколько переработанное с учетом кодификации языка, вышло спустя десятилетие (Horoszczak 2004). Это

издание открывает целый ряд подобных словарей, характерных для начального этапа развития лексикографии. В словарной статье представлен минимум информации, ср., напр., фрагмент: *музыкувати* – *muzykować*; *мука* – *tańca*; *мука* – *teńca* и т.п. Варианты, если таковые встречаются, представлены в одной словарной статье, ср.: *мутити*, *коломутити*, *каламутити* – *taścić*. Отмеченная нами литера *л* (у составителя с диакритическим знаком), как следует из предисловия, на практике может обозначать как звук [л], так и [ʎ], в зависимости от произношения носителей диалектов. Впрочем, та минимальная информация о произношении звуков [ʎ], [л], [ы], о некоторых других особенностях лемковских говоров, которая представлена в этом предисловии, отнюдь не восполняет всех недостатков словаря, который, как самокритично признает его составитель во вступительном слове, не претендует на совершенство и нуждается в дальнейшем усовершенствовании, ибо подготовлен не коллективом языковедов, а всего лишь одним человеком, имеющим отношение к технике. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в несовершенстве словника словаря. Для переработки второго издания его составитель не воспользовался вполне доступными материалами польских славистов, например, работой Я. Ригера, которая фиксирует значительное количество лексических единиц, не представленных в словаре, ср.: *chromy*, *chudaczka*, *chudak*, *smaczny* и т.п. (Rieger 1995, 37, 119). Такое ощущение, что словарь отнюдь не фиксирует значительных достижений лемковской интеллигенции, которая на протяжении многих десятилетий без словарей и кодификации литературного языка создает ценные тексты. Только в одном номере лемковского журнала «Бесіда» (№ 106, січень-лютий 2009), который редактирует один из наиболее известных русинских авторов нашего времени, замечательный поэт и эссеист Петро Трохановский, мы обнаружили целый ряд слов, ср.: *селиско*, *публика*, *плесканя*, *циклічний*, *сымпатык*, *поліційнт*, *можніст* (есть *можливіст*), которых нет в словаре Я. Горошача. В данном случае, по-видимому, будущим составителям лемковских словарей еще только предстоит зафиксировать богатую и достаточно длительную языковую практику как авторов первой половины XX в., так и своих современников.

На более высоком профессиональном уровне составлены словари в Словакии. Местным русинам повезло, поскольку среди активистов русинского этнического возрождения оказалось сразу несколько

профессиональных лингвистов, работавших ранее в области украинистики или русистики. Уже в 1994 г. в Пряшеве увидел свет «Орфографический словарь русинского языка» (более 42 000 слов), подготовленный коллективом авторов под руководством Юрия Панько (Панько, ред., 1994а), который оказался весьма существенным аргументом в пользу кодификации литературного языка словацкими русинами в 1995 г. (Magocsi, ed., 1996). В отличие от словаря Я. Горошача, словарная часть пряшевского издания снабжена лингвистическим аппаратом, рядом со всеми (!) существительными и большинства местоимений представлены их формы генетива в ед. и мн. числе; формы лица (1 лица в ед. и мн. числе) и императива глаголов; в отдельных случаях заглавные слова снабжены маркерами, квалифицирующими их лингвистический статус, ср., напр.: *глупáня*, *-í*, *-áнь*; *глу́по*, *присл.*; *гнёсти*, *-ёту*, *-еме*, *гнеть!*; *гов*, *чутёсл.* и т.п. В том же году вышел первый терминологический словарь словацких русин (Панько 1994а/б), который стал значительным подспорьем для составителей первых школьных учебников, учителей, всех интересующихся развитием русинского языкознания. Следующим шагом пряшевских лексикографов стал орфографический и грамматический словарь (Ябур, Плішкова, Копорова 2007), в котором несколько дополнен и переработан словник с учетом изменений в графической и орфографической системе языка 2005 г. Особенностью этого издания является словообразовательно-гнездовой способ подачи лексического материала, ср., напр.: *хлоп* -а -ів м.; -скый; (но) -скы адв.; -ость -и с; *хло́пство* -а с; *хлописко* -а -писк. м. (впрочем, не всегда последовательно и корректно⁶). Значительно увеличено количество грамматических и иных помет, в частности, маркируются областные и диалектные единицы, указан язык заимствования отдельных слов и т.п. В условиях, когда столь значительная часть представителей малого народа уже ассимилировалась, а немало русин не владеет основами собственного литературного языка, всегда актуальными остаются двуязычные словари. Подобный (уменьшенный вариант словаря лемков) появился в Требишове в 2003 г. «Краткий русинский словарь» (Hnát 2003). При том, что пряшевские словари демонстрируют достаточно высокий, по сравнению со словарем Я. Горошача, уровень общей лексикографической культуры, учитывая богатую языковую практику русин Восточной Словакии наших дней (функционирование средств массовой коммуникации, школьного и

вузовского обучения, профессионального театра, духовной сферы и т.п.), следует еще немало поработать местным специалистам, в частности, над созданием толкового словаря литературного языка словацких русин или же над созданием «универсального» двуязычного словаря по образцу «Сербско-русинского словаря» бачских единоплеменников, а также терминологических и иных словарей, современных «больших» литературных языков соседей русин в Центральной и Восточной Европе.

Сколь богата, столь и противоречива лексикографическая ситуация у украинских русин Закарпатья последнего десятилетия. При исследовании процессов языкового строительства в крае следует учитывать два основных фактора, которые коренным образом определяют их характер и результаты. Во-первых, на Украине все вопросы, имеющие отношение к русинству, выведены за рамки демократических процессов, которые идут в стране. Законсервированными остаются все предписания советских органов, которые на протяжении долгих десятилетий определяли характер научных исследований в области общественных наук, в том числе и лингвистических. Последний постулат привел к тому, что в процессе не участвуют профессиональные филологи, что естественно сказывается на качестве конечных результатов местных лексикографов. Во-вторых, пока непреодолимой преградой на пути языковой унификации (в том числе и на лексическом уровне) предстают существенные различия основных говоров края⁷. В условиях, когда нет единого направляющего центра, каким могла бы стать, скажем, университетская кафедра и/или достаточно авторитетная для большинства сообщества личность, превалируют пока центробежные силы. Подавляющая часть авторов (часто бессознательно) стремится возвести в ранг литературной нормы элементы родного диалекта и собственное видение решения языковых вопросов.

Большинство словарей, созданных на начальном этапе становления русинского литературного языка на Украине, отражает прежде всего уровень самоидентификации русин в настоящее время. После разрушительного и длительного периода запретов всего русинского создатели таких словарей пытаются доказать всему окружающему миру собственную этническую самодостаточность и право на существование родного языка. Именно эту задачу и решают небольшие по объему трех- и четырехязычные словари, которые первыми по-

явились в ряду лексикографических опытов украинских русин (Попович 1999; Алмаший, Поп, Сидор 2001; Поп, Поп 2001). Все они декларируют (заметим, не всегда корректно) отличие русинской лексики от лексических систем в родственных языках. Составитель первого словаря из этого ряда, в котором помещены русинские (т.е. из местных говоров) слова из словарей Александра. Митрака, специально проводит количественный анализ словника и приходит к выводу, что корни 42% от общего количества русинских лексем являются полностью оригинальными, а еще 23% русинских слов, имея общие корни со словами родственных языков, существенно отличаются от них на морфемном и/или фонетическом уровне (Попович 1999, 249). Оригинальным в этом ряду предстает небольшой словарь прозвищ Дмитрия Попа, которыми до сих пор обмениваются жители соседних подкарпаторусинских сел (Поп 2007).

Значительного прогресса в своем развитии добилась русинская лексикография последних лет, когда вышли сразу три значительных публикации. Отличились неутомимые и одни из наиболее продуктивных подкарпаторусинских авторов последних двух десятилетий — известный литератор и фольклорист Юрий Чори, славист Дмитрий. Поп и замечательный переводчик, литератор и редактор Игорь Керча. Интересно, что все они представляют один регион, для всех троих родным является бережский говор. Двое первых и не скрывают своего желания возвести в ранг общелитературных норм лексические, фонетические и иные особенности родного говора. Характерно, что и, в частности, на графическом уровне оба вводят отдельную графему *ѣ*, напр.: *говѣрливый, ѳборѣг, ѳѣрок* и т.п. (Поп 2007а/б); *бетѣг, вѣн, справедливіѣсть* и т.п. (Чорі 2002–2010). Оба словаря фиксируют все пласты лексики, которую используют современные носители русинских диалектов, включая общеславянскую, заимствования из других языков, ср., напр.: *дуплѣ, дуѣино, дѣм, контакт* и т.п. (Поп 2007а/б); *анонс, баран, біолог, безчинство, бульдозер* и т.п. (Чорі 2002–2010). Помимо лексем, Д. Поп вводит в словник словаря отдельные формы слов, фразеологические единицы и словосочетания. Некоторые слова маркируются специальными пометами, напр.: *мед., бот., церк.* К сожалению, богатый словарный материал, собранный автором, не получил адекватной лексикографической обработки, как того предполагает словарь литературного языка. Отдельные его языковые элементы, на наш взгляд, не могут

использоваться в качестве литературной нормы, поскольку характерны зачастую только для одного русинского говора. Рядовому пользователю или ученику школы зачастую нелегко разобраться в особенностях богатой и, к сожалению, не достаточно обработанной ни языковедами, ни литераторами русинской лексики. По нашему мнению, усложняет восприятие материала и фонетический принцип орфографии, к слову, не всегда обосновано доминирующий в текстах современных русинских авторов Бережанщины. В словаре почти не представлена собственно языковая характеристика заглавных слов, не решены в достаточной мере вопросы полисемии и омонимии. Переводы русинских языковых единиц на украинский и русский языки не всегда точны и корректны. В качестве иллюстрации наиболее типичных, на наш взгляд, особенностей словаря Д. Попа представляем его фрагменты, см.:

да́йте по́зур зверніть увагу обратите внимание// [здесь и далее этот знак указывает на новую строку] *ку́кати* квакати (про жаб); *выгляда́ти* квакать (о лягушках); *выгля́дыва́ть*// *ку́кіль* (бот.) *кукі́ль* (бот.) *куко́ль* (бот.)// *ку́кер* бінокль бинокль// *куку́рікати* кукурікати кукарекать// *куку́річе* кукурікає кукарекает // *міні́ ся ві́дить* мені здається мне кажется.

Вышел словарь достаточно большим тиражом (500 экз.) и доступен широкому кругу пользователей. В отличие от словаря Юрия Чори (Чорі 2002–2010), первый том которого вышел тиражом 20 экземпляров и известен узкому кругу пользователей. Словарная статья строится по более привычному для современного читателя образцу. Заглавное слово выделяется жирным шрифтом, последовательно представлена информация о его языковых характеристиках, перевод на украинский язык. К достоинствам словаря следует отнести богатые словарные иллюстрации к каждому заголовочному слову. Чаще всего они носят произвольный характер, иногда представлены из устного народного творчества, известным знатоком которого в крае и является Ю. Чори. В качестве иллюстрации представляем типичные, на наш взгляд, словарные статьи, ср.:

Бетега (-ы), жс. = *бету́г* – хворота: *Напала на нього якась бетега, мусів прилячи.*// **Бетегашиный (-а, -ос, -і)** – хворий, хворякуватий: *Ко бетегашиный — най сидить дома, а не йде на танці.*// **Бечу́ловати (-уву, -уєш, -ує, -уєме, -уєте, -увуть)** = *бичаловати* – шанувати, поважати: *Його бечу́ловали за доброту и справедливуюсть; Кіть ты будеш челядника бечу́ловати, то й вун тебе.*// **Дя́ка (-ы), жс.** – дяка: 1) *настрій: Буде*

хліб — буде й дяка; У нього была добра дяка. 2) Подяка: Єдна дяка што за рыбу, што за рака; Вўн пўшов до нього, вбы выказати му дяку за помўч. 3) На догоду: Йому нигда нич не зробили на дяку. 4) При повчанні: Першый погар дяку робить, а десятий — гробить.

Наиболее профессиональным и полным (более 58 000 слов) словарем русинского литературного языка со времен первых попыток его становления на лексикографическом уровне, на наш взгляд, следует признать «Русинско-русский словарь» Игоря Керчи (Керча 2007). В отличие от своих земляков, автор пытается развивать современный русинский литературный язык на основе прагматических принципов, во-первых, используя в русинской грамматике особенности всех основных местных говоров в зависимости от их распространения; во-вторых, кодифицируя в литературном языке те лексические единицы, которые были обнаружены в предшествующих русинских словарях или же фиксируются в наиболее ценных, на его взгляд, текстах местных авторов прошлого и современности⁸. Ставшие уже давно для широкого круга пользователей русинских диалектов притчей во языцех проблемы правописания И. Керча с тщательностью и дотошностью естествоиспытателя также решает подобным образом. За основу им принят у-говор, который, с одной стороны, объединяет носителей как западного (ужанского), так и восточного (южномараморошского) говоров Подкарпатья; с другой стороны, именно на одном из южномараморошских говоров написаны выдающиеся, по мнению многих, русинский памятник первой половины XVI в. «Няговская постилла» и тексты Антония Годинки, венгерского историка первой половины XX в., который своими текстами и словарем 1922 г. (см.: Годинка 1991) первым среди русинской интеллигенции сознательно и последовательно пытался возвести в ранг русинского литературного языка родной сокырницкий диалект.

«Русинско-русский словарь» И. Керчи отличается от традиционных двуязычных словарей. Насыщенность информационными элементами и нередко сложность построения самой словарной статьи делает словарь, возможно, чересчур универсальным, что, впрочем, объясняется как практичностью его составителя, так и сегодняшним дефицитом подобного рода литературы в русинском языкознании. Последние неутешительные обстоятельства, в свою очередь, вызваны как незавершенностью языкового строительства, так и слабостью культурных традиций у современных украинских русин после дол-

гих десятилетий их полного забвения во второй половине XX в. в целом.

Заглавное слово в словаре представлено полужирным курсивом и строчными буквами. Далее даются грамматические и/или стилистические маркеры и список словарей, в которых данная лексическая единица фиксировалась ранее, после чего идет русский эквивалент. В круглых скобках или после знака / подаются варианты слова, его полные синонимы или близкие по значению единицы; менее близкие семантически слова представлены после точки с запятой. Отдельные значения слова в статье не нумеруются. С помощью знака * маркируются переносные значения слова и цитаты, иллюстрирующие его особенности употребления (рядом указан автор или источник цитаты), дается его перевод на русский язык. Знак ** предваряет фразеологические единицы, представленные в качестве иллюстрации; *** — производные слова (дериваты со значением женскости, деминутивности, адвербиальности и т.п.). Все эти и другие особенности структуры словарной статьи и словаря в целом хорошо прописаны его составителем в справочных материалах в самом начале издания. В качестве иллюстрации представляем несколько типичных словарных статей, см.:

кiп m АГ БГ ЛД ЯЯ = образ; способ; **тым* ~ом = таким образом; итак; **никóтрым* ~ом = ни под каким соусом (фам.); никоим образом; ни в коем случае; ни в коей мере; ни под каким видом; **жўнськым/ дóхторськым* ~ом = как женщина/ врач; в образе женщины; **кóрмань** f БС ОБ [Алм] [Мгч] = руль; *(*авта*) = баранка; *(*шiфы, аероплáна*) = штурвал; *(поэт) = кормило; **опачина* – *дóвгое весло*~ [Кпр]; **вже* ~ не *моглá дати ся морякáм* – // *черленокóжi виштых ймили* [ПтИ]; *перебрáти* ~ = взять бразды правления в свои руки; **пудлый** adj АГ БС ЕБ ЛД ЛЧ СП ЯГ = плохой, худой; скверный; дурной; низкопробный; *(*непорядный*) = подлый; *~а *якость* = скверное качество; *на ~ой *учити кóго* = подавать дурной пример; *у *готáри сёго селá землi... сут* ~i [Джв] = в угодьях этого села земли плохие; ***нич не є такóе, жебы не было на дáшто дóброе* [флк] = нет худа без добра; ***adv *~о = плохо; дурно; скверно; (*непорядно*) подло; и т.п.

Вышел словарь в хорошем полиграфическом исполнении, однако тиражом всего в 150 экземпляров, что, учитывая его качественные параметры и потребность в подобной литературе в среде русинской интеллигенции, сделало его библиографической редкостью сразу же после выхода.

Естественно, что в столь объемной работе не обошлось без отдельных погрешностей, и словарь нуждается в дальнейших исправлениях и дополнениях. Об этом хорошо знает его составитель, который продолжает усиленно работать над усовершенствованием своего детища. Параллельно этот же автор готовит к изданию «Русско-русинский словарь», который ждут прежде всего представители русинской интеллигенции, получившие образование на языках восточных соседей.

Дальнейшее развитие карпаторусинской лексикографии, как и культуры в целом, зависит, на наш взгляд, во многом от политического решения русинского вопроса на Украине, где сосредоточены основные людские и интеллектуальные ресурсы этноса, ибо, как свидетельствует прошлое и настоящее народа в центре Европы, лишенного государственности, значительных достижений в своем культурном развитии его представители смогли/смогут достичь лишь при государственной поддержке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Процесс формирования собственного литературного языка начинается у бачцев в 1904 г., когда Гавриил Костельник выпустил сборник стихов на русинском языке «З мойого валала», а в 1923 г. — «Граматику бачваньско-рускей бешеди», которые и стали исходной точкой развития русинского литературного языка. После серии сербскохорватско-русинских словарей для учащихся средних школ и профессионально-технических учебных заведений 70-80-х гг. (Кочиш 1972; Јерковић, Перинц, ред., 1981; Медеши, Сабадош 1989 и др.) в последнее десятилетие прошлого века в двух томах вышел «Сербско-русинский словарь» (Српско-русински речник 1995–1997), который является несомненным достижением югославорусинской лексикографии. Югославорусинский язык как один из наиболее развитых современных европейских микроязыков в своем стремлении стать вровень с «большими» славянскими языками заметно приблизился к цели.

² Более того, процесс этот новые хозяева края пытались даже обратить вспять. Советскими лексикографами разрабатывались словари, в которых указывались лишь «правильные» значения русинских слов, ср., напр.: *Будиши, бўджу, бўдиш, бўдять*. 1. Заставляти проснутися. 2. книжн. Визивати, породжувати. [Не коптити, нпр. шинку та ін.] (Дзендзелівський 1958, 12).

- ³ Здесь и далее все фрагменты исследуемых словарей представлены с максимальным сохранением их графических особенностей.
- ⁴ Еще на Первом конгрессе русинского языка в 1992 г. (Bardejovské Kúpele, Словакия) его делегаты приняли решение: учитывая сложившиеся обстоятельства, на начальном этапе развивать языковое строительство по отдельности в каждой стране, где они проживают. В настоящее время ведется определенная работа по координации деятельности русинских лингвистов с тем, чтобы не допустить в дальнейшем расхождений языковых норм в национальных вариантах русинского литературного языка, более того, стремиться к сближению в этой сфере, чтобы на конечном этапе выработать единые для всех русин языковые нормы. Именно с этой целью с 2007 г. действует «Интеррегиональный языковой совет», в состав которого вошли русинисты из тех стран, в которых они проживают.
- ⁵ Подобные русинские общественные организации появились в начале 90-х гг. XX в. и в других странах, где в настоящее время проживают европейские русины (подробнее о современном состоянии русин в целом, см., напр.: Дуличенко 2004, 439–453).
- ⁶ Отметим, что раздел словообразования в современных грамматиках сербских, словацких и польских русин, кодифицировавших собственные литературные микроязыки, представлен, на наш взгляд, наименее удачно и в наибольшей мере нуждается в дальнейших исправлениях и дополнениях (см., напр.: Панько 1997, 86–91).
- ⁷ Наиболее заметны эти сложности в правописании. Напр., на месте исторического [o] (в корнях слов *конь*, *поп* и т.д.) на большей части края произносится звук [y], на несколько меньшей — звук, напоминающий немецкий [ʏ]. Подобную проблему еще в начале XX в. попытался решить автор русинских грамматик Августин Волошин, который предложил специальный графический знак (ô), который каждый волен читать на свой лад. Однако даже это, казалось бы, соломоново решение не всегда готовы принять современные русинские авторы и читатели. Интересно, что на лексическом уровне подобные проблемы авторы одного из словарей решают путем квалификации лексических единиц из разных диалектов синонимами, правда, доминантой подобного синонимического ряда у них все же остается «свое», ср., напр.: *Никами* и *позерáти*, *дивити* – *дивитись* (Поп, Поп 2001, 26).
- ⁸ Список источников к словарным иллюстрациям в словаре содержит 172 позиции, т.е. практически полностью в нем представлены все авторы, когда-либо писавшие на русинском языке, или же изучавшие лексику карпаторусин.

ЛИТЕРАТУРА

- Алмашій, Поп, Сидор 2001 — М. Алмашій, Д. Поп, Д. Сидор. *Русинсько-українсько-російський словник*. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2001.
- Годинка 1991 — А. Годинка. *Русинсько-мадярський словарь глаголув. Глаголниця. Сбирка всѣх глаголов пудкарпатсько-русинського языка*. Собравъ, упорядивъ и передословіе написавъ с. Тоній. Романувъ. С. р. н. [Hodinka Antal]. *Ruszin-magyar igetár*. Szerk. Udvari. István; előszó Cselényi István Gábor; kiad. a Görögkatolikus Hittudományi Főiskola. Nyíregyháza, 1991. LXX VII, 436 с.: ил.
- Горошак 1993 — Я. Горошак. *Перишій лемківско-польскій словник / Pierwszy słownik lemkowski-polski*. Легніца, 1993. Сондажове видання.
- Дзендзелівський 1958 — Й.О. Дзендзелівський. *Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття*. Ужгород, 1958.
- Дуличенко 1995 — А.Д. Дуличенко. *Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филології*. Нови Сад: Руске слово, 1995.
- Дуличенко 2004 — А.Д. Дуличенко. *Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты*. Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Москва: Индрик, 2004, с. 439–453.
- Дуличенко 2008 — А.Д. Дуличенко. *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Вступительная статья, тексты, комментарий*. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2008.
- Јерковић, Перинц, ред., 1981 — Ј. Јерковић, Р. Перинц (ред.). *Минимални речник српскохрватског језика: српскохрватско-русински*. Нови Сад, 1981.
- Капраль, ред., 2006 — М. Капраль (ред.). *Изученя русинського языка у Мадярицині и за ї гатарами*. Матеріали міжнародної научної конференції на честь Антонія Годинки. Русинські листки І. Будапешт, 2006.
- Керча 2007 — І. Керча *Словник русинсько-руський*. У двох томах, верх 58 000 слов. Т. 1. Ужгород: ПоліПрінт, 2007.
- Кочиш 1972 — М.М. Кочиш. *Приручни терминологийни словник сербско-горватско-руско-українски*. Нови Сад: Руске слово, [1972].
- Медеші, Сабадош 1989 — Г. Медеші, П. Сабадош (ред.). *Минимални словник руского языка: руско-сербскогорватски*. Нови Сад, 1989.
- Митраць 1881 — А. Митраць. *Русско-мадярскій словарь*. Унгварь, 1881.
- Панько 1991 — С. Панько. *Русько-мадярські і мадярсько-руські словники до 1945 року*. А. Годинка Антоній. *Глаголниця. Сбирка всѣх глаголов пудкарпатсько-русинського языка*. Собравъ, упорядивъ и передословіе написавъ Тоній. Романувъ. Nyíregyháza, 1991, с. LXII–LXXVII.

- Панько, ред., 1994а — Ю. Панько (ред.), М. Гиряк, К. Копорова, А. Кузмякова, М. Мальцовска, А. Плішкова. *Орфографічний словник русинського языка*. Приблизно 42 000 слов. Пряшів: Русинська оброда — Інститут русинського языка і культури, 1994.
- Панько 1994б — Ю. Панько. *Русинсько-русько-українсько-словенсько-польський словник лінгвістичних термінів*. Пряшів, 1994.
- Панько 1997 — С.С. Панько. «Граматика бачваньско-рускей бешеди» про складові частини теорії словотвору. *Tanulmányok az ukrán és ruszin filológia köréből*/ Наукові дослідження в галузі української та русинської філології. Szerkesztette. Udvari István. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia* 5. Nyíregyháza, 1997, с. 86–91.
- Поп 2007а — Д.І. Поп. *Русинський інтересний словарик*. Ужгород, 2007.
- Поп 2007а/б — Д. Поп. *Русинсько-українсько-руський і русско-українсько-русинський словарь*. Ужгород, 2007.
- Поп, Поп 2001 — Д.І. Поп, Д.Д. Поп. *Русинський синонімічний словарь из українськыма одповідниками*. Ужгород: Удавательство В. Падяка, 2001.
- Попович 1999 — С. Попович. *Поруналный русинсько-мадярсько-русько-український словарчик*. Мукачово – Будапешт, 1999.
- Речник 2006 — *Речник медицинске терминологије: српско-латинско-русински/ Словнік медицинскей терминологиї: сербско-латинско-руски*. Нови Сад, 2006.
- Српско-русински речник 1995–1997 — *Српско-русински речник/ Словнік сербско-руски*. Т. I–II. Главни. редактор. Ю. Рамач, редакторе: М. Фейса и Г. Медеши. Нови Сад, 1995; Београд, 1997; Нови Сад–Београд 1995–1997.
- Фонтанський, Хомяк 2000 — Г. Фонтанський, М. Хомяк. *Граматыка лемківського языка*. Katowice, 2000.
- Чопей 1883 — Л. Чопей. *Русько-мадярский словарь*. Будапешт, 1883.
- Чорі 2002–2010 — Ю. Чорі. *Словарь русинського языка*. В 6 т. Ужгород, 2002–2010.
- Ябур, Плішкова, Копорова 2007 — В. Ябур, А. Плішкова, К. Копорова. *Русинська лексика на основі змін у правилах русинського языка про основны і середні школы з навчальным русинськым языком і з навчанєм русинського языка (Правовисный і граматічний словник)*. Пряшів: Русин и Народны новинки, 2007.
- Hnát 2003 — А. Hnát. *Krátky rusinsky slovník*. Trebišov, 2003.
- Horoszczak 2004 — J. Horoszczak. *Словник лемківсько-польскій, польско-лемківскій/ Słownik łemkowsko-polski, polsko-łemkowski*. Warszawa: Rutenika, 2004.

- Magocsi, ed., 1996 — P.R. Magocsi (ed.). *A New Slavic Language Is Born. The Rusyn Literary Language of Slovakia*. New York, 1996.
- Rieger 1995 — J. Rieger. *Słownictwo i nazewnictwo lemowskie*. Warszawa, 1995.

M. Káprály. XXI sajandi russiini leksikograafia (väikeste kirjakeelte tekkimisest ja arengust)

Uuritakse russinistika eriharu, russiini leksikograafia, kaasaegset olukorda, mis pärast teada olevaid poliitilisi muutusi ja russiini kogukondade etnilise eneseidentifitseerimise õiguse taastamist Kesk- ja Ida-Euroopa maades on viimase kahekümne aasta jooksul intensiivselt arenenud. Artiklis esitatakse laiaulatuslik ülevaade nendel aastatel Jugoslaavias (russiini keele kirjanorm kodifitseeriti juba XX saj 20ndatel aastatel), Slovakkias ja Poolas (kirjakeele variandid kodifitseeriti 1995. ja 2000. aastatel) ilmunud lingvistilistest sõnaraamatutest. Eriline olukord on kujunenud Ukrainas, kus hoolimata leksikograafide aktiivsusest ja silmapaistvatest saavutustest ja russiinide kultuuri iseseisvat arengut toetavate isikute rohkusest (enamus Karpaatia russiinide esindajatest elab Ukrainas), pole kohalike russiinide kirjakeele kodifitseerimisprotsess paljuskki poliitilisel põhjustel oma loogilist lõppu leidnud. Riik eitab russiinide elementaarset õigust etnilisele enesemääratlusele ning seega ei toeta russinistika kui iseseisva slavistika distsipliini arengut.

Федор Данилович Климчук
Институт мовазнаўства, Мінск

БЕРЕСТЮКИ-ЗАГОРОДЦЫ: ЧИСЛЕННОСТЬ В МИРЕ

Белоруссия – сопредельные регионы – этногенетическая группа берестюков-загородцев – численность в Белоруссии и за пределами

Один из регионов Полесья — Брестско(Берестейско)-Пинское Полесье. Основная его часть находится в пределах Брестской области Белоруссии, окраины — в составе Украины и Польши. Коренное население около двух третей территории указанного региона (средняя полоса и юг) представляет собой этнографическую (этногенетическую) группу. Ее представители осознают свою принадлежность к восточному славянству и к указанной группе. Противопоставляют себя своим соседям. В качестве самоназвания чаще всего служит обозначение *наши люди* (*нашы лю'дэ*). Но существуют и другие, более конкретные, наименования, хотя они малоупотребительны. К ним, в частности, относятся: *берестюкі, пинчукі, загорóдцы, zańorodzianie* (польск.), *западные полешуки* и некоторые другие. Наименование *берестюки* может относиться только к западной части региона, а может и ко всему региону, наименование *пинчуки* — только к восточной части региона, а может и ко всему региону. Правда, *пинчуками*, кажется, никогда не именовали жителей западных окраин региона. *Загородцами* обычно именуют жителей всего региона, кроме западных окраин. Однако наименование употребляется редко. За жителями западных окраин региона (в настоящее время это территория Польши) закрепилось название *подляшане*.

Учитывая рассмотренную ситуацию употребления приведенных названий, в данной статье указанную этногенетическую группу будем именовать *берестюки-загородцы*. Среди переходных групп, причисляемых некоторыми исследователями к берестюкам-загородцам, отметим *верхняя'сельдцев* и *бережнóвцев*.

В 1988 г. создано общественное культурно-просветительское общество «Полісьсе» (Клімчук 2006, 340–341). До конца 1990-х гг. его

деятельность была весьма активна. Общество возглавил Н.Н. Шелягович. Члены общества в 1985–1992 гг. опубликовали ряд произведений на западнopolесских говорах в газетах и журналах, издаваемых в Минске. Общество «Полісьсе» издавало страницу «Балэсы Полісься» в газ. «Чырвоная змена» (в 4-х номерах за 1988 г.). В 1989 г. изданы № 5–9 бюллетеня «Балэсы Полісься». Но особенно много печатной западнopolесской продукции дала газета «Збудінне», издаваемая обществом «Полісьсе». За 1989–1995 гг. издано 85 номеров. Материал разнообразный: публицистика, художественная литература, история, этнография и проч. В 1990 г. обществом была проведена международная «Западнopolесская (Ятвяжская) научно-практическая конференция». Опубликованы ее тезисы и материалы. В 1994–1995 гг. проведены фестивали западнopolесской эстрадной песни (в Бресте, Пинске, Дорогичине, Янове). На западнopolесском была издана брошюра, посвященная шахматной игре. Общество продолжает существовать. Изредка его члены собираются для решения всевозможных проблем. Для нас существенно то, что большинство членов общества «Полісьсе» являются представителями этногенетической группы *берестюков-загородцев*, о которой мы ведем речь.

В одной из работ мы привели численность берестюков-загородцев по районам Брестской области за 1999 г. (Клімчук 2006, 352–355). Исчисления наши. О принципах исчисления см.: Клімчук 1991, 150–160). Учитывая дополнительные сведения о диалектном составе отдельных населенных пунктов, вносим в указанную работу следующие коррективы: 1) Город Береза: а) внести бережновцев — 4500 чел., б) уменьшить численность периферийных загородцев на 4500 чел.; 2) Город Пружаны: внести бережновцев — 5100 чел.; 3) Сельское население Столинского района: увеличить численность бережновцев на 400 чел. В связи с указанными изменениями сделать пересчет по Березовскому, Пружанскому и Столинскому районам и по области в целом.

Наша работа посвящена определению приблизительной численности берестюков-загородцев в мире. За ориентировочную дату отсчета мы приняли 1989 г.: в этом году проведена последняя советская перепись и опубликованы ее данные (НСН 1991; ЧВС 1991). На нее можно в какой-то мере ориентироваться, хотя указанная этногенетическая группа здесь не выделена.

Приводим данные о численности берестюков-загородцев в 1989 г. по регионам Брестской области. Используем данные переписи (ЧВС 1991); о принципах исчисления см.: Климчук 1991, 150–160.

Таблица № 1

№ п/п	регион	собственно загородцы	периферийные загородцы	верхне ясельдцы (в) и бережновцы (б)
1	г. Барановичи и Барановичский р-н	2.540 – 1,2 %	40 – 0,0 %	(в) 50 – 0,0 % (б) 30 – 0,0 %
а	г. Барановичи	2.500 – 1,6 %	40 – 0,0 %	(в) 50 – 0,0 % (б) 30 – 0,0 %
б	пгт Городище
в	сельское население	40 – 0,1 %
2	Березовский р-н	28.780 – 41,6 %	16.730 – 24,2 %	(в) 7.530 – 11,0 % (б) 3.310 – 4,8 %
а	г. Береза	3.190 – 13,7 %	8.000 – 34,5 %	(в) 1.590 – 6,9 % (б) 3.310 – 14,3 %
б	г. Белоозерск	5420 – 51,0 %	1.890 – 17,7 %	(в) 340 – 3,2 %
в	сельское население	20.170 – 57,1 %	6.840 – 19,4 %	(в) 5.600 – 15,8 %
3	г. Брест и Брестский р-н	170.050 – 57,0 %	2.410 – 0,8 %	(в) 2.880 – 1,0 % (б) 500 – 0,2 %
а	г. Брест	136.900 – 53,5 %	2.410 – 0,9 %	(в) 2.880 – 1,1 % (б) 500 – 0,2 %
б	пгт Домачево	930 – 69,7 %
в	сельское население	32.220 – 78,4 %
4	Ганцевичский р-н	30 – 0,1 %
а	г. Ганцевичи	10 – 0,1 %
б	сельское население	20 – 0,1 %
5	Дрогичинский р-н	49.010 – 91,7 %
а	г. Дрогичин	11.160 – 85,6 %
б	пгт Антополь	1.950 – 79,2 %
в	сельское население	35.900 – 94,6 %
6	Жабинковский р-н	20.450 – 80,5 %
а	г. Жабинка	8.060 – 74,4 %
б	сельское население	12.390 – 85,6 %
7	Ивановский р-н	48.760 – 93,2 %
а	г. Иваново	11.600 – 85,7 %
б	сельское население	37.160 – 95,8 %
8	Ивацевичский р-н	3.610 – 5,4 %	3.340 – 5,0 %	(б) 2.110 – 3,2 %
а	г. Ивацевичи	90 – 0,5 %	90 – 0,5 %	...
б	г. Коссово
в	пгт Телеханы	50 – 1,0 %	350 – 8,1 %	(б) 2.110 – 49,1 %
г	сельское население	3.470 – 8,1 %	2.900 – 6,7 %	...

9	Каменецкий р-н	34.010 – 78,1 %
а	г. Каменец	5.720 – 69,9 %
б	г. Высокое	3.120 – 72,9 %
в	сельское население	25.170 – 81,0 %
10	г. Кобрин и Кобринский р-н	68.210 – 77,4 %
а	г. Кобрин	30.890 – 68,4 %
б	сельское население	37.320 – 86,9 %
11	г. Лунинец и Лунинецкий р-н	10.480 – 12,7 %	...	(в) 5.280 – 6,4 % (б) 3.060 – 3,7 %
а	г. Лунинец	1.000 – 4,4 %	...	(в) 5.280 – 23,0 % (б) 450 – 2,0 %
б	пгт Микашевичи	20 – 0,1 %
в	сельское население	9.460 – 20,3 %	...	(б) 2.610 – 5,6 %
12	Ляховичский р-н	30 – 0,1 %
а	г. Ляховичи	10 – 0,1 %
б	сельское население	20 – 0,1 %
13	Малоритский р-н	24.690 – 84,7 %
а	г. Малорита	7.510 – 73,7 %
б	сельское население	17.180 – 90,6 %
14	г. Пинск и Пинский р-н	144.330 – 76,0 %	2.770 – 1,5 %	(б) 1.100 – 0,6 %
а	г. Пинск	80.960 – 68,5 %	1.820 – 1,5 %	(б) 400 – 0,3 %
б	пгт Логишин	1.680 – 55,3 %
в	сельское население	61.690 – 89,8 %	950 – 1,4 %	(б) 700 – 1,0 %
15	Пружанский р-н	4.200 – 6,1 %	...	(в) 16.840 – 24,6 % (б) 4.960 – 7,2 %
а	г. Пружаны	240 – 1,0 %	...	(в) 6.800 – 30,0 % (б) 4.960 – 21,7 %
б	пгт Ружаны
в	пгт Шерешево	20 – 0,8 %
г	сельское население	3.940 – 10,0 %	...	(в) 10.040 – 25,4 %
16	Столинский р-н	27.350 – 30,0 %	19.040 – 20,9 %	(б) 4.840 – 5,3 %
а	г. Столин	1.040 – 10,1 %	7.340 – 70,7 %	(б) 100 – 1,0 %
б	г. Давид-Городок	20 – 0,2 %	80 – 1,0 %	(б) 40 – 0,5 %
в	пгт Речица	1.040 – 15,0 %	4.750 – 68,9 %	(б) 30 – 0,4 %
г	сельское население	25.250 – 38,0 %	6.870 – 10,3 %	(б) 4.670 – 7,0 %
	Брестская область	636.530 – 43,9 %	44.330 – 3,1 %	(в) 32.580 – 2,3 % (б) 19.910 – 1,4 %
а	городское население	315.130 – 38,5 %	26.770 – 3,3 %	(в) 16.940 – 2,1 % (б) 11.930 – 1,5 %
б	сельское население	321.400 – 51,0 %	17.560 – 2,8 %	(в) 15.640 – 2,5 % (б) 7.980 – 1,3 %

Таким образом, в 1989 г. на территории Брестской области насчитывалось около 681 тыс. берестюков-загородцев (включая периферийных), в том числе на территории этнического Загородья около 673 тыс., за его пределами, на территории северной и северо-восточной Брестщины — около 8 тыс. Верхнеясельдцев насчитывалось более 30 тыс., бережновцев — около 20 тыс. За пределами Брестской области в Белоруссии берестюков-загородцев более всего в Минске (около 65 тыс.), в других областях — около 13 тыс. Всего на территории Белоруссии в 1989 г. их насчитывалось около 750 тыс., что составляло около 9,6% по отношению к общей численности белорусов. Основная территория расселения берестюков-загородцев — южные районы Брестской области.

Другие республики бывшего СССР

Этническую и национальную принадлежность берестюков-загородцев во второй половине XIX – первой половине XX вв. определяли по-разному (Климчук, 1995–1996, 12–13). С 1939 г. за небольшими исключениями во время переписей и при исчислениях их включали в число белорусов. В связи с этим, исходя из данных о численности белорусов, можно попытаться определить приблизительную в разных регионах численность берестюков-загородцев.

В Белоруссии берестюки-загородцы (без переходных групп) в послевоенный период составляли 9,6% по отношению ко всем белорусам. Если определять численность загородцев за пределами Белоруссии без учета специфики миграций, то следует брать 9,6% из общего числа белорусов в каждой области, крае, республике, стране. Однако при учете специфики миграций из Белоруссии в целом и из Брестской области в частности численность берестюков-загородцев в разных регионах, на наш взгляд, можно определить более точно, хотя приводимые цифры, полученные в результате наших исчислений, все равно будут условными. Просто во втором случае они, на наш взгляд, будут более близкими к истинным, поэтому процент в 9,6, исходя из указанной специфики, и будем менять.

Происходили значительные миграции из Белоруссии в Россию до вхождения в 1939 г. Брестской области в состав СССР и БССР. Кроме того, издавна были более значительными миграции из восточных регионов Беларуси в Россию, нежели из западных. Исходя из этого, указанный процент (9,6%) для большей части России (кроме Северного Кавказа) уменьшаем в 1,5 раза, получаем 6%. 6% от общего числа белорусов Европейской России без Северного Кавказа составля-

ет 47.000 чел. 6% от общего числа белорусов Азиатской России (восточный Урал, Сибирь, Дальний Восток) — 21.000 чел.

На Северный Кавказ до войны миграция белорусов не была значительной. В то же время наблюдались весьма ощутимые миграционные потоки в этот регион из Брестщины после того, как здесь была проведена коллективизация. Более всего эти миграции коснулись Краснодарского края. Происходило это в 1950-е гг., когда проводилась политика сселения с хуторов. Тогда очень многие хуторяне переселялись из хуторов не в свои деревни, а в Краснодарский край. Поэтому указанный выше процент 9,6% сохраняем для Ставропольского края и автономных республик региона. Для Краснодарского края этот процент увеличиваем в 1,5 раза, т.е. 15%. В итоге получим следующие цифры: 9,6% от общего числа белорусов Ставропольского края и северокавказских автономий составит 2000 чел.; 15% от общего числа белорусов Краснодарского края составит 7000 чел.

После Первой мировой войны в России (преимущественно Европейская Россия) осталось немало беженцев, выходцев из южных районов Брестщины. Теперь их (или их потомков, помнящих о своем происхождении) насчитывается, скорее всего, около 10000 чел. Записаны они, как правило, русскими.

На Украину, особенно в ее восточную и южную части, имели место значительные миграции из восточной Белоруссии в дореволюционную и межвоенную эпохи. Из Брестщины значительные миграции на Украину проходили и в послевоенное время. Но они уступали прежним миграциям из восточной Белоруссии. Кроме того, на Украине берестюки довольно быстро ассимилируются с украинцами. Поэтому для Украины принимаем процент лишь немногим выше, чем для России — 7%, что от общего числа белорусов Украины составит 30000 чел. Кроме того, в 1939 г. в состав УССР вошла часть исторической Берестейщины. Ныне это части Заречненского и Дубровицкого районов Ровенской области и Любешовского района Волынской области. Здесь проживает около 80000 чел. автохтонного населения. Выходцев из этих мест в других районах Украины около 15000 чел. На Украине проживает также около 10000 чел. Восточнославянских выходцев из южного Подляшья (ныне в составе Польши, преимущественно северо-восточная часть Люблинского воеводства), которые относятся к этногенетической группе берестюков-подляшан.

В Казахстане белорусское население формировалось в основном после Великой Отечественной войны, в первую очередь при освоении целины. Поэтому при его формировании примерно в одинаковой степени приняли участие все регионы Беларуси. Для Казахстана указанный выше процент (9,6 %) снижаем немного и принимаем 8%, что от общего числа белорусов Казахстана составит 15.000 чел.

В Литве, Латвии и Эстонии проживает в основном автохтонное белорусское население или выходцы из северо-западной Беларуси. Для этих стран принимаем условно 2% загородцев по отношению к общей численности белорусов, что составит: Латвия — 2400 чел., Литва — 1200 чел., Эстония — 400 чел.

В Литве еще около 400 чел. — жители сел Айренай-2 и Гейшишкес-2 Вильнюсского района — потомки переселенцев начала XX в. из Брест-Литовского уезда. Живут компактно. Сохранили западно-полесский говор. Записаны русскими.

1,5–2,5% загородцев по отношению ко всем белорусам условно принимаем для Армении, Азербайджана, стран Средней Азии. Это составит ориентировочно: Узбекистан — 400 чел., Киргизия — 200 чел., Таджикистан — около 200 чел., Туркменистан — 100 чел., Армения — около 100 чел., Азербайджан — около 100 чел.

Для Молдавии и Грузии принимаем 3% загородцев по отношению ко всем белорусам, что составит: Молдавия — 600 чел., Грузия — 300 чел.

Таким образом, по бывшему СССР за 1989 г. условно принимаем число загородцев в 1003, 4 чел. (округленно — 1 млн.).

Польша: 1) Северное (Среднее) Подляшье — район Бельска, Гайновки, Семятич, Дрогичина. Численность автохтонного западнополесского населения в 1945 г. определялась: 78425 чел., для 1947 г. после репатриаций — 77716 (Hawryluk 1999, 142). К настоящему времени их численность снизилась и составляет примерно 65000 чел. Численность носителей местных восточнославянских говоров здесь несколько ниже (Vitajemo 2010); 2) Южное Подляшье (район Бялой Подляски, Влодавы) — около 10000 чел. (НБН 1999, 28); 3) Выходцы из Северного (Среднего) Подляшья в других регионах Польши — около 15000 чел.; 4) Выходцы из Южного Подляшья в других регионах Польши — около 10000 чел.; 5) Выходцы из Брестской области в других регионах Польши — ок. 15000 чел. Всего в Польше: около 115000 чел.

Другие страны Европы. Из других стран Европы первое место занимает Германия. В Германии остался кое-кто из загородцев, среди вывезенных на работы в годы войны, из военнопленных. Поселились в этой стране после войны отдельные люди, покинувшие Брестщину по политическим соображениям. В целом численность загородцев в Германии условно определяем в 1000 чел. Есть сведения, что выходцы из южных районов Брестщины, берестюки или загородцы, есть в Англии, Голландии, Франции, Чехии, Австрии, Сербии, Италии, Греции, Швейцарии. Условно определяем их общую численность во всех указанных странах в 1000 чел.

Америка. Массовое появление берестюков-загородцев на Американском континенте относится к концу XIX в. Но это были выезды на заработки. В конце XIX – начале XX вв. большинство взрослых мужчин из нынешней Брестской области побывало на заработках в Америке. Многие более чем по одному разу. Но оставались на американском континенте немногие. Зона миграций ограничивалась США и Канадой. В 1920–1930-е гг. миграции продолжались, но их характер имел свои особенности. На заработки ездило меньше людей. Пожалуй, более половины мужчин не было в Америке ни разу. Зато многие на американском континенте оставались. На Брестщине нет такого населенного пункта (относительно крупного), из которого несколько человек не осталось бы в Америке. Расширилась зона миграций: к США и Канаде добавились Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай. При исчислении количества загородцев в США тоже есть основания исходить из численности белорусов, хотя официальная статистика не дает сведений о численности белорусов. Но зато есть неофициальные их исчисления. К последним, в первую очередь, необходимо отнести работу В. Кипеля (Кіпель 1993).

Правда, к исчислениям подобного рода необходимо подходить осторожно, поскольку весьма реальны преувеличения. Чтобы этого, по возможности, избежать, мы максимально снизим процент численности загородцев по отношению к общей численности белорусов у В. Кипеля. Итак, в 1989 г. численность загородцев в Белоруссии по отношению ко всем белорусам составляла 9,6%. Если ограничиться Западной Белоруссией, то здесь численность загородцев (686 тыс.) по отношению ко всем белорусам составит около 28%. И тем не менее, принимая самый высокий вариант численности белорусов в США по В.Кипелю, во избежание серьезных преувеличений и учи-

тывая другие факторы (сопоставление числа загородцев в США, России, Минске), процент загородцев по отношению ко всем белорусам берем не 28% и не 9,6%, а около 7%, что лишь немногим выше, нежели в России. По В. Кипелю, белорусов в США насчитывается около 600–650 тыс. Однако, если сплусовать данные по штатам, то получим 739 тыс. Вот эту цифру мы условно и принимаем за общее число белорусов в США, а от нее исчисляем около 7% (6,8%) и получаем 50 тыс. Учитывая ассимиляторские процессы, снижаем эту цифру до 40000 чел. Это приблизительная численность берестюков-загородцев в США.

При исчислении численности загородцев в других странах Америки, с одной стороны, используем данные об общей численности белорусов по отдельным странам, с другой стороны, — разнообразные иные сведения и сопоставления. Об общей численности белорусов в разных странах используем исчисления, приведенные в публикациях (NDJS 1998, 19; Гардзіенка 2004). Исходя из этих данных и разного рода других (преимущественно устных) источников и сопоставлений, условно принимаем следующие цифры числа загородцев по странам Америки: Канада — 10000, Аргентина — 8000, Бразилия — 5000, Парагвай — 2000, Уругвай — 1000 чел.

Австралия и Африка. Есть сведения, что загородцы проживают в Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке. Условно определяем их численность в этих странах следующим образом: Австралия — 300 человек, Новая Зеландия — менее 100 чел., Южная Африка — около 100 чел.

Общий итог приблизительной численности берестюков-загородцев:

Европа — 1083 тыс.: 1) Белоруссия — 760 тыс., в т.ч. южные р-ны Брестской обл. (Загородье) — 673 тыс.; 2) Украина — 135 тыс., в т.ч. юго-восточная периферия исторической Берестейщины — 80 тыс.; 3) Польша — 115 тыс., в т.ч. Подляшье — 75 тыс.; 4) Россия, Европейская часть, включая Северный Кавказ — 66 тыс.; 5) Латвия, Литва, Эстония — 4,4 тыс.; 6) Германия — 1 тыс.; 7) Молдавия — 0,6 тыс.; 8) другие страны (Англия, Голландия, Франция, Чехия, Австрия, Сербия, Италия, Греция, Швейцария) — 1 тыс.

Америка — 66 тыс.: 1) США — 40 тыс.; 2) Канада — 10 тыс.; 3) Аргентина — 8 тыс.; 4) Бразилия — 5 тыс.; 5) Парагвай — 2 тыс.; 6) Уругвай — 1 тыс.

Азия — 37,4 тыс.: 1) Россия (Восточный Урал, Сибирь, Дальний Восток) — 21 тыс.; 2) Казахстан — 15 тыс.; 3) Средняя Азия (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан, Туркменистан) — 0,9 тыс.; 4) Грузия, Армения — 0,4 тыс.; 5) Азербайджан — 0,1 тыс.

Австралия и Новая Зеландия — 0,4 тыс.

Южная Африка — 0,1 тыс.

Всего — 1186,9 тыс. (округленно 1,2 млн.), в т.ч. на территории основного расселения (южные районы Брестской области, прилегающие микро-регионы Украины и Польши) — 828 тыс. (70% от всего числа).

Какова численность берестюков-загородцев, владеющих говорами своей этнографической группы?

Имеются в виду традиционные родные говоры берестюков-загородцев. В научной литературе их называют: говоры брестско-пинские, загородские, западнополесские. Каков процент берестюков-загородцев считает эти говоры родными? Условно примем, что владели и пользовались (преимущественно или изредка) те берестюки-загородцы, которые при переписях назвали родным языком язык своей национальности (ЧВС 1991). В 1989 г. 81,4% белорусов Брестской области назвали родным языком язык своей национальности. В северной и северо-восточной части области этот процент выше и составляет 90,8%, в южных районах, где концентрируются берестюки-загородцы, этот процент ниже — он составляет 75%. Вот этот процент условно принимаем за процент берестюков-загородцев Загородья, владеющих брестско-пинскими говорами. Здесь представители рассматриваемой этногенетической группы проживают компактно и брестско-пинские говоры для большинства ее представителей являются основным средством общения. Еще берестюки-загородцы проживают компактно в прилегающих к Брестской области микрорегионах Украины и Польши. Остальные берестюки-загородцы, как было указано, рассеяны по всему миру, живут среди представителей разных народов. Какая-то часть их владеет брестско-пинскими говорами, но пользуется ими изредка. Другая часть берестюков-загородцев, проживающая в разных странах мира, помнит о своем происхождении, но говорами своей этногенетической группы не владеет.

Ниже приводим таблицу, где весьма условно определяем численность берестюков-загородцев, владеющих брестско-пинскими говорами.

Таблица № 2

№ п/п	регион	численность берестюков- загородцев	процент владеющих брестско- пинскими говорами	численность владеющих брестско- пинскими говорами
1	Беларусь	760.000		
а	Загородье	673.000	75	504.750
б	Другие регионы Беларуси	87.000	70	60.900
2	Украина	135.000		
а	Юго-восточные окраины Загородья	80.000	95	76.000
	Другие регионы	55.000	70	38.500
3	Польша	115.000		
а	Среднее и Южное Подляшье	75.000	90	67.500
б	Другие регионы	40.000	70	28.000
4	Россия	87.000	65	56.550
5	Казахстан	15.000	60	9.000
6	Литва	1.600	90	1.440
7	Другие страны Бывшего СССР	4.800	40	
8	Другие страны Европы	2.000	75	1.920
9	Страны Америки	66.000	45	29.700
10	Австралия, Новая Зеландия, Африка	500	55	275
		1.186.900 (округленно 1,2 млн.)		874.535 (округленно 875 тыс.)

ЛИТЕРАТУРА

- Гардзіенка 2004 — Н. Гардзіенка. *Беларусы ў Аўстраліі. Да гісторыі дыяспары*. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2004, 468 с.
- Кіпель 1993 — В. Кіпель. *Беларусы ў ЗША*. Менск 1993. : Беларусь, 352 с.
- Клімчук 2006 — Ф.Д. Клімчук. *К истокам письменной традиции Берестейско-Пинского Полесья и о западнополесском литературном микроязыке в частности*. Slavica Tartuensia VII: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конфе-

- ренции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Под редакцией А.Д. Дуличенко и С. Густавссона (при участии Дж. Дана). Тарту, 2006, с. 340–359.
- Клімчук 1995–1996 — Ф. Клімчук. *Некаторыя асаблівасці этнацыянальнай самасвядомасці заходніх палешукоў*. Форум. Інфармацыйна-культурны бюлетэнь, Менск, 1995–1996, № 2, с. 11–19 (12–13).
- Климчук 1991 — Ф.Д. Климчук. *Этническая структура населения Брестской области (к вопросу о «скрытых» этносах)*. Международный симпозиум «Право и этнос». Материалы для обсуждения. Голицино (Московская обл.) 1–5 октября 1991 г. Москва, 1991, с. 150–160.
- НБН 1999 — *Над Бугом і Нарвою*. Bielsk Podlaski, 1999, № 3 (43), s. 28.
- НСН 1991 — *Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Москва: Финансы и статистика, 1991, 160 с.
- ЧВС 1991 — *Численность, возрастная структура, состояние в браке, число и размер семей, национальный состав, уровень образования и источники средств существования населения Брестской области. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Брест, 1991, 422 с.
- Hawryluk 1999 — J. Hawryluk. *Kraje ruskie Bielsk, Mielnik, Drohiczyn*. Kraków, 1999.
- NDJS 1998 — *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Беларуская мова*. Opole, 1998, s. 19: ссылка на работу: Г. Р. Сергеева. *Сучасная нацыянальная дыяспара: стан і праблемы ўзаемадзеяння з Бацькаўчынай*. Беларусь: шляхі абнаўлення і развіцця. Мінск, 1993.
- Vitajemo 2010 — *Vitajemo. Pošto je siêty sajít*. In: Сайт/ Веб-ресурс: <http://svoja.org/> [Просмотрено: 15.07.2010].

F. Klimtšuk. Berestjukid-zagorodetsid: arvukus maailmas

Polessje ühes regioonis — Bresti-Pinsko Polessjes (Bresti oblast Valgevenes, ääremaad Poola ja Ukraina koosseisus), moodustavad 2/3 ülalnimetatud piirkonna põlisasukatest etnogeneetilise rühma, mis nimetab end kui «наши люди (нашы лю’дэ)» («meie rahvas»; lisaks sellele on see rühm tuntud ka nimetuste *берестюкі, пинчуки, загородцы, zahorodzianie* (poola k), *западные полешуки*, jt all. Rahvastikuloenduste ja veel mõningate kaudsete allikate põhjal jaotatakse grupi statistilis-geograafiliselt Valgevene, sellega külgnevates piirkondade ja teistes maailma riikide vahel.

Ромаш Эрленд Романчик
Тартуский университет

**АНАЛИЗ ОТКЛОНЕНИЙ
КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ НОРМЫ
НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЕКТА
КАШУБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА Ф. ЦЕЙНОВЫ**

*Ф. Цейнова – проект литературного языка – норма – Skôrb Kaszëbsko-słò-
ujniskjè mòvé – типология отклонений – родительный – формы ludu, njeludu*

Наблюдаемая в последние десятилетия активизация интереса к кашубскому литературному языку естественным образом заставляет пристальнее посмотреть и на историю его стандартизации. Очевидно, что особое место в этой истории занимает деятельность Ф. Цейновы — автора первых проектов кашубского литературного языка.

В докладе представленном на XIV Международном съезде славистов я обосновал необходимость последовательного научного анализа адекватности языка, на котором писал Цейнова, требованиям, предъявляемым к литературному языку со стороны общей теории литературного языка (см. Романчик 2008). Принципиальным требованием к такому анализу является выявление системных и функциональных свойств этого языка безотносительно к другим идиомам. Это значит, что, во-первых, язык Цейновы может быть рассмотрен как дискретная система, вопреки тезису Е. Тредера:

«Dopiero na tak zarysowanym tle dialektnym ujmować trzeba język piśmien-
nictwa Ceynowy (Treder 2005, 94).

Во-вторых, никакой критерий, внешний по отношению к языковой системе, созданной Цейновой, не может быть основанием для оценки нормативности его текстов.

Такой подход позволяет выделить основные критерии внутренних свойств реализуемого проекта, с точки зрения «литературности», и предопределяет специфику такого центрального понятия, как *норма*.

Там же я показал, что отношения между нормой, кодифицированной нормой и нормативностью в проекте литературного языка, возникающем в ситуации, характеризующейся отсутствием естественных наддиалектных языковых образований и предшествующей традиции, отличны от отношений между соответствующими параметрами в сложившемся литературном языке, как различны и механизмы их становления. Напомню, что речетворчество (прежде всего — в письменной форме) в рамках проекта одновременно является актом создания нормы и ее кодификации. В то же время действуют противоположные тенденции, поскольку норма не является устоявшейся в процессе языковой практики. Порождение речи в таком случае происходит в условиях значительно более широкого диапазона вариативности. Выражается это в возможности большего числа отклонений от прослеживаемой нормы и, возможно, меньшей степени урегулированности отдельных языковых участков. Из сказанного следует также, что предметом анализа должна быть *норма в ее реализации*, то есть тексты.

Данное обстоятельство указывает также на необходимость, рассматривая работы разных лет, различать *нормотворческую эволюцию* Цейновы и *эволюцию языковой нормы*. Первая соотносится с изменением лингвистических взглядов автора, вторая — с характером нормы, ее стабильностью и регулярностью. Очевидно, что как явления разного порядка рассматривать их следует отдельно.

Таким образом, изучение нормы Цейновы является той основой, с опорой на которую можно говорить как о его кодификации, так и в целом о проекте.

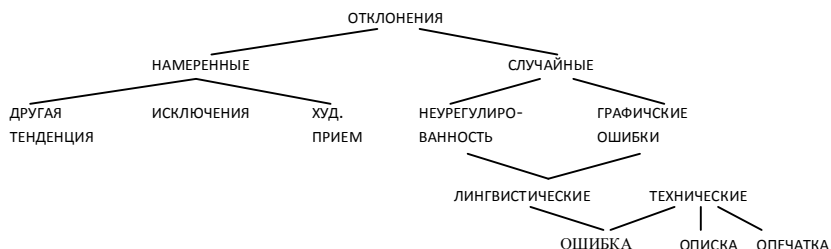
В общем виде процедуру выявления кодифицируемой нормы можно описать следующим алгоритмом:

1. выявление общих тенденций реализации определенного языкового элемента или функции,
2. их интерпретация и определение места в системе,
3. на основе п. 1. и 2. выведение правила.
4. выявление отклонений от установленных закономерностей,
5. их интерпретация.
6. на основе п. 4. и 5. уточнение правила, выведенного в п. 3.

Особое значение этим алгоритмом приписывается отклонениям. Интерпретация отклонений в первую очередь предполагает определение их характера. На сегодняшний день разработанная на основе

текстов «Skôrb» типология отклонений подготовлена мною к печати. Здесь основные типы отклонений можно представить в виде схемы:

Схема 1

Определение типа отклонения в каждом конкретном случае требует отдельного рассмотрения, тип не может быть распознан «на глаз» (за исключением случаев очевидных опечаток). Невозможно также в общем виде дать набор инструментов анализа. Закономерно, что прежде всего следует обращать внимание на такие свойства нормы как воспроизводимость и регулярность, которые и позволяют говорить об определенных тенденциях. Однако часто в тексте удается обнаружить единичный прецедент, — в этом случае приходится полагаться на иные методы анализа.

Очевидно, что лингвистическая ценность отклонений различна, равно, как и их природа. Потому без дифференциации этих явлений неправомерно выносить суждения о степени нормированности текста. Еще раз следует подчеркнуть, что норма может существовать лишь в определенной системе, потому судить о ее реализации на основании соответствия/ несоответствия закономерностям иных систем (диалекта, другого литературного языка или другого проекта литературного языка) было бы грубой ошибкой.

В качестве примера анализа приведу довольно простой случай отклонения, выявленный при анализе флексий родительного падежа существительных мужского рода на согласный в выпускаемом Цейновой первом кашубском периодическом издании «Skôrb». Анализ проводился на материале, собранном методом сплошной выборки из полного корпуса текстов.

Выявлено, что, как и следовало ожидать, образование форм родительного падежа единственного числа осуществляется посредством трех флексий *-a*, *-u*, *-é*¹.

Впрочем, в отношении возможного набора окончаний нетрудно констатировать противопоставление существительных по категории одушевленности/неодушевленности.

Родительный падеж одушевленных существительных мужского рода на согласный образуется только при участии флексии *-a*, и это правило не знает исключений:

brat (24 и др.) – *brata* (184); *człovjek* (1 и др.) – *człowjeka* (9 и др.); *gbur* (5 и др.) – *gbura* (124, 125, 151); *kòvól* (8 и др.) – *kòvóla* (11); *pąn* (1 и др.) – *pąna* (4 и др.); *Pòlòch* (5, 151) – *Pòlòcha* (98); *Pòmarènk* (160-4) – *Pòmarènka* (160); *pòpjeż* (187, 190) – *pòpjeża* (10); *stolém* (9 и др.) – *stoléma* (143-3); *szèper* (119-5 и др.) – *szèpra* (119, 121); *vjlk* (6 и др.) – *vjlka* (13, 14, 147, 148, 158-2); *wòjc* (20 и др.) – *wòjca* (11-2, 173, 186-2); *wòrèdovnjk* (64) – *wòrèdovnjka* (47); *xądz* (8 и др.) – *xędza* (103, 104, 140-3, 142); *żołnèrz* (126, 160-2) – *żołnèrza* (126-2)².

Полный указанный ряд флексий возможен только для неодушевленных существительных:

dzenj (145-3, 171) – *dnja* (7-2, 119, 126, 140-2, 148-2, 163-2)/ *dnja* (48), *zark* (128) – *zarka* (126-3, 127, 128-2, 145-2), *wóz* (142, 194) – *wòza* (s.1, 151-3), *wògjènj* (144)/ *wògjènj* (19, 153)/ *wògjen* (95) – *wògnja* (91, 143-2); [Вин.пад.] *grób* (11, 140, 144-2, 184-2) – *grobu* (14, 126), *krój* (2, 153) – *kraju* (167-2, 169), *rok* (47, 97, 141) – *roku* (97, 141, 146, 166, 191, 197), *zqm̩k* (162-3, 163, 164-3) – *zqm̩ku* (159); *dwór* (125, 142) – *dwòré* (21, 140, 189), *glód* (5, 174) – *glodé* (19, 23), *czas* (s.1-2, 5, 16, 27, 87, 93, 97, 190) – *czasé* (19, 46-2, 78-2, 90-2, 124, 140, 144, 154-2, 158, 162, 171, 172, 185, 189-4), *deszcz* (s.1-2, 2, 5, 153, 164) – *deszczé* (7).

На основе анализа можно утверждать существование определенной корреляции между конечным согласным основы и флексией, что наиболее последовательно наблюдается в отношении дистрибуции флексий *-u* и *-é*:

- после твердых губных (*b*, *p*, *m*, *v*), лабиализованного *ł*, заднеязычных (*g*, *k*, *ch*) и *j* (после гласного) — *-u*;
- в остальных случаях, т. е. после среднеязычных (твердых *d*, *t*, *n*, *s*, *z*, *r* и отвердевших *c*, *rz*, *cz*) — *-é*.

Особые отношений между этими флексиями ожидаемы, так как выражающие их материально звуки связаны генетически (*é* < *ũ*). В све-

те этого и зависимость от предшествующего согласного подчиняется общим закономерностям перехода $\acute{u} > \acute{e}$: после твердых согласных за исключением губных и заднеязычных (после t и l , а также шипящих менее последовательно, но это — отдельная тема, на которой здесь заострять внимание не следует). Таким образом, можно говорить о том, что родительный на $-u$ и $-\acute{e}$ восходят к одной разновидности родительного на $-u$, и, таким образом, как единое целое противопоставлены формам родительного на $-a$. На синхронном же уровне, в принципе, достаточно констатации, что флексии $-u$ и $-\acute{e}$ находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Вопрос выбора между $-u/ -\acute{e}$ и $-a$ пока оставим в стороне (статья по этому поводу подготовлена к печати), сосредоточив внимание на уже выявленной тенденции распределения $-u$ и $-\acute{e}$, точнее на отклонениях от нее.

Отклонение от этого принципа встречается лишь дважды. Впрочем, можно говорить и о единичном отклонении, поскольку, во-первых, оба случая представлены в пределах одного предложения; во-вторых, являются однокорневыми образованиями:

Dlô teho jim titule professoróv, doktoróv, literatóv é t. d. nadaJa é Jejich bezbòžnè pjsma maja ve Franciji é v Njemczéch vjci czètelnjkóv, jak nasze snòže drékòvànè žèwòtè Svjetéch, pòvjòstkj mòralnè é vjele jinszéch xazk dla ludu przez njelèdzi sklejonéch — té dlô njeludu przez czlovjeka napjsànè jesz na svjat njevészlè — mjèdzè Slovjanamj; dze, njesteJè! Ju czasè daja sè czèc mJona: Volter, Russó, Sue, Renan é t. d. abo Strauss, Bauer, Feuerbach, Herwergh é t. d. (193-194).

В отношении этих форм любопытно отметить два обстоятельства. Прежде всего, наряду с представленной здесь формой родительного падежа для *lud* (74, 76, 87, 90, 91, 94, 97, 132, 154, 167-2, 186) ‘народ; собират. к человек, люди’ находим в тексте и ожидаемые, «регулярные» формы, в полной мере отвечающие выявленной тенденции, ср.:

Z njektèrnéch czinnosci kòscelnéch, wòsobévje rzimsko katelèckjch, jakto svjcenJò wòdè, vjna, krèdè, szatlachu, zelò, vjnJòszkóv, lubJa wònj sè njezmjernje nasmjèvac é takòvè ganjc, njbè z tè dobrè przèczénè, že té rzeczè le daja przebjeglim wòzustam spòsobnosc do zwòdzenJò przostèho lédè pòd czas chòròb é przè jinszéch ležnoscach (191).

Примечательно, что этот фрагмент из того же текста, что и приведенный выше — «Rozmòwa Kaszèbé s Pòlòchè». А вот пример из «Zvèczaje é wòbèczaje Kaszèbskoslovjnskjàhò narodè»:

jejich zarząd przechodził czasę, jednak vjedno s dozwołenjm lédé, na nôstarszého sěna, chtěrěmu młodszi braco se swòjimj dzèlamj pòdlegac muszelé; jaż na wòstatku é to v zvéczòj vészło, że sobje vszétcé braco pò wòjcu njbė wòdzedziczoni krój bez pitanjó lédé dzelélé, a pòtemu dosc często mjédzė sobą wòjné provadzélé. (88)

Второй момент, на который следует обратить внимание, — это общий вид формы (*nje*)*ludu*, т. е. вокализм корня, где вместо ожидаемого *é* представлено *u*, т. е. отсутствует обязательное чередование (см. Cybulski 2005, 19-30). Данное обстоятельство тем более любопытно, что в том же предложении есть еще одно слово с тем же корнем *njelédzi* (вин. пад., мн. ч.), с закономерным *é*.

Как интерпретировать этот случай? Вероятность случайности можно сразу отклонить, поскольку четыре однотипные «случайности» в одном предложении — это уже закономерность. По тем же причинам трудно допустить возможность типографской ошибки. Если же мы приходим к заключению о преднамеренности такого формоупотребления, следует ли признать вариантность форм родительного падежа для существительного *lud*?

При положительном ответе на такой вопрос, следует допустить и возможность существования в норме других вариантных пар, второй член которых просто не нашел отражения в тексте, что вполне вероятно при невысоких в целом числовых показателях выборки. Далее пришлось бы пересмотреть отношение между формами на *-u* и *-é*, которые, естественно, неправильно было бы характеризовать как взаимоисключающие.

Однако с подобным заключением не следует спешить, с учетом «двойной ненормативности» отмеченных словоформ. У нас нет никаких оснований предполагать связь между вариативностью падежного окончания и чередованием гласных в корне, соответственно «вариант» выглядел бы как *'lédu'* (ср. также с вокализмом формы Твор. пад. *lédę* (158)). Следовательно, перед нами преднамеренное формоупотребление, которое, однако, вариантом не является. Что же это? По всей видимости фонетический и грамматический полонизм. На использование Цейновой такого приема указывает и Е. Тредер:

«Warto wreszcie wspomnieć o zastosowaniu przezeń stylizacji językowej: Otóż Polak wypowiada się po polsku, zaś Kaszuba po kaszubsku, przy czym w wypowiedziach Kaszuby pojawia się świadome polonizowanie...» (Treder 2005, 113)

В нашем фрагменте, обращенные к Поляку слова *dla ludu* и *dlô nje-ludu*, находятся под сильным логическим ударением, так что «сознательная полонизация» приходится на сильную позицию, потому не может оставаться не замеченной — во-первых; и, еще более усиливает акцент на важном для говорящего смысловом отрезке — во-вторых.

Таким образом, мы возвращаемся к тому, что принцип распределения флексий *-и* и *-ё* не знает исключений, и, следовательно, может быть сформулирован как правило. Форма *ludu* не является вариантом, т.е. не предполагается нормой, действующей в тексте. В то же время эта форма не может быть определена как ошибка, поскольку ее употребление обусловлено прагматически. Использование ее для художественной стилизации возможно потому и только потому, что она противопоставлена норме, что еще раз доказывает существование последней.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чередования, возможные при формообразовании здесь специально не рассматриваются.
- ² Здесь и далее в скобках указаны номера страниц в «Skôrb». Если на одной странице данная форма встречается несколько раз, об этом информирует числовой показатель, подаваемый после черточки. Напр., *żołnèrz* (126, 160-2): форма *żołnèrz* встречается на с. 126 и 160, на последней — дважды.

ЛИТЕРАТУРА

- Skôrb — F. Cenôva. *Skôrb Kaszëbsko-slovjnskjè mòvé*. Z. 1–12. Świecie, 1866.
- Treder 2005 — J. Treder. *Històra kaszùbszczyny literackiej*. *Studia*. Gdańsk, 2005.
- Cybulski 2005 — M. Cybulski. *Alternacje morfonologiczne w pismach Floriana Ceynowy*. Gdańskie Studia Językoznawcze IX, Gdańsk, 2005, s. 19–30.
- Романчик 2008 — Р. Э. Романчик. *Между лингвистическим императивом и языковой практикой*. *Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век...* К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008, с. 33–53.

Romasz Erlend Romantšik.

Normist häälbimiste analüüs kui normi väljaselgitamise vahend.

F. Cejnova kašuubi kirjakeele projekti materjalide põhjal

Artiklis püstitatakse kirjakeele normi väljaselgitamise küsimus ning pakutakse välja selle lahendamise viis. Normi realiseerimist vaadeldakse F. Cejnova kirjakeele projekti põhjal, mis realiseerus esimeses perioodilises väljaandes *Skôrb Kaszébsko-slovjnskje mòvé*, ilmunisaeg 1866 a. Vaadeldakse kõrvalekaldeid domineerivatest tendentsidest eesmärgiga selgitada välja kirjakeele projekti norm, mis reguleerib keele teatud fragmenti. Näitena analüüsitakse genitiivi ebaregulaarseid vorme *ludu*, *njeludu*.

Tomasz Kamusella
Uniwersitet sanktus Andrzyja

Andrzej Roczniok
Ślōnsko Nacyjowo Oficyna,
Zwiōnzek Ludziōw Ślōnski Nacyje

SZTANDARYZACYJO ŚLŌNSKI GODKI

Ślōnzoki a ōnych godka i hajmat

Ślōnzoki pomiyszkujōm na Wyrchnym Ślōnsku, kery terozki je we Polsce, i tyż na ōstyn tajli Pepickigo Ślōnska, kero roztopiyrzo sie pojstrzōd Ostravōm a Těšínym. Ze Geszichtowego bliknińcio, ōd pojstrzedniowieczu ku ōstatka II weltowyj wojny, bōł to plac, kaj doimytowały sie dijalekty słowianowe a germanowe. We efekcie powstowanio landōw nacyjowogdokowych we Pojstrzodkowyj Europie po 1918 roku, plac tyn roztajlowany ōstoł pojstrzōd Czechosłowacyjo, Nymce a Polska. Te tajlowanie uznali Alianty i niy powożali majnunga samych Ślōnzokōw. Nojwiyncy Ślōnzokōm zdało sie coby Wyrchny Ślōnsk ōroz ōstyn poły Pepikowego Ślōnska (wtynczos jeszcze mianowany Ślōnsk Esterajchowy) zrychtować za samostanowiōny land (nacyjowy) Ślōnzokōw, abo dociepnōńc za autōnōmijowy rigijōn ku Nymcōm abo ku Czechosłowacyje.

We roztajlowanym hajmacie Ślōnzokōw Berlin, Praga a Warszawa robiōły we swych tajlach regijōna, polityka germanizowanio, pepiczkowanio i

Tomasz Kamusella
University of St Andrews

Andrzej Roczniok
Narodowa Oficyna Ślaska, Związek
Ludności Narodowości Śląskiej

STANDARYZACJA JĘZYKA ŚLĄSKIEGO

Ślązacy a ich język i hajmat

Ślązacy mieszkają na Górnym Śląsku, obecnie w Polsce, a także we wschodniej połowie Czeskiego Śląska, która się rozciąga między Ostravą a Těšínem. Z historycznego punktu widzenia, od średniowiecza po koniec II wojny światowej był to obszar przenikania się dialektów słowiańskich i germańskich. W wyniku postwiania etnicznojęzykowych państw narodowych w Europie Środkowej po roku 1918, obszar ten został rozdzielony między Czechosłowację, Niemcy i Polskę. O tym Rozbiorze zadecydowali Alianci, nie biorąc pod uwagę woli samych Ślązaków. Większość Ślązaków zda się chciała aby z Górnego Śląska oraz wschodniej połowy Czeskiego Śląska (wtedy jeszcze zwanego Śląskiem Austriackim) utworzyć niepodległe państwa (narodowe) Ślązaków, lub włączyć je jako regiony autonomiczne do Niemiec lub Czechosłowacji.

W podzielonym hajmacie Ślązaków Berlin, Praga i Warszawa uprawiały w swych częściach regionu, odpowiednio, politykę germanizacji, czechizacji i po-

polonizowano. Kōńcek tolerancyje co do ślōnski idyntyfikacyje i kultury ludziōw wykozywali regirungi czechosłowackowe a nymcowe. Tym piyrwym dowołało to sztopowanie niymiecki a polski myńszości nacyjowyj coby niy bōło jyj za wiela na Pepikowym Ślōnsku, zaś drugim na wciōnganie niy-niymieckogodajōncyj Ślōnzokōw ku niymiecki nacyje podug kultury, to je, za tako mianowanych *Kulturdeutsche*. W pojstrzōdwojnyj Czechosłowacyje trefiōł sie herny baśnik Ōndra Łysohorsky (przidōmek Erwina Goja, we 1970 roku bez Helwetyjo nominowany ku literaturowyj nadgrodzie Nobla), kery podug pōłnocnomorawiokowych dijalektjōw i ze polednia Wyrchnego Ślōnska zrychtowōł godka lasko (blank wiela podano ku sztandarđt ślōnski godki, kery je terozki). Ta toleransisz politika Berlina wedle ślōnskości smiyniōła sie na hart politika germanizowania bez II weltowo wojna, kej Wyrchny Ślōnsk a prawie cołki Pepicki Ślōnsk dociepninynte ôstały ku Trzeci Rzeszy.

Po 1945 roku Pepicki Ślōnsk erbła nazod Czechosłowacyjo, a cołki Wyrchny Ślōnsk ôdkozano powojnyj Polsce wroz ze inkszymi niymieckimi placami na ôstyn ôd lajny Ōdry a Nise. Podug decyzyjōw Poczdam Kōnferyncyje ze Czechosłowacyje a Polski wyeciepnio Nymcōw.

Atoli we ôbach landach sztopniynte ôstali Ślōnzoki (uramyntnie protiwi ich kcynio), skuli jejich słowianowyj godki, a nawet skuli słowianowego miana po familije (kej godali ino po niymieckiyumu). Po prostu ani we Czechosłowacyje ani we Polsce niy bōło wielgij partyi wyszkolōnych robotnikōw, kere

lonizacji. Pewną dozę tolerancji wobec śląskiego wymiaru tożsamości i kultury mieszkańców wykazywały władze czechosłowackie i niemieckie. W pierwszym wypadku pozwalało to na ograniczenie liczebności mniejszości niemieckiej i polskiej na Czeskim Śląsku, a w drugim na włączanie nie-niemieckomówiących Ślązaków do narodu niemieckiego na bazie kultury, to jest, jako tak zwanych *Kulturdeutsche*. W międzywojennej Czechosłowacji pojawił się wybitny poeta Ōndra Łysohorsky (pseudonim Erwina Goja, w roku 1970 nominowanego przez Szwajcarię do literackiej nagrody Nobla), który na bazie dialektów północnomorawskich oraz z południa Górnego Śląska Utworzył język laski (w dużej mierze zbierany ze współczesnym standardowym językiem śląskim). Ową tolerancyjność wobec śląskości Berlin zastąpił Politykę twardej germanizacji w okresie II woj.ny światowej, kiedy Górny Śląsk i prawie cały Śląsk Czeski zostały włączone do Trzeciej Rzeszy.

Po roku 1945 Śląsk Czeski zwrócono Czechosłowacji, a całość Górnego Śląska przekazano powojennej Polsce wraz z innymi obszarami niemieckimi na wschód od linii Odry i Nysy. Zgodnie z decyzjami Konferencji Poczdamskiej z Czechosłowacji i Polski wysiedlono Niemcōw.

Jednak w obu krajach zatrzymano (często wbrew ich woli) Ślązaków, ze względu na ich słowiańską mowę, a nawet słowiańskie nazwiska (jeśli mówili już wyłącznie po niemiecku). Po prostu ani w Czechosłowacji ani w Polsce nie było tak dużej grupy wykwalifikowanych robotników, którzy mogliby za-

poradziłyby być za Ślōnzokōw we wiychnoślōnskich ôroz ôstrawskich grubach a hutach. Bez produkcyje tych grubōw a hutōw ônmjgliś bōło by gibkie stowianie juzaś gospodorkōw Czechosłowacyje, a zwłaszcza Polski. We tym drugim falu Ślōnzoki (wele Mazurōw a Kaszubōw) byli tyż trōmfym na «ôdwiêkowe polnic» niymieckich ziymiōw inkorporowanych ku Polsce po II wêltowyj wojnie.

Bez kōmunizmus Ślōnzoki mieli być Pepikami we czchosłowacyje a Polokami we Polsce. Pepikowanie a polōnizacyjo bōły bardzi, a efekta rosły skuli roztopiyrzaniu sie mass medi-jōw jak radyjok i ferwenzyjo. Proces tyn ôstoł spragdany bez wyżyniyncie ze žycio społecznego a kulturowego niymieckiej godki. A dyc godka i kultura ślōnsko ôstały uformirowane we XIX wieku i piyrwyj poły XX wieku bez dynamisz dziołanie pojstrzōd germanowymi a słowianowymi dijalektōma, do kerych we II połe XIX wieku (skuli rozwoja powszechnego szkolynio podstawowego) doczepiōła sie sztandařt niymiecko godka.

Ze wiyrchu zadekretowane Polnisz i pepiczkość Ślōnzokōw nyy przekłodała sie na realyja społeczno-politykowe. We ôbach landach Ślōnzoki traktowane byli za ludziōw drigi zorty, a nawet za «krypto-Niymcōw». Powodowało to, iż ke j ino bōło myjgliś Ślōnzoki wyjżdzali do Niymcōw Zachodnich, kaj za *Aussiedlerōw* (echt «przekludzōne», bai za Niymcōw etnikowych) automatysz dostawali niymieckie ôbywatelstwo. Tym knyfym

stapić Ślāzakōw w gōrnoślāskich oraz ostravskich kopalniach i hutach. A bez produkcji tychże nie byłaby możliwa szybka odbudowa gospodarek Czechosłowacji, a zwłaszcza Polski. W tym drugim przypadku Ślāzacy (obok Mazurów i Kaszubów) stanowili również dowód na «oddwieczną polskość» niemieckich ziem inkorporowanych do Polski po II wojnie światowej.

W okresie komunizmu Ślāzacy mieli być Czechami w Czechosłowacji a Polakami w Polsce. Czechizacja i polonizacja nasiliły się znacznie, a ich efektywność wzrosła dzięki upowszechnieniu się takich nowych mass mediów jak radio i telewizja. Proces ten został też wzmocniony przez wykluczenie z życia społecznego i kulturowego niemieckiej. A przecież mowa i kultura śląska zostały ukształtowane w wieku XIX i pierwszej połowie XX stulecia w wyniku dynamicznego oddziaływania między dialektami germańskimi i Słowiańskimi, do których w II połowie XIX wieku (w związku z rozwojem powszechnego szkolnictwa podstawowego) dołączył standardowy język niemiecki.

Odgórnie zadekretowana polskość i czeskość Ślāzakōw nie przekładała się na rzeczywistość społeczno-polityczną. W obydwu krajach Ślāzacy byli traktowani jak obywatele drugiej kategorii, a nawet jako «krypto-Niemcy». Powodowało to, iż kiedy to tylko było możliwe emigrowali oni do Niemiec Zachodnich, gdzie jako *Aussiedlerzy* (dosłownie «przesiedleńcy», czyli jako Niemcy etniczni) automatycznie uzyskiwali obywatelstwo niemieckie. Tym to Spo-

godka wiyrcchnoślōnskich Aussiedle-
rōw zaś brała ze niymiecki godki.

Kej ôbalōny ôstoł komunizmus, na-
zod stało sie myjgliś fraj rajzowanie i
kōmunikowanie pojstrzōd Ślōnzoka-
mi we Niymcach, Czechosłowacyje
(Pepikach) i we Polsce. Demokracjo
dała tyż Ślōnzokōm sposobnoś ôna-
czynio swoich welunkōw politiko-
wych. Na Ślōnsku Wiyrcnym a Pepi-
kowym same znodły sie myńszoście
niymiecke, kerych człōnki bierōm sie
spojstrzōd Ślōnzokōw. Skuli pepiko-
wano i polōnizowano blank wiela ich
niy godo po niymieckiyumu. Bestuż, kej
majōm do czyninjo ze Polokami abo
Pepikami godajōm po ślōnsku co mo
być cechōm ichni niymieckoście.

Ze drugi zajty, jednako we Polsce
jak i we Pepikach Ślōnzoki napoczli
rychtować swoje ôrganizacje, kere
majōm brōnić ônych interesōw jako
Ślōnzokōw, eli to na bazie nacyjowo-
godkowej eli tyż na gruncie politiko-
wego regiōnalizmu. We wyniku tego
procesu pojawiōł sie tyż ruch, kery mo
na celu docyninjo ôroz sztandaryza-
cyjo ślōnski godki.

Kurc geszichte sztandaryzacyje ślōn- ski godki

We rokach 90. XX wieku napoczynio
wydawać piyrwo literatura świadōmie
szrajbowano bez autorōw po ślōnsku.
Niykere anknirowali ku tradycyje
pojstrzōdwojnnyj godki laskij, jako
tyż ku badaniōm dialektologikowych
Felixsa Steuera. We pojstrzōdwojn-
nyj Polsce zrychtowōł ōn piyrwo w
miara sztandardt (na potrzeba bada-
niōw godkoznawcowych) szrajbunek
ślōnski godki, we keryj wydoł dwa
hefty. Wroz ze rozwojem internetu na

sobem mowa gōrnoślōnskich Aussiedle-
rōw ponownie czerpała z niemczyzny.

Po upadku komunizmu, na powrót
stało sie możliwe swobodne podrōżo-
wanie i komunikowanie miēdzy Ślāz-
kami w Niemczech, Czechosłowacji
(Czechach) i Polsce. Demokracja dała
też Ślāzakom sposobnoś do dokony-
wania własnych wyborōw politycznych.
Na Ślāsku Gōrnym i Czeskim pojawiły
sie mniejszości niemieckie, których
członkowie rekrutuja się spośrōd Ślā-
zakōw. Z powodu czechizacji i poloni-
zacji ogromna ich wiēkszoś nie mōwi
obecnie po niemiecku. Dłatego w Kon-
taktach z Polakami lub Czechami czę-
sto wykorzystujā ślāszczynā jako znak
swej niemieckości.

Z drugiej strony, zarōwno w Polsce
jak i w Czechach Ślāzacy poczēli two-
rzyć własne organizacje majāce chro-
nić ich interesy jako Ślāzakōw, czy to
na bazie etnicznojęzykowej czy też na
gruncie politycznego regionalizmu. W
wyniku tego procesu pojawił się też
ruch majācy na celu docenienie oraz
standaryzacjē języka ślāskiego.

Krōtka historia standaryzacji języka ślāskiego

W latach 90tych XX wieku zaczęto
wydawać pierwsze utwory świadōmie
pisane przez autorōw w języku ślā-
skim. Niektōrzy nawiāzywali do tradycji
miēdzywojennego języka laskiego, jak
i do badań dialektologicznych Felixsa
Steuera. W miēdzywojennej Polsce
stworzył ōn pierwszā w miarē Standar-
dowā (na potrzeby badań językoznaw-
czych) pisowniē języka ślāskiego, w
ktōrej wydał dwie broszurowe ksiā-
zeczki. Wraz z rozwojem internetu na

szwele XXI wieku przylaz boom używania ślōnski godki na tematycznych zajtach internetowych, a przede wszystkim na forach, blogach i we brifach mailowych.

We 2003 roku powstała Ślōnsko Nacyjowo Oficyna (NOŚ), kero jako piyrwo programowo wydowo publikacje po ślōnsku, ôroz ô sprawach ślōnskich po polskiemu i niemieckiemu. Trzy roky niyskorzi NOŚ napoczła publikowanie piyrwego ślōnskogodkowego periodyka, *Ślōnsko Nacyja*, we keryj teksty sōm tyż po polskiemu. Tyż we 2006 roku zainicjowano ôstała Ślōnsko Wikipedyjo¹, kero oficjal chyciōła sie czelodki uznanych Wikipedyj dwa roky niyskorzi. Terozki je ôna nojsrogysz zamlungym tekstōw szrajbowanych po ślōnsku. Tyż we 2008 roku powstały dwie ferajny, ker zadali se spōmogać chowanie ślōnski godki, mianowicie, Pro Loquela Silesiana ôroz Tōwarzistwo Piastowaniō Ślōnskij Mōwy «Danga».

Ransi, bo już we 2007 roku, parta inicjatywno sebrano wele ZLNS (Zwiōnzek Ludziōw Ślōnski Nacyje) i NOŚ dokludziōła do uznania ślōnski godki na placu pojstrzōdlandowym. Zōnaczōno to bez chycynie cechy klasyfikowaniō *szl* dlo ślōnski godki na Wyrchnym Ślōnsku i we welcie. Bestuż niykere, zamias smolić abo czterować ciōngotōm kulturowo-godkowym Ślōnzokōw, umiynyli spōmogać te ciōngoty, po prawie zważować, co może sie to przeciepnōń na kōnkret profit we postaci wielości na welunku.

progu XXI stulecia nastąpił boom używania śląszczyzny na przedmiotowych stronach internetowych, a przede wszystkim na forach, blogach i w korespondencji emailowej.

W roku 2003 powstała Narodowa Oficyna Śląska (NOŚ), która jako Pierwsza programowo wydaje publikacje po śląsku, oraz o sprawach śląskich po polsku i niemiecku. Trzy lata później NOŚ rozpoczęła publikację pierwszego śląskojęzycznego periodyku, *Ślōnsko Nacyje*, w której teksty ukazują się również po polsku. Również w roku 2006 zainicjowano Śląską Wikipedię¹, którą oficjalnie przyjęto do grona uznanych Wikipedii dwa lata później. Obecnie stanowi ona największy zbiór tekstów zapisanych po śląsku. Również w 2008 roku powstały dwie organizacje mające na celu wspieranie rozwoju śląszczyzny, mianowicie, Pro Loquela Silesiana oraz Tōwarzistwo Piastowaniō Ślōnskij Mōwy «Danga».

Wcześniej, bo już w roku 2007, grupa inicjatywna skupiona wokół NOŚ doprowadziła do uznania śląszczyzny za język na gruncie międzynarodowym. Dokonano tego poprzez użycie kodu klasyfikacyjnego *szl* dla języka śląskiego w ramach normy ISO693-3. Politycy regionalni nie mogli nie zauważyć rosnącej akceptacji dla języka śląskiego na Górnym Śląsku i w świecie. Dlatego niektórzy, miast ignorować lub przeszkadzać dążeniom kulturowo-językowym Ślązaków, postanowili wspierać te dążenia, słusznie uważając, że może się to przełożyć na konkretny zysk w postaci głosów w wyborach.

We 2008 roku, ze inicjatywy ZLNS i Ślōnskigo Uniwersiteta, przy spōmoganu wicemarszał Synata Polski Krysty Bochynek, zrychotowano piyrwo we geszchizie kōnferyncyje pōswyńcōno sztandarzycyji ślōnski godki.

Konferencyjo ta bŏła we geszichtowym chałpie Sejma Ślŏnskigo² we Katowicach. Rok potyn bŏła w tym samym placu podano piyrwyj kŏnferencyjo, na kerej ōznŏmiŏno sztandardt kanŏna szejbowanio ślŏnski godki. Zarozki potyn, w roku 2010 Pro Loquela Silesiana i NOŚ wydały dwa ślabikorze ślŏnski godki przipasowane do elemyntar szkoŏw na Wyrchnym Ślŏnsku³. Noleży tyż nadmiynić, co w latach 2007–2010 NOŚ wydała przestrŏnnny zbornik polsko-ślŏnski na 27 talzynŏw wortŏw⁴, kerego ōstatni (trzeci) tŏm wyloz juŏ we sztandardt szejbunku⁵.

Czissowa, Zabrze a Sapporo
Februar a Juni 2011

W roku 2008, z inicjatywy NOŚ i Uniwersytetu Śląskiego, przy wsparciu Sejmiku Śląskiego, zorganizowano pierwszą w historii konferencję poświęconą standaryzacji języka śląskiego.

Konferencja ta odbyła się w historycznym budynku Sejmu Śląskiego² w Katowicach. Rok później odbyła się w tym samym miejscu podobna konferencja, na której przyjęto reguły standardowej ortografii języka śląskiego. Idąc za ciosem, w roku 2010 Pro Loquela Silesiana i NOŚ wydały dwa elementarze języka śląskiego przeznaczone do szkół podstawowych na Górnym Śląsku³. Należy też nadmienić, że w latach 2007–2010 NOŚ wydał obszerny słownik polsko-śląski⁴, którego ostatni (trzeci) tom ukazał się już w standardowym zapisie⁵.

Czissowa, Zabrze i Sapporo
luty i czerwiec 2011

UWAGI

¹ Ślůnsko Wikipedyjo. URL: <http://szl.wikipedia.org/wiki/%C5%9A%C5%A>
FnskoWikipedyjo.

² We okresie pojstrzȳdwojnyj Polski Sejm Ślōnski bōl nojwyjngszym stānowicielym zakōnōw Autōnomicznego Wojewōdztwa Ślōnskigo, kere zrychtowano ze tych tajli Wyyrchnego Ślōnska i Ślōnska Esterajchowego, kere ȳstało dano Warszawie po I weltowyj wojnie.

² W okresie międzywojennej Polski Sejm Śląski był najwyższym ciałem ustawodawczym Autonomicznego Województwa Śląskiego, które utworzono z tych części Górnego Śląska i Śląska Austriackiego, które przekazano Warszawie po I wojnie światowej.

³ R. Adamus et al. *Gōrnoślōnski ślabikōrz*. Chorzów: Pro Loquela Silesiana: Towarzystwo Kultywowania i Promowania Mowy Ślaskiej, 2010; B. Grynicz, A. Roczniok. *Ślabikorz ABC*. Tarnowskie Góry: Przymierze Śląskie a Zabrze: Narodowa Oficyna Śląska/ Śłońsko Nacyjno Oficyno, 2010.

- ⁴ A. Rocznio. *Słownik polsko-śląski/ Zbornik polsko-ślōński*. Zabrze: Narodowa Oficyna Śląska/ Ślōńsko Nacyjno Őficyno, 2007–2010.
- ⁵ A. Rocznio. *Słownik polsko-śląski/ Zbornik polsko-ślōński (tom 3: R-Z)*. Zabrze: Narodowa Oficyna Śląska/ Ślōńsko Nacyjno Őficyno, 2010.

T. Kamusella, A. Rocznio. Sileesia keele standardiseerimine

Artiklis kirjeldatakse sotsiolingvistilist olukorda Sileesia Poolale kuuluv

Klaus Steinke
Erlangen – Kraków

GORANISCH
(Idiom einer slavischen Minderheit in Albanien)

Slavic minorities in Albania – Goranisch – Našinski – mikro literary language

Als Aleksandr D. Duličenko 1981 seine bekannte Monographie über die vischen «Kleinstschriftsprachen»¹ veröffentlichte, waren die Voraussetzungen für die Erstellung eines möglichst vollständigen Inventars der betreffenden slavischen Varietäten noch sehr ungünstig. Und das nicht nur, weil er mit seiner Arbeit weitgehend Neuland betrat und erst die Grundlage für die Beschäftigung mit diesem Phänomen schuf, sondern auch weil einige Gebiete mit slavischen Minderheiten für die Forschung verschlossen waren. Die Heimat der Pomaken in Nordostgriechenland lag im militärischen Sperrgebiet an der Grenze zu Bulgarien, und ebenfalls unzugänglich waren die Wohnsitze der slavischen Minderheit in Albanien. Immerhin konnte er in seiner jüngsten, bisher umfangreichsten und vollständigsten Übersicht über die slavischen Kleinstschriftsprachen, begleitet von zahlreichen Textbeispielen, etliche Ergänzungen vornehmen, und so wurde auch das Pomakische in Griechenland erfasst (Дуличенко 2004 II, 40–51). Allerdings fehlen dort weiterhin Angaben zu Albanien.

In einem von der Deutschen Forschungsgemeinschaft über mehrere Jahre geförderten Projekt haben Xhelal Ylli und ich eine umfangreiche Untersuchung über die verschiedenen slavischen Gruppen in Albanien durchgeführt und die betreffenden Gebiete besucht und dort Aufnahmen gemacht (Steinke-Ylli 2007, 458; 2008, 462; 2010, 474). Drei Bände zu diesem Projekt wurden bisher veröffentlicht, und der abschließende vierte Band wird voraussichtlich 2011 erscheinen. Die Goranen, auf deren Sprache im weiteren einzugehen sein wird, behandelt der dritte Band.

In Albanien leben mehrere, offiziell anerkannte nationale und ethnisch-kulturelle Minderheiten. Zur ersten Gruppe gehören die Griechen, Makedonier und Montenegriner und zur zweiten die Aromunen und Zigeuner (Bërxfholi 2005, 165). Nicht erfasst werden indessen die slavopho-

nen Muslime in Golloborda und Gora sowie in Borikaj. Die Angehörigen der verschiedenen südslavischen Gruppen leben teils in ziemlich kompakten Siedlungen zusammen, teils vereinzelt unter Albanern.

Untersucht haben wir in unserem Projekt fast ausschließlich die noch geschlossenen slavischen Siedlungen, die sich freilich sowohl in ihrer Geschichte wie auch sprachlich erheblich voneinander unterscheiden und verschiedenen südslavischen Mundartarealen zuzuordnen sind. Insgesamt gibt es fünf Gebiete mit einer relativ kompakten und homogenen slavischen Bevölkerung:

1. in Südostalbanien das *Prespagebiet* mit neun Dörfern sowie Resten in *Vërnik* und *Boboshtica* in ihrer Nachbarschaft,
2. in Mittelostalbanien das *Gollobordagebiet* mit fünfzehn Dörfern sowie Resten in *Herbel* und *Kërçishti i Epërm*,
3. in Nordostalbanien das *Goragebiet* bei Kukës mit neun Dörfern,
4. in Nordwestalbanien das *Vrakagebiet* bei Shkodra mit wenigen verstreuten Resten,
5. in Mittelwestalbanien das Dorf *Borakaj* bei Durrës.

Die Makedonier am Prespasee und die wenigen bei Shkodra verbliebenen Montenegriner wurden schon zu kommunistischer Zeit als nationale Minderheiten anerkannt und haben bzw. hatten ihre eigenen Schulen. Die anderen drei Gruppen, die fast ausschließlich muslimisch sind, wurden bisher nicht als besondere nationale oder ethnische Entität betrachtet. Mittlerweile haben allerdings die Bosnjaken in Borakaj auch Minderheitenstatus. Ferner gibt es bei den slavophonen Muslimen in Golloborda und Gora ebenfalls Bestrebungen, als Minderheit anerkannt zu werden. Im besonderen Maße trifft das für die Goranen im Bezirk Kukës im Nordosten Albaniens an der Grenze zum Kosovo zu.

Die Situation der Goranen weist einige Besonderheiten auf. Sie sind durch die Grenzziehungen zu Beginn des 20. Jh. in zwei Gruppen geteilt worden. Ein Teil von ihnen lebt auf der anderen Seite der Grenze in Kosovo, der andere in Albanien. In Exjugoslawien hatten sie serbische Schulen und ihre Mundart wurde vom Serbischen überdacht. Inzwischen hat man die Nomination der Unterrichtssprache zu «Bosnisch» geändert und muslimische Lehrer aus Bosnien und Herzegowina geholt. Die im Kosovo gesprochene Mundart hat R. Mladenović (2001) in seiner Doktorarbeit sehr ausführlich und gründlich beschrieben (Младеновић 2001). Der bis zum Zweiten Weltkrieg recht enge Kontakt der Goranen über die Grenze hinweg wurde nach dem Bruch zwischen Tito und Hoxha 1948

unterbrochen. Erst nach der politischen Wende Ende des 20. Jh. werden die Kontakte wiederbelebt und der kleine Grenzverkehr funktioniert wieder reibungslos.

Auf der albanischen Seite gibt es für die Goranen nur albanische Schulen, und die Verwendung ihres Idioms beschränkt sich auf die Familie und den dörflichen Alltag. Allerdings zeigen sich seit der politischen Wende Initiativen zur Stärkung der kulturellen Eigenart und auch zur Pflege der Sprache. Dazu gehören die Sammlung der Volkslieder und das vor kurzen erschienene monumentale Wörterbuch von Dokle (Dokle 2007). Nazif Dokle, der im Kulturleben der Bezirkshauptstadt Kukës eine leitende Stellung einnahm, stammt aus dem Goragebiet und hat sich um die Pflege der dortigen Kultur und Sprache sehr verdient gemacht und auch den Kulturverein «Gora» mitbegründet. Von ihm stammen nicht nur mehrere Volksliedsammlungen (Dokle 2000a; 2003), sondern sogar in der Mundart verfasste Gedichte (Dokle 2000b; 2004). Von grundlegender Bedeutung ist natürlich sein in Sofia erschienenenes Wörterbuch des Goranischen, für das er mehrere Jahrzehnte das Material zugetragen hat. Mit diesem Opus magnum hat er sich und seinen Goranen ein Denkmal gesetzt. Ob es auch als Grundlage für die Kodifizierung einer weiteren Kleinschriftsprache reicht, bleibt offen. Außerdem gibt es noch eine bisher leider nicht veröffentlichte Grammatik des vor einiger Zeit verstorbenen Professors Safet Hoxha von der Universität Shkodra.

Der *Rečnik goranski* oder auch *našinski* ist kein gewöhnliches deskriptives Wörterbuch der Mundart, sondern er verfolgt offensichtlich auch normative Absichten. Das wird sofort klar, wenn man sich die einzelnen Lemmata genauer anschaut. Bei den Substantiven werden in der Regel jeweils die drei Artikelformen angegeben: *narodot*, *narodov*, *narodon*. Diese Angabe ist fraglos als präskriptiv zu betrachten, da sie nicht der Sprachpraxis entspricht. Im Gegenteil, unsere Aufzeichnungen zeigen einen sehr unregelmäßigen Artikelgebrauch, der keine Norm erkennen läßt (Steinke-Ylli 2010, 274). Interessanterweise trifft diese Feststellung auch für die mit Dokle geführten Gespräche zu, der keineswegs immer den Artikel mit dem *t*-Suffix gebraucht und die beiden anderen Formen fast gar nicht benutzt.

Die Sprecher selbst bezeichnen sich als *Goranen* 'Einwohner von Gora' oder auch als *Našinci* 'Unsrige'. Ihre Sprache wird von ihnen nur als *Našinski* und von den Albanern als *Goraŋçe* bezeichnet. Sie wohnen in den folgenden Dörfern: Borja (*Borje*), Černaleva (*Čärnolevo/ Čärneleve*),

Kosharisht (*Košarišta*), Oreshka (*Orešek*). Orçikla (*Óčikle*), Orgjost (*Orgosta*), Pakisht (*Pakiša/ Pakišča*), Shishtavec (*Šištaec/ Šišteec*) und Zapod (*Zapod*). Insgesamt handelt es sich dabei um 6.000–7.000 Slavophone. Die Frage nach der ethnischen Identität der Goranen ist schwer zu beantworten. Es gibt Verbindungen sowohl mit Serben, Makedoniern und Bulgaren wie auch mit Albanern und Aromunen. Die geschichtlichen Quellen sind zudem dürftig, und die sonst wichtigen Merkmale für die Identitätsbestimmung wie Sprache und Konfession liefern ebenfalls keine eindeutigen Indizien. Daher gibt es mehrere Hypothesen über ihre Abstammung:

1. Es handelt sich ursprünglich um Serben.
2. Die Goranen sind Bulgaren bzw. Makedonier und eventuell Nachfahren der Bogomilen.
3. Die Goranen sind eine Mischung aus Illyro-Albanern, Aromunen und später hinzugekommenen Südslaven.
4. Die Goranen sind einfach slavophone Muslime bzw. Bosniaken.

Die Quellenlage ermöglicht bisher keine eindeutige ethnische Einordnung². Selbst die Zuordnung der Sprache zum Bulgarischen, Makedonischen oder Serbischen bleibt umstritten. Der Zustand der heute in Gora gesprochenen Sprache zeigt, daß sie überwiegend makedonische Sprachzüge trägt. Allerdings fällt bei einigen wichtigen Erscheinungen wie dem bestimmten Artikel, dem Perfekt usw. die abschließende Bewertung schwer. Die Goranen selbst nennen ihr Idiom einfach *Našinski* oder *Goranski*, und damit grenzen sie es von den anderen südslavischen Sprachen ab: *vo sélo se zbóri jézik góranski; jézik máterin jé nášinski* (Steinke-Ylli 2010, 26).

Zur Schreibung des Goranischen wird in Albanien von den Angehörigen der Minderheit gewöhnlich das lateinische Alphabet, und zwar entsprechend der albanischen Orthographie verwendet (vgl. die Texte im Anhang). Das hat praktische Gründe, da alle Goranen heute zweisprachig sind und in der Schule Albanisch gelernt haben.

Das phonologische System des Goranischen weist Merkmale der westmakedonischen peripheren Dialektgruppe sowie einige serbische Einflüsse auf. Das Vokalsystem umfasst die sechs Vokalphoneme /i, e, u, o, ā, a/. Als Fremdphonem tritt in Wörtern albanischen und türkischen Ursprungs ferner /ü/ auf. Das Konsonantensystem der Mundart umfasst 26 Phoneme. Erhalten ist in einigen Fällen das /h/ :

<i>stimmhaft</i>	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	<i>g'</i>	<i>dz</i>	<i>dž</i>	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>	
<i>stimmlos</i>	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>k'</i>	<i>ts</i>	<i>č</i>	<i>f</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	(<i>h</i>)
<i>Sonanten</i>	<i>m</i>	<i>n</i>		<i>n'</i>	<i>r</i>	<i>l</i>	<i>ō</i>			<i>j</i>

Die Morphologie des Goranischen zeichnet sich durch einen starken Analytismus im nominalen und durch Synthetismus im verbalen Bereich aus. Allerdings hat es sich durch deutliche Verfallserscheinungen sowie durch Mundartmischung erheblich vom balkanslavischen Modell entfernt.

Der postpositive Artikel — mit den Varianten *-ot/ -ov/ -on* und der gelegentlichen Kurzform *-o* –, ein typischer Balkanismus, wird nicht konsequent gebraucht, vor allem nicht alle drei Formen, wie es im Standardmakedonischen der Fall ist. Für die Verwendung der verschiedenen Suffixe lassen sich keine eindeutigen Regeln formulieren. Eine Interpretation des Zustandes bleibt schwierig. Generell ist der Gebrauch des Artikels im albanischen Teil von Gora unregelmäßig, und das System befindet sich entweder in der Auflösung oder ist noch nicht fest etabliert. Wahrscheinlich ist dieser Zustand auf eine häufige Dialektmischung zurückzuführen.

Der Dual ist als eigenständige Numeruskategorie geschwunden, hat aber in der Zählform der Maskulina seine Spuren hinterlassen. Für die mehrsilbigen Maskulina ist die Pluralendung überwiegend *-i*. Bei den einsilbigen Maskulina findet man sowohl die Endung *-i* wie auch *-ovi* mit Stammerweiterung, das nach dem Ausfall von *v* zu *-oj* kontrahiert wird. Allerdings sind manche einsilbigen Maskulina wie *put*, *kon*, *den* nur mit der Endung *-i* im Plural vertreten. Generell sind Schwankungen bei der Pluralbildung zu beobachten, und man trifft daher die erweiterte Endung gelegentlich bei mehrsilbigen Maskulina neben der regulären Endung *kilimi/ kilimoj*. Der Plural der Feminina wird mit *-i* oder *-e* gebildet und der Neutra mit *-a*.

Im Formenbestand des Verbs zeigt das Goranische Übereinstimmungen mit dem Makedonischen. Nach der Präsensform lassen sich die Verben in die *a*-, *e*- und *i*-Klasse einteilen, von denen die Endungen der *a*-Klasse sehr produktiv sind und sich auf die beiden anderen ausbreiten.

Von den Vergangenheitstempora werden Perfekt und Aorist häufig und Imperfekt und Plusquamperfekt selten gebraucht. Perfekt wird überwiegend mit der Kopula und dem *l*-Partizip gebildet, während die neue Form des Makedonischen mit *imam* und dem *n*-Partizip kaum verbreitet ist. Auffällig ist ferner der Ausfall einiger Personalendungen, vor allem für die 1. Person Singular, im Aorist und Imperfekt. Die gemeinsame En-

dung für die 1., 2. und 3. Person Singular des Imperfekts lautet *-še: ja ra-bôtaše vo bâhça; a já siješe jondža, a K'ërim siješe pčënica* (Steinke-Ylli 2010, 118).

Das Perfekt kennt zwei Bildungsweisen: 1. mit dem Hilfsverb 'sein' und dem kongruierenden *l*-Partizip. (Da das *-l* im Silbenauslaut zu *-ŭ/ -v* wird, enden die Formen der Maskulina im Singular aufgrund der Auslautverhärtung auf *-f*), 2. mit den Hilfsverben *imam* und dem Partizip Präteritum Passiv. (Diese Form ist allerdings selten.)

Detailliertere Informationen über den augenblicklichen Zustand des Goranischen und die Situation der Goranen gibt unsere im Erscheinen begriffene Arbeit (Steinke-Ylli 2010).

BEMERKUNGEN

- ¹ Diese sehr adäquate Übersetzung schlägt P. Render (1998, 12) für den von A.D. Duličenko geprägten Terminus «литературный микроязык» als deutsches Äquivalent vor (Дуличенко 1981).
- ² Mladenović vermutet neben einer ursprünglichen serbischen Schicht eine jüngere makedonische sowie eine aromunische Schicht (Младеновић 2001, 49–53). Dokle geht vor einer vorslavischen Basis und einem bogomilischen Adstrat aus (Dokle 2002; 2009).

LITERATUR

- Bërxfholi 2005 — A. Bërxfholi. *Minoritetet në Shqipëri*. Tirana 2005.
- Dokle 1999 — N. Dokle. *Kukësi. Vështrim enciklopedik*. Tirana, 1999.
- Dokle 2000a — N. Dokle. *Горански народни песни*. Скопје, 2000.
- Dokle 2000b — N. Dokle. *Muke milje*. Prizren, 2000.
- Dokle 2002 — N. Dokle. *Për Gorën dhe goranët*. Prizren, 2002.
- Dokle 2003 — N. Dokle. *Iz narodne goranske proze. Nga proza populllore gorane*. Prizren, 2003.
- Dokle 2004 — N. Dokle. *Sveni bre ashik, sveni bre dusho*. Prizren, 2004.
- Dokle 2007 — N. Dokle. *Rečnik goranski (našinski) — albanski. Fjalor gorançe (nashke) — shqip*. Софија, 2007.
- Dokle 2009 — N. Dokle. *Bogomilizmi dhe etnogjeneza e torbeshëve të Gorës së Kukësit*. Tirana, 2009.
- Hoxha 2002 — M. Hoxha. *Gora dhe goranët. Vështrim fizik, historic dhe etno-kulturor*. Tirana, 2002.
- Rehder 1984–1985 — P. Rehder. *Slavische Mikro-Literatursprachen?* Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1984–1985, 27/28, с. 665–670.

- Rehder 1995 — P. Rehder. *Standardsprache Versuch eines dreistufigen Modells*. Die Welt der Slaven XL. München 1995, 2, S. 352–366.
- Rehder 1998 — P. Rehder (Hg.). *Einführung in die slavischen Sprachen*. 3. Aufl. Darmstadt 1998.
- Steinke-Ylli 2007 — K. Steinke Xh. Ylli. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA) 1. Teil Prespa — Vernik — Boboshtica*. Slavistische Beiträge. München, 2007, № 458.
- Steinke-Ylli 2008 — K. Steinke Xh. Ylli. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA) 2. Teil Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm*. Slavistische Beiträge. München, 2008, № 462.
- Steinke-Ylli 2010 — K. Steinke Xh. Ylli. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA) 3. Teil Gora*. Slavistische Beiträge. München, 2010, № 474.
- Ylli 2007 — Xh. Ylli. *Sprache und Identität bei den slavischsprechenden Goranen in Albanien: 'Nie sme nasinci'*. The Pomaks in Greece and Bulgaria. A model case for borderland minorities in the Balkans. München, p. 193–200.
- Бояджиев 2007 — Т. Бояджиев. *Архаизми и иновации в диалектите на Гора и Голо Бърдо*. Българските острови на Балканите. София, 2007, с. 52–63.
- Дуличенко 1981 — А.Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.
- Дуличенко 1998 — А.Д. Дуличенко. Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания. Slavica Tartuensia IV: Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. Tartu 1998, с. 6–36.
- Дуличенко 2003–2004 — А.Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. I–II. Тарту, 2003–2004.
- Младеновић 2001 — Р. Младеновић. *Говор шарпланинске жупе Гора*. Београд, 2001.
- Селищев 1931 — А.М. Селищев. *Славянское население в Албании*. София, 1931.

K. Steinke. Goraani keel (Slaavi vähemuse idioom Albaanias)

Goraani keel, mida ei mainitud tema hiljutises samateemalises krestomaatias (Duličenko 2004), on kindel kandidaat A. Dulitšenko *Slaavi mikrokeelte* nimekirja. Pärast kommunistliku režiimi langemist on etniliste ja keeleliste vähemuste uurimine Albaanias muutunud võimalikuks. Autor kirjeldab esmakordselt oma projektis erinevaid slaavlaste grupe, mis endiselt riigi territooriumil eksisteerivad. Autor toob esile 5 piirkonda ja rühma: 1) üheksa küla Prespa järvest kagus; 2) viisteist küla Gollobordas riigi keskosas ning idapiiril; 3) üheksa Gora küla Kosovo piiri ääres; 4) mõned hajutatud asupaigas Shkordast põhja pool ja 5) Borikaj küla Durrës lähisel. Goraani keelt kõneleb umbes 6000–7000 inimest. Tuleb nimetada ka kirjalikke allikaid nagu rahvaluulekogumikke ja N. Dokle'i sõnaraamat (2007). Ülalnimetatud idioomi täieliku kirjeldus on koostanud Steinke-Ylli (2010).

Красимира Колева

Шуменски университет «Епископ Константин Преславски»

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРАНОВ В КОСОВО

*Косово – этнографическая область **Гора** – горы – миноритарная языковая и религиозная общность – болгарско-македонский диалект*

На Западных Балканах происходят значимые социальные перемены, оказывающие сильное влияние на мультиэтническую языковую и культурную ситуацию. Конвергентные и дивергентные процессы типичны для Балкан. Они сопоставимы в различных его точках. В косовском ареале они предвещают их описание. Объект исследования — Косовская Гора — до сих пор стоял в стороне от комплексных научных проектов. Общность была изолирована на длительный период времени, что поддерживало центростремительные силы в языковых и культурных процессах. Ареал находится в сложной и динамичной контактной зоне, и ресурсы известных исследований, лишенные интердисциплинарного подхода, не являются достаточными. Опираясь на них, мы их расширяем, а кроме того мы работаем еще и с информантами всего социолингвистического спектра.

Культурно-языковая картина ареала Гора рассматривается как балкано-славянский социокультурный феномен, в котором закодирована ментальность *homo balcanicus*. Язык горанов представляет собой идиом маленькой славянской мусульманской общности западного балкано-славянского ареала в контактной зоне между тремя крупными автохтонными языковыми континуумами: албанским — на северо-западе, македонско-болгарским на юге и сербском на востоке. В диахроническом лингвистическом плане он связан с арумунским языком, а также и с турецким — в историческом контексте воспоминания о принудительной перемене конфессионального кода от христианства к гетеродоксной мусульманской практике.

Настоящая тема включена во все еще продолжающееся исследование в государствах этого динамически меняющегося балканского

мира, которое осуществляется с 2007 г. в Македонии, Сербии и в Косово. В данной работе представлены результаты научного проекта Шуменского университета «Этнополитика языка и языки политики на Балканах». Наши результаты сопоставимы с исследованиями автора статьи, посвященными общностям в Болгарии и в диаспоре. В осуществленных комплексных экспедициях на Западных Балканах акцент пал на общности с болгарскими корнями, но работа не ограничилась только ими. На основании собранного материала мы планируем обобщающую линию анализа процессов в категориях культурной антропологии (устные рассказы из личных и коллективных воспоминаний и документов носителей одного этнического (литературного) языка/ диалекта, в конкуренции с другими балканскими языками). Узкая социолингвистическая и диалектологическая проблематика с такой точки зрения интегрирована с параллельными процессами в литературе, средствах массовой коммуникации, искусстве и массовой культуре, что является новым в полевой практике. В октябре – ноябре 2009 г. в рамках проекта мы исследовали сегодняшнее состояние исторических славянских общностей в Республике Косово путем прямого диалога с представителями всех социальных и возрастных групп. Экспедиция была полностью осуществлена на территории всего Косово, где эти люди живут компактными группами, в виде островов (в анклавах) или где они вкраплены в косовское албанское море. По данным OSCE/ OCCE (Organization for Security and Co-operation in Europe) в Косово с 2005 г. проживает: *албанцев* — 92%, а *сербов* — 4%. Признанных меньшинств соответственно: *бошняков* и *горанов* — 4%, *цыган* — 1%, *турок* — 1%. (Первая официальная перепись населения в новом государстве еще предстоит в 2011 г.).

Гора расположена на территории Южного Косово — района со смешанным населением. Географически она находится в районе горы Шар, южнее Призрена, причем часть высокогорных деревень — в бассейне реки Призренская Бистрица. До большинства из них добраться трудно из-за особенностей ландшафта, неблагоприятных климатических условий и неразвитой инфраструктуры. Осенью и зимой люди спускаются главным образом в Призрен, где устроились их дети. Это слабо населенный район на границе с Македонией, при том единственной прямой связью с Тетово является сельская дорога через ущелье под вершиной Кобилица (2526 м). Физико-географиче-

ские особенности рельефа служили в историческом плане естественной защитой населения, но в экономическом плане в цивилизованном XX в. район еще больше маргинализировался. Хозяйство все еще связано с природными особенностями. Больше половины территории — это высокогорные пастбища, пригодные для овцеводства. Всемирно известна местная шарпланинская брынза. На ограниченных площадях развиваются фруктоводство и виноделие. Традиционное ремесло *строительство* — известная марка горанов, давно превратилось в «экспортное» для преобладающей части мужского населения.

Этнографическая область *Гора* в прошлом была закрытым этнокультурным ареалом и попадала в различные политические границы. До 1971 г. власти записывали население *турками*, после 1971-го включали его в *мусульманскую народность*, в период с 1996 по 1999 гг. для того, чтобы доказать мультикультурность Косово, оно было объявлено новым уникальным этносом — *горанцами* (на сербском). В местном говоре словообразовательный вариант звучит как *горани*. Позднее исламизирование населения на практике отрывает его от участия в национальных движениях на Балканах, которые сопровождались незатухающими миграционными процессами. В Горе перескаются две крупные культуры (христианская и мусульманская), все еще манипулятивно конфронтируемые в одном сильно политизированном общественном дискурсе, приведшем к серии кризисных событий в новой истории Западных Балкан. Гораны исламизированы. Они являются шиитами, что дополнительно отрывает их по конфессиональному признаку. Албанцы называют их *торбешами*. В отличие от других славянских мусульманских общностей на Балканах, они давно мигрируют по экономическим причинам. Целые роды установились на Балканах в Македонии, Сербии, Хорватии, Турции и Болгарии, а также и в ряде других странах на континенте, где они известны как кондитеры, мастера кебаба или строители. В своем районе они считаются знаменитыми овцеводами и разводят известную породу — *шарпланинскую собаку*. Также производят и продают холодное оружие. Их обычаи хорошо сохранились. Общность собирается в день *Джурджевден* (6-го мая), чтобы отметить начало лета и сезон свадеб. Работающие вне деревни возвращаются, празднуют помолвки. Свадьба длится 5 дней, и в ней принимает участие вся деревня. Гораны маркируют свою территорию

организацией архитектурной среды. В деревне оформлен центр около мечети и общественных зданий. Дома построены и расположены иначе, чем албанские и сербские. Мужчины организуют сальную борьбу (*пехливанлык*) и конные скачки (*кушии*). Музыка, танцы и песни сохраняют свой славянский характер. Традиционные костюмы разнообразны, пестры, богато украшены и соответствуют суровому климату. Оформлен и новый сегмент в этом этнографическом пласте — эмигрантская одежда. Работающие вне деревни обязательно покупают фотоаппараты, и благодаря этому культура общности документировалась на протяжении всего XX в. (см.: Kosova 2007). Записана и значительная часть фольклорного словесного и музыкального наследия. Издаются и авторские произведения. Сегодня однако мы не располагаем синхронными данными о культуре и говорах в Горе, поскольку, как известно, политические границы разделяют ее после 1912 г. между Албанией и Сербией. В Албании и до сих пор общность не признана официально. Записи горанской речи и фольклора собирают и издают местные краеведы. Большой двуязычный словарь Назифа. Докле «*Reçnik goranski (nashinski) – albanski*» (Dokle 2007) окончательно закрепил уникальное, с точки зрения языковой классификации, самоопределение языка как *нашинского* (*нашински*), которое используется по всей территории Горы. Ареал нашинского субстандарта в Албании известен как *Кукъска Гора* по урбониму муниципального центра. Билингвальная языковая ситуация исследуется македонскими и болгарскими авторами (см.: Асенова 2005, 73–78; 2007, 45–51). Большая часть территории, обитаемой горанами, сегодня находится в Республике Косово. Административно она включена в округ с центром Призрен. В публичном пространстве известна как *Косовска Гора*, *Жупа* и *Подгор*, а в научных изданиях встречается как *Призренска Гора* и *Жупа*. Диалекты в Призренской Горе с центром Драгаш исследованы в конце прошлого века македонскими учеными (Видоески 1995) и сербскими лингвистами (Младенович 2001; Balkan Research 2007). В классических трудах и более новых публикациях, посвященных населению, культуре и языку/ языкам в сегодняшнем Косово, Гору иногда упоминают, но полностью она не подвергалась исследованию. Причины наличия небольшого количества данных комплексны и часть, но объективны: район и сегодня труднодоступен, его этно-демографическая карта меняется, причем славянское население тает, а косовское албанское

значительно; в прошлом в горанских деревнях жило компактное население, сегодня же увеличивается число пунктов со смешанным населением. Растет албанское присутствие, уменьшается сербское; непрерывный до косовского кризиса этнографический и языковой континуум Горы уже нарушен албанским клином в районе Ополе, который отрывает Жупу и Подгор от Драгашкой Горы в Косово. Сегодня убавляющаяся горанская общность живет (с запада на восток) в соседних районах: Кукъска Гора (в Албании) и Драгашка Гора (в Косове), рядом с ней — населенное косовскими албанцами Ополе (в составе муниципалитета Драгаш) и районы Жупа и Подгор (в муниципалитете Призрен) с двумя типами деревень — с преобладающим пока гомогенным горанским населением (10) и смешанных (с сербским — 5, но уже и с албанским — 1. В статистических источниках горанское население сегодня записано различным образом (в основном *бошняками* и *турками*). Причина этого кроется и в том, что после администрирования Косово со стороны УНМИК/ UNMIK (United Nations Interim Administration Mission in Kosovo) в 1999 г. гораны в Жупе и Подгоре не только не получают обещанную административную самостоятельность, но и к большей и более населенной Драгашкой Горе присоединено албанизированное Ополе (муниципалитет, расположенный между Драгашкой Горой и Призреном с 1991 по 1999 гг.). Демографическое соотношение в муниципалитете Драгаш составляет 43% горанов и 57% албанцев. База НАТО с мандатом ООН КФОР/ KFOR (The Kosovo Force) в Драгаше является турецкой. Призренский муниципалитет находится под контролем немецкого контингента, в который входят турецкий и болгарский взводы. У компактной и закрытой общности в Горе появляются новые, значительно изменившиеся ареальные, демографические и языковые характеристики.

В мультиэтническом Косово тренд рождаемости доминирующей общности определяет динамику языковой ситуации и уже на протяжении полувека превращается в инструмент языковой политики. В Горе сожительство этносов базируется на конфессиональной основе. Паритетный принцип фактически не соблюдается в официальном двуязычии (албанский/ сербский), что является следствием гипердинамических демографических процессов и отсутствия сбалансированной языковой политики. Агрессивное присутствие иностранных средств массовой информации подкармливает почву для новых ми-

фов в сфере этнической и языковой самоидентификации населения, что отражается и на языковой ситуации. Отсутствуют три столпа, на которых стоит и консолидируется общность: *школа* на материнском (родном) языке, *духовный храм* со служением на понятном языке и *учреждения культуры*, сохраняющие и развивающие традиции. Чтобы получить образование, гораны должны выбирать между сербским и албанским языками обучения, которые меняются местами по признаку престижности и находятся в оппозиции друг к другу с точки зрения дальнейшей социальной реализации и доступа к высшему образованию. В Горе родной язык никогда не изучался. Это домашний патриархальный язык, чье применение молодыми людьми в век глобализации все более ограничивается. Это касается и внешней миграции, которая постоянно нарастает. В сельских школах языком преподавания является пока еще сербский. Гораны, которые мигрируют внутрь страны, говорят только по-албански. В 2006 г. Скопье безуспешно попыталось ввести македонский стандарт для «исламизированных македонцев», т. е. горанцев. Турецкий язык и бошняцкий конструкт тоже используются, что негласным образом признается, при этом ограничивается общение на сербском языке в анклавах. В региональных СМИ Горы появляются новые партнеры, например, Болгария при посредничестве «Deutsche Welle». Создаются культурно-просветительские общества. Формируется интеллигенция. Усиливается политическая активность путем вступления в коалицию с албанцами и бошняками. В новой действительности процветание зависит от владения албанским и английским языками. Билингвизм с сербским в качестве домашнего языка поддерживается, но и расширяется. Полилингвизм — на этапе домашнего языка (субстандарта) — сербского стандарта — албанского субстандарта, который скоро станет стандартом под давлением среды. У горан отсутствуют условия для увеличения использования турецкого, который не является незнакомым, а также для изучения при желании болгарского языка. Это представляет собой предпосылку для возникновения диглоссии. Полностью утратились языковые контакты с арумунскими, о которых в 1860 г. писал болгарский книжник Петко Славейков:

«В Прилепе цинцарщина [арумунщина] так приклеилась к болгарщине, что, если взять да расклеить ее, то живое мясо надо рвать» (Славейков 1861).

Образованным горанам известны арумунские следы в ономастике (топонимии и антропонимии) (Idrizi 2008).

Перераспределение территории Западных Балкан в прошлом веке касается и Горы. Сегодня она расположена в двух государствах (Албании и Косово) и граничит на юге с Македонией, где в области Тетово находятся две деревни с переселенцами горанами. Кризис идентичности, характерный для конфликтного общества, уже является фактом. В Призренской Горе с 1971 г. гораны записывают себя как *мусульмане*, а с 1993 г. — как *бошняки* и *турки*. В конституции Косово 2008 г. общность признана меньшинством под именем *гораны*, но она не только не афишируется, но и все чаще мимикрирует, причем наблюдается ситуативное этническое самоопределение, в сочетании с языковым поведением би- и полилингвального типа (Колева 2011, 166–179). Колеблющаяся идентичность обязана и отсутствию общественно-социальных традиций, интеллектуальной и политической элиты. Показательно определение общностей в сербской науке амбивалетным *скривене мањине* ‘скрытые/ скрываемые меньшинства’. Для конфессиональной доминанты при заявлении этнической и языковой принадлежности наличествует много причин, причем серьезных. Некоторые из них связаны с социолингвистическим маркером престижности. Его можно толковать и как защитную реакцию в перманентно тяжелой кризисной экономической ситуации. Фактор выживания, по мнению наших информантов, стоит на первом месте. Кроме турецкого контингента, в Призренский округ вкладываются крупные турецкие инвестиции. Во время нашей экспедиции крупнейшее частное СМИ стало собственностью турецкой компании. Получивший работу в турецкой фирме неохотно и с требованием неразглашения признается, что он горан, неохотно говорит, что он носитель диалекта. В конфессиональной среде появляются новые факторы, которые агрессивно влияют на идентичность и язык. В косовском конфликте на стороне албанской военной организации УЧК (Ushtria Çlirimtare d Kosovës/ Kosovo Liberation Army) участвуют вахабиты, и официальная исламская общность не дистанцируется от них, но в ее религиозной практике заканчиваются интенсивные процессы клерикализации, связанные с глобализацией. Кроме того, косовские албанцы — это не только мусульмане. В Призрене находится центральное представительство их католической деноминации. В Косово албанская идентичность демонстрируется не через конфес-

сиональные признаки и язык, а через рождаемость, показатели которой очень высоки, и, как следствие, через бурное строительство. Гораны опасаются, что появление арабских мусульманских училищ в их деревнях не только помешает развиваться местным школам, но и разъединит общность.

Материнский (родной) язык не только домашний, но его никогда и не изучали институционально. Население получает образование на других языках. Для эмигрантов родной язык тоже ограничен домом и подвергается интерференции. У родного языка аналитическая структура, но он сохраняет свои архаические особенности. Его носители делятся мнением, что есть небольшие различия между говорами в Драгашкой Горе и в Жупе, также как и между жупскими деревнями. Это основывается на естественных границах, воздвигаемых труднодоступным рельефом местности. Пожилые информаторы распознают языки, на которых говорят в Косово и в соседних государствах, и ориентируются в сходствах и различиях между ними. Они легко учат языки. Интернет позволяет молодым людям осуществлять современную коммуникацию, также есть возможность общаться на родном языке в эфире совсем новых местных и региональных средств массовой информации. **Гораны и горанский язык** — это понятия, нагруженные этноидеологическим смыслом во время проведения политики, сопровождающейся этнической чисткой. Поэтому общность самоопределяет себя по признакам, общим и ценностным для всех носителей, независимо от заявляемой в стране и заграничным паспортом эмигранта национальности. Мы принимаем определение этой миноритарной общности и соответственно ее говор по признакам, которые ее члены считают релевантными: *гораны* — как географический региональный маркер, связанный еще и с этнографическими особенностями; *нашинцы* и *нашинский* — самобытный балканский двойной код, указывающий на принадлежность к общности с одинаковым языком и одной и той же религией, в котором содержится пресуппозиция, что ни этническая, ни языковая, ни конфессиональная принадлежность, как комплекс признаков, не идентичны с другой общностью, причем они не могут быть афишированы. Концепт *наш човек* (*наше чедо/ нашенец/ от нашиите*) [*наш человек* (*наше дитя/ наш-то/ из наших*)] является в балкано-славянском ареале знаком как маркер принадлежности к этнорегиональной общности, чьи члены не живут непременно там, но у них один и тот

же материнский язык/ диалект. В разговорах с нашими информантами мы целенаправленно использовали болгарский стандарт. Хотя они и не всегда понимали нас полностью, что легко объяснимо, но называли *своими*. Это является убедительной языковой экспликацией ментальности homo balcanicus в оппозиции *свой ~ чужой*, в которой язык своеобразным способом занимает передовое место среди категорий, связанных с родовой/ этнической принадлежностью.

Исследование динамических процессов в этноязыковой и культурной ситуации на Балканах в конце XX и начале XXI вв. занимает ведущее, важное место среди современных научных приоритетов. При помощи таких научных программ, как балканистическая для «Малый диалектологический атлас балканских языков» (МДАБЯ/ Kleiner Balkansprachatlas) и контактно-лингвистическая программа EUROJOS, «Культурно-языковой образ мира славян и их соседей в сравнительном аспекте» («Językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów na tle porównawczym») и при использовании этно-лингвистической диалектологии, этимологии и когнитивистики, а также с включением ономастических данных, можно исследовать актуальные факты в этом языковом и культурном котле — удачной метафоре для Terra Balkanica.

ЛИТЕРАТУРА

- Асенова 2005 — П. Асенова. *Архаизми и балканизми в един изолиран български говор (Кукъска Гора, Албания)*. 10 години специалност «Балканистика». София, 2005, с. 73–78.
- Асенова 2007 — П. Асенова. *Бележки върху българските острови в Албания*. Българските острови на Балканите. София, 2007, с. 45–51.
- Видоески 1998 — Б. Видоески. *Дијалектите на македонски јазик*. I. Скопје, 1998.
- Колева 2011 — Кр. Колева. *Об языковой политике в Косово*. Власт и кодификация. Пловдив, 2011.
- Младенович 2001 — Р. Младеновић. *Говор шарпланинске жупе Гора*. Београд, 2001.
- Славейков 1860 — П.Р. Славейков. *Смешний календар за нова година 1861*. Цариград, 1860.
- Balkan Research 2007 — *Kosovo and Metohija. Living in the Enclave*. Belgrade.
- Dokle 2007 — N. Dokle. *Rečnik goranski (nashinski) – albanski. Fjalor gorançe (nashke) – shqip*. София, 2007.

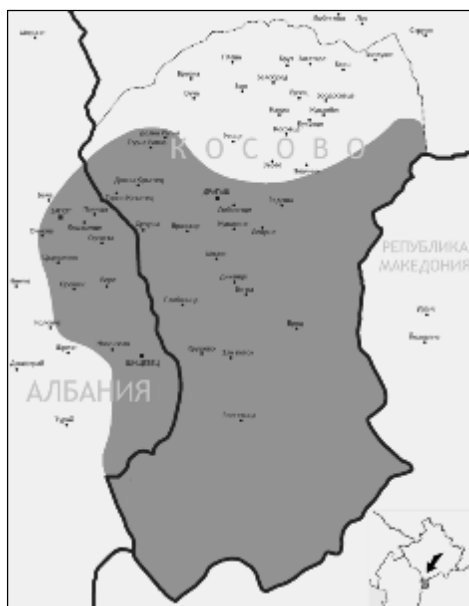
Gora dialect — *Gora dialect*. From Wikipedia, the free encyclopedia. URL: http://www.en.wikipedia.org/wiki/Gora_dialect.

Idrizi 2008 — S. Idrizi. *Aromunsko-vlaški tragovi u Gori*. URL: <http://www.archive.org/details/AromunskoVlaskiTragoviUGori>.

Kosova 2007 — P. Kosova. *Gora dhe veshja tradicionale e saj gjatë shekullit XX. Gora and its traditional costumes during the XX century*. Prishtinë, 2007.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта этнолингвистической области Гора

K. Koleva. Goraani kultuur ja keel Kosovo piirkonnas

Goraani rahvas on lõuna-slaavi vähemusrahvus ning nii nad end tõepoolest ka identifitseerivad. Nad on islami usku ning omavad rikast ja eripalgelist rahvakultuuri. Kogukond oli pikka aega isoleeritud, mis edendas tsentripetaalseid jõudu- ja kultuuri protsesse. Goraanlased kõnelevad bulgaaria-makedoonia murrakut, mis on tuntud kui «Nashinski» või «Goranski» ning mis kuulub suurema torlakaani dialekti alla. See informatsioon koguti 2009. a.

IV. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВ СЛАВИИ

Světlá Čmejrková

Ústav pro jazyk český AV ČR

ČESKÁ JAZYKOVÁ SITUACE A TEORIE DIGLOSIE

Čeština – diglosie – spisovná čeština – obecná čeština – psaný jazyk

Česká jazyková situace bývá někdy označována jako diglosní. Říká se tím, že se v ní o souhrn komunikačních událostí dělí dva jazykové útvary, geneticky příbuzné, a střídají se celkem pravidelně, podle určitých pravidel. Tak charakterizoval diglosní jazykovou situaci Charles A. Ferguson v r. 1959. Podle Fergusona je diglosie

«relativně stabilní jazyková situace, v níž kromě původních dialektů (jež mohou zahrnovat standard nebo regionální standardy) existuje velmi divergentní a vysoce kodifikovaná (často gramaticky komplikovanější) nadřazená varieta, která je vyjadřovacím prostředkem rozsáhlé a respektované psané literatury, jež vznikla buď ve starším období, nebo v jiné řečové komunitě, je osvojována formálním vzděláním a užívána ve většině psaných projevů a ve většině formálních mluvených projevů, avšak není užívána žádnou součástí společnosti při běžné konverzaci» (Ferguson 1959, 336).

O jaký vyšší a nižší jazykový útvar podílející se na komunikaci v prostoru dorozumívání se češtinou jde, to je zřejmé domácím mluvčím i cizincům učícím se česky: jde o spisovnou češtinu na jedné straně a tzv. obecnou češtinu na straně druhé. (Na Moravě a ve Slezsku je ovšem situace složitější, je tu třeba počítat s interakcí spisovné češtiny a místních nářečí, interdialektů nadnářečního regionálního charakteru, a teprve pak též obecné češtiny.) Termín diglosie vztahují na českou jazykovou situaci zejména bohemisté zahraniční. Poprvé ji označil jako diglosní americký slavista Lew R. Micklesen (1978), dále např. Charles E. Townsend (1990), Adela Grygar-Rechzieglová (1990), Galina Neščimenko (1999, 2003), Laura Janda (2005), Neil. Bermel (2010) aj. Domácí bohemisté si ce aplikaci pojmu diglosie na českou jazykovou situaci nepopírají, ale uvažují vždy o korekcích, jež je vhodné při tom provést. Je to ostatně v souladu s teoretickým zápasem, který se v sociolingvistice o pojem diglosie svádí od doby, kdy Ferguson pojem diglosie formuloval. Od té do-

by vznikly ve světové lingvistice na tři tisícovky teoretických pojednání a případových studií (srov. Hudson 2002, 1–48), které se diglosií jazykových situací zabývají. K svému někdejšímu pojetí i studiím jiných lingvistů, které na něj navázaly, se Ferguson vrátil statí z r. 1991 (Ferguson 1991, 214–234). Nekladu si za cíl poskytnout tu přehled názorů na diglosii, uvedu jen, že diglosní jazyková situace je na jedné straně odlišná od situací, v nichž se na bilingvistu panujícím v daném společenství podílejí jazyky geneticky odlišné, a na druhé straně od jazykových situací, v nichž fungují vedle útvaru majícího status standardu jednotlivé lokálně omezené dialekty. Jednotlivé situace, jež vykazují nezpochybnitelné rysy diglosie, se případ od případu mohou lišit, nicméně právě analýza těchto variabilních manifestací je pro sociolingvistické teorie poučná.

V české lingvistice zvažoval aplikaci pojmu diglosie na českou situaci František Daneš již v r. 1988. Postupně probíral vztah spisovného jazyka, tj. vyšší variety (V), a obecné češtiny, tj. nižší variety (N), z hlediska jednotlivých parametrů diglosie a formuloval tyto závěry: (1) *podmínky příznivé pro vznik diglosie* — existence bohaté a společensky hodnotné literatury ve V, (2) *funkce* — N je vyloučena z jazykových projevů písemných s výjimkou soukromých dopisů, v oblasti promluv ústních je zřetelná distribuce, v médiích je situace pestrá a dochází tu k různému «míšení a přepínání kódů», přičemž společenské normy jsou dosti nejednotné, (3) *společenská prestiž* — vysoká prestiž V je vázána na literární dědictví, zatímco o N bývají vyslovovány pochybnosti, (4) *osvojování* — dítě si osvojuje přirozeným způsobem N, zatímco V je osvojována institucionálně, (5) *norma a kodifikace* — na rozdíl od normy V není norma N dostatečně popsána a její kodifikace neexistuje, (6) *jednotlivé jazykové roviny* — ve *fonologii* V a N představují jediný celkový hypersystém; v *ortografii* existují jen pravidla pro V, zatímco N nemá ustálenou ortografii; pokud jde o *gramatiku*, má N jednodušší formální morfologii, větší symetrii paradigm, méně kategorií vyjadřovaných morfologicky a omezenou kongruenci a rekcí; pro *slovní zásobu* je charakteristická existence slovních dvojic téhož významu, ale různých stylistických hodnot, a také dublet náležejících V a N, přičemž slovní zásoba V je bohatší a slovník N expresivnější, (7) *stabilita* — zatímco diglosní situace v jiných společenstvích přetrvávají staletí, o české jazykové situaci se uvádí, že užívání «smíšeného kódu» v rámci N svědčí o jisté tendenci sbližovací.

Z uvedených parametrů české jazykové situace se v literatuře nejvíce probírají ty, jež jsou spjaty s distribucí obou variet, jejich funkcí a se sta-

bilitou či proměnlivostí takto charakterizované jazykové situace. Pozornost vyvolává otázka, zda je užití V a N skutečně jasně řízeno funkcí a zda je překrývání útvarů skutečně minimální. V situaci diglosie by to znamenalo, že ve většině komunikačních situací se hodí jen jedna varieta, kdežto volba «nesprávné» variety je sankcionována, uvádí čtenáře či posluchače do rozpaků, pisatele či mluvčího zesměšňuje apod. Ferguson charakterizuje důležitost užití správné variety ve správné situaci takto:

«Ten, kdo přichází do jazykové komunity zvenčí a naučí se mluvit plynou N a potom ji použije ve formálním projevu, je předmětem posměchu. Stejně tak je předmětem posměchu člen řečové komunity, který užívá V v čistě konverzační situaci nebo při nějaké neformální činnosti, jako je nakupování» (Ferguson 1959, 329–330).

V české jazykové situaci ovšem není užívání V a N takto přísně vymezeno a není vyhraněna ani recepce V a N v jednotlivých komunikačních situacích. Užívání V v konverzačních situacích není vyloučeno, patří-li V k samozřejmému idiolektu mluvčího nebo jedná-li se o konverzaci na vyšší společenské úrovni, a stává se i to, že při konverzaci užívá jeden z mluvčích V a druhý N. Naproti tomu ani pro formální projevy neplatí v českém prostředí beze zbytku závaznost V: záleží opět na osobnosti mluvčího, pro jakou varietu se vzhledem ke konstrukci své řečové identity rozhodne, a záleží také na toleranci adresátů, jak volbu variety přijmou. Je tomu tak proto, že obecná čeština může být sice ve formálních situacích chápána jako znak nekultivovanosti, stylistické ledabylosti nebo předstírané lidovosti (srov. emblematické «mluvím, jak mi zobák narost»), ale jindy — v závislosti na osobnosti mluvčího a sympatiích k němu — také jako znak upřímnosti, srdečnosti a vřelosti. Situací a kontextů, v nichž lze uplatnit jak spisovnou, tak obecnou češtinu nebo jejich míšení, postupně přibývá, přičemž nejde jen o míšení v rámci N, ale především v rámci V (srov. Hoffmannová, Müllerová 2000, 102–111). V českém prostředí se setkáváme s tím, co je podle Fergusona pro diglosní situace typické, např. že člověk vyslechne formální projev ve varietě V a následně o něm mluví, často se samotným řečníkem, v N, nebo že člověk předčítá nahlas z novin ve varietě V a obsah zprávy diskutuje v N. Takové přepínání z variety V na varietu N je u českých mluvčích dosti běžné a většinou probíhá zcela nereflektovaně.

Ještě jedno Fergusonovo pozorování vyplývající z jeho analýz diglosních jazykových situací lze na českou jazykovou situaci vztáhnout bez obav, že její prožívání mluvčími zkreslíme. Pro jazyková prostředí,

v nichž se o komunikační situace dělí dvě jazykové variety nacházející se ve vztahu diglosie, podle Fergusona platí, že mluvčí považují varietu V za nadřazenou N:

«Někdy je tento pocit tak silný, že je za opravdovou považována jenom V a o N se říká, že „neexistuje“» (Ferguson 1959, 329–330).

Posuzuje-li se česká jazyková situace kritérii užívanými při popisu diglosní situace, vytváří se představa, že proti varietě V, tj. proti útvaru spisovné češtiny s její kodifikovanou normou, stojí nějaký stejně kompletní útvar N, označovaný jako obecná čeština. S touto představou se sice dá pracovat, vlastní popis této variety však není snadný, neboť její norma je živá, a tudíž i proměnlivá, teritoriálně, generačně, žánrově, situačně apod., a průniků obecné češtiny se spisovnou je pravděpodobně na všech jazykových úrovních více než oblastí, kterými jsou obě variety diferencovány. Právě prostupnost obou variet zpochybňuje diglosní interpretaci české jazykové situace. Koncept obecné češtiny je komplikovaný, v zásadě jej definovala již *Česká mluvnice* Bohuslava Havráňka a Aloise Jedličky, totiž jako «původem český interdialekt», který «se vytváří na tomto podkladě ve vzájemných vztazích k ostatním českým nářečním skupinám a nověji také ke spisovnému jazyku jako běžná mluvená podoba češtiny vázaná především na oblast českou» (Havránek, Jedlička 1986, 481). (K řeči Moravanů v Praze srov. Willson 2010.) Podobně se s pojmem «obecné češtiny, útvaru původně interdialektického, dnes však — především v Čechách — všeobecně užívaného v běžné mluvě» vyrovnala také na Moravě vzniklá *Příruční mluvnice češtiny* (PMČ 1995, 93). Pozoruhodné je, že termín *obecná čeština* nevešel do obecného povědomí uživatelů češtiny, přestože s ním po desetiletí pracují jak bohemisté domácí, tak zahraniční (ti zahraniční zpravidla pod označením Common Czech, případně Colloquial Czech, srov. Sgall et al. 1992, Eckert 1993 aj.). Přehled prací, které s termínem obecná čeština pracují, a zejména analýzu významů, v nichž tento termín užívají, podává Marie Krčmová (Krčmová 2000, 63–77). Není jisté, zda lze obecnou češtinu chápat jako «soubor prostředků», budu nicméně vycházet z předpokladu, že čtenář si souvztažní výroky typu *pěkný dům* a *votočil se k němu zádama* s obecnou češtinou a výroky typu *pěkný dům* a *otočil se k němu zády* s češtinou spisovnou.

Distribuce jazykových variet: situace v psané komunikaci

V psaném textu je spisovná čeština vnímána jako útvar samozřejmý, jak o tom svědčí užití v odborné a vědecké literatuře, např.

Motivovaná slova označující abstraktní pojmy, která nejsou uvedena ve slovnících ani nejsou známa badatelům, ale jsou doložena v korpusech či na internetu v nízkých, avšak nikoli zanedbatelných frekvencích, lze pokládat za objektivní jazykově-parolovou hodnotu, s níž lze operovat ve výzkumech a teoriích slovtvorné produktivity. (František Šticha. *Korpusové statistiky a slovtvorná produktivita*. F. Šticha, J. Šimandl (eds.). Gramatika a korpus, Grammar & Corpora 2005. Praha, 2006, s. 251).

v právních textech, např.

Předmětem daně je ... pořízení zboží z jiného členského státu Evropské unie (dále jen «členský stát») za úplatu, uskutečněné v tuzemsku osobou povinnou k dani nebo právnickou osobou, která nebyla založena nebo zřízena za účelem podnikání, a pořízení nového dopravního prostředku z jiného členského státu za úplatu osobou, která není osobou povinnou k dani... (Zákon o dani z přidané hodnoty. URL: <http://zakony-online.cz>).

v administrativních písemnostech, např.

Zasíláme Vám pravidelný měsíční výpis z Vašeho účtu a výběr aktuálních informací o programu OK Plus a Českých aeroliniích. V případě jakýchkoliv dotazů kontaktujte servisní středisko OK Plus. Přejeme Vám příjemný let za Vašimi cíli v r. 2009. Váš tým OK Plus.

ve zpravodajství a většině publicistických textů, např.

Projekt budovy Národní knihovny nedávno zesnulého architekta Jana Kaplického podpoří manifestace, která se bude v Praze konat 5. února. Přesné místo pořadatelé, kteří se zorganizovali na síti Facebook, oznámí poté, co pražský magistrát konání akce potvrdí. (URL: <http://www.novinky.cz/clanek/159243-v-praze-se-5-unora-bude-manifestovat-za-kaplickeho-blob.html>).

v části současné beletrie, např.

*Stoupal jsem s těžkým kufrem do stráně, spěchal jsem zkratkou k nádraží a pod nohy se mi začaly motat cáry a hadovité útržky mlhy a přibývalo jich, jako kdybych se každým krokem přibližoval k jakémusi obrovskému a nacpanému mlžnému seníku. (Jiří Kratochvíl. *Balada z mlhy*. Má lásko, postmoderno. Brno, 1994, s. 10).*

Vybrala jsem tu úryvek z knížky moravského autora a nelze se nezamyslet nad otázkou, nakolik regionální jazykové zázemí spisovatele ovlivňuje

jeho výběr jazykové variety. V části beletrie se totiž rozšiřuje i čeština nespisovná, nejčastěji obecná (Mareš 1995, 233–240; 1996, 179–182; 2004a, 341–344; 2008, 111–123; Čmejrková 1997b, 114–132). Její užití v umělecké literatuře nelze poměřovat kritériem náležité či nenáležité volby «správného» či «nesprávného» útvaru, neboť odklon od neutrálního vyjádření je tu výrazem fokalizace, tj. autorské hry s hlediskem postav i samotného vypravěče, jejichž idiolekt, tedy jak idiolekt postav, tak samotného vypravěče, je předmětem zobrazení.

Výrazným příkladem vyhocené nespisovnosti jsou prózy Petry Hůlové, která upoutala jazykovou uvolněností hned svojí první prózou *Paměť mojí babičce*:

*Hustý dlouhý vlasy mladejch holek by měly bejt chráněný. Stejně jako jsou horský kamzíci nebo klášter v Erdeni-dzú. Hloupý holky nevěděj, co je správný a co ne, hned se do něčeho poblázněj, a pak pláčou. Každý druhý den přišla nějaká, která chtěla krátký, a pak, přes ramena ještě igelitovej plášť a v ruce teplý mince, dala se do usedavého breku a my ji museli vyvist. To byla taky moje práce. Říkat, že je to dobrý, a konejšit jí vymejšením. (P. Hůlová. *Paměť mojí babičce*. Praha, 2002, s. 96).*

Platilo-li ještě v první polovině 20. století, že kritériem jazykové správnosti je jazyk dobrého autora, normy správnosti bychom dnes v beletrii nenašli. S tím, jak literatura stírá rozdíly mezi autorskou řečí a řečí postav, dochází v jejím jazyce k mnoha míšením. Textovým lingvistům nezbývá než konstatovat jazykovou a stylovou nespoutanost, neomezené experimentování s hybridizací vysokého a nízkého, spisovného a nespisovného na ploše jedné promluvy. Často se podmíněnost výrazu obsahovým záměrem odhalit dá, ale mnohdy ne. Stane se, že je analytik hned na počátku interpretační práce zastaven samotným autorem, který prohlašuje své záměrně nepravidelné zacházení s morfologií slov a jejich stylovými charakteristikami za nemotivované. Jáchym Topol si v doslovu k románu vyhrazuje právo na kolísání ve výběru spisovných a nespisovných tvarů v zájmu vlastní poetiky a jazykové hry, proti starému jazyku staví Topolův vypravěč *jazyk svůj, živej, tajnej a otevřenej*:

*Tehdy jsem tam, lovci a náčelníci, psal knihu, psal jsem jí už jen vlastními slovy, byl jsem v pasti, tak jsem kašlal na to, jestli je ta kniha hygienická... vyšel mi z toho, sestry a přítelkyně, blábol, bábel a babylón... ale psal jsem už svým vlastním otročím jazykem... abych už nebyl otrok... ale bylo mi to tak silný, že sem moh nebejt... sekal jsem do jazyka a hladil ho a on mi to vracel, můj jazyk mi byl živej. A je to tajnej a otevřenej jazyk... (J. Topol. *Sestra*. Brno, 1996, s. 168).*

Mimetičnost beletrie může vykonávat tlak i na jiné žánry, v nichž je užití obecné češtiny motivováno snahou navodit zobrazením spontánní řeči blízký a neformální vztah k čtenářům, zpravidla mladým (srov. k tomu Hoffmannová 1996, 195–200; Mareš 2007, 37–47), sdílet s nimi jejich zájmy, hodnoty a chování, včetně jazykového. Tvůrce textu dává najevo, že hovoří stejným jazykem jako cílová skupina čtenářů, a tím na ni také nejpříměji apeluje. Nejprůzračnější je tato strategie pro reklamní komunikáty (Čmejrková 2000). Kolokviální čeština má minimalizovat vzdálenost k oslovenému auditoriu a navodit intimní kontakt. Za předpokladu, že jsou reklamy tohoto typu orientovány na mladší věkové skupiny, mohou tyto reklamy rozvíjet to společné, co mezi vysílateli a příjemci je, totiž neformálnost, uvolněnost, bezprostřednost. Ovšem na jiné sociální a věkové skupiny působí zřejmě takové reklamy spíše způsobem šokujícím. Jejich jazyk a komunikační strategie využívají někdy češtinu opravdu expresivní, tvrdou, až vulgární:

BONTON. Hrajeme na plný kule. BONTON. Od ted' na plný kule.

PEPSI. Osvěž si vohoz. PEPSI. Nalej si to do uší. PEPSI. Dej si Pepsi a vodjed'.

Co tedy vnáší do psané komunikace čeština nespisovná? Odklon od spisovné češtiny v psané komunikaci signalizuje blízký a neformální vztah pisatele a adresáta, jak tomu již dříve bývalo v soukromé korespondenci. Zdeňka Hladká, která se věnuje analýzám tohoto žánru, konstatuje:

«Jazyk soukromé korespondence je v důsledku přátelského neformálního vztahu jejich účastníků blízký konverzačnímu stylu běžné mluvy. Paralely je možno vidět mj. v neoficiálnosti projevu, ve skryté dialogičnosti, v upřednostnění kontaktní funkce a také v relativní volnosti výběru jazykových prostředků. Odras běžné mluvy v soukromé korespondenci se zvláště v poslední době a zejména v dopisech mladých lidí projevuje mj. vzrůstajícím pronikáním nespisovných prvků. Tradiční sepětí psanosti se spisovností stále více ustupuje síle funkčního spojení soukromosti (neoficiálnosti) s nespisovností» (Hladká 2005).

Dodejme, že s příklonem k mluvené nespisovnosti, již ovšem v psaném textu chybí zvuková realizace, souvisí často odklon i od ostatních vypracovaných norem psaného jazyka. To můžeme nejlépe pozorovat na příkladu soukromé elektronické komunikace:

Ahoj radku tak jsem se zase po case dostal na net a nasel jsem tu meila od tebe. Musim uznat ze me potesil. Do Prahy se ted nechystam neb pomalu ale jiste mi konci semestr a tak dodelavam vsechny seminarky a ucim se na pi-

semky a do toho diplomka no co ti budu povídat vsak jsi to sam zazil na vlastni kuzi. Co se tyka fotek tak jsem dopadl jak hubkar neb mi sice Matej vse vypalil ale to CD je poskrabany takze mam slovy devet fotek z celyho ceda takze pokud by to neak slo tak mi prosim ty fotky neak posli at me to take dojme...

S nástupem technologicky podmíněné komunikace, umožňující navodit blízký kontakt vzdálených pisatelů a simulovat rozhovor tváří v tvář, nastává tak velký nárůst situací, v nichž se uplatňuje obecná čeština v psané podobě, že je s psanou verzí obecné češtiny třeba rozhodně více v bohemistice počítat; tomu také odpovídá množství publikací věnovaných tomuto jevu (srov. Čmejrková 1997a, 114–132; 1999, 113–126; 2006a, 4–15; Hoffmannová, Müllerová 1999, 55–63; 2000, 102–111; Hoffmannová 2000, 154–163; 2003, 57–70; Uhlířová 1994, 273–282; Jandová a kol. 2006; Jandová 2007).

Hře s výrazovým účinkem «jiného» idiolektu na pozadí očekávaného neutrálního spisovného vyjádření se ovšem nevyhýbají ani jiné psané texty, dokonce občas ani ty, jež se stýkají s žánry odbornými a vědeckými (srov. Mareš 2004b, 332–339; 2007, 37–47). Zobrazení nespisovného autorského, resp. vypravěčova idiolektu, jímž může být obecná čeština, ale i jiná varieta, např. moravský dialekt, je v kontextu psaného odborného vyjadřování samozřejmě ojedinělým, a o to překvapivějším aktualizacním postupem; tento postup, spočívající v nasazení si masky naivního prostáčka, jen částečně prozrazujícího erudovanost a obeznámenost s «náležitou» vědeckou akribií (v tomto ohledu se jednotlivé texty využívající zmíněnou perspektivu liší), patří do oblasti mystifikační hry s čtenářským očekáváním.

Další typ psané manifestace obecné češtiny, který dynamizuje relativní stabilitu výchozí distribuce V a N a posouvá ji směrem k rostoucí intervenci obecné češtiny do psané sféry, nacházíme v publicistice (Čmejrková 2006b, 47–63; Hoffmannová 1996, 195–200; Müllerová 2004, 198–203). Začíná se tu prosazovat praxe, která dříve běžná nebyla, uveřejňovat novinová a časopisecká interview s lidmi, jejichž idiolekt je založen na preferenci obecné češtiny, v podobě zachovávající rysy jejich běžné mluvy, nebo je alespoň naznačovat (záleží na osobě tazatele, možná i na přání tázaného a na normách příslušné tiskoviny). Snahu navodit v psaném textu dojem spontánnosti je opět třeba posuzovat v kontextu vývoje současných médií, nejen tištěných.

Srov. např. rozhovor s punk-rockovým zpěvákem a skladatelem Lou Fánánkem Hagenem ze skupiny *Tři sestry*:

- ID *Jak byste charakterizoval Sahulův život?*
 LFH *Byl šílený. Sahulu nezajímalo, že má všude dluhy, nevadilo mu to. Když prohlásil, že je v prdeli, tak to znamenalo, že je zamilované... Vždycky zareagoval po svém.*
 (Mívám noční můru, snad letos umřu, iDNES 10. září 2008).

Závěrem. V 80. letech 20. stol. bylo možné konstatovat, že obecná čeština je vyloučena z jazykových projevů písemných s výjimkou soukromých dopisů a vzkazů a tato formulace vystihovala situaci (snad se zmíněnou rezervou pro beletrii). Sféra užití obecné češtiny v (nejen) psaném textu se od té doby rozšířila. Při posuzování distribuce vyšší a nižší variety češtiny, její motivace, funkce a efektu, je ovšem třeba se zamýšlet i nad tím, do jaké míry je volba «překvapivé», «nečekané», «nesprávné» variety výsledkem neadekvátního jazykového chování či nereflektovaného míšení a kdy je výsledkem záměrných, ozvláštňujících metajazykových operací s kódem, který takové jazykové hry díky svému rozčlenění dovoluje.

LITERATURA

- Bermel 2010 — N. Bermel. *O takzvané české diglosii v současném světě*. Slovo a slovesnost, Praha, 2010, 71, s. 5–30.
- Čmejrková 1997a — S. Čmejrková. *Čeština v síti: Psanost či mluvenost?* Naše řeč, Praha, 1997, 80, s. 225–247.
- Čmejrková 1997b — S. Čmejrková. *Jazyk literatury*. F. Daneš a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997, s. 114–132.
- Čmejrková 1999 — S. Čmejrková. *Czech on the Network: Written or Spoken Interaction?* B. Naumann (ed.). *Dialogue Analysis and the Mass Media*. Tübingen, 1999, s. 113–126.
- Čmejrková 2000 — S. Čmejrková. *Čeština v reklamě, reklama v češtině*. Praha, 2000.
- Čmejrková 2006a — S. Čmejrková. *E-čeština*. Čeština doma a ve světě, Praha, 2006, 1–4, s. 4–15.
- Čmejrková 2006b — S. Čmejrková. *Čeština mediální, mluvená a psaná*. Přednášky z 49. běhu Letní školy slovanských studií. Praha, 2006, s. 47–63.
- Daneš 1988 — F. Daneš. *Pojem «spisovného jazyka» v dnešních společenských podmínkách*. Jazyk a text. Výbor z lingvistického díla Františka Daneše I, část 2. Praha, 1999, s. 289–296.
- Eckert 1993 — E. Eckert (ed.). *Varieties of Czech. Studies in Czech Sociolinguistics*. Amsterdam, 1993.

- Ferguson 1959 — Ch. A. Ferguson. *Diglossia*. Word, New York, 1959, 15, s. 325–340.
- Ferguson 1991 — Ch. A. Ferguson. *Diglossia Revisited*. Southwest Journal of Linguistics, Edinburg – Texas, 1991, 10, s. 214–234.
- Grygar–Rechziegel 1990 — A. Grygar–Rechziegel. *On Czech Diglossia*. M. Grygar (ed.). Czech Studies. Literature, Language, Culture. Amsterdam, 1990, s. 9–29.
- Havránek, Jedlička 1986 — B. Havránek, A. Jedlička. *Česká mluvnice*. 6. Vydání. Praha, 1986.
- Hladká 2005 — Z. Hladká a kol. *Čeština v současné soukromé korespondenci. Dopisy, e-mail, SMS*. Brno, 2005.
- Hoffmannová 1996 — J. Hoffmannová. *Mluvenost, nespisovnost a psaný text (v publicistice)*. R. Šrámek (ed.). Spisovnost a nespisovnost dnes. Brno, 1996, s. 195–200.
- Hoffmannová 2000 — J. Hoffmannová. *Rodinné mailování*. Principy jazyka a textu. Bratislava, 2000, s. 154–163.
- Hoffmannová 2003 — J. Hoffmannová. *Čeština v současné soukromé korespondenci (dopisy, e-mail, esemesky)*. Přednášky z 46. běhu Letní školy slovan-ských studií. Praha, 2003, s. 57–70.
- Hoffmannová, Müllerová 1999 — J. Hoffmannová, O. Müllerová. *Ein Privatbrief auf E-mail: immer noch ein Brief oder eher eine Plauderei?* B. Naumann (ed.). Dialogue Analysis and the Mass Media. Tübingen, 1999, s. 55–63.
- Hoffmannová, Müllerová 2000 — J. Hoffmannová, O. Müllerová. *O českém mýšlení*. K. Buzássyová (ed.). Člověk a jeho jazyk. 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Bratislava, 2000, s. 102–111.
- Hudson 2002 — A. Hudson. *Outline of a Theory of Diglossia*. International Journal of the Sociology of Language, Berlin, 2002, 157, s. 1–48.
- Janda 2005 — L. Janda. *Czech*. Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 3. Oxford, 2005, s. 339–341.
- Jandová a kol. 2006 — E. Jandová a kol. *Čeština na www chatu*. Ostrava, 2006.
- Jandová 2007 — E. Jandová. *Konverzace na www chatu*. Ostrava, 2007.
- Krčmová 2000 — M. Krčmová. *Termín obecná čeština a různost jeho chápání*. Z. Hladká, P. Karlík (eds.). Čeština — univerzália a specifika 2. Brno, 2000, s. 63–77.
- Mareš 1995 — P. Mareš. *Spisovná a nespisovná čeština v umělecké literatuře*. Spisovná čeština a jazyková kultura 2. Praha, 1995, s. 233–240.
- Mareš 1996 — P. Mareš. «*Tajnej a otevřenéj jazyk*». Spisovnost a nespisovnost dnes. Brno, 1996, s. 179–182.
- Mareš 2004a — P. Mareš. *Podoby nespisovnosti v současné české próze*. E. Minářová, K. Ondrášková (eds.). Spisovnost a nespisovnost. Brno, 2004, s. 341–344.

- Mareš 2004b — P. Mareš. *Hry na neformálnost. K neformálnému vyjadřování v současných českých odborných textech*. Čeština: univerzália a specifika 5. Praha, 2004, s. 332–339.
- Mareš 2007 — P. Mareš. *Některé vývojové tendence současné češtiny*. Přednášky z 50. běhu Letní školy slovanských studií. Praha, 2007, s. 37–47.
- Mareš 2008 — P. Mareš. *Mezi spisovnou a obecnou češtinou. K užívání jazyka v současné české próze*. Česká slavistika. Příspěvky k XIV. mezinárodnímu sjezdu slavistů. Slavia. Praha, 2008, 77, sešit 1–3, s. 111–123.
- Micklesen 1978 — L.R. Micklesen. *Czech Sociolinguistic Problems*. Folia Slavica, Columbus, Ohio, 1978, 1, 3, s. 437–455.
- Müllerová 2004 — O. Müllerová. *Ke spisovnosti a nespisovnosti v současné psané publicistice (novinová interview)*. E. Minářová, K. Ondrášková (eds.). Spisovnost a nespisovnost. Brno, 2004, s. 198–203.
- PMČ 1995 — *Příruční mluvnice češtiny*. Ed. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusinová. Praha, 1995.
- Sgall et al. 1992. — P. Sgall, A. Stich, J. Horecký. *Variation in Language*. Amsterdam, 1992.
- Uhlířová 1994 — L. Uhlířová. *E-mail as a New Subvariety of Medium and its Effects upon the Message*. S. Čmejrková, F. Šticha (eds.). *The Syntax of Sentence and Text*. Amsterdam, 1994, s. 273–282.
- Townsend 1990 — Ch.E. Townsend. *A Description of Spoken Prague Czech*. Columbus, 1990.
- Wilson 2010 — J.A. Wilson. *Moravians in Prague. A Sociolinguistic Study of Dialect Contact in the Czech Republic*. Bern – Berlin – Bruxelles – Frankfurt am Main – New York – Oxford – Wien, 2010.
- Нещименко 1999 — Г.П. Нещименко. *Этнический язык: опыт функциональной дифференциации. На материале сопоставительного изучения славянских языков*. München, 1999.
- Нещименко 2003 — Г.П. Нещименко. *Языковая ситуация в славянских странах*. Москва, 2003.

S. Čmejrková. Tšehhi keele olukord ja düglossia teooria

Artiklis käsitletakse tšehhi keele olukorda, võrreldes selle aspekte nendega Asiektidega, mis on tuvastatud diglossia puhul. Seda stimuleerib standartse tšehhi keele, mille kasutamise on nõutud formaalse/ametliku kontakti puhul, opositsioon selle erinevate mittestandardsete variatsioonidega, kus nn tava-tšehhi keelel on nende seas domineeriv positsioonil (eelkõige Tšehhimaal, kus olukord erineb Moraaviast). Tava-tšehhi keele imbumine avalikesse tekstidesse, aga samal

ajal ka kirjalikesse tekstidesse, kus veel hiljaaegu eeldati standartse tšehhi keele kasutamist, muudab keeruliseks selle sirgjoonelise pildi, mis tähistas kahe kaas-aegse tšehhi keele variatsioonide funktsioneerimist selgelt piiritletud aladel. Artiklis esitatakse kõnekeele tunnuste imbumist kirjatekstidesse: esiteks eesmärgiga stiliseerida neid kõnekeele moodi kunstipärastel eesmärkidel (nt kirjanduses); teiseks, kui ei soovita kaotada loomulikult esinevaid ütlusi (intervjuude toimetamisel) või kolmandaks, uue ajakirjanduse eksperimenteeriva loomuse tõttu (vest-lused).

Ирина Валерьевна Абисогомян
Тартуский университет

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕХИИ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ОТРАЖЕНИЯ В СЛОВАРЕ

*Языковая ситуация в Чехии – национальное Возрождение – идея (вос)становления чешского языка – пуристические тенденции по отношению к немецкому языку – анализ слов-концептов **Čech, český** ↔ **Němec, německý** в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна*

Оценка языковой ситуации в Чехии в период национального Возрождения и основная стратегия языковых преобразований

Как известно, будители избрали основным атрибутом, символом чешского национального Возрождения (далее — НВ) родной язык, который отождествлялся с нацией и, как и весь чешский народ (= язык, государство, культура), нуждался в «возрождении», под которым понималось различное для разных периодов НВ отношение к (вос)созданию языковых средств и функций на фоне нередко непримиримой борьбы прежде всего с немецким влиянием.

Несомненно, процесс германизации оказал негативное влияние на развитие чешского языка (см., напр.: Абисогомян 2002, 21–23). Однако было бы слишком категорично утверждать, что чешский язык находился в состоянии тяжелейшего кризиса или, более того, на грани исчезновения, тем не менее именно этот тезис в той или иной мере пропагандировался чешскими будителями. Этот кризис они совершенно обоснованно связывали с рядом прежде всего экстралингвистических факторов: первоочередным стала потеря независимости чешским государством в 1620 г., а самыми печальными последствиями этого события — онемечивание чешской нации и постепенное уничтожение чешского языка, которое было остановлено только в эпоху НВ. Однако, напр., Г. Гладкова отмечает, что

«объективные исследования последнего времени (прежде всего имеется в виду работа: Starý 1995 — И.А.) доказывают, что функциональные из-

менения чешского НЯ (национального языка. — И.А.) <...> не представляли такой резкий или абсолютный спад, который был бы угрозой существованию самого чешского НЯ» (Гладкова 2001, 343; ср. также: Бобраков-Тимошкин 2004, 211; Гланц 2004, 241; Шимов 2005, 259–260).

При этом, конечно, нет оснований обвинять деятелей чешского НВ в искажении фактов, а необходимо иметь в виду, что процесс построения концепции национального, а соответственно и языкового Возрождения опирался на национально-патриотическую идеологию, на антагонизм между чешским и немецким, поэтому для обоснования своего подхода к проблеме развития, в частности, чешского языка выбирались такие факты из истории и современного состояния чешского общества и языковой ситуации на территории Чешских земель, которые подтверждали и подчеркивали все негативные последствия потери независимости Чешским королевством и результаты германизации чешского общества. Так, напр., Й. Добровский совершенно справедливо писал о трагических событиях, последовавших после 1620 г.:

«Битва у Белой горы в 1620 г. парализовала и ослабила как плоть, так и дух всей чешской нации. Из-за последовавшего переселения (resp. Эмиграции. — И. А.) некаатоликов чехи были уничтожены, а после 30-летней войны вся страна была настолько опустошена, что патриотически настроенный иезуит Балбин по праву удивлялся, как вообще здесь еще могли остаться жители»¹ (Dobrovský 1955, 113).

С нескрываемой болью и негодованием тот же автор повествует об уничтожении «еретических» книг на чешском языке (Dobrovský 1955, 114–115, 121; ср. также, напр.: Thám 1918, 20); дает характерную оценку школьной реформе 1774–1775 гг.: с одной стороны, была введена многоуровневая система образования с обязательной начальной ступенью, но, с другой стороны, обучение в школах (resp. гимназиях) происходило на немецком языке «даже в тех местах, где говорили только по-чешски» (Dobrovský 1955, 122). С упреками и даже обвинениями в равнодушии к родной нации и языку обрушивается в адрес шляхты, напр., К.И. Там в своей «Защите чешского языка» (Thám 1918, 18–19).

Таким образом, главным пунктом идеологической программы чешского НВ, который активно пропагандировался и со временем превратился в незыблемую истину, стала «эмансипационная борьба с немецкой культурой и установка на язык как основу культуры и

национальной идентичности» (Гланц 2004: 235; см. также Масуга 1983, 42; Абисогомян 2009, 26–33).

Способы воздействия на адресат оценочного подхода к представлению лексики в словаре

Формирование подходов к (вос)созданию лексической системы чешского языка и способов ее отражения в словаре в эпоху НВ подчинялось основной стратегии языковых преобразований того времени и также не было лишено оценочности, направленной на программирование соответствующего восприятия адресатом предложенной в словаре информации. С целью показать, что словарь не только информировал, но и «направлял» (т.е. являлся закономерной частью как языковой, так и идеологической доктрины НВ), далее на некоторых примерах демонстрируются способы подобного оценочного представления лексики в словаре и основные приемы воздействия на адресат в этой связи². Главное национально-языковое противопоставление, на котором построена идеологическая программа чешского НВ, связано с этнонимами *чех* и *немец*. Рассмотрим, каким образом представлены эти лексемы и их производные в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна (Jungmann 1835–1839), одном из основных и успешно реализованных возрожденческих проектов, предложившем решение главной задачи по «возрождению» чешской нации посредством «возрождения» языка.

В «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна представлены:

1) слова, производные от *Čech*:

а) существительные — этнонимы *Čech*, *Čechák*, *Čecháček*, *Češka*, *Čechyně*, *Češdyně*, *Češe*, *Češj*, *Čechové*; лингвонимы *čeština*, *češina*, *češtinka*; топоним *Čechu*, имена собственные *Čechoslaw*, *Čechowna*, *Čechyslaw*; обозначение для грамматики чешского языка *Čechořečnost*; б) прилагательное *český*, притяжательные прилагательные *čechův*, *češčin*; в) наречие *česko*; г) глагол *češtiti*, *češteti*, *češtiti se* (I, 268–269, 287, 291)³;

2) слова, производные от *Němec*:

а) существительные — этнонимы *Němec*, *Němeček*, *Němcisko*, *Němcucha*, *Němka*, *Němkyňe*, *Němkyňka*, *Němče*, *Němci*; лингвонимы *němčina*, *němčinka*; топонимы *Němce*, *Němčj*; отглагольное существительное *němčitel*; б) прилагательное *německý*; притяжательные прилагательные *němčj*, *němciův*; в) наречие *německu*; г) глаголы *němčiti*, *němčeti*, *němčiti se* (II, 673–674).

Среди производных представлены две основные словообразовательные модели:

- а) суффиксация: *Čechák; Čecháček; Němeček; Česka, Němka; Němčisko; čeština; němčina; Němce; Němčj; český; německý; čechůw, němcůw; češčin; česko; německy; češtiti; němčiti; němčitel;*
- б) сложение основ: *Čechoslaw, Čechyslaw; Čechořečnost.*

Исходя из выработанных Й. Юнгманном принципов представления лексики в словаре⁴, отражение получили все зафиксированные в литературе или в речи слова (общеизвестные и нейтральные, диалектные, инославянские), а также возможные варианты лексем (напр., словообразовательные и стилистические). Включением такого многообразия вариантов Й. Юнгманн, как известно, преследовал цель дальнейшей апробации этого лексического материала и его закрепления в чешском языке если не в качестве основного лексического запаса, то в функции стилистических синонимов (в частности, для обогащения языка художественной литературы⁵). Рассматриваемый лексический материал располагает следующими примерами:

- а) общеизвестные слова, напр., этнонимы *Čech, Česka, Němec, Němka;*
- б) словообразовательные варианты: суффиксальные *čeština, češina;* также диминутивные *češtinka* от *čeština*, *němčina* от *němčina*; от этнонимов муж. и жен. р. *Čechák, Čecháček, Němeček, Němčisko, Němčucha, Němkyňka;* варианты с разными предлогами и беспредложные аналоги для наречия *по-чешски*: *česko, na česko, po česku, z česka, česky, adv., böhmisch* и для наречия *по-немецки*: *německy, po nemecku, adv., deutsch;*
- в) словообразовательные варианты, которые привели к семантическим различиям, напр.: *němčiti = Němcem činiti, deutsch machen* ‘делать немцем’ и *němčeti, němčiti se, deutsch werden* ‘становиться немцем’;
- г) стилистически ограниченные варианты: *Němčisko = Němec* (но с пометой *potupně*, т.е. ‘оскорбительно’), также *Němčucha;*
- д) архаизмы (с целью их возможной актуализации): используемая в «Далимиловой хронике» форма среднего рода этнонима *Němče* с пометой «устаревшее»;
- е) неологизмы: *Čechořečnost* — не закрепившееся в чешском языке однословное определение для грамматики чешского языка, предложенное В. Росой; сконструированные по аналогии с глаголами *němčiti, němčeti, němčiti se* «чешские» формы *češtiti = Čechem dělati, české dělati, böhmisch machen; češtěti = Čechem se stáwati, češtiti se, böhmisch werden.*
- ж) инославянские варианты: словацкое название чешского языка *češina*, которое приводится в статье с заглавным словом *čeština* — чешским обозначением соответствующего лингвонима; также это слово фигури-

рует в качестве заглавного слова к соответствующей статье: *češina* = *čestina* — без указания на то, что лексема является принадлежностью словацкого языка, но со ссылкой на источник эксцерпции — словарь Бернолака (Bernolák 1825–1827), т.е. наблюдается попытка внедрения в использование очень близкого инославянского варианта к уже имеющемуся чешскому обозначению;

- з) «неудачные», с точки зрения составителя словаря, формы: †*Českyně*. Любопытно пояснение к знаку †: таким знаком отмечены слова, которые являются «иностранными, неправильно (дословно ‘плохо’) созданными или подозрительными» (Jungmann 1835, VIII). Чаще этим знаком сопровождаются заимствования (прежде всего немецкие), но в данном случае им отмечен словообразовательный вариант самоназвания чехов жен. рода. Автор словаря дает понять, что указанную форму следует избегать в употреблении. При этом аналогичный вариант для этнонима *немка* таким знаком не маркируется и приводится как нейтральный дублет основной формы: *Němka*, *Němkyně*.

Если не брать во внимание пометы к некоторым из рассматриваемых лексем и особенно примеры, приводимые для их толкования, то получается вполне объективная и в целом беспристрастная иллюстрация к внедряемой Й. Юнгманном и его единомышленниками программе по (вос)созданию лексической системы языка с использованием, в частности, теории чешского словообразования, разработанной Й. Добровским, но — в интерпретации Й. Юнгманна⁶.

Рассмотрим принцип представления толкования значений указанных слов и охарактеризуем содержательную и прагматическую составляющую приводимых примеров. Толкование значений очень часто построено на противопоставлении *свой (чех)* ↔ *чужой (немец)* с вполне прогнозируемым восприятием реальных, а также потенциальных возможностей чешского языка на фоне его «превосходства» над немецким языком:

- а) При разъяснении происхождения этнонима *Čech* предпочтение отдается версии о том, что *чехи* являлись передовым (*přední*) славянским племенем⁷ и могли противостоять окружающим народам, прежде всего *немцам*; ср. одно из объяснений, приводимых в словаре Й. Юнгманна: «w prawdę Čechové na předu byli, poněwadž ginj Slowané hluboko do Němces se wztahowali» (I, 268).
- б) Слово *čestina* постулируется как обобщающее со значением ‘все чешское’: «wšecko, což českého gest, **gazyk**, způsob, obyčeg, zbožj» (I, 291); в то время как аналогичная лексема *němčina* выполняет лишь функцию лингвонима: «německý gazyk» (II, 673).

- в) Диминутивные формы *Němčisko*, *Němčucha* — неологизмы, созданные поэтом Я. Колларом, — несут оттенок уничижительности (II, 673). Напротив, в толковании значений диминутивов *Čechák*, *Čecháček* на первый план выдвигается очень значимое для программы языкового «возрождения» значение: «**wlastně malý Čech** bud' osobau **bud' uměnjm češtinu**» (I, 268). Кроме того, эти формы могут обладать антонимической по отношению к *Němčisko*, *Němčucha* коннотацией 'бедный, несчастный, но хороший чех': «*ty ubozj Čecháčkové, wir guten Böhmen, wir armen Böhmen*» (I, 268). Хотя при этом присутствует и указание на то, что эти лексемы могут обладать оттенком презрительности, но без приведения иллюстративного материала такого употребления.
- г) Показательно, что при включении в словарь уже упоминавшихся глагольных новообразований *češtiti*, *češtěti*, *češtiti se*, созданных по аналогии с *němčiti*, *němčeti*, *němčiti se*, отсутствует отглагольное существительное, аналогичное лексеме *němčitel*, что, несомненно, связано с негативной семантикой, так как *němčitel* — это тот, «*kdo němčj, <...> Wendů němčitelé*» (II, 673), т.е. ассимилирует, а значит, отрывает от национальных и языковых корней, тем более что чехи испытали это на себе.

Соответствующее антитезе *свой* ↔ *чужой* восприятие информации, содержащейся в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна, особенно ярко «программируется» иллюстративным материалом, который можно распределить в данной связи на три основные группы.

- 1) Примеры, иллюстрирующие страдания чешского народа в прошлом (в первую очередь, обусловленные разного рода контактами с немцами) и зависимое от немцев современное положение:

*A což tam *Čech (t. Čechůw) bylo, všecy zbili. Tenkrát Němec Čechu přege, když se had ne ledě hřege* (I, 268); *Wezdy nám súsiede Němci. Němec w české radě. Mluwte s njm, když ge Němec* (II, 673); *Česká ani Uherská země nemůž nasytiti lidského lakomstwj* (I, 287); *Poněmčilá čeština* (I, 291).

- 2) Примеры, демонстрирующие «вину» самих чехов в процессе германизации:

Čech se brzo němčj mezi Němci (II, 673); *Německý Čech* (II, 673); *Nechwal-no nám w Niemciech iskati prawdu* (II, 673).

- 3) Примеры, направленные на прославление своего народа и его героического прошлого, а также ориентирующие на стимуляцию дальнейшего успешного развития чешского этноса и языка:

Čechowé tehďáz zpjwagj, když se nagedj (I, 268); *Země česká. Králowstwj české. České země obywatelé. Český národ. Český jazyk* (I, 287); *České slo-*

wo, t. poctiwé, wěrné (I, 287); *Na česko, w česko přeložiti. Mluwiti česky, po česku, t. gazykem českým. Rozuměti česky* (I, 287); *Gakž' se česky zase naučj* (I, 287).

Трактовка значений некоторых из рассматриваемых слов и особенно иллюстративные примеры, по нашему мнению, были отобраны далеко не случайно. Не составляет труда предположить, что этнонимы *чех* и *немец* и многие производные от них являются частотными словами чешского языка. Эту частотность предопределили длительные и по-разному оцениваемые географические, исторические, государственно-экономические, культурные и личные контакты между двумя этносами. Проблема поиска иллюстративного материала поэтому не стояла. Однако выбор примеров был тщательно продуман, поскольку речь шла о представлении в словаре Й. Юнгманна слов-концептов, входящих в лексикон идеологической и языковой программы НВ, а сам «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна, как уже отмечалось, одновременно являлся и представлением этой возрожденческой программы, и ее реальным воплощением. Отметим, что именно этим этнонимам отводилась основная «эмоциональная» составляющая доктрины чешского НВ, построенная на антитезе *свой* (*чех*) ↔ *чужой* (*немец*). В связи с этим можно с большой долей вероятности утверждать, что примеры для словарных статей отбирались с целью получения специально программируемой приводимыми примерами реакции у пользователей словарем, а именно: с целью формирования национального и языкового самосознания на фоне пуристического отношения ко всему немецкому.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Переводы с немецкого и чешского здесь и далее выполнены автором статьи.
- ² О некоторых возможностях оценочной трактовки в словаре заимствований и калек (прежде всего немецких и латинских), а также об определении и оценке выполняемых в двуязычном словаре функций немецкого языка на примере «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна см., напр.: Абисогомян 2002, 21–28; Абисогомян 2009, 166–172.
- ³ Здесь и далее в ссылках на источник — «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна — указывается том и страница.

- ⁴ В качестве источников обогащения словарного состава чешского языка Й. Юнгманн использовал прежде всего памятники древнечешской литературы, сочинения современных авторов, диалектный материал, другие славянские языки и лексические новообразования, созданные путем словосложения или посредством суффиксов и префиксов. Подробнее о формировании лексикографических принципов Й. Юнгманна см., напр.: Petr 1989, 5–31; Абисогомян 2008, 264–289; Абисогомян 2009, 147–165.
- ⁵ См., напр.: Jedlička 1948, 15; Jedlička 1974, 34; Šmilauer 1974, 52; Petr 1989, 10; Абисогомян 2009, 154.
- ⁶ О формировании лексического состава чешского языка в эпоху НВ, прежде всего о создании словообразовательной теории и применении ее на практике см., напр.: Абисогомян 2009, 153–157.
- ⁷ От *četi (см. также: Фасмер 1986–1987, IV, 353), т.е. *Čech* — это боец, воин (см. также Rejzek 2001, 112–113).

ЛИТЕРАТУРА

- Абисогомян 2002 — И. Сорока [Абисогомян]. *Заимствование как отражение и результат взаимодействия языков и культур (на материале чешского языка эпохи национального Возрождения)*. Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 8: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). Часть 2. Санкт-Петербург, 2002, с. 21–28.
- Абисогомян 2008 — И. Абисогомян. *Формирование лексикографических принципов Й. Юнгманна: авторский замысел и его реальное воплощение*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI: Язык в функционально-прагматическом аспекте. Tartu, 2008, с. 264–289.
- Абисогомян 2009 — И. Абисогомян. *Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: традиции и новаторство*. (Humaniora: Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis 22). Tartu, 2009.
- Бобраков-Тимошкин 2004 — А. Бобраков-Тимошкин. *Феномен и трагедия пражского многоязычия*. Новое литературное обозрение, Москва, 2004, № 68, с. 207–230.
- Гладкова 2001 — Н. Gladkova. *Символические функции стандартного языка и поиски «золотого века». Чешско-болгарские параллели эпохи национального Возрождения*. Slavica, roč. 70, Praha, 2001, seš. 3–4, s. 335–351.

- Гланц 2004 — Т. Гланц. *Чешская версия языкового строительства: Национальное возрождение и его остаточные идеологемы*. Новое литературное обозрение, Москва, 2004, № 68, с. 231–241.
- Шимов 2005 — Я. Шимов. *История как публицистика и публицистика как история. О том, как чешские литераторы создали свой народ*. Иностранная литература, Москва, 2005, № 3, с. 259–269.
- Dobrovský 1955 — J. Dobrovský. *Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*. Halle, 1955.
- Jedlička 1948 — A. Jedlička. *Josef Jungmann a obrozenská terminologie literární vědná a linguistická*. Praha, 1948.
- Jedlička 1974 — A. Jedlička. *Jungmannovy zásluhy o nový český jazyk spisovný. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku* (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 29–41.
- Jungmann 1835 — J. Jungmann. *Předmluva*. Slownjik Česko-Německý. Djl I. Praha, 1835, s. III–VIII.
- Macura 1983 — V. Macura. *Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ*. Praha, 1983.
- Petr 1989 — J. Petr. [*Předmluva k 2. reprint. vyd. Slovníka česko-německého J. Jungmanna*]. J. Jungmann Slownjik Česko-Německý. 2. vyd. Djl I. Praha, 1989, s. 5–31.
- Starý 1995 — Z. Starý. *Ve jménu funkce a intervence*. Praha, 1995.
- Šmilauer 1974 — V. Šmilauer. *Jungmannův slovník česko-německý. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku* (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 43–56.
- Thám 1918 — K.H. Thám. *Obrana Jazyka Českého proti zlobivým jeho utrhačům, též mnohým vlastencům v cvičení se v něm liknavým a nedbalým, sepsaná od Karla Hynka Thama*. Praha, 1918.

СЛОВАРИ

- Фасмер 1986–1987 — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. I–IV. 2-е изд. Москва, 1986–1987.
- Bernolák 1825–1827 — A. Bernolák. *Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Německo-Uherský*. I–VI. Budaë, 1825–1827.
- Jungmann 1835–1839 — J. Jungmann. *Slownjik česko-německý*. I–V. Praha, 1835–1839.
- Rejzek 2001 — J. Rejzek. *Český etymologický slovník*. Praha, 2001.

**I. Abisogomjan. Rahvuslik-keeleline olukord Tšehhis
rahvusliku ärkamisaja perioodil ning selle peegeldused sõnaraamatus**

Artiklis vaadeldakse, mil viisil hinnati keelelist olukorda Tšehhis rahvusliku ärkamisaja perioodil ning kuidas tekkis ja võeti kasutusele tšehhi keele «taassünni» idee puristliku suhtumise taustal saksa keelde. Artikli autor analüüsib rahvuskeele sõnamõistete *Čech, český* ↔ *Němec, německý, rakouský* esinemist J. Jungmanni «Tšehhi-saksa sõnaraamatus» (1835–1839). Sõnaraamatu abil on võimalik esitleda peamisi mõjutegureid, mis puudutavad hinnangulist lähenemist sõnavarale, mille eesmärgiks oli saavutada sõnaraamatu kasutajate kindel reaktsioon — rahvusliku ja keelelise eneseteadvuse kujundamine puristliku suhtumise taustal kõigesse saksapärasesse.

Slavomír Ondrejovič
Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra
Slovenskej akadémie vied, Bratislava

JAZYKOVÁ NORMA Z POHĽADU SLOVENSKEJ SOCIOLINGVISTIKY

Sociolingvistika – sociolingvistický vs. normativistický prístup k jazyku – národný jazyk – spisovný jazyk – norma – kodifikácia

Sociolingvistika už aj na Slovensku postupne obsadzuje oblasti, ktoré ne-sociolingvistická resp. predsociolingvistická, systémová («normativistická») jazykoveda nechávala stranou: je to nielen výskum bilingvizmu a multilingvizmu, jazykových kontaktov a urbánnych jazykovo-komunikačných variantov, je to nielen jazyková politika a diskurzívna analýza, nie sú to len problémy medzinárodnej komunikácie a pod., ale pokračuje sa — z trochu inej perspektívy — aj vo výskume spisovného jazyka a jazykovej kultúry i jazykových noriem (podrobnejšie porov. Ondrejovič 2008).

Na pozadí uvedených metamorfóz pritom stále prebieha, mohli by sme povedať, zápas medzi analogistami a anomalistami o výklad jazyka, a tým aj o výklad sveta, majúci svoj «oficiálny» začiatok pri zrážke alexandrijskej a pergamonskej školy. V zásade by sme dnes mohli oných analogistov pokladať za predchodcov «nesociolingvistov» či, ako sa na Slovensku hovorí, «normativistov», kým sociolingvisti majú bližšie skôr k anomalistickému mysleniu. Ak by sme to chceli vyjadriť trochu súčasnejšou metaforou, mohli by povedať, že sociolingvisti sa neusilujú jazyk pri svojej činnosti «upraviť» do štýlu francúzskeho parku s jeho presnými geometrickými líniami a tvarmi, ak taký nie je (to je obvykle ambícia «nesociolingvistov»), ale ich vzorom je skôr park anglický, ktorého architektúra je založená na prirodzenej kráse pôvodnej krajiny, vyžadujúcej si iba mierne zásahy. Pre takýto park je, aspoň podľa mienky sociolingvistov, charakteristický vyšší stupeň «obývatel'nosti» i kvality života jeho «bežných obyvateľ'ov». Túto koncepciu bravúrne rozvinul Jozef Melczer vo svojej významnej po maďarsky písanej obrane slovenčiny *Ohlas v zá-*

ujme slovanskej reči z roku 1842 (Melczer 1842; porov. k tomu aj Ondrejovič 2000, 65–70 a 2007b, 24–27).

Tento spôsob výkladu jazyka vyplynul aj zo samotnej povahy posštrukturalistickej, resp. postmodernej metódy uvažovania, ktorá vo všeobecnosti nepreferuje homogénnosť a jednotnosť ako základné východiskové entity, ale naopak, vymedzuje sa rôznorodosťou a pluralitou. Ešte v nedávnej minulosti sa o jazykoch (najmä o jazykoch malých národov) uvažovalo v teoretickom rámci predstavy, že jazyk sa vyskytuje v rečovom spoločenstve, ktoré je diskrétné, uzavreté a koherentné a ktoré sa pospolu drží homogénnou kompetenciou, vlastnou akoby všetkým členom tohto spoločenstva. Takéto vnímanie bolo charakteristické pre tradičnú štruktúru, resp. systémovú jazykovedu a toto chápanie podporovala aj generatívna jazykoveda v N. Chomského verzii s jeho ideálnym hovoriacim a ideálnym počúvajúcim. Prielom medzi štrukturalistickým a postštrukturalistickým pohľadom na jazyk spočíval však aj v tom, čo sa uznávalo predtým a čo sa uznáva teraz, ako hodné výskumnej pozornosti. Súčasná moderná lingvistika vníma, opisuje a vysvetľuje aj — či možno predovšetkým — «jedinečné situácie jazykových kontaktov a interakcií s ich špecifikami, miešaním sociokultúrnych zvyklostí a posunmi noriem» (Čmejrková, Daneš 1994, 29). Skúma teda nielen jazyk, jeho imanentné štruktúry, ale aj jeho a ich «okolie».

Začiatok uvedeného sociolingvistického nasadenia sa všeobecne kladie do obdobia 60. rokov, keď sociolingvistika vznikla v rovnakom čase v Spojených štátoch amerických i v Európe. Ale 60. roky sú začiatkom sociolingvisticky zameraného výskumu aj na Slovensku. Projekt *Výskum hovorenej podoby spisovnej slovenčiny* zo 60. rokov 20. storočia (podrobnejšie Ondrejovič 2007a, 9–17) predstavoval prvotriedny výhľad a šancu na úspešné napredovanie v bádani aj týmto smerom. Škoda, že v danej disciplíne sa na Slovensku nielen nepodarilo udržať nasadené tempo, ale ani odovzdávka sociolingvistického štafetového kolíka sa slovenskej jazykovede na tomto mieste nevydarila.

Podarilo sa však — aspoň do istej miery — skôr niečo iné. Ako v úvodnom slove k Výskumu hovorenej podoby spisovnej slovenčiny konštatoval E. Pauliny, hlavný garant tohto podujatia, na Slovensku sa v minulosti podarilo «nárečie zbožštiť ako jediného predstaviteľa národného jazyka pri spisovnom jazyku» (Pauliny 1972, 4). E. Pauliny zároveň však konštatoval, že jedným zo záverov daného výskumu je, že «skutočná znalosť spisovnej normy je u všetkých vrstiev používateľov spisovného jazy-

ka podstatne vyššia, než sa predpokladalo» (Pauliny 1972, 82). Nie je to nijako v súlade so vtedajšími i neskoršími tvrdeniami o «havarijnom», «neuveriteľne katastrofálnom» či «chorobnom» stave slovenského jazyka v komunikácii, ako o tom nezriedka referujú mnohí autori z neodborných kruhov, ale doteraz aj niektorí jazykovedci — normativisti.

Možno len ľutovať, že došlo k onej «prerave» a že sociolingvistický výskum na Slovensku pokračoval až od 90. rokov minulého storočia. O slovenskej lingvistike sa dá preto povedať, a povedalo sa to už viackrát (najnovšie Ondrejovič 2008; Dolník 2009, najmä s. 306–335), že zachytila «echo» paradigmatickej zmeny, charakteristickej pre svetovú lingvistikú, ktorá spočíva v obrate od «izolujúceho» skúmania jazykového systému ku skúmaniu fungovania tohto systému v reálnej situácii. V porovnaní s väčšinou európskych krajín, pravdaže, s istým oneskorením, čo má v kodifikačnej praxi svoje dôsledky, ako sa zdá, dodnes.

Sociolingvistika na Slovensku nie je výnimkou ani v tom, že sa kryštalizuje aj prostredníctvom diskusií a polemík s autormi, ktorí stoja na iných platformách. V tejto konštelácii nie je neočakávané, že sociolingvisticky orientovaní lingvisti prechádzajú ohňom kritickej paľby z rôznych pozícií a že sa dostávajú do pomerne ostrej a náročnej konfrontácie aj s iným myslením. Slovenskej sociolingvistike sa napr. od začiatku ostro vyčíta istý *l'art pour l'artizmus*, že je len štatistikou, že iba konštatuje, registruje, ale v podstate nič nehodnotí (porov. napr. Kočiš 1995, 71; Považaj 1995, 62), ale aj to, že je v otázkach jazykovej kultúry príliš liberálna a že sa vyhýba povedať «rovné slovo» o správnosti či nesprávnosti jazykových prostriedkov v konkrétnych prípadoch. Je pravda, že sociolingvistický postoj sa v otázkach jazykovej kultúry vyznačuje väčšou tolerantnosťou, či skôr pluralitnosťou, pričom sa už „nehrá“ iba na jedného reprezentanta, iba na spisovný jazyk. Slovenská sociolingvistika poukazuje na to, že spisovný jazyk má na Slovensku v istom zmysle najvyššiu prestíž zo všetkých útvarov a sfér jazyka, no z jej perspektívy majú všetky variety a útvary rovnakú hodnotu (podrobnejšie Dolník 2009, 343–351). Sociolingvistika pripúšťa napr., že niekedy to «najsprávnejšie» slovo či vyjadrenie možno nájsť v iných («nespisovných») vrstvách národného jazyka, za čo je takisto v domácej aréne kritizovaná. Sociolingvistika sa nevydáva hneď tou najľahšou cestou zákazov a príkazov, ale pokúša sa aj «nesystémovosť» a nepravidelnosť v jazyku pochopiť a vysvetliť, ak sa to dá. Zameraná je teda na opis, pochopenie a výklad celého bohatstva jazyka.

Prvé tvrdé strely normativistov (F. Kočiš) mierili na teóriu spisovného jazyka J. Horeckého (1976, publikované Horecký 1979, 13–22), ktorý v rámci národného jazyka vyčlenil spisovnú, štandardnú, subštandardnú a nárečovú formu. Podľa uvedenej kritiky práve Horeckého teória spisovnej slovenčiny spôsobila anarchiu v jazykovom úze. Horecký sa («spolu s inými sociolingvistami») obviňoval za «úpadok» v jazykovej kultúre. S takýmto preceňovaním vplyvu kodifikácie na normu, príp. úzus používateľov jazyka, sa často stretávame v tradičnej teórii jazykovej kultúry na Slovensku (porov. aj Výzva 2006, 1–8).

Odlíšny pohľad («sociolingvistický» a «normativistický») na jazyk a jeho výskum nachádza nevyhnutne svoj odraz i v odlišnom hodnotení stavu súčasného spisovného jazyka a jeho kultúry i v odlišnom názore na možnosti kodifikačných a kultivačných úsilí. Svedčia o tom aj výzvy a petície na ochranu slovenského jazyka (podrobnejšie Ondrejovič 2010, 5–14). V nich sa takisto konštatuje, že jazyková kultúra na Slovensku je v praxi mimoriadne nízka a že slovenský jazyk je akútne ohrozený najmä anglicizmami a amerikanizmami, ale aj bohemizmami, pričom tí, čo by mali prijať nejaké opatrenia, nič nerobia.

Podľa jedného úvodníka SR *Slovenčina na križovatke európskych dejín* (1994) z pera F. Kočiša «výrazný pokles náležitého jazykového vedomia a uvedomovania si existencie jazykovej normy a kodifikácie badať aj u učiteľov slovenského jazyka, ba aj u viacerých slovenských jazykovedcov» (Kočiš 1994, 327). Čiže, podľa tohto názoru spisovnú slovenčinu, jej normu, už neovládajú nielen «bežní» používatelia jazyka, ale ani tí, čo sa jazykom profesionálne zaoberajú a skúmajú ho. Kto teda ovláda spisovnú normu? — chce sa nám položiť otázku, ktorú položil už dávno (v pamätnom roku 1966 v smolenickej diskusii) E. Pauliny (Pauliny 1967, 51–53), jeden z predchodcov sociolingvistického myslenia na Slovensku. Ako vidieť, striktné presadzovanie «striktnej normy», resp. stotožňovanie normy a kodifikácie, s ktorým sa tu stretávame, vedie niekedy až k apodiktickým konštatovaniam. Aj titulok z dnes už zaniknutých novín *Zmena to potvrdzuje: Šokujúce tvrdenie: ani jeden zo slovenských politikov nehovorí správne po slovensky!* Odtiaľ je už naozaj len krok k tvrdeniu, že na Slovensku nehovorí nikto správne po slovensky.

V tejto súvislosti sa hodí spomenúť článok J. Kačalu *Sociolingvistika versus jazyková kultúra?* (1996), v ktorom sa sociolingvistika obviňuje z toho, že sa mieša do remesla teórii jazykovej kultúry, tváriac sa, že prináša vedeckejšie riešenia. Ale tieto dve disciplíny, jazyková kultúra a socio-

lingvistika, by nemali byť v konkurenčnom postavení, skôr v komplementárnom, hovorí autor. S tým možno súhlasiť, ale ťažko nebyť v konkurencii, keď J. Kačala v ďalšom vyhlási, že

«číselné údaje o výskyte istých variantných alebo z hľadiska jazykovej kultúry negatívne hodnotených jazykových javov neprinášajú pre prácu v jazykovej kultúre nijaké nové poznanie (nanajvýš ak jeho číselné vyjadrenie), lebo vysoký či stredne vysoký výskyt istých proskribovaných jazykových javov je dostatočne známy a ich uznanie či neuznanie kodifikáciou je závislé nie od štatistiky a čirej registrácie ich výskytu v reči, lež od vlastných jazykových črt príslušných jazykových jednotiek, ako aj od zásad zdokonaľovania jazyka a jazykovej praxe vychádzajúcich z požiadaviek jazykovej kultúry» (Kačala 1996, 73).

Tu sa sotva sa dá prijať apel na komplementaritu a spoluprácu. Je to jednoducho bod, v ktorom sa sociolingvistika naozaj kríži, resp. je v absolútnom spore s takto poňatou jazykovou kultúrou. Frekvencia, resp. výskyt javov je pre sociolingvistiku jednoducho neprehliadnuteľnou veličinou, s ktorou potom ďalej jemne pracuje a interpretuje ju v kontexte sociolingvistických premenných.

Ide tu navidomoči o spor medzi reflexívnologickým a pragmatickologickým v chápaní Juraja Dolníka (Dolník 2000a, 214–220; 2000b, 249–255). Hoci ani zavedenie tejto opozície sa nevyhlo ostrej kritike, je to nesporne dôležitý posun pri vysvetľovaní nastolených otázok. Sociolingvistika a pragmalingvistika ukazujú, že logika jazyka je trochu iná než je bežná logika, preto J. Dolník rozlišuje reflexívnologický prístup v jazyku, pri ktorom sa zisťujú modely a pravidelnosti, a na základe toho sa ustanovujú pravidlá a pragmatickologický prístup, pri ktorom sa – zjednodušene povedané – anij v prípadoch, že sa prax zjavne odkláňa od predpísaných pravidiel, tieto odchýlky hneď nepranierujú, ale sa hľadá ich príčina a vysvetlenie. Ako príklad uveďme «kauzu» *hranolky*. Systémová jazykoveda postupuje v tomto prípade takto: plurálový tvar *hranolky* je v spisovnej slovenčine nesprávny, lebo tvar jednotného čísla by musel byť *hranolok*, a takýto tvar v slovenčine nejestvuje. Po slovensky je malý hranol *hranolček*, od čoho sa v množnom čísle pravidelne utvárajú *hranolčeky*. Takže korektné je, keď si v reštaurácii nepýtame ako prílohu *hranolky*, ale *hranolčeky*. Sociolingvisti a pragmalingvisti, ktorým je bližší tzv. pragmatickologický prístup, vychádzajú skôr zo zistenia, že tvar *hranolky* v tomto použití absolútne prevláda. Nejdú teda cestou najľahšieho odporu a neoznačia všetkých tých, čo konzumujú *hranolky* za používateľov s níz-

kým jazykovým vedomím a s nízkou jazykovou kultúrou, ale hľadajú vysvetlenie, prečo je to tak. Pritom sa ukazuje, že sa tu vytvoril osobitný sémantický podtyp týkajúci sa jedla. Veď v (spisovnej) slovenčine sú *párky*, nie *párčeky*, sú *rožky*, nie sú *rožteky*, *pirôžky*, nie sú *pirôžteky*. A napokon sa ukazuje, že pre singulár ani nie je potrebné rekonštruovať *hranolok* (ale keby aj bol, veď je *párok!*), ale – ako ukazujú naše korpusové databázy – skôr *hranolka*. Poukazuje na to napokon aj genitív plurálu. Povie sa: *Vieš, koľko hranoliek som včera zjedol?* — nie *Vieš, koľko hranolkov som včera zjedol?* Je to iba marginálny príklad, ale takisto veľmi dobre demonštruje rozdiel medzi sociolingvistickým a nesociolingvistickým prístupom v jazyku a myslením o jazyku.

Uvedme ešte aspoň jeden ďalší konkrétny príklad. Vo *Výzve na ochranu slovenského národného jazyka* (Výzva 2006, 1, 8) sa stretneme aj s tvrdením, že anglicizmus *handout* treba v slovenčine nahradiť výrazmi *príručka*, *pomôcka*, *rukoväť* či dokonca *príručník*. Netreba byť veľkým jazykovedným odborníkom, aby bolo zrejmé, že sú to nevhodné ekvivalenty (prvé tri sú už obsadené, majú širší význam, tretie sa navyše pociťuje ako archaizmus a ani štvrtý novotvar nemá predpoklady uplatniť sa). Ukazuje sa, že ani anglicizmy, ktoré sa už zahniezdili, nie je jednoduché nahradiť domácimi ekvivalentmi.

Treba pripomenúť, že slovenská lingvistika nastúpila už dávnejšie cestu, v ktorej kultúru slova už nestotožňuje s »čistotou« či »ústrojnosťou« a preferuje skôr citlivé využívanie všetkých možností živého jazyka, čo iste korešponduje s pocitom a želaním každého elitného používateľa jazyka. Nastúpila na túto cestu, otázka však je, nakoľko jej tieto zásady vošli aj do krvného obehu.

Je zrejmé, že kodifikácia, ktorá chce byť úspešná, sa bez detailného poznania reálneho stavu normovaného jazyka a pohybov v ňom jednoduchého nezaobíde. Ak sa toto triviálne poznanie nezohľadňuje, ak sa postupuje príliš priamočiari, ak sa uplatňuje rigidný (kvázi)systémový prístup, ktorého optika je zameraná neraz len na jednu líniu, na jednu analógiu, na jednu zákonitosť jazyka, ak sa presadzujú zmeny, »spravidelňujúce« jeden systém a rozbíjajúce systém iný, neraz aj hierarchicky vyšší so všeobecnejšou pôsobnosťou (porov. pokusy o »spravidlenie« rytmického zákona v *Pravidlách slovenského pravopisu* od r. 1991, ale aj 1998), to všetko má často za následok prehlbujúci sa konflikt medzi kodifikáciou (kodifikátormi) na jednej strane a normou, (uzuálnymi) normami (používatelmi jazyka) na druhej strane. Dúfajme, že sústavné zohľadňovanie

sociolingvistických faktov aj v kodifikačnej a normatívnej činnosti sa za krátko stane obvyklou praxou. Už príprava *Slovníka súčasného slovenského jazyka* (zatiaľ vyšli dva zväzky: Slovník 2006–2011) a *Ortoepického slovníka slovenského jazyka* nás vedú k optimistickému konštatovaniu, že sa tak do značnej miery už aj stalo.

LITERATÚRA

- Daneš, Čmejrková 1994 — F. Daneš, S. Čmejrková. *Экология языка малого народа*. Язык – культура – нация. Ред. Г. Нешименко. Москва, 1994, с. 27–39.
- Dolník 2000a — J. Dolník. *Ku kritike reflexívologického prístupu k spisovnému jazyku*. Slovenská reč, Bratislava, 2000, 63, s. 214–220.
- Dolník 2000b — J. Dolník. *O prístupoch k spisovnej slovenčine*. Slovenská reč, Bratislava, 2000, 63, s. 249–255.
- Dolník 2009 — J. Dolník. *Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka*. Bratislava, 2009.
- Horecký 1979 — J. Horecký. *Východiská k teórii spisovného jazyka*. Z teórie spisovného jazyka. Bratislava, 1979, s. 13–22.
- Kačala 1996 — J. Kačala. *Sociolingvistika verzus jazyková kultúra?* Sociolingvistické a psycholingvistické aspekty jazykovej komunikácie. 1. zv. Banská Bystrica, 1996, s. 71–77.
- Kočiš 1994 — F. Kočiš. *Slovenčina na križovatke európskych dejín*. Slovenská reč, Bratislava, 1994, 53, s. 321–328.
- Kočiš 1995 — F. Kočiš. *Z diskusie*. Spisovná slovenčina a jazyková kultúra. Bratislava 1995, s. 68–72.
- Melczer 1842 — J. Melczer. *Szózat a szláv nyelv érdékében*. Banská Bystrica, 1842.
- Ondrejovič 2000 — S. Ondrejovič. *Spomienka na Jozefa Melcera ako na filológa*. Slovenská reč, Bratislava, 2000, 65, s. 65–70.
- Ondrejovič 2007a — S. Ondrejovič. *Výskum hovorenej podoby spisovnej slovenčiny po štyridsiatich rokoch*. Sociolinguistica Slovaca 6: Hovorená podoba spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 2007, s. 9–17.
- Ondrejovič 2007b — S. Ondrejovič. *Jazyk ako anglický park*. Týždeň, Bratislava, 25. mája 2007, s. 24–27.
- Ondrejovič 2008 — S. Ondrejovič. *Jazyk, veda o jazyku, societa. Sociolingvistické etudy*. Bratislava, 2008.
- Ondrejovič 2010 — S. Ondrejovič. *K niektorým výzvam a petíciám na ochranu slovenského jazyka*. Jazykovedný časopis, Bratislava, 2010, roč. 61, s. 5–14.

- Pauliny 1972 — E. Pauliny. (*Úvodné slovo*). Hovorená podoba spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1972, s. 1–9.
- Pauliny 1967 — E. Pauliny. *K otázkam kodifikácie normy*. Kultúra spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1967, s. 51–53.
- Považaj 1995 — M. Považaj. *Z diskusie*. Spisovná slovenčina a jazyková kultúra. Bratislava, 1995, s. 60–63.
- Slovník 2006–2011 — *Slovník súčasného slovenského jazyka*. I–II. Red. A. Jarošová a K. Buzássyová. Bratislava, 2006–2011.
- Výzva 2006 — *Výzva na ochranu národného jazyka*. Literárny (dvoj)týždenník, 19, Bratislava, 2006, č. 9–10, s. 1–8.

S. Ondrejovič. Keelenorm slovakkia sotsiolingvistika seisukohalt

Artiklis käsitletakse normi seisundit slovakkia kirjakeeles ning vaateid sellele eri ajastutel. Tuuakse esile mitte niivõrd varem esinenud normi «puhtuse» säilitamise tendentsi, vaid keele kõikide potentsiaalsete võimaluste kasutamist sotsilingvistilist olukorda arvestades.

Ирина Юрьевна Табакова
Тартуский университет

ЗВУКОВЫЕ АББРЕВИАТУРЫ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ ПРОИЗВОДЯЩИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Польский язык – аббревиация – лексические сокращения – звуковые аббревиатуры – производящие синтаксические структуры

В зависимости от характера сокращения производящих основ, трансформируемых в аббревиатуры-слова, выделяют определенные структурные типы сокращений.

«Лексические сокращения входят как неотъемлемый элемент в лексико-семантическую систему конкретного языка, следовательно, для разных языков могут быть специфичными различные типы сокращенных единиц» (Борисов 1972, 119).

Применительно к польскому языку выделяется от трех до семи типов лексических сокращений. При этом фонетические, или звуковые, аббревиатуры (*głoskowce*), составленные из начальных звуков сокращенного описательного словосочетания (напр., *WOP* [*vop*] — *Wojska Ochrony Pogranicza*, *PAN* [*pan*] — *Polska Akademia Nauk*), выделяют все существующие классификации (см., напр.: Młodyński 1974, 412; Kochański i in. 1989, 60–62; Paruch [1992], 10). И поскольку вопрос о синтаксических структурах¹, лежащих в основе аббревиационных образований польского языка, в частности, звуковых аббревиатур, является до сих пор одним из малоизученных, но, на наш взгляд, весьма важных, остановимся на нем².

Сразу отметим, что двучленные конструкции в качестве производящего наименования оказываются для звуковых аббревиатур нехарактерными. Материал обнаруживает лишь шесть сокращений, состоящих из двух элементов, выстроенных по структурно-фонетической формуле VC:

IG < *Instytut Gazownictwa*

UŚ < *Uniwersytet Śląski*

Недостатком этих аббревиатур является их «короткометражность» (Алексеев 1979, 246). Подобные сокращения в составе звуковых аббревиатур потому малочисленны, что их предпочтительнее произносить по названиям букв:

AH [a-**ha**] < *Akademia Handlowa*
AK [a-**ka**] < *Akcja Katolicka, Armia Krajowa*

Синтаксические структуры производящих словосочетаний звуковых аббревиатур, состоящих из двух элементов, представляют собой простые словосочетания, построенные по двум моделям: **Сущ.** + **Прил.**, согл. в роде, чис. и пад. и **Сущ.**₁ + **Сущ.**₂ род. Основная же масса односложных звуковых аббревиатур образуется на базе сложных словосочетаний, состоящих из трех полнозначных слов. Здесь важным становится наличие в составе словосочетаний лексем, начальные элементы которых являются гласными. Как правило, такие слова занимают центральное место в словосочетании. Это могут быть существительные, служебные части речи (союз, предлог) или сложные слова. В случае трансформации такой несколькословной номинативной единицы в однословную получаются сокращенные фонетические структуры CVC, CVCC, CCVC, имеющие в составе гласный, который создает иллюзию слога и позволяет произносить весь комплекс как обычное слово.

BOS < *Biuro Odbudowy Stolicy*
WORT < *Warszawski Ośrodek Radiowo-Telewizyjny*
ZWUT < *Zakłady Wytwórcze Urządzeń Termotechnicznych*

Анализ производящих синтаксических структур также показал, что односложные звуковые аббревиатуры могут образовываться на основе простых словосочетаний. Однако обязательным условием здесь будет наличие сложного слова (которое начинается с гласного) или предлога (представляющего собой гласный) в составе словосочетания, например: **Сущ.** + **Прил.**, согл. в роде, чис. и пад. Это регулярная модель. Она обозначает собственно определительные отношения, выражающие признак через отношение к предмету. Вид синтаксической связи — согласование. Определяющим компонентом является прилагательное, которое занимает постпозицию. При этом оно в обязательном порядке является сложным словом, первый элемент которого — гласный. В образовании аббревиатуры участвуют оба элемента значимых частей сложного слова. Именно за счет этого

аббревиатура состоит из трех элементов, включает гласный и может произноситься как простое корневое слово:

ROR < *rachunek oszczędnościowo-rozliczeniowy*

Или: **Сущ.₁ + предл. + Сущ.₂_{пред.}**. Это предложная конструкция. Для связи слов в словосочетании используется предлог *o*. Вид синтаксической связи — управление. Определяемое существительное находится в именительном падеже и требует предложного падежа определяющего существительного. Модель выражает объектно-определятельные (изъяснительные) отношения, является регулярной.

NoP < *Nauka o Polsce*

Здесь имеет место расширение аббревиатуры путем включения в ее состав предлога. Основной причиной включения предлога является возможность создания слога CVC, который будет произноситься как простое корневое слово. Иными словами, звуковой отрезок обесценивается заимствованием гласного от служебного элемента. Предлог здесь участвует в создании аббревиатуры, сохраняя строчное написание. Наличие в составе аббревиатуры предлога меняет ее качественно, т.е. она начинает читаться как простое корневое слово.

Односложные звуковые аббревиатуры могут образовываться также на основе словосочетаний, состоящих из трех полных слов. Возможными являются следующие модели: **Сущ.₁ + (Сущ.₂_{род.} + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад.; **Сущ.₁ + (Прил. + Сущ.₂_{род.})**, согл. в роде, чис. и пад.; **Сущ.₁ + Сущ.₂ + Сущ.₃**; **(Прил.₁ + Сущ. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад.; **(Сущ. + Прил.₁ + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад.; **(Прил. + Сущ.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Сущ.₂_{род.}**:

BIG < *Bank Inicjatyw Gospodarczych*

KIK < *Klub Interesującej Książki*

KOR < *Komitet Obrony Rzeczypospolitej*

WAF < *Wojskowa Agencja Fotograficzna*

TOW < *Towarzystwo Organiczne Warszawskie*

COM < *Centralny Ośrodek Medycyny*

При этом обязательным условием при образовании односложной звуковой аббревиатуры является гласный инициальный элемент центрального компонента словосочетания. Образуется аббревиатура способом последовательной инициальной аббревиации компонентов исходного словосочетания.

Часть односложных звуковых аббревиатур образуется на базе сложных словосочетаний, состоящих из четырех полных слов

слов. Образуется односложная звуковая аббревиатура на такой основе способом последовательной инициальной аббревиации компонентов исходного словосочетания. Необходимым условием является наличие гласного инициального элемента одного из центральных компонентов словосочетания. Если это условие не выполняется, то на базе таких словосочетаний образуются четырехбуквенные аббревиатуры консонантного типа. Здесь выделяется несколько моделей: **Суш.₁ + Прил.₁ + Суш.₂ + Прил.₂**; **Суш.₁ + Суш.₂ род. + (Суш.₃ род. + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад.; **(Прил.₁ + Суш.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **(Суш.₂ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад.; **Прил. + Суш.₁ + Суш.₂ + Суш.₃**; **Суш.₁ + Прил. + Суш.₂ + Суш.₃**; **Суш.₁ + (Суш.₂ род. + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Суш.₃ род.**; **(Прил.₁ + Прил.₂ + Суш. + Прил.₃)**, согл. в роде, чис. и пад.;

<i>ZWUT</i>	<	<i>Zakłady Wytwórcze Urządzeń Telefonicznych</i>
<i>PERN</i>	<	<i>Przedsiębiorstwo Eksploatacji Rurociągów Naftowych</i>
<i>CUGW</i>	<	<i>Centralny Urząd Gospodarki Wodnej</i>
<i>PROP</i>	<	<i>Państwowa Rada Ochrony Przyrody</i>
<i>SAPD</i>	<	<i>System Automatycznego Przetwarzania Danych</i>
<i>FASM</i>	<	<i>Fundusz Akcji Socjalnej Młodzieży</i>
<i>HORT</i>	<	<i>Harcerski Ogólnopolski Rajd Turystyczny</i>

Основой односложных звуковых аббревиатур могут быть и словосочетания, состоящие из пяти или шести полнозначных слов. Здесь также выделяется несколько моделей: **Суш.₁ + Прил.₁ + Суш.₂ + Суш.₃ + Прил.₂**; **(Прил.₁ + Суш.₁ + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад. + **(Прил.₃ + Суш.₂ род.)**, согл. в роде, чис. и пад.; **Суш.₁ + (Прил.₁ + (Суш.₂ род.)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Суш.₃)**, согл. в пад. и чис. + **(Суш.₄ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад.;

<i>SART</i>	<	<i>System Automatycznego Rozliczania Usług Telekomunikacyjnych</i>
<i>WOSPR</i>	<	<i>Wielka Orkiestra Symfoniczna Polskiego Radia</i>
		<i>Stowarzyszenie Polskich Artystów Wykonawców Muzyki</i>
<i>SAWP</i>	<	<i>Rozrywkowej</i>

Небольшая группа односложных звуковых аббревиатур польского языка образуется на основе сочетаний, осложненных сочиненными соединениями слов. Формализация процесса их образования обнаруживает следующие закономерности.

1. Для того чтобы образовать односложную звуковую аббревиатуру на основе сочиненного соединения двух слов, необходимо включать

в состав аббревиатуры союз i : W_1qW_2 . При этом союз сохраняет строчное написание:

$DiP < Doświadczenie i Przyszłość$

2. Количество полнозначных слов в составе производящей основы может быть равным трем. В таком случае для получения аббревиатур рассматриваемого типа применяется способ последовательной инициальной аббревиации компонентов исходных словосочетаний. Союзы не участвуют в создании аббревиатуры, если гласный появляется за счет центрального компонента словосочетания. В таком случае имеются основания рассматривать служебное слово как избыточность структуры производящего наименования. Формула строения аббревиатуры выглядит следующим образом:

$W_1W_2(-q)W_3$.

$BIP < Biuro Informacji i Propagandy$

Если же производящая основа не обладает компонентом, начальный элемент которого гласный, то используются союзы. Структура строения аббревиатуры становится в этом случае $W_1W_2qW_3$. Союз сохраняет строчное написание:

$KNiT < Komitet Nauki i Techniki$

3. Создаются односложные звуковые аббревиатуры и на основе сочиненных соединений слов, где участвует четыре полнозначных слова. Все примеры нашей выборки свидетельствуют об избыточности структуры производящего наименования, поскольку ни в одном случае союз не участвовал в создании аббревиатур. Формулы их строения выглядят следующим образом:

$W_1W_2W_3(-q)W_4$ или $W_1(-q)W_2W_3W_4$.

$CNOS < Centrala Nasiennictwa Ogrodowego i Szkółkarstwa$

$NASK < Naukowe i Akademickie Sieci Komputerowe$

4. Только один пример демонстрирует наличие вариантов при создании односложной звуковой аббревиатуры на основе сочиненных соединений слов: $W_1W_2W_3(-q)W_4$ или $W_1W_2W_3qW_4$. Однако во втором варианте речь уже идет о двусложной звуковой аббревиатуре, поскольку включение союза в ее состав «обеспечивает» образование двух слогов:

$EBOR/ EBOiR [ebor/ eboir] < Europejski Bank Odbudowy i Rozwoju$

В свою очередь, двусложные звуковые аббревиатуры при определенных условиях образуются на базе словосочетаний, состоящих из трех, четырех или пяти полнозначных лексем, а также сочиненных соединений слов. Образуются аббревиатуры рассматриваемого типа способом последовательной инициальной аббревиации компонентов исходных словосочетаний.

Среди базовых моделей двусложных звуковых аббревиатур, состоящих из трех полнозначных слов, выделяются следующие: Сущ.₁ + (Сущ.₂ род. + Прил.), согл. в роде, чис. и пад., Сущ.₁ + Сущ.₂ род. + предл. + Сущ.₃ пред., (Прил.₁ + Прил.₂ + Сущ.), согл. в роде, чис. и пад., (Сущ.₁ + Прил.), согл. в роде, чис. и пад. + Сущ.₂ род.:

<i>OJA</i>	<	<i>Organizacja Jedności Afrykańskiej</i>
<i>CIOK</i>	<	<i>Centrum Informacji o Książce</i>
<i>UPA</i>	<	<i>Ukraińska Powstańcza Armia</i>
<i>CIECH</i>	<	<i>Centrala Importowo-Eksportowa Chemikaliów</i>

Относительно первой модели можно отметить, что обязательным для образования двусложных звуковых аббревиатур является здесь либо наличие двух гласных в основе первого и последнего слов словосочетания, либо наличие сложного слова, которое являлось бы последним компонентом словосочетания. Важно, чтобы инициальный элемент второй значимой части сложного слова был гласным. Во второй модели предлог участвует в структуре аббревиатуры и сохраняет строчное написание. Обязательным является наличие двух слов, инициальные элементы которых являются гласными. За счет этого образуется структура CV[слог]+CV[слог]. В третьей, как и в предыдущих моделях, обязательно наличие двух инициальных гласных элементов. Для образования двусложной звуковой аббревиатуры на основе четвертой модели важно, чтобы в состав словосочетания входило сложное слово (за счет этого в аббревиатуре насчитывается четыре начальных элемента), а также, чтобы оно содержало два компонента с гласными инициальными элементами (за счет этого аббревиатура может произноситься как слово).

Образование двусложных звуковых аббревиатур проходит и на основе словосочетаний, состоящих из четырех полнозначных слов. Применяется способ последовательной инициальной аббревиации компонентов исходного словосочетания. Важным тут является наличие двух гласных начальных элементов в основе компонентов производящего словосочетания, за счет чего и образуется в структуре

аббревиатуры два слога (модели: (Суш.₁ + Прил.₁), согл. в роде, чис. и пад. + (Суш.₂ род. + Прил.₂), согл. в роде, чис. и пад., Суш.₁ + (Прил.₁ + Суш.₂ род. + Прил.₂), согл. в роде, чис. и пад., Суш.₁ + Суш.₂ род. + (Суш.₃ род. + Прил.), согл. в роде, чис. и пад., (Прил.₁ + Суш.₁), согл. в роде, чис. и пад. + (Суш.₂ род. + Прил.₂), согл. в роде, чис. и пад., (Прил. + Суш.₁), согл. в роде, чис. и пад. + Суш.₂ род. + Суш.₃ род., Суш.₁ + (Прил. + Суш.₂ род.), согл. в роде, чис. и пад. + Суш.₃ род., (Прил.₁ + Прил.₂ + Суш.₁), согл. в роде, чис. и пад. + Суш.₂ род.).

Структуры типа VC[слог]+VC[слог], CV[слог]+CV[слог], VC[слог]+CV[слог], CV[слог]+VC[слог]:

<i>AGAD</i>	<	<i>Archiwum Główne Akt Dawnych</i>
<i>ZETO</i>	<	<i>Zakład Elektronicznej Techniki Obliczeniowej</i>
<i>OBOP</i>	<	<i>Ośrodek Badania Opinii Publicznej</i>
<i>PAIZ</i>	<	<i>Państwowa Agencja Inwestycji Zagranicznych</i>
<i>GIOP</i>	<	<i>Główny Inspektorat Ochrony Pracy</i>
<i>SAPI</i>	<	<i>System Automatycznego Przetwarzania Informacji</i>
<i>WOSU</i>	<	<i>Wyższa Oficerska Szkoła Uzbrojenia</i>

Как уже говорилось, двусложные звуковые аббревиатуры могут образовываться также на основе словосочетаний, состоящих из пяти полнозначных слов. Как и в описанных выше случаях образования аббревиатур рассматриваемого типа на других основах, здесь применяется способ последовательной инициальной аббревиации компонентов исходного словосочетания. Точно так же обязательным для образования двух слогов аббревиатуры является наличие двух гласных начальных элементов в основе компонентов производящего словосочетания (модели: Суш.₁ + Суш.₂ род. + (Прил.₁ + Суш.₃ род. + Прил.₂), согл. в роде, чис. и пад., Суш.₁ + Суш.₂ род. + Суш.₃ род. + (Суш.₄ род. + Прил.), (Прил.₁ + Суш.₁), согл. в роде, чис. и пад. + Суш.₂ род. + (Суш.₃ род. + Прил.₂), согл. в роде, чис. и пад., (Прил.₁ + Прил.₂ + Суш.₁), согл. в роде, чис. и пад. + Суш.₂ род. + Суш.₃ род.).

Структуры типа VC[слог]+CVC[слог], CVC[слог]+CV[слог], CV[слог]+CVC[слог]:

<i>CEKOP</i>	<	<i>Centrala Eksportu Kompletnych Obiektów Przemysłowych</i>
<i>OMTUR</i>	<	<i>Organizacja Młodzieży Towarzystwa Uniwersytetu Robotniczego</i>
<i>CODKO</i>	<	<i>Centralny Ośrodek Doskonalenia Kadr Oświatowych</i>
<i>PESEL</i>	<	<i>Powszechny Elektroniczny System Ewidencji Ludności</i>

Большая часть двусложных звуковых аббревиатур польского языка образуется на основе сочиненных соединений слов. Формализация процесса их образования обнаруживает следующие закономерности.

1. Двусложные звуковые аббревиатуры польского языка в своей основе могут иметь бессоюзные соединения слов, количество которых равно пяти: $W_1W_2W_3W_4W_5$.

HAGAW < Henryk, Andrzej, Grzegorz, Andrzej, Włodzimierz

2. Основной причиной включения союза в состав аббревиатуры является возможность создания звуковых аббревиатур. Количество полных слов в составе словосочетания-основы может быть равным трем или четырем. В первом случае включение союза в состав аббревиатуры является обязательным $W_1W_2qW_3$. Благодаря ему аббревиатура начинает читаться как двусложное слово. Если бы союз не входил в состав аббревиатуры, то она читалась бы не иначе как «побуквенно»:

IGiK < Instytut Geodezji i Kartografii

3. В составе трехкомпонентного словосочетания могут обнаруживаться сложные слова. При этом включение второй буквы значимой части сложного слова в состав аббревиатуры является обязательным:

SKOiB < Studium Kulturalno-Oświatowe i Bibliotekarskie

При четырехкомпонентной основе служебный элемент может быть включен в состав аббревиатуры по тем же причинам, что и в случае с трехкомпонентной $W_1W_2W_3qW_4$:

GUGiK < Główny Urząd Geodezji i Kartografii

Некоторые аббревиатуры могут иметь варианты графических форм: союз может сохранять строчное написание, все элементы аббревиатуры записываются прописными буквами или же только первая буква слова пишется прописной буквой:

ZAiKS / Zaiks / ZAiKS < Związek Autorów i Kompozytorów Scenicznych
ZURiT / ZURT [zurit / zurt] < Zakład Usług Radiotechnicznych i Telewizyjnych

Однако возможны и варианты образования аббревиатуры на базе четырехкомпонентного словосочетания: союз может и не входить в ее состав. В таком случае качественно аббревиатура не меняется, она все равно имеет возможность читаться как обычное слово, т.е. является звуковой независимо от участия в ее образовании союза.

4. Имеются основания говорить о служебных словах как об избыточности структуры производящего наименования. Если в словосочетании, на основе которого строится аббревиатура, присутствует два гласных инициальных элемента, то «помощь» служебного слова для образования двусложной звуковой аббревиатуры не нужна. Иными словами, наблюдается опущение служебного слова. Это может происходить независимо от количества компонентов и места, занимаемого союзом:

$W_1W_2(-q)W_3W_4$, $W_1W_2W_3W_4(-q)W_5$ или $W_1W_2W_3(-q)W_4W_5$.

IEOP < *Instytut Ekonomiki i Organizacji Przemysłu*

FARUM < *Fabryka Aparatury Rentgenowskiej i Urządzeń Medycznych*

5. При написании аббревиатур обнаруживаются варианты:

inte, *INTE* [inte] < *informacja naukowa, techniczna i ekonomiczna*

COPIA, *Copia* [copia] < *Centrala Obsługi Przedsiębiorstw i Instytucji Artystycznych*

6. При участии в образовании аббревиатуры служебного слова может наблюдаться опущение одного из полнозначных слов производящей основы $W_1W_2W_3(-q)W_4(-W_5)$:

PUPiK < *Przedsiębiorstwo Upowszechniania Prasy i Książki «Ruch»*

7. Более того, обнаруживаются лексико-структурные расхождения между составом аббревиатуры и составом полного названия: *Robotniczy¹ Oświaty² i³ Kultury⁴ im.⁵ Stefana⁶ Żeromskiego⁷* < $R^1I^3O^2K^4$.

Таким образом, анализ производящих синтаксических структур звуковых аббревиатур показал, что в польском языке аббревиации подвергаются как простые, так и сложные сочетания лексем. Наиболее простым путем, т. е. способом последовательной инициальной аббревиации компонентов исходных словосочетаний, протекает аббревиация простых словосочетаний типа **Сущ. + Прил.**, согл. в роде, чис. и пад. и **Сущ.₁ + Сущ.₂** род. При этом нужно отметить, что двучленные конструкции в качестве производящего наименования оказываются для звуковых аббревиатур нехарактерными. Однозначное соответствие между исходной синтаксической единицей смещается по мере того, как в сферу аббревиации вовлекаются сложные сочетания лексем. В этих случаях механизм аббревиации отклоняется от прямолинейных схем, поскольку в ряде случаев образование сокращенных слов сводится к уменьшению числа компонентов.

Часть звуковых аббревиатур образуется от словосочетаний, осложненных неполнозначными словами: предлогами или союзами. Включение служебных слов (как правило, это предлог *o* или союз *i*) в состав звуковой аббревиатуры обеспечивает прочтение ее как простого корневого слова. Того же эффекта можно достичь включением в состав аббревиатуры начальной гласной буквы первой или второй значимой части сложного слова производящего наименования. Впрочем, включение инициальных элементов значимых частей сложных слов словосочетания-основы в состав аббревиатуры является обязательным независимо от количества компонентов исходного словосочетания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под производящей синтаксической структурой понимается строение «расшифровок», на базе которых образуется аббревиатура.
- ² Материальной базой исследования послужил отобранный путем сплошной выборки фактический материал шести лексикографических изданий и словаря, помещенного в работе Ю. Млодыньского (см. *Источники*).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1979 — Д.И. Алексеев. *Сокращенные слова в русском языке*. Саратов, 1979.
- Борисов 1972 — В.В. Борисов. *Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках*. Москва, 1972.
- Kochański i in. 1989 — W. Kocharński, B. Klebanowska, A. Markowski. *O dobrej i złej polszczyźnie*. Wyd. 3. Warszawa, 1989.
- Młodyński 1974 — J. Młodyński. *Stan badań nad skrótowcami*. Język polski, t. VIII (322), s. 407–416.

ИСТОЧНИКИ

- Młodyński 1986 — J. Młodyński. *Słowniczek. Współczesna polszczyzna*. Pod red. H. Kurkowskiej. Warszawa, 1986, s. 181–186.
- NSPP — *Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN*. Wyd. 2, dodr. Red. Naukowy A. Markowski. Warszawa, 2002.
- Paruch [1992] — J. Paruch. *Słownik skrótów*. [Wyd. 2]. Warszawa, [1992].
- SiS — A. Czarnecka, J. Podracki. *Skróty i skrótowce: pisownia, wymowa, odmiana, składnia*. Warszawa, 1995.

- SPP — *Słownik poprawnej polszczyzny*. 18. wyd. Red. naczelny W. Doroszewski. Warszawa, 1997.
- SSiS — J. Podracki. *Słownik skrótów i skrótowców*. Warszawa, 1999.
- USJP — *Uniwersalny słownik języka polskiego*. T. 1–4. Pod red. S. Dubisza. Warszawa, 2003.
- WSPP — *Wielki słownik poprawnej polszczyzny PWN*. Pod. red. A. Markowskiego. Warszawa, 2007.

I. Tabakova. Poola keele helilised abreviatuurid: tuletavate süntaktiliste struktuuride analüüs

Artikkel esitab helilisi abreviaature tuletavate süntaktiliste struktuuride analüüsi. Poola keele lühenditeks transformeeruvate lekseemiühendite analüüsimisel on arvestatud: a) millise sõnaga on väljendatud määrav ja määratlev komponent; b) lekseemiühendiga väljendatud süntaktiliste suhete tüüpe; c) abisõnade olemasolu või puudumist; d) komponentide järjestust. Vastavalt nendele iseloomustustele kirjeldatakse süntaktilisi baasmudeleid, st sõnaühendite abstraktseid näiteid ehk tüüpe, mis kujutavad endast kõrvalekallet sellistest grammatilisi ja leksikaalsemantilisi iseloomustusi ühendavatest sõnadest, mis on olulised sõnaühendite formaalse ülesehituse ja tähenduse seisukohalt. Süntaktiliste baasmudelite konstrueerimisel avaldatakse sõnaühendi komponentide koosseis leksikaal-grammatiliste sõnaklasside terminites. Üldiselt on kasutatavad üldtarvitatavad lühendid.

Silvo Torkar

Inštitut za slovenski jezik im. F. Ramovša

REBUSI V SLOVENSKI ONOMASTIKI

Toponimi *Bežigrad*, *Možnica*, *Ovsiše*, *Pržanj*, *Vojnik*, *Vuzenica*, priimki *Mahnič*, *Obid*, *Pretnar*, *Stanovnik*

Bežigrad

Ime te današnje ljubljanske mestne četrti v starih zgodovinskih virih ni izpričano, omenja se menda šele v matičnih knjigah 18. stol. kot *Beschehrad* (Valenčič 1989, 18). Na zemljevidu franciscejskega katastra je l. 1825 dvakrat vpisan mtn *Beshigrad* oz. *Beschigrad* (vmes je cerkev sv. Krištofa), nedaleč stran pa še mtn *Za Beshigrad*, vsi trije zapisi pa se nanašajo na njive (k.o. Sv. Petra predmestje). Metelko je kljub temu, da je v prejetem seznamu krajevnih imen (Metelkovo gradiivo 1823) moral videti ime *Beshigrad* in roditeljsko obliko *Beschigrada*, v svoji slovnici (1825, 192) zapisal *Бежѣи град* (asylum), rod. *Бежѣига града*. Ime si je očitno razlagal kot 'pripežališče'. Freyer v svojem imeniku 1846 navaja ime *Beshigrad* kot oznako za imenje (Gut) v župniji Šentpeter (Freyer 1846, 7). Leta 1869 je *Bežigrad* obsegal komaj pet hiš z 58 prebivalci, takrat je bil tu prazen prostor med mestom na jugu in posavskimi vasmi na severu. Po letu 1880 je tod nastala delavska kolonija in z njo Hranilniška ulica, začetek Bežigrajskega predmestja (Vrišer 1956, 46). *Bežigrad* se je kot poimenovanje mestnega predela začel uveljavljati šele v 30. letih 20. stol., od l. 1892 je obstajala le cesta *Za Bežigradom*. Za razliko od *Šiške*, *Viča*, *Most*, *Vodmata* ipd. pa nikoli ni obstajalo vaško naselje z imenom *Bežigrad*. Ljudsko izročilo trdi, da je med obleganjem Ljubljane l. 1472 neki turški beg tod postavil šotor, ki so mu rekli *bežji grad*, torej 'begov grad'. Snoj (2009, 59) je to razlago v celoti sprejel.

Glede na razpoložljive historične vire je jasno, da je ime *Bežigrad* nastalo kot ledinsko ime, zato ni presenetljivo, da se v tej kategoriji imen pojavi tudi drugod po Sloveniji: mtn *Bežigrad* v vasi Potok pri Vačah, k.o. Vače (LiAKZ), mtn (njive) v kraju Bukovžlak ob vzhodnem robu Celja, FK 1825 *Wischegrad* (k.o. Bukovžlak) in dvorec *Bežigrad*, prvič

omenjen l. 1666 kot *Weschigrad*. Leta 1825 izpričani mtn *Beisidolina* (*Bežidolina*) v kraju Polana (k.o. Paneče, o. Laško) razkriva naravo tovrstnih tvorjenk, ki so očitno velelniške zloženke z opuščnim predlogom. *Bežigrad* je nastal iz *bežati v grad*, *Bežidolina* pa iz *bežati v dolino*.

Istega tipa je tpn *Skočidol* na Koroškem < *skočiti v dól* ('dolina'), ne pa < *skočiti dól* ('navzdol'), kot meni Snoj (2009, 377). Proti slednjemu govori zlasti etnik *Skočidolanci*.

Na enak način je tvorjeno krajevno ime *Skočigrm* pri Trebinju v Hercegovini.

Morda smemo v isti tip imen uvrstiti tudi tpn *Pódigrac* v Slovenskih goricah: 1265–1267 *Podegraetz*, 1311 *Podgraetz*, 1314 *Podigretz*, 1344 *Peydigretz*, 1357 *Pograetz*, 1359 *Poydigraetz*, 1444 *Pottegrecz*, 1454 *Poydigretz*, *Podigretz*, 1490 *Potagricz*, 1496 *Podegraetz*, 1780 *Podigracz*, 1822 *Podegratz*, 1824 *Podigratz* (k.o. Podigrac), 1931 *Podigrac*, tudi *Podgrad*, 1937 *Podgrac*. Ime je utegnilo nastati iz mtn **Pojdigradec*, kar spominja na *Bežigrad*. Izpuščanje *-j-* je namreč v nemških zapisih slovenskih osebnih in zemljepisnih imen večkrat izpričano: 1190 *Mogoy* za **Mojgoj*, v 9. stol. *Mohmir* za **Mojmir*, *Comir* za **Gojmir*, 1050 *Goslauuis* < atn **Gojslav*, pojav pa je značilen tudi za čisto slovansko okolje: *Stogovci* (< **Stojgoj*), *Sodražica* (< **Stojdrag*), *Moslavina* (< **Mojslav*).

Res pa je, da je tudi ime *Podgorje* pri Šoštanju leta včasih zapisano *Pödiger*, *Pedegor* (2 od 13 zapisov). Če je *Podigrac* < **Podgradec*, je to rezultat močnega ponemčenja izgovora, kar se v teh krajih na jezikovni meji prav tako dogaja, prim. *Činžat* za *Senožet* (Štrekelj 1906, 48).

Prvotna ledinska imena *Bežigrad*, *Podigrac*, *Bežidolina*, *Skočidol(i-na)*, *Skočigrm* je torej treba razlagati kot: 'beži v grad', 'pojdi v gradec', 'beži v dolino', 'skoči v dolino', 'skoči v grm', ni pa jasno, kakšna je bila motivacija za tovrstno nominacijo. B. Tošović (2000, 275) navaja enako tvorjeni ukrajinski tpn *Guljajpole*.

Možnica

it. *Moggio Udinese*, furl. *Mueč*, rez. *Múžac* (Steenwijk 2005, 84). Merku (1999, 50) ne navaja rezijanske oblike. Ime se v virih pojavlja že od 11. stoletja dalje zaradi tamkajšnjega gradu in benediktinskega samostana, danes pa je kraj tudi sedež občine. V slovenski zgodovinski in geografski literaturi se — vsaj za samostan — večinoma uporablja oblika *Možac*. Historični zapisi: 1072 in 1136 *Mosniz*, 1143 *Mosiniz* itd. (Prampero 1882, 116).

Možnica je tudi ime potoka, doline in zaselka pri Logu pod Mangartom, po potoku je verjetno prešla ime planina *Možnica*. Bezljaj (1961, 38) obravnava to ime pri vodnem imenu *Možica*, nem. *Mosinz* na kor.-štajerski meji, 1147 *Mosinz*, pri razlagi pa izhaja iz neizpričanega apel. **moža* poleg *muža* 'močvirje, mlaka', čeprav priznava, da glasoslovno -o- v tej osnovi ni jasen. Dopusča, da spada sem tudi *Možnica* ali *Mužac*, it. *Moggio*, nem. *Mosach*. Frau (1978, 81) povezuje *Možnico* s slovensko *muža* 'močvirje'. Snój tega imena ne pojasnjuje, pač pa za gorsko ime *Mužci* (pogorje med Rezijo in Tersko dolino) trdi, da izvajanje iz **měžь* ni mogoče, ker na tem območju slovan. *ě* ne preide v *u*, pač pa v *o* (Snój 2009, 277). Če to velja za tersko območje, vsekakor ne velja vselej tudi za rezijansko, saj se občno ime *mož* v vseh štirih govorih glasi *muž* (Steenwijk 2005, 84).

Ime *Možnica* je najverjetneje izpeljano iz antroponima **Měžь* (prim. priimek *Možina* z enim od žarišč v Logu pod Mangartom) z obrazilom -*ьn*- in posamostalitvenim obrazilom -*ica*, podobno kot pri krajevnih imenih *Gorišnica*, *Višelnica*, *Bezgovnice*, *Bregovnice*, *Negojnica*, ali pri vodnih imenih *Bratnica*, *Lahomnica*, *Ljubnica*, *Lobnica* (< **L'ubьnica*), *Malešnica*, *Radušnica*. Rezijanska oblika *Mužac* je konkurenčna različica imena *Možnica*, izpeljana iz iste antroponimske podstave **Měžь*, le z obrazilom -*ьcb*, prim. podobno tvorjene toponime *Nerajec* (Veliki, Mali), *Rajec*, *Unec*.

Koren *mož* je izpričan še v slovenskih krajevnih imenih *Hotemež*, *Hotemaže*, *Radmožanci*, *Rodmošci*, *Možjanca*, v gorskem imenu *Radomažna* in v priimkih *Mozetič*, *Može*, *Mužič*.

Ovsiše

Ovsiše (na *Ovsišah*) so vas pri Podnartu v o. Radovljica, ki se jim v narečju pravi *Vóše* (na *Vóšah*, *Vošáni*) ali tudi *Óvše* (Z. Šmitek, ustno). Lavtižar (1897, 111) piše *Olše* in pripominja, da ljudstvo izgovarja *Ovše*. Historični zapisi so: 1291 *Harlant*, 1481 dorff *Ousischo*, *Haberlandt*, 1689 *Osisch*, 1780 *Vousche*, 1797 *Wouschische* (zemljevid ljubljanske kresije), FK 1826 *Auschische* in 1868 *Ovšiše* (k.o. Češnjica pri Kropi), 1843 *Ovsiše*, nem. *Auschische* (Freyerjev zemljevid Kranjske). D. Čop (1983, 62) je na podlagi narečne imenske oblike *Woše*, ne upošteva srednjeveških zapisov, ime rekonstruiral kot **ol'sane* iz gorenjsko *woša* 'jelša'. Takšno razlago sprejema tudi Snój (Snój 2002, 32; 2009, 298). Za obliko *Ovsiše* meni, da je suženjski prevod nemškega imena *Habern*, ki da je nastalo po napačni razlagi slovenskega imena (!?).

Toda historični zapisi nam izpričujejo drugačno sliko. Pisna tradicija je vseskozi ohranjala prvotno ime **Óvsišče*, medtem ko so *Voše* nastale v mlajšem narečnem razvoju: z vokalno redukcijo *Ovsšče*, z asimilacijo *Ovše*, z gorenjsko monoftongizacijo *Oše*, s protezo *Voše*. Za prvotni naglas na vzglasju govori celotni razvojni potek. Podoben razvoj je doživel tudi toponim *Jagršče* (< **Jágodišče*), zlasti pa enako umetno naglašeni imeni *Laziše* in *Lažiše* (pri Laškem in Dobju pri Planini pri Sevnici) ob lokalni izgovarjavi *Laše* in pridevniku *lážaški* (za *Lažiše*), ki kaže na prvotni naglas **Lázišče*. Obstaja še vrsta krajevnih imen na *-išče*, ki niso naglašena na tej priponi, prim. *Gráhovše*, *Gróbišče*, *Jarše*, *Kozáršče* in *Kozárišče*, *Lajše*, *Lašče*, *Lógaršče*.

Oblika *Ovsiše* je potemtakem vendarle bistveno bližja izvirnemu stanju, saj je narečni razvoj ime spremenil do neprepoznavnosti. Zanimiv je zapis *Ousischo* iz leta 1481, saj še ohranja stanje tik pred gorenjsko monoftongizacijo diftongov, ki jo lahko nazorno zasledujemo v tpn *Noše* (< **Novše*) pri Brezjah: 1458 *Nawssach*, 1469 *Nawschach*, 1498 *Noschach*, 1689 *Nosseshah*.

Ime *Ovsiše* je do narečne oblike *Voše* v enakem razmerju kot sta imeni *Laziše* in *Lažiše* do narečne oblike *Laše*. *Ovsiše*, *Laziše* in *Lažiše* se danes umetno naglašajo na drugem zlogu, čeprav je prav nekdanji naglas na prvem zlogu povzročil redukcijo v *Ovše* in *Voše* ter *Laše*.

Tako *Laziše* (k.o. *Laziše*) kot *Lažiše* (k.o. Mrzlo Polje) so v FK 1825 enako zapisane kot *Laschische*.

Pržanj

Nekdanja vasica *Pržánj*, ki je ob popisu l. 1817 (Haupt-Ausweiss 1817) štela komaj 11 hiš in 68 prebivalcev, je od leta 1975 del Ljubljane. Še ne dolgo tega so ime pisali *Pržanj*, v zadnjih letih pa je kdove zakaj prevladala pisava *Pržan*. Bezljaj (1961, 125) je ime tamkajšnjega potoka *Pržanec* in tpn *Pržanj* izvajal iz apelativa *prga* 'z ilovico in apnom pomešani pesek, grušeč', s čimer se je strinjala tudi M. Furlan (M. Furlan pri Bezljaj 1995, 301). M. Snoj (2009, 336) je tpn *Pržan* razložil iz predložne zveze pri *Žanu*, češ da je bila v vasi nekdanj kmetija z imenom *Žan*.

Toda historični zapisi v celoti demantirajo to ljudskoetimološko razlago. Dovolj je, če pogledamo katastrski zemljevid iz l. 1826 (za opozorilo se zahvaljujem arheologu I.M. Hrovatinu, prim. e-pismo z dne 31.1. 2008), na katerem je ime vasi vpisano kot *Preschgain*, poleg vasi ležeče njive pa *Na Persain* (k.o. Dravlje). Popis 1817 prav tako navaja obliko *Preschgain*, medtem ko v seznamu slovenskih krajevnih imen na

Kranjskem, ki so ga na Metelkovo prošnjo leta 1823 izdelali lokalni pisarji, za *Pržanj* najdemo zapis *Preshgain*, rod. *Preshgaina* (Metelkovo gradivo 1823). Sam Metelko je v svojem zveščiču to ime zapisal kot *Preshganje*. Freyer je v svojem imeniku (Freyer 1846, 79) zapisal *Pershàn*, nem. *Preschgain* (župnija Šentvid), na nekem drugem mestu v istem imeniku pa nem. *Preschgain* (*Preshgánje*), slov. *Pershan* (1846, 88). V oklepajih je podal poknjženo obliko, ki pa se očitno ni uveljavila.

Vzhodno od Ljubljane je na dolenskem narečnem območju vas *Prežgánje* (na *Prežgánjem* ali na *Prežgánju*), ki ima enake historične zapise kot *Pržanj*: FK 1826 *Preshgain* (k.o. Volavlje), 1780 *Presganje*, 1689 *Presgain*. Freyer jo je v svojem Imeniku zapisal nem. *Preschgain*, slov. *Preshgánje*, župnija *Preschgain* (1846, 88).

Iz navedenega historičnega in primerjalnega gradiva je jasno, da je imenska oblika *Pržanj* nastala v gorenjskem narečnem razvoju iz starejše oblike **Prežganje*. Zaradi oslavljenega izgovora zapornika *g* je ta sčasoma lahko celo izginil, npr. na Koroškem *žganki* 'žganci' > *žanki* (Ramovš 1924, 248). Zaporniški *g* se je začel izgovarjati oslavljen na večjem delu koroškega in primorskega območja ter delu severovzhodnega gorenjskega narečja. V preteklosti je bil obseg ozemlja z oslavljenim zapornikom precej večji, o čemer pričajo historični zapisi, npr. 1130 *Roas* za Rogatec, pozneje *Rohats*, *Rohas* itd., zapisi *Saloch* za Zalog pri Ljubljani in Novem mestu v 14. stol. itd. (Greenberg 2001, 34). Ponekod je *g* postal priporniški, ponekod je celo izpadel, npr. na Kneži na Koroškem: *putane* 'potegne', *uh* 'gluh', ali na Obirskem, kjer *g* izpade med vokaloma: *čawe* 'čigavi', v Tacnu pri Ljubljani *žyave*. Popoln izpad *g*-ja zasledimo tudi v vzhodnih rezijanskih in terskih govorih. M. Snoj je Greenbergu sporočil, da so v Tacnu še okrog 1970 izgovarjali priporniški *g*, kar je danes skoraj v celoti izginilo. Ta podatek kaže, da so na območju gorenjskega narečja severozahodno od Ljubljane v začetku 19. stol. *g* izgovarjali priporniško, kar je zlahka vodilo tudi k njegovemu izginotju.

Tpn **Prežganje* je nastal iz glagola *prežgati*, ki verjetno niti ni povezan s požiganjem kot načinom krčenja zemlje, pač pa z žganjem železove rude, saj so arheologi na Pržanju prav v najnovejšem času odkrili staroslovansko naselje z intenzivno predelavo železa iz 8. in 9. stoletja.

Vojnik

Pintar (1912, 49; 1914, 462) in za njim Ramovš (1924, 248) sta ta toponim iz okolice Celja izvajala iz domnevnega apelativa **hvojniki*, medtem ko se je Bezljaj (1961, 308) nagibal bodisi k izvajanju iz slovanskega

antroponima na *Voj-* ali iz glagola *viti*. Bezljaj med toponimskimi paralelami za apelativ *hoja* ni navedel imena *Vojnik* niti v ESSJ (1976, 199). Snój pri Bezljaju (2005, 336) je še dopuščal povezavo tpn *Vojnik* z glagolom *vojevati*, v svojem slovarju (2009, 464) pa se je vrnil k Pintarjevi razlagi. Za nemške zapise *Hoheneke*, *Hohenek* ipd., ki so izpričani že od leta 1165, meni, da so ljudskoetimološko prenašeni in da predstavljajo le transpozicijo slovenskega imena **Hvojnik* v nemško zveneče ime *Hohe-neck* s pomenom 'visoko brdo'.

V resnici gre za ravno obraten proces: nemško ime *Hoheneck* (od prvih zapisov dalje se je nanašalo na nekdanji grad, sedež gospodov Vojniških) je bilo v slovenskih ustih prenašeno in glasovno podomačeno v *Vojnik*: **Onek*, **Ojnek*, **Ojnik*, nato s protezo v *Vojnik*. Glede pojavov proteze *v-* na Štajerskem prim. hdn in tpn *Vogljajna* < *Oglajna* (še 1780 potok *Oglania*, vas *Oglan*, 1825 vas *Vogleina*), *Volog* < *Olog*, *Vopovlje* < *Opovlje*, *Vuzenica* < *Osenica*.

Neposredno primerljivo je kočevsko krajevno ime *Ónek*, nem. *Hohe-negg*, v urbarju 1574 *Honekh* (Simonič 1935, 64), 1581 *Honec*. Tudi *Vojnik* ima iz leta 1202 zapis *Onec* (Kos Gr. 1902–1928, V, 11), B. Hacquet ga 1782 zapiše *Voinik*. S podobnim podomačevanjem nemških zloženih imen z elementom *-eck* 'brdo' so nastala imena *Podlehnik* za nem. *Liechtenegg* (Krempel 1845: na *Podlihtneki*), *Rifnik* za *Reicheneck*, *Žebnik* za *Sibenegg*, *Durnik* za *Durreneck*, *Vrčnek* za nem. *Schwarzeneck*. Nemci so prevedli slovensko ime *Rakovnik* v *Kretzenbach* (< *Krebzenbach*), Slovenci pa so ga prenašali s svojim obrazilom v *Recenjak*. Slovenci so prevzeli tudi glasovno ponemčeno ime *Dornava* < **Trnava* in *Spuhlja* < *ze Puhel* 'pri gorici'.

Iz **Hvojnik* bi prej pričakovali **Hojnik*, saj je za slovenski glasovni razvoj značilno ravno izpadanje *v-*ja: **hvoja* > *hoja*, **stvōriti* > *storiti*, **tvŕdŕb* > *trd*, *cvreti* > *creti* (nar.) itd.

Prim. tpn *Fojke*, domačija v Sv. Ožboltu, južno od Škofje Loke, z zapisi *Hoykh* 1421, *Choyky* 1441, *Choiki* 1501, ali *Hojče* v o. Ribnica, 1780 *Hoische*, 1825 *Hoitsche*, mtn *Hoiske Nive* (k.o. Sv. Gregor), *Podhojni Hrib* v o. Velike Lašče, 1463 *Vnder dem Perg*, 1780 *Schellin*, FK 1823 *Podhoinihrib* (k.o. Krvava Peč).

Iz **Podhojnik* je gotovo ime zas. *Pokojnik* (Mrzla Planina v o. Sevnica), 1436 *Pokoynikg*, 1527 *Pochonick* (Koropec 1988, 222), ki je obenem tudi gorsko ime. *Pokojnica* v o. Ivančna Gorica ima zapis 1460 *Pakho-nitz*, 1780 *Pokoinicza*, *Pokojišče* v o. Borovnica pa 1780 *Pokoinik*. Oboje

verjetno < **Podhojnica* oz. **Podhojnik*. Izpadanje *d*-ja je v slovenskih toponimih s predlogom *pod* zelo razširjeno, prim. *Poljubinj* < **Podljubinj*, *Pokljuka* < **Podkljuka*, nar. *Pogara* < **Podgora* itd. Snoj (2009, 317) razlaga (po Badjuri 1953) *Pokojišče* kot 'počivališče', kar je nadvse vprašljivo. Današnja oblika je z naglasom vred glede na zapis iz l. 1780 najverjetneje rezultat preosmišljenja in adaptacije, saj domnevni apelativ **pokojišče* tudi besedotvorno ni verjeten. Prehod *h* > *k* je v slovenski toponimiji pogosto izpričan, prim. *Kleviše* < **Hlevišče* (zas. vasi Tepe v o. Liti-ja), *Kotredež* < **Hotedraž* (o. **Zagorje** ob Savi), *Kotlje* < **Hotlje* (o. Ravne na Koroškem).

Vuzenica

Vuzenica je naselje ob Dravi vzhodno od Dravograda, ki se v historičnih virih pojavlja od leta 1238 pa vse do 19. stol. izključno s polimorfnim nemškim imenom *Saldenhofen* (nastalim iz druge podstave kot slovensko). Narečna oblika se glasi *Vuznica* (akad. Z. Zorko, ustno), vendar velika večina danes pozna le še obliko *Vúzenica* (B. Rajh, ustno). Snoj (2009, 472) izvaja to ime iz *(v)gzenъ, to pa iz *(v)gziti 'ožiti', ali iz *(v)gzina 'ožina'.

Toda redki slovenski zapisi iz prve polovice 19. stol. nam omogočajo drugačno rešitev. Schmutz (1822, 429, 431) navaja *Saldenhofen*, windisch *Ofsenitz* – *Terg* in *Ofsenitz* – *Wefs*.

Krempf (1845, 169) omenja ta toponim kot *Vusenice*, v' *Vusenica*h, avtorji knjige Slovenski Štajer (1868, 25, 81) pa že pišejo *Vuzenica*, pri *Vuzenica*h, a tudi *Vozenica* (1870, 111), ki jo najdemo še v reviji Kres (Navratil 1886, 276) pa že piše *Vuzenica*, pri *Vuzenica*h. V knjigi Slovenski Štajer (1868, 111) in reviji Kres (Navratil 1886, 276) najdemo tudi različico *Vozenica*.

Zdi se, da je bistvenega pomena prav slovenski zapis imena iz leta 1822. V njem je mogoče prepoznati apelativ *osenica*, kar je staro poimenovanje rastline *Medicago lupulina* ali *hmeljna metlika* (Praprotnik 2007, 48) oz. *hmeljna meteljka* (Trpin, Vreš 1995, 61), bolj znane pod imenom *lucerna* (SSKJ 1970–1991), rus. люцерна хмелевидная. Zemljepisna imena so pač nastajala tudi iz imen manjših rastlin, prim. tpn *Čeplez*, *Kopriva*, *Metlika*, *Bršljin*, *Čimerno*.

Verjetna rekonstrukcija za tpn *Vuzenica* je zato *(v)gsēnica, kar je enako rekonstrukciji za zoonim *gosenica* oz. fitonim *osenica*. *(V)gsēnica je posamostaljeni pridevnik *gsēnъ 'kosmat, dlakav', izpeljan iz psl. *(v)gsъ 'dlaka', prim. polj. wqs, rus. yc 'brk' (Boryś 2005, 158).

Razvoj je torej potekal po stopnjah: *Osenica* > *Vosenica* > *Vusenice* > *Vusnice* > *Vuznice* oz. *Vuznica* > *Vuzenica* > *Vúzenica*. Glede proteze v-na Štajerskem gl. *tpn Vojnik*.

Zvenečnostna premena *s* > *z* je v slovenski toponimiji večkrat izpričana, ne samo ob zvočniku *r* (*Porezen* < *Porzen* < **Podvresen*, *Modrzele* < **Motore sele*), pač pa tudi ob zvočnikih *m* in *n* (*Kozmerice* < *Kosmerice* < **Gostmirica*). Sem se uvršča tudi *Vuzenica*. Podobno zvenečnostno premeno zasledimo tudi v nar. apelativu *guoznca* 'gosenica' v Zafostu pri Slovenski Bistrici (gradivo za SLA, v zvezku, hrani dialektološka sekcija Inštituta za slovenski jezik F. Ramovša; za posredovani podatek se zahvaljujem kolegici M. Furlan).

LITERATURA

- Badjura 1953 — R. Badjura. *Ljudska geografija*, Ljubljana, 1953.
- Bezljaj 1956–1961 — F. Bezljaj. *Slovenska vodna imena*. I–II. Ljubljana, 1956–1961.
- Bezljaj 1976 — F. Bezljaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Prva knjiga, A–J. Ljubljana, 1976.
- Bezljaj 1995 — F. Bezljaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Tretja knjiga, P–S. Dop. in ur. M. Snoj in M. Furlan. Ljubljana, 1995.
- Bezljaj 2005 — F. Bezljaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Četrta knjiga, Š–Ž. Avtorji gesel F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan, ur. M. Snoj in M. Furlan. Ljubljana, 2005.
- Boryś 2005 — W. Boryś. *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.
- Čop 1983 — D. Čop. *Imenoslovje zgornjesavskih dolin*. Disertacija. Ljubljana, 1983.
- ESSJ 1974–2010- — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. 1–36. Под ред. О.Н. Трубачева. Москва, 1974–2010-.
- Frau 1978 — G. Frau. *Dizionario toponomastico Friuli Venezia Giulia*. Udine, 1978.
- Greenberg 2001 — M. Greenberg. *Расцвет и падение лениции взрывных в словенском языке*. Вопросы языкознания. Москва, 2001, № 1, с. 31–42.
- Metelko 1825 — F. Metelko. *Lehrgebäude der slowenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen*. Laibach, 1825.
- Pintar 1910–1915 — L. Pintar. *O krajnih imenih*. Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1910–1915.
- Ramovš 1924 — F. Ramovš. *Historična gramatika slovenskega jezika*. II. Konzontizem. Ljubljana, 1924.

- Snoj 2002 — M. Snoj. *O etimologiji osebnih in zemljepisnih imen na Slovenskem*. Jezikoslovni zapiski. Slovensko imenoslovje. Ljubljana, 2002, letnik 8, št. 2, s. 37–40.
- Snoj 2009 — M. Snoj. *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana, 2009.
- Steenwijk 2005 — H. Steenwijk. *Piccolo dizionario ortografico resiano/ Mali bisidnik za tō jošt rozajanskē pisanjē*. Padova, 2005.
- Štrekelj 1906 — K. Štrekelj. *Razlaga nekterih krajevnih imen po slovenskem Štajerju I*. Časopis za zgodovino in narodopisje. Maribor, 1906, 3, s. 41–64.
- Šumrada 1987 — J. Šumrada. *O popravilu bovške ceste na preloma iz 14. v 15. stoletje*. Zgodovinski časopis, 41, Ljubljana, št. 2, s. 313–319.
- Tošović 2000 — Б. Тошович. *Глагольность ономастических композитов*. Słowiańskie composita antroponimiczne. Pod red. St. Warchoła. Lublin, 2000.

VIRI

- Freyer 1846 — H. Freyer. *Alphabetisches Verzeichniss aller Ortschafts- und Schlösser-Namen des Herzogthums Krain*. Laibach, 1846.
- Haupt-Ausweiss 1817 — *Haupt-Ausweiss über die Eintheilung des Laibacher Gouvernementsgebiete in Provinzen, Kreisen, Sektionen, Bezirke-Obrigkeiten, Hauptgemeinden, Untergemeinden und Ortschaften, nebst deren Häuser- und Seeleangahl im Jahre 1817*. Laibach, 1817.
- FK — *Franciscejski kataster*. URL: <http://www.arhiv.gov.si/>.
- Koropec 1988 — J. Koropec. *Slovenski del Štajerske v davčnem seznamu glavarine leta 1527*. Časopis za narodopisje in zgodovino, 1988, št. 2, s. 216–277.
- Kos 1902–1928 — F. Kos. *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku (do leta 1246)*. I–V. Ljubljana, 1902–1928.
- Kos 1975 — M. Kos. *Gradivo za historično topografijo Slovenije (za Kranjsko do leta 1500)*. I–III. Ljubljana, 1975.
- Krempl 1845 — A. Krempl. *Dogodivšine Štajerske zemle*. Gradec, 1845.
- Lavtižar 1897 — J. Lavtižar. *Zgodovina župnij in zvonovi v dekaniji Radolice*. Ljubljana, 1897. Spletna stran Statističnega urada RS. URL: <http://www.stat.si/imena.asp>.
- LiAKZ 2003 — *Datoteka ledinskih imen Agencije RS za kmetijske trge in razvoj podeželja*. Ljubljana, 2003.
- Merkù 1999 — P. Merkù. *Slovenska krajevna imena v Italiji. Priročnik/ Toponimi sloveni in Italia*. Manuale. Trst, 1999.
- Metelkovo gradivo 1823 — *Metelkovo gradivo: sezname krajevnih imen na Gorenjskem, Dolenjskem in v Beljaškem okrožju v nemščini in slovenščini, pripravljeni za Metelko*. Rokop. zbirka NUK, MS 416, 1823.
- Navratil 1886 — I. Navratil. *Narodnostne razmere na spodnjem Štajerskem*. Kres 6. Celovec, 1886.

- Pramero 1882 — A. Di Pramero. *Saggio di un glossario geografico friulano dal VI al XIII secolo*. Venezia, 1882.
- Otorepec 1995 — B. Otorepec. *Gradivo za slovensko zgodovino v arhivih in bibliotekah Vidma (1270–1405)*. Ljubljana, 1995.
- Praprotnik 2007 — N. Praprotnik. *Henrik Freyer in njegov seznam slovanskih rastlinskih imen (Verzeichniß slavischen Pflanzen-Namen) iz leta 1836*. Scopolia, 2007, št. 61, s. 1–99.
- Schmutz 1822–1823 — C. Schmutz. *Historisch Topographisches Lexikon von Steyermark*. I–IV. Gratz, 1822–1823.
- Simonič 1935 — I. Simonič. *Kočevarji v luči krajevnih in ledinskih imen*. Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo XVI. Ljubljana, 1935, s. 61–81, 106–121.
- Slovenski Štajer 1868 — *Slovenski Štajer. Dežela in ljudstvo*. I. Ljubljana, 1868.
- SSKJ 1970–1991 — *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
- Trpin, Vreš 1995 — D. Trpin, B. Vreš. *Register flore Slovenije. Praprotnice in cvetnice*, Ljubljana, 1995.
- Vrišer 1956 — I. Vrišer. *Razvoj prebivalstva na območju Ljubljane*. Ljubljana, 1956.
- Valenčič 1989 — V. Valenčič. *Zgodovina ljubljanskih uličnih imen*. Ljubljana, 1989.

SEZNAM KRAJŠAV

atn – antroponim, antroponimski	os. i. – osebno ime
apel. – apelativ	polj. – poljski (-o)
hdn – hidronim	psl. – praslovanski (-o)
it. – italijanski (-o)	rez. – rezijansko
k.o. – katastrska občina	rus. – ruski (-o)
mtn – mikrotoponim	slov. – slovenski (-o)
nem. – nemški (-o)	tpn – toponim
o. – občina	zas. – zaselek

S. Torkar. Sloveenia onomastika reebused

Sloveenia keele materjalil vaadeldakse toponüümide *Bežigrad, Moznica, Ovsišše, Pržanj, Vojnik, Vuzenica* päritolu.

**Наталья Николаевна Богданова,
Ольга Николаевна Бурдакова
Тартуский университет –
Нарвский колледж Тартуского университета**

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ОДНОГО ИЗ НЕПРОДУКТИВНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ ГЛАГОЛОВ

Морфология русского языка – типология русского глагольного словоизменения – продуктивные и непродуктивные классы глаголов – I-й непродуктивный класс – объем класса – частота употребления в речи – значимость класса в системе языка.

Традиционное для современной русистики противопоставление в системе русского глагольного словоизменения продуктивных и непродуктивных классов глаголов впервые было предложено С.И. Карцевским в написанной и опубликованной на французском языке в Париже в 1927 г. докторской диссертации «*Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique*» (Карцевский 2004), а затем приведено в вышедшем в московско-ленинградском издательстве годом позже «Повторительном курсе русского языка» (Карцевский 2000). В указанных работах тогда член Пражского лингвистического кружка, а позднее известный представитель женевской лингвистической школы впервые дал подробное описание продуктивных, «типичных» для современного ему состояния языка морфологических классов глаголов и непродуктивных, «грамматически ‘мертвых’» (по его выражению) (Карцевский 2004, 89) групп. В кругу последних на первое место Карцевский поставил весьма многочисленную и, скажем прямо, неоднородную в плане формообразования группу глаголов I спряжения на *a(-ть)* (см. *схему 1*). Сам Карцевский обращал внимание на отсутствие единства в составе очерченной им группы и предлагал дальнейшее деление глаголов

«на три неравных группы в зависимости от их основы: 1) основа на *-j-*: *баять* – *бают* (20 глаголов); 2) основа на носовой согласный: *отнять* –

отнимут, распять – распнут (29 глаголов) и 3) основа, не содержащая ни *-j-*, ни носового: а) глаголы односложные в инфинитиве: *брать – берут, врать – врут* (15 глаголов) и б) глаголы в инфинитиве двусложные или многосложные (93 глагола)» (Карцевский 2004, 92).

Бесприставочные глаголы, принадлежащие этому первому по счету непродуктивному классу («непродуктивной группе А» — в терминологии С.И. Карцевского (Карцевский 2004, 89)), автор представил в виде законченного списка и впервые, таким образом, определил объем класса — 157 единиц.

Идеи С.И. Карцевского поддержал и развил в ставшем классикой русской морфологии фундаментальном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (Москва, 1947) другой видный ученый XX в. — академик В.В. Виноградов. Не ставя своей целью в рамках данной статьи дать подробную историю становления и развития классификации типов русского глагольного словоизменения, подчеркнем, что В.В. Виноградов при описании непродуктивных групп окончательно отграничил в классификации глаголы на *а(-ть)*, утрачивающие гласный *а* в формах наст. вр., от всех прочих глаголов I жения на *а(-ть)* и объединил, таким образом, в одну группу три ряда слов: «а) *алкать – алчут*<...>; б) *врать – врут* <...>; в) *брать – берут*» (Виноградов 2001, 369–370). Несколько сузив (см. *схему I*) состав 1-го непродуктивного класса (далее — НК), Виноградов, однако, не определил его размер, хотя при описании других непродуктивных групп последовательно называл число входящих в каждую из них глагольных основ (см. Виноградов 2001, 370–373).

Еще дальше по пути сужения первого по счету НК пошел другой выдающийся ученый — академик А.В. Исаченко. Используя современную терминологию, можно сказать, что он выделил в отдельную группу имеющие окончание *-ут* в 3 л. мн.ч. глаголы на *а(-ть)* с соотношением основ *а ~ Ø*, у которых образование форм настоящего времени сопровождается историческими чередованиями конечных согласных в основе (свистящих с шипящими, губных с губными + *л* и др.) (Исаченко 2003, II, 67–71), обособив их от примыкающих к этой непродуктивной группе т.н. «изолированных глаголов» (см. *схему I*).

Состав 1-го непродуктивного класса в классификациях...

С.И. Карцевского		В.В. Виноградова			А.В. Исаченко					
непрод. гр. А	мазать... орать, сосать...	брать, врать, лгать, слать...	непрод. гр. I	мазать, писать, плакать, сыпать...	орать, сосать, врать, ждать, лгать...	брать, драть, звать	непрод. кл. (VI)	мазать, писать, плакать, сыпать...	слать, стлать, орать, лгать, сосать врать, ждать, жрать, рвать... брать, драть, звать	глаголы, прим. к VI кл.
	сеять...			лгать	сеять, таять...			лгать, сеять...		
	отнять, распать...			взять, нанять...; начать...; жать, мять		окаменел. глаголы		принять...; взять, объять... жать, начать		

Таким образом, к концу XX в. в морфологии выработалось несколько подходов к объединению глаголов в НК/ группы. Первый, назовем его условно **«широким»**¹, сводит в один класс практически все глаголы на *а(-ть)* I спряжения. При другом — **«суженном» подходе** — в один класс группируется лишь часть глаголов на *а(-ть)* I спряжения с соотношением основ инфинитива и наст. вр. *а ~ Ø* (без учета чередований и характера конечных согласных в основе). Такая точка зрения, восходящая к трудам В.В. Виноградова, находит сегодня отражение во многих новых и переизданных (с поправкой на современное состояние науки) старых учебных пособиях для вузов (см. Гвоздев 2009, 393; Голанов 2007, 191; Чепасова, Казачук 2007, 372) и справочных изданиях (см. РЯ 1998, 84–85; ЭССЛТП 2008, 811). Наконец, при дифференцированном, **«узком» подходе** глаголы I спряжения с одинаковым соотношением основ *а ~ Ø* подразделяются на четыре непродуктивные группы в зависимости от наличия/ отсутствия чередований согласных в конце глагольной основы, «беглых» гласных в корне, а также характера последних согласных глагольной основы. В этом случае 1-му НК принадлежат только глаголы I спряжения на *а ~ Ø* с историческими чередования-

ми согласных в основе. Узкого понимания состава непродуктивных словоизменительных групп глаголов придерживался А.В. Исаченко, а вслед за ним авторы целого ряда учебников (см. Лопатин 2001, 549). Узкому пониманию объема 1-го НК будем следовать и мы в настоящей статье.

Сведения об объеме 1-го НК в литературе немногочисленны и несколько противоречивы: с одной стороны, одни и те же цифры фигурируют в рамках разных подходов, с другой стороны — различаются у сторонников одного и того же подхода к определению состава и границ класса. Так, наиболее широко толковавший состав класса С.И. Карцевский приводит в (Карцевский 2004, 89–92) списком, как уже отмечалось выше, 157 глаголов; в другой работе (Карцевский 2000) называет то же число («около 160»). Последователь В.В. Виноградова, приверженец «суженного» подхода к определению состава 1-го НК А.Н. Гвоздев, исчисляет его все теми же 160 единицами (Гвоздев 2009, 393; см. также ЭССЛТП 2008, 811), хотя, следуя данным Карцевского о количестве единиц трех «неравных» групп внутри непродуктивной группы А, их должно было быть на 29 меньше. Наконец, А.В. Исаченко, очень узко понимавший 1-й НК, оценил его объем довольно неточно: в «несколько десятков бесприставочных глаголов» (Исаченко 2003, II, 67), В.В. Лопатин насчитал «всего около 80 глаголов» (Лопатин 2001, 549), а А.М. Чепасова и И.Г. Казанчук — «около 100» (Чепасова, Казанчук 2007, 372). Число глаголов 1-го НК в «узком» понимании самим Карцевским установлено не было, мы обнаружили в его списке 84 таких глагола.

Отмеченные расхождения свидетельствуют о необходимости проведения ревизии глаголов 1-го НК. Значение ее возрастает, если принять во внимание тот факт, что, с тех пор как С. И. Карцевский составил «списки глаголов грамматически мертвых» (Карцевский 2004, 89–92), в составе класса могли произойти изменения: отдельные находящиеся на периферии класса устаревающие глаголы могли окончательно выйти из употребления, иные — перейти в разряд устаревающих, третьи — «мигрировать» в другие словоизменительные классы. Иными словами, развитие класса могло пойти по пути разрушения. **Каковы в таком случае состояние и степень его сохранности в настоящее время?** Казалось бы, для ответа на этот вопрос достаточно просто подвергнуть анализу приведенные Карцевским в списке глаголы 1-го НК с точки зрения их принадлежно-

сти к активному / пассивному запасу языка. Однако, несмотря на стремление автора «насколько возможно тщательнее» (Карцевский 2004, 89) составить списки глаголов непродуктивных групп, некоторые единицы могли ускользнуть от его внимания (круг источников, на которые опирался ученый при составлении своих списков, обнародован не был), полнота приведенного перечня никем не проверялась.

Вопрос: Сколько всего лексем с приставками и без включает обсуждаемый НК на современном этапе развития языка? Полученный в ходе настоящего исследования ответ: всего 700 словарных единиц², из них около сотни (94) разнокоренных с позиции синхронии. Объем статьи не позволяет привести полный список бесприставочных глаголов интересующего нас класса (как это было сделано в работе: Карцевский 2004, 89–92), однако разрешает дополнить этот список глаголами, которые явно бытовали во времена И. С. Карцевского (многие еще с древне- и среднерусского периода развития языка) и уже фиксировались старыми словарями, однако, видимо, просто не попали в поле зрения ученого (1), либо не вошли в составленный им список, поскольку рассматривались автором как производные приставочные образования (2):

- (1) нар.-разг. *болботать*, нар.-разг. *воркотать*, устар. *глаголатъ*, *клеекотать*, *клектать*³, *клохтать*, разг. *Курлыкать*⁴, нар.-разг. *Реготать*, *снискать*, разг. *топотать*, разг. *турлыкать*, *тыкать*₁ (*Т. вилы в копну*), *тыкать*₂ (*Т. стариим*)⁵, разг. *хлыстать*, *цокотать*;
- (2) *доказать*, *заказать*₁ (*З. новое оборудование*), разг. *заказать*₂ (*Говорить об этом никому не закажешь*), *наказать*₁ (*Н. по всей строгости закона*), разг. *наказать*₂ (*Мать наказала дочери вымыть окна*), *оказать*, *отказать*₁ (*О. в помощи*), нар.-разг. *отказать*₂ (*О. кому-л. дом*), *показать*, *приказать*, *сказать*, *указать*.

Синхронный объем класса, измеренный в лексемах и корнях, по праву может считаться одним из критериев объективной оценки системной значимости класса на момент измерения, однако мало что говорит о его продуктивности в тот же период времени и может быть всего лишь красноречивым свидетельством его бурного роста в прошлом. Так, объем рассматриваемого НК в лексемах заметно (почти на 17%) превышает (!) объем II продуктивного класса (далее — ПК) глаголов (с соотношением основ $e \sim ej$), а по количеству производных основ значительно (более чем в два раза) уступает последнему (подробнее об объеме II ПК глаголов см.: Богданова, Бур-

дакова 2011б). Налицо более высокая деривационная активность (внутриглагольное словообразование) глаголов 1-го НК, которая, с одной стороны, может быть связана с их более древним происхождением (положение нуждается в проверке), с другой — может быть обусловлена особой словообразовательной (инхоативной) семантикой глаголов типа *белеть*. И то и другое — самостоятельные научные задачи, выходящие за рамки данной статьи.

Совсем по другому поводу, выделяя особый тип «идеологического» (теперь мы бы сказали идеографического) словаря, в программной статье «Опыт общей теории лексикографии» Л.В. Щерба писал:

«Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это в сущности говоря формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений (так и печаталось между прочим в старых словарях: заглавное слово повторялось столько раз, сколько у него было значений). Это вытекает из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а словах-понятиях» (Щерба 1940, 107).

Не собираясь вступать в дискуссию о том, что именно является единицей словаря: слово во всей совокупности значений (т. е. лексема в традиционном понимании, «фонетическое слово» у Л.В. Щербы и «вокабула» в известной теории «СМЫСЛ \leftrightarrow ТЕКСТ») или слово в отдельно взятом значении (ЛСВ, «слово-понятие» и лексема — в трех обозначенных терминосистемах), подчеркнем, что глубина семантической структуры, суммарное и среднее количество значений, выражаемых глаголами класса, не менее (а может, даже более) важны для понимания его места, оценки значимости в языке, чем общее количество лексем в составе класса⁶.

Табл. 1. Доля одно- и многозначных глаголов в составе II продуктивного и I-го непродуктивного классов, %

	I непрод. кл. (тип <i>сказать</i>)	II прод. кл. (тип <i>иметь</i>)
1 значение	46,71	60,77
2 значения	26,43	28,05
3 значения	12,86	7,51
4 значения	5,57	3,17
5 значений	3,86	0
6 и более значений	4,57	0,5

Анализ показывает, что суммарное количество ЛСВ глаголов типа *сказать* (1497 единиц) превышает сумму ЛСВ глаголов типа *иметь* (926), что в целом ожидаемо, но вовсе не обязательно: гипотетически можно представить вариант, когда из двух классов меньший по количеству лексем оказывается большим или равным по сумме выражаемых значений. Разрыв между классами не сократился, а вырос с 1,17 раз (при лексемном учете) до 1,62 раз (при подсчете значений). Средняя глубина семантической структуры глаголов 1-го НК больше, чем у глаголов II ПК и равна 2,14 значений (против 1,55); максимальное значение — 14 : 5 в пользу НК. Наконец, доля многозначных глаголов в составе 1-го НК несколько выше, чем в составе II ПК (см. *табл. 1*), хотя по относительному количеству двузначных единиц данные классы сопоставимы.

Объем класса — это лишь один из многих количественных показателей, которые позволяют определить его системную значимость, или ценность. Второй — употребительность, или частота встречаемости в речи. Как сравнить два и более глагольных класса по частоте встречаемости в речи? Покажем это на примере рассмотренных выше близких, но не совпадающих полностью в объеме словоизменительных типов глаголов — II ПК и 1-го НК.

Очевидно, прежде необходимо установить частоту употребления в современной речи всех без исключения глаголов двух сопоставляемых типов. Для частотной разметки единиц электронной базы глагольной лексики современного русского языка был использован современный (в смысле отражающий частоту встречаемости слов во второй половине XX в. – начале XXI в.) наиболее полный и одновременно надежный (опирающийся на серьезную теоретическую базу и представительный корпус текстов) из всех существующих в настоящее время частотных словарей русского языка — «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» (ЧССРЯ 2009). Словник частотного словаря, каким бы большим он ни был, всегда ограничен большим или меньшим числом наиболее популярных, употребительных в речи (текстах) слов. В (ЧССРЯ 2009) алфавитный список лемм включает около 50000 (49720) словарных единиц с частотой $\geq 0,4 \text{ ipm}^7$, а собственно частотный список ограничен 20000 (20004) леммами, частота которых $\geq 2,6 \text{ ipm}$. Относительное количество глаголов одного и

другого морфологического типа, попавших в частотный словарь, может служить объективным показателем употребительности класса.

Анализ показывает, что доля (как, впрочем, и абсолютное количество) частотных глаголов в составе 1-го НК несколько больше, чем в составе глаголов II ПК (см. *рис. 1*).

Доля глаголов (%), входящих в первую (-ые) ... самых частотных слов современного русского языка					
II продуктивный класс (тип <i>иметь</i>)				I непродуктивный класс (тип <i>сказать</i>)	
99,83	0,17	сотню	0,14	99,86	
99,33	0,67	тысячу	1,43	98,57	
99,0	1,0	2 тысячи	2,71	97,29	
98,66	1,34	3 тысячи	3,29	96,71	
98,16	1,84	4 тысячи	5,0	95,0	
97,83	2,17	5 тысяч	6,57	93,43	
94,49	5,51	10 тысяч	13,0	97,0	
82,82	17,19	20 тысяч	25,14	74,86	
51,42	48,58	50 тысяч	53,57	46,43	
всего в классе 599 глаголов			всего в классе 700 глаголов		

Рис. 1. Доля глаголов с частотой $\geq 0,4$ ipm в составе II продуктивного и I-го непродуктивного классов, %

В первую сотню наиболее частотных лемм, покрывающих, по подсчетам исследователей (Ляшевская, Шаров 2009), 38% всех текстов, входит по одному глаголу от каждого класса, которые по праву могут представлять соответствующий тип словоизменения в грамматических описаниях и практических пособиях: *сказать* (частота: 2396,6 ipm; ранг в списке частотных лемм: 42) и *иметь* (частота: 906,7 ipm; ранг: 99) и вне всяких сомнений принадлежат так называемому лексическому ядру языка. Далее мы наблюдаем численный (абсолютный и относительный) перевес более чем в два и три раза глаголов I-го НК, который уменьшается с продвижением по списку самых частотных лемм вниз и укрупнением шага до 20000 и 50000 лемм.

Не можем не обратить внимание на то, что в две тысячи наиболее частотных слов русского языка, покрывающих по свидетельству тех

же авторов (Ляшевская, Шаров 2009), 70% всех текстов, входит 19 глаголов типа *сказать* (2,71% группы) и 6 глаголов типа *иметь* (1% от класса), в четыре тысячи самых частотных лемм — 35 глаголов 1-го НК (5% класса) и 11 слов II ПК (1,84% класса), а в первые восемь тысяч наиболее частотных слов — 69 и 24 глагола одного и другого типа словоизменения (соответственно 9,86% и 4,01% от каждого класса). Можно предположить, что глаголы 1-го НК составляют около 1% так называемого активного и пассивного словаря в родном языке носителя, которые исчисляются методистами (СМТ 1999, 17, 210; ЛЭС 2006, 27, 204) в 2000 и 8000 слов; в то время как глаголы II ПК, следуя той же логике, составляют около 0,3% активного и пассивного словарного запаса говорящего⁸. Таким образом, сделанное наблюдение представляет определенный интерес для методики обучения отдельным аспектам русского языка как иностранного (в частности грамматике).

Средняя частота глаголов 1-ого НК, вошедших в алфавитный список из 50000 лемм, в 2,4 раза превышает среднюю частоту глаголов II ПК из того же списка и составляет 20,86 ipm. Однако тот факт, что суммарная частота встречаемости глаголов II ПК (из которой рассчитывается среднее значение), равная 2552,3 ipm, сопоставима с частотой всего одного возглавляющего список частотных единиц 1-го НК глагола (*сказать*) заставляет если не усомниться, то во всяком случае с большим вниманием отнестись к этим «средним» показателям. Возникает вопрос, чем обусловлен «перевес» средней частоты встречаемости глаголов анализируемого НК: вкладом одного-двух широкоупотребительных глаголов или более высокой частотой встречаемости некоторого более или менее значимого количества слов? Для ответа на этот вопрос были рассчитаны средние показатели встречаемости глаголов двух сопоставляемых морфологических типов, после последовательного удаления из каждого списка глаголов (по одному) в порядке убывания их индивидуальных частот. Оказалось, что вклад частот отдельных глаголов в среднее значение не одного, а обоих словоизменительных типов действительно весом: средняя частота встречаемости глаголов падает в два раза после «изъятия» из II ПК четырех, а из 1-го НК пяти-шести наиболее употребительных слов. Далее мы наблюдаем менее резкое, постепенное, а с отметки в 100 «минус»-глаголов даже медленное снижение средних значений двух сопоставляемых классов при сохранении превос-

ходства средней частоты 1-го НК. Иными словами, частота встречаемости в речи глаголов типа *сказать* действительно выше частоты употребления глаголов типа *иметь*.

На первый взгляд может показаться, что выбранные для сравнения двух классов и оценки их значимости в языке и речи описанные выше показатели — количество значений (ЛСВ) и частота встречаемости в речи — взаимозависимы, а значит, один из них избыточен. Так, исходя из логики: чем больше глубина семантической структуры глагола, тем в большее количество различных внеязыковых ситуаций и контекстов он может быть включен и в речи встречаться должен чаще. Однако это принимаемое обычно а priori положение не подтверждается анализом глаголов обоих классов: коэффициент корреляции (R^2) между количеством ЛСВ и частотой встречаемости в речи для глаголов 1-го НК равен 0,0375, а для глаголов II ПК — 0,04265 (столь низкие значения указывают на отсутствие функциональной связи между выбранными показателями).

Представленные в статье величины (объем в лексемах / ЛСВ и частота встречаемости в речи) достаточно надежно характеризуют текущее **состояние** класса в системе языка и речи и в будущем (по окончании оценки состояния всех ПК и НК) позволят обоснованно судить о его **местоположении и значимости** в системе русского глагольного словоизменения на современном этапе развития языка. Индекс значимости класса (по количеству лексем, **объему** выражаемых значений и **частоте** встречаемости в текстах), несомненно, важен для решения разнообразных прикладных задач в методике и практике преподавания РКИ. Для понимания же механизмов развития отдельных классов и системы в целом, недостаточно зарегистрировать ее/ их текущее состояние (в статике), необходимо отслеживать их изменения на основе таких количественных показателей, как **продуктивность, деструктивность и интенсивность**, или скорость роста (см. Богданова, Бурдакова 2009, 245–259), которые позволяют дать прогноз развития отдельных классов и системы в целом. Данная статья, таким образом, представляет собой лишь небольшую часть проводимого авторами полномасштабного исследования современного состояния и дальнейшего развития системы русского глагольного словоизменения (см. Богданова, Бурдакова 2011а, 2011б), один маленький штрих к общей картине.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Заметим, что в современной научной литературе представлено и еще более широкое понимание 1-го непродуктивного класса глаголов (1-й непродуктивной группы — в терминологии авторов), согласно которому, в одну группу объединяются все глаголы на *-а(ть)* (как I, так и II спряжения) (КРГ 2002, 330–332).
- ² Анализ проводился на основе созданной нами для полномасштабного и планомерного изучения современного состояния и развития системы русского глагольного словоизменения электронной размеченной базы глагольной лексики современного русского языка, основной корпус которой насчитывает свыше 18 000 единиц. База формировалась путем сплошной выборки из (БТС 1998). Морфемная разметка единиц базы проводилась с опорой на (Тихонов 2004), словообразовательная структура уточнялась по (Тихонов 2003).
- ³ В списке С.И. Карцевского отмечен глагол *клегхтать* без пояснения значения (Карцевский 2004, 90).
- ⁴ Известно, что С.И. Карцевский после публикации книги продолжал работать над текстом «Системы русского глагола» (см. «От составителей» в: Карцевский 2004, 26) и пополнять списки описанных им непродуктивных групп. Глаголы *курлыкать*, *реготать* (с пометой) диалектное) приводятся им на отдельном вложенном в печатное издание «Системы...» листке (см. примечания в: Карцевский 2004, 89, 91). Глагол *хлыстать* приводится в одном из дошедших до нас с замечаниями и дополнениями автора экземпляре книги (см. примечание в: Карцевский 2004, 92).
- ⁵ В списке С.И. Карцевского представлен один глагол *тыкать* (*тычут, тыкают*); без указания значения омонима (Карцевский 2004, 91).
- ⁶ Лексико-семантическая разметка всех единиц электронной базы глагольной лексики современного русского языка проводилась на основе (БТС 1998).
- ⁷ *ipm* (от *instances per million words*) — принятая в современной лингвистике единица измерения частоты употребления слов, характеризующая количество вхождений на миллион словоупотреблений.
- ⁸ Необходимо напомнить, что в методической науке под активным и пассивным словарем (= запасом) понимают не всю совокупность лексических единиц, которая используется говорящим в речи или понятна ему, а совокупность лексем, необходимых и достаточных для успешной продуктивной и рецептивной речевой деятельности (СМТ 1999, 17, 210; ЛЭС 2006, 27, 204).

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова, Бурдакова 2009 — Н.Н. Богданова, О.Н. Бурдакова. *К вопросу об оценке продуктивности морфологических классов глаголов современного русского языка*. Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Тарту, 2009, с. 245–259.
- Богданова, Бурдакова 2011a — Н.Н. Богданова, О.Н. Бурдакова. *О состоянии и развитии II морфологического класса глаголов в современном русском языке*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Тарту, 2011 (в печати).
- Богданова, Бурдакова 2011b — Н.Н. Богданова, О.Н. Бурдакова. *К вопросу об оценке объема и скорости роста морфологических классов глаголов в современном русском языке (на примере II продуктивного класса)*. Материалы XL Международной филологической конференции. Секция «Грамматика (Русско-славянский цикл)». 14–19 марта 2011 г. Санкт-Петербург. С.-Петербург, 2011 (в печати).
- Виноградов 2001 — В.В. Виноградов. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. 4-е изд. Москва, 2001.
- Гвоздев 2009 — А.Н. Гвоздев. *Современный русский литературный язык. Ч. I: Фонетика и морфология (теоретический курс)*. Учебное пособие. 6-е изд., испр. и доп. Москва, 2009.
- Голанов 2007 — И.Г. Голанов. *Морфология современного русского языка*. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. Москва, 2007.
- Исаченко 2003 — В.В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология*. Т. I–II. 2-е изд. Москва, 2003.
- Карцевский 2000 — С.И. Карцевский. *Повторительный курс русского языка*. Из лингвистического наследия. Сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон. Москва, 2000, с. 97–204.
- Карцевский 2004 — С.И. Карцевский. *Система русского глагола*. Из лингвистического наследия. Т. II. Сост., перев., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. Москва, 2004, с. 25–205.
- КРГ 2002 — *Краткая русская грамматика*. Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. 2-е изд., стереотип. Москва, 2002.
- Лопатин 2001 — В.В. Лопатин. *Словоизменение глаголов*. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. Под общей ред. Л.А. Новикова. 3-е изд. С.-Петербург, 2001, с. 546–556.
- Ляшевская, Шаров — О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. *Введение к новому частотному словарю*. Новый частотный словарь русской лексики. Веб-ресурс: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

- РЯ 1998 — *Русский язык. Энциклопедия*. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1998 (авторы статьи «Глагол» — В.В. Лопатин, И.С. Улуханов).
- Чепасова, Казачук 2007 — А.М. Чепасова, И.Г. Казачук. *Глаголы в современном русском языке*. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2007.
- Щерба 1940 — Л.В. Щерба *Опыт общей теории лексикографии*. Известия АН ССР. Отделение литературы и языка. №3. Москва, 1940, с. 89–117.

СЛОВАРИ

- БТС 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С.А. Кузнецова. С.-Петербург, 1998.
- ЛЭС 2006 — А.Н. Щукин. *Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц*. Москва, 2006.
- СМТ 1999 — Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. *Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков)*. С.-Петербург, 1999.
- Тихонов 2003 — А.Н. Тихонов. *Словообразовательный словарь русского языка*. Т. I–II. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 2003.
- Тихонов 2004 — А.Н. Тихонов. *Морфемно-орфографический словарь*. Москва, 2004.
- ЧССРЯ — О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва, 2009. Веб-ресурс: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- ЭССЛТП 2008 — *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т.* Под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. Москва, 2008 (автор раздела «Морфология» — А.Н. Тихонов)

N. Bogdanova, O. Burdakova. Ühte mitteproduktiivsesse morfoloogilisse pöördkonda kuuluvate verbide praegusest seisundist

Käesolev artikkel on üks osa täismahulisest vene keele verbide muutesüsteemi nüüdistaseme ning edasise arengu uuringust. Artiklis on analüüsitud tänapäevases vene keeles ühte kõige arvukamasse mitteproduktiivsesse pöördkonda kuuluvate verbide (I pöördkond, sõnatüvede vastastikune suhe on a ~ Ø, tüüp *ска-зать*) nüüdistaset kõrvutades ühe produktiivse pöördkonnaga.

Kvantitatiivsed parameetrid (arv lekseemides/sõnavaralis-semantiliste variantide arv ning esinemissagedus kõnes), mis on toodud iseloomustamaks ja kõrvutamaks pöördkondi, võimaldavad põhjendatult otsustada pöördkonna kohta ja tähtsuse üle vene keele verbide muutesüsteemis keele arengu hetkeseisul.

**Валентина Петровна Щаднева,
Оксана Николаевна Паликова**
Тартуский университет

**ТРУД В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТАРОВОЕРОВ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА)¹**

Культурология – русистика – православие – старообрядчество – говор староверов Эстонии – концепт ТРУД

Изучение ценностных понятий духовной и материальной культуры через призму языковых данных в современной русистике осуществляется в рамках самых разных направлений лингвистики (см. Апресян 1995; Арутюнова 1999; Вежбицкая 1997; Колесов 1991, 106–125; Степанов 2001; Стернин 2001 и др.). При этом тезис о том, что язык является частью национальной культуры, особых возражений у лингвистов не вызывает, несмотря на расхождения в подходе к отношениям между языком и культурой.

С точки зрения культурологии, для системы ценностей русского человека, наряду с концептами *ИСТИНА, ПРАВДА, ДОЛГ, БОГ, СУДЬБА, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ* и другими, особо значимым является и концепт *ТРУД*. В русистике уже есть опыт описания семантического поля *труд* в русской паремиологии (Косенко 1993), фразеосемантического поля *труд* в русском языке (Гананпольская 1995), лексико-семантического поля «отношение человека к труду» в русских народных говорах (Еремина 2003). Однако, насколько нам известно, специальных лингвистических исследований, посвященных изучению концепта *ТРУД* в речи старообрядцев, пока еще нет.

Цель публикации — начать описание лингвистического содержания социально-религиозной концепции старообрядцев с точки зрения их отношения к труду, рассмотреть особенности вербализации концепта *ТРУД* в речи староверов Эстонии.

Эмпирическим материалом послужили языковые факты, представленные как в уже опубликованных работах сотрудников кафедр

ры русского языка Тартуского университета (Очерки I 2004; Очерки II 2007) и словарях (Материалы 1963; СГСЭ 2008), так и в еще только подготавливаемых к публикации записях речи староверов. В описании лексикографического материала учитывались следующие параметры: 1) виды хозяйственной деятельности, 2) характеристика конкретного процесса труда, 3) типы поведения людей в соответствии с их отношением к труду.

Поскольку трудовая деятельность является органичным элементом жизни человека, то на необходимость ежедневного труда обращают внимание самые разные религии, по-своему преломляя это понятие в своих концепциях.

С одной стороны, христианская религия не рассматривает труд как безусловную ценность: он становится благословенным, когда способствует исполнению замысла Господа о мире и человеке, но не является богоугодным, если «направлен на служение эгоистическим интересам личности или человеческих сообществ, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти» (Основы 2000). С другой стороны, «церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей; при этом не отдается предпочтения никакому из видов человеческой деятельности, если таковая соответствует христианским нравственным нормам» (там же).

В социально-религиозной концепции староверов эти христианские нормы воплотились в полной мере:

- (1) *Я и в клирос ходила, я и училась, я и говорю, что доброе дело — паче молитв молитва и без дел вера мертва. Молись — хоть лоб разбей, но не сделай плохо.* МСТВ, 2003.

При этом религиозная составляющая в старообрядчестве неразрывно связана и с культурой, и с бытом. В данном исследовании основное внимание уделяется последнему компоненту обозначенной триады: отношению староверов к повседневному труду и трудовым обязанностям и, соответственно, выявлению языковых способов фиксации названного отношения в содержании текстов, в лексике.

География старообрядчества охватывает сейчас разные страны и континенты, по которым перипетии судьбы разбросали староверов, но во многих местах проживания они до сих пор сохранили приверженность земледелию, патриархальному семейному укладу, русскому национальному костюму (рубаха с вышитым воротом у мужчин, сарафан у женщин). Напр., как свидетельствуют данные экспедиций

О.Г. Ровновой в страны Латинской Америки, живущие там староверы и сейчас носят шитую своими руками национальную одежду не только на церковную службу, но и в миру (Ровнова 2010, 137–157). При этом земледелие для старообрядцев «освящено глубинным пониманием сакральной связи земли и человека» (там же, 141). В основном сохраняются и традиции в образе жизни (обычай носить бороду, не курить, не пить и др.), и традиции в воспитании детей. Напр., лень как в служении Богу, так и в быту считается неприемлемой для всех членов семьи. Детей к этому приучают с малых лет.

- (2) *Так вот пока в школу ходили, отец не разрешал по деревне блудить <бродить, шататься>, покупал пряжу — и вязали кружева.* ВРН, 2003.
- (3) *Все деньги были у отца, вестимо. А когда я иногда выезжал на лошади с луком, продавать, — всё это приносил, отдавал отцу.* Н.КЗПЛ, 2003.

Религиозные ценности определяют у староверов и быт, и мировоззрение, которое, в целом, зиждется на а) консерватизме, б) трудолюбии и в) бережливости (Расков 2006). Старообрядческую этику повседневного кропотливого труда следует отметить особо, ибо трудовая (в том числе и предпринимательская) этика веками держалась у староверов на доверии (там же), чем, возможно, и объясняются успехи купцов и промышленников из староверов не только на территории России, но и за ее пределами — и в прошлые века, и в наше время.

История и культура русских староверов, живших и живущих сейчас в Причудье довольно замкнуто, насчитывает несколько столетий. По неподтвержденным данным, в настоящее время в Эстонии проживает примерно пятнадцать тысяч староверов по происхождению, и их численность уменьшается. Многие переселились в города еще в прошлые века. Молодое поколение покидает родные места и сейчас, но через родственников сохраняет связь с землей.

1. Староверы и труд

Для староверов характерно отношение к труду как к важному способу спасения веры и души, как к явлению и духовной, и физической жизни человека, что определяется религиозными ценностями, основанными на древней вере. *Труд* в социально-религиозной концепции староверов реализуется и в усердном служении Богу, и в повседневной работе. Для старообрядцев значимо именно это единство:

- (4) Зимой учился, а летом уходил в поля к крестьянам с 9 лет. 6 лет я отходил в поля и 2 лета отъездил с дядей Леонтием Мокеичем Сидоровым на будары <судно для перевозки дров> — на паруснике. Возили дрова в Тарту и продавали для топлива города. <...> Я в клирос ходил до начальной службы, а после службы пришлось крепко поработать. Летом с отцом уезжали на строительство, а зимой — на рыбном промысле на озере, но **храм Божий не забывали**. Н.КЗПД, 2001 [Из автобиографии А.И. Сидорова].

Ср. также присказку, встреченную в рукописных записях, которые делала для себя и своих потомков одна староверка (1928–2001) с острова Пийриссаар². Присказка свидетельствует об ответственном отношении староверов к совершению религиозных обрядов:

- (5) Часы <молитвы> велели повторять, не надо времени терять. ПРСР [рукопись].

Характерно, что объемный материал как частично обработанных, так и уже опубликованных записей речи староверов (Очерки I 2004; Очерки II 2007) свидетельствует о том, что староверы никогда не рассуждают о труде вообще: они просто рассказывают о том, *что и как* конкретно делают, отношение же к *трудолюбию/ лени* проявляется, как правило, косвенно, прямых оценок очень мало, как нет и специфических номинаций абстрактного характера (исключение — слово *сдóлить*, о котором пойдет речь ниже). Так, в упомянутой пийриссаарской рукописи находим следующую паремию, снабженную пояснением автора записей (в круглых скобках):

- (6) В одно время лыки дерутся (успевай всюду). ПРСР [рукопись].

Как известно, драть липовое лыко надо весной, пока листья не распустились (оно тогда легко снимается с деревьев), поэтому надо успеть запастись необходимым материалом именно в соответствующий период времени: отложить «на потом» эту работу нельзя. И хотя в записях речи эстонских староверов упоминаний о плетении лаптей из лыка пока не встретилось, именно особенности *конкретного* процесса заготовки лыка используются в качестве символа для *абстрактной* аргументации необходимости своевременного и постоянного труда.

Своевременность и постоянство в выполнении работы — один из основных постулатов в системе ценностей староверов. Суть приведенного выше выражения проявляется и в общем для всей этнокон-

фессиональной группы отрицательном отношении к работе по воскресеньям и религиозным праздникам:

- (7) *И не работали <по праздникам и выходным>, и сыты были, и всяго было. Таперь всю работу делают по праздникам, приязжают, помогают. Все работают, не узнают таперь никаких и праздников. Так то ж вяликий грех, Господь обижається на это! Шесть дней рабочих, сядьмой Господь взял себе — воскресенье, это Христово воскресенье.* Н.КЗПЛ, 2003.
- (8) *И, бывало, в праздник ничего не делали, уже до праздника стараются, чтобы пороссятам хряпы понабрать, нарубить в кадки, чтобы только вылить пороссятам. И коровам травы набрать, чтобы в праздник не работать. И всё успевали делать. Бывало, сидят в праздник бабы в белых платочках, сидят на скамейках или на крыльце. А теперь как праздник, так больше работы.* ВРН, 2003.

Тот же смысл выражен и в поговорке, встретившейся в уже упоминавшейся пийриссаарской рукописи:

- (9) *Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят.* ПРСР [рукопись].

Следует отметить и наличие в говоре таких сохранившихся до сих пор лексем, как *трудо́ник* / *трудо́ница*. Это устаревшее слово, по данным словаря В.И. Даля, имелось также в других говорах (новгородском, вятском) и относилось к церковной жизни в целом: оно называло или монастырских батраков, или работающих на монастырь бесплатно — по обету, или монастырских отшельников, схимников и пр. (Даль 1955 IV, 437). В нашем случае это слово используется в несколько ином значении — ‘тот / та, кто работает, зарабатывает (обычно о членах семьи)’:

- (10) *Двадцать год прожила без трудо́ника, и голо́нная спать не ложилась.* КЛК, 1946.
- (11) *Табак во рту и в рюмку заглядает — какой из них трудо́ник будет?* РАЯ, 2004.
- (12) *Расторговалась, с соседом домой приехала, мяши́чек тут с деньгам. Приехала, раздяваюсь, моюсь — бабушка плачет. «Бабушка, что ты плачешь?» — «Доченька, от радости плачу — у меня трудо́ница такая!». Одиннадцать лет было мне! Вот така трудо́ница я уже в бабушки была!* Н.КЗПЛ, 2003.

Очевидна положительная оценочность данной лексемы, о чем свидетельствует основная часть приведенных контекстов. В качестве кон-

трастного примера можно привести поговорку, в которой с точки зрения отсутствия трудовых усилий отрицательно оценивается человек, исключенный из обычной трудовой сферы:

(13) *От чего солдат гладок? Поел да на бок.* ПРСР [рукопись].

Интересно, что сема ‘приложение больших усилий’, которая входит в семантику слова *труд*, в говоре старOVERов лексикализована: здесь активно используется слово *сдо́лить*, для которого в СРНГ (точнее, для его акцентологического варианта *сдо́леть*) приводится значение 2. ‘быть в состоянии, иметь силы, смочь делать что-л.’ (СРНГ 1965–2007, вып. 37, 79). В говоре причудских старOVERов использование этого слова фиксируется чаще с отрицанием и в значении именно наличия/отсутствия физической силы для выполнения работы; здесь встречается также приставочный дериват *посдо́лить*, который не отмечен в СРНГ.

(14) *Сдо́лим иль не сдо́лим, а раба́тай.* Материалы 1963.

(15) *Гряды вси в клычах <твёрдых комьях земли>, я не сдо́лю их разбить, найму человека.* Материалы 1963.

(16) *Старики уже не сдо́лют прийти в моленну.* ВРН, 2003.

(17) *А старушка одна́я. И когда она не посдо́лила работать и приходило́ся так, что ей сварить не в силах было, она пришла ко мне: «Больше там жить не могу — варить себе не могу». И здесь полтора года отжила и тоже у меня умярла.* Н.КЗПІ, 2003.

2. Виды хозяйственной деятельности

Виды хозяйственной деятельности старOVERов Причудья всегда были весьма разнообразными и, в основном, сохранились до сих пор, однако в наши дни эта деятельность не столь масштабна, как раньше. Труд старOVERов во многом был связан с сезонной работой, с зависимостью от природы, от времени года. Все виды деятельности нашли отражение в разнообразной трудовой и бытовой лексике, в составе которой, кроме общерусских слов, представлены также диалектизмы и эстонские заимствования. Специфическая лексика наблюдается в таких сферах деятельности, как *рыбный промысел*, *сельское хозяйство*, *строительство* и др.

Повествуя о своей жизни, старOVERы иной раз отмечают большие затраты сил и рабочего времени, которые приходится вкладывать в то или иное занятие (*это коневья работа — ‘очень тяжелая’*), но

обычно об этом или говорится попутно, к слову, или о трудностях вообще не упоминается.

- (18) *Вот, раньше как огород делали. Толока́. Разве это работа! Это ко-
невья́ работа. С лопатам. Это грядки делали.* М.КЛК, 2005.
- (19) *От солнышка до солнышка — вот так работали. А теперь так
работать не будут, молодёжь так работать не будет. И всё
успевали делать: и сено косили, и с огородом.* ВРН, 2003.
- (20) *Баба ня вздолит <не осилит; от сдо́лить> таку́ работу делать.* Ма-
териалы 1963.
- (21) *У меня бабушка работала, буда́ры разгружала. Они дрова возили.*
Н.КЗПЛ, 2008.

Это проявляется и в рассказах о рыболовстве, которым в основном промышляли мужчины, так как этот тяжелый труд требует крепкого здоровья и большой силы — особенно в зимнее время. Однако из рассказов выясняется, что в случае необходимости женщины тоже занимались ловлей рыбы.

- (22) *<А сколько человек в артели?> В арте́ли, ну, <зависит от того,> ка-
ким снастям ловили. Если в феврале начинали снетка неводом —
тяжёлая работа. Шешна́дцать — семна́дцать человек. Его ведь
тащи́ть надо.* М.КЛК, 2005.
- (23) *Втроём рубили <проруби>: на одной стороне и на другой — трое.
Тогда́ сходились на одно место в кучу, называли коры́то <большая
прорубь для вытяжки сетей>.* М.КЛК, 2005.
- (24) *Раньше зимой на лошадях зимний лов был. Ставили метки, назы-
вались ве́хи — еловые сучья — кило́метров за двадцать в линию.*
М.КЛК, 2005.
- (25) *Мужики уедут, так ба́бы тогда ещё и на озеро, ещё рыбы пойма-
ют.* ВРН, 2003.

Более подробно остановимся на рассказах, связанных с сельскохозяйственным трудом. Крупного сельского хозяйства в Причудье и на Пийриссааре не было. Однако там всегда занимались огородничеством, повсеместно выращивая такие культуры, которые обычно не возделываются на больших полях: овощи (картофель, свеклу, капусту, брюкву), зелень (укроп, петрушку) и ягоды (смородину, малину, клубнику). Разумеется, в саду при доме есть и фруктовые деревья (яблони, сливы). Но основные для причудцев виды сельскохозяйственных культур — это лук и, в новое время, огурцы; и то, и другое

выращивают, в основном, на продажу. Особенно часто староверы повествуют о выращивании лука и его обработке.

- (26) *И вот тяпёрь засажено <лука> в людях очень много и очень густо.* КЛК, 2005.
- (27) *Лук никак не вы́скубать <очистить от шелухи>.* Материалы 1963.
- (28) *В огороде у нас вот только лук, морковка, свёкла, немножечко чёрной редьки, всего понемножечку. Тяпёрь у нас парник, огурчики растут, это в этом году первый раз. <Раньше> выращивали на открытом грунте, грядку для себя сажали или две, самое большое, чтобы заделать на зиму в баночки. А тяпёрь жизнь подошла такая тяжёлая, лук вообще никому не нужен. <...> Огурец хоть три кроны, но он всегда в ходу, а лук вообще никто не спрашивает.* Б.КЛК, 2005.

В лексике, связанной с огородничеством, обращают на себя внимание такие диалектные названия огородных растений, как *боркан*³ — ‘морковь’; *бурак*⁴ — ‘свёкла’; *красный бурачок* — ‘столовая свёкла’; *калика* — ‘брюква’; *рабарбер* — ‘ревень’; *сморода* — ‘смородина’; *цигорий* — ‘цикорий’.

Из названий конкретных действий, относящихся к сельскохозяйственным работам, следует отметить, напр., диалектные лексемы *гра́бить* ‘сгребать’ (с дериватами *отгра́бить*, *пригра́бить*, *гра́бита*) и *рыть* ‘валить, складывать’ (с дериватами *вырывать*, *зарыть*, *нарыть*, *срыть*):

- (29) *Я целый день кошу. Приехали поглядеть — надо было гра́бить сено уже. Сястрин муж как оглянул это всё, что там накошено, ён и говорит: «Женя! Неужели это от в тебя всё накошено?»* ВРН, 2003.
- (30) *Делали круглую нетолстую лепёшку, клали на сковородку. Угольков пригра́бишь, и на эти угольки ставили.* КЛСТ, 2003.
- (31) *Дождаются, што, можжа, у кого гра́бита будет.* БРЗ, 1946.
- (32) *А весной <...> навоз вы́рывали из окна хлева, там он лежал такой кучей, он прел. А осенью, когда старые гряды распустят <перекопают>, тогда настиляли навоз.* Н.КЗПЛ, 2008.
- (33) *Срыли сено на чердак.* Н.КЗПЛ, 2008.

Староверы Причудья всегда занимались сбором и заготовкой дикорастущих ягод и грибов (в говоре грибы — *блицы*). У лесных ягод, как и у грибов (о грибах см.: Кудрявцев 2007, 157–163), тоже имеются специфические названия: *гоноболь* / *синика* (эст. *sinikas*) — ‘голу-

бика'; журавины — 'клюква'; брусница — 'брусника'; черница — 'черника'; земляница — 'земляника' и др.

Произведенное своим трудом староверы не только заготавливали для своей семьи, но и вывозили на продажу в Таллинн, Тарту и особенно часто в Петербург (Ленинград).

- (34) *Со Гдова ездили тогда в Питер железной дорогой. С товаром: лук, морковка, свекла. Большинство <в основном> с луком.* М.КЛК, 2005.
- (35) *Да, Питер — это тоже нервотрёпка. Ну, большие некуда было деть. В нас вот эта вся побережья <жители побережья> возила — лук, морковка, свекла.* М.КЛК, 2005.
- (36) *Ведь всё водили <возили>: все овощи, лук. Я мало сначала ездила — я работала. Мать стала ездить. Вот, бывало, наложешь в мешки морковки, свёклы там, лук — продашь, свядёшь <отвезешь> — опять живёшь. А у кого силы побольше, кто мог больше ездить, те совсем разбогатели.* Б.КЛК, 2005.

Кроме того, мужчины занимались строительством — были мурниками, делали каменную работу. Строили и для себя, но в основном уходили на летний сезон в города на стройки наемными рабочими. В строительной работе иногда участвовали и женщины (40).

- (37) *Как только мы жанились, суда пришли, я байню построил, чтобы была своя баенка к домику.* Н.КЗПЛ, 2003.
- (38) *А летом, слушай, мало <рыбу ловили>. Тёплая погода — летом в нас люди были по городам: каменную работу делали... По городам уходили.* М.КЛК, 2005.
- (39) *Дед и дядя, ну, сын дедов, построили дом. Так ведь не двое строили — люди... Я вот всё время думаю и вспоминаю, кто это вот делал? <...> Ручная работа, видите? Диким камнем и цементу не было, без цементу. Известь — три года известь замаливали в яму и стояла.* М.КЛК, 2005.
- (40) *Хотели кирпичом дом обработать. Я работала горазд <много>, с глины кирпич резала, крыжу крыла.* Н.КЗПЛ, 2003.

В свое время было широко распространено и батрачество: дети староверов часто уходили в поле, т. е. в течение всего летнего сезона (а также в сентябре) работали пастухами, доярками и т. п. на эстонских хуторах. Более зажиточные семьи могли позволить себе не отдавать детей в поле, для многодетных же семей это было обычной практикой.

- (41) Когда я кончил чатыре класса, меня уже сполнилось лет чатырнадцать. Тогда я **ходил** летом **в поле** по крестьянам, а потом с отцом на строительство перяиёл. Н.КЗПЛ, 2003.
- (42) Эстонцы когда нанимают **в поле**, приезжали договаривались, до какого срока. Я ещё маленькая была, мать меня отдавала до первого сентября, а тогда в школу надо идти. Никогда первого сентября не отпускали. Всегда держали, пока мать не придёт за мной: сроки все прошли, надо мне в школу. КЛСТ, 2003.
- (43) А только папа сделал то, что мы **в поле не ходили**. В нас папа был такой, что день и ночь на озере сидел. Отслужил, а **в поле** ни одного не пускал. ВРН, 2003.

3. Дом, домашние обязанности

Разумеется, основная обязанность женской части семьи — вести домашнее хозяйство, готовить еду, стирать, заниматься детьми. В быту используется немало свойственной говору лексики, связанной с приготовлением пищи, выпечкой *паски* (пасхи), хлеба и т. д.

- (44) В *квашонке* (деревянная кадка небольшого размера для замешивания теста, засолки грибов, огурцов) хлебный *завсягда* должен **затвор** <закваска для хлебного теста> *оставляться*. Материалы 1963. Без **затвора** не поставишь хлеба. Материалы 1963.

Староверы сохранили и многие названия предметов домашнего обихода, которые то покупались, то изготовлялись своими руками, напр., *бaleyка* — ‘низкая кадка для стирки белья’ (см. также в [СГСЭ] названия других бытовых предметов: *доцан*, *квасник*, *квашник*, *квашня*, *ушат*).

К сожалению, в рамках статьи мы имеем возможность рассмотреть лишь незначительную часть языкового материала, однако особо хотелось бы упомянуть о двух диалектных глаголах общей семантики. Так, в говоре староверов Причудья есть специальный глагол для общей номинации действий рутинного, бытового характера — *чередить* ‘содержать в порядке, ухаживать’:

- (45) **Чередить** — убирать комнаты, порядок ишобы был. Н.КЗПЛ, 2007.
- (46) Суды была привядёна эта женищина. Ай, как яна стала в себя-то приходить! Как яну вином-то растирали! Ай! Как ей виши вобрались! Да с голодухи-то! Сколько мы **чередили**, и я ходила помогать **чередить** яну. Тут мы яну так и поправляли, выздоравливали. Н.КЗПЛ, 2003.

Староверы всегда занимались и такой повседневной трудоемкой работой, как уход за домашними животными, домашней птицей. В связи с этим следует отметить семантический диалектизм *справить*, который кроме обычного значения ‘исправить, починить’ в говоре имеет семантику ‘управиться с чем-л. (хозяйством и т. п.)’. Данный глагол наиболее частотен в словосочетаниях типа *справить скотину/ корову* (СРНГ тоже фиксирует указанные значения для разных территорий; см. СРНГ 1965–2007, вып. 40, 253–254).

(47) *Тут меня агитируют, что «Поедем к брату, надо на день рожденья и на новоселье». Ай как же? Мне-ка надо дом замн^уть, у меня скотина. Что ж, думаю, я пораньше накормлю да всё **справлю**.* Н.КЗПЛ, 2003.

(48) *Во рью на парзилах <на колосниках> рожь сушили. Теперь машинам **справляют**, лёго.* Материалы 1963.

Подводя итоги, обратим внимание на то, что в рассказах староверов трудовая деятельность предстает как удивительно рациональная во всем. Это наглядно проявляется в следующих примерах:

(49) *Вот с чердака в эту трубу бросали сено, с вяр^ха <диалектное название чердака>, а труба такая была плотная, а снизу в этой трубе было отверстие, оттуда вытаскивали сено и несли уже в хлев, чтобы по всему двору не сорить сеном.* Н.КЗПЛ, 2008.

(50) *У дяди моего мужа гроб стоял на чердаке — на вяр^ху — заполнен зерном. Потому что пустой не должен стоять. Он это зерно каждый год менял, скотине давал.* Н.КЗПЛ, 2008.

Многие контексты свидетельствуют об ответственном отношении староверов к своим обязанностям. На трудностях староверы внимание не заостряют, понимая, что работа и религия — главный стержень их существования.

(51) *Помидорам тоже надо порядок. Надо обр^зать, да листь^я сподни^за, да и уже ягод много! Но всё надо копош^ить и копош^ить, **работать**. Если не будешь — ничего не будет.* М.КЛК, 2005.

Отсутствие работы, нежелание трудиться оцениваются как приметы вырождения, разрушения. Один из главных постулатов идеологии староверов в целом — обращение к прежнему, возможно, идеализируемому *modus vivendi*. Отсюда и высказывания типа «*Это с раннего уже, это старая вера такая*» (Н.КЗПЛ, 2003), и обращение к мнению предков как к наиболее авторитетному:

(52) *А здесь люди привыкли, они всю жизнь трудятся, всю жизнь. Здесь если б теперь посмотрели б наши дяды и прадеды, как вот эти ходят ополченцы спившиися, и работать негде, они уже до ручки дошли, как говорят, так они ичо бы подумали и ичо бы въяви сказали, глядя на этих людей! Раньше никого так не увидишь. <А кто такие ополченцы?> Это я так назвала по-своему, деревенскому. Спившие уже люди, которые никуда не устроились, <...> как-то промышляют себе на водочку, где какой час поработают у кого-то ...* Б.КЛК, 2005.

Итак, предлагаемый авторами публикации анализ трудовой деятельности старообрядцев Эстонии и языковой реализации концепта *труд* охватывает разную лексику, однако в данной статье представлено лишь первое приближение к полному описанию того богатого языкового материала в этой области, который можно получить при исследовании интересующего нас говора староверов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Работа выполнена в рамках проекта «Староверы как носители культурной памяти» (ЕККМ09–102), финансируемого из эстонской государственной программы.
- ² Материалы, полученные из данной рукописи (тетради), готовятся к публикации.
- ³ Некоторые из этих диалектных названий «поддерживаются» наличием созвучных с ними эстонских лексем: *боркан* ‘морковь’ — ср. эст. *por-gand*; *калика* ‘брюква’ — ср. эст. *kaalikas*; *рабарбер* ‘ревень’ — ср. эст. *rabarber*. Однако вопрос о возможном направлении заимствования и его временных характеристиках в данной статье не ставится.
- ⁴ Остается неясным, когда и откуда в Причудье появилась номинация *бурак*, если учесть, что лексема *бурак* (чаще — *буряк*) использовалась и используется в южных регионах России и на Украине.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — Ю.Д. Апресян. *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*. Вопросы языкознания, Москва, 1995, № 1, с. 29–34.
- Арутюнова 1999 — Н.Д. Арутюнова. *Язык и мир человека*. Москва, 1999.

- Вежбицкая 1997 — А. Вежбицкая. *Язык. Культура. Познание*. Москва, 1997.
- Верещагин 1990 — Е.М. Верещагин. *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва, 1990.
- Ганапольская 1995 — Е.В. Ганапольская. *Фразеосемантическое поле «труд» в русском языке (в сопоставлении с английским языком)*: Автореф. ... канд. филол. наук. С.-Петербург, 1995.
- Даль 1955 — В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. IV. Москва, 1955.
- Еремина 2003 — М.А. Еремина. *Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект*. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
- Колесов 1991 — В.В. Колесов. *Отражение русского менталитета в слове. Человек в зеркале наук*. Ленинград, 1991, с. 106–125.
- Косенко 1993 — Н.А. Косенко. *Семантическое поле «труд» в русской паремииологии (в сопоставлении с польской)*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. С.-Петербург, 1993.
- Кудрявцев 2007 — Ю.С. Кудрявцев. *Некоторые староверские названия грибов (этимологический анализ)*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Тарту, 2007, с. 157–163.
- Материалы 1963 — В.Н. Немченко, А.И. Синица, Т.Ф. Мурникова. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига, 1963.
- Основы 2000 — *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви*. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Москва, 13 – 16 августа 2000 г. Веб-ресурс: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/basics/7.html>. Очерки I 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Отв. редактор И.П. Кюльмоя. Тарту, 2004.
- Очерки II 2007 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Тарту, 2007.
- СГСЭ 2008 — О.Н. Паликова, О.Г. Ровнова. *Словарь говора староверов Эстонии*. Тарту, 2008.
- Расков 2006 — Д.Е. Расков. *Старообрядчество: картина мира и хозяйственный стиль*. Веб-ресурс: <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=42434>.
- Ровнова 2010 — О.Г. Ровнова. «Полиглоты поневоле»: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки. Staroobrzędowcy za granicą. Toruń, 2010, s. 137–157.

- СРНГ 1965–2007 — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–41. Москва, 1965–2007.
- Степанов 2001 — Ю.С. Степанов. *Константы: Словарь русской культуры*. Москва, 2001.
- Стернин 2001 — И.А. Стернин. *Методика исследования структуры концепта*. Методологические проблемы современной лингвистики. Воронеж, 2001.

СОКРАЩЕНИЯ

- Б.КЛК — дер. Большие Кольки (Suur Kolkja)
БРЗ — дер. Березье (Beresje)
ВРН — дер. Воронья (Varnja)
КЛСТ — г. Калласте (Kallaste)
М.КЛК — дер. Малые Кольки (Väike Kolkja)
МСТВ — г. Муствеэ (Mustvee)
Н.КЗПЛ — дер. Новая Казепель (Uus Kasepää)
ПРСР — о. Пийриссаар (Piirissaar)
РАЯ — дер. Рая (Raja)

**V. Štšadneva, O. Palikova. TÕÕ Peipsi läänekalda vanausuliste
ühiskondlik-religioossetes vaadetes süsteemis**

Artiklis käsitletakse Eesti vanausuliste suhtumist töösse, nagu see väljendub nende keelekasutuses. Töö realiseerub vanausuliste ühiskondlik-religioossetes kontseptsioonides nii Jumala teenimise kui ka igapäevase tööna. Et töö ja religioon on vanausuliste jaoks olulised ühiskondlik-religioossetes vaadetes süsteemi osad, kinnitavad ka mitmed keelelised faktid. Eesti vanausuliste murrakus esinevad mitmed lekseemid, fraseologismid ja ütlused, mis puudutavad: a) tööd üldiselt (сдолить ‘tegutsemiseks füüsilist jõudu omama’; чередить ‘korras hoidma, hoolitsemata’); b) konkreetseid toiminguid (грабить ‘rehaga riisuma’; рыть ‘kuhjama, laduma’); c) tavalisi tööolukordi (ходить в поле ‘sulaseks minema’; делать каменную работу ‘ehitama’), d) tööga seotud esemeid jne. Paljudes kontekstides väljendub vanausuliste vastutustundlik suhtumine oma kohustustesse. Religioossetes väärtuste kadumist koos töötahte puudumisega nähakse aga mandumise ja identiteedi hävinguna. Seega on vanausuliste elus religioon lahutamatult seotud nii kultuuri kui ka majapidamisega.

Светлана Васильевна Ильясова,
Ольга Юрьевна Руденко
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ФЕНОМЕН ИНОЯЗЫЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ)

Современный русский язык – язык СМИ – иноязычность – языковая игра

Вынесенное в заголовок слово *иноязычность* отсутствует в известных нам толковых словарях русского языка, тем не менее его словообразовательная структура вполне очевидна, поэтому обратимся к словарю С.И. Ожегова для уточнения значения прилагательного *иноязычный*, ср.: 1. Говорящий на ином языке. 2. Принадлежащий иному языку (Ожегов 1973, 846). Очевидно, производное существительное *иноязычность* может иметь значение «принадлежность иному языку».

В словаре О.С. Ахмановой это прилагательное имеет значение «заимствованный из другого языка» (Ахманова 1969, 178). Исходя из этого определения, *иноязычность* можно понимать как «заимствование из другого языка». В задачи нашего исследования входит именно эта сторона исследования иноязычности, при этом к *иноязычности* мы относим довольно широкий круг явлений, активно проявляющих себя в языке современных СМИ. Это и иноязычная лексика, и иноязычные строительные элементы словообразования. Еще одно из проявлений иноязычности представлено, в свою очередь, рядом разновидностей. Во-первых,

«в русский текст могут включаться иноязычные слова, написанные, как им положено, в оригинале. Так, в текстах о моде постоянно встречаются выражения типа *коллекция prêt-a-porter*, выставка *haute couture*» (Земская 2004, 519).

Во-вторых, ученые отмечают такое новое явление в процессе иноязычного заимствования, как

«образование так называемых слов-‘кентавров’: одна часть такого слова — русифицированная или просто русская, а другая (обычно начальная) представляет собой слово или морфему, перенесенные из другого языка в ‘нетронутым’ виде, то есть изображаемые на письме латиницей: *web-сайт, web-служба, web-разработка, e-mail-адрес, e-почта, WWW-сервер, WWW-страница, Internet-карта, ISQ-сервер_VIP-обслуживание, TV-программа* и под.» (Крысин 2008, 173).

Таким образом, иноязычность в современном русском языке представлена достаточно разнообразно. Не менее важным моментом является и многофункциональность иноязычности. Сошлемся на мнение Е.А. Земской:

«Наряду с серьезной номинативной функцией иноязычность используется как средство языковой игры» (Земская 2004, 319).

Рассмотрим перечисленные проявления иноязычности в указанном порядке.

I. Заимствование и освоение новой лексики

В качестве примера мы выбрали аббревиатуру *Интернет*. Первая словарная фиксация этого слова относится к 1998 г.:

«*Интернет и ИнтерНет*, <тэ>, а, м. нескл. [англ. inter и net ‘сеть’]. В информатике. Всемирная информационная компьютерная сеть, объединяющая множество некоммерческих компьютерных сетей и компьютеров, обменивающихся информацией друг с другом» (ТС 1998, 273).

В этом же словаре приведено и одно производное — *интернетовский*. Отметим также особенности написания: в первом случае инновация представлена как цельнооформленное слово, во втором — как аббревиатура. Как свидетельствуют данные словарей, в языке закрепляется первое из написаний, спорным остается вопрос о написании как слова *Интернет*, так и его производных — с прописной или строчной буквы. Л.В. Баранова считает, что с прописной (инициальной) буквы это слово пишется в том случае, когда оно выступает «как самостоятельное, полностью лексикализовавшееся в русском языке слово для обозначения глобального информационного пространства» (Баранова 2009, 58). В этом же значении оно образует ряд производных. В качестве же несогласованного определения (в значении «принадлежащий, имеющий отношение к пространству Интернета»), выступая в составе сложных слов *интернет* пишется со строчной буквы и через дефис, ср.: *интернет-эпоха, интернет-мир, интернет-сообщество* и др. (Баранова 2009, 59).

Между тем, как свидетельствуют данные словарей, в настоящее время можно говорить только об определенной тенденции, но не об устоявшемся написании как самой инновации, так и производных от нее. Так, в «Толковом словаре современного русского языка» эта инновация зафиксирована в *графическом* облике *Интернет*, и все производные, выступающие в роли несогласованного определения, также пишутся с прописной буквы, ср.: *Интернет-бизнес*, *Интернет-зависимость*, *Интернет-издание*, *Интернет-компьютер* и др. В то же время производные, представляющие собой самостоятельные слова, пишутся как со строчной буквы — *интернетизация*, так и с прописной — *Интернетовский* (ТС 2001, 309–310).

В «Толковом словаре русского языка начала XXI века» словарная статья, посвященная инновации *Интернет*, начинается со следующего комментария:

Интернет [*И* прописное или (*реже*) строчное] <тэрнэ>, а и (*реже*) нескл., м. [англ. Internet]. Далее приводится 57 производных сложных слов, и каждое из них снабжено комментарием: *Интернет-агентство* [*И* строчное или (*реже*) прописное] (ТС 2006, 412).

В Словаре приводятся также самостоятельные слова *интернетовский*, *интернетомания*, *интернетчик*, зафиксированные в языке СМИ.

Таким образом, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что инновация *Интернет* относится к иноязычным словам, обозначающим коммуникативно важные понятия. Признаками этих слов является частотность, образование производных, а главное — они «делаются объектом сознательного употребления и связанных с этим обыгрываний, каламбуров, структурных переделок и т.п.» (Крысин 1996, 154).

Последнее можно продемонстрировать разнообразными примерами языковой игры (далее — ЯИ), ср.: *Интернетизация всей страны обостряет проблему госбезопасности?* (Известия, 30.12.1997). Эта инновация входит в большую группу инноваций на *-изация*, мотивированных как нарицательными, так и собственными существительными и имеющих отчетливо выраженный социальнооценочный характер (Ильясова 2002, 78–87). Следующий по времени пример ЯИ: *Анка-интернетчица* (Комсомольская правда, 24.03.2000) по механизму создания представляет собой, во-первых, игру с прецедентным феноменом — прецедентным именем *Анка-пулеметчица*, на что

имеется явное указание в заголовочном комплексе, ср.: *Да уж, героиня нашего времени явно не пулеметчица, а интернетчица*. Во-вторых, ЯИ построена на обыгрывании модели, или аналогического словообразовании: *пулеметчица – интернетчица*, причем эти понятия сталкиваются, противопоставляются, и противопоставление оказывается не в пользу инновации — она явно оценивается иронически.

ЯИ с другим прецедентным феноменом — строкой из «Интернационала» — представлена в таком примере: *С ИНТЕРНЕТционалом воспрянет род людской* (Комсомольская правда, 05.04.2004). Отметим, что средством актуализации в этом примере является и графическая игра — выделение сегмента слова.

Прием образования слов «по конкретному образцу» (Е.А. Земская), «предсказамус-прием» (С.В. Ильясова) представлен в таких примерах ЯИ, как: *ПОРНОнет, или Как разделить Интернет на хороший и плохой, не ущемляя свободы* (Аргументы и факты, 2008, №3); *КИТАЙНЕТ* (Версия, 2008, №34).

Наконец, разнообразие приемов ЯИ можно увидеть в следующем примере: *И-нет денег* (Известия, 12-14.03.2010). Это обыгрывание разговорного варианта *инет* (*и-нет*) путем совмещения букв двух алфавитов.

II. Заимствование и обыгрывание иноязычных формантов

В известной работе «Словообразование как деятельность» Е.А. Земская в качестве одного из показателей деятельностного характера словообразования называет появление новых строительных элементов, ср.:

«В активное словопроизводство вовлекаются сегменты заимствованных слов типа *-дром*, *-тека*, которые на наших глазах превращаются в аффиксы» (Земская 1992, 124).

Отмеченный процесс идет в современном русском языке достаточно активно. В рамках данного исследования покажем это на примере форманта *-номика*: «Специфичны для нашего времени произведенные телескопическим способом (*имя лица* + формант *-номика*, сегмент слова *экономика*) наименования экономической политики того или иного деятеля: типа *рейганномика*, *клинтономика* (от фамилии президентов США), ср.: заголовки: ‘Билл Клинтон покончил с *рейганомикой*’» (Известия, 10.08.93).

Родилось подобное наименование и от фамилии Гайдар: *гайдарономика*. Отметим, что в имеющихся у нас материалах это слово да-

ется в кавычках (знак новизны, неузуальности) и содержит отрицательные коннотации («экономика по западному образцу», «экономика утопическая, вредная для народа»). Напр.: утопические схемы *гайдарономики* (Новая газета, 23.10.93); маячащая перспектива взрыва в результате явного провала *«гайдарономики»* (Новая газета, 23.10.93; Земская 1996, 100–101).

Как показывает анализ материала, инновации на *-номика* создаются как с участием как имен собственных, так и нарицательных. К первым относятся: *Грефономика* (Известия, 10.08.2005); *«Луканомика» должна быть экономной* (Известия, 23.12.2008); *Бернанкономика* (Итоги, 03.08.2009); *Обамономика* (Известия, 04.08.2010).

Все приведенные инновации употреблены в заголовках, т.е. в сильной позиции, их назначение — привлечь внимание. Большая часть инноваций на *-номика* понятна уже в позиции заголовка, так как они мотивированы так называемыми ключевыми словами, ср.: Г. Греф — министр экономического развития и торговли РФ в 2000–2007 гг., Б. Бернан — глава Федеральной резервной системы США, Б. Обама — президент США. Стоит отметить, что инновация *обамономика* встает в ряд инноваций, образованных от фамилий президентов США. В некоторых пояснениях нуждается инновация *луканомика*, где в роли первой части использовано сокращение от фамилии Лукашенко. Стоит, очевидно, обратить внимание и на тот факт, что инновация включена в прецедентный феномен *Экономика должна быть экономной*, представляющий собой «демагогический лозунг времен застоя (70–80-е гг.), прозвучавший в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (1905–1982), возглавлявшего СССР с 1966 по 1982» (Берков и др., 2005, 557).

Если оценивать данный пример ЯИ с позиций прагматики, то очевидна установка на создание аллюзии.

В рассматриваемую группу можно включить и следующий пример: *Батькономика* (Известия, 21.06.2010), где под *батькой* понимается президент Белоруссии А. Лукашенко. Думается, что на сегодняшний день нарицательное существительное *батька* превратилось уже в собственное, в своеобразный перифраз для обозначения белорусского президента.

Следующая группа инноваций на *-номика* мотивирована именами нарицательными: *фондономика* (Известия, 25.07.2007); *футболономика* (Известия, 05.07.2010); *водкономика* (Известия, 03.11.2010).

Если первая из инноваций имеет, скорее, терминологический, нежели игровой, характер, то две следующие созданы с установкой на языковую игру, но, если в первом случае ожидания читателя, настроившегося на некий шуточный или иронический тон статьи, окажутся напрасными, так как в публикации говорится о подготовке к чемпионату мира в ЮАР, то тон второй публикации вполне соответствует заголовку. Автор статьи предлагает оценивать состояние российской экономики состоянием *водкономики*, под которой он понимает поступление в бюджет от продажи алкогольной продукции.

Таким образом, сегмент *-номика* достаточно свободно соединяется с самыми разнообразными основами.

III. Совмещение букв разных алфавитов

В языке современных СМИ широкое распространение получил прием *графогбридизации* — «оформление новообразований с помощью графических средств разных языков (Попова 2007, 231). Графогбридизация оценивается исследователями современного русского языка весьма неоднозначно. Одни считают, что «манипулирование двумя алфавитами, кириллическим и латинским, используется как средство привлечения внимания, создание особой выразительности» (Земская 2004, 520). Другие видят в нем «нарушение принципов стандартов употребления кириллического письма», «варваризацию языка через латиницу» (Максимов 2003, 66–67).

На фоне резких и эмоциональных высказываний о роли латиницы в современном русском языке выделяется своей взвешенностью подход, предложенный Е.В. Мариновой (Маринова 2007, 327–334). Мы стоим на тех же позициях и считаем, что следует различать уместное и неуместное употребление латиницы. Анализу графогбридизации мы посвятили ряд наших исследований (см., напр.: Ильясова, Амири 2009), поэтому в данном исследовании ограничимся демонстрацией этого приема на примере аббревиатуры *PR* (*niap*). Как считает В.М. Лейчик, эта аббревиатура является самой распространенной среди англо-американских аббревиатур, проникших в современный русский язык. Между тем автор обращает внимание на то, что «неясно, как его < акроним — *С.И., О.Р*> писать по-русски» (Лейчик 2002, 42). Напротив, Л.В. Баранова считает, что

«английское сокращение *PR* не только было графически освоено русским языком, но и полностью лексикализовалось, превратилось в самостоятельное слово со всеми его характеристиками, которое, в свою оче-

редь, стало основой целого ряда производных: *самопиар, антипиар, пиарищица, пиарищик...*» (Баранова 2009, 103).

Видимо, трудно не согласиться с этой точкой зрения в отношении узуального словообразования. В то же время ЯИ с этой аббревиатурой строится по преимуществу на использовании приема графогбридизации, что подтверждают данные нашей картотеки, ср.:

РиРаньи (Версия, 1999, № 42); *Процай, РРезидент* (Версия, 2000, № 13); *Тульский РРяник* (Версия, 2001, № 14); *РРавила игры* (Версия, 2001, № 46); *Кнутом и РРяником* (Версия, 2006, № 2); *Русский РРемонт* (Аргументы и факты, 2006, № 19); *РРизнания РРекрасных незнакомк* (Известия, 11.09.2008).

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что иноязычность в языке современных российских СМИ представляет собой широкомасштабное явление, что вполне позволяет употребить в отношении ее термин *феномен*.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова 1969 — О.С. Ахманова. *Словарь лингвистических терминов*. Москва, 1969.
- Баранова 2009 — Л.А. Баранова. *Словарь аббревиатур иноязычного происхождения*. Москва, 2009.
- Берков и др. 2005 — В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулержкова. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва, 2005.
- Земская 1992 — Е.А. Земская. *Словообразование как деятельность*. Москва, 1992.
- Земская 1996 — Е.А. Земская. *Активные процессы современного словопроизводства*. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 1996, с. 90–140.
- Земская 2004 — Е.А. Земская. *Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь*. Москва, 2004.
- Ильясова 2002 — С.В.Ильясова. *Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ*. Ростов-на-Дону, 2002.
- Ильясова, Амири 2009 — С.В. Ильясова, Л.П. Амири. *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. Москва, 2009.
- Костомаров 1999 — В.Г. Костомаров. *Языковой вкус эпохи*. Санкт-Петербург, 1999.

- Крысин 1996 — Л.П. Крысин. *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 1996, с. 142–161.
- Крысин 2008 — Л.П. Крысин. *Лексическое заимствование и калькирование*. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. Москва, 2008, с. 166–184.
- Лейчик 2002 — В.М. Лейчик. *Пиар и другие аббревиатуры*. Русская речь, Москва, 2002, № 5, с. 40–44.
- Максимов 2003 — В.И. Максимов. *Графические игры*. Русская речь, Москва, 2003, № 5, с. 66–68.
- Маринова 2007 — Е.В. Маринова. *Латиница в русском языке: проблема графического заимствования*. Жизнь языка. Памяти М.В. Панова. Москва, 2007, с. 322–334.
- Ожегов 1973 — С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. Москва, 1973.
- Попова 2007 — Т.В. Попова. *Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI века*. Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, 2007, с. 230–231.
- ТС 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Санкт-Петербург, 1998.
- ТС 2001 — Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Москва, 2001.
- ТС 2006 — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Москва, 2006.

S. Ilyasova, O. Rudenko. Võõrkeelsuse fenomen tänapäeva vene keeles (tänapäeva Venemaa massimeedia väljaannete põhjal)

Võõrkeelsust vaadeldakse kui mitmekesist nähtust nii oma väljendusviiside kui ka teostatavate funktsioonide iseloomu poolest. Esimene võõrkeelsuse ilmnemine, uue sõnavara laenamine ja omandamine, on esitatud abreviaatuuri *Internet* näitel, teine, võõrkeelsete formantide laenamine ja kasutamine, formandi *-noomika* näitel, kolmas, grafohübridisatsioon e erinevate tähestike tähtede ühitamine (abreviaatuur *PR*).

Светлана Борисовна Евстратова
Тартуский университет

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ В ЭСТОНИИ

Русскоязычные телепередачи в Эстонии – речевые особенности – нормированность – заимствования – коммуникативно-прагматические особенности

В 2002 г., выступая на конференции «Проблемы языка диаспоры» (Тарту, 2002), проф. А.Д. Дуличенко предложил вниманию ее участников социолингвистический проект с целью

«запечатлеть реальное состояние русского языка в прибалтийских странах в определенный отрезок времени, с тем чтобы спустя, скажем, десять лет можно было вновь провести подобное исследование и сопоставить полученные результаты» (Дуличенко 2002, 74).

Проект охватывал все сферы функционирования языка в определенный отрезок времени, при этом акцент делался на объеме использования русского языка с учетом ситуаций его употребления. Одну из ниш предложенной автором проекта «функциональной матрицы» заполняла сфера массовой коммуникации: периодика по жанрам, радио и телевидение. Хочется надеяться, что данная статья, целью которой является предварительное описание речевых особенностей некоторых русскоязычных телепередач в Эстонии, будет способствовать воссозданию более полной картины функционирования русского языка в условиях диаспоры. Материал русскоязычных телевизионных передач, создаваемых в Эстонии, практически не изучен (см. Костанди 2005, 191–199). В одной из предыдущих публикаций мы начали описывать этот материал (Евстратова 2011, 157–161) и в данной статье продолжим его анализ.

В Эстонии телевизионные услуги предоставляют несколько фирм, и крупнейшие из них — ELION, Starman и STV. Полный пакет услуг телевидения digi TV10 на русском языке стал доступен благодаря крупным инвестициям фирмы ELION в трансляцию русскоязычных

каналов. Эта крупнейшая телекоммуникационная фирма занимает лидирующую позицию по продвижению дигитального телевидения на рынке Эстонии, Starman и STV также являются крупными провайдерами телевизионных услуг в республике. В одном из наиболее популярных пакетов телевизионных каналов оператора ELION, «Славянском основном пакете», насчитывается 69 каналов — как и в «Эстонском основном пакете». Различие между двумя пакетами состоит в том, что вместо финских и нескольких менее известных западноевропейских каналов представлены каналы на русском языке.

Приведем основной перечень доступных эстонскому телезрителю передач на русском языке.

Основные славянские каналы:

Первый Балтийский Канал: транслируется в Прибалтике на русском языке, на этом канале передаются новости, демонстрируются фильмы, сериалы из России.

РЕН ТВ: российский телеканал, на котором доминируют ток-шоу и сериалы.

РТР Планета: один из основных круглосуточных российских каналов, отражающих культурные, спортивные события и демонстрирующих российские фильмы.

НТВ Мир: один из основных российских каналов, на котором отражаются политические, культурные, спортивные события, демонстрируются российские фильмы и сериалы.

Русскоязычные аудиоканалы:

Fox Life: развлекательный канал на русском и английском языках с субтитрами на эстонском языке.

Fox Crime: канал, на котором демонстрируются в основном криминальные сериалы на русском и английском языках с субтитрами на эстонском языке.

Дополнительные славянские каналы:

TVN: авторские передачи, фильмы, новости, сериалы на русском языке.

Orsent: канал на русском языке, программа которого была составлена из сводок новостей, культурных, молодежных, семейных и музыкальных передач; демонстрировались документальные и художественные фильмы. Канал прекратил существование из-за отсутствия субтитров на эстонском языке.

Время: развлекательный канал на русском языке, выступают представители российской эстрады.

ТДК: телеканал на русском языке «для дам».

TBN Baltia: телеканал на русском языке.

Inter+: украинский телеканал на русском и украинском языках, транслирующий документальные программы, фильмы, музыкальные передачи, которые отражают жизнь украинцев на родине и за рубежом.

Multimania: детский канал на эстонском, русском, латышском и литовском языках.

Детский: канал на русском языке без субтитров, на котором показывают российские мультфильмы.

Научно-популярные каналы:

Discovery Travel & Living: канал на английском и русском языках для любителей путешествий и природы.

Discovery Channel: научно-популярный телеканал на английском и русском языках.

Discovery World: познавательный и в то же время развлекательный канал на английском и русском языках.

Discovery Science: научно-популярный канал на английском и русском языках.

Discovery Investigation: канал на английском и русском языках.

National Geographic: познавательный канал на английском и русском языках.

Образовательные каналы и каналы о природе:

Nat Geo Wild: канал на английском и русском языках.

Animal Planet: канал на английском и русском языках.

Travel: канал на английском и русском языках.

Новостные каналы:

Euronews: новостной канал.

Российские киноканалы:

Русский иллюзион: канал классического кино на русском языке.

Diva Universal: показ фильмов и сериалов на английском и русском языках.

TVXXI: канал на русском языке, демонстрируются киноклассика, авангардистские фильмы, мюзиклы, сериалы.

Дом кино 2: классика и современное российское кино на русском языке.

Спортивные каналы:

Eurosport: спортивные события с компетентными комментариями на английском и русском языках.

Eurosport 2: канал для любителей экстремальных видов спорта, транслируется на русском и английском языках.

Extreme Sports: канал об экстремальных видах спорта, транслируется на английском, немецком, русском и французском языках.

Европейские музыкальные каналы:

Музыка: хиты на английском и русском языках.

Первый Балтийский Музыкальный канал: российская музыка и SMS-игры, передачи на русском языке.

MUZTV: 24 часа популярной музыки и песен, 60% песен — на русском языке.

Религиозные каналы:

Life TV: передачи на эстонском, английском, русском языках.

Таким образом, в Эстонии телеэфир представлен множеством каналов: спутниковые (Discovery, Travel, History), российско-американо-израильский RTVI, русские, белорусские, украинский. Вещающий на прибалтийском пространстве ПБК передает российские программы, но на этом же канале можно увидеть и услышать прибалтийские передачи, в т.ч. собственно эстонские, которые включают «Русский вопрос» на русском языке. Есть ряд местных каналов на эстонском языке, транслирующих и русскоязычные передачи. На эстонских государственных каналах ETV1 и ETV2 можно увидеть «Суд присяжных» и его преемницу, финансируемую «Фондом интеграции» дискуссионную передачу «Треугольник» на русском языке с эстонскими субтитрами; посвященную вопросам культуры «Батарею» на эстонском и русском языках параллельно, новости и «Актуальную камеру» на русском языке. Для одних участников этих передач русский язык является родным, для других — иностранным. На американском и европейских каналах мы слышим «переводной» русский язык, а оригинальный русский язык звучит на российских, украинских и белорусских каналах.

Такое обилие и разнообразие телевизионных передач, смесь различных вариантов русского языка хорошо отражает нашу языковую ситуацию и дает возможность познакомиться с самыми разными речевыми практиками. Телеэфир Эстонии «во многом отражает мультикультурность русскоязычной аудитории стран Балтии, наличие в этой аудитории различных, сложным образом переплетающихся влияний и ориентаций» (Костанди 2005, 191): это взаимные контакты русских диаспор трех балтийских стран, связь с метрополией (Россией), а также воздействие культуры и языка титульной нации каждой из трех стран. Русский язык в диаспоре становится «все более иностранным», мы наблюдаем пространственное и временное совмещение разных миров. На что может быть ориентирован мир

эстонского телезрителя, предпочитающего смотреть программы на русском языке?

Многоуровневый телевизионный продукт формируется под влиянием разнообразных экстралингвистических факторов: культурологических, экономических, технологических, политических. При этом современные СМИ не только отражают реальность, но и как бы заново структурируют ее, создавая картину мира. Варьирование языковых средств как способ речевого воздействия становится все более разнообразным.

Следует отметить, что на американских и европейских телеканалах, вещающих на переводном русском языке, звучит очень корректная русская речь. Лишь изредка можно услышать орфоэпические ошибки (*Около тысячи человек прошли маршем к стёнам палаты*) и непривычные для слуха, не вошедшие пока в активный лексический запас носителей русского языка американизмы (*Его фирменный филл — разрывание подушки*: речь идет о любимых развлечениях собак, пример из передачи «Animal Planet» от 22.06.2011). Естественно, что этот переводной русский язык имеет свою систему топонимов, антропонимов, официальных наименований (*федеральный округ, префектура*), а переводной текст во многом зависит от переводчика; в разные периоды одна и та же передача в русском переводе может называться по-разному: напр., название одной из транслировавшихся по каналу *Discovery Travel & Living* передач звучало в двух вариантах: *Маленькие люди — большой мир* и *Жить непросто людям маленького роста*. В данном случае один переводчик ориентируется на оригинальное название на английском языке, другой — на креативный потенциал русского языка. Следует отметить, что переводные русскоязычные передачи американских и европейских каналов во многом могут служить речевым эталоном, но и дискуссий, спонтанной речи в эфире они не содержат.

Оригинальный русский язык звучит на российских каналах. Для многих российских журналистов, ведущих, участников телепередач характерны экспрессивность и метафоричность высказываний, персонификация топонимов, использование прецедентных текстов, языковая игра, стремление противостоять стереотипам. В эстонских СМИ и телепередачах, в частности, игровое начало, лингвокреативность выражены не столь ярко, тональность телепередач в целом более нейтральна, хотя и им свойствен ряд сходных с российскими те-

телепередачами черт. Речевой фон эстонских телепередач на русском языке в целом более нейтрален в сравнении с передачами, создаваемыми в России, но все же во многом ориентирован на российские СМИ (разумеется, многое зависит от тематики, от ведущих, от особенностей речевого этикета).

Нужно сказать, что для части говорящих по-русски в передачах, созданных в Эстонии, русский язык не является родным, и отсюда закономерны ошибки типа:

Люди с российским гражданством по-другому думают, как (!) с серыми паспортами или синими паспортами; Процент участия был больше, чем в Западном (!) Европе; У них есть еще один (!) возможность.

Использование русского языка в качестве неродного также отражает нашу языковую ситуацию, как и наличие субтитров на эстонском языке к ряду русскоязычных передач. Анализ ошибок не является целью нашего сообщения, тем более что в данном случае прежде всего имеет значение стремление вести диалог и попытаться понять друг друга. Предметом нашего анализа будут в первую очередь уже упоминавшиеся выше передачи, которые появились на эстонских государственных каналах ETV1 и ETV2: «Суд присяжных» и его премница, дискуссионная программа «Треугольник/ Kolmnurk». На наш взгляд, замена программы «Суд присяжных» «Треугольником/ Kolmnurk» является одним из заметных событий, касающихся создаваемых в Эстонии русскоязычных телепередач. Само изменение названия программы предполагает другой формат и иные языковые средства, релевантные для коммуникативного поведения ее участников, — это не только семантика, но и стилистико-прагматические средства оформления высказывания, адресованного собеседникам («Суд присяжных» — аудитория, двое ведущих и «ареопаг» судей; «Треугольник/ Kolmnurk» — ведущий/ ведущая и трое собеседников). Изменилась тональность телепередачи: вместо несколько агрессивного «Суда» — некоторая готовность к «коммуникативному сотрудничеству», — что не могло не отразиться на стратегиях речевого поведения участников телепередач. Отметим еще раз, что участники обеих программ говорят на русском языке, но каждая фраза сопровождается субтитрами на эстонском — или наоборот, когда проводится блиц-интервью. В качестве фона будут использоваться единичные примеры из других передач. Мы не претендуем на анализ всех аспектов этих программ, остановимся лишь на таких мо-

ментах, как их нормативность, иноязычное влияние, коммуникативно-прагматические особенности.

Говоря о нормативности, отметим, что допускаемая с целью создания определенного колорита разговорная лексика не входит в норму литературной речи. Для многих местных телепередач (как, впрочем, и российских), в том числе и для «Суда присяжных», прежде всего характерно широкое использование разговорной лексики, причем запрет с просторечий снят не только в ироничном контексте:

- (1) *Пользователь спокойно лезет в Интернет и не парится* (Суд присяжных, 20.07.2009: Мы живем в Интернете?).
- (2) *Месяц назад мне моча в голову ударила, и я устроилась работать уборщицей* (Суд присяжных, 03.08.2009: Языковая инспекция — карательный орган?).
- (3) *В этом есть прикол* (Суд присяжных, 20.07.2009: Мы живем в Интернете?).

В создаваемых на эстонском телевидении русскоязычных передачах довольно часто звучат фразеологизмы, паремии, прецедентные тексты: коммуникативная ситуация, зачастую возникающая во время этих передач, влияет на речевое поведение участников программ, и именно перечисленные языковые средства позволяют более метко и лаконично сформулировать свою мысль.

- (4) *Я уже сказала Вам, что время рожать — с 20 до 45, а уже придется это время на кризис или нет, это знает, бабушка надвое сказала* (Суд присяжных, 14.09.2009: Кризис — время рожать?).
- (5) *Почему так: если появляется в Эстонии русский лидер, то он или постепенно склоняется в сторону эстонцев и становится святее папы римского, или становится радикалом. Возможна ли золотая середина?* (Суд присяжных, 14.09.2010: Герои и антигерои нашего времени).
- (6) *Рожать в кризис, чтобы упрочить свое материальное положение, нельзя, потому что дети должны рождаться по другим мотивам, не по политическим, не по финансовым, а по любви. Не в ячейке, где пытаются свести концы с концами* (Суд присяжных, 14.09.2009: Кризис — время рожать?).
- (7) *Куда ни кинь: о культуре заговорили, все равно закончилось политикой* (Русский вопрос, 27.03.2010).

Исследуемый материал отражает иноязычное влияние, неизбежное в нашей ситуации. Как отмечалось в некоторых работах (напр.: Щаднева 2009, 224–245), самые наглядные и естественные особенности

русской речи жителей Эстонии — это эстонские лексические вкрапления, которые часто встречаются и при этом зачастую имеют дополнительные оттенки — национально-культурные или стилистические характеристики. Русский язык в Эстонии, как и во многих других странах, имеет свою систему прецедентных названий, свою систему топонимов и антропонимов. Можно сказать, что в данном регионе (в сравнении с языком метрополии) отчасти складываются некоторые особенности в лексике, наблюдаются некоторые грамматические отличия. Следует отметить, что в записанных нами телепередачах эстонских заимствований было относительно мало, что особенно бросалось в глаза на фоне множества англо-американских вкраплений, — правда, зачастую связанных с проблемами пользования компьютером, но не только:

(8) *У трети стоят трояны, у половины есть спамы. Пользованию компьютером надо учить в школе* (Суд присяжных, 20.07.2009: Мы живем в Интернете?).

(9) *Найти анонимного прокси — дело двух минут* (Суд присяжных, 20.07.2009: Мы живем в Интернете?).

(10) *Если мы уничтожим полностью русскую школу, мы получим не новых эстонцев, а русских маргиналов* (Суд присяжных, 14.09.2010: Герои и антигерои нашего времени).

(11) *Это мнение экзистировало уже давно* (Новости Эстонии на ПБК, 12.07.2010).

На фоне заимствованной лексики выделяются слова и словосочетания, «местное» значение которых понятно только жителям Эстонии, поскольку они отражают эстонские реалии: *родительская зарплата, мамина зарплата, Бронзовый солдат, квалитет, Рийгикогу, кома* (при озвучивании цифровых данных) и др.

(12) *Да, эта мамина зарплата помогает прежний уровень сохранить* (Суд присяжных, 14.09.2009: Кризис — время рожать?).

(13) *Этническое единение произошло после Бронзовой ночи. В тот момент все русские выступили как единое целое. Что касается лидеров, их тогда не нашлось: слишком быстро все на нас обрушилось, мы не были готовы* (Суд присяжных, 14.09.2010: Герои и антигерои нашего времени).

(14) *Человек подумает, стоит ли открывать рот и выступать на эстонском языке, чтобы не быть harimatu tibla* (Русский вопрос, 02.10.2010).

В речи участников «Треугольника» (всего нами было прослушано 12 передач), в отличие от «Суда присяжных», нами был зафиксирован один случай использования сниженной, просторечной лексики, хотя обсуждались достаточно болезненные проблемы (пример 15). Эстонские и англо-американские лексические вкрапления встречаются примерно с той же частотностью, как и в других телепередачах, но в целом они уместны, речь приглашенных на телепередачу экспертов грамотна и корректна. Различные характеристики этой речи представлены в следующих примерах:

(15) Пусть *неисторики* занимаются историей на кухне и не лезут на страницы газет (Треугольник/ Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).

(16) Убедительная просьба проанализировать все это у вас там наверху, в Рийгикогу (Треугольник, 27.09.2010: Почему молодые и талантливые уезжают работать за границу?).

(17) Налог по безработице поднялся до 4 кома 2% (Треугольник, 15.02.2011: Рост эстонского экспорта: закономерность или случайность?).

(18) Я удивляюсь, почему политические амбиции превалируют над логикой. Надо перестать бояться и надо торговать как с западным соседом, так и с восточным соседом (Треугольник, 15.02.2011: Рост эстонского экспорта: закономерность или случайность?).

(19) К 9 мая градус эмоций накаляется, хотим мы этого или нет. Это происходит из-за коммеморации истории — проще говоря, из-за того, что политики трактуют историю в своих целях (Треугольник/ Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).

(20) Моя история — Холокост, бабушка и дедушка погибли. История Эстонии — после войны этой страны уже нет. Короткая история эстонской государственности кончилась с этой войной, отсюда такое отношение (Треугольник/ Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).

(21) Нужно понижать градус напряженности, и начинать надо с себя. Я не оскорблю соседа, потому что у меня плохое настроение. Или хорошее — чтобы было еще лучше (Треугольник / Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).

(22) Каждый вправе отмечать этот день так, как подскажет ему сердце. Здоровья вам, весеннего настроения и всего самого доброго (Треугольник/ Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).

(23) *А зачем останавливать этот поток? Не надо мыслить Эстонию отдельно от Евросоюза! Я думаю, ты согласишься со мной* (Треугольник, 27.09.2010: Почему молодые и талантливые уезжают работать за границу?).

Последний пример иллюстрирует все еще непривычное для местных носителей русского языка стремление к интимизации общения между малознакомыми людьми, причем обращение на «ты» по отношению к ведущей использует прекрасно говорящий по-русски гость телепередачи, родным для которого является эстонский язык. Языковой барьер между собеседниками отсутствует полностью, в данном случае следует говорить о своеобразной коммуникативной установке одного из участников беседы. Для успешного осуществления акт коммуникации должен отвечать правилам речевого этикета, но приведенный пример может быть объяснен как влиянием эстонской культуры, так и тем, что этикетные нормы в русской культуре в настоящее время подвергаются изменениям, особенно заметным в условиях диаспоры (Кокшарова, Фогельберг 2009, 45–64). Этот аспект русскоязычных телепередач в Эстонии требует особого внимания, поскольку в формате разных программ он реализуется по-своему.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуличенко 2002 — А.Д. Дуличенко. *Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI: Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002, с. 68–81.
- Евстратова 2011 — С.Б. Евстратова. *Русская речь в телеэфире Эстонии*. Русистика и современность. 13-я международная научная конференция. Сборник научных статей. Рига, 2011, с. 157–161.
- Иссерс 2009 — О. С. Иссерс. *Новые дискурсивные практики в современной России*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII: Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009, с. 260–276.
- Костанди 2005 — Е.И. Костанди. *Прагматика новостного дискурса (на материале «Первого Балтийского канала»)*. Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы. Сборник научных статей под ред. Ю.Е. Прохорова. Вып. 1. Рига, 2005, с. 191–199.

- Кокшарова, Фогельберг 2009 — И. Кокшарова, К. Фогельберг. *Прагматические значения обращений ты / Вы у эстонцев, русских в России и русскоязычной диаспоры Эстонии*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII: Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009, с. 45–64.
- Наумова 2007 — Е.О. Наумова. *Прецедентные тексты как инструмент креативности в современной публицистике*. Москва, 2007.
- Щаднева 2009 — В.П. Щаднева. *О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII: Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009, с. 224–245.

S. Jevstratova. Venekeelsete telesaadete keelelised iseärasused Eestis

Artikkel on pühendatud mõningate Eesti venekeelsete telesaadete keelelistele iseärasustele. Vaadeldavad telesaated on väga mitmekesised, seetõttu on ka nende auditoorium multikultuurne. Väga olulisteks mõjuteguriteks on nt kontaktid Venemaaga, eesti keele ja kultuuri mõju, saadetes osalejate hoiakud. Venekeelsete telesaadate tüüpilised keelelised eriomadused esitletakse artiklis saadate «Vandekohus»/ «Суд присяжных» ja «Kolmnurk»/ «Треугольник» näitel. Eripärana ilmneb kõnekeeles laensõnade kasutamine ning keelenormidest kõrvale kaldumine üldnimetatud juhtudel.

Елизавета Ильмаровна Костанди
Тартуский университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ДИАСПОРЫ

*Языковые контакты – русский язык – разговорная речь русской диаспоры
Эстонии – иноязычные вкрапления*

Вторая половина 1990-х – начало 2000-х гг. стали периодом, когда язык русских диаспор на постсоветском пространстве только начинает системно анализироваться. В это время исследователи еще отмечают недостаточную изученность вопроса. Так, А.Д. Дуличенко пишет в этой связи:

«<...> на глазах меняющаяся ситуация с положением русского языка в постсоветской Прибалтике на протяжении вот уже десятилетия так и остается недостаточно зафиксированной и изученной» (Дуличенко 2002, 68).

В течение следующего десятилетия существовавший пробел постепенно заполняется: в исследованиях письменной и устной речи русской диаспоры Эстонии на материале языка СМИ (газета, радио, телевидение, Интернет), рекламы, разговорной речи, официально-деловых текстов и др. выявлены многие ее черты (ТРСФ 2000, 2002, 2009). К наиболее очевидным особенностям относятся, напр., специфика функционирования русского языка в разных сферах, распространность латиницы в письменном русском языке, эстонские заимствования (варваризмы, кальки), местные неологизмы или переосмысление семантики существующих слов, активность образования отдельных типов словосочетаний и др. Если в 1990-е гг. исследовался прежде всего язык СМИ, то постепенно внимание лингвистов переключается и на иной материал — тексты прикладного характера, учебные, официально-деловые тексты, разговорную речь, которой и посвящена настоящая статья.

Материалом для анализа послужили записи разговорной речи, сделанные преимущественно студентами отделения славянской фи-

логии Тартуского университета. В качестве зачетной работы по курсу «Русская разговорная речь» каждый студент делает диктофонную запись фрагмента разговорной речи, которую затем расшифровывает и анализирует. В результате за несколько последних лет собраны образцы современной разговорной речи русскоговорящих жителей Тарту, Таллина, Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ и других мест. Автор статьи выражает благодарность всем слушателям курса, согласившимся предоставить свои материалы. Часть записей разговорной речи сделана автором статьи. Первые наблюдения над языковыми характеристиками этого материала были представлены в сборнике 2006 г., посвященном проф. А.Д. Дуличенко (Костанди 2006, 332–336), что повлияло на решение предложить в настоящий сборник статью, продолжающую анализ того же материала, но существенно дополненного за пять лет. Ранее записи лишь частично анализировались с целью установления признаков, характеризующих устную речь в ситуации языковых контактов (Костанди 2006, 332–336; 2007, 344–350; 2008а, 108–124; 2008б, 59–68; 2010, 163–173). До настоящего времени иноязычные вкрапления в имеющемся материале предметом специального анализа не были. Отдельные примеры такого рода рассматривались во многих работах, посвященных языку диаспоры; настоящая статья начинает системный анализ иноязычных вкраплений в собранном материале — разговорной речи русской диаспоры Эстонии. Системный анализ иноязычных вкраплений в разговорной речи может быть начат с выявления возникающих при этом основных общих вопросов и соответствующих им аспектов дальнейших исследований. Цель настоящей статьи — наметить круг проблем, актуальных для последующего детального анализа.

Прежде всего следует отметить, что вкрапления эстонских или каких-либо иных слов (на этапе сбора материала использовался формальный критерий: слово/ словосочетание являются очевидно не русскими; функциональный подход применялся на этапе анализа материала) встречаются в большинстве проанализированных записей, однако имеют они разный характер — от единичных словоупотреблений (примеры 1, 2) до регулярного включения их говорящим в свою речь (примеры 3, 4). Оформление иноязычных вкраплений при расшифровке записей связано с рядом спорных моментов: записывать ли их кириллицей или латиницей, использовать ли в некоторых

случаях кавычки, заглавную букву и др. В приводимых примерах в основном сохранены те формы, которые были предложены авторами записей. Они присутствовали в ситуации разговора и поэтому могут лучше выбрать способ, наиболее соответствующий условиям коммуникации, основным смыслам и добавочным коннотациям, которые имели в виду говорящие. Следующие фрагменты записей дают общее представление об иноязычных вкраплениях в разговорной речи в условиях диаспоры (в примерах сохранены наиболее яркие особенности произношения говорящих):

- (1) *Французский кохуцима (смотрит на этикетку торта) // Не знаю / я такой ещё не ела / Вкусный //*
- (2) *А. А вы че это уже Новый год встречаете? Или провожаете? Б. Ин дав (показывает на надписи на украшениях) / видишь;*
- (3) *Это разные вещи / деклареримине (объясняет порядок пользования инфосистемой) значит там есть деньги // сиссемакс — что вносите три тыщи / ... потом уже все каубад пойдут;*
- (4) *Я в «теадусе» «ууенда» нажимаю // ничего не происходит / (пытается внести данные в инфосистему) «эй лейтуд» пишет.*

На первый взгляд иноязычные вкрапления представляются бессистемными, т.е. случайными и обусловленными лишь индивидуальными авторскими предпочтениями и окказиональными условиями коммуникации, однако по мере накопления материала картина меняется. Разумеется, встречаются случайные неоправданные вкрапления, однако значительная по объёму часть примеров «регулируется» некоторыми общими факторами. Это «регулирование» не является строгим, а представляет собой скорее общую тенденцию, на характеристике которой остановимся далее.

Можно выделить несколько типичных случаев появления иноязычных вкраплений. Наиболее частотное использование имен собственных или функционально приближающихся к ним единиц: названий организаций, фирм, магазинов, учреждений, фильмов, песен, компьютерных программ и т.д., напр.:

- (5) *Я сёдня пока в «Selver» ходила / у меня машину забросало уже как сугроб //*
- (6) *А где ты... я не нашла эту шоколадку в «Säästumarket-e»? Ты в «Säästumarket-e»?;*
- (7) *У них немножко другие игры / у них не «Что? Где? Когда?» / у них.. / у нас на логику / на сообразительность / на догадаться где-то / сопоставить // а у них на знания / у них.. э-ээ.. как же сказать / мялу...;*

(8) *Наш максуамет совсем с ума сошел.*

В примерах 5, 6 говорящие используют имена собственные — названия магазинов («Selver», «Säästumarket»), которые, разумеется, не «переводятся» даже в тех случаях, когда это формально возможно (ср.: «Säästumarket» ‘экономный магазин’). В примере 7 в качестве вкрапления используется часть названия эстонской телевизионной игры «Mälumäng» (*mälu* ‘память’, *mäng* ‘игра’), вкрапление в примере 8 — неполное название «Налогово-таможенного департамента» (Maksu- ja Tolliamet). В приведенных фрагментах представлены два основных варианта, возможных в случае использования имен собственных или функционально приближающихся к ним единиц. Во-первых, у говорящего может не быть выбора, так как имя собственное, название чего-либо существует только на эстонском или ином языке, русский вариант отсутствует; во-вторых, есть русский вариант названия, или говорящий может его непосредственно в разговоре образовать, однако он использует иноязычное вкрапление. В первом случае попытка использовать какое-либо «русское» слово для обозначения предмета речи неизбежно приведет либо к полному непониманию, либо к осложнению коммуникации, так как у адресата могут возникнуть проблемы с идентификацией предмета. Как свидетельствуют примеры, во втором случае говорящий чаще всего действует по аналогии с первым. Если в первом иноязычное слово — единственная возможность однозначно соотнести языковой знак с внеязыковым объектом (референтом) и тем самым идентифицировать предмет речи, то во втором — это наиболее надежный способ сделать то же самое. Идентификация предмета речи становится в подобных случаях основной причиной использования иноязычных вкраплений, а не иных способов номинации. Таким образом, значимость референции для речи получает на материале языка диаспоры добавочное подтверждение, а соотношение референции и номинации приобретает здесь свою специфику.

С проблемами референции соотносится еще один регулярный случай использования иноязычных вкраплений, имеющий, однако, и свою специфику. Говорящий в силу оторванности от постоянного русскоязычного окружения, необходимости использования разных языков, влияния местных реалий или конкретных коммуникативных условий может не знать или не сразу вспомнить, подобрать нужное русское слово, напр.:

- (9) Мне надо декларацию подать в налоговое..., в этот / как его /... в максу...;
- (10) А. Это все равно не повлияет на это ... / как это по-русски... пингерида ? Б. Нет по-русски такого слова;
- (11) А. На почту придет? Б. Сначала... тебе сообщат из .. / как это // кандекескус;
- (12) Б. Не видела таких // Вкусный вкусный пирог / А. Это не пирог. Б. Пирог / (показывает на этикетку коробки) Видишь / написано «коок» / а это пирог /. А. Ну мне кажется ...это многозначное слово... и там / Б. «Коок» это пирог и все!
- (13) Такой ржачный // я короче вчера смотрела / там про зебру, льва, бегемота и ... этого / как его / тыфу / забыла / как это по-русски / все финский в голову лезет ... а-а ... жираф / во!

В приведенных примерах говорящий подбирает подходящее слово, словосочетание и одновременно комментирует этот процесс. Анализ фрагментов речи, содержащих отдельные высказывания о языке или более развернутые комментарии, обсуждение языка, речи, а в нашем случае и ситуации взаимодействия языков, тема отдельного исследования. Как отмечает М.Р. Шумарина,

«в конце XX – начале XXI века активизируется внимание лингвистов к феномену обыденного метаязыкового сознания, содержанием которого являются представления рядовых говорящих (нелингвистов) о фактах языка и речи» (Шумарина 2010, 314).

Наши записи разговорной речи содержат множество так наз. Рефлексивов — «относительно законченных метаязыковых высказываний, содержащих комментарии к употребляемому слову или выражению» (Вепрева 2005, 8). Примеры 7, 9–13 содержат рефлексивы, характеризующие речь диаспоры, т.е. комментирующие иноязычные вкрапления:

э-ээ... как же сказать; в этот... // как его; это... / как это по-русски...; нет по-русски такого слова; как это; написано «коок» / а это пирог... ну мне кажется...это многозначное слово... «коок» это пирог и все; этого / как его / тыфу / забыла / как это по-русски / все финский в голову лезет.

В указанных выше работах (Костанди 2006, 332–336; 2007, 344–350) отмечалось, что разговорную речь диаспоры отличает, в частности, регулярно возникающая в речи тема дву- и многоязычия, что говорит об актуальности этого вопроса для представителей диаспоры.

Это мы видим и в приведенных выше примерах, где комментировались слово или ситуация подбора нужного слова, в других случаях может комментироваться ситуация сосуществования языков, в наших условиях прежде всего эстонского и русского. Языковая ситуация неизбежно отражается в речи и может становиться попутной или специальной темой разговора, о чем свидетельствуют следующие примеры:

(14) *И мы / писали контрольную // ну препод такой смешной / говорит учите все / что-нибудь попадется // Это вообще маразм / и так на эстонском все / вся эта химия // так еще не конкретно / то есть не сказать нормально ему что нам учить! //*

(15) *А. Опять шрифт поменялся / я не понимаю / почему / у меня стоит русский шрифт. Б. Ну? А. И я короче / пишу пишу там / потом опять начинаю / и он меняется / на какой-нибудь эстонский или английский / ... короче / такой бред выходит / что я пишу русскими буквами / эти / эстонские слова.*

Подобные комментарии участников коммуникации также следует отнести к метаязыковым высказываниям, прямо или косвенно оценивающим не какое-либо слово, выражение, а характер языковой ситуации — сосуществование языков, приводящее к регулярному использованию иноязычных вкраплений. Этот аспект устной речи диаспоры также заслуживает, на наш взгляд, отдельного анализа.

Ситуация сосуществования языков проявляется и в виде такого речевого явления, как переключение кода, что можно наблюдать в следующем примере:

(16) *А. Все посмотрели? Б. *Kus on vaikne* ('где тихо'). В. *Köögis* ('на кухне'). Б. *Köögis // köögis* ('на кухне') *там где мусорное ведро выдвигается // там звукоизоляция хорошая.**

В ходе разговора, часть которого приведена выше, коммуниканты регулярно переходят с одного языка на другой, в других записях встречаются также регулярные или единичные переходы. Основным фактором, влияющим на переключение, является, разумеется, языковая принадлежность говорящих. Так, приведенный выше пример является фрагментом большой записи, сделанной во время молодежной вечеринки. В разговоре участвует много молодых людей, явно знающих оба языка, в основном говорят по-русски, но иногда переходят частично на эстонский. Иную ситуацию представляет следующий фрагмент:

(17) А. *Кто это был?* Б. *Да Сильвер* / А. *Что хотел-то?* Б. *Anna kümme krooni...* ('дай десять крон').

Весь предшествующий и последующий разговор происходит на русском языке, у одного из говорящих звонит телефон, после телефонного разговора и следует приведенный выше диалог. Один из собеседников передает слова звонившего, не переводя их на русский. Очевидно, что есть множество и иных частных случаев и причин языкового и экстралингвистического характера, влияющих на переключение кода, детальное их описание на материале разговорной речи и выявление общих тенденций представляется актуальной задачей. Анализ этого явления на ином материале активно ведется многими исследователями, наши данные могут дополнить общую картину.

Большинство приведенных выше примеров, как и собранный материал в целом, говорят о том, что у участников коммуникации часто есть возможность выбора из существующих вариантов: иноязычная или русская единица/ прямой перевод/ иные варианты перевода и др. В этой связи встает проблема вариативности в языке и речи, также требующая более детального анализа. Регулярно на выбор говорящего влияют экстралингвистические факторы, напр., условия коммуникативной ситуации. В примерах 1–4 были даны некоторые пояснения, свидетельствующие об особой значимости этих условий: эстонские или английские слова написаны на этикетке, украшениях, в ссылках в инфосистемах, откуда они и «перекочевали» в устную речь. В других случаях релевантны иные частные причины, что свидетельствует о необходимости изучения того, какие экстралингвистические факторы влияют на включение иноязычных вкраплений в устную речь.

На материале языка диаспор исследователями регулярно фиксируется и анализируется появление у слов и словосочетаний в условиях диаспоры полностью новых или частично трансформированных значений, обусловленных местными реалиями и отличных от языка метрополии. Так, анализируя русскую эмигрантскую прессу 20–30-х гг., А. Зеленин характеризует это явление как семантическую переориентацию лексики (Зеленин 2007, 197–202). Эти процессы происходят и в языке русской диаспоры Эстонии. Аналогичная трансформация происходит и в обратном направлении с эстонскими (или иными) вкраплениями, т.е. происходит семантическая (стили-

стическая, прагматическая) переориентация слов и словосочетаний по сравнению с языком-источником. Так, определенная переориентация эстонского слова, использованного в русской речи, не только происходит, но и обыгрывается в приведенном выше примере 12 (А. *Ну мне кажется ...это многозначное слово... и там* / Б. *«Коок» это пирог и все!*). Регулярны и ситуации, когда говорящий не может даже перевести для себя на русский язык использованное им эстонское слово, не осознает его внутренней формы, а применяет как формальный знак, с помощью которого осуществляется референция, т.е. отсылка к некоторому объекту действительности. Возможные иные значения иноязычного слова или его частей не осознаются говорящим, тем более не учитываются стилистические и прагматические свойства слова, многие его контексты, лексическая сочетаемость и т.д. Подобное наблюдалось в разговоре, пример из которого приведен выше (9). Окациональная семантическая переориентация может происходить в случае языковой игры, напр.:

(18) *В лосях* (на улице Люсси/ Lossi = 'замковая, дворцовая') у нас лекция.

Анализ семантической переориентации лексики на материале разговорной речи также представляется актуальной задачей.

В связи с частотностью рассматриваемого явления — использование иноязычных вкраплений — встает проблема нормативности речи в условиях диаспоры. Разумеется, в странах, где русский язык не является государственным, он не может регулироваться (насколько вообще язык может «регулироваться») какими-либо государственными постановлениями, актами и т.п. В то же время специфика языка в диаспоре не поддается регулированию и со стороны метрополии, в случае с русским языком — со стороны России. Очевидно, норма может лишь поддерживаться общими усилиями учителей, журналистов, общественных деятелей и всех, для кого этот вопрос важен. Проблема существует, она требует анализа и некоторого решения.

Таким образом, наблюдения над использованием иноязычных вкраплений в разговорной речи в условиях диаспоры приводят к необходимости учета в дальнейших исследованиях таких проблем, как характер номинации и референции, специфика метаязыкового сознания говорящих, вариативность в языке и речи, роль экстралингвистических факторов влияющих на использование вкраплений, се-

мантическая переориентация иноязычных слов, включаемых в русскую речь, нормативность речи. Выше были отмечены наиболее общие и очевидные вопросы, требующие отдельного рассмотрения, помимо них возникают более частные проблемы, не затронутые в настоящей статье, целью которой было определение основных направлений дальнейшей работы с материалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Вепрева 2005 — И.Т. Вепрева. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва, 2005.
- Дуличенко 2002 — А.Д. Дуличенко. *Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI: Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002, с. 68–81.
- Зеленин 2007 — А. Зеленин. *Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939)*. Санкт-Петербург, 2007.
- Костанди 2006 — Е. Костанди. *Русская разговорная речь диаспоры*. Микроязыки. Языки. Интерязыки. Сборник в честь ординарного профессора А.Д. Дуличенко. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu, 2006, с. 332–336.
- Костанди 2007 — Е. Костанди. *Лингвокультурологический аспект разговорной речи русской диаспоры Эстонии*. Valoda 2007. Valoda dazadu kulturu konteksta. Language in Various Cultural Contexts. Даугавпилс, 2007, с. 344–350.
- Костанди 2008а — Е. Костанди. *Аксиологический компонент разговорной речи*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XI: Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008, с. 108–124.
- Костанди 2008б — Е. Костанди. *Местоимение **такой** в русской разговорной речи*. Cuadernos de Rusística Española. Granada, 2008, 4, с. 59–68.
- Костанди 2010 — Е. Костанди. *Роль категории темпоральности в формировании устного текста*. Предложение и слово. Кн. 1. Саратов, 2010, с. 163–173.
- ТРСФ 2000, 2002, 2009 — Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия: III. *Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Тарту, 2000; VI. *Проблемы языка диаспоры*. Тарту, 2002; XII. *Активные процессы в языке метрополии и диаспоры*. Тарту, 2009.
- Шумарина 2010 — М.Р. Шумарина. *Синтаксические категории в обыденном метаязыковом сознании*. Предложение и слово. Кн. 1. Саратов, 2010, с. 314–318.

J. Kostandi. Toorlaenude kasutamine diasporaa suulises kõnes

Artiklis analüüsitakse Eesti venelaste suulise kõne omadusi, mis iseloomustavad siinse vene diasporaa keelt: venekeelsesesse kõnesse teiste keelde (põhiliselt eesti) sõnade e. toorlaenude pikkimine. Materjalina on kasutatud vene suulise kõne salvestusi, mida on teinud TÜ slaavi filoloogia osakonna üliõpilased ja artikli autor. Põhiliselt on need spontaansed dialoogid kodus, kohvikus, ülikoolis, koolis, osalejaid on kaks kuni viisteist.

Üldiselt iseloomustab Eesti vene diasporaa suulist kõnet regulaarne toorlaenude kasutamine. Enamjaolt on need eesti, mõnikord inglise, harvemini teiste keelte sõnad. Enamasti tähistavad nad kohalikke reaale — kauplusi, asutusi, organisatsioone jms. Mõnikord neid arutatakse või kommenteeritakse. Artikli eesmärgiks on kindlaks teha uurimise tähtsamaid aspekte: keelendi ja denotaadi suhe, kõnelejapoolne keelendi valik, koodivahetus, mõjutavad faktorid, keele varieerumine, keele semantika muudatused jt.

Анатолий Михайлович Бушуй
Самаркандский институт
иностранных языков

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ УЗБЕКСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

*Фольклорная фразеология – язык переводов с узбекского на русский –
передача национальных реалий – фразеологизация словесных комплексов*

До сих пор недостаточно изучаются языковые особенности фольклорных текстов одного народа в переводной интерпретации на каком-либо языке. Актуальны, напр., вопросы фразеологии русско-язычных переводов узбекских волшебных сказок: это типология фразеологических единиц (ФЕ), формирование основных пластов ФЕ, фразеосемантические поля ФЕ, фразеобразовательные возможности различных групп слов, функциональная активность основных разрядов ФЕ, продуктивность фразеогнезд языка сказки и их семантическая структура и др. Здесь широко отмечаются ФЕ и устойчивые словесные комплексы (УСК), употребляемые преимущественно в фольклорном тексте. Сюда же вполне могут быть отнесены и УСК, которые, встречаясь в общенародном языке, тем не менее активны в сказочном повествовании. Речь идет здесь о таких УСК, как *в давние времена*, *давным-давно* и т.п. Рассмотрим наиболее характерные особенности фольклорных УСК волшебной сказки с точки зрения их структурно-композиционной организации.

Среди УСК сказок выделяются активностью своего употребления различные клишированные образования. Обычно они фигурируют в зачинном контексте сказки как инициальные формулы, ср.:

У ... (не) был(о) ... (54)¹, ср. в контексте: У гератского султана Хусейна Байкары было всего сорок визирей (I, 294)²; Когда-то жил шах. У него был любимый попугай (II, 12); В старые времена жил один виноградарь. Он был сильно опечален тем, что у него не было детей (VIII, 188); У шаха было два сына (IX, 509); Было или не было, но говорят, в давние времена правил некоторым государством один падишах. У этого пади-

шаха совсем не было детей (XV, 173); Было или не было, но говорят, в давние времена в одном большом селении жил некий бай. У этого бая было три жены (XV, 277) и т.п.;

Был(а) у ... (28), ср.: Было не было, но давным-давно, когда звери и птицы умели разговаривать, а розы были заколдованными девушками, жил в стране бедняк. Был у бедняка сын Фархад (II, 47); В давние времена жила старуха. Был у нее плешивый сын (II, 233); В давние времена был у Алдаркусы винторогий козел (X, 7); В далекие времена в селении Ширин, как клещ, сидел ревнитель благочестия мулла Сеид Рухулла. Была у него преобладающая чалма с дом величиной и густая борода, точно заросли камыша (IV, 250); В давние времена у одного купца был хитрый ишак (XVI, 201);

И было у ... (27): В давние времена жил на свете бедняк. И было у него два сына (IV, 208); Жили-были старик со старухой в доме на опушке дремучего леса. И было у каждого из них по дочери (XII, 3); Жил-был в одном городе купец. Не то чтобы бедный, но и не очень богатый. И было у купца еще одно, самое большое богатство. Три его дочери-красавицы (XIV, 293) и т.д.;

У одного (одной) ... был(а, о) ... (19): У одного царя было сорок сыновей (IX, 339); У одного шаувазца жена была чересчур уж сварливой (VII, 54); У одной бедной женщины был сын (XI, 4); У одного дехканина была красавица-дочь Джамиля (XV, 162); У одного человека было три сына (XVI, 199) и др.

Подобные клише нередко составляют устойчивую схему, которая служит исходной базой для образования гнезда клишированных и прочих фразеологических конструкций. Приведем образец наиболее развитого из таких фразеогнезд:

в → давние (85), давным-давно (80), старые (22), давние-давние (20), стародавние (17), те давние (11), древние (7), далекие (6), давно прошедшие (4), давние-предавние (3), давно минувшие (3), прошлые (3), незапамятные (2), прежние (2), те (2), давние-сказочные (1), минувшие (1), некие (1), старые-престарые (1), страшные (1), те минувшие (1) → времена.

Принципы организации собственно фольклорных УСК сказки отличаются достаточным разнообразием. Обратимся к некоторым из них. Они показательны преимущественно для УСК сказочных зачинов, представляющих собой часто текстовые фрагменты большой степени устойчивости и компонентной сложности:

- 1) УСК, организованные на ритмическом конструировании: модель ... **ли**, ... **ли** — долго ли, коротко ли (24), долго ли, мало ли

(11), много ли, мало ли (11), сытно ли, голодно ли (10), было ли, не было ли, был ли, нет ли, близко ли, далеко ли, долго ли, скоро ли, плохо ли, хорошо ли; модель **не** ..., **не** ... — не богатый, не бедный, не богато, не бедно, не голодны, не сыты и др.

- 2) УСК, построенные на отношении антонимии: *было или не было* (22), *было не было, было то, не было, жил или не жил, давно это было или недавно* и т.п.

Клишированность «общих мест» или так наз. «традиционных формул» в различных фрагментах сказки (зачине, повторяющихся местах, переходах, концовке) обуславливает насыщение контекста разными УСК, образующими тем самым более объемный устойчивый комплекс. Укажем на следующие из них:

в давние времена + жил да был, ср. в контексте: *В давние времена жил да был один царь* (VII, 268); *В давние времена жил да был один падишах* (XV, 14); *жил или не жил + в прошлые времена*, ср.: *Жил или не жил в прошлые времена, но говорят, в одном городе был один плешивый* (I, 271); *было или не было + в старые времена*: *Было или не было, а в старые времена у одного шаха была дочь* (I, 39); *жил или не жил + был ли голоден или сыт*, ср.: *Жил или не жил, был ли голоден или сыт, но жил когда-то бедняк* (II, 224).

Подобные комбинации устойчивых формул (т.е. собственно сказочных УСК) способствуют углубленной передаче определенного образа. Тем самым, напр., достигается высокая степень его семантической конкретизации, полноты выражения и характеристики. Это наглядно видно на раскрытии в сказочных зачинах значения давно прошедшего времени, для чего используются комбинации двух близких по смыслу, образно адекватных УСК с общим глагольным компонентом *жил*:

давным-давно + в прошлые времена + жил, ср.: *Давным-давно в прошлые времена жил в кишлаке Окуджар старик бедняк* (I, 64); *давным-давно + в старые времена + жил*: *Давным-давно в старые времена жил жестокий шах* (I, 5); *давным-давно + в незапамятные времена + жил*: *Давным-давно, в незапамятные времена жил в некоей стране один падишах* (XV, 212).

Вообще глагольная лексема *жил* выделяется активностью в образовании зачинных клишированных УСК: *жил один* ... (58), *жил когда-то (один)* ... (35), *жил на свете (один)* ... (18), *жил да был* (5), *жил или не жил* (4).

Рассматриваемые ряды УСК основываются на общности для каждого из них глагольного сопровоителя. Часто это глагольная аппозитивная конструкция *жил-был* (16), которую вполне можно считать также отдельной устойчивой формулой. Общим сопроводителем объединяемых в один ряд УСК иногда служит и какой-либо другой глагол. Такие ряды комплектуются и посредством УСК, различающихся по значению. Причем нередко комбинируются два, три и более УСК в одном ряду зачинного контекста сказки:

было или не было + в давние времена + жил-был, ср.: *Было или не было, в давние времена жил-был падишах по имени Султан* (V, 21); *был или не был + голодный или сытый + в давние времена*: *Был или не был, голодный или сытый, но в давние времена одним городом правил шах Валихан* (II, 242); *было это или не было + плохо ли, хорошо ли + сытно или голодно + жил(и) когда-то*: *Было это или не было, плохо ли, хорошо ли, сытно или голодно, но говорят, жили когда-то старик со старухой* (VI, 5); *было это или не было + давным-давно + в одном царстве + в одном государстве + жил-был*: *Было это или не было, но говорят, что давным-давно в одном царстве, в одном государстве жил-был старик* (VI, 7).

Выделяются и другие типы клише, напр., УСК парцеллированного типа. Это устойчиво употребляемые придаточные предложения и прежде всего фразеологизированные придаточные предложения условные: *Если меня не казнишь, Если мне жизнь сохраните, Если пощадишь мою ничтожную жизнь, Если кровь мою пощадите, Если откажетесь от ложки моей крови* и т.п.

В основе фольклорных УСК сказки лежит часто принцип тавтологического повтора. На его базе формируются достаточно активные типы УСК, напр., УСК полиптонных моделей: модель «C1 + предлог за + C5» — *день за днем (шел)* (32), *месяц за месяцем (шел, проходил)* (19), *год за годом (шел, проходил)* (13) и т.п.; модель «предлог из (изо) + C2 + предлог в + C6» — *изо дня в день, из года в год, из кишлака в кишлак*; модель «Г + Г» — *шел-шел, летел-летел, думал-думал, ждал-ждал*; модель «Н + Н» — *долго-долго, давно-давно, далеко-далеко* и др.

Большую роль в употреблении УСК с повтором играет глагол, посредством которого такие УСК вводятся в контекст. Нередко при УСК полиптонной модели, реализуемых одновременно в одном ряду, наличествует общий для них глагол: *день за днем идет, месяц за*

месяцем, год за годом (I, 88); *проходил день за днем, месяц за месяцем, год за годом* (IV, 198); *шли дни за днями, недели за неделями* (I, 185). Подобный глагол может включаться и непосредственно в контекст фразеоформы одного из УСК ряда (обычно первого): *дни шли за днями, месяцы за месяцами, годы за годами* (II, 33; III, 27); *дни проходили за днями, месяцы за месяцами* (V, 258). Влияние глагольной семантики может возрастать при передаче содержания вышеуказанных клишированных микротекстов, что приводит к повтору глагола в них, ср.: *день идет за днем, месяц за месяцем, год проходит за годом* (XIII, 24); *проходили дни за днями, месяцы за месяцами, шли годы* (XV, 212); *проходили дни, проходили месяцы* (VI, 41); *шел (он) день, шел (он) ночь* (VI, 34; III, 104). Повтор одних и тех же или тематически близких глаголов позволяет воспроизвести семантику длительности протекаемого процесса или действия: *прошел день, настала ночь, прошла ночь, снова наступил день* (V, 66); *день сменяла ночь, ночь сменял день* (II, 36).

Рассматриваемое устойчивое конструирование сказочного контекста, опирающееся на интенсивном использовании глагола (с различными элементами повтора), закрепляется еще и подключением других лексических средств, передающих также семантику длительности процесса, действия. Обычно в этой функции реализуются наречия: *долго ехал, много проехал, долго шел, много прошел, долго ли шел мало ли, но пришел, мало ли шел, много ли – пришел, ехали долго, проехали много, мало ли, много ли ехали, но доехали* (III, 75; VIII, 340); *долго ли шел, мало ли, одолел горы и равнины и еще шел* (VI, 13). Повтор глагола, в результате чего достигается передача семантики длительности действия, приводит к стабилизации в сказочном тексте также клишированных парных сочетаний: *шел-шел* (14), *ехал-ехал* (12), *ходил-ходил, ездил-ездил*. Подобные конструкции допускают в контексте уточняющее расширение, призванное усилить передаваемый образ длинного пути, долгого путешествия: *шел (он) шел, много прошел, озера прошел и степи прошел, горы прошел, день шел, месяц шел, год шел. Наконец дошел (до большого города)* (I, 272).

Продуктивным является класс аппозитивных УСК, в которых сочетающиеся слова находятся между собой в различной степени тематической близости. Взаимно дополняя друг друга, такие повторяющиеся в УСК слова позволяют выражать разного рода обобщающие понятия и характеристики, напр., сочетание слов родовой и ви-

довой семантики: *дерево + чинара = дерево-чинара; цветники + розарии = цветники-розарии; лекарь + хирург = лекарь-хирург; охотник + птицелов = охотник-птицелов; светильник + фонарь = светильник-фонарь.*

Такие УСК можно отнести к репрезентативным парным сочетаниям, так как повторяющиеся лексемы выражают некоторый отрезок шкалы понятий: *царь-душегуб, юноша-богатырь, мастер-вор, дракон-людоед.* Ряд УСК-аппозитивов представляет собой поэтические формулы типа: *бедняки-голяки, юнец-гонец, малец-удалец, царство-государство, замок-городок, жалости-милости, есть-пить, одеть-обуть.* Некоторые аппозитивно употребляемые слова выступают базовыми в образовании одногнездовых УСК: *змей-дракон/ змей-оборотень/ змей-царевич/ царь-змей, богатырь-удалец/ малец-удалец/ удалец-охотник; великан-чудовище/ чудовище-разбойник; гор-род-крепость/ крепость-замок* и др.

В текстах сказки выделяются своей активностью и УСК-аппозитивы, основанные на синонимическом повторе имен существительных — *путь-дорога* (16), *пир-веселье* (10), *ветер-буря, вихрь-смерч, горе-тоска, добро-богатство*, глаголов — *думать-гадать* (11), *просить-молить, рубить-убивать, бить-колотить, плакать-рыдать, спать-почивать* и др. Из них особую группу составляют УСК, образованные на основе сочетания русских и узбекских эквивалентов: *смельчак-батыр, принцесса-малика, духи-дивы, царство-падишахство.* Такие УСК отличаются многообразием принципов построения. Отметим, в частности, следующие их особенности: 1) первый компонент русский, второй — узбекский (*молодец-джигит, борец-палван, князь-бек, черт-шайтан*) или, наоборот, первый компонент узбекский, второй — русский (*визирь-министр, джарчи-глашатай, пери-чудище, телпек-шапка*); 2) сочетающиеся в аппозитивных УСК компоненты (из русского и узбекского языков) употребляются как в единственном числе (*здоровяк-джигит, кал-плешивый, скатерть-дастархан, медресе-школа*), так и во множественном (*баи-господа, воины-нукеры, мешки-хурджины*). Причем встречаются и оба временных варианта построения, но с некоторыми лексико-грамматическими и словообразовательными изменениями одного из компонентов: *старец-аксакал – аксакалы-седобородые, стражник-миришаб – миришабы-полицейские, певец-хофиз – хофизы-песнопевцы*; 3) образная устойчивость аппозитивных УСК допускает весьма активную

вариантность их фразеоформ, ср.: *тюрьма (темница, яма)-зندان, пруд (водоем, бассейн)-хауз, богатырь (силач)-пахлаван.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цифра в скобках указывает на частотность употребления конструкции.
² Римская цифра обозначает источник цитируемого текста, арабская — соответствующую страницу.

ИСТОЧНИКИ

- I. *Волшебный рубин. Узбекские народные сказки.* Сост. М.И. Шевердин. Ташкент, 1967, 348 с.
II. *Караван чудес. Узбекские народные сказки.* Ташкент, 1981, 256 с.
III. *Узбекские народные сказки.* В 2-х тт. Т. 2. Сост.: М. Афзалов, Х. Расулов, З. Хусаинова. Ред. М.И. Шевердин. Ташкент, 1972, 512 с.
IV. *Узбекские народные сказки.* Сборник. Сост. И. Рогов. Ташкент, 1980, 352 с.
V. *Бирюзовый ларец. Узбекские народные сказки.* Сост. М.И. Шевердин. Ташкент, 1967, 344 с.
VI. *Богатырь Рустам. Узбекские народные сказки.* Перев. Ф. Шайхутдиновой. Ташкент, 1984, 72 с.
VII. *Как дехканин счастье искал. Узбекские народные сказки.* Сост. А. Коновалов. Ташкент, 1985, 368 с.
VIII. *Узбекские народные сказки.* Сборник. Сост. М.И. Шевердин. Ташкент, 1955, 512 с.
IX. *Узбекские народные сказки.* В 2-х тт. Т. I. Сост.: М. Афзалов, Х. Расулов, З. Хусаинова. Ташкент, 1972, 584 с.
X. *Самый лучший подарок. Узбекские народные сказки.* Собрал и подгот. Х. Раззаков. Ташкент, 1973, 40 с.
XI. *Минарет и Аист. Узбекские народные сказки.* Собрал и подгот. Х. Раззаков. Ташкент, 1973, 32 с.
XII. *Зумрад и Киммат. Узбекская народная сказка.* Перев. Л. Самойлова. Ташкент, 1985, 22 с.
XIII. *Как дехканин счастье искал. Узбекские народные сказки.* Собрал и подгот. Х. Раззаков. Ташкент: 1978, 32 с.
XIV. *Волшебный цветок. Узбекские народные сказки.* Сост.: А. Коновалов, В. Степанов. Ташкент, 1986, 352 с.
XV. *Жемчужное ожерелье. Узбекские народные сказки.* Перев. Н. Владимировой, М. Абдурахимова. Ташкент, 1986, 336 с.

XVI. *Узбекские народные сказки. Завещание отца. Язык. Лучший из сыновей. От добра добра не ищут. Рассказ о книге. Легенда. Чужой груз. Мудрость природы. Наказание за хитрость.* Перев. с узбек. А. Фалеева. Спутник. Литературный альманах. Москва, 2010, №6, с. 195–201.

A. Bushuj. Püsiivad sõnakompleksid uzbeki võlumuinasjuttude vene tõlgetes

Artiklis käsitletakse püsiivaid sõnakomplekse uzbeki muinasjuttude venekeelsest tõlgetest, mis sisaldavad klišeeritud vormeleid, mainitud komplekside struktuuri apositsiooni, nimi- ja tegusõnade korduste ja tautoloogiate kujul jne.

Владимир Николаевич Базылев
Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина

СИНЭСТЕМИЧНОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературоведение — русская литература — славянские литературы — синэстемичность — палимпсестность

По мнению Вяч. Вс. Иванова, XXI век по-новому определяет задачи филологии. По его словам, исследование синэстемичности в литературном творчестве — это одно из наиболее перспективных направлений (Иванов 2004, 144). Исследование синэстемичности носит, безусловно, междисциплинарный характер. Это связано не только с тем, что литературоведческая проблематика связана с проблематикой общепилологической и герменевтической, но также с проблематикой синэстезии и палимпсестности, тропности и миметичности литературы. Совсем недавно, в 2010 г., это стало предметом обсуждения на всероссийской конференции, посвященной «запахам литературы» (Запахи литературы 2010).

В статье, посвященной жизненному и творческому пути профессора А. Д. Дуличенко, мы позволим себе обратиться к близким его научному творчеству (Романчик 2006, 231–236) глубинным сторонам некоторых явлений, но — на примере истории русской культуры и литературы.

Тема синэстемии в литературном творчестве в наше время соединяется с широким кругом таких проблем, как духовность и бездуховность, отчужденность и общность, принятие и неприятие мира, утверждение, созидание или отрицание, разрушение. В свое время Л. Аннинский в работе о проблемах межнациональных связей в отечественной литературе XX в. так формулирует эту идею:

«Наш взаимообмен — не выработка ‘универсального человека’ из грузин, литовцев, русских и так далее, но процесс, в ходе которого люди, оставаясь грузинами, литовцами, русскими и так далее, могут выйти на качественно новый уровень духовного творчества, когда национальное не ‘сочетается’ с общечеловеческим, а сознает себя его свободным

выявлением <...> Чем более мы непохожи друг на друга, тем лучше друг друга понимаем и тем больше друг другу нужны» (Аннинский 1982, 10).

На сегодняшнем этапе наибольшую значимость получают для нас такие вопросы, как связанность искусства и жизни, сопряженность этического и эстетического, гармония общественного и личного, соединение в области стиля — масштабно-монументального и камерно-личного и, наконец, звучащая наиболее остро проблема внутренней культуры человека, подразумевающая не только внутреннюю содержательность личности, но и полноту души, культуру глубокого и масштабного видения и восприятия Мира, а с этой проблемой связанная тема культуры зрительского восприятия, тема сотворчества художника и зрителя.

Эта устремленность к внутренней культуре, соединившаяся с тоской о людях уходящей, еще близкой, но уже прошлой культуры, находит, напр., типичное отражение в статье В. Солоухина, посвященной блоковскому Шахматову:

«Невозможно, чтобы со станции Подсолнечной подкатила бричка с гостями... И, чтобы, выйдя на террасу, они увидели возвращающихся с прогулки Александра Александровича и Любовь Дмитриевну... А земные звуки затихали, наверно, в этот предвечерний час и уже начинала холодеть и влажнеть трава под ногами и освещенная закатным небом, вокруг этих молодых, красивых, гордых, исполненных чувства собственного достоинства тонких и умных людей такую нежной 'красотою сияла русская земля'» (Солоухин 1980, 67).

В плане указанной выше проблемы синэстемичности прошлого и настоящего внутри национальной культурной традиции особое значение получает новое понимание тенденций к синтезу искусств в русской культуре конца XIX – начала XX вв., периода еще близкого, но уже уходящего и поэтому особенно важного для осуществления идеи живой, непрерывающейся культурной традиции.

Чрезвычайно типичную для русской художественной традиции сторону проблемы синэстемии затрагивал Андрей Белый:

«Мне всю жизнь грезились какие-то новые формы искусства, в которых художник мог бы пережить себя слившимся со всеми видами творчества; в этом слиянии — путь к творчеству жизни: в себе и в других». В другом месте, говоря о В. Серове, А. Белый замечает: «...высшее устремление, присущее гениям лишь: сочетать искусство и жизнь, красоту и доброту высоту эстетики с этикой...» (Белый 1977, 271, 280).

Будучи палимпсестным в основе своего творчества, А. М. Ремизов в то же время выступает против внешнего, механического, «насильственного» соединения различных видов искусства:

«Слово — музыка — живопись — танец, это ‘единое и многое’, и у всякого свой ритм, своя мера. Слово вдохновит музыканта, но читать под музыку не выйдет. То же в живописи: картина вызовет слово, но живописать слово — пустое дело. <...> Никакого слияния искусств. Разве ритмическое соприкосновение. Потому что материал и средства выражения у каждого свое и разное. Как редко ладится слово — музыка — живопись — танец, а чаще кто в лес, кто по дрова.<...> ‘Единое’ осуществлено в многообразии, ‘природы’ и что гаснет с последним взглядом на земной мир. Но искусственно объединить ‘многое’ возможно ли человеку и как?» (Ремизов 1959, 139, 140, 225, 241) .

Своеобразное и яркое развитие находит тема синэстемии в творчестве художников и поэтов, объединяемых идеями футуризма и личностью В. Хлебникова, — О. В. Розановой, Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионова, А. Е. Крученых, С. Боброва, М. Н. Филонова, П. В. Митурича.

Синтез искусств на русской почве представлялся им прежде всего слиянием этического и эстетического, жизни и искусства, темой, касающейся в первую очередь личности художника, проблемой глубокого культурологического плана.

«Россия — страна молодая,— писал А. Блок,— и культура ее — синтетическая. Русскому художнику нельзя и не надо быть ‘специалистом’. Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте, тем более прозаик о поэте и поэт — о прозаике. Бесчисленные примеры благодетельного для — культуры общения (вовсе не непременно личного) у нас налицо... Это признаки силы и юности: обратно признаки усталости и одряхления» (Блок 1962, 175).

А далее А. Блок подчеркивал:

«Настоящее произведение искусства в наше время (и во всякое, вероятно) может возникнуть только тогда, когда 1) поддерживаешь непосредственное (не книжное) отношение с миром и 2) когда мое собственное искусство роднится с чужим (для меня лучше — с музыкой, живописью, архитектурой и гимнастикой)» (Блок 1955, 650).

Характерную тенденцию к органичной соединенности этического и эстетического, слиянности искусства и жизни как выражению одно-

го из важнейших признаков подлинной синтетической, всеохватной культуры отмечает В. И. Немирович-Данченко в своей характеристике К. С. Станиславского:

«В соприкосновении с ним работа творческая с жизнью так сплеталась, все интересы, все стремления так сливались в нечто целое и гармоничное, что нельзя было разобрать, где кончаются личные переживания, где начинаются переживания художников» (Станиславский 1963, 48).

Очень точное и тонкое выражение эта нота синэстемии нашла в афористических заметках В. В. Розанова, который писал:

«Литературное и личное до такой степени слилось, что для меня не было литературы... Поистине, тот только 'писатель', кто чист душою и прожил чистую жизнь. Сделаться писателем — совершенно невозможно... Чистый — вот Пушкин... В чем же тут тайна? В необыкновенной полноте пушкинского духа» (Розанов 1913, 45).

Искусство отражает полноту человеческого духа, оно живет решением кардинальных философских и социологических проблем, оно помогает художнику почувствовать, увидеть этот мир своим домом, открыть себя людям и соединиться с ними. Думается, именно так можно сформулировать ведущую линию в области поисков синэстемичности искусства в русской художественной культуре начала XX в. Несомненно, связанные с соответствующими тенденциями не только своей, но и исторически близких течений мировой культуры (немецкими и английскими романтиками, эстетикой Шиллера, Гете, Шеллинга, Раскина, Морриса, Ванде Вельде, искусством Гофмана, Вагнера) именно этой стороной своей, они оказываются наиболее созвучными нашему времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннинский 1982 — Л. Аннинский. *Контакты*. Москва, 1982.
Белый 1977 — А. Белый. *О себе как писателе*. Москва, 1977.
Блок 1955 — А. Блок. *Собрание сочинений*. В 8 тт. Т. 2. Москва, 1955.
Блок 1962 — А. Блок. *Собрание сочинений*: В 8 тт. Т. 6. Москва, 1962.
Запахи литературы 2010 — *Запахи литературы. Материалы всероссийской научной конференции*. Сост. и ред. В. Н. Базылев. Москва, 2010.
Иванов 2004 — Вяч. Вс. Иванов. *Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему*. Москва, 2004.
Ремизов 1959 — А. Ремизов. *Подстриженными глазами*. Париж, 1959.

- Розанов 1913 — В. Розанов. *Опавшие листья. Короб первый*. Санкт-Петербург, 1913.
- Романчик 2006 — Р. Э. Романчик. *Ординарный профессор А. Д. Дуличенко. Биобиблиография*. Тарту, 2006.
- Солоухин 1980 — В. Солоухин. «Я верен голосу природы». *Пейзажи блоковского Подмосковья*. Москва, 1980.
- Станиславский 1963 — К. С. Станиславский. *Писатели, артисты, режиссеры о великом деятеле русского театра*. Москва, 1963.

V. Bazylev. Vene kirjanduse süneesteetilisus

Artiklis käsitletakse XIX sajandi lõpu – XX sajandi alguse vene kirjanduse ja kultuuri näitel süneesteetilisuse küsimusi, st elu ja kultuuri, kunstniku ja inimese kooskõla jne.

Инна Александровна Королева
Смоленский государственный университет

ПОЛЬСКОЕ ШЛЯХЕТСТВО В ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОГО КРАЯ

Историко-культурологическое описание – социальная группа – Смоленский край – польское шляхетство – фамильная система – шляхетские дворянские роды сегодня – роль дворянства в истории края и России

В истории Смоленского края, начиная с XVII в., весьма заметную роль играет особое привилегированное сословие — «смоленская шляхта, смоленское шляхетство». Однако полная картина и прошлого, и настоящего, связанная с деятельностью смоленских шляхтичей, историей знаменитых смоленских шляхетских родов, пока еще не представлена. Именно поэтому, как мы считаем, сегодня необходимо обращаться к означенному вопросу, поскольку роль Смоленска в истории государства Российского во многом определяется ролью смоленской шляхты.

Немногочисленные работы, посвященные этой особой корпорации внутри российского дворянского сословия, собраны Б.Г. Федоровым в его «Исторической библиотеке» и изданы, правда, небольшим тиражом — всего 300 экземпляров (Федоров, ред., 2006, т. 1–2). В первый том включены как общие, так и узкоспециальные работы по истории и культуре шляхты, а также различные документы: царские указы, распоряжения Сената и Синода, дела о незаконных браках и др. Интересен второй том, в котором представлены списки смоленской шляхты середины XVII – первой половины XVIII вв., оригиналы которых хранятся в «Российском государственном архиве древних актов» и в настоящее время практически не доступны для посещающих архив.

Самих исследований немного. Это первая специальная работа М. Богословского (Богословский 1899), диссертационное сочинение С.В. Думина (Думин 1980), небольшая работа смоленского краеведа И.И. Орловского (Орловский 1906), отдельные замечания в работах российских историков. Автор настоящей статьи первым начал заниматься фамилиями смоленской шляхты (Королева 2003), анализ которых проливает свет на многие вопросы, связанные с историей смоленских дворянских родов, генеалогией смоленских шляхтичей.

История Смоленщины, по мнению ученых, включает несколько периодов: 1) с древнейших времен до 1404 г., т.е. того времени, когда литовский князь Витовт покорил Смоленск; 2) литовский — с 1404 до 1514 г., времени освобождения смоленских земель и вхождения их в состав Московского государства; 3) московский — с 1514 по 1611 г., год прихода в край поляков; 4) польский — с 1611 по 1654 г. (а отдельные территории — по 1686 г.); 5) великорусский — до 1812 г., когда весь Смоленский край был охвачен Отечественной войной, разорен и опустошен (Бугославский 1914, 1). Периодизацию можно продолжить: 6) период с 1812 по 1861 год, год отмены крепостного права, 7) предреволюционный (с 1861 по 1917 гг.), 8) послереволюционный (с 1917 г. по настоящее время).

Еще в эпоху существования Смоленского княжества развивались торговые отношения с Прибалтикой, немецкими землями (укажем на хорошо знакомые историкам и лингвистам грамоты XII–XIV вв.). Смоленские князья постоянно и тесно контактировали с немецкими и литовскими феодалами. Литовский период в истории Смоленщины оценивается исследователями неоднозначно. Хотя нельзя не сказать, что столь длительное вхождение Смоленского края вместе с другими западнорусскими, украинскими и белорусскими землями в состав одного государства, естественно, должно было оказать влияние на состав жителей. На наш взгляд, в первую очередь это связано с миграцией населения литовско-русских территорий. Кроме того, по словам А.И. Соболевского, «Смоленск был посредником между Русью и остальной Европой, в Смоленск и далее на Русь вливалась широкой струей европейская образованность и культура» (Соболевский 1909, 109). Огромную роль и в этом процессе, и в целом в жизни края, а особенно в его военной истории XV–XVI вв. сыграло смоленское дворянство. В отличие от старомосковских дворянских семей, смоленские дворянские роды, за редкими исключениями, не оставили ни родовых преданий, ни легендарных родословных, что затрудняет восстановление родовых истоков. Такой «прерывистости» смоленских родословий мы обязаны сложной политической историей этих земель, расположенных на границе между Московской и Литовской Русью и являвшихся постоянным «яблоком раздора» между ними. Военные служилые люди, местные вотчинники и помещики участвовали и гибли во всех войнах, которые вели между собою эти две великие державы. Переход смоленских земель от одного государства к другому привел к огромным изменениям в составе местных землевладельцев. Позднее нестабильность продолжилась в польский период. Фактически состав смоленского дворянства устанавливается лишь к концу XVII ст.

Обратимся к истории смоленского шляхетства, зародившегося в это время и оказавшего серьезное влияние на «смоленский менталитет» не только в XVII в., но и в XVIII в. и далее — вплоть до революции 1917 г.

Социальный состав населения Смоленского края сильно изменился в начале XVII в. после вхождения региона в состав Речи Посполитой. Краеведы XIX в. много и подробно описывают образование особого социального слоя населения Смоленщины XVII–XVIII вв. — смоленского шляхетства, оставившего заметный след в истории и культуре Смоленщины. *Шляхта* (польск. *szlachta*) — «в ряде стран Центральной Европы (Польше, Литве и др.) название основной части господствующего дворянского класса, соответствовавшего дворянству» (понятие историческое). *Шляхетство* — польск. *szlachectwo* — «то же, что шляхта». *Шляхтич* — польск. *szlachcic* — «польский мелкопоместный дворянин» (также понятие историческое) (СРЯ IV, 724). Как видим из толкования приведенных слов, *шляхтой* называлось мелкопоместное польско-литовское дворянство. Представители именно этого сословия широким потоком пришли на Смоленщину после 1611 г., и, как пишет С.П. Писарев, «вся жизнь в Смоленске пошла иначе». Приезжие получили земли, льготы — освобождались от податей, им раздавались деревни с крестьянами. Образовалось особое сословие — мещане-помещики (Писарев 1898, 46–47), многие из которых по происхождению поляки. Но основная деятельность шляхты — военная служба; в истории известен специальный полк смоленской шляхты, сыгравший значительную роль в жизни Смоленского края.

После 1654 г., воссоединения Смоленска с Москвой, не все шляхтичи покинули Смоленщину и ушли в Польшу: многие остались в Смоленске, особенно те, которые владели домами и большими участками земли. 8 сентября 1654 г. царь Алексей Михайлович пожаловал смоленской шляхте грамоту, подтвердив ее право «по-прежнему» владеть своими «маетностями» (имениями), «по их привилегиям, кто чем владел». Об этом свидетельствуют «Переписные книги г. Смоленска за 1659 год». Помимо шляхтичей, значительной недвижимостью в городе владели боярские дети, мещане, стрельцы московские, донские казаки. Среди служилых людей, особенно для ведения канцелярского дела, нужны были грамотные, хорошо владеющие русским языком люди, ибо за время вхождения края в

состав Речи Посполитой все делопроизводство перешло на польский язык или латынь. Но московские подьячие и дворяне не хотели ехать в город, «говорящий на польском наречии». Так, напр., в 1667 г. приказано было царем прежние рейтарские владения разверстать между всеми наличными в то время рейтарами поровну (и старыми, и новыми), а в отведенные поместья каждому записать по 5 дворов крестьян, не более. На это воевода Иван Репнин отвечает царю:

«... въ Смоленску въ съѣзжей избѣ противъ челобитья реитаровъ выписывать въ отказныя (или дачныя) книги некому: всего подьячих 4 человѣка и тѣ нынѣ безпрестанно сидятъ за росписными списками и за всякими городовыми дѣлами...» (Писарев 1898, 230).

Царь, получив это донесение, приказал силой сыскивать и водворять в Смоленск русских служилых людей. Также для укрепления края присылались в регион стрелецкие полки. Тем не менее смоленские шляхтичи по-прежнему составляли значимый социальный слой среди населения и во второй половине XVII в., и в XVIII в. В целом смоленская шляхта сохранилась не только как основная группа феодалов этого региона, но и как особая служилая корпорация. Так, образовался «полк смоленской шляхты» — конное ополчение, объединившее практически всю шляхту, оставшуюся на территории бывшего Смоленского повета. Рядовая шляхта полка делилась на 3, позже на 4 разряда, различавшиеся земельным и денежным окладом.

Ядро смоленской шляхты составляли шляхтичи Смоленского повета, присягнувшие царю в 1654 г. Их национальный состав был довольно пестрым. Сохранялись семьи русского происхождения (Азанчевы-Азанчевские, Бердяевы, Ефимьевы, князья Лопатины, Лыкошины, Микулины, Озеровы, Потемкины, Рыковы, Тютчевы, Халютины-Колечицкие и др.), часть которых известна на этой территории уже в XVI в. Остальные представители коренной смоленской шляхты получили свои земли от Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира. В их числе были польские семьи, часть которых издавна обитала в Великом княжестве Литовском (Баратынские, Боневские, Буквецкие — первоначально Бугвецкие, Воеводские, Глинки, Дулины, Ковховские (позже Каховские), Краевские, Мастыки, Пассеки, Пенские, Рачинские, Швейковские и др.). Но, как и прежде, было заметно преобладание родов, происходивших из литовско-русских земель. Больше всего среди них было выходцев из Белоруссии

(Воронцы, Гурко, Ловейко, Путята, Станкевичи, Толпыго, Храповицкие и т.п., в том числе потомки полоцких князей — Друцкие-Соколинские), но встречались и семьи литовского (Голимонты, Дукшты, Нарбуты, Эсмонты и др.) и немецкого происхождения (Вонляры-Лярские, выходцы из Ливонии Энгельгардты и др.) (Думин 1997, 5–27).

О смоленском шляхетстве в XVIII в. сохранились интересные наблюдения М. Богословского, основанные на материалах архива Министерства юстиции и опубликованные в 1899 г. в Санкт-Петербурге. Он, напр., пишет, что еще во 2-й половине XVIII в. смоленские шляхтичи говорят с сильным польским акцентом, пишут по большей части латинским шрифтом, носят национальный польский костюм. Детей своих они не учат в России, а отправляют в Польшу, несмотря на запрещение делать это (указ 1727 г.). Между смоленским шляхетством и шляхтичами соседних польских областей поддерживаются знакомства и родственные связи. Но постепенно, особенно после раздела в 1728 г., в Сенате дела о переходе в католическую веру 30 смоленских шляхтичей (которые тайно еще в детстве были обращены в католичество, как свидетельствовало из показаний обвиняемых), начались сильные притеснения смоленских шляхтичей с целью ассимилировать шляхту с русским дворянством. Продолжилось переселение шляхтичей в глубь России, пресекались связи с родственниками в Польше, строго запрещалось отдавать детей учиться за границу, ограничено было право смоленских шляхтичей вступать в брак: нельзя было брать в жены католичек и отдавать дочерей замуж за католиков или униатов. Вольностям настал конец. Судьба смоленского шляхетства была предreshена: в конце XVIII в. оно перестало существовать как особый привилегированный социальный слой населения края и растворилось в общей массе смоленского дворянства, потеряв в основном при этом свои польские черты (Богословский 1899, 53).

Смоленский этнограф и фольклорист В.Н. Добровольский, автор «Смоленского областного словаря», писал, напр., еще о начальном этапе ассимиляции:

«В 150-летней период двукратного пребывания Смоленской области под властью Польши население ее смешалось с польскими и литовскими выходцами, что послужило началом к образованию особого сословия, получившего название Смоленской шляхты. Алексей Михайлович

предоставил этому сословию древние права и многих удостоил царских наград. Обращая внимание на положение Смоленской шляхты, и, вместе с тем, заботясь о слиянии ее с русскими, царь Алексей Михайлович в 1658 году дал повеление, чтобы женам убитых в сражении Смоленских шляхтичей, оставшихся бездетными, если они выйдут за русских служивых людей, если первые их мужья имели за собой жалованные государем поместья по 50 и 40 дворов, оставить им имения эти в полном их составе... » (Добровольский 1914, 1005).

Изначально льготы предоставлялись также тем шляхтичам, которые перешли в православие, не поддерживали с польско-литовскими родственниками никаких отношений и служили московским государям: им, в частности, раздавались земли в Смоленском, Рославльском, Бельском и Дорогобужском уездах, в районах, где наиболее компактно расселялась шляхта. Ассимиляция шляхты активизировалась вместе с упразднением Смоленского шляхетского полка.

После 1762 г. правительство, учитывая невысокий боевой потенциал шляхетского ополчения, решилось наконец-то «нанести удар» — упразднить эту архаичную форму дворянской военной службы. Решение о роспуске полка смоленской шляхты было утверждено Императрицей Екатериной II в 1765 г. После этого (несмотря на стремление части смоленской шляхты закрепить свои особые привилегии по примеру эстляндского, лифляндского и украинского дворянства, сделанные в 1767 г. во время работы комиссии по составлению нового Уложения) особый статус этой группы фактически был ликвидирован, и возникли условия для ее окончательного слияния с остальным дворянством созданной вскоре Смоленской губернии (наместничества). Тем не менее семьи, происходившие из смоленской шляхты, в местной губернской родословной книге составляли большинство. При этом родословные многих из них восходят к старинным шляхетским родам, существовавшим в Речи Посполитой, хотя официально начинаются, как правило, лишь с момента поступления предков на русскую службу. На основе других источников («Литовской метрики», книг земских и городских судов и иных документальных материалов более раннего периода) можно углубить их родословные, проследить связи с семьями, известными в Польше и Великом княжестве Литовском. В свою очередь, для изучения семей русского происхождения, также принадлежавших к смоленской шляхте, ценным источником являются смоленские де-

сятни XVI – начала XVII вв., документы, относящиеся к осаде Смоленска, поместным раздачам королевича Владислава и др.

Издание Императрицей Екатериной II в 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству», образование дворянских собраний, составление губернских (наместнических) родословных книг, в которые записывалось все дворянство губернии, независимо от происхождения, способствовало дальнейшей интеграции дворянского сословия. И на Смоленщине с этого времени можно говорить о единой дворянской губернской корпорации, объединившей и смоленскую шляхту, и дворянство служилое (обязанное своим положением петровской табели о рангах), и русские дворянские семьи, приобретавшие здесь имения, и иностранных выходцев, поступивших на русскую службу.

Как и другие русские дворяне, смоляне служат в гвардейских полках (часто записанные в них с рождения). Карьере многих из них способствует выдающаяся роль, которую играл в царствование Екатерины II их великий земляк — «светлейший» князь Григорий Александрович Потемкин. Видную роль при дворе, в высшей государственной администрации играют в это время Энгельгардты (племянницы Потемкина, породнившиеся с высшей русской и польской аристократией), некоторые Потемкины, Храповицкие, Пассеки, Каховские, Верховские и другие представители видных шляхетских родов.

Итак, смоленское шляхетство как сословие перестало существовать, но, несомненно, абсолютно полной, стопроцентной ассимиляции так и не произошло: потомки смоленских шляхтичей указывали на свое шляхетское происхождение, описывая это в своих родословных и — при возможности — везде «в бумагах», вплоть до 1917 г. В настоящее время возобновляется поиск «родовых истоков» в отдельных смоленских семьях.

Таким образом, пребывание Смоленского края в составе Речи Посполитой, как пишет М. Богословский,

«не осталось без влияния на высшем, по крайней мере, слое населения этой области. Присматриваясь к фамильным прозвищам смоленского шляхетства, мы видим очень немного великорусских имен; большая же часть этих прозвищ — со свойственными юго-западной Руси окончаниями на ЧЪ, как Адамовичи, Засуличи, Богдановичи, Прокоповичи, Отрошковици, Карновичи, Станкевичи и др., или, что еще чаще, на -ский, -цкий: Азанчевские, Высоцкие ... и др.» (Богословский 1899, 99).

Смоленские шляхетские фамилии практически в полном объеме для XVII в. засвидетельствованы в двух хорошо сохранившихся источ-

никах — списках шляхты, хранящихся в «Российском государственном архиве древних актов» (РГАДА) в Москве в 145-м фонде (Смоленский приказ): «Роспись смоленской шляхте, которым велено быть на службе в разных городах» (1659 г.) и «Разборный именной список смоленской трех статей шляхты» (1668 г.); кроме того, шляхтичи переписаны и в «Росписных списках г. Смоленска» (1659, 1665, 1681, 1694 гг.); есть и другие источники. Этот уникальный исторический материал с повторяющимися фамилиями дает возможность представить себе фамильную систему смоленского шляхетства, а значит, в какой-то мере также помогает воссоздать историю того или иного дворянского (шляхетского рода).

Отметим наиболее видные смоленские шляхетские фамилии в работе М. Богословского, которые имеют место и сегодня на Смоленщине: *Адамовичи, Азанчевские, Богдановичи, Болкошины, Борейши, Борщевские, Броневские, Верховские, Воеводские, Волженские, Вонлярлярские, Воронцы, Высоцкие, Глинские, Грабовские, Грибовские, Гурко, Догоновские*, кн. *Друцкие-Соколинские, Дубровские, Ефимовичи, Заблоцкие, Загряжские, Залеские, Засуличы, Карновичи, Кеплинские, Киркоры, Ковалевские, Корсаки, Косовские, Ко(а)ховские, Краевские, Красовские, Ловенецкие, Маневские, Миклашевские, Мрачковские, Новицкие, Островские, Пассеки, Пенские, Пожошны-Отрошковицы, Поплонские, Потемкины, Прокоповичи, Пузыревские, Рачинские, Реутовы, Ровинские, Рыдванские, Савицкие, Станкевичи, Сурожевские, Храповицкие, Швы(й)ковские, Щелканы, Энгель-Гарты (Энгельгардты)* (Богославский 1899, 16).

В последнее время интерес к смоленскому дворянству (в частности, к смоленскому шляхетству) возрастает. Автор настоящей статьи — один из первых смоленских краеведов, освещающих это процесс (Королева 2006; 2007 и др.). Интересным является материал о «Смоленском Дворянском Землячестве» (СДЗ), общественной организации, входящей в состав «Российского Дворянского Собрания» (РДС). Это сословное объединение проживающих как в России, так и за рубежом членов РДС и их семей, а также потомков смоленского дворянства, по каким-либо причинам не вступивших в РДС, если их происхождение документально доказано. Кроме того, в СДЗ принимаются в качестве гостей и почетных членов другие лица (ученые, краеведы, предприниматели), деятельность которых отвечает «Положению» и «Уставу» организации, утвержденным на общем собрании «Землячества» 13 мая 1998 г. Основной целью СДЗ провозглашено объединение усилий потомков бывших земляков

для возрождения исторических традиций Смоленщины и оказание правовой, консультативной, интеллектуальной и посильной материальной помощи своей «Малой Родине».

«Смоленское дворянское землячество» (СДЗ) образовано 13 февраля 1994 г. в Москве восемью членами «Российского Дворянского Собрания» (РДС), в чьих родословных документах значилось «из дворян Смоленской губернии». С того первого дня активнейшими его членами являются Людмила Александровна Верховская, Сергей Юрьевич Бердяев, Вадим Васильевич Пассек и другие представители старинных смоленских дворянских фамилий. Вообще же СДЗ в настоящее время включает представителей и потомков 85 дворянских родов, проживавших когда-либо или ныне проживающих на Смоленщине. Члены СДЗ (а среди них есть Глинки, Нахимовы, Пржевальские, Рыковы, Станюковичи, Энгельгардты, Потемкины, Грибоедовы и др.) стараются не только сохранить память о своих предках, но и приумножить делами и углубить тот славный след в истории Отечества, который они оставили. Члены СДЗ стараются вносить посильный вклад в возрождение и развитие Смоленского края. Начиная с декабря 1996 г., СДЗ поддерживает связь с заповедником Хмелита близ Вязьмы, который воссоздает не только знаменитую усадьбу Грибоедовых, но ответственен и за родные пенаты Павла Степановича Нахимова, а также и за многие заповедные рощи, имения, храмы соседних мест, входящие в территорию заповедника.

Трехсотлетие Российского флота было отмечено огромным плакатом с фотографиями и краткими очерками о морях-смолянах: о Светлейшем князе Г.А. Потемкине, создавшем по сути дела Черноморский флот, и о морских династиях Нахимовых, Воеводских, Станюковичей, Рыковых, Кардо-Сысоевых, Белавенцев, Верховских, представители семей которых входят в настоящее время в «Смоленское землячество». Этот плакат был выставлен в зале РДС, а затем увезен в музей-заповедник Хмелиту, где один из залов музея был посвящен адмиралу Нахимову. Летом 1997 г. члены «Землячества» А.П. Нахимов и Беклемишевы присутствовали на торжествах, посвященных 195-летию со дня рождения знаменитого флотоводца и проводившихся на его родине на Смоленской земле. Не осталось без внимания и 200-летие знаменитого адмирала (Королева 2007, 124–126).

В настоящее время активизируются связи СДЗ с исторической «Малой Родиной», регулярно посещают Смоленск. В первый приезд «Государственному архиву Смоленской области» были подарены ценные документы и архивные материалы, проливающие свет на некоторые «белые пятна» в истории Отечества и Смоленщины в частности. Архивные данные, фотографии и воспоминания, в том числе опубликованные в сборниках «Смоленское дворянство», передают неповторимый колорит

и атмосферу ушедших веков лучше, чем сухой язык официальных документов. Были установлены контакты с дирекцией «Смоленского областного музея-заповедника», Смоленским государственным университетом и Областной филармонией. По-прежнему особо выделяются в составе смоленского дворянства шляхетские роды. Сегодня на Смоленщине существует достаточно мощное и влиятельное объединение — «Дом Польский-Смоленск». Это общественная организация, которая существует уже около 20 лет. Необходимость объединения поляков Смоленска и Смоленской области мотивирована именно многолетним и прочным влиянием местного польского населения на культуру Смоленщины. Главный акцент в создании «Дома Польского» был сделан на возрождение национальной польской культуры, самобытности, на создание условий для общения на родном языке своих предков, обучение молодежи польскому языку, обычаям, устоям. Традиционно в Смоленске проводятся «Дни польской культуры». В мае 2007 г. в рамках «Дней» была проведена международная научно-практическая конференция «Поляки и Польша в истории Смоленска». «Дом Польский-Смоленск» в настоящее время насчитывает более 300 членов. В основном это смоляне, своими корнями и родословной связанные с Польшей, с которой руководство «Дома» поддерживает самые тесные связи. Так, на конференцию в 2007 г. приезжал сенатор Сейма Польши Чеслав Рыбка, министр, советник польского посольства в России Марек Голковский и др. Самое непосредственное участие и в работе конференции, и в деятельности «Дома Польского» принимал С.В. Думин, член «Российского Дворянского Собрания», президент «Российской генеалогической федерации», член «Геральдического совета» при президенте РФ, герольдмейстер «Российского императорского дома» (Москва) (Илькевич 2007, 17–19).

Мы не собираемся превозносить заслуги дворянства. Это всего лишь одно из российских сословий, которое, наряду с крестьянством, купечеством, духовенством и др., служило Великой Отчизне. Но отдать должное именно дворянству — в частности, смоленскому шляхетству — необходимо, ибо этого требует историческая справедливость. Ведь любая нация живет памятью, памятью о великом прошлом, о достоинствах «ее сынов блистательных». Для нас, смолян — это смоленское шляхетство, которое было первым среди равных сословий в крае. Сегодня, когда в нашей стране разорвана преемственность поколений, зачастую разрушены семейные и родовые связи, появились люди, не знающие своей отечественной истории, истории своего родного края, «не помнящие родства Иваны», самое значимое и актуальное — воссоздание духовно-нравственного начала россий-

ского менталитета, возрождение системы духовно-нравственных и эстетических ценностей и идеалов, патриотизма в самом высоком, лучшем его понимании. Обращение к истокам и судьбам дворянских шляхетских родов, внесших огромный вклад в развитие культуры и просвещения на Смоленщине, деятельно служивших на своей малой родине и постоянно защищавших ее от врагов Отечества, позволяет в какой-то мере восстановить атмосферу неисчезающей исторической памяти, воссоздать разрушенное единство поколений. Как писал великий А.С. Пушкин, «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное мало-душие».

ЛИТЕРАТУРА

- Богословский 1899 — М. Богословский *Смоленское шляхетство в XVIII в.* С.-Петербург, 1899.
- Бугославский 1914 — Г. Бугославский. *Смоленские земли в литовский период (территория, общественный и политический строй). 1404–1514 гг.* Смоленская старина. Ч.1. Вып. 3. Смоленск, 1914, с. 1–104.
- Добровольский 1914 — В.Н. Добровольский *Смоленский областной словарь.* Смоленск, 1914.
- Думин 1980 — С.В. Думин *Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг. (по материалам Литовской метрики).* Москва, 1980.
- Думин 1997 — С.В. Думин *Смоленское дворянство.* Смоленское дворянство. Вып.1. Москва: РДС, 1997, с. 5–27.
- Илькевич 2007 — Н.Н. Илькевич. *Поляки и полонистика на Смоленщине.* Годы, Смоленск, 2007, №1–2, с. 17–19.
- Королева 2003 — И.А. Королева *Фамилии Смоленского дворянства.* Смоленск, 2003.
- Королева 2006 — И.А. Королева *Словарь фамилий Смоленского края.* Смоленск, 2006.
- Королева 2007 — И.А. Королева *Смоленское дворянство в фамилиях и родословных.* Смоленск 2007.
- Орловский 1906 — И.И. Орловский. *Смоленский поход Алексея Михайловича.* Смоленская шляхта. Т. 1. Москва, 2006, с. 99–168 (перепечатка работы 1906 г.).
- Писарев 1898 — С.П. Писарев. *Смоленск и его история.* Смоленск, 1898.
- Соболевский 1909 — А. И. Соболевский. *Образованность Московской Руси XV–XVII вв.* Смоленск, 1909.

СРЯ — *Словарь русского языка в 4-х тт.* Гл. ред. А.П. Евгеньева. Москва, 1981–1984.

Федоров 2006 — *Смоленская шляхта.* Научн. ред. Б. Г. Федоров. Т.1–2. Москва, 2006.

Inna Koroleva. Poola aadelkond Smolenski krai ajaloos

Käsitletakse smoljaanide ühe erilise, ajalooliselt tähendusliku ühiskonnakihi — smolenski aadelkonna, poola-leedu päritolu smolenski aadlisuguvõsade, mille esindajatel oli oluline mõju piirkonna ning kogu Venemaa arengule — taassünni ning uurimise probleemi. Käsitletakse Smolenski poola kogukonna tööd käesoleval ajal, pööratakse tähelepanu Smolenski aadlisuguvõsade ja poole aadlipere ajaloole uurimisele.

